

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ПИЧЕТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2024.
ИСТОРИЯ: НАУКА,
ОБРАЗОВАНИЕ, ПАМЯТЬ**

**Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию исторического факультета
Белорусского государственного университета**

Минск, 25 октября 2024 г.

Минск
БГУ
2024

УДК 93/94(06)
ББК 63я431
ПЗ6

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор *А. Г. Кохановский* (гл. ред.);
доктор исторических наук, профессор *Л. С. Белоусов*;
доктор исторических наук, профессор *В. С. Кошелев*;
доктор исторических наук, профессор *М. В. Ларин*;
доктор исторических наук, профессор *С. Н. Темушев*;
доктор исторических наук, профессор *С. Н. Ходин*;
кандидат исторических наук, доцент *Т. Д. Гернович*;
кандидат исторических наук, доцент *Н. В. Кошелева*;
кандидат исторических наук, доцент *В. Л. Лакиза*;
кандидат исторических наук, доцент *А. И. Маскевич*;
кандидат исторических наук, доцент *В. В. Репин*;
кандидат исторических наук, доцент *О. В. Солопова*;
кандидат исторических наук, доцент *М. Ф. Шумейко*;
кандидат исторических наук, профессор *О. А. Яновский*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Д. С. Лавринович*;
доктор исторических наук, профессор *С. П. Стренковский*

Пичетовские чтения – 2024. История: наука, образование, память :
ПЗ6 материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию ист. фак.
Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2024 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.:
А. Г. Кохановский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – 599 с.
ISBN 978-985-881-715-2.

Рассматриваются актуальные проблемы истории развития Белорусского государственного университета в контексте мировых университетских традиций, белорусская и мировая история в свете источников и исследовательских новаций, историография документального, этнокультурного и археологического наследия, историческая память о Великой Отечественной войне.

УДК 93/94(06)
ББК 63я431

ISBN 978-985-881-715-2

© БГУ, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научный форум — международная научно-практическая конференция «Пичетовские чтения — 2024» — традиционно проводится в осенние дни в честь знаковых для БГУ годовщин: рождения самого университета и рождения его первого ректора — В. И. Пичеты. В этом году, как всегда, на нем обсуждались самые разные вопросы, но в большей степени объединенные общей комплексной проблемой — «История: наука, образование, память (к 90-летию исторического факультета БГУ)». Она подчеркнула важнейшие сущностные характеристики и предназначение исторического факультета БГУ — организатора конференции — и была приурочена к его 90-летию юбилею, став одним из ключевых научных событий цикла юбилейных мероприятий.

Более 140 ученых, исследователей, преподавателей и студентов из Беларуси и России приняли участие в работе конференции. Это представители БГУ, Института истории НАН Беларуси, Национального архива Республики Беларусь, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, Белорусского национального технического университета, Белорусского государственного университета культуры и искусств, Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Московского государственного института международных отношений и др.

Стартовала работа конференции с пленарного заседания, которое открыли проректор Белорусского государственного университета по научной работе профессор Андрей Викторович Блохин и декан исторического факультета профессор Александр Геннадьевич Кохановский. С приветственными словами на пленарном заседании выступили директор Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь Олег Леонидович Воинов и директор Института истории НАН Беларуси Вадим Леонидович Лакиза.

Пленарные доклады затрагивали вопросы научных традиций исторического факультета БГУ в ракурсе истории формирования его научных школ, становления древней государственности на территории Беларуси, адаптации документоведения к вызовам цифровой эпохи.

Гостями конференции стали делегации ведущих вузов Российской Федерации. Заведующий кафедрой автоматизированных систем документационного обеспечения управления Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета профессор М. В. Ларин выступил с докладом на пленарном заседании конференции.

Активное участие в конференции приняла делегация Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, возглавляемая заведующей кафедрой гуманитарных наук профессором Н. А. Ореховской. Участники делегаций провели продуктивные переговоры с руководством исторического факультета БГУ, наметив конкретные шаги по активизации сотрудничества в научно-образовательной сфере.

В рамках конференции состоялась работа шести секций: «Развитие Белорусского государственного университета в контексте мировых университетских традиций», «Актуальные проблемы современной исторической науки и образования», «Белорусская история в источниках, научной традиции и исследовательских инновациях», «Архив и документ в культуре, науке, образовании и государственном управлении», «Этнокультурное и археологическое наследие Беларуси» и «Великая Отечественная война в научном осмыслении, педагогической практике и традициях увековечения исторической памяти о народе-победителе».

Отдельным событием в рамках конференции стало заседание Международного круглого стола «200-летие белорусской археографии», посвященного публикации в 1824 г. первого белорусского археографического издания — сборника документов «Белорусский архив древних грамот». Участники заседания не только представили спектр актуальных исследований, касающихся традиций и новаций в публикации исторических источников, но и выступили с рядом предложений по увековечиванию имени и дела основателя белорусской археографии — Ивана Ивановича Григоровича.

Большой интерес к конференции был проявлен со стороны студентов и магистрантов исторического факультета БГУ и других вузов Республики Беларусь. Отметим, что с докладами выступили обучающиеся на историческом факультете магистранты и аспиранты из Китайской Народной республики.

Уверенно можно сказать, что «Пичетовские чтения — 2024» в очередной раз продемонстрировали разнообразность научных приоритетов исследователей Беларуси и России, их направленность на разработку актуальных проблем современной исторической науки. На конференции состоялись научные дискуссии, обмен опытом исследовательской и педагогической деятельности. Все участники единодушно отдали уважение и свою память важным событиям в истории двух стран — 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и приближающемуся празднованию 80-летия общей Великой Победы.

Редколлегия

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРОРЕКТОРА ПО НАУЧНОЙ РАБОТЕ БГУ ПРОФЕССОРА А. В. БЛОХИНА

Уважаемые участники конференции, коллеги!

Сердечно рад приветствовать вас на Международной научно-практической конференции «Пичетовские чтения — 2024: История: наука, образование, память (к 90-летию исторического факультета БГУ)».

Приятно отметить, что с 1978 г. «Пичетовские чтения» стали для Белорусского государственного университета доброй традицией. Традицией, которая не только создает возможность для взаимодействия и обмена опытом между специалистами, но и позволяет нам отдать должное памяти Первого ректора университета В. И. Пичете.

Доклады, озвученные на Пичетовских чтениях в прошедшие годы, в полной мере отразили актуальные проблемы исторической науки и образования и стали импульсом для дальнейшей разработки приоритетных исследовательских тем, а также позволили отметить вклад преподавателей и студентов Белорусского государственного университета в развитие белорусского общества.

История нашей «Alma mater» является связующим звеном между различными поколениями интеллектуальной элиты Беларуси и дает надежду, что Белорусский государственный университет будет сохранять лидирующие позиции в науке, общественной, политической жизни страны еще долгие годы.

Проведение нынешних «Пичетовских чтений — 2024 г.» в этом году посвящено юбилейной дате — 90-летию со дня учреждения исторического факультета в Белорусском государственном университете. Это заставляет нас еще раз осмыслить вклад историков БГУ в развитие исторической науки и образования и миссию нашего Университета в белорусском государстве и мировом сообществе в целом. Я надеюсь, что представленные сегодня доклады будут способствовать укреплению исторической памяти об основоположниках белорусского образования и науки, заложивших фундаментальные основы для развития нации и страны, определивших вектор и источник единства нашего общества.

Надеюсь, что полученные в ходе научно-практической конференции результаты будут полезны всем участникам и, в первую очередь, молодым специалистам, а предложенные рекомендации действительно найдут своё применение в практической деятельности.

Желаю всем участникам и организаторам конференции плодотворной работы, конструктивного диалога и эффективного взаимодействия!

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ДЕКАНА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ
ПРОФЕССОРА А. Г. КОХАНОВСКОГО**

Уважаемые коллеги, участники конференции, гости! Очень рад видеть Вас в стенах исторического факультета на нашей, ставшей уже традиционной, конференции «Пичетовские чтения». 2024 год является годом 90-летнего юбилея исторического факультета Белорусского государственного университета. Наш научный форум приурочен к данной годовщине и своим названием «История: наука, образование, память» подчеркивает неразрывную связь трех миссий, которые исторический факультет осуществляет на протяжении без десяти лет целого столетия на благо белорусского государства и народа.

Научная миссия исторического факультета выражается в широком спектре исследований, которые продолжают традиции научных школ и находят отражение в тематике дипломных и диссертационных работ наших нынешних студентов, магистрантов и аспирантов. Исторический факультет способствует выработке актуальных подходов к историческому образованию не только в высшей, но и средней школе, о чем свидетельствует работа нашего коллектива над учебными пособиями «История белорусской государственности» для учреждений среднего специального образования и «История Беларуси в контексте всемирной истории» для 10 класса. Многочисленные патриотические, просветительские и научно-образовательные проекты исторического факультета актуализируют сохранение исторической памяти и историко-культурного наследия белорусского народа. Особое место в тематической направленности наших проектов занимают вопросы, связанные с историей белорусской государственности и памяти о подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

90-летие исторического факультета Белорусского государственного университета является знаковым событием в отечественной исторической науке и образовании. Этот юбилей будет способствовать расширению возможностей для мобилизации белорусского научного сообщества, аспирантов, магистрантов и студентов не только в интересах бережного отношения к истории альма-матер, но и для глубокого изучения и научного осмысления героического пути, пройденного белорусским народом в XX в. Празднование юбилея исторического факультета БГУ послужит тщательному изучению накопленного в республике опыта в развитии исторического образования и исторической науки, дальнейшей разработке теории и практики сохранения исторической памяти.

Историческое образование всегда играло и продолжает играть важную роль в белорусском обществе и государстве, особенно в контексте укрепления национальной идентичности, понимания значимости изучения исторического наследия и воспитания чувства патриотизма у молодежи. Первый ректор БГУ академик В. И. Пичета придавал большое значение формированию позитивного отношения к истории среди будущих поколений ученых, педагогов и общественных деятелей.

Современное историческое образование в Беларуси продолжает развиваться с учетом изменяющихся общественных и политических условий, сохраняя при этом заложенные В. И. Пичетой и многими другими белорусскими историками высокие стандарты академической глубины и объективности. Оно помогает молодому поколению лучше понимать как отечественную, так и мировую историю, создавая, таким образом, основу для формирования активной гражданской позиции.

Мы рады приветствовать гостей конференции, которые являются нашими многолетними и надежными партнерами. Совместными усилиями с коллегами по цеху исторический факультет и наша конференция выполняют миссию аккумуляции и трансляции исторического знания. Мы открыты к диалогу и установлению отношений сотрудничества с гостями, которые первый раз посещают исторический факультет. Уверен, что «Пичетовские чтения — 2024» внесут заметную лепту в развитие гуманитаристики в широком научном сообществе. Желаю участникам плодотворной, творческой и успешной работы!

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ДА ПЫТАННЯ ПРА ЧАС ПАЧАТКУ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ

С. М. Цемушаў

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, stepnikbsu@gmail.com*

Разглядаецца пытанне пра час пачатку дзяржаўнасці на беларускіх землях, якія ў Раннім і Высокім сярэднявеччы ўваходзілі ў старажытнарускую этнапалітычную прастору. Вырашэнне дадзенага пытання патрабавала вызначэння сутнасці перамен, якія прывялі да стварэння дзяржаўнай арганізацыі. Значная ўвага нададзена адлюстраванню ў археалагічных матэрыялах трансфармацый, якія адбываліся ва ўсходнеславянскім грамадстве на працягу IX–X стст.

Ключавыя словы: дзяржава; дзяржаўнасць; гісторыя Беларусі; Вялікая славянская міграцыя; княжацкая ўлада; правадырства; прыбавачны прадукт; урбанізацыя.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ НАЧАЛА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА БЕЛАРУСКИХ ЗЕМЛЯХ

С. Н. Темушев

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, stepnikbsu@gmail.com*

Рассматривается вопрос о времени начала государственности на белорусских землях, которые в Раннем и Высоком средневековье входили в древнерусское этнополитическое пространство. Решение этого вопроса потребовало определения сущности перемен, которые привели к созданию государственной организации. Значительное внимание уделено отражению в археологических материалах трансформаций, которые происходило в восточнославянском общества на протяжении IX–X вв.

Ключевые слова: государство; государственность; история Беларуси; Великая славянская миграция; княжеская власть; вождество; прибавочный продукт; урбанизация.

ON THE QUESTION OF THE TIME OF THE BEGINNING OF STATEHOOD ON BELARUSIAN LANDS

St. N. Tsemushau

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, stepnikbsu@gmail.com*

Examines the time of the beginning of statehood in the Belarusian lands, which in the Early and High Middle Ages were part of the ancient Russian ethno-political space. The solution

to this problem required determining the nature of the changes that led to the creation of a state organization. Considerable attention is paid to the reflection in archaeological materials of the transformations that took place in East Slavic society during the 9th–10th centuries.

Keywords: state; statehood; history of Belarus; Great Slavic migration; princely power; chiefdom; surplus product; urbanization.

Вырашаючы пытанне пра час, з якога трэба пачынаць разгляд генэзісу дзяржаўнасці на беларускіх землях, неабходна аддаць перавагу другой палове I тысячагоддзя нашай эры. Менавіта ў гэты час адбыліся вельмі істотныя перамены ў этнічным абліччы і сацыяльна-эканамічным развіцці насельніцтва Усходняй Еўропы. На працягу лічаных пакаленняў адбылося перасоўванне вялікіх натоўпаў іншых этнічных груп на беларускія землі. Разам з паслядоўнай, мэтанакіраванай славянскай каланізацыяй адбывалася разбурэнне роднасных сувязяў, якія моцна стрымлівалі развіццё грамадства. Традыцыйны аграрны характар грамадства будзе захоўвацца і надалей, аднак у выніку перасяленчых рухаў былі зламаны перашкоды для ўнясання навінаў у розныя сферы жыцця грамадства, у тым ліку і ў светапогляд насельніцтва, і ў грамадска-палітычнае жыццё. Аслабленне кроўнароднасных і ў выніку ўмацаванне тэрытарыяльных сувязяў, увогуле разлажэнне традыцыйных грамадскіх структур садзейнічала ўмацаванню ўлады правадыра (у славян — князя) і значна аслабляла ўплыў родаплемянной знаці. Такім чынам быў зроблены вельмі важны крок на шляху да дзяржавы. Менавіта пераход ад тэрытарыяльнага падзелу этнаса да родаплемяннага лічыцца адной з найбольш важных прыкмет ранняй дзяржавы. Канешне, казаць пра наяўнасць дадзенай прыкметы ў першабытным грамадстве не ўяўляецца магчымым. Для тэрыторыі Беларусі час пераменаў — гэта час актыўнай славянскай каланізацыі з канца VII ст. Найбольш яўна працэсы фарміравання новых квазіпалітычных структур (у сучаснай навуцы іх прынята называць патэстарнымі) адзначаюцца ў IX ст. Менавіта з гэтага часу трэба пачынаць разгляд генэзісу беларускай дзяржаўнасці.

«Вялікая славянская міграцыя» (якая мела вынікам каланізацыю новых зямель) мела яшчэ адно вельмі важнае наступства — змену геапалітычнага становішча ўсходнееўрапейскага рэгіёну (а разам з тым і беларускіх зямель). Славянскія плямёны сутыкнуліся з паўночнаеўрапейскім светам, адкуль таксама ішоў экспансіянісцкі імпульс у бок Усходняй Еўропы, і стэпавай культурай качэўнікаў Прычарнамор'я, характэрнай рысай якіх было намаганне ўсталяваць данніцкія адносіны з аселямі земляробчымі народамі. Гэты падвоены «выклік» з боку скандынаваў (з поўначы) і хазараў (з поўдню) патрабаваў ад славян пэўнага «адказу». Ціск з боку больш моцных і лепш арганізаваных суседзяў быў найбольш відавочнай прычынай

кансалідацыі ўсходнеславянскага грамадства пад уладай ваенных правадыроў і ў выніку — стварэння дзяржавы. Іншая прычына была звязана з павышэннем значэння арганізатарскай і разам з тым ваеннай функцыі славянскіх правадыроў ва ўмовах каланізацыі новых тэрыторый, раней ужо заселеных іншымі народамі.

Адзначаныя перамены адбыліся даволі хутка ў параўнанні з павольным развіццём больш ранняга часу, калі на працягу дзясяткаў і нават сотняў пакаленняў не змяняліся ўстойлівы лад жыцця і сітуацыя ў адносінах з суседзямі. Таму час VIII–IX стст. сапраўды з’явіўся «рэвалюцыйным», вызначальным для гісторыі беларускіх зямель і Усходняй Еўропы ўвогуле.

Ужо прыведзеных разважанняў дастаткова для таго, каб адмовіцца ад імкнення шукаць вытокі дзяржаўнасці ў больш ранні час, тым больш у першабытную эпоху нават да пераходу эгалітарнага (першабытнага) грамадства да вытворчай гаспадаркі. Жыццё чалавечага грамадства, аб’яднанага ў радавыя калектывы, на працягу тысячагоддзяў першабытнай эпохі не спараджала патрэбнасці ў дзяржаўнай арганізацыі, для яго не была характэрна такая рыса, як дзяржаўнасць, пад якой разумеецца ўнутраная патэнцыяльная здольнасць этнацыянальнай супольнасці і ягонай эліты забяспечыць права і магчымасць працяглага самастойнага гістарычнага існавання і развіцця [2, с. 10]. Толькі з часу шырокага рассялення славян у Раннім сярэднявеччы з’яўляюцца патрэбныя ўмовы для ўвасаблення ідэі дзяржаўнасці ў канкрэтныя формы дзяржаўнай арганізацыі — дзяржавы. І самая дзяржава не адразу ўзнікае ў дасканалай развітай форме з поўным наборам функцый па арганізацыі жыцця грамадства і разгалінаваным дзяржаўным апаратам. Аднак вельмі характэрна, што першыя пераддзяржаўныя, або патэстарныя ўтварэнні (племенныя княжанні, якія ў сучаснай палітычнай антрапалогіі прынята называць правадырствамі — *chiefdoms*) [4, с. 20] узнікаюць на хвалі славянскага перасяленчага руху і ўсталявання панавання на новых тэрыторыях у сітуацыі складанага геапалітычнага становішча. Для таго перыяду пераход да ўзнікнення дзяржавы заняў зусім невялікі адрэзак часу — адно-два стагоддзі.

Трэба таксама адзначыць, што для з’яўлення дзяржаўнай арганізацыі неабходна, каб грамадства дасягнула пэўнага ўзроўню развіцця. Сярэднявечная дзяржаўная арганізацыя патрабавала наяўнасці вялікіх рэсурсаў для ажыццяўлення разнастайных функцый, утрымання ваеннай арганізацыі, забеспячэння работы дзяржаўнага апарату, падтрымання прэстыжу вярхоўнай улады. Між тым для эгалітарнага грамадства была характэрна самаарганізацыя, пры якой выконванне функцый, неабходных для стабільнага функцыянавання грамадства (пазней яны пераўтвараюцца ў манапольную прывелегію дзяржавы), не патрабавала вялікіх

выдаткаў — грамадства вырашала ўнутраныя і знешнія праблемы самастойна. І толькі дасягненне пэўнага эканамічнага ўзроўню з поўным забеспячэннем штодзённых патрэб насельніцтва ў харчаванні і інш. і, што вельмі важна, са з'яўленнем лішкаў матэрыяльных рэсурсаў дазволіла грамадству мець на ўтрыманні групу людзей, якія не ўдзельнічалі ў непасрэднай вытворчасці. Гэта персаніфікаваная вярхоўная ўлада, вайсковая арганізацыя (славянская дружына), апарат «чыноўнікаў» (старажытнарускіх «цівунаў»). Залішні прадукт можна было атрымліваць яшчэ ў першабытнасці, але выйсці на ўзровень наяўнасці ўстойлівага прыбавачнага прадукту грамадства было здольнае толькі ў выніку значнага ўдасканалвання прылад працы, форм і тэхнікі гаспадарання (для славян — перш за ўсё земляробства). Дадатковыя рэсурсы даваў удзел у рабаўніцкіх акцыях, для чаго патрэбна была наяўнасць ваеннай арганізацыі на чале з правадырамі. Яшчэ адна крыніца даходаў — удзел у міжнародных гандлёва-абменных аперацыях, арганізацыя і кантроль над якімі таксама патрабавалі вылучэння функцыі кіравання ў асобную сферу жыцця грамадства [7]. Такім чынам, атрыманне стабільнага штогадовага прыбавачнага прадукту з'яўлялася неабходнай матэрыяльнай асновай для фарміравання дзяржаўнай арганізацыі [8, с. 99–105]. У першабытным грамадстве гэтую аснову знайсці немагчыма.

Адной з ключавых прыкмет дзяржавы з'яўляецца наяўнасць інстытута вярхоўнай улады. Лідарства было характэрна яшчэ для эгалітарнага грамадства, паступовае ўскладненне сацыяльнай арганізацыі прыводзіла да фармалізацыі кіраўніцтва. Пры гэтым рознаўзроўневыя структуры грамадства набывалі сваіх правадыроў, статус і аўтарытэт якіх залежаў ад іх асабістых якасцей і ўчынкаў. Да часу ўтварэння дзяржаўнай арганізацыі статус правадыра становіцца спадчынным. Праблема ўзнікнення спадчынасці да канца не высветлена. Але ў цэлым даследчыкі звяртаюць увагу на вырашальнае значэнне спалучэння «першабытнага ламаркізму» (вера ў здольнасць перадачы па спадчыне набытых прыкмет) са своеасаблівым «першабытным дарвінізмам» (верай у тое, што блізкія сваякі і нашчадства індывіда падзяляюць уласцівыя яму асаблівасці) [9, с. 154]. Як бы там ні было, статус і ранг правадыра, чыя ўлада паступова ператвараліся ў спадчынную, раслі там, дзе для нармальнага функцыянавання грамадства ці нават для яго выжывання важную ролю адыгрывалі сумесныя працы ці калектыўныя дзеянні. Знешнія акалічнасці (варожае асяроддзе, націск суседзяў) стымулявалі ўнутраную інтэграцыю, што таксама ўзмацняла ролю арганізатарскай функцыі [9, с. 154].

Паступова ў грамадстве з-за шэрагу акалічнасцяў пачынала зацвярджацца рэдыстрыбуцыйная сістэма (своеасаблівы грамадскі фонд, куды

асобныя сем’і аддаюць частку дадатковага прадукта). Яе сталае і бесперабойнае функцыянаванне, мабыць, надзвычай важнае на ранніх этапах развіцця чалавецтва, якое яшчэ цалкам залежыла ад прыродных умоў, патрабавала цэнтралізаванага кіраўніцтва. Спадчынны прынцып у замяшчэнні кіруючай пасады пры гэтым упершыню атрымаў трывалую эканамічную і сацыяльную аснову. На раннім этапе сацыяльнай стратыфікацыі новае становішча правадыра не прыводзіла да яго значнага маёмаснага адрознення ад супляменнікаў. Правадыры па-ранейшаму ў поўнай меры адказвалі чаканням грамадства — уладкоўвалі раздачы і піры, размяркоўвалі здабычу. Сродкі для гэтага правадыр атрымліваў не толькі са сваіх асабістых даходаў, але і з грамадскіх фондаў. Тым не менш падобныя дзеянні ўмацоўвалі становішча правадыроў сярод насельніцтва [9, с. 158]. Паступова маёмаснае становішча правадыроў пачынала ўсё больш адрознівацца ад радавых абшчыннікаў. Правадыры і іх блізкае асяроддзе вызваліліся ад удзелу ў непасрэднай вытворчасці і вызначаную частку агульнага дадатковага прадукта прысвойвалі пад падставай «выдаткаў на правадырства». Сам доступ да кіраўніцка-арганізацыйнай дзейнасці азначаў і доступ да пераразмеркавання грамадскага прадукта. Менавіта кантроль над пераразмеркаваннем дазваляў хутка і ўстойліва павысіць аўтарытэт, прэстыж і сацыяльны статус асоб, якія ажыццяўлялі арганізацыйна-кіраўнічыя функцыі, а разам з гэтым і іх бліжэйшых сваякоў [3, с. 194]. Тут яшчэ нельга казаць аб прымусовым характары прысваення, функцыі кіраўніка былі жыццёва неабходныя грамадству, якое добраахвотна заахвочвала гэтую грамадска карысную дзейнасць. Аднак, акрамя ўнутраных формаў сацыяльнай дыферэнцыяцыі існаваў яшчэ знешні шлях (рабства і данніцтва) [3, с. 201–206, 209–212], якія яшчэ больш спрыялі ўзвышэнню правадыра і фармаванню пласта арыстакратыі.

Па меры паглыблення сацыяльнай стратыфікацыі структура грамадства набыла траякі выгляд: верхні пласт складала спадчынная арыстакратыя, сярэдні — радавыя свабодныя паўнапраўныя члены грамадства, ніжні — непаўнапраўныя індывіды і групы, падпарадкаваныя арыстакратыі [9, с. 160–161]. Сацыяльная арганізацыя пры гэтым атрымлівала ўсё больш шматступенны і іерархізаваны выгляд.

Гэтыя патэстарна-палітычныя структуры, якія непасрэдна стаялі на парозе дзяржаўнасці, як ужо адзначалася, у палітычнай антрапалогіі атрымалі найменне *chiefdom* — «правадырства». Сам тэрмін, які прызнаецца сучаснымі навукоўцамі найбольш прымальным для абазначэння разгляданых дадзяржаўных структур [9, с. 161], заключае ў сабе акцэнт на ролю інстытута правадыра. Па вызначэнні Э. Сэрвіса, гэта «прамежкавая форма, якая вырастае з эгалітарнага грамадства і папярэднічае ўсім вядомым

прымітыўным дзяржавам» [10, р. 15–16]. Галоўнымі адрозненнямі правадыроў з’яўляюцца цэнтралізаванае кіраванне і спадчынны іерархічны статус. У сучаснай гістарычнай навуцы прынята лічыць такія палітычны лад універсальным у перыяд разлажэння родаплемяннога ладу. Стадыяльна ён папярэднічае як рабаўладальніцкім, так і феадальным дзяржавам [6, с. 21].

Асаблівасцю палітычнай сістэмы дзяржавы, якая зараджаецца, з’яўляецца фарміраванне органаў кіравання цэнтральнай улады з прадстаўнікоў ваеннай арганізацыі — княжацкай дружыны. Яна разам з чыста ваеннымі функцыямі — падпарадкаваннем новых тэрыторый і іх інтэграцыяй ў дзяржаўную сістэму, ахову «сваёй» тэрыторыі і арганізацыяй заваёўных і рабаўніцкіх паходаў — ажыццяўляла збор прыбавачнага прадукту і яго пераразмеркаванне і непасрэднае кіраванне [1, с. 50]. Асобая роля ваеннай арганізацыі (славянскай «дружны») дазволіла шэрагу англа-амерыканскіх антрапологаў назваць такі тып дзяржавы «ваенным» (military). Расійскія гісторыкі лічаць больш дакладным тэрмін «дружынная» дзяржава [6, с. 22].

У сучаснай навуцы ўжо не бачаць класавага характару ў сацыяльнай стратыфікацыі ранніх дзяржаўных утварэнняў. Сацыяльная стратыфікацыя тут грунтуецца на стаўленні да прыбавачнага прадукту, а не да сродкаў вытворчасці. Пры гэтым назіраецца нераздзеленасць розных укладаў: патрыярхальнага з радавымі і тэрытарыяльнымі абшчынамі, рабаўладальніцкага (патрыярхальнае рабства) і феадальнага [6, с. 22]. Універсалізм старажытнай формы дзяржавы, які адзначаецца этнолагамі, перажывалі ў сваёй гісторыі ўсе народы.

Усе адзначаныя з’явы выходзяць за межы традыцыйнага эгалітарнага грамадства, яны не характэрныя для першабытнай эпохі. Больш таго, іх наяўнасць супярэчыць сутнасці першабытнага ладу, нават адмаўляе самое першабытнае грамадства. Аб часу пачатку генэзісу дзяржаўнасці трэба весці гаворку з моманту разбурэння роднасных сувязяў, парушэння традыцыйных сацыяльных адносін, змянення геапалітычнага становішча беларускіх зямель. Адбылося гэта ў выніку шырокага славянскага рассялення. Гэтая з’ява вядома як «Вялікая славянская міграцыя», для Еўропы ўвогуле яна пачынаецца ў V ст. н. э., для беларускіх зямель найбольш істотным быў час канца VII–IX ст.

Аднак у археалагічных матэрыялах адзначаныя рэвалюцыйныя па сваёй сутнасці трансфармацыі ва ўсходнеславянскім рэгіёне праяўляюцца не адразу. Спецыялісты ўказваюць на наступныя асноўныя навацыі IX–X стст., звязаныя з утварэннем усходнеславянскай дзяржавы, якія атрымалі выразнае адлюстраванне ў археалагічных матэрыялах:

1) фарміраванне новых паселішчаў на стараасвоеных і новых тэрыторыях, што было звязана з пашырэннем і больш інтэнсіўным выкарыстаннем

сельскагаспадарчых угоддзяў; пашырэнне сельскагаспадарчай вытворчасці і эканамічны ўздым сельскіх абласцей сталі перадумовай фарміравання новых форм палітычнай арганізацыі ў лясной зоне Усходняй Еўропы;

2) развіццё гандлю і таварных адносін, уключэнне вялізных тэрыторый паміж Балтыкай, Волгай і Сярэднім Падняпроўем у сістэму міжнародных гандлёвых сувязяў, што забяспечыла прыток ва Усходнюю Еўропу разнастайных імпартаў, у тым ліку арабскага манетнага срэбра, які стаў асновай для ўласнага грашовага абарачэння;

3) зараджэнне і паступовае развіццё новай культуры — агульная ў многіх сваіх праявах для ўсёй тэрыторыі дзяржавы, якая фарміруецца, яна сінтэзавала розныя элементы, звязаныя паходжаннем са славянскім і фінскім асяроддзем або запазычаныя звонку: са Скандынавіі, Візантыі, паўднёварускіх стэпаў, заходнеславянскага свету;

4) з'яўленне раннегарадскіх паселішчаў, як найважнейшых вузлоў міжнароднага гандлю на рачных шляхах;

5) сімвалічнае абазначэнне ўлады і сацыяльнай іерархіі, з'яўленне асобых формаў прэстыжнага спажывання, спецыфічных катэгорый статусных рэчаў і якія вылучаюцца па сваім характары пахавальныя помнікі, закліканыя служыць знакамі ўладных адносін і асобага становішча сацыяльнай эліты;

6) распаўсюджванне новых тэхналогій у рамесных вытворчасцях (феномен X ст., у папярэдні перыяд зрухі ў гэтай сферы малапрыкметныя) [5, с. 449–459].

Археалагічныя даследаванні дазволілі зрабіць прынцыпова важную выснову аб тым, што урбанізацыя прымае шырокія маштабы толькі ў сярэдзіне — другой палове X ст. Таксама варта адзначыць, што толькі да X ст., пераважна да другой яго паловы, адносяцца вялікія курганныя насыпы, збудаваныя над пахаваннямі з багатым інвентаром, якія ўключалі дарагія ўпрыгожванні і зброю. Не раней за другую чвэрць X ст. з'яўляюцца пахаванні ў драўляных камерах — адна з выразных катэгорый пахавальных помнікаў, звязаных са старажытнаруускай элітай [5, с. 449].

Такім чынам, вядомыя з пісьмовых крыніц падзеі ў гісторыі Усходняй Еўропы другой паловы IX ст., якія традыцыйна звязваюцца з фарміраваннем дзяржаўнасці, у цэлым пацвярджаюцца, у тым ліку і для беларускіх земляў. Але археалагічныя матэрыялы ўсё ж патрабуюць некаторай храналагічнай карэляцыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Горский А. А. Древнерусская дружина. М.: Наука, 1989.
2. Данилович В. В. Концепция истории белорусской государственности // Наука и инновации. 2018. № 11 (189). С. 9–15.

3. История первобытного общества: Эпоха классовообразования / В. П. Алексеев, О. Ю. Артемова, Л. Е. Куббель и др.; отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1988.
4. Крадин Н. Н. Происхождение неравенства, цивилизации и государства. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2021.
5. Макаров Н. А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 449–459.
6. Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы / отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1995. С. 16–33.
7. Мельникова Е. А. К типологии становления государств в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы / отв. ред. А. П. Новосельцев. М., 1992. С. 38–41.
8. Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. М.: Квадрига, 2024.
9. Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 125–176.
10. Service E. R. Origins of the state and civilization: the process of cultural evolution. New York: Norton, 1975.

ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

М. В. Ларин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., д. 6, 125047, Москва, Российская Федерация, larin.m@rggu.ru*

В докладе делается попытка оценить состояние документоведения на современном этапе и обосновать необходимость разработки новой парадигмы его развития, являющейся методологической основой научной деятельности. Развитие методологии документоведения, уточнение предмета этой научной дисциплины, его социальной направленности сегодня как никогда актуально. При этом первостепенными являются вопросы дальнейшего изучения электронного документа и электронного документооборота и связанная с ними тематика теоретических и прикладных исследований, а также закрепление полученных научных результатов в нормативной правовой базе управления документами.

Ключевые слова: документоведение; методология; парадигма; электронный документ; информационные технологии; управление документами; цифровизация.

THE SCIENCE OF THE DOCUMENT IN THE DIGITAL AGE

M. V. Larin

*Russian State University for the Humanities,
125047, Moscow, Miusskaya square, 6, Russian Federation, larin.m@rggu.ru*

The report attempts to assess the state of The science of the document at the present stage and to substantiate the need to develop a new paradigm for its development, which is the methodological basis for scientific activity. The development of the methodology of The science of the document, clarification of the subject of this scientific discipline, its social focus are more relevant today than ever. At the same time, the issues of further study of the electronic document and electronic The science of the document and the related topics of theoretical and applied research, as well as the consolidation of the obtained scientific results in the regulatory framework for The science of the document are of primary importance.

Keywords: documentation; methodology; paradigm; electronic document; information technology; The science of the document; digitalization.

В настоящем докладе попытаемся оценить состояние документоведения на современном этапе и обосновать необходимость разработки новой парадигмы его развития, являющейся методологической основой научной деятельности. Анализ ситуации свидетельствует о том, что документоведение как научная дисциплина переживает определенный кризис. Это объясняется тем, что на протяжении последнего десятилетия прежняя парадигма перестала питать практику новыми теоретическими идеями и прикладными разработками. Некоторые ученые и специалисты видят выход из ситуации в расширении или видоизменении науки о документе. Наибольшую активность в этом направлении проявляли сторонники так называемой документологии.

История попыток ввода в научный оборот понятия «документология» насчитывает уже не одно десятилетие. В свое время К. И. Рудельсон, крупный ученый-архивист, автор классического труда по классификации документации, в своей монографии рассматривала предложение югославского ученого Д. Исаковича использовать термин «документология» для определения области исследований, интегрирующей разные направления изучения документа, в разных его значениях и аспектах [6, с. 16–17]. К. И. Рудельсон сочла невозможным объединить единой методологией, объектом и предметом такие науки, как документоведение, архивоведение, историческое источниковедение, а также научно-техническую информацию. Попытка внедрения документологии в прошлом веке не увенчалась успехом, но сама идея не умерла и заявляет о себе на разных исторических этапах, особенно когда в теории документоведения возникают естественные методологические затруднения, связанные с развитием самого объекта исследования — документа.

В очередной раз предложения о разработке научной дисциплины документологии отчетливо прозвучали в первое десятилетие XXI в., когда масштабное расширение географии вузовской подготовки документоведов в России обусловило необходимость профессионального освоения науки документоведения учеными смежных специальностей, чаще всего историками и представителями библиотечного сообщества. Появилась так называемая «общая теория документа», которая была выдвинута рядом исследователей, только что приступивших к исследованию документа как объекта и документоведения как предмета. Такой подход позволял им включить в содержание документоведения дополнительные материалы из привычных и освоенных ранее дисциплин: книговедения, библиографии, источниковедения и т. п. В ответ на подобные предложения мы ранее отмечали, что поиск новых названий традиционных дисциплин мало что дает в научном плане. Необходимо расширять и углублять исследования целого ряда фундаментальных положений документоведения и архивоведения [1, с. 139–148]. В настоящее время попытки реформировать документоведение практически прекратились, но ряд исследователей в области научно-технической информации и книговедения не оставляют надежд на создание параллельно с документоведением еще и документологии [5; 7; 8].

Обратим внимание на то, что периодически возникающий интерес к документологии не случаен. Он возникает накануне смены научной парадигмы в документоведении, предвещая рождение новой системы взглядов в рамках данного научного направления. Появление документологии — это своеобразный маркер, сигнал о том, что документоведение испытывает трудности развития в рамках прежней научной парадигмы. В

1960-е гг., когда впервые прозвучала идея документологии, в документоведении еще только формировались основные методологические подходы, позволившие создать теоретическую базу данного научного направления и на десятилетия вперед заложить основы развития этой научной дисциплины. В практической сфере это вылилось в разработку Единой государственной системы делопроизводства (ЕГСД) и унифицированных систем документации.

Значительную роль в формировании научной парадигмы документоведения в тот период сыграла документалистика [9, с.7]. Ее появление стало ответом на вызов времени, на внедрение электронно-вычислительной техники во все сферы социально-экономической жизни. Документ перешел из сферы обслуживания делопроизводственных процессов в рамках одной организации в сферу глобальных информационно-документационных процессов в рамках системного взаимодействия государственных организаций между собой по вертикали и горизонтали. Постепенно складывалась новая система взглядов на документ и системы документации как части кибернетической системы государственного управления с применением автоматизированных систем управления. Возникло новое направление в работе с документами — документационное обеспечение управления. В этот период начался процесс интеграции документоведения и информатики. К сожалению, с уходом Г. Г. Воробьева, лидера школы документалистики, это научное направление постепенно утратило свои позиции и в настоящее время практически не развивается, передав свои научные траектории информационным дисциплинам.

На рубеже XX–XXI вв. произошел новый технологический сдвиг. В это время в сферу документоведения вошел электронный документ, который обладает характеристиками, отличными от документа на традиционных (в основном, бумажных) носителях информации. Постепенно приходит осознание того, что прежние методологические подходы и теоретические положения документоведения не обеспечивают беспроблемное встраивание электронных документов в систему делопроизводства и документационного обеспечения управления, тем более, в систему управления документами. Появление электронных документов с иными свойствами и признаками, техническими характеристиками потребовало смены научной парадигмы. Это произошло не сразу.

Стоит напомнить один из основных законов материалистической диалектики — переход количественных изменений в качественные как всеобщий закон развития материального мира, человеческого общества и мышления. Его можно было бы назвать законом возникновения нового качества объекта вследствие накопления в нем количественных изменений.

Причем качественные изменения наступают не случайно, а закономерно, иногда в виде скачкообразного перехода. Примерами можно назвать полную замену пишущих машин персональными компьютерами, аналогового телевидения цифровым, внедрение мобильной телефонной связи, повсеместный отказ от эпистолярного жанра (писем) и замена его на обмен сообщениями с использованием мессенджеров и т. д.

В нашем случае под накоплением количества имеется в виду насыщение органов управления компьютерной и информационной техникой и новыми информационными технологиями, появление и широкое распространение информационных систем различного типа, включая системы электронного документооборота. Их применение дает возможность кардинально изменить и улучшить информационное и документационное обеспечение управления, управление информацией и документацией. Однако на практике в этой сфере наблюдается следование сложившимся веками архаичным традициям делопроизводства, которое выражается в следовании бюрократическим процессам работы с документами (регистрация, рассмотрение, резолюция, исполнение, согласование, визирование, контроль исполнения и т. д.). Представляется, что сохранение такого положения не отвечает реалиям сегодняшнего дня, а тем более контурам завтрашней государственной политики.

Правительство Российской Федерации распоряжением 16 марта 2024 г. № 637-р утвердило актуализированную стратегию цифровой трансформации государственного управления¹. Предполагается, что к 2030 г. 100 % органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений будут использовать электронный документооборот; все федеральные органы исполнительной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации перейдут на централизованное хранение электронных архивных документов, 90 % документов обязательной отчетности будет поступать в соответствующие органы и храниться в электронном виде, а более половины электронных документов должны быть стандартизированы в целях обеспечения их обмена в электронном виде и оптимизации их заполнения, а также для получения сведений, содержащихся в указанных документах. Согласно утвержденной стратегии, все органы местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений должны применять системы электронного документооборота и быть участниками единого информационного пространства

¹ Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/docs/all/152609> (дата обращения: 23.09.2024).

взаимодействия на основе единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех». Министерство цифрового развития России предлагает ввести полный запрет на использование «бумажных» документов в диалоге бизнес-власть.

На наш взгляд, такая масштабная задача не может быть решена на методологической базе существующего делопроизводства, традиционных подходов к работе с документами. Она ставит целый ряд теоретических вопросов, в числе которых необходимость исследования соотношения «документы — данные». Иначе говоря, следует ответить на вопрос, как обеспечить необходимый и достаточный уровень информационного обеспечения управления с помощью минимального объема документов в условиях перехода к управлению на основе данных.

Использование новых технических средств и развитие информационных технологий в управлении документами требуют поиска новых методологических подходов к совершенствованию организации работы с документами, направленных, прежде всего, на «отход от традиционного делопроизводства, которое не в состоянии в принципе организовать весь документальный массив и сделать его доступным для использования» [3, с. 15].

В этих целях в документоведении следует активизировать изучение закономерностей документообразования и сокращения традиционного бумажного документооборота. Все более очевидной становится необходимость усиленного развития теории и практики управления документацией в электронной форме, изучения трансформации документа в цифровой (электронной) среде, исследования возможностей искусственного интеллекта применительно к системам управления документами.

От изменения научной парадигмы в сторону формирования стратегических перспективных подходов во многом зависит эффективное развитие научной мысли в области документоведения и архивного дела, а также успешность внедрения научных разработок в деятельность служб делопроизводства и архивных учреждений.

Очевидно, что процесс цифровизации невозможен без проведения фундаментальных теоретических исследований, развития категориального аппарата и терминологии документоведения и архивоведения. Основной целью этих работ является поддержание соответствия содержания базовых понятий и процессов документоведения текущему уровню общественного развития в условиях повсеместного массового применения информационных технологий и всех категорий электронных документов, электронного документооборота, без чего нельзя получить значимый результат научных

исследований. Иначе говоря, необходимо модернизировать существующую парадигму документоведения с учетом довлеющего влияния информационных технологий.

Наряду с проблемой цифровизации и перехода к электронному документообороту, в новой парадигме особенно важными представляются вопросы о социальной сущности и значении документа. Цифровая «атомизация» электронного документа делает документ неотъемлемой компонентой реализации управленческих и коммуникационных задач в современном обществе. Документ перестает быть, по образному выражению, «отчужденной бумажкой» [4], он глубже встраивается во все регулирующие процессы. Представляется необходимым сформировать новую дисциплинарную научную парадигму в документоведении на основе антропологического подхода [10]. В современной парадигме документ как объект изучения предстает в одной плоскости, осями которой являются его характеристики как информации и ее материального носителя. Чтобы сформировать «объемное» понятие документа, нам нужно поднять еще одну ось — социальную, что позволит рассматривать документ не просто как зафиксированную на носителе информацию, но как документ, функционирующий в рамках взаимодействия субъектов, осознающих цель своей деятельности и ее последствия. Документ — это явление в первую очередь социальное и сегодня мы должны четко понимать и оценивать перспективы отказа от документа в управлении, замены его данными в информационных системах, а критерием этой оценки должна стать социальная значимость документа наряду с его информационной составляющей.

Вопрос о смене парадигмы сегодня возникает и в деле подготовки кадров, способных решать актуальные задачи управления документами в условиях глобальной цифровой трансформации этой сферы деятельности. Новому времени нужны новые специалисты. На достижение этой цели в Российской Федерации направлен национальный проект «Кадры для цифровой экономики», в котором особое внимание акцентировано на подготовке специалистов, владеющих информационными технологиями. Управление документами и архивное дело не являются исключением в перечне проблем, которые предстоит решить в ходе цифровой перестройки экономики страны. Попыткой решения этой задачи является включение с 2024 г. в программу подготовки бакалавров на факультете архивоведения и документоведения историко-архивного института РГГУ нового профиля «Интеллектуальные системы в управлении документами» [2].

Таким образом, развитие методологии документоведения, уточнение предмета этой научной дисциплины, его социальной направленности сегодня как никогда актуально. При этом первостепенными являются

вопросы дальнейшего изучения электронного документа и электронного документооборота и связанная с ними тематика теоретических и прикладных исследований, а также закрепление полученных научных результатов в нормативной правовой базе управления документами.

Библиографические ссылки

1. *Ларин М. В.* Управление документами: история, методология, практика, зарубежный опыт: избр. тр. / предисл. П. А. Кюнга. М., 2024.
2. *Ларин М. В.* Новая образовательная программа «Интеллектуальные системы в управлении документами» // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Т. В. Кузнецовой. Москва, РГГУ, 23–24 марта 2023 г. М., 2024. С. 56–64.
3. *Ларин М. В., Банасюкевич В. Д., Сокова А. Н.* Государство и эволюция систем документации. Отчет о НИР за 1996 г. М., 2000. С. 15. СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД. ДР 210-2000.
4. *Орлова Г. А.* Изобретая документ: бумажная траектория российской канцелярии // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство?: Сб. ст. / под ред. И. Каспэ. М., 2013. С. 19–52.
5. *Плешкевич Е. А.* К вопросу о документологии и ее методологии // Научные и технические библиотеки. 2022. № 6. С. 152–169.
6. *Рудельсон К. И.* Современные документные классификации. М., 1973.
7. *Столяров Ю. Н.* Документология: причины появления, этапы развития // Научные и технические библиотеки. 2021. № 1. С. 15–26.
8. *Столяров Ю. Н.* Исходные постулаты документологии — всеобщей теории документа // Научные и технические библиотеки. 2021. № 2. С. 15–40.
9. *Суровцева Н. Г.* Документалистика и ее влияние на развитие отечественного документоведения // Науч. вестн. Крыма. 2020. № 5. С. 7.
10. *Суровцева Н. Г.* Развитие документоведения в условиях цифровой трансформации управления документами в Российской Федерации: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2023.

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ТРАДИЦИЙ

«НАШ УВАЖАЕМЫЙ УЧИТЕЛЬ НАРОДНОГО УЧИЛИЩА И. А. СЕРБОВ»: ХОЦІМСКІ ПЕРЫЯД ЖЫЦЦЯ ВЫБІТНАГА ЭТНОГРАФА І АРХЕОЛАГА (1892–1903)

А. У. Вайтовіч

*Мінскі філіял Расійскага эканамічнага ўніверсітэта імя Г. В. Плеханава,
вул. Радзьяльная, 40, 220070, г. Мінск, Беларусь, vaitovich.aliaksandra@gmail.com*

Мэта артыкула — рэканструяваць галоўныя накірункі дзейнасці І. А. Сербова падчас працы ў Хоцімску. Паказана, што І. А. Сербав, выкладаючы ў народным вучылішчы, выдатна выконваў свае настаўніцкія абавязкі і неаднаразова атрымоўваў падзякі кіраўніцтва. Вызначана, што ён актыўна займаўся грамадскай дзейнасцю. Ён надрукаваў свой першы артыкул, удзельнічаў у правядзенні перапісу насельніцтва 1897 г., заснаваў народную бібліятэку, уступіў у настаўніцкае таварыства. Адзначана, што І. А. Сербав пачаў супрацоўнічаць з этнографам і археолагам Е. Р. Раманавым і прыняў удзел у фарміраванні этнаграфічнай калекцыі Рускага музея імператара Аляксандра III.

Ключавыя словы: І. А. Сербав; педагогіка; этнаграфія; краязнаўства.

«НАШ УВАЖАЕМЫЙ УЧИТЕЛЬ НАРОДНОГО УЧИЛИЩА И. А. СЕРБОВ»: ХОТИМСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ЭТНОГРАФА И АРХЕОЛОГА (1892–1903)

А. В. Вайтович

*Минский филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова,
ул. Радиальная, д. 40, 220070, г. Минск, Беларусь, vaitovich.aliaksandra@gmail.com*

Цель статьи — реконструировать главные направления деятельности И. А. Сербова во время работы в Хотимске. Показано, что И. А. Сербов, преподавая в народном училище, отлично исполнял свои учительские обязанности и неоднократно получал благодарности руководства. Установлено, что он активно занимался общественной деятельностью. Он опубликовал свою первую статью, участвовал в проведении переписи населения 1897 г., основал народную библиотеку, вступил в учительское общество. Отмечено, что И. А. Сербов начал сотрудничество с этнографом и археологом Е. Р. Романовым и принял участие в формировании этнографической коллекции Русского музея императора Александра III.

Ключевые слова: И. А. Сербов; педагогика; этнография; краеведение.

**“OUR RESPECTED TEACHER OF THE PUBLIC SCHOOL
I. A. SERBAU”: KHOTSIMSK PERIOD OF THE LIFE
OF AN OUTSTANDING ETHNOGRAPHER
AND ARCHAEOLOGIST (1892–1903)**

A. U. Vaitovich

*Minsk branch of Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov,
Minsk, Radialnaya str., building 40, 220070, Belarus, vaitovich.aliaksandra@gmail.com*

The article aims to reconstruct the main directions of activity of I. Serbau during his work Khotsimsk. It was established that I. Serbau teaching in the people school performed his teaching duties excellently and repeatedly received gratitude from his superiors. It is shown that he was involved in social activities. He published his first article, participated in the 1897 census, founded a public library, joined the teachers' society as well. It was noted that I. Serbau began collaboration with ethnographer and archaeologist E. Ramanau and took part in the formation of the ethnographic collection of the Russian Museum of Emperor Alexander III.

Keywords: I. Serbau; pedagogy; ethnography; local history.

Імя Ісака Абрамавіча Сербавы (1871–1943) добра вядомае грамадскасці. Настаўнік і навуковец, ён спрычыніўся да развіцця беларускай этнаграфіі, фалькларыстыкі, археалогіі, лінгвістыкі. Зробленыя ім фотаздымкі ўвайшлі ў залаты фонд айчыннай культуры. Жыццёвы шлях і творчы даробак І. А. Сербавы неаднаразова выклікалі ўвагу спецыялістаў (гл., напр.: [3; 2; 6; 4]). Тым не менш, многія старонкі дзейнасці гэтага неардынарнага чалавека патрабуюць далейшага асэнсавання. Не з’яўляецца выключэннем і пачатковы этап настаўніцкай кар’еры даследчыка.

Асноўныя вехі першых гадоў выкладчыцкай працы Ісака Абрамавіча ўжо абмяркоўваліся ў літаратуры. Вядома, што ў 1892 г., пасля завяршэння Полацкай настаўніцкай семінарыі, І. А. Сербав быў накіраваны ў Клімавіцкі павет Магілёўскай губерні і прызначаны на пасаду настаўніка Хоцімскага народнага вучылішча. За грамадскую актыўнасць ён быў высланы ў мястэчка Карма. З дазволу ўладаў вярнуўшыся у Хоцімск, зацікавіўся этнаграфіяй і фальклорам. У 1903 г., згодна з чарговым рашэннем кіраўніцтва, пераехаў у Гомель [4, с. 193].

Гэты кароткі пералік падзей, безумоўна, нельга лічыць вычарпальным. Выяўленне новых матэрыялаў дазваляе істотна ўдакладніць і дапоўніць сучасныя ўяўленні аб біяграфіі выбітнага навукоўца. Прапанаваны артыкул мае на мэце ўвесці ў навуковы ўжытак раней невядомыя крыніцы і рэканструяваць галоўныя накірункі шматграннай дзейнасці І. А. Сербавы — хоцімскага настаўніка.

Педагогічная і грамадская дзейнасць. 1 верасня 1892 г. Ісак Абрамавіч прыступіў да абавязкаў настаўніка Хоцімскага народнага вучылішча [12, арк. 3; 4, с. 193]. Гэтае вучылішча, адчыненае ў 1871 г., уяўляла сабой адукацыйную ўстанову самай першай ступені, навучанне ў якой займала тры гады [20, с. 96]. Выкладанне ў школе такога тыпу гарантавала кавалак хлеба, аднак на працягу дзесяцігоддзяў настаўнікі народных вучылішчаў заставаліся найменш забяспечанымі прадстаўнікамі сваёй прафесіі [14, с. 40]. І. А. Сербай, тым не менш, хутка разгарнуў кіпучую дзейнасць [12, арк. 3; 4, с. 193]. Ужо праз пяць гадоў працы Ісак Абрамавіч увайшоў у лік тых настаўнікаў Магілёўскай губерні, каму была абвешчана падзяка папярэдняга Віленскага навучальнага акругі «за прымерна-усердную і вельмі карысную службу» [8, с. 142]. Замыкацца ў школьных сценах, аднак, ён не хацеў.

У маі 1896 г. у неафіцыйнай частцы газеты «Могилевские губернские ведомости» з'явіўся першы артыкул, напісаны Ісакам Сербавым. Кароткі рэпартаж асвятляў ход народных гулянняў, якія адбываліся ў Хоцімску 13–16 мая 1896 г. з нагоды каранацыі імператара Мікалая II і імператрыцы Аляксандры: «Св. Коронавание ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ подало повод местному населению проявить во всей силе чувства: патриотизма, беспредельной любви и преданности Престолу. ...не было ни одного дома, ни одной бедной лачуги, где бы не развевался новенький национальный русский флаг. <...> 14 мая в 9 ч. утра [в] церквах и еврейской синагоге отслужено торжественное Богослужение при массе молящихся. <...> После многолетия стройно исполнены гимн „Боже, Царя храни“, „Коль славен“ и „Славься“, прерываемые дружным „Ура!“. Пел хор народного училища. <...> Вечером при зажигании иллюминации масса народа во главе с представителями общества и хором народного училища, при пении гимнов и других патриотических песен проходила по улицам местечка... Все это только часть того радостного чувства, которое испытало всякое истинно-русское сердце в эти великие для всей России дни» [23, с. 219].

Пішучы сваю нататку, Ісак Абрамавіч, канешне, не ўяўляў, што менш чым праз чвэрць стагоддзя ён з такім жа энтузіязмам будзе вітаць адрачэнне Мікалая II ад трону [25, арк. 19–19звар.], а яшчэ праз некалькі гадоў стане называць сябе «беларусам» [12, арк. 10]. Іншыя думкі займалі амбітнага маладога чалавека. Ён упарта шукаў справу, якой можна было бы прысвяціць жыццё.

І. А. Сербай не застаўся ў баку ад удзелу ў першым усеагульным перапісу насельніцтва Расійскай Імперыі, які адбыўся 28 студзеня 1897 г. У спісслыя тэрміны трэба было запоўніць і пераправерыць апытальныя лісты, а таксама падлічыць статыстычныя даныя па перапісным участку.

Адказнасць і стараннасць Ісака Абрамавіча не засталіся не заўважанымі. Хоцімскі настаўнік атрымаў сваю першую дзяржаўную ўзнагароду — медаль «За труды по первой всеобщей переписи населения» [19, с. 75].

Адзнака на высокім узроўні натхняла. З'яўляліся мары аб справах, якія бы прыносілі відавочную карысць шырокім колам грамадства. У сваіх гуманістычных памкненнях Ісак Абрамавіч не быў самотным: у апошняй чвэрці XIX ст. асветніцкімі ідэямі былі прасякнуты многія прадстаўнікі інтэлігенцыі ў розных кутках імперыі. Знайшліся аднадумцы і ў Хоцімску.

У канцы зімы 1897 г. адзін з жыхароў мястэчка, імя якога гісторыя не захавала, даслаў у галоўную губернскую газету ліст з апісаннем найбліжэйшых планаў хоцімскіх актывістаў: «Потребность в библиотеке настоятельная. Это понял наш уважаемый учитель народного училища И. А. Сербов и умело взялся помочь горю. 23 минувшего февраля был устроен в народном училище, при участии ученического хора, литературный вечер, на который был приглашен весь наш beau-monde. По окончании вечера г. Сербов предложил устроить общественную библиотеку; предложение его было встречено сочувственно. Тотчас же была открыта подписка между присутствующими: собрана хоть маленькая сумма, но поступают также пожертвования книгами. Таким образом начало было положено. Но как довести дело до конца? Где раздобыть ресурсы, нужные для устройства мало-мальски сносной библиотечки? Предполагают устроить лотерею аллегри и дать Пасхой несколько любительских спектаклей» [7, с. 111].

І. А. Сэрбаў паспрабаваў укараніць у мястэчку яшчэ адну папулярную ў тыя часы форму нефармальнай адукацыі дарослых, і арганізаваў таварыства народных чытанняў [12, арк. 3]. У тыя часы «народнымі чытаннямі» называлі публічныя мерапрыемствы, падчас якіх дабраахвотнікі ўслых чыталі кнігі непісьменным слухачам [1]. Царскія чыноўнікі, аднак, вельмі жорстка рэгламентавалі любыя грамадскія ініцыятывы. Імпэт І. А. Сэрбава выклікаў падазронасць мясцовых уладаў, і маладога чалавека выслалі пад нагляд паліцыі ў валасны цэнтр Карма Гомельскага павета (сёння — Добрушскі раён Гомельскай вобласці). Высылка цягнулася два гады. Кіраўніцтва, нарэшце ўпэўніўшыся ў дабранадзежнасці настаўніка, вярнула яго на старое месца працы, у Хоцімск [12, арк. 3; 4, с. 193].

Пераезды настаўніка адбываліся на фоне пераменаў у складзе дырэкцыі народных вучылішчаў Магілёўскай губерні. У 1898 г. пасаду інспектара, адказнага за Клімавіцкі павет, заняў надворны саветнік Палікарп Андрэевіч Сакалоў [18, с. 148]. Выпускнік Санкт-Пецярбургскай духоўнай акадэміі, ён з 1890 г. служыў у сістэме міністэрства народнай асветы. У наступныя два дзесяцігоддзі лёс неаднойчы будзе зводзіць двух працаўнікоў на ніве народнай адукацыі, і П. А. Сакалоў не стане ўтойваць,

што прытрымліваецца «самого лучшего мнения о Сербове» [26, арк. 1]. Свой аўтарытэт у вачах старэйшага калегі Ісак Абрамавіч заявляў менавіта тады, на мяжы стагоддзяў.

Перад перспектыўным спецыялістам была пастаўлена задача па рэарганізацыі Хоцімскага аднакласнага народнага вучылішча ў двухкласнае. Адказнае заданне было выканана бліскуча. Двойчы — па выніках 1901/1902 і 1902/1903 вучэбных гадоў — руплівая дзейнасць хоцімскага педагога адзначалася падзякай папярочцы Віленскай навучальнай акругі [9; 10].

І. А. Сербаву не адмовіўся і ад актыўнай жыццёвай пазіцыі. Ён уступіў у «Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Могилевской губернии», створанае ў 1901 г. [12, арк. 10 зв.; 15, с. 34]. Сябры гэтага таварыства — а іх колькасць у хуткім часе перавысіла 80 чалавек — збіралі грошы на фінансавую падтрымку дзейных і былых настаўнікаў, іх сямей, найбольш гаротных вучняў. Ісак Абрамавіч, хаця і не заўсёды мог прысутнічаць на агульных сходах, уносіў сваю лепту ў функцыянаванне арганізацыі [13, с. 380].

Этнаграфічная дзейнасць. Ужо аўтарытэтным даследчыкам Ісак Абрамавіч так апісваў свае першыя крокі ў навучы: «принимал участие в снаряжении Этнографического Отдела при Румянцевском музее, записывал предметы народного фольклора и пр.» [12, арк. 3; 4, с. 193]. Варта меркаваць, што пры складанні аўтабіяграфіі І. А. Сербаву памыліўся. Ён сапраўды прымаў удзел у фарміраванні этнаграфічнай калекцыі сталічнага музея, але не Румянцаўскага, а Рускага музея імператара Аляксандра III. Непасрэднай перасылкай этнаграфічных рэчаў займаўся не ён сам, а Е. Р. Раманаў — адзін з найвыбітнейшых этнографаў, фалькларыстаў, археолагаў свайго часу.

Дакладныя звесткі аб тым, дзе і калі І. А. Сербаву пазнаёміўся з Е. Р. Раманавым, не выяўлены. Высвятляючы гэты факт біяграфій двух навучоўцаў, варта ўгадаць дзве акалічнасці. З аднаго боку, у 1890 г. Еўдакім Раманавіч праводзіў археалагічныя даследаванні ў ваколіцах вёскі Кульшычы — малой радзімы Ісака Абрамавіча [5, с. 181–182]. Немагчыма, аднак, сказаць, ці сустрэўся тады навучэнец Полацкай настаўніцкай семінарыі са славутым даследчыкам. З другога боку, у 1913 г. падчас ліставання з акадэмікам А. А. Шахматавым Е. Р. Раманаў назваў сябе «б. инспектор г. Сербова» [26, арк. 1–2]. Як вядома, Е. Р. Раманаў працаваў у дырэкцыі народных вучылішчаў Магілёўскай губерні цягам 1895–1906 гг. Ён з’яўляўся адным з пяці інспектароў і займаўся рэвізіяй школ, што знаходзіліся ў некалькіх паветах. Хоцімскі павет, дзе доўгі час выкладаў І. А. Сербаву, у межах інспектарскага раёну Е. Р. Раманава не ўваходзіў. А вось Гомельскі павет, дзе Ісаку Абрамавічу давалося настаўнічаць пасля 1897 г., быў даручаны

Еўдакіму Раманавічу ў 1895–1899 гг. [16, с. 119; 17, с. 124; 18, с. 148]. Магчыма, малады педагог убачыў вядомага этнографа падчас працы ў Карме, дзе адбываў высылку за празмерную грамадскую актыўнасць.

Як бы там ні было, ужо ў пачатку ХХ ст. І. А. Сербаў дапамагаў Е. Р. Раманаву ў рэалізацыі яго амбітных праектаў. Першай важкай нагодай для супрацоўніцтва стала праца па камплектаванні фондаў Рускага музея імператара Аляксандра III. Гэты музей быў заснаваны ў Санкт-Пецярбургу у 1895 г. У 1902 г. пры музеі быў адкрыты этнаграфічны аддзел, калекцыі якога былі павінны адлюстроўваць асаблівасці матэрыяльнай культуры кожнага з народаў Расійскай Імперыі [21].

Адным з уплываваных музея стаў Е. Р. Раманаў. Цягам 1902–1908 гг. ён перадаў у фонды музея шэсць пасылак, у якія ўвайшлі звыш 1300 экспанатаў з усёй тэрыторыі Беларусі [24]. Паспяховае назапашванне прадстаўнічых музейных калекцый не было бы магчымым без дапамогі мясцовых энтузіястаў. Свой унёсак у арганізацыю беларускага аддзела ў музеі зрабіў і І. А. Сербаў. Цалкам верагодна, што ён далучыўся да збіральніцкай дзейнасці Е. Р. Раманава ўжо ў 1902 г., аднак дакладныя звесткі маюцца толькі ў дачыненні да падзей наступнага году.

У 1903 г. Е. Р. Раманаў адправіў у Санкт-Пецярбург трэцюю па ліку пасылку, якая важыла звыш 30 пудоў. Самую каштоўную частку калекцыі склалі ўзоры сялянскай вопраткі. Ісак Абрамавіч са свайго сціплага настаўніцкага заробку выдаткаваў грошы на пакупку ў сялян Клімавіцкага павету некалькіх мужчынскіх і аднаго дзявочага строю [11, с. 117].

Е. Р. Раманаў не зафіксаваў назваў тых населеных пунктаў, з якіх паходзілі рэчы. Тым не менш, варта паспрабаваць хаця бы прыблізна рэканструяваць маршруты падарожжаў этнографа-пачаткоўца. У 1918 г. у віленскай газеце «Гоман» з’явілася серыя артыкулаў І. А. Сербава, прысвечаных беларускай народнай песні. Разважанні даследчыка ілюстраваліся шматлікімі прыкладамі фальклорных твораў. Некалькі песень былі запісаныя ў Клімавіцкім павеце. У газетных публікацыях не пазначаўся час правядзення этнаграфічных экспедыцый. Нельга выключыць магчымасці таго, што ўжо дасведчаны навуковец знаёміў чытачоў менавіта з той спадчынай, якую сабраў на світанку сваёй дзейнасці. У Хоцімску, а таксама ў вёсцы Галічы, якая сёння адносіцца да Клімавіцкага раёна Магілёўскай вобласці, Ісак Абрамавіч запісаў прыпеўкі. У Галічах ён занатаваў і калыханкі [22, с. 2, 3].

Нягледзячы на захапленне этнаграфіяй, І. А. Сербаў працягваў выкладаць у школе. У 1903 г. ён быў прызначаны настаўнікам Гомельскага мужчынскага прыходскага вучылішча [12, арк. 3; 4, с. 193]. У павятовым цэнтры адкрываліся новыя кар’ерныя і даследчыя перспектывы.

Заклучэнне. Хоцімскі настаўнік І. А. Сербай выдатна выконваў свае выкладчыцкія абавязкі і неаднаразова атрымоўваў падзякі з боку кіраўніцтва. Як чалавек, адкрыты на патрэбы грамадства, ён карыстаўся заслужанай павагай мясцовай інтэлігенцыі. Цягам некалькіх гадоў Ісак Абрамавіч упарта шукаў справу, у якой мог бы знайсці прымяненне сваім талентам. Найважнейшы ўплыў на здзяйсненні ім выбар далейшага жыццёвага шляху зрабіў этнограф і археолаг Е. Р. Раманаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Агафонова Я.* Литература для народа и центральная аудитория для народных чтений как государственный просветительский проект во второй половине XIX века // Новое литературное обозрение. 2022. № 3 (175). С. 78–92.
2. Беларусы ў фатаздымках Ісака Сэрбава. 1911–1912=The Belarussians in the photos by Isaac Serbau=Baltarusiai Isako Serbovo metu fotografijose / склад., аўт. уступ. артыкула В. А. Лабачэўская. Мінск: Бел. Эн. імя П. Броўкі, 2012.
3. Беларусы: У 8-мі т. Т. 3: Гісторыя этналагічнага вывучэння / В. К. Бандарчык. Мінск : Бел. навука, 1999.
4. *Захаркевич С. А.* Исаак Абрамович Сербов (27.05.1871–21.01.1943) // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961) / А. Д. Король [и др.]. Минск: БГУ, 2019. С. 192–205.
5. *Копытин В. Ф.* Свод памятников археологии черныбыльской зоны Могилевской области. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 1998.
6. *Лабачэўская В. А.* Матэрыялы да біяграфіі Ісака Абрамавіча Сэрбава (1871–1943) // Номо Historicus. 2022. С. 38–55.
7. Местечко Хотимск, Климовичского уезда (Корреспонденция) // Могилев. губ. ведомости. 1897. № 22. Часть неоф. С. 111.
8. Местный отдел // Могилев. губ. ведомости. 1898. № 35. Часть неоф. С. 142.
9. Местный отдел // Могилев. губ. ведомости. 1902. № 23. Часть неоф. С. 1.
10. Местный отдел // Могилев. губ. ведомости. 1903. № 20. Часть неоф. С. 1.
11. Местный отдел // Могилев. губ. ведомости. 1903. № 28–29. Часть неоф. С. 117.
12. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 205. Воп. 3. Спр. 7480.
13. Общее собрание могилевского общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах, состоявшееся 4–5 августа 1905 г. // Могилев. губ. ведомости. 1905. № 94. Часть неоф. С. 380.
14. *Острога В. М.* Материальное положение учителей средних учебных заведений Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2017. № 1 (197). С. 36–41.
15. *Острога В. М.* Общественно-политическое движение учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. // Труды БГТУ. 2012. № 5. История, философия, филология. С. 31–34.
16. Памятная книжка Виленского учебного округа на 1895/96 учебный год. Вильна. Тип. А. Г. Сыркина, 1896.
17. Памятная книжка Виленского учебного округа на 1896/97 учебный год. Вильна. Тип. А. Г. Сыркина, 1897.
18. Памятная книжка Виленского учебного округа на 1898/99 учебный год. Вильна. Тип. А. Г. Сыркина, 1899.

19. Памятная книжка Виленского учебного округа на 1915 год. Вильна. Тип. А. Г. Сыркина, 1915.
20. Памяць: Хоцімскі раён: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад.: В. І. Баўрына [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2003.
21. Российский этнографический музей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ethnomuseum.ru/collections/collection> (дата обращения: 01.06.2024).
22. *Сербай І.* Аб беларускай народнай песьні // Гоман. 1918. № 94. С. 2–3.
23. *Сербов И. М.* Хотимск Могилевской г. (Корреспонденция) // Могилевские губернские ведомости. 1896. № 44. Часть неоф. С. 219.
24. Собиратели: Романов Евдоким Романович [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ethnomuseum.ru/collections/collectors/romanov-evdokim-romanovich> (дата обращения: 01.06.2024).
25. Санкт-Пецярбургскі філіял Федэральнай дзяржаўнай бюджэтнай установы навукі Архіва Расійскай акадэміі навук. Ф. 134. Воп. 3. Спр. 1374.
26. Цэнтральная навуковая бібліятэка ім. Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў. Ф. 42. В. 1. Спр. 2110. М. Я. Грынблат.

**ФУНКЦЫЯНЕР І КРАЯЗНАВЕЦ.
УДЗЕЛ ДАЦЭНТА БДУ А. А. СЯНКЕВІЧА
Ў КРАЯЗНАЎЧЫМ РУХУ БССР У 1920–1930-я гг.**

А. У. Дзянісаў

*Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 65, 220013, г. Мінск, Беларусь, dzianisau.1982@gmail.com*

У артыкуле на аснове архіўных крыніц паказаны ўдзел дацэнта БДУ А. А. Сянкевіча ў краязнаўчым руху ў 1920-я гг. Ён з'яўляўся ўдзельнікам некалькіх краязнаўчых арганізацый, дэлегатам важных краязнаўчых канферэнцый і з'ездаў, сумяшчаў кіраўнічую з навукова-даследчай дзейнасцю. А. А. Сянкевіч не толькі зрабіў уклад у разгортанне краязнаўчага руху ў 1920-я гг., але і ўскосна прычыніўся да ліквідацыі краязнаўчых арганізацый у другой палове 1930-х гг.

Ключавыя словы: краязнаўчы рух; культурнае будаўніцтва; навукова-даследчая дзейнасць; БДУ; краязнаўчыя канферэнцыі.

**ФУНКЦИОНЕР И КРАЕВЕД.
УЧАСТИЕ ДОЦЕНТА БГУ А. А. СЕНКЕВИЧА
В КРАЕВЕДЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В 1920–1930-е гг.**

А. В. Денисов

*Белорусский национальный технический университет,
пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь, dzianisau.1982@gmail.com*

В статье на основе архивных источников показано участие доцента БГУ А. А. Сенкевича в краеведческом движении в 1920-е гг. Он являлся членом нескольких краеведческих организаций, делегатом ключевых краеведческих конференций и съездов, совмещал управленческие должности с научно-исследовательской деятельностью. А. А. Сенкевич не только внес вклад в развитие массового краеведческого движения в БССР, но и имел косвенное отношение к ликвидации краеведческих организаций в другой половине 1930-х гг.

Ключевые слова: краеведческое движение; культурное строительство; научно-исследовательская деятельность, БГУ, краеведческие конференции.

**POLITICAL OFFICIAL AND LOCAL HISTORIAN.
THE PARTICIPATION OF ASSOCIATE PROFESSOR OF BSU
A.A. SIANKEVICH IN THE LOCAL STUDY MOVEMENT
OF THE BSSR IN THE 1920's–1930's**

A. U. Dzianisau

*Belarussian national technical university,
Nezavisimosty Ave., 65, 220013, Minsk, Republic of Belarus, dzianisau.1982@gmail.com*

The article, based on archival sources, shows the participation of BSU associate professor A.A. Sienkevich in the local history movement in the 1920's. He was a member of several local history organizations, a delegate to important local history conferences and congresses,

combined managerial with research activities. A. A. Sienkevich not only contributed to the development of the local history movement in the 1920's, but also indirectly contributed to the liquidation of local history organizations in the second half of the 1930's.

Keywords: local history; local studies movement; cultural construction; research activity; BSU; local history conferences.

У 1920-я гг. ў Савецкай Беларусі шпаркімі тэмпамі разгортваўся краязнаўчы рух. У пачатку 1930 г. краязнаўчая праца выйшла на першае месца ў Савецкім Саюзе па многіх паказчыках: колькасць добраахвотных краязнаўчых таварыстваў і гурткоў дасягала лічбы 330, а агульная колькасць членаў гэтых таварыстваў складала каля 10 000 чалавек. Удзельнікамі краязнаўчых таварыстваў і гурткоў былі як вядомыя навукоўцы, так і шараговыя працаўнікі асветы, тэхнічная інтэлегенцыя і вучнёўская моладзь.

Асобную групу ўдзельнікаў складалі прадстаўнікі ўлады: партыйныя функцыянеры, палітычныя дзеячы, члены апарата ЦК КП(б) Беларусі. Іх задачай была падтрымка нізавых ініцыятыў, накіроўванне працы грамадскіх арганізацый ў карысным для дзяржавы накірунку, нагляд і кантроль беларускай інтэлегенцыі. Часта яны сумяшчалі палітычную, навуковую і творчую працу. У склад гэтай групы уваходзіў партыйны і палітычны дзеяч Аляксандр Антонавіч Сянкевіч, які стаў важнай асобай у сацыяльна-палітычным, навуковым і культурным жыцці Савецкай Беларусі на працягу 20–30-х гг. XX ст.

Жыццю і дзейнасці А. А. Сянкевіча прысвечана некалькі матэр'ялаў, у прыватнасці артыкулы А. Камароўскага і С. Гамолкі, дзе прыводзяцца цікавыя факты яго біяграфіі [6; 3]. Разам з тым абодва артыкулы не ўтрымліваюць спасылак на архіўныя сінхронныя крыніцы.

Нарадзіўся А. А. Сянкевіч 20 студзеня 1884 г. у вёсцы Мікалаеўшчына Стаўбцоўскага раёна. У 1902 г. скончыў нясвіжскую настаўніцкую семінарыю, працаваў настаўнікам. У 1905–1906 гг. удзельнічаў у рэвалюцыйным руху, стаяў на сацыялістычных пазіцыях. А. А. Сянкевіч быў адным з арганізатараў нелегальнага з'езду беларускіх настаўнікаў, які адбыўся 9 ліпеня 1906 г. недалёка ад сяла Мікалаеўшчына Свэржанскага павета Мінскай губерні (суч. Стаўбцоўскі раён Мінскай вобласці). У працы з'езда прымалі ўдзел К. М. Міцкеіч (Я. Колас), І. М. Федараў (Я. Маўр), І. Н. Лапцэвіч, С. Ф. Самахвал і інш. А. А. Сянкевіч быў абраны старшынёй з'езда. Пасля ўдзельнікі з'езда былі арыштаваныя царскімі ўладамі.

Затым А. А. Сянкевіч эміграваў у Паўночную Амерыку, дзе ўдзельнічаў у палітычным і прафсаюзным руху, наладжваў сувязі з камуністычнымі сіламі. У 1913 г. скончыў медыцынскі факультэт Мэрылэндскага ўніверсітэта ў Коледж-Парку (University of Maryland, College Park) у Балтымору. У 1916 г. вёў медыцынскую практыку на Алясцы.

Пасля Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. А. А. Сянкевіч, як і іншыя палітычныя эмігранты, вырашыў вярнуцца на тэрыторыю былой Расійскай Імперыі праз Далёкі Ўсход разам з А. М. Краснашчокавым. Ён прымаў удзел у партызанскім руху, займаўся прафсаюзнай і партыйнай працай, займаў пасаду намесніка міністра народнай асветы ва ўрадзе Дальняўсходняй рэспублікі.

Пасля ліквідацыі Дальняўсходняй рэспублікі ў 1921 г. А. А. Сянкевіч пераехаў у БССР, дзе пабудоваў бліскучую кар’еру. Ён заняў пасаду Народнага камісара па справах аховы здароўя, у 1922 г. узначаліў агітацыйна-прапагандысцкі аддзел акруговага партыйнага камітэта ў Віцебску. У 1923 г. стаў рэдактарам літаратурнага часопіса «Полымя».

У гэты перыяд у Савецкай Беларусі шпаркімі тэмпамі адбывалася дзяржаўнае, эканамічнае і навукова-культурнае будаўніцтва, якое выклікала вялікі энтузіязм у грамадстве. Узніклі шматлікія добраахвотныя грамадскія таварыствы і арганізацыі, у тым ліку і краязнаўчыя. У 1921–1923 гг. цэнтрам краязнаўчай працы зрабіўся Мінск, дзе дзейнічала таварыства гісторыі і старажытнасцяў. Яго членамі былі такія вібітныя навукоўцы як У. І. Пічэта, Ф. Ф. Турук, Я. Ф. Карскі, М. А. Янчук. Мінскае таварыства гісторыі і старажытнасцяў займалася гістарычнымі і этнаграфічнымі даследаваннямі, праводзіла навукова-даследчыя экспедыцыі і наладжвала сувязі з краязнаўчымі таварыствамі БССР [12, л. 1–6].

Важнасць краязнаўчай справы пачалі разумець улады. Загадам Народнага камісарыята асветы ад 28 сакавіка 1924 г. за № 41 пры Інстытуце беларускай культуры (Інбелкульт) было створана Цэнтральнае бюро краязнаўства (ЦБК). У яго склад увайшлі У. І. Пічэта (першы старшыня), А. А. Смоліч, С. В. Скандракоў (сакратар), М. В. Азбукін, В. Д. Дружыц, прадстаўнікі ад Агітацыйна-прапагандысцкага аддзела ЦК КП(б) Беларусі (АПА), ад ЦК КСМБ, Галоўнага ўпраўлення палітыка-асветнай работы, Галоўнага ўпраўлення сацыяльнага выхавання і Саюза прадстаўнікоў асветы і інш. [24, л. 6]. Асноўнымі задачамі ЦБК лічыліся арганізацыя краязнаўчых таварыстваў і агульнае кіраванне іх дзейнасцю, арганізацыя ўсебеларускіх канферэнцый па краязнаўстве, збор экспанатаў праз таварыствы краязнаўства і размеркаванне іх па музеях, аддзелах і секцыях Інбелкульту, выданне прац, праграм і анкет па краязнаўстве. Гэта дало імпульс да развіцця краязнаўчай працы [25, л. 126].

У Віцебску А. А. Сянкевіч праявіў цікавасць да краязнаўчай справы, пазнаёміўшыся з М. І. Каспяровічам, удзельнікам Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцяў, актыўным удзельнікам краязнаўчага руху. У канцы 1923 г. у Віцебску пачалася праца па арганізацыі таварыства краязнаўства пры губернскім, а пазней акруговым аддзеле народнай асветы, якое ўзначаліў М. І. Каспяровіч [1, с. 3]. Таварыства мела падзел

на секцыі: прыродазнаўча-геаграфічная, эканамічная, этнаграфічная і культурна-гістарычная. Часовым праўленнем быў створаны план працы, галоўнымі пунктамі якога былі навукова-даследчая, выдавецкая дзейнасць і папулярызацыя ідэй краязнаўства. Статут таварыства быў прадстаўлены на зацвярджэнне ў Прэзідыўм губернскага выканаўчага камітэту праз губернскі аддзел, а пазней у прэзідыўм павятова-гарадскога выканаўчага камітэта праз павятовы аддзел народнае асветы [10, с. 3]. Аднак у зацвярджэнні на той момант было адмоўлена, у адпаведнасці з пастановамі СНК РСФСР аб тэрміне рэгістрацыі навуковых таварыстваў, дзейнасць Віцебскага таварыства была прыпыненая [7, с. 36].

У сакавіку 1924 г. Віцебская губерня ўвайшла ў склад БССР. З гэтага часу патрэба ў комплексным даследаванні края для дзяржаўнага і эканамічнага будаўніцтва стала відавочнай. Статут Віцебскага краязнаўчага таварыства быў зацверджаны 3 верасня 1924 г., яно атрымала легальны статус і магчымасць для працы. У лістападзе 1924 г. на трэцім пасяджэнні таварыства было абрана праўленне, у склад якога ўвайшлі М. І. Каспяровіч, А. А. Сянкевіч і інш. Былі сфарміраваны 2 камісіі: рэвізійная і бібліяграфічная, задача апошняй была ў складанні бібліяграфіі па Віцебшчыне [11, с. 3]. А. А. Сянкевіч разам з іншымі краязнаўцамі прыняў удзел у Першай Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі (рыс. 1).

*Рыс. 1. Члены Віцебскага краязнаўчага таварыства, 1924.
А. А. Сянкевіч (другі злева ў ніжнім шэрагу) і М. І. Каспяровіч (трэці злева)*

Усебеларуская краязнаўчая канферэнцыя прайшла з 29 лістапада па 1 снежня 1924 г. У ёй прынялі ўдзел прадстаўнікі усіх краязнаўчых арганізацый Савецкай Беларусі. Ад імя Інбелкульта на адкрыцці канферэнцыі выступіў вучоны сакратар Я. Л. Дыла. У прэзідыўм канферэнцыі увайшлі А. А. Сянкевіч, А. А. Смоліч, А. І. Ажгірэў (А. Вольны). Сакратаром канферэнцыі стаў М. І. Каспяровіч.

Акрамя гэтага ў канферэнцыі ўдзельнічалі прафесар І. І. Замоцін, даследчык батанікі У. У. Адамаў, работнік Цэнтрархіва БССР М. В. Мялешка, К. К. Атраховіч (К. Крапіва), прафесар А. М. Грыгор’еў, прафесар Б. К. Тарлецкі, прафесар С. У. Скандракоў, А. А. Самцэвіч і інш. Колькасць удзельнікаў складала каля 40 асобаў [23, с. 168].

А. А. Сянкевіч уваходзіў у прэзідыўм канферэнцыі, у сваіх прамовах ён падкрэсліваў вялікае значэнне краязнаўчай справы для камуністычнай партыі Беларусі і заклікаў усіх членаў краязнаўчых таварыстваў і прадстаўнікоў іншых арганізацый рашуча ўзяцца за краязнаўчую працу, каб паспрыяць узмацненню эканомікі і культуры БССР.

Па выніках канферэнцыі А. А. Сянкевіч быў абраны адным з дэлегатаў на Усесаюзны краязнаўчы з’езд у Маскве. Пасля гэтага ён застаўся на працы у РСФСР, заняўшы пасаду загадчыка беларускага сектара Камуністычнага ўніверсітэта нацыянальных меншасцяў Захаду, на якой працаваў да пачатку 1926 г. За гэты час большасць пастановаў Першай Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі была рэалізавана, па ўсёй тэрыторыі БССР узніклі новыя краязнаўчыя таварыствы, адбылося фарміраванне сістэмы арганізацыі і кіравання краязнаўчай працай [20, с. 170–171].

ЦБК пры Інбелкульце праводзіла актыўную дзейнасць, ажыццяўляла меры па наладжванню сувязяў з існуючымі краязнаўчымі таварыствамі, стымулявала ўзнікненне новых, накіроўвала іх дзейнасць і распаўсюджвала метадычную літаратуру. У 1925 г. было распачата выданне спецыялізаванага краязнаўчага часопіса «Наш край», дзе змяшчаліся вынікі краязнаўчых даследаванняў і метадычныя інструкцыі. У першым нумары часопіса быў надрукаваны артыкул А. А. Сянкевіча, прысвечаны тэме аграрнага руху на Міншчыне ў 1905–1906 гг. [21].

Асноўным відам працы краязнаўчых таварыстваў з’яўлялася навуковае апісанне тэрыторыі. Гэтыя працы павінны былі скласці адзіны комплексны калектыўны твор усёй краязнаўчай сеткі — краязнаўчае апісанне БССР. Усім краязнаўчым арганізацыям было прадпісана прымаць актыўны ўдзел у працы Інстытута беларускай культуры і яго секцый шляхам збірання навуковых матэрыялаў па існуючых інструкцыях, пасылаючы матэрыялы ў аддзелы і камісіі праз ЦБК. Асаблівая ўвага надавалася матэрыялам па народнай мове і фальклору. Усё гэта выклікала патрэбу правесці яшчэ адну вялікую краязнаўчую канферэнцыю, якая была пазней названа Першым Усебеларускім краязнаўчым з’ездам [4, с. 5].

Першы Усебеларускі краязнаўчы з'езд адбыўся з 7 па 10 лютага 1926 г. у памяшканні Інбелкульта, дзе былі абмеркаваны асноўныя накірункі дзейнасці краязнаўчых арганізацый, быў агучаны агульны лік членаў краязнаўчых таварыстваў — 5000 чалавек і рух працягваў павялічвацца. У асноўнай рэзалюцыі з'езду краязнаўчым арганізацыям прапанавалася пачаць больш інтэнсіўную дзейнасць па ўцягванню ў краязнаўчую працу шырокіх працоўных мас, прадстаўнікоў нацыянальных меншасцяў, чые нацыянальныя аддзелы дзейнічалі пры Інбелкульце. Вялікая ўвага павінна была надавацца краязнаўчаму ўхілу школ і ўвязванню іх дзейнасці па вывучэнню края з дзейнасцю краязнаўчых і гаспадарчых арганізацый [16, с. 5].

У працы з'езду прынялі ўдзел 143 дэлегаты: прадстаўнікі ад камісій Інбелкульта, ЦБК і музеяў, краязнаўчых таварыстваў і гурткоў. У спісе дэлегатаў запісана прозвішча «А. Сянкевіч», які прадстаўляў на з'ездзе полацкіх краязнаўцаў [19, с. 78]. Магчыма А. А. Сянкевіч перад пераездам з Масквы ў Мінск выконваў працу ў полацкай акрузе.

Рыс. 2. Члены праўлення і рэвізійнай камісіі навукова-даследчага краязнаўчага таварыства БДУ, 1927 г. У сярэднім шэрагу злева направа: кіраўнік яўрэйскага сектара ЦБК Г. С. Аляксандраў, дацэнт І. М. Пшанічны, прафесар В. Д. Дружыц, старшыня таварыства прафесар У. І. Пічэта, дацэнт А. А. Сянкевіч, намеснік старшыні ЦБК А. З. Казак

У 1926–1928 гг. А. А. Сянкевіч з'яўляўся дацэнтам БДУ, займаў пасаду загадчыка кафедры гісторыі партыі і ленінізму на факультэце Права і гаспадаркі [14, л. 28]. У гэты час ён быў адным з актыўных удзельнікаў навукова-даследчага краязнаўчага таварыства БДУ (рыс. 2). У фондзе БДУ Нацыянальнага архіва рэспублікі Беларусь пратаколы пачатку працы

таварыства датаваны 1928 г., аднак гэта выклікана канчатковым афармленнем сістэмы кіравання краязнаўчым рухам і ўніфікацыяй дакументаў краязнаўчых таварыстваў усіх узроўняў, якія былі распрацаваны ЦБК у канцы 1927 г. [15, л. 3–16].

Краязнаўчае навукова-даследчае таварыства БДУ пачало сваю дзейнасць у 1925 г. у выніку аб'яднання некалькіх краязнаўчых студэнцкіх гурткоў. На першым этапе таварыства сутыкнулася з шэрагам цяжкасцяў: адсутнасцю матэрыяльнай базы, сродкаў на экспедыцыі, экскурсіі і метадычную літаратуру, а таксама няўвязка працы таварыства з вучэбнымі планами [9, с. 111]. Канчатковае фарміраванне секцый і працы адбылося на працягу 1926–1927 гг. Таварыства БДУ паставіла перед сабой наступныя задачы: аб'яднанне акадэмічных сіл і студэнцкіх гурткоў вакол навукова-даследчай працы, падрыхтоўка студэнтаў-краязнаўцаў, усебаковае вывучэнне краіны праз збіранне краязнаўчага матэрыялу як асобнымі членамі, так і шляхам экспедыцый, навукова-даследчая апрацоўка сабраных матэрыялаў, публікацыя вынікаў працы у навуковых і папулярных выданнях. Найбольш актыўны перыяд працы краязнаўчага таварыства БДУ адбываўся у летні перыяд [17, с. 27].

Працай таварыства кіравала праўленне з 12 асобаў, сярод якіх былі прафесары У. І. Пічэта (старшыня), В. Д. Друшчыц, М. Ф. Бліодоу, дацэнт А. А. Сянкевіч, студэнты І. Н. Марук, М. М. Улашчык, А. Г. Аніхоўскі і інш. [8, с. 85–88].

Дацэнт А. А. Сянкевіч на працягу 1926–1927 гг. выконваў абавязкі намесніка старшыні таварыства, узначальваў сацыяльна-эканамічную секцыю, якая мела две камісіі: прававую і эканамічную, выступаў з дакладамі, прымаў удзел у шэрагу навукова-даследчых экспедыцый. Акрамя гэтага ён падтрымліваў цесныя сувязі з Цэнтральным бюро краязнаўства, выступаў на яго пасяджэннях. У спісе дэлегатаў Другога Усебеларускага краязнаўчага з'езда А. А. Сянкевіч быў пазначаны ў спісах як прадстаўнік не навукова-даследчага таварыства БДУ, а ЦБК [18, с. 122].

Другі Усебеларускі з'езд адбыўся 10–13 лютага 1927 г. У яго рабоце прыняла ўдзел 180 дэлегатаў ад краязнаўчых таварыстваў і гурткоў Савецкай Беларусі. З'езд адзначыў, што краязнаўчы рух развіваецца ў належным кірунку [18, с. 6–8]. На ім была канчаткова аформлена структура краязнаўчай сеткі: нізавы гурток, які вывучае частку раёну, раённае таварыства краязнаўства, акруговае таварыства краязнаўства [18, с. 123–125]. Праца Другога Усебеларускага з'езда праводзілася па 4 секцыях: прырода-геаграфічнай, культурна-гістарычнай, школьна-краязнаўчай і яўрэйскай. З'езд прыняў рэзалюцыю, асноўныя пункты якой былі накіраваны на развіццё ўжо дасягнутых вынікаў, паглыбленне краязнаўчай працы, наданне ёй большай масавасці і пераадоленне недахопаў.

На з'ездзе быў сфарміраваны новы склад ЦБК: М. І. Бялуга (старшыня), А. З. Казак (намеснік), М. І. Каспяровіч (навуковы сакратар), 2 агульных інструктары К. К. Астраховіч (К. Крапіва) і А. А. Шашалевіч і 2 інструктары нацменшасцяў — Г. С. Аляксандраў (яўрэйскі сектар) і К. А. Дамброўскі (польскі сектар) [5, с. 61].

У 1928 г. А. А. Сянкевіч стаў рэктарам Беларускага Камуністычнага універсітэта імя Леніна, з 1929 г. — загадчыкам аддзела друку, культуры і прапаганды ЦК КП(б) Беларусі. У 1931–1932 г. працаваў у Інстытуце літаратуры і мастацтва Беларускай акадэміі навук (па іншых звестках — узначальваў установу).

У сярэдзіне 1930 г. у БССР была разгорнута барацьба з нацыянал-дэмакратызмам, па абвінавачванням у шкодніцкай і антысавецкай дзейнасці былі арыштаваны і асуджаны многія дзеячы навукі і культуры БССР, ў тым ліку і тыя, з якімі супрацоўнічаў А. А. Сянкевіч па краязнаўчай справе: М. І. Каспяровіч, М. В. Азбукін, А. А. Смоліч, М. М. Шчакаціхін, С. М. Мялешка і інш. Быў арыштаваны і прафесар У. І. Пічэта, які нядоўгі час ўзначальваў ЦБК і з'яўляўся старышнёй навукова-даследчага краязнаўчага таварыства БДУ.

«Чыстку» краязнаўчага руху, пераарыентацыю сеткі краязнаўчых арганізацый на пралетарскія рэйкі ў 1930–1931 гг. суправаджала крытыка ранейшых дасягненняў краязнаўцаў ў прэсе і на старонках асобных выданняў. А. А. Сянкевіч у гэты перыяд выдаў брашуру «За ленінскую лінію ў нацыянальнай палітыцы», дзе таксама аблічаў нацыянал-дэмакратаў, шавіністаў і іншых ворагаў пралетарскай беларускай культуры. Аднак краязнаўства ім не было закранута, у асноўным пад агонь яго крытыкі трапілі літаратурныя колы [22].

У сярэдзіне 1930-х А. А. Сянкевіч ізноў пераехаў у Маскву. Там ён працаваў дырэктарам Інстытута гігіены і санітарыі Народнага камісарыята аховы здароўя РСФСР (1932), загадчыкам сектара Міжнароднай ленінскай школы (1933), старшынёй аддзела падрыхтоўкі кадраў ва Усесаюзным радыёкамітэце (1935–1937). Іншыя задачы прымусілі яго аддаліцца ад краязнаўчай справы.

У канцы 1930-х гг. А. А. Сянкевіч, як і шмат іншых работнікаў апарата ЦК КП(б) Беларусі, патрапіў пад палітычныя рэпрэсіі. У 1937 г. ён быў выключаны з шэрагаў партыі, а ў студзені 1938 г. арыштаваны і этапаваны ў Мінск [2, с. 96].

У партыйным фондзе НАРБ захаваны пратакол яго допыту ад 10 лютага 1938 г. У ім А. А. Сянкевіч прызнаўся ў прыналежнасці да антысавецкай, нацыянал-фашысцкай арганізацыі, у якую быў завербаваны ў 1925 г. у Маскве разам М. Чаротам, У. М. Ігнатоўскім і А. І. Хацкевічам. Ён даў

паказанні на вядомых дзеячоў беларускай дзяржавы, сярод якіх былі А. Р. Чарвякоў, М. М. Галадзед, Я. П. Адамовіч, А. Ф. Адамовіч, А. Ф. Ульянаў і інш. У прыналежнасці да нацыянал-фашысцкай арганізацыі, трацкіскага цэнтру ім былі дадзены паказанні на літаратараў і навукоўцаў А. І. Аляксандравіча, А. Вольнага, П. Р. Галавача, М. Чарота, М. Зарэцкага, гісторыка М. Д. Дружчыца, прэзідэнта Акадэміі Навук БССР П. В. Горына (Каляду), рэктара БДУ Я. П. Каранеўскага, сакратара Акадэміі навук БССР П. Я. Панкевіча і інш. [12, л. 5–12].

Акрамя гэтага А. А. Сянкевіч даў паказанні супраць двух дзеячоў краязнаўчага руху: М. І. Бялугі, які з’яўляўся стрышынёй ЦБК у 1926–1929 гг. і займаў пасаду віцэ-прэзідэнта Акадэміі Навук БССР і А. З. Казака, які выконваў абавязкі намесніка старшыні (1926–1929) і старшыні ЦБК (1929–1930) [12, л. 27, 31].

У канцы 1930-х гг. палітыка ўладаў была накіравана на згортванне краязнаўчага руху як масавай грамадскай з’явы. У 1936 г. пры Акадэміі навук было ліквідава ЦБК, а у 1938 г. спыненая дзейнасць усіх краязнаўчых арганізацый у БССР. А. А. Сянкевіч быў асуджаны да вышэйшай меры пакарання і расстраляны 29 ліпеня 1938 г. У 1950-я гг. ён быў рэабілітаваны як і большасць з тых, хто прысутнічаў у пратаколе допыту.

Такім чынам дацэнт БДУ, партыйны функцыянер і навуковец А. А. Сянкевіч з’яўляўся яшчэ і актыўным удзельнікам краязнаўчых арганізацый. Ён дачыніўся да краязнаўчага руху на этапе яго станаўлення, калі фарміравалася сістэма кіраўніцтва і каардынацыі краязнаўчымі арганізацыямі Савецкай Беларусі. У 1920-я гг. А. А. Сянкевіч уваходзіў у склад некалькіх добраахвотных арганізацый, якія актыўна займаліся краязнаўчай справай: Віцебскае акруговае краязнаўчае таварыства ў 1923–1924 гг. і Навукова-даследчае краязнаўчае таварыства БДУ (1926–1927). Ён быў членам кіруючых органаў абодвух арганізацый, прымаў удзел у працы секцый, выступаў на паседжаннях, рабіў навуковыя даклады і публікацыі. А. А. Сянкевіч прымаў удзел у Першай Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі (1924) і Другім Усебеларускім краязнаўчым з’ездзе (1927), па выніках якіх былі прынятыя важныя рэзалюцыі да напрамкаў навукова-даследчай, метадычнай і ідэалагічнай працы краязнаўцаў, арганізацыйная структура сеткі краязнаўчых арганізацый БССР. А. А. Сянкевіч прадстаўляў краязнаўчы рух Савецкай Беларусі на краязнаўчым з’ездзе ў РСФСР і супрацоўнічаў з Цэнтральным бюро краязнаўства. У канцы 1920-х гг. ён аддаліўся ад краязнаўчай справы і засяродзіўся ў сваёй прафесійнай дзейнасці на іншых сферах. Падчас рэпрэсій другой паловы 1930-х гг. А. А. Сянкевіч быў вымушаны даць паказанні на былых калег і паплечнікаў па краязнаўчаму руху. Можна сказаць, што яго палітычная, навуковая кар’ера і жыццёвы

шлях дасягнулі свойго піку падчас станаўлення краязнаўчага руху ў БССР і былі спынены адначасова са згортваннем масавай краязнаўчай дзейнасці у канцы 1930-х гг.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Вітэль Д.* Культурнае жыццё Віцебшчыны // Савецкая Беларусь. 1924. 5 кастр. С. 3.
2. Вовращенные имена. Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в ходе политических репрессий. Минск: Навука и тэхніка, 1992.
3. *Галоўка С.* Скрыжалі лёсу Алеся Сянкевіча // Беларуская думка. 2018. № 3. С. 48–54.
4. Да Другой Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі // Савецкая Беларусь. 1926. 7 лют. С. 5.
5. Другі Усебеларускі краязнаўчы з’езд // Наш край. 1927. № 2. С. 60–62.
6. *Камароўскі А.* Хроніка аднаго жыцця // Палымя. 1973. № 4 С. 218–224.
7. *Каспяровіч М.* Краязнаўства. Мінск: Бел. дзярж. выдавецтва, 1929.
8. Краязнаўчае навукова-даследчае тварыства БДУ Наш край. 1927. № 8–9. С. 85–88.
9. Краязнаўчае таварыства пры БДУ // Наш Край. 1927. № 6–7 С. 111.
10. Краязнаўчая праца. Віцебск // Савецкая Беларусь. 1924. 18 ліст. С. 3.
11. Краязнаўчыя арганізацыі ў БССР // Наш Край. 1925. № 1. С. 6–10.
12. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 13374.
13. НАРБ. Ф. 34. Воп. 1. Спр. 170.
14. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 300.
15. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 330.
16. Першы Усебеларускі з’езд краязнаўства // Савецкая Беларусь. 1926. 11 лют. С. 5.
17. *Пічэта У.* Краязнаўства ў Беларускім дзяржаўным універсітэце // Наш Край. 1927. № 10. С. 26–30.
18. Працы Другога Усебеларускага краязнаўчага з’езда. 10–13 лютага. / ІнБелкульт. Цэнтр. Бюро краязнаўства. Менск: Выд. Ін-та Бел. культуры, 1927.
19. Працы Першага Усебеларускага краязнаўчага з’езда. 7–11 лютага. Менск: Коштам Ін-та Бел. культуры, 1926.
20. Рэзалюцыя Першай Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі // Асвета. 1924. № 3 С. 170–171.
21. *Сянкевіч А.* Аграрны рух на Меншчыне 1905-6 // Наш край. 1925. № 1. С. 28–31.
22. *Сянкевіч А.* За ленінскую лінію ў нацыянальнай палітыцы. Мінск: Партмассектар, 1931.
23. Усебеларуская краязнаўчая канферэнцыя // Асвета 1924. № 3 С. 168–169.
24. Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі (ЦНА НАНБ). Ф. 67. Воп. 1. Спр. 9.
25. ЦНА НАНБ. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 12.

**ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.:
ЛЕКЦИЯ В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ**

К. Д. Довматович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, kirill28.02@mail.ru*

В статье анализируются содержательные и концептуальные составляющие лекций П. С. Дроздова по истории Великого Княжества Литовского, которые были законспектированы С. Н. Кругловым в середине 1930-х гг. в Институте красной профессуры. Автор пришел к выводу о том, что П. С. Дроздов строил лекции на основе работ М. К. Любавского, при этом применяя ряд положений марксистско-ленинской методологии.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское; историография; лекция; Институт красной профессуры.

**HISTORY OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA
IN THE STUDENT AUDITORIUM OF THE INSTITUTE
OF RED PROFESSORS IN THE MID-1930's: A LECTURE
IN THE CONTEXT OF THE HISTORIOGRAPHICAL DIMENSION**

K. D. Dovmatovich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, kirill28.02@mail.ru*

The article analyzes the substantive and conceptual components of P. S. Drozdov's lectures on the history of the Grand Duchy of Lithuania, which were summarized by S. N. Kruglov in the mid-1930's at the Institute of Red Professors. The author came to the conclusion that P. S. Drozdov based the content and concept of these lectures on the works of M. K. Lyubavsky, while applying a number of provisions of Marxist-Leninist methodology.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; historiography; lecture; Institute of Red Professors.

Историография, как отдельное направление научного знания, имеет институциональное, персональное, текстуальное, идейное и иные измерения, которые традиционно применяются в исследованиях. Однако в процессе подготовки историка до сегодняшнего дня важная роль отводится университетской аудитории, в которой у будущих исследователей прививается интерес к определенному периоду, тематике, стране. Студенческая аудитория становится полем поиска, апробации, ретрансляции идей для уже состоявшихся ученых. В этом смысле лекция преподавателя в студенческой аудитории может стать интересным источником для изучения историографии.

В данной работе главным источником анализа послужил фрагмент конспекта лекций слушателя восточного отделения Института красной профессуры истории (ИКП) в Москве Сергея Никифоровича Круглова (1907–1977), который он вел в 1935/1936 учебном году. В частности, этот фрагмент представляет лекции Петра Степановича Дроздова (1900–1937), которые он прочитал 4 и 8 февраля 1936 г. [1, с. 365–375]. Сам же П. С. Дроздов преподавал в ИКП учебный курс «История СССР», который охватывал период с древнейших времен до Люблинской унии 1569 г. Примечательно, что лекции по истории Литвы были в курсе «Истории СССР» еще до инкорпорации Балтийских республик в состав Советского Союза в 1939–1940 гг. [1, с. 282–375].

Конспект лекций С. Н. Круглова хранится в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 10146. Оп. 1. Д. 5). В 2022 г. Евгения Андреевна Долгова опубликовала данный источник, дополнив его исследованием по отдельным проблемам истории ИКП и биографиями действующих лиц. Также представлено подробное археографическое описание источника [1].

Важно отметить, что, анализируя фрагмент конспекта лекций С. Н. Круглова, следует учитывать обстоятельства создания этого источника. В первую очередь это то, что записи велись на слух во время лекции. Помимо этого, конспектирование само по себе является специфическим дидактическим приемом, при помощи которого студент пытается максимально быстро и сокращенно и, в то же время, содержательно зафиксировать учебный материал в тетради. Также не исключено, что сам слушатель по разным причинам мог иначе отобразить некоторые положения лекционного материала в сравнении с тем, что на самом деле имел в виду лектор. Эти обстоятельства объективно ведут к грамматическим и идейным неточностям, которые отображены на страницах конспекта лекций. С одной стороны, это создает сложности для историографического измерения данного источника. А с другой стороны, подобная специфика источника позволяет увидеть уникальные стороны учебы студента ИКП в середине 1930-х гг.

В курсе «Истории СССР» П. С. Дроздов еще до тематических лекций затрагивал Великое Княжество Литовское в контексте проблем феодальных отношений XII–XIV вв. [1, с. 333], истории Галицко-Волынского княжества [1, с. 336], борьбы с Московским государством [1, с. 362–365]. Лекция от 4 февраля 1936 г. в конспекте фигурирует под названием «Литва» [1, с. 365]. А лекция от 8 февраля того же года в конспекте отмечена без названия, поскольку она является логичным продолжением предыдущего занятия [1, с. 369]. Важно отметить, что тематические лекции по истории Великого Княжества Литовского П. С. Дроздов довел до

Люблинской унии 1569 г. Подобная верхняя хронологическая рамка, вероятно, была перенята лектором с работ М. К. Любавского. Тем более, что П. С. Дроздов являлся выпускником Московского государственного университета, в котором продолжительное время работал М. К. Любавский [1, с. 284]. Уния 1569 г. в таком случае понималась как ключевое событие в истории Княжества, которое привело к утрате независимости этого государства. Хотя еще во времена Российской империи в историографии были выдвинуты идеи о суверенитете Великого Княжества Литовского в составе Речи Посполитой (И. И. Лаппо) [3]. А в 1920-е гг. подобные идеи высказывались и в белорусской советской историографии (В. Д. Дружчыц) [2]. Во многом такой подход П. С. Дроздова к содержательной составляющей своих лекций объясняется его академической подготовкой в рамках традиций Московского университета, что более очевидно прослеживается по ряду других сюжетов.

Перед повествованием об истории Великого Княжества Литовского П. С. Дроздов дал характеристику жизни балтских племен (в конспекте — «литовских племен») в догосударственный период. Были обрисованы границы расселения балтов, географические особенности этих территории, племенные группы, их хозяйственная деятельность, общественный строй, отмечалась примитивность общественной организации у балтов. По поводу источников по ранней истории балтов говорилось о скудности как археологических памятников, так и письменных [1, с. 365–366]. Говоря об образовании Великого Княжества Литовского, П. С. Дроздов выделил период 40-х гг. XIII в. Первую причину возникновения государственности у балтов лектор видел во внешнеполитической обстановке, которая характеризовалась военной колонизацией со стороны крестоносцев, а также междоусобной борьбой князей на белорусско-украинских землях [1, с. 367–368]. Вторая причина — личность Миндовга, который «в 30-х [гг.] XIII в. выделяется... во главе феод[ального] союза литов[ских князей]... В 1248 г. убивает наиболее видных феодалов (съезд), других покоряет. Складывается княжество Миндовия. / В 40-х гг. XIII в. он подчиняет себе территорию Черной Руси (Гродно и т. д.) Столицу основывает в Новгородке» [1, с. 368]. При этом роль славянского населения в образовании Княжества не отмечалась на страницах конспекта.

После убийства Миндовга в 1263 г. «Лит[овское] госуд[арство] переживает кризис. Начинается распад госуд[арства]...». Несмотря на это, в дальнейшем «...Княжество Литвы перешло к Витию [Витеню — К. Д.], а затем Гедымин (1315–1341) усилил мощь Литовского госуд[арства]». Рассказывалось про расширения границ Княжества за счет славянских земель и про успешную борьбу Гедимины с крестоносцами, из-за которой

были созданы крепость Ковно и укрепленный город Вильно. При этом столичный статус Вильно отмечен не был [1, с. 368]. П. С. Дроздов рассказал о передаче власти в Княжестве после смерти Гедимина его сыну Евнуту и о последующим заговоре Ольгерда и Кейстута (в конспекте — «Ольгерт», «Альгерд», «Кейстуд»). Было отмечено, что западная часть государства была передана под управление Кейстута, а южная и юго-восточная — Ольгерду (1345–1377). Последний, как великий князь, продолжил колонизаторскую политику, в результате которой этнический состав населения Великого Княжества Литовского стал дуалистическим (балты и славяне). Говорилось о сильном культурном влиянии славян. В конспекте отмечалось: «Своеобразие: крупное госуд[арство] уже сложилось, а нация еще не сформировалась. На западе — наоборот» [1, с. 368–369].

Следующая лекция от 8 февраля 1936 г. начинается со смерти Ольгерда и последующей борьбой за власть между Ягайло и Кейстутом, а затем и Витовтом. Причиной этой борьбы П. С. Дроздов видел в том факте, что Ягайло был не страшим в роду и не старшим сыном Ольгерда. Дальнейшее повествование лектор подводит к проблематике Кревской унии 1385 г. (в конспекте — «Крептскую унию»). Говорилось о положении дел в Польше в конце XIV в.: более развитые феодализм и экономика, развитие шляхетского сословия и его количественный рост. Все это лектор свёл к недостатку территорий внутри Польши и желанию шляхты к приобретению новых земель. Ключевым событием была смерть польского короля Людовика Венгерского в 1382 г., который оставил после себя дочь Ядвигу. Уния, по представлению П. С. Дроздова, состояла из следующих компонентов: брачный договор 1385 г., свадьба Ядвиги с Ягайло и коронация последнего польским королем. По поводу брачного договора 1385 г. говорилось, что «Ягайло (крещ[енный] по прав[ославному] обр[яду]) крестится по катол[ическому] обряду — себя, и ближ[айших] родственников, и народ. Вернуть польск[ой] короне земли Волыни и т. д. Присоединить навеки к Польше земли литов[ские] и русские. / Т. е. полное прекращ[ение] Литвы как госуд[арства] и присоед[инение] к Польше». Дальнейшее повествование сводится к последствиям унии, а именно: проникновению католицизма и польской культуры, борьбы между белорусско-украинской и польской культурами и победой последней, опоячиванию господствующего класса на всех землях Княжества. По итогу, это привело к классовой борьбе, которая приобрела национально религиозные формы [1, с. 369–371]. Подобная трактовка событий в полной мере соответствует марксистско-ленинской традиции в историографии 1930-х гг., когда помимо догмы о классовой борьбе как двигателе исторического процесса, отмечается национальный фактор в истории союзных республик. Тем более, что лектор

провел дифференцирующую линию в социуме Великого Княжества Литовского: «Шляхтичи все — польск[ий] язык и католики, кр[естья]не — бел[орусский], укр[аинский] язык и православные» [1, с. 371].

Следующий ключевой этап в истории Княжества П. С. Дроздов видел в правлении Витовта. В конспекте отмечен договор 1392 г. в Острове, согласно которому произошло «восстановление Литовского государства и Витовт становится велик[им] князем Литвы, принося только вассальную зависимость». Говорилось о том, что при Витовте государство достигло своего могущества. Далее повествовалось о политике Витовта по ликвидации областных княжеств, расширении границ государства, поражении от татар в 1399 г. и победе над крестоносцами в 1410 г. После поражения, нанесенного татарами, по мнению лектора, «Лит[овские] княж[ества] временно ослабели. Поляки воспольз[овались] этим. Уния появляется снова». Правда не уточняется, какая именно уния. Уже после смерти Витовта в 1430 г. начинается ослабление великокняжеской власти [1, с. 371–372].

Акцент лекций П. С. Дроздова на проблеме колонизации (крестоносцами, поляками, Гедимином, Ольгердом, Витовтом) наводит на мысль о том, что подобная постановка вопроса также могла исходить из исследований М. К. Любавского по исторической географии [4, с. 75–93]. Тем более, что еще со времен В. О. Ключевского проблема колонизации активно постулировалась в стенах Московского университета.

Относительно периода правления Казимира (1440–1492) (в конспекте «1440–1490 гг.») говорилось о расширении польских порядков и феодальных привилегий. Был отмечен факт избрания великим князем литовским Александра. По отношению к периоду Сигизмунда Старого (1506–1548) отмечалось усиление связи с Польшей и ослабевание автономизма Княжества. Логичным завершением этого сюжета лектор видел в эпохе Сигизмунда Августа (1548–1572), а именно: заключение Люблинской унии 1569 г. (в конспекте описка — «1659 г.»). По поводу данной унии говорилось, что она привела к слиянию Польши и Великого Княжества Литовского, однако Княжество сохранило историческую самобытность и значительные автономные права. Образованное в результате унии 1569 г. государство, по мнению лектора, носило черты федерализма, при этом понятие «Речь Посполитая» в конспекте не фигурирует [1, с. 372–373, 375].

Также в лекции затрагивались отдельные проблемы внутренней жизни в Великом Княжестве Литовском. Так, была дана характеристика феодального землевладения и положения крестьян, были отмечены категории феодалов (паны, шляхта) и крестьян («люди похожие», «люди непохожие» и др.), при этом вовсе не затрагивалась жизнь мещан [1, с. 373–374]. Отдельное внимание в конспекте уделено государственному управлению.

В лекции говорилось, что власть великого князя литовского ограничена радными панамы (в конспекте — «панамы ратными»), проводя параллель с Боярской думой в Московском государстве. При этом отмечалось, что если московский князь мог не учитывать мнение думы, то «в Литве этого делать было нельзя». Помимо этого, рассказывалось о получении шляхтой политических прав. Это привело к тому, что «В [первой половине] XV в. шляхта собирается на сеймы, долж[ности] — выборн[ые]. Складывается Великий сейм — собрание всей шляхты (паны явл[яются] лично, шляхта — представ[ители])». В конечном итоге это свелось к тому, что «Сейм становится хозяином страны. Вел[икий] князь подчиняется этому сейму. Налог с согласия сейма. Дело войны и мира в руках сейма» [1, с. 374]. Подобная трактовка возникновения представительного института власти во многом соответствует концепции М. К. Любавского, который посвятил проблеме сейма отдельный труд [4, с. 157–159, 164–168, 280–288, 304–310].

Таким образом, конспект лекций П. С. Дроздова является уникальным источником для изучения состояния историографии в СССР в середине 1930-х гг. Анализ конспекта привел к следующим выводам. Содержательно данные лекции освещают проблемы политической деятельности отдельных правителей Княжества (Миндовга, Витеня, Гедимина, Ольгерда, Кейстута, Ягайло, Витовта, Казимира, Александра, Сигизмунда Старого и Сигизмунда Августа), уний 1385 и 1569 гг. с Польшей, внутреннему социально-политическому устройству. Концептуально лекции П. С. Дроздова заимствованы из работ М. К. Любавского, что видно на примерах трактовки событий 1569 г. и становления сейма Великого Княжества Литовского. Подобное явление объясняется тем, что П. С. Дроздов не специализировался по изучению истории Великого Княжества Литовского, поэтому лекционный курс строил на основе фундаментальных трудов М. К. Любавского. Подобная рецепция идей могла исходить из обучения П. С. Дроздова в Московском университете, в стенах которого работы М. К. Любавского были первостепенными ввиду его продолжительной там работы. Второй концептуальной составляющей лекций является применение учения о классовой борьбе, что была характерно для марксистско-ленинской трактовки истории. Также учитывался национальный фактор в истории Княжества (белорусский и украинский), однако главенствующую роль в государстве лектор отводил литовской национальности и, по сути, представлял Княжество как форму литовской государственности. Лекции по истории Великого Княжества Литовского в ИКП в середине 1930-х гг. давали общее представление об истории этого государства до Люблинской унии 1569 г.

Библиографические ссылки

1. Долгова Е. А. Конспект слушателя Института красной профессуры: источник и исследование. Москва: РГГУ, 2022.
2. Дружчыц В. Палажэнье Літоўска-Беларускай дзяржавы пасля Люблінскай уніі // Працы Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсітэту. 1925. № 6–7. С. 216–251.
3. Лаппо И. И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1911.
4. Любавский М. К. Очерк Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. Минск: Беларуская навука, 2012.

**БЕЛОРУССКИЕ КОРНИ
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВЕДЕНИЯ:
ВИКЕНТИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ИГНАТОВИЧ (1803–1869)**

И. О. Евтухов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Ewtuhow@bsu.by*

Начало изучения истории средневековых западноевропейских университетов российская историография связывает с именем Н. С. Суворова. Его книга «Средневековые университеты» была издана в 1898 г. Автор статьи доказывает, что на самом деле приоритет принадлежит В. В. Игнатовичу. Исследование «Болонский университет в средние века» было издано в 1846 г. При этом Н. С. Суворов данную работу В. В. Игнатовича не называет. Автор также доказывает, что В. В. Игнатович был одним из самых первых белорусских медиевистов.

Ключевые слова: университетоведение; средневековые университеты; Н. С. Суворов; В. В. Игнатович.

**BELARUSIAN ROOTS OF RUSSIAN UNIVERSITY STUDIES:
VIKENTY VASILYEVICH IGNATOVICH (1803–1869)**

I. Yeutukhou

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Ewtuhow@bsu.by*

Russian historiography connects the beginning of studying the history of medieval Western European universities with the name of N. S. Suvorov. His book “Medieval Universities” was published in 1898. The author of article proves that in fact the priority belongs to V. V. Ignatovich. The study “The University of Bologna in the Middle Ages” was published in 1846. At the same time, N. S. Suvorov does not name this work of V. V. Ignatovich. The author also proves that V. V. Ignatovich was one of the very first Belarusian medievalists.

Keywords: university studies; medieval universities; N. S. Suvorov; V. V. Ignatovich.

Введение. Курс «Университетоведение», читаемый в Белорусском государственном университете, посвящен выяснению «роли и предназначения университетов в истории человечества и в современном мире» [1, с. 6].

Постановка проблемы. Начало изучения истории средневековых университетов в российской историографии как правило связывается с именем историка церковного права Николая Семеновича Суворова (1848–1909), автора книги «Средневековые университеты» (1898) [2].

В предисловии к ней автор отмечает следующее: «В русской литературе есть ценные статьи, посвященные средневековым университетам: таковы в особенности статьи, помещенные в Журнале министерства народного просвещения за 1862–1864 гг.» [2, с. III]. Автор статей не назван.

В списке использованной литературы они отсутствуют [2, с. VI–VII]. Тем не менее, установить авторство статей труда не составляет. В указанные годы в Журнале министерства народного просвещения был опубликован цикл статей про университеты Германии, написанный В. В. Игнатовичем.

Однако, Н. С. Суворов дал неполную и неточную информацию. Во-первых, сразу после публикации цикл был переработан в книжное издание, объемом 244 страницы [3]. Во-вторых, ни слова не говорится про цикл статей, опубликованный в том же журнале, про английские университеты, книжное издание которого появилось годом ранее [4]. В-третьих, не сказано про статьи в том же журнале про средневековый Болонский университет, вышедшие в 1846 г. [5].

Таким образом, проблема состоит в том, что приоритет В. В. Игнатовича в исследовании средневековых западноевропейских университетов не признавался его младшими современниками.

Цели: 1) закрепить за В. В. Игнатовичем приоритет в изучении истории средневековых западноевропейских университетов; 2) позиционировать исследователя как одного из первых белорусских медиевистов.

Метод анализа: историко-биографический.

Викентий Васильевич Игнатович (1803–1869) в 1822 г. окончил курс права в Педагогическом институте при Виленском университете. В 1824 г. получил степень магистра. Служил преподавателем латинского языка и польской литературы в Могилевской гимназии. В 1831 г. по поручению попечителя Белорусского учебного округа составил польскую грамматику для русских. В 1834 г. был назначен смотрителем Молодечненского уездного училища для дворян. В 1839 г. стал инспектором Гродненской губернской женской гимназии. В 1847 г. Викентий Васильевич покинул белорусские земли и переехал на север, в Карелию, получив назначение директором училищ Олонецкой губернии. Служил он там недолго и уже через два года был переведен в столицу империи на должность директора Первой Петербургской гимназии (1849–1860) [6].

Вот как описывал В. В. Игнатовича в бытность его директором гимназии известный русский писатель и литературный критик Василий Григорьевич Авсеенко в своих воспоминаниях: «Директором гимназии при мне был Викентий Васильевич Игнатович. Кажется, он был хорошо образованный человек, но мы видали его чрезвычайно редко, и навряд ли он принимал деятельное участие в делах заведения. Толстый, благодушный, с очень благообразным и умным лицом, он производил впечатление приятного барина, неохотника до черной работы. Он любил, впрочем, показать, что занимался специально историей, иногда заходил на уроки г. Лыткина и сам спрашивал учеников, именно тех, которые желали поправить перед

субботой полученную на неделе единицу. Но всего превосходнее он был в смысле декоративном: такого директора можно было выставить куда угодно. Помню его как сейчас в двух торжественных случаях. В марте 1855 г. гимназия праздновала свой 25-летний юбилей. Были министр народного просвещения А. С. Норов и попечитель округа. Воспитанникам дали завтрак, с бокалами какого-то похожего на шампанское напитка. В. В. Игнатович, в мундире и во всех регалиях, был представлен до помрачения; он решительно затмевал весь сановный персонал, посетивший нашу столовую, и когда он, обратясь с поднятым бокалом к министру, произнес несколько кратких слов, упомянув в них и о каком-то ордене, „незадолго перед сим украсившем вашу достойную грудь“ — то все, даже самые маленькие между нами, почувствовали, как это хорошо было сказано... В другой раз припоминается мне почтенный В. В. Игнатович, как он, в разгаре восточной войны, вошел раз к нам в репетиционную залу, и поздоровавшись необычайно ласково с учениками, провозгласил: „Дети, любите ли вы Россию?“ Мы отвечали, что любим. Тогда директор, указав на производящийся повсеместно сбор пожертвований на военные нужды, пригласил нас открыть между собою подписку. Мы отозвались с полною готовностью. Я не могу судить, насколько вообще деятельность В. В. Игнатовича была плодотворна для гимназии, но должен сказать, что это был несомненно умный и добрый человек, и что, наверное, ни один из его воспитанников не имел с ним неприятного столкновения и не сохранил к нему враждебного чувства. Если нельзя утверждать, чтоб у нас выразилась серьезная любовь к нему, то только потому, что мы мало его видели» [7, с. 710–711].

С 1850 г. В. В. Игнатович состоял членом комитета для рассмотрения учебных руководств. В 1860 г. был назначен старшим чиновником особых поручений при Главном управлении цензуры, а по упразднении его в 1862 г., — чиновником особых поручений по делам книгопечатания. С 1867 г. Викентий Васильевич читал педагогику в Императорском Историко-филологическом институте [6].

Как показывают воспоминания В. Г. Авсеенко, сам В. В. Игнатович позиционировал себя как историка. Историком-медиевистом Викентия Васильевича Игнатовича делает серия из трех очерков, посвященных истории западноевропейских университетов. Белорусским историком-медиевистом делает тот факт, что первый очерк, «Болонский университет в средние века», был им опубликован в 1846 г., во время службы в **Белорусском учебном округе**.

«Болонский университет в средние века» (1846). Данный очерк Викентия Васильевича Игнатовича является первым исследованием в рамках белорусской медиевистики и первым исследованием по истории университетов в российской медиевистике.

Очерк начинается с главы «Об университетах в средние века вообще». Автор изначально ставит зарождение, развитие, а в ряде случаев упадка, университета в прямую зависимость от субъективного фактора, личности преподавателя. Развитие средневекового общества, породившее запрос на квалифицированных специалистов (юристов, врачей, преподавателей), выносится В. В. Игнатовичем за горизонт своих исследовательских интересов.

Далее автор выделяет три учебных заведения: парижское для богословия и философии, болонское для римского права, салернское для медицины. При этом два первых послужили образцом для формирования прочих учебных заведений. По парижскому образцу создавались университеты Англии и Германии, по болонскому — Италии, Испании, Франции [5, с. 35].

Вторая глава обращается непосредственно к истории Болонского университета.

Автор более строго определяет предмет своего исследования: «...во избежание сбивчивости в словах и понятиях мы решились рассматриваемое нами древнее Болонское учебное заведение называть не университетом, но просто училищем, оставив название университета общине схолариев»; подчеркивает новизну темы: «Славное Болонское училище до сих пор не имеет достойного историка. Неудачная компиляция Формилиари, по совершенному в ней отсутствию здоровой критики, не заслуживает имени истории»; определяет круг источников: «История Болонии» Гирардачи, летописи Савиоли, биографии болонских профессоров Сартти (издание 1769 г.), «История итальянской литературы» Тирабоски (издание 1787–1794 гг.), статуты юридического университета (издание 1561 г.) [5, с. 39].

Рассматривая вопрос об основании университета в Болонье, автор отвергает традиционные версии, возводящие начало к Амвросию Медиоланскому и Феодосию Младшему, как отраженные в явно подложных документах. И тут же попадает в неловкую ситуацию. Исходя из сформулированной им парадигмы, для университета необходимы авторитетные учителя. А таковых в Болонье не было. В результате он принимает за точку отсчета грамоту императора Фридриха II, которая «была первым официальным актом, положившим основные начала, по которым развиваясь постепенно, образовался полный состав управления Болонского училища» [5, с. 42].

Далее следует изложение основных положений грамоты: 1) иностранные студенты брались под покровительство Фридриха II, как итальянского короля, 2) над студентами ограничивалось действие городской юрисдикции (суд должен был проводиться в присутствии профессора или епископа, по выбору ответчика) [5, с. 45].

В. В. Игнатович отдельно разбирает вопрос о ректорах, о которых в грамоте Фридриха II не упоминается, «потому ли, что еще тогда не было ни университета, ни ректора, или что, по крайней мере, ректоры тогда еще не пользовались столь важным преимуществом, как судебная власть» [5, с. 45].

Тем не менее, упоминание о неподчинении ректорам со стороны профессоров в булле папы римского Гонория III от 1224 г. указывает, что к этому времени ректора в Болонском университете были [5, с. 46].

Затем исследователь перевел вопрос в историко-юридическую плоскость. Он определил, что власть города была безусловной (*judex ordinarius*) в силу того, что проистекала из общих государственных законов. Власть ректора брала начало из особых отношений корпорации. Власть профессорам и епископам предоставил императорский привилегий. Следовательно, возникает вопрос о соотношении этих властей [5, с. 47–48].

Затем следует переход к рассмотрению состава университета. Проблему автор формулирует следующим образом: 1) университет как корпорация, «из каких членов состоял университет, кто управлял им и какие были его отношения к городу», 2) университет как учебное заведение, «обратить особенное внимание на его представителей, т. е. докторов или профессоров, равно как и на их учебную деятельность» [5, с. 50].

Первая часть проблемы рассматривается в главе 3, вторая часть проблемы — в главе 4. В целом вопрос рассматривается очень детально с прочной опорой на первоисточники (статуты университета). Автор приводит обширные цитаты на языке оригинала, что можно рассматривать, как введение источников в исторический оборот.

В четвертой главе В. В. Игнатович предлагает установить связь развития юридического образования, приведшего к созданию Болонского университета, с политической ситуацией в странах средневековой Европы: «...в половине XI столетия начали волновать религиозный и политический мир в Европе два великих вопроса: о первенстве власти духовной над светскою и о пределах власти императора над городами итальянскими. Для решения этих вопросов сила оружия оказалась недостаточною: нужно было прибегнуть к силе законов, и отыскивание таких законов, которые определяли бы границы той и другой власти, привело в движение умственную деятельность, дотоле косневшую в летаргическом усыплении» [5, с. 71].

Заключительная, пятая, глава работы повествует «О состоянии книжного дела в средние века вообще и особенно в Болонье». Текст имеет

характер совершенно самостоятельного и достаточно информативного исторического очерка, призванного осветить ряд поставленных автором проблем: 1. Что такое книгоделие и кто им занимался в средние века. 2. Писчий материал. 3. Торговля. 4. Цены. 5. Библиотеки [5, с. 116].

Пятую главу исследования открывают слова, подводящие итог первым четырем главам: «Сколько дозволили находившиеся под руками материалы, я старался изобразить в историческом очерке внутреннюю и внешнюю жизнь Болонского Университета в средние века, со всеми достоинствами и недостатками в составных его элементах, в административных и хозяйственных учреждениях и преимущественно в учебной и ученой деятельности и ее направлении» [5, с. 116].

В целом очерк В. В. Игнатовича является типичным представителем историографии первой половины XIX в., мало обращавшей внимание на социально-экономические аспекты исторического процесса и делавшей акцент на политической истории и ярких личностях.

Выводы. Вместе с тем, работа имеет три несомненных достоинства:

1. Содержит подробное, детальное, основанное на первоисточниках изложение структуры и деятельности университетов, вплоть до организации учебного процесса, а также денежного содержания профессоров.

2. Это первое по времени обращение к научному анализу проблематики средневекового университета в исторической науке Российской империи. Книга Н. С. Суворова «Средневековые университеты» и очерк В. Н. Ивановского «Народное образование и университеты в средние века» были опубликованы только в 1898 г.

3. В. В. Игнатович написал и опубликовал очерк, когда жил на территории, охваченной белорусскими губерниями, и служил в **Белорусском** учебном округе. Таким образом, он может быть позиционирован как **белорусский** медиевист.

Библиографические ссылки

1. Университетоведение. Минск: БГУ, 2011.
2. Суворов Н. С. Средневековые университеты. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерева и Ко, 1898.
3. Игнатович В. В. Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни. СПб.: тип. Рогальского и К°, 1864.
4. Игнатович В. В. История английских университетов. СПб.: тип. И. Огризко, 1861.
5. Игнатович В. В. Болонский университет в средние века // Журнал министерства народного просвещения. Т. 51 (№ 8). Отдел IV. 1846. С. 31–132.
6. Игнатович Викентий Васильевич // Русский биографический словарь: в 25 томах. Т. 8. СПб., М., 1897. С. 54–55.
7. Авсеенко В. Г. Школьные годы. Отрывки из воспоминаний // Исторический вестник. Т. IV. 1881. С. 707–734.

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ В БССР В 1920–1930 гг.

О. И. Ершова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, ershova@bsu.by*

В статье рассмотрен механизм управления народным образованием в БССР в 1920–1930 гг. на местном уровне. Показано изменение структуры органов управления народным образованием на местах в соответствии с административно-территориальным делением республики. Проанализированы основные направления и функции управленческой деятельности местных органов власти в сфере народного образования, эффективность их деятельности.

Ключевые слова: народный комиссариат просвещения; отдел народного образования; инспекция народного образования; инспектор народного образования; инструктор-методист.

LOCAL GOVERNMENT BODIES OF PUBLIC EDUCATION IN THE BSSR IN THE 1920s–1930s

O. I. Ershova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, ershova@bsu.by*

The article examines the mechanism for managing public education in the BSSR in 1920–1930 at the local level. The change in the structure of local public education management bodies in accordance with the administrative-territorial division of the republic is shown. The main directions and functions of the management activities of local authorities in the field of public education and the effectiveness of their activities are analyzed.

Keywords: people's commissariat of education; department of public education; public education inspectorate; inspector of public education; instructor-methodologist.

Центральным органом государственного управления сферой народного образования на территории БССР в 1920–1930-х гг. являлся Народный комиссариат просвещения (далее — НКП). Практическое руководство он осуществлял через местные органы управления соответствующих административно-территориальных единиц. Административно-территориальное деление республики в этот период неоднократно менялось, что приводило к изменениям структуры и функций органов местной государственной власти. Главным побудительным мотивом всех изменений выступало стремление партийно-государственного руководства создать систему местных органов власти, соответствовавшую задачам конкретного промежутка времени: в 1921–1926 гг. — восстановительного, в 1927–1930-х гг. — преобразования общества на социалистических принципах.

В 1919–1924 гг. в БССР функционировала дореволюционная система административно-территориального деления «губерния–уезд–волость» с добавлением нового звена — сельского совета. При уездных и волостных Советах открывались отделы народного образования (далее — ОНО) [5, с. 47]. Уездные ОНО являлись одновременно и отделами уездных исполкомов, и местными органами НКП, а также руководили волостными ОНО [30]. После принятия ЦИК БССР в октябре 1922 г. нормативных документов о структуре местных органов власти в уездных исполкомах создавались ОНО во главе с заведующим, а НКП отдавал распоряжения непосредственно этим отделам [31]. В волостях же руководство культурно-просветительной работой поручалось одному из членов волостного исполкома [26].

В 1924 г. в БССР вводится деление территории на округа и районы с соответствующими местными органами власти. В каждом окружном исполкоме (далее — окрисполком) создавался ОНО во главе с заведующим, избравшимся исполкомом. Окружные ОНО являлись местными органами НКП [27]. Штаты отделов устанавливались окрисполкомом и утверждались СНК БССР [29]. Штат окружного ОНО состоял из заведующего и участковых инспекторов народного образования, причем каждый инспектор на своем участке осуществлял надзор за всеми видами просветительской работы и нес ответственность за них [2]. В районных исполкомах (далее — райисполком) отделы не создавались, а сферы деятельности распределялись между членами исполкома [28]. Непосредственное руководство сферой просвещения в районе возлагалось на члена райисполкома, который именовался заведующим культотделом. Он должен был поддерживать постоянную связь с окружным ОНО и отчетываться о своей деятельности перед окрисполкомом [7]. Нагрузка заведующего культотделом включала большой круг вопросов: просвещение, здравоохранение, социальное обеспечение, охрана труда и другие, что негативно отражалось на качестве работы. В целях экономии государственных средств штаты окружных ОНО сократили до 3–5 инспекторов. Нагрузка на одного инспектора составляла от 100 до 250 школ, поэтому он мог посетить подчиненные ему учреждения не более одного раза в год, а в округах с большими территориями и плохими путями сообщения — один раз в два года [3]. Инспектора окружных ОНО и заведующие культотделами райисполкомов не справлялись с возложенными на них обязанностями, а подчиненные им учреждения оставались без должного руководства [19, л. 345–346].

С 1927 г. в ходе проведения курса на де бюрократизацию государственного аппарата начался перевод органов управления народным образованием на функциональную систему. Целями перевода выступали: 1) децентрализация оперативных функций и передача их из центра в округ, из

округа — в районы; 2) ликвидация параллелизма в работе; 3) улучшение технической работы, прежде всего, сокращения отчетности; 4) упрощение структуры аппарата управления и отход от громоздких схем его построения. В окружном аппарате вместо отделов создавались инспектуры, в функции которых входили инспектирование и инструктаж, а административно-оперативные функции передавались в райисполкомы. Окружные ОНО реорганизовали в окружные инспекции народного образования. В составе каждой числилось 5 инспекторов: окружной (руководил всей работой в области просвещения в округе), политпросвета (он же и заместитель окружного инспектора), школьный, городской и пионерского движения. В каждом районе работал районный инспектор просвещения при райисполкоме [1]. Окружные и районные инспектора руководили культурно-просветительными учреждениями в форме письменного инструктажа и выездов с инспекцией на места. Районный инспектор курировал все аспекты деятельности учреждений образования, осуществляя при этом учетно-контрольную, инструкторскую и организаторскую функции. Индивидуальное руководство реализовывалось при посещении инспектором учреждений, массовое — через заседания, учительские конференции — трижды в год, совещания [32].

Эффективность работы инспекторов оказалась невысокой по ряду причин: текучесть кадров, недостаточные уровень образования и профессиональный опыт, низкая оплата труда. В 1929 г. из 143 окружных инспекторов имели образование: высшее — 17 (11,9%), среднее и незаконченное среднее — 103 (72%), низшее — 20 (14%), педагогическое образование — 79 (55,2%). Средний стаж работы в должности составлял 1–2 года. На одного инспектора приходилось от 70 (Могилевский округ) до 100 (Минский округ) учреждений [16, л. 63–65, 219]. Зарплата районного инспектора в 85 руб. в месяц не соответствовала сложности его работы [14, л. 123]. Все это указывало на необходимость создания соответствующих организационных и материальных условий для эффективной работы местного управленческого аппарата.

Второе Всесоюзное партийное совещание по народному образованию в 1930 г. наметило меры по реорганизации органов управления народным образованием в условиях создания единой системы народного образования во всех союзных республиках. В связи с ликвидацией округов функции окружных ОНО передавались районным и городским ОНО, которые осуществляли управление, контроль и наблюдение за деятельностью учреждений народного образования, расположенных на их территории и находившихся на местном бюджете. Аппарат районных и городских ОНО должен был состоять из инспекторов-интегралов во главе с заведующим ОНО [4].

В 1930 г. деление территории БССР на округа было ликвидировано, остались только районы. Основными управленческими органами на местах стали райисполкомы. 29 августа 1930 г. коллегия НКП БССР приняла постановление «О реорганизации аппарата НКП и приспособлении его для работы по обслуживанию районов» [15, л. 4–5]. 15 февраля 1931 г. ЦИК и СНК БССР утвердили новое Положение о районных съездах Советов и райисполкомах. В компетенцию райисполкома в области социально-культурной работы входили: а) руководство делом народного просвещения в районе, содействие проведению всеобщего и ликвидации неграмотности, заведование культурно-просветительными учреждениями районного значения; б) установление сети сельских, местечковых и городских культпросветучреждений, инструктирование и контроль их деятельности; в) назначение и увольнение педагогического персонала районных, городских, местечковых и сельских культпросветучреждений [24]. В 1932 г. были созданы районные ОНО, а в Минске, Витебске и Гомеле в 1936 г. — городские ОНО [22; 25]. Заведующие районных и городских ОНО назначались соответствующими исполкомами по согласованию с партийными комитетами и в соответствии с установленной ведомственной номенклатурой.

Согласно указаниям партийного руководства в местных ОНО работал институт инструкторов для практической помощи учителям [8, с. 159]. Коллегия НКП БССР приняла решение об укомплектовании до 1 октября 1931 г. штата инструкторов школ в районных ОНО в количестве от 2 до 3 специалистов на отдел [33]. В январе 1932 г. НКП утвердил Положение о районных школьных инструкторах-методистах. Их должностные обязанности включали: 1) инструктаж и методическую помощь учителям, 2) проверку знаний учащихся, 3) помощь в организации процесса обучения и воспитания в школе. Инструкторы районных и городских ОНО назначались соответствующими исполкомами [6].

В 1930-е гг. эффективность работы местных органов управления народным образованием оставалась низкой. Причинами стали частая смена заведующих и инспекторов ОНО, отсутствие у них соответствующей квалификации, привлечение исполкомами работников ОНО к участию в разнообразных мероприятиях, не связанных с их служебными обязанностями [9, л. 32; 13, л. 45; 17, л. 214–216; 18, л. 64, 86; 20, л. 18; 21, л. 81, 91–96, 103]. Негативно на работе ОНО сказывались проводившиеся по указанию партийного руководства «чистки аппарата» от «идеологически чуждых элементов, искажающих пролетарскую, классовую линию» [цит. по: 8, с. 452–453]. Их заменяли выдвиженцами из рабочих и крестьян — людьми, вызывавшими больше доверия у партийных властей по своему социальному происхождению, но не всегда подготовленными в профессиональном

отношении для выполнения управленческих функций [4, с. 374–375]. Практиковавшиеся в начале 1930-х гг. мобилизационные методы вовлечения общественности в дело культурной революции — культэстафета, культпоход, культштурм — также не способствовали улучшению качества управленческой работы [18, л. 65]. Ущерб управленческой работе нанесла и предпринятая в начале 1936 г. попытка реорганизации районных ОНО, подразумевавшая замену должности заведующего на старшего инспектора и сокращение инструкторско-методического аппарата [11, л. 10]. В выступлении на Всебелорусском совещании заведующих местными ОНО в мае 1936 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б А. Ф. Гикало отметил плохую укомплектованность ответственными работниками аппарата районных и городских ОНО, плохое знание ими состояния дел в школах, текучесть кадров [10, л. 5–8, 22]. Ситуация оставалась сложной и в 1937 г. Нарком просвещения БССР А. А. Воронченко сообщал в ЦК КП(б)Б, что в районных ОНО инструкторско-методический аппарат не укомплектован, зарплата служащих — низкая, их лишили квартирных, выслуги лет и других льгот, отсутствуют транспортные средства [11, л. 10].

В 1938 г., в связи с введением в БССР областного административно-территориального деления, все существовавшие на то время районы республики распределили между пятью областями. В областных, районных и городских исполнительных органах власти создавались соответствующие ОНО. НКП БССР контролировал работу областных, районных и городских ОНО; утверждал заведующих этими отделами, а также начальников отделов и секторов областных ОНО [23]. Для организации методической работы в районах открыли педагогические кабинеты, в 1940 г. их действовало 133 [12, л. 51]. Данная реорганизация органов местного управления народным образованием содействовала постепенной нормализации их деятельности по руководству школами.

Таким образом, создание и реорганизация местных органов управления народным образованием в БССР осуществлялись в рамках формирования иерархической вертикали власти, вершиной которой являлся центр (сначала — республиканский, затем — союзный) как носитель высшей власти. В 1920-х гг. реорганизация управленческого аппарата была направлена на его сокращение в условиях экономии материальных ресурсов, борьбу с бюрократизмом, повышение эффективности управленческой работы. В 1930-х гг. целью реорганизации стало укрепление централизованного характера построения и функционирования системы органов управления. В результате к концу 1930-х гг. была сформирована вертикальная система органов управления народным образованием, в которой нижестоящий орган управления находился по отношению к вышестоящим в

положении подчиненного и подконтрольного. Такая иерархическая структура обеспечивала согласование деятельности местных, республиканских и союзных органов власти и управления в общегосударственных интересах.

Библиографические ссылки

1. *Аніхоўскі Ал.* Рацыяналізацыя апарату і функцыянальная сістэма ў галіне народнай асветы // Асвета. 1928. № 1. С. 6–13.
2. *Баліцкі А.* Народная асвета БССР // Асвета. 1926. № 7. С. 5–21.
3. *Баліцкі А.* Прынцыповыя пытанні асветы // Асвета. 1926. № 3. С. 6–12.
4. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский. Под ред. И. Д. Давыдова и И. Г. Клабуновского. Л.: М.: Нар.ком.прос. РСФСР – ОГИЗ, 1931.
5. *Елизаров С. А.* Становление и развитие системы местных Советов БССР в 1919–1929 годах. Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2016.
6. Зборнік дырэктыў па рэалізацыі пастановаў ЦК УсеКП(б) і ЦК КП(б)Б аб школе. Мінск: ДВБ, 1932.
7. Наказ Народных Камісарыятаў Асветы і Унутраных Спраў БССР Раённым Выканаўчым Камітэтам аб дзейнасці іх у галіне культурна-асветнай ад 26 студзеня 1926 г., № 693 // Бюлетэнь Савета Народных Камісараў БССР. 1926. № 2. С. 33–41.
8. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973. М.: Педагогика, 1974.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 4п. Описание 1. Дело 6386.
10. НАРБ. Фонд 4п. Описание 1. Дело 10835.
11. НАРБ. Фонд 4п. Описание 1. Дело 11875.
12. НАРБ. Фонд 4п. Описание 1. Дело 18303.
13. НАРБ. Фонд 15п. Описание 4. Дело 860.
14. НАРБ. Фонд 42. Описание 1. Дело 316.
15. НАРБ. Фонд 42. Описание 1. Дело 2054.
16. НАРБ. Фонд 42. Описание 9. Дело 6.
17. НАРБ. Фонд 42. Описание 9. Дело 8.
18. НАРБ. Фонд 42. Описание 9. Дело 9.
19. НАРБ. Фонд 306. Описание 1. Дело 136.
20. НАРБ. Фонд 306. Описание 1. Дело 707.
21. НАРБ. Фонд 306. Описание 1. Дело 766.
22. Об изменении ст. ст. 12, 43, 44 и 45 положения о районных съездах Советов и районных исполнительных комитетах: постановление ЦИК и СНК БССР от 9 февраля 1932 г., № 37 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства БССР. 1932. № 9. С. 7.
23. Об утверждении Положения и структуры Народного Комиссариата Просвещения БССР: постановление СНК БССР от 13 января 1939 г., № 93 // Собрание постановлений и распоряжений правительства БССР. 1939. № 2. С. 26–48.
24. Об утверждении Положения о районных съездах Советов и Совета Народных Комиссаров БССР: постановление ЦИК и СНК БССР от 15 февраля 1931 г., № 133 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства БССР. Отд. I. 1931. № 15. С. 25–26.

25. Об утверждении структуры Минского, Витебского и Гомельского городских Советов: постановление ЦИК БССР от 5 июня 1936 г., № 116 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства БССР. 1936. № 24. С. 8–9.

26. Положение о волостных съездах Советов и волостных исполнительных комитетах: постановление ЦИК БССР от 7 октября 1922 г., № 143 // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ССРБ. 1922. № 11. С. 14–18.

27. Положение о Народном Комиссариате Просвещения БССР: постановление ЦИК БССР от 3 ноября 1924 г., № 232 // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР. 1924. № 23/26. С. 49–53.

28. Положение о районных съездах Советов и их исполнительных комитетах: постановление ЦИК и СНК БССР от 3 июля 1925 г., № 290 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства БССР. Отд. I. 1925. № 31. С. 10–25.

29. Положение об окружных съездах Советов и их исполнительных комитетах: постановление 2-й сессии ЦИК Советов БССР от 17 июля 1924 г., № 114 // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР. 1924. № 13. С. 2–12.

30. Положение об уездных отделах народного образования // Вестник Народного Комиссариата Просвещения. 1921. № 1. С. 48–50.

31. Положение об уездных съездах, советах и их исполнительных комитетах: постановление ЦИК БССР от 7 октября 1922 г., № 142 // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства ССРБ. 1922. № 11. С. 9–14.

32. Рэзалюцыі і тэзісы, прынятыя на IV Усебеларускім з'ездзе інспектараў народнай асветы // Асвета. 1929. № 3. С. 109–135.

33. Рэзалюцыя аб'яднанага пасяджэння калегіі НК Асветы і ЦП саюзу працасветы аб рэалізацыі пастановаў ЦК УсеКП(б) // Камуністычнае выхаванне. 1931. № 10/11. С. 12–16.

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ БССР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПБ (1952–1954)

И. В. Квашко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, his.kvashko@bsu.by*

В статье рассматривается деятельность Секретариата ЦК КПБ в 1952–1954 гг. в контексте развития системы образования и науки БССР. Выявляется роль партийных органов в организации работы и контроля в данной сфере. Определена роль Секретариата ЦК КПБ в формировании идеологической направленности образования, в укреплении позиций белорусской советской государственности. Показано участие Секретариата в проведении мероприятий по организации идейно-политической работы. Описаны основные задачи, которые ставились перед системой образования в период послевоенного восстановления. Делается вывод об активном участии Секретариата ЦК КПБ в работе по развитию науки и образования, укреплению материально-технической базы, расширению сети научных учреждений, а также усилению идейно-политической работы.

Ключевые слова: ЦК КПБ; КПСС; секретариат; образование и наука; послевоенное восстановление; идеология.

ISSUES OF DEVELOPMENT OF THE EDUCATION AND SCIENCE SYSTEM OF THE BSSR IN THE ACTIVITIES OF THE SECRETARIAT OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE COMMUNIST PARTY OF BELARUS (1952–1954)

I. V. Kvashko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, his.kvashko@bsu.by*

The article examines the activities of the Secretariat of the Central Committee of the Communist Party of Belarus in 1952–1954 in the context of the development of the education and science system of the BSSR. The role of party bodies in organizing work and control in this area is revealed. The role of the Secretariat of the Central Committee of the Communist Party of Belarus in shaping the ideological orientation of education and strengthening the positions of the Belarusian Soviet statehood is determined. The participation of the Secretariat in carrying out activities to organize ideological and political work is shown. The main tasks that were set for the education system during the post-war recovery period are described. A conclusion is made about the active participation of the Secretariat of the Central Committee of the Communist Party of Belarus in the work to develop science and education, strengthen the material and technical base, expand the network of scientific institutions, and strengthen ideological and political work.

Keywords: Central Committee of the Communist Party of Belarus; CPSU; secretariat; education and science; post-war reconstruction; ideology.

Изучение процессов общественно-политических преобразований, происходивших в Белорусской ССР в период 1952–1954 гг. представляет значительный интерес для современной белорусской историографии. Данный временной отрезок характеризуется важными изменениями в государственном и политическом устройстве республики, которые привели к укреплению идеологических позиций Коммунистической партии и ее влиянию на все сферы жизни белорусского общества.

Принятие на XIX Съезде ВКП(б) изменений в Устав Коммунистической партии Советского Союза определило новые принципы партийной структуры. В соответствии с п. 42 обновленного Устава в областных, краевых комитетах, Центральных комитетах компартий союзных республик были восстановлены секретариаты для рассмотрения текущих вопросов, проверки их исполнения и подбора кадров [2].

Несмотря на сложности послевоенного восстановления народного хозяйства, руководство БССР уделяло внимание развитию науки, образования и культуры. После освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков 31 октября 1944 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б приняли совместное постановление, в котором определили комплекс мероприятий, направленных на восстановление работы Академии наук БССР [1, с. 475].

Система образования была ориентирована на упрочнение позиций белорусской советской государственности. Так, на заседании Секретариата ЦК КПБ от 11 декабря 1952 г. был рассмотрен вопрос «О проведении республиканского совещания по народному образованию». На совещании предполагалось «всесторонне обсудить состояние народного образования в республике, обобщить опыт работы отделов народного образования, школ и учителей, вскрыть причины недостатков в руководстве делом народного образования и постановке учебно-воспитательной работы, наметить конкретные пути по осуществлению задач, поставленных XIX съездом КПСС в области народного образования» [3, л. 12–15]. В постановлении по данному вопросу Секретариат ЦК КПБ решил провести республиканское совещание 25–28 декабря 1952 г. с соответствующей повесткой. Докладчиком на совещании был утвержден министр просвещения БССР И. М. Ильюшин [4, л. 4].

Постановлением министру предлагалось организовать для участников совещания чтение лекций и докладов на темы: «1) Товарищ Сталин о путях постепенного перехода от социализма к коммунизму. 2) Товарищ Сталин о характере экономических законов. 3) В. И. Ленин и И. В. Сталин о политехническом образовании советской молодежи. 4) О состоянии и дальнейшей перестройке преподавания русского и белорусского языков на основе учения товарища Сталина по вопросам языкознания. 5) Задачи

дальнейшей перестройка преподавания биологии в школе» [3, л. 4–5]. Образование рассматривалось как один из ключевых инструментов при формировании мировоззрения граждан в соответствии с коммунистической идеологией, значительное внимание уделялось к изучению работ И. В. Сталина, прослеживается тенденция на установление более тесной связи образования с производственными и экономическими потребностями государства.

Ответственность за подготовку и проведение совещания возлагалась на министра просвещения БССР И. М. Ильюшина и на заведующего отделом школ ЦК КПБ С. М. Равнопольца [3, л. 5].

Однако, на заседании Секретариата ЦК КПБ от 17 января 1953 г. был рассмотрен вопрос «О т. Ильюшине И. М.». В рамках состоявшего обсуждения итогов проведения республиканского совещания по народному образованию, отдельное внимание было обращено на доклад министра просвещения БССР И. М. Ильюшина. Сделано это было на основе докладной записки заведующего отделом школ ЦК КПБ С. М. Равнопольца секретарю ЦК КПБ Н. С. Патоличеву, в которой он указывает, что «в докладе было много критики в адрес советских и партийных органов, которые все еще не уделяют должного внимания вопросам народного образования, но почти отсутствовала самокритика. Министр не подверг резкой критике работу Министерства, заместителей министра, руководителей отделов, хотя многие серьезные недостатки в работе школ и руководстве ими со стороны органов народного образования объясняются неудовлетворительной работой Министерства». С. М. Равнополец пишет: «Считаю необходимым доложить Вам о неправильном реагировании министра просвещения БССР тов. Ильюшина на критику участников совещания в адрес Министерства просвещения БССР. В заключительном слове тов. Ильюшин пытался отвергнуть критику в адрес Министерства просвещения БССР со стороны заведующего Молодечненским облОНО тов. Шмыглевского, заведующего Соболевской начальной школой, Бегомльского района тов. Кучинского, выступив против в основном правильной критики секретаря Быховского РК КПБ тов. Дебелова, назвав иронически выступление „дебелым“ и сравнив его с идеалистом Беркли» [5, л. 11–15].

Секретариат ЦК КПБ по данному вопросу принял постановление обратить внимание министра просвещения БССР И. М. Ильюшина на его неправильное реагирование на критику недостатков в работе Министерства со стороны участников республиканского совещания по народному образованию [6, л. 7]. Данный эпизод демонстрирует механизмы строго партийного контроля над деятельностью системы образования.

11 декабря 1952 г. на заседании Секретариата ЦК КПБ было рассмотрено еще одно мероприятие по вопросам образования — о проведении январских учительских совещаний в 1953 г. в период с 5 по 9 января 1953 г. Мероприятие проводилось для подведения итогов первого полугодия 1952–1953 учебного года и разработки практических мероприятий по улучшению учебно-воспитательной работы школ на второе полугодие [3, л. 5]. Утверждалась повестка для учительских совещаний: «1) О задачах школ в связи с решениями XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза. 2) Секционная работа по тематике, отверженной Министерством просвещения БССР» [3, л. 6].

Обкомам КПБ было рекомендовано утвердить докладчиков по первому вопросу повестки для совещаний из числа областного партийного актива, секретарей РК КПБ и работников органов народного образования. Министерство просвещения БССР было обязано разработать тематику секционной работы учительских совещаний и довести ее до всех районов республики к 15 декабря 1952 г., совместно с обкомами, горкомами, райкомами КПБ обеспечить подготовку и проведение учительских совещаний на высоком идейном уровне, а также считать необходимым, чтобы в работе учительских совещаний приняли участие секретари обкомов, горкомов, райкомов КПБ. В срок до 20 января 1953 г. Министерство просвещения БССР, обкомы КПБ были обязаны доложить об итогах работы январских учительских совещаний в ЦК КПБ [3, л. 6].

Принимались необходимые решения для послевоенного восстановления и развития Академии наук БССР. Так, 10 января 1953 г. Президент Академии наук БССР В. Ф. Купревич направил докладную записку секретарю ЦК КПБ Н. С. Патоличеву, в которой пишет, что «в Академии наук Белорусской ССР до последнего времени не были представлены и не развивались физика и математика. Такое положение являлось серьезным препятствием для постановки ряда экспериментальных и теоретических исследований по другим смежным специальностям, в частности, по вопросам техники. В связи с этим решением Государственной Штатной Комиссии в структуре Физико-технического института АН БССР утвержден сектор физики и математики, численностью в десять штатных единиц. Для работы во вновь созданном секторе приглашены доктора физико-математических наук, профессора Севченко А. Н. и Степанов Б. И.; оба они избраны действительными членам АН БССР общим собранием, состоявшимся 8 января 1953 г.». Президиум АН БССР запросил у ЦК КПБ 1,5 млн рублей на приобретение и изготовление первоочередного оборудования, необходимого для развертывания исследований в 1953 г. [7, л. 55].

5 февраля 1953 г. на заседании Секретариата ЦК КПБ был рассмотрен вопрос «О приобретении лабораторного оборудования для физико-математического сектора Академии наук Белорусской ССР», постановлением по которому Совету Министров БССР поручалось предусмотреть по бюджету дополнительно по смете Академии наук БССР на 1953 г. 1,5 млн руб. на приобретение лабораторного оборудования для сектора физики и математики Академии наук БССР, а также просить Совет Министров СССР разрешить Совету Министров БССР израсходовать данную сумму на приобретение оборудования за счет общих ассигнований на социально-культурные мероприятия по бюджету БССР на 1953 г. [8, л. 11].

В вопросах послевоенного восстановления и развития народного хозяйства партийное руководство страны уделяло внимание перспективным технологиям, поощряя их разработку и внедрение. Так, на заседании Секретариата ЦК КПБ 5 февраля 1953 г. была рассмотрена записка заведующего кафедры зоологии Витебского Государственного Педагогического института А. И. Радкевича, представившего разработанный коллективом научных работников кафедры десятилетний план внедрения натурального шелководства в колхозы Полесья, с просьбой ознакомиться с планом и оказать содействие в его реализации [84, л. 74–86]. Секретариат ЦК КПБ поручил комиссии в составе И. М. Тимчука, А. Ф. Марковца, М. М. Бабосова, Ф. Б. Трибушевского, У. А. Барковского до 1 марта 1953 г. рассмотреть записку и внести в ЦК КП Белоруссии свои предложения [8, л. 12–13].

Внимание изучению истории Великой Отечественной войны, в том числе партизанского и подпольного движения, уделялось уже в первые послевоенные десятилетия. В ведении партийных органов находился колоссальный объем документов, имевших гриф секретности и доступ к ним требовал специального разрешения высшего партийного руководства республики. 5 февраля 1953 г. на заседании Секретариата ЦК КПБ был рассмотрен вопрос о допуске аспиранта кафедры истории СССР Белорусского государственного университета И. В. Миронова для работы с фондами партархива по теме его диссертации «Комсомольское подполье Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)» [8, л. 13]. Принятию положительного решения сопутствовала строгая процедура согласования. Для рассмотрения данного вопроса секретарю ЦК КПБ Т. С. Горбунову ректором БГУ им. В. И. Ленина, профессором К. И. Лукашевым 16 января 1953 г. была направлена соответствующая записка [7, л. 90].

24 февраля 1953 г. Секретариат ЦК КПБ рассмотрел вопрос «О завершении работы над книгой «Истории БССР» в двух томах. Работа над изданием велась несколько лет в условиях серьезного идеологического контроля со стороны партийных органов. Ранее, осенью 1945 г. Бюро

ЦК КП(б)Б «выявило ряд серьёзных ошибок националистического характера» в книгах и статьях по истории БССР, даже в предисловии секретаря ЦК КП(б)Б Т. С. Горбунова к первому выпуску «Истории БССР» [1, с. 459]. Издание было подготовлено Институтом истории Академии наук БССР при участии работников БГУ им. В. И. Ленина и других научных учреждений республики. Для скорейшего завершения работы партийное руководство приняло ряд организационных мер. На заседании Секретариат ЦК КПБ постановил считать основной задачей Института истории Академии наук БССР и авторского коллектива подготовку к печати в 1953 г. книги «История БССР» в двух томах, переработав ее на основе труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», речи товарища Сталина на XIX съезде партии и решений XIX съезда КПСС [10, л. 11].

Было принято предложение президиума Академии наук БССР о составе редакционной коллегии книги «История БССР» в следующем составе: по I тому — В. Н. Перцев, К. И. Шабуня, Л. С. Абецдарский; по II тому — А. М. Панкратова, И. С. Кравченко, Н. В. Каменская [10, л. 11].

В целях своевременного завершения работы по подготовке книги к печати ЦК КПБ было одобрено решение президиума Академии наук БССР об освобождении сотрудников Института истории, входящих в авторский коллектив, от других обязанностей на время работы по подготовке книги к печати. Ректору БГУ им. В. И. Ленина т. Лукашеву и секретарю партбюро т. Филимонову было предложено освободить старшего научного сотрудника Университета А. Н. Скумана от всех общественных поручений на время выполнения им работы по книге «История БССР» и заведующего кафедрой истории СССР Л. С. Абецдарского от основной работы с 25 февраля 1953 г. сроком на два месяца, директору Института истории партии при ЦК КПБ т. Новиковой — освободить от основной работы ст. научного сотрудника т. Шкляр М. Е. с 1 марта 1953 г. сроком на один месяц. Также от основной работы с 1 апреля 1953 г. сроком на один месяц был освобожден заместитель заведующего отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПБ К. И. Шабуня» [10, л. 11–12].

Из проекта постановления был вычеркнут п. 4, устанавливавший срок сдачи в печать книги «История БССР»: I том — 1 августа 1953 г., II том — 1 октября 1953 г. [9, л. 104]. Тем не менее, первый том книги был издан в 1954 г.

О дефиците квалифицированных педагогических кадров, характерном в послевоенные годы, свидетельствует рассмотренная 14 мая 1953 г. Секретариатом ЦК КПБ докладная записка отдела школ ЦК КПБ «О недостатках в работе с педагогическими кадрами в Бобруйской области». В ходе проверки были выявлены существенные недостатки в работе,

например «из 108 директоров средних школ области, работающих в текущем учебном году, 33 не имеют соответствующего образования. В то же время не имеют соответствующей специальной подготовки 67 из 232 директоров семилетних школ и 77 из 637 заведующих начальными школами». Проверкой были выявлены факты допуска на руководящую работу лиц, сотрудничавших с немецкими оккупационными властями (подобные факты выявлены в Кличевском, Бобруйском, Октябрьском и других районах) [11, л. 53–69]. Докладная записка была направлена Бобруйскому обкому КПБ, который был обязан обсудить ее на бюро обкома КПБ и принять меры к устранению вскрытых недостатков, а также к 1 сентября 1953 г. доложить о принятых мерах в ЦК КПБ [12, л. 8].

24 октября 1953 г. Секретариат ЦК КПБ принял предложение Президиума Академии наук БССР о проведении в г. Минске конференции по коллоидной химии с 11 по 14 ноября 1953 г. [13, л. 11]. На заседании от 17 ноября 1953 г. Секретариат ЦК КПБ принял решение обязать обкомы КПБ провести пятидневные семинары секретарей первичных партийных организаций школ, детских домов, районо, педучилищ и техникумов в декабре 1953 г. [14, л. 3].

Таким образом, на основе материалов деятельности Секретариата ЦК КПБ в 1952–1954 гг. прослеживается ключевая роль Коммунистической партии в управлении процессами послевоенного восстановления и развития народного образования и науки БССР. Особое внимание уделялось упрочнению позиций советской государственности и формированию мировоззрения граждан в соответствии с коммунистической идеологией. Организованные республиканские совещания, учительские семинары свидетельствуют о системном подходе к идеологической подготовке и переподготовке научно-педагогических кадров. Рассмотрение вопросов и принятие мер по развитию и укреплению материально-технической базы, расширению сети научных учреждений носило прикладной характер и должно было отвечать запросам экономики. Принимаемые Секретариатом ЦК КПБ в рассматриваемый период решения отражают общие тенденции, сложившиеся в высшем партийно-государственном аппарате СССР, по усилению контроля над всеми аспектами общественной жизни страны с целью стабилизации и укрепления социалистической системы для преодоления последствий Великой Отечественной войны.

Библиографические ссылки

1. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 4. Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.) / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома Н. Б. Нестерович; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. Минск: Беларуская навука, 2019. 567 с., ил.

2. Устав Коммунистической партии Советского Союза (принят XIX Съездом партии). М.: Госполитиздат, 1952. 29 с.
3. Протокол-оригинал заседания Секретариата ЦК КПБ № 3, 4 // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 94. Д. 4.
4. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 4 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 6.
5. Протокол-оригинал заседания Секретариата ЦК КПБ № 7 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 11.
6. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 7 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 10.
7. Протокол-оригинал заседания Секретариата ЦК КПБ № 9 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 15.
8. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 9 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 16.
9. Протокол-оригинал заседания Секретариата ЦК КПБ № 11 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 19.
10. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 11 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 20.
11. Протокол-оригинал заседания Секретариата ЦК КПБ № 16, 17 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 28.
12. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 17 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 30.
13. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 28 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 47.
14. Протокол заседания Секретариата ЦК КПБ № 32 // НАРБ. Ф. 4п. Оп. 94. Д. 55.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В УВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. А. Кухаренко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, KuharenkAA@bsu.by*

Научно-исследовательская деятельность студентов занимает важное место в процессе подготовки научных работников высшей квалификации. Цель работы — выявление основных тенденций развития научно-исследовательской работы студентов на территории Беларуси и определение приоритетных направлений совершенствования республиканской системы научно-исследовательской работы студентов.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность; студенты; Беларусь.

IMPROVEMENT OF STUDENT RESEARCH ACTIVITY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF TRAINING OF HIGHLY QUALIFIED SCIENTISTS IN UNIVERSITIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. A. Kukharenka

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, KuharenkAA@bsu.by*

Student research activity occupies an important place in the process of training of highly qualified scientists. The purpose of the work is to identify the main tendencies of the development of student research work on the territory of Belarus and to determine priority areas for improving the republican system of student research work.

Keywords: research activity; students; Belarus.

Развитие кадрового потенциала науки в учреждениях высшего образования (УВО) Республики Беларусь осуществляется на основе привлечения студентов и аспирантов к научно-исследовательской и инновационной деятельности, подготовки научных работников высшей квалификации на базе аспирантуры и докторантуры, защиты диссертаций обучающимися и сотрудниками, укрепления преемственности поколений исследователей в рамках действующих и формирующихся научных школ.

Научно-исследовательская работа студентов (НИРС) является первым и чрезвычайно важным этапом в подготовке научных работников высшей квалификации: кандидатов и докторов наук. Именно на этапе НИРС у студентов проявляется склонность к занятиям научными исследованиями,

создается научный «задел» для последующего успешного обучения в аспирантуре. Проведенный в БГУ анализ показал, что подавляющее большинство (свыше 95 %) выпускников аспирантуры, успешно ее закончивших и защитивших диссертации в срок обучения, являлись в студенческие годы активными участниками НИРС [1].

Система НИРС в Республике Беларусь состоит из 7 элементов: участники, нормативная база, методическая база, информационно-аналитическое обеспечение, мероприятия и финансирование. Эффективная работа всей системы НИРС возможна лишь при условии эффективного функционирования всех ее составляющих [2, с. 3].

В 2023 г. в УВО Министерства образования наблюдалось сокращение количества студентов, занимавшихся наукой (на 2,3 %) и участвовавших в выполнении научных программ и проектов (на 1,4 %). Вместе с тем в этом году прослеживался рост количества студентов, участвовавших в работе студенческих научных объединений, на 7,2 %. В связи с этим представляется целесообразным активизировать деятельность студенческих научных объединений по привлечению студентов к научной деятельности, в том числе к выполнению научных программ и проектов.

Одновременный рост в 2023 г. количества студенческих публикаций (на 3,6 %) и докладов (на 3,7 %) позволяет говорить о том, что основное количество публикаций готовилось по результатам участия студентов в конференциях. Вместе с тем в 2023 г. наблюдалось сокращение количества студенческих статей в изданиях из перечня ВАК — на 9,2 %. Привлечение студентов к выполнению научных программ и проектов будет способствовать увеличению количества публикаций из перечня ВАК, подготовленных студентами совместно с научными руководителями.

Рост в 2023 г. количества студентов, занимавшихся наукой на условиях оплаты (на 14,0 %), обусловлен увеличением объема финансирования НИРС за счет средств УВО (на 3,9 %). Вместе с тем в 2023 г. наблюдалось сокращение на 6,3 % количества руководителей НИРС во внеучебное время, что требует от УВО разработки комплекса мер по стимулированию труда руководителей и организаторов НИРС.

В связи с изменениями в законодательстве и сокращением количества победителей республиканских соревнований отмечена тенденция снижения в данном году количества студентов, поощренных специальным фондом Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов — на 26,6 %. При этом победы студентов на международных соревнованиях позволили обеспечить рост на 146,7 % количества студентов, ставших лауреатами фонда, и увеличение на 20,0 % количества руководителей НИРС, поощренных фондом.

С 2006 г. БГУ выполняет функции республиканского методического и информационно-аналитического центра НИРС. На университет возложены функции организационного и информационного обеспечения Республиканского конкурса научных работ студентов, а также общая координация деятельности по проведению второго (министерского) этапа ежегодного открытого республиканского конкурса для назначения стипендий Президента Республики Беларусь талантливым молодым ученым [3, с. 1–2].

Механизмы поддержки НИРС в БГУ включают организацию и проведение конкурсов, конференций, выставок, подготовку научных изданий, выдвижение студентов на поощрение из средств специального фонда Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов, поддержку одаренной молодежи, популяризацию НИРС, обмен опытом в области организации НИРС, участие в проведении республиканских научных мероприятий и конкурсов НИРС, подготовку студентов к участию в международных конкурсах и олимпиадах [4, с. 102].

В БГУ проводятся 9 конкурсов по стимулированию НИРС. По результатам данных конкурсов победившие сотрудники и лучшая студенческая научно-исследовательская лаборатория БГУ представляются на поощрение специальным фондом Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов, научные работы студентов рекомендуются для участия в Республиканском конкурсе научных работ студентов [5, с. 102].

Популяризацией НИРС активно занимается Совет молодых ученых при Министерстве образования, который организует республиканские научные мероприятия, проводит профориентационную работу (в 2024 г. в учреждениях образования 20 городов и деревень всех областей Беларуси), устанавливает международные связи, развивает сотрудничество с НАН Беларуси, освещает свою работу в СМИ.

В 2024 г. в УВО Республики Беларусь наблюдается сокращение количества молодых ученых на 5,1 %. Защита диссертаций аспирантами (54,2 % от всех молодых ученых) позволит укрепить кадровый потенциал науки в УВО Республики Беларусь. В Республике Беларусь прослеживается рост количества стипендий Президента Республики Беларусь, назначенных талантливым молодым ученым — в 2024 г. на 15,6 %. В 2022–2024 гг. наибольшее количество данных стипендий получили сотрудники БГУ, БГТУ, БНТУ, БГЭУ, БГПУ и БГУИР.

По результатам анализа предложений, представленных 44 УВО, выявлены следующие проблемные вопросы развития НИРС в Республике Беларусь: расширение практики проведения республиканских научно-практических конференций и семинаров среди руководителей и

организаторов НИРС; совершенствование системы финансирования НИРС; оплата труда рецензентов на Республиканском конкурсе научных работ студентов; активизация деятельности студенческих научных объединений; разработка критериев предоставления специальным фондом Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов гранта интеллектуальным и (или) творческим объединениям студентов; определение статуса, прав, обязанностей и оплаты (стимулирования) труда кураторов студентов, включенных в банк данных одаренной молодежи; установление повышенных надбавок к заработной плате научным работникам, включенным в банк данных одаренной молодежи и работающим в статусе молодого специалиста.

С целью решения проблемных вопросов развития НИРС в Республике Беларусь предлагается:

1. Внести изменения и дополнения в постановление Министерства образования Республики Беларусь от 26 сентября 2023 г. № 310 «Об определении норм времени и основных видов работ для педагогических работников из числа профессорско-преподавательского состава» в части определения нормы времени на рецензирование научных работ студентов, представленных на Республиканский конкурс научных работ студентов, из расчета 3 часа на 1 работу.

2. Внести изменения в п. 14 Положения о поощрениях и оказании материальной поддержки специальных фондов Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов, по поддержке талантливой молодежи, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2022 г. № 429, в части установления показателей деятельности интеллектуальных и (или) творческих объединений учащихся и студентов, претендующих на получение гранта в целях укрепления материально-технической и методической базы.

3. Внести изменения и дополнения в Положение о порядке формирования, ведения и использования банков данных одаренной и талантливой молодежи, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2022 г. № 429, в части определения статуса, прав и обязанностей кураторов студентов, включенных в банк данных одаренной молодежи.

4. Внести изменения и дополнения в постановление Министерства образования Республики Беларусь от 3 июня 2019 г. № 71 «Об оплате труда работников в сфере образования», в части установления повышенных надбавок к заработной плате научным работникам, включенным в банк данных одаренной молодежи и работающим в статусе молодого специалиста, а также определения порядка оплаты труда кураторов студентов, включенных в банк данных одаренной молодежи.

5. Обеспечить организацию и проведение республиканских научно-практических конференций и семинаров среди руководителей и организаторов научно-исследовательской работы студентов.

6. Обеспечить разработку комплекса мер по стимулированию труда руководителей и организаторов научно-исследовательской работы студентов.

7. Провести работу по вовлечению студентов в выполнение научных программ и проектов, в том числе на условиях оплаты.

8. Обеспечить возмещение расходов обучающимся УВО на проведение научных исследований, в том числе на их командирование для участия в научных мероприятиях.

Таким образом, развитие системы НИРС в Республике Беларусь позволит повысить качество подготовки специалистов с высшим образованием путем их привлечения к научно-исследовательской работе и ознакомления с последними достижениями научно-технического прогресса, усовершенствовать механизм выявления и отбора выпускников, склонных к научно-инновационной деятельности, для продолжения обучения в аспирантуре и повысить эффективность работы с лицами, включенными в республиканский банк данных одаренной молодежи.

Библиографические ссылки

1. *Кухаренко А. А.* Землеустроительная деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси (1906–1914) // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 9 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2014. С. 51–61.

2. Методические рекомендации по организации научно-исследовательской работы студентов учреждений высшего образования [Электронный ресурс]. URL: [https://nirs.bsu.by/files/documents/Документы/НИРС/Метод рекомНИРС\(2017\).doc](https://nirs.bsu.by/files/documents/Документы/НИРС/Метод рекомНИРС(2017).doc) (дата обращения: 06.11.2024).

3. Приказ Министерства образования Республики Беларусь от 15.09.2006 № 570 «О совершенствовании организации научно-исследовательской работы студентов высших учебных заведений» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sws.bsu.by/Dokumenty/Приказ по Центру.pdf> (дата обращения: 06.11.2024).

4. *Кухаренко А. А.* Организация работы с одаренной молодежью БГУ // Пічэ-таўскія чытанні — 2021: 100 гадоў БДУ — першаму ўніверсітэту Беларусі : матэрыялы міжнар. навук.-тэарэтыч. канф., Мінск, 27–28 кастр. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. Д. Кароль (гал. рэд.) [і інш.] ; навук. рэд. М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск : БДУ, 2021. С. 98–109.

5. *Кухаренко А. А.* Научно-исследовательская работа студентов БГУ: состояние, достижения, вызовы и перспективы развития // Роль университетского образования и науки в современном обществе : материалы междунар. науч. конф., Минск, 26–27 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Д. Кароль (пред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2019. С. 96–104.

В. И. ПИЧЕТА О ХАРАКТЕРЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НА ИРИ РАН)

Л. В. Ландина

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, larisa-hist@mail.ru*

В центре внимания автора — научная интерпретация В. И. Пичетой динамики развития и характеристик государственных институтов России XVI–XVIII вв., высказанная во время дискуссии, прошедшей в апреле 1946 г. в Институте истории АН СССР. Материалы, представленные в Научном архиве Института российской истории РАН, не только выступают ярким историографическим свидетельством. Они демонстрируют также всю сложность и вариативность в трактовках российской государственности, имевших место при формировании советского историографического канона. Принимая участие в дискуссии, В. И. Пичета не только предложил своё видение проблем российской государственности, но и собственную периодизацию истории России.

Ключевые слова: советская историография; В. И. Пичета; российские государственные институты; сословно-представительная монархия; самодержавие; абсолютизм; централизованное государство.

V. I. PICHETA ON THE NATURE OF RUSSIAN STATEHOOD OF EARLY MODERN TIMES (BASED ON MATERIALS FROM SA IRH RAS)

L. V. Landina

*Belarusian State University of Culture and Arts,
17 Rabkorovskaya St., 220007 Minsk, Belarus, larisa-hist@mail.ru*

The author's focus is on the scientific interpretation by V. I. Picheta of the dynamics of development and characteristics of state institutions of Russia of the 16th–18th centuries, expressed during a discussion held in April 1946 at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. The discussion materials presented in the Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences not only act as vivid historiographic evidence. They also demonstrate all the complexity and variability in the interpretations of Russian statehood that took place during the formation of the Soviet historiographic canon. Taking part in the discussion, V. I. Picheta not only offered his vision of the problems of Russian statehood, but also his own periodization of the history of Russia.

Keywords: Soviet historiography; V. I. Picheta; Russian state institutions; estate-representative monarchy; autocracy; absolutism; centralized state.

Формирование советского историографического канона прошло ряд этапов, среди которых выход в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)» стал рубежным событием. В четвертой главе «Краткого курса» популярно излагался диалектический и исторический материализм и указывалось

на прогрессивное развитие человеческого общества путем смены пяти социально-экономических формаций. «Пятичленка», известная каждому советскому историку, обрела окончательную форму: «Истории известны пять основных типов производственных отношений: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический» [2, с. 119]. Слово «основных» было включено в эту формулировку не случайно — таким образом оставлялся простор для методологического маневра. Однако теоретическая схема при столкновении с историческими фактами ставила перед советскими историками ряд трудноразрешимых вопросов. Дискуссии о феодализме, крепостничестве, абсолютизме, характере древневосточных обществ, «азиатском способе производства», переходе от феодализма к капитализму и т. д. выступают одной из характернейших черт советской исторической науки.

Особенно сложными были обсуждения государственных форм раннего Нового времени — абсолютизма, самодержавия, сословно-представительной монархии, централизованного государства. Переходный период от феодализма к капитализму, наличие различных классов, отсутствие достаточной доказательной базы — все это изначально задавало условия, невозможные для однозначных трактовок. Однако этим проблематичность дискуссий не исчерпывалась. Считалось, что любое государство выражает интересы *одного* (курсив мой — Л. Л.) господствующего класса. Если оно рабовладельческое, то выражает интересы рабовладельцев (вопрос о том, кто именно под ними понимался, тогда, очевидно, предпочитали не заострять), феодальное государство выражает интересы феодалов-землевладельцев (с течением времени к господствующему классу был причислен и городской патрициат с верхушкой купечества), капиталистический — буржуазии (что бы ни понималось под этим термином). Однако была государственная форма, вызывавшая бесконечные дискуссии (последняя из них прошла в 1968–1972 гг.) — абсолютизм.

Абсолютизм, или абсолютная монархия — в терминологии марксизма политическая надстройка позднего феодализма, когда в недрах последнего формируются капиталистические отношения. И если на вопрос о том, когда сословно-представительная монархия перерастает в абсолютную еще можно было ответить, исходя из частоты созыва и значимости сословно-представительных учреждений, то определение классовой сущности абсолютной монархии превращалось в трудноразрешимую задачу. С одной стороны, согласно утверждениям классиков марксизма, абсолютизм признавался политической надстройкой переходного периода, когда монархия, политически опираясь на дворянство, должна была учитывать интересы буржуазии как источника финансовых средств и кадров

чиновничества. Однако признать абсолютизм «двухклассным» государством, учитывающим интересы обоих классов, было категорически запрещено. В этом усматривалась идея «надклассовой монархии» как арбитра социальных сил, изначально неприемлемая для советских историков и напоминавшая о концепциях дореволюционных историков и лидеров европейской социал-демократии. Еще одним, весьма немаловажным фактором в трактовке абсолютизма стала унификация в трактовках западноевропейского и российского абсолютизма. В результате обсуждений и дискуссий, прошедших в Институте истории Академии наук СССР весной 1940 г., обрела окончательное оформление концепция «равновесия», и абсолютизм был признан феодальным дворянским государством, вынужденным учитывать и интересы буржуазии. Применительно в Западной Европе этот тезис оставался непоколебимым до конца 1980-х гг. [3, с. 325].

Однако изучение российских государственных институтов вызывало новые вопросы. Когда возник российский абсолютизм? Каково соотношение понятий «централизованное государство», «сословно-представительная монархия», «самодержавие», «абсолютизм»? Апогей дискуссий по указанной проблематике пришелся на послевоенные годы. Наиболее острые обсуждения проходили в Институте истории АН СССР на заседаниях сектора истории России до XIX в. 4 и 11 апреля 1946 г.

Нужно отметить, что изучением государственных институтов России занимались собственно историки-медиевисты и историки государства и права, в частности, С. В. Юшков и С. А. Покровский. Именно историки-правоведы признавали в России сословно-представительную монархию, проводя аналогию с Западной Европой. Однако среди историков, занимавшихся российским феодализмом, такой подход в итоге не прижился. Наиболее жестко высказалась по этому поводу П. К. Алефиренко, занимавшаяся классовой борьбой крестьян в XVIII в. На заседании 11 апреля 1946 г. она указала, что не следует преувеличивать роль Земских соборов. Были ли они настолько представительными? Так ли они нужны, если монарх чувствует себя уверенно? Алефиренко увидела в признании важности Земских соборов славянофильскую идею «единения царя с народом». «Поэтому, — ответила она одному из своих коллег, — «когда Вы предлагаете хронологию монархии XVI–XVII веков, исходя из Земских соборов, Вы придаете Земскому собору славянофильскую трактовку, именно эту идеализацию Земских соборов и идеализацию монархии» [5, л. 127, 127 об.].

Монархию, предшествовавшую абсолютизму, советские историки называли и феодальной, и централизованной, и сословно-представительной, смешивая форму правления, государственного устройства и

социальные признаки. Не случайно правовед С. В. Юшков указывал на некорректность такого подхода и определял монархию XVI–XVII вв. именно как сословно-представительную.

В этом с С. В. Юшковым, с некоторыми оговорками, был солидарен и В. И. Пичета. Так, на заседании 4 апреля 1946 г. он высказался следующим образом в поддержку своих коллег К. В. Базилевича и С. В. Юшкова, отстаивающих тезис о сословно-представительной монархии: «Я также должен присоединиться к вашей точке зрения относительно сословно-представительной монархии в XVII веке... которая выросла не в недрах царствования Ивана IV, а в недрах крестьянской войны и польской интервенции, как результат с одной стороны... новой власти, которая была избрана Земским собором, а с другой стороны — того огромного значения в смысле увеличения класса землевладельцев в результате Смутного времени» [4, л. 83–84].

Говоря о социальной трансформации этого периода, В. И. Пичета отмечает, что «в недрах этой сословно-представительной монархии происходят весьма глубокие изменения, хотя бы внутри служилого класса, ибо если старая аристократия сошла со сцены, на ее место выступает уже дворянство, как главная опора новой власти уже при Иване IV» [4, л. 85]. О юридических ограничениях власти царя, отмечал Пичета, «не может быть и речи... как в Испании в период кортесов и во Франции в период Генеральных Штатов» [4, л. 85].

Гранью между сословно-представительной монархией и формированием абсолютизма В. И. Пичета считает 1686 г., когда был созван последний Земский собор по поводу войны с Польшей. Таким образом, в трактовке В. И. Пичеты соединился и правовой, и классово-социологический подход. Дальнейшее развитие государственных институтов России В. И. Пичета представлял следующим образом: «Конечно, в недрах этого сословно-представительного строя рождается абсолютная монархия, и усиление царской власти связано с полным согласием того же самого господствующего сословия. Почему? Да потому, что страна была потрясена, во-первых, городскими движениями, во-вторых, крестьянскими движениями, которые продолжались и после окончания восстания Степана Разина... Следовательно, класс феодалов и купечества были заинтересованы в подавлении крестьянских движений, были заинтересованы в подавлении движения городской нищеты... И эти социально-классовые [противоречия] дают основание к тому, чтобы, во-первых, перестать созывать Земские соборы, опираться в провинции на централизованную воеводскую власть, создавать свои централизованные учреждения. И далее уже были попытки создания регулярной армии...

Поэтому я считаю, что в недрах сословно-представительной монархии происходит рождение абсолютной монархии. Но это не есть еще абсолютная монархия. Абсолютная монархия — я полностью присоединяюсь тут к С. В. [Юшкову], родилась окончательно при Петре.

[К этому нужно добавить] теоретическую базу, которой в XVII в. еще не существовало, и мануфактуры... И когда Ленин называет монархию Петра I дворянско-чиновничьей монархией, то это есть совершенно правильное и точное определение той абсолютной монархии, которая сложилась при Петре I...

Но я с Вами согласен, что без организации центральной администрации, без организации провинциальной администрации, без организации регулярных войсковых частей абсолютная монархия не может быть. Она опирается на эти три кита. Но эти три кита выступают на историческую арену только во второй половине XVII в., только при Петре они получают юридическое оформление» [4, л. 87].

Таким образом, трактовка В. И. Пичетой динамики развития государственных институтов России примечательна в нескольких отношениях. Во-первых, она отвечала духу времени наличием социологической составляющей, классового подхода, а также обращением к работам Ленина. С другой — очевидно характерное для специалистов по истории России присутствие правового подхода и корреляция развития сословно-представительной монархии и формирования абсолютизма с созывами Земских соборов, идеологическим обоснованием абсолютной монархии, формированием регулярной армии, центральной и провинциальной администрации. Центральное управление, провинциальная администрация и армия — эти «три кита» В. И. Пичеты выступали обязательными атрибутами абсолютизма. Наконец, идея о сословно-представительной монархии выглядела весьма органично в концепции В. И. Пичеты, к тому же он соотносил историю российских и западноевропейских политических институтов.

Однако в те годы идея о признании сословно-представительной монархии в России была отвергнута и сохранилась только применительно к западноевропейскому Средневековью и в истории государства и права. Напрасно С. В. Юшков взывал к своим коллегам в декабре 1947 г. при обсуждении учебника по истории СССР и убеждал их, что до наступления абсолютизма «у нас какой-то промежуток времени в истории государства должен быть... Сама власть монарха, в данном случае царя, перестраивается. Боярская дума усиливается, изменяется ее влияние, дальше создается бюрократическая система, на местах изменяется система управления. И если вы будете это понятие исключать из учебника, то у вас не будет ясности представления, как изменялся весь аппарат. Что сделали авторы?

Опять у нас фигурирует феодальная монархия. Товарищи, давайте как-то считаться все же с данными других наук! Когда говорят „феодальная монархия“, мы, юристы, улыбаемся. Почему? Да очень просто почему! Что такое феодальное? Это указание на социальные отношения, социальное положение... Это понятие настолько расплывчатое, оно настолько не определяет сущности, что это понятие феодальной монархии, само собой разумеется, надо из учебника убрать совершенно. Я не знаю, почему оно до сих пор фигурирует» [1, л. 47–48].

Установившаяся в то время историографическая традиция в известной мере сохранилась и ныне. Так, до сих пор применительно к XV в. говорят о Русском централизованном государстве, в XVI в. на арену выступает самодержавие, с середины XVII в. формируется абсолютизм, который получает утверждение при Петре I. Что же касается тезиса о сословно-представительной монархии в России, то его появление в научном дискурсе будет приурочено к новым идеям эпохи «оттепели».

Библиографические ссылки

1. Архив Российской академии наук. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 164.
2. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) : одобрен ЦК ВКП(б) 1938 г. : краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). [М.] : Госполитиздат, 1938.
3. Ландина Л. В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX–начале XXI в. / под науч. ред. В. С. Кошелева. Минск: Энциклопедикс, 2020.
4. Научный архив Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 321. Т. 1.
5. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

О. С. Мозолева

*Белорусский государственный медицинский университет,
ул. Дзержинского, 83, 220083, г. Минск, Беларусь, mozoleva00.17@gmail.com*

В статье автор показывает развитие исторической науки на основе современных цифровых технологий и, как результат, появление нового направления на базе зарождающихся новых гуманитарных наук — цифровой истории, а также новой специальности — цифровой историк. Эта профессия выделилась из исторической информатики и стала очень популярной в ведущих научных и образовательных учреждениях мира. Автор утверждает, что в ближайшем будущем эта профессия заменит традиционных историков-гуманитариев, превратив их либо в посредственных сборщиков первичных данных, либо в интерпретаторов исторических данных, собранных в глобальной Интернет-сети. Также это будет способствовать стиранию граней между специалистами-историками и экспертами-пользователями, которые благодаря новым инструментам широко привлекаются в область исторических исследований из среды краудсорсинга — экспертной социальной сети пользователей так, что в настоящее время формируется новая отрасли науки — публичная история.

Ключевые слова: историческая наука; цифровые технологии; цифровая история; публичная история; цифровой историк.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN HISTORICAL RESEARCH AND EDUCATION

O. S. Mozoleva

*Belarusian State Medical University,
Dzerzhinskiy str., 83, 220083, Minsk, Belarus, mozoleva00.17@gmail.com*

In the article, the author shows the development of historical science based on modern digital technologies and, as a result, the emergence of a new direction based on the emerging new humanities — digital history, as well as a new specialty — digital historian. This profession emerged from historical informatics and has become very popular in the world's leading scientific and educational institutions. The author argues that in the near future this profession will replace traditional historians-humanists, turning them either into mediocre collectors of primary data or into interpreters of historical data collected in the global Internet. This will also contribute to the erasure of the boundaries between specialist historians and expert users, who, thanks to new tools, are widely attracted to the field of historical research from the crowdsourcing environment — an expert social network of users, so that a new branch of science is currently being formed — public history.

Keywords: historical science; digital technologies; digital history; public history; digital historian.

В настоящее время получение и использование исторических знаний давно перешагнули за рамки традиционных методов работы с информацией на бумажных носителях. Наступает эпоха ретрансляции

исторических знаний посредством массовых коммуникаций с использованием цифровых Интернет-технологий. Всё это привносит в историческую науку технические аспекты, связанные с использованием программ и программных средств. Сюда входят системы обработки информации и документов, процедуры, правила и сопутствующая документация, а также техническое (аппаратное), математическое, информационное, лингвистическое, организационно-методическое и правовое обеспечение.

Благодаря этому процессу на наших глазах формируется принципиально новая информационная среда для развития исторической науки. Качественно новый уровень программирования открывает широкие возможности для доступа к историческим источникам и появления новых способов извлечения из них исторической информации. Изменяются как задачи, тематика, возможности исторических исследований, так и сама методология и техника исследования, что, конечно же, порождает новые способы фиксации, передачи, сохранения и визуализации информации.

Все эти изменения уже привели к появлению новой профессии — цифрового историка. Эта профессия родилась из специализации исторической информатики, которая является частью исторической науки и включает в себя оценку исходных электронных ресурсов, аналитических компьютерных инструментов и тестирование компьютерных технологий, что особенно актуально в исторических исследованиях и образовании.

Теперь для современного цифрового историка важно определить оптимальный набор программ и программных средств, необходимых для выполнения задач исторического исследования, представления исторической информации и получения новых знаний путём создания новой цифровой среды и нового исследовательского инструмента.

В качестве одного примера такого инструмента можно привести проект цифровой географической информационной системы Pleiades с интерактивными картами и хрониками событий. Эта система построена и поддерживается на основе краудсорсинга — экспертной социальной сети, включающей сотрудничество различных специалистов и пользователей-экспертов, новейшие технологии, корпусную лингвистику, 3D-моделирование и Big data mining (BDM) — интеллектуальный анализ больших данных.

Суть проекта Pleiades заключается в цифровой визуализации известных объектов древнего мира на современных географических картах. В настоящее время Pleiades — это созданный онлайн-сообществом, постоянно развивающийся справочник локализованных древних объектов, снабжённых достоверной исторической информацией. Он предоставляет уникальный сервис для поиска, отображения и повторного использования

этой информации как для широкого круга пользователей, так и для специалистов-историков. Он также предоставляет широкий спектр вычислительных исследовательских и визуализационных инструментов, которые поддерживают удобную информационно-цифровую среду для преподавания и реализации прикладных исследований в области древней истории.

Цифровая история открывает совершенно новую область научной деятельности с ранее практически недоступным объёмом ресурсов. Цифровые историки начали использовать новые инструменты, которые стали возможны благодаря интеллектуальным вычислительным системам и сетевой информации. Географические информационные системы (ГИС) вобрали в себя исторические сведения из обширной области оцифрованных источников. Они сделались очень популярными из-за широкого интереса к более пространственным подходам к прошлому. Это потребовало применения ряда IT-решений: Flash-анимация, XML-кодирование, цифровое видео и вики. Также постоянно расширяется диапазон средств цифровой коммуникации: ставшие давно привычными блоги, электронная почта, соцсети, мессенджеры, IP-телефония, видеоконференции дополняются VoIP (Voice over Internet Protocol) и чат-ботами.

Современные библиотеки всё чаще набирают программистов для перевода всего объёма бумажных и плёночных документов в эту быстро меняющуюся широкодоступную среду цифровой истории. При этом вскоре было обнаружено, что чётко определенные правила традиционной исторической науки, устоявшиеся передовые практики и стандарты являются незаменимыми [1, с. 23].

В настоящее время цифровую историю можно в широком смысле определить как подход к изучению и представлению исторического прошлого, который работает с новыми коммуникационными технологиями компьютера, Интернета и программ. С одной стороны, цифровая история — это открытая область научного производства и коммуникации, включая разработку новых образовательных материалов и сбор научных данных. С другой стороны цифровая история — это методологический подход, основанный на гипертекстовой способности этих технологий создавать, определять, запрашивать и аннотировать ссылки в памятниках прошлого. Таким образом, цифровая история — это, конечно, не только оцифровка прошлого, но и нечто гораздо большее. Это создание структур знаний с помощью технологий искусственного интеллекта, чтобы люди могли воспринимать, читать и следить за аргументацией по определённой исторической теме. И не только следить, но делать выводы, получая новые знания [2].

Таким образом цифровая история в этом формате открыла возможность для исследователей-историков и широкого круга пользователей не

только получать информацию, но и получать собственные интерпретационные выводы на основе разнообразных экспонатов, статей с приложениями, аналоговых форм, переработанных в веб-формат и снабжённых полным набором элементов и способов воздействия на изучаемую проблему.

В настоящее время цифровая история переживает новый этап в развитии коммуникаций: мгновенные сообщения форм обратной связи, электронные каталоги, файлы документов, файлы PDF, цифровое видео, подкасты и базы данных не могут существовать без особых программ. Их масштаб и сложность требуют от историков использования инструментов и методов, которые уже являются частью исторической практики для создания собственных цифровых источников и использования разнообразных исследовательских и обучающих инструментов, таких как Zotero, del.icio.us, Google Earth, Google Books, Google Places API, Wikipedia, SIMILE, Scribe и To-kenX [3].

Количество цифровых инструментов для историков будет только расти. Помимо представления исследований новыми и захватывающими интерактивными способами, эти инструменты будущего облегчат исследования и анализ. Более того. Они уже позволяют обнаруживать ранее скрытую информацию, извлекать и обрабатывать её. При этом всё больше людей — как историков, так и не-историков — будут участвовать в создании ресурсов цифровой истории в глобальной интернет-среде. Все они так или иначе будут интегрированы цифровыми историками — руководителями и организаторами таких проектов.

Но для того, чтобы данные цифровой истории можно было считать научным продуктом, необходимо более полно решать сопутствующие проблемы качества информации (рецензирование), сохранности данных и открытого доступа [4].

Современное цифровое историческое письмо должно характеризоваться вычислительно-алгоритмичным, масштабным и наглядным в интегративном плане. Кроме того, все эти проекты приобретают ещё одно очень важное свойство: они становятся платными [5]. Это создает невиданную ранее основу для развития профессии цифрового историка, которая становится весьма привлекательной. Более того, большую часть работы в области цифровой истории обеспечивает краудсорсинг — широкий круг экспертов-пользователей Интернета, участвующих на добровольной основе. Это постоянно растущее участие фактически создало еще одну новую область применения — публичную историю.

Публичная история понимается как гибридная форма знания — между научным и популярным знанием. Благодаря развитию сетевых коммуникаций и возможностями создания масштабных цифровых ресурсов «снизу»,

посредством краудсорсинга, публичная история приобрела большую популярность, повышая интерес широкой общественности к истории и способствуя распространению информации. Ориентация публичной истории на размывание границ между традиционными профессиональными и любителями-историками «ставит под вопрос профессиональный статус этих историков» и приводит к серьезной трансформации этой профессии [5, с. 57].

Можно также смело предсказать, что быстрое развитие публичной истории быстро сотрет границы между цифровыми историками и программистами по мере упрощения программного обеспечения. Уже сейчас цифровые историки продвигают историческую науку на самом высоком уровне ИТ. Они исследуют первичные исторические документы и объекты и превращают их в цифровые ресурсы, такие как письма, фотографии, архивные документы, определяют подлинность и значимость источников, архивируют и сохраняют материалы. Они работают в музеях, правительствах, частных компаниях, некоммерческих организациях и исторических ассоциациях. Главное различие между ролью цифрового историка и обычного историка-гуманитария заключается в том, что они, как специалисты, сосредоточены на интеграции технологий для расширения сферы научных исследований и обогащения представления исторических исследований.

Цифровые историки используют цифровые инструменты, такие как анализ данных и текста, картографирование данных и визуализация, чтобы делиться инклюзивными историями с разнообразной аудиторией. Они продвигают междисциплинарное сотрудничество и поощряют использование цифровых методов для предоставления широкой аудитории доступа к исторической информации. Эти историки публикуют исследования, подходящие для интерактивных пространств, с использованием графиков, временных шкал, диаграмм, симуляций и многого другого.

Практикующие цифровые историки должны иметь как историческое, так и ИТ-образование. В настоящее время они пользуются большим спросом на рынке труда в качестве исторических консультантов, архивистов, музейных работников, кураторов проектов, исследователей исторических памятников. Вполне ожидаемо, что в ближайшем будущем профессия рядового историка-гуманиста станет непрестижной и невостребованной, поскольку цифровая история необходима во всё более оцифрованном мире. По мере развития и усложнения технологий будет расти спрос на историков, использующих цифровые инструменты, методы и ресурсы для продвижения исследований цифровой истории.

Тем не менее использование цифровых инструментов не вытеснит традиционные методы исторических исследований, но переведёт их на

иной качественный уровень и тем самым откроет историю и исторические исследования миллионам людей, которые сделают новые открытия в ранее сложной и запутанной науке.

Библиографические ссылки

1. Джозеф Рабен. «Власть, продвижение и цифровое издательство», *Digital Humanities Quarterly* 1, № 1 (2007) [Электронный ресурс]. URL: www.digitalhumanities.org/dhq/vol/001/1/000006.html (дата обращения: 25.02.2009).

2. Дэниел Дж. Коэн, Майкл Фриш, Патрик Галлахер, Стивен Минц, Кирстен Сворд, Эми Мюррелл Тейлор, Уильям Г. Томас III и Уильям Дж. Туркель. «Обмен: обещание цифровой истории», *Journal of American History* 95, № 2 (2008) [Электронный ресурс]. URL: www.historycooperative.org/journals/jah/95.2/interchange.html (дата обращения: 25.02.2009).

3. См. разделы «Обзоры инструментов» и «Выполнение цифровой истории» в *Digital History* [Электронный ресурс]. URL: <http://digitalhistory.unl.edu/> (дата обращения: 25.02.2009).

4. *Christine L. Borgman*. Research in the Digital Age: Information, Infrastructure, and the Internet. (Кембридж: MIT Press, 2007 г.)

5. Roy Rosenzweig. «Should history be free?» *Prospects* 43; 4 (2005 г.) [Электронный ресурс]. URL: www.historians.org/perspectives/issues/2005/0504/0504vic1.cfm (дата обращения: 25.02.2009).

6. Бородкин Л. И. «Цифровой поворот» в дискуссиях на XXII Международном конгрессе исторических наук (Китай, 2015 г.) // Историческая информатика. 2015. № 3–4. С. 56–67.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ ЧЕРЕЗ УСИЛЕНИЯ РОЛИ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. А. Ореховская

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ленинградский проспект, 49/2, 125167, г. Москва, Россия, naorehovskaya@fa.ru*

Актуальность статьи обусловлена проблемой дефицита общекультурных компетенций студенческой молодежи, а также необходимостью усиления действия по формированию гражданской позиции студенческой молодежи. Целью статьи является обоснование необходимости расширения гуманитаризации высшего образования. В работе представлены данные социологических исследований, цель которых состояла в выявлении общекультурных компетенций студенческой молодежи. Автором сделан вывод о том, что проблему воспитания гражданина, патриота и толерантной личности можно решить через гуманитаризацию образования, т. к. в изучении истории, философии, культурологии заложено практическое значение, состоящее в выработке мировоззрения и осознания базовых ценностей молодого человека.

Ключевые слова: молодежь; массовое сознание; воспитание; гражданственность; гуманитаризация образования.

FORMATION OF CIVIC RESPONSIBILITY THROUGH STRENGTHENING THE ROLE OF HUMANITARIAN EDUCATION

N. A. Orekhovskaya

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Leningradsky Prospekt, 49/2, 125167, Moscow, Russia, naorehovskaya@fa.ru*

The relevance of the article is due to the problem of the deficit of general cultural competencies of student youth, as well as the need to strengthen the actions to form the civic position of student youth. The purpose of the article is to substantiate the need to expand the humanitarization of higher education. The work presents data from sociological studies, the purpose of which was to identify the general cultural competencies of student youth. The author concluded that the problem of raising a citizen, patriot and tolerant person can be solved through the humanitarization of education, since the study of history, philosophy, and cultural studies has a practical meaning, consisting in the development of a worldview and awareness of the basic values of a young person.

Keywords: youth; mass consciousness; education; citizenship; humanitarization of education.

Анализ и изучение современного поколения студенческой молодежи подвели многих исследователей к следующему выводу: культура, всегда считавшаяся неотъемлемым признаком человека образованного, сегодня покидает молодежную среду. Процент читающих студентов и школьников сокращается, что привело к проблеме дефицита компетенций

общекультурного плана, а они необходимы для успешного функционирования студентов не только в образовательном поле высших учебных заведений, но и потом — при выполнении профессиональных обязанностей [3].

Наблюдается редукция языковой компетенции и функциональная неграмотность, которые выражаются, например, неспособностью студентов вести лекционные конспекты, осуществлять самостоятельное структурирование содержания учебных текстов, пользоваться элементарными понятиями специального и общенаучного свойства. Эта тенденция прослеживается и в отношении любой информации, которую получают молодые люди. Исследование «Влияние СМИ на молодежь» утверждает, что лишь 55,6 % студентов владеют современной лексикой на уровне полного понимания, тогда как 37,9 % опрошенных признаются, что некоторые слова и термины остаются за пределами их понимания [6].

Наряду с вышеперечисленными изменениями, подрывающими систему отечественного высшего образования, наметилось и резкое разделение технико-технологических и гуманитарных отраслей знаний, граничащее с их противопоставлением друг другу. Вследствие чего, дух творчества и креативного мышления практически не касается деятельности современных инженеров [9]. И первопричины создавшегося положения кроются в низком уровне нравственного воспитания молодежи, отходе от системы формирования творческой интеллигенции, бедной материальной базе основной массы общеобразовательных школ и ВУЗов и недостатке высококвалифицированных педагогов. Вот почему гуманитаризация является важнейшей задачей для российского образования. Фактически лишь гуманитарным дисциплинам способны развивать в личности человеческие начала; только они обладают воспитательным потенциалом, позволяющим формировать нравственность, совесть, ответственность, толерантность.

Как считает О. И. Кирсанов, стоящий на позициях гуманитаризации учебного процесса: изучение именно гуманитарных наук с начальной до высшей ступени образования — неизменный фактор в формировании целостной личности. Он подготавливает человека к пониманию конечных общественных смыслов, на которые направлена его профессиональная деятельность, учит не смешивать их с сиюминутными конъюнктурными целями и интересами [10]. Впрочем, современное высшее образование, невзирая на громадное значение гуманитарных наук, и гуманизма в целом, гуманитарному аспекту уделяет недостаточное внимание. В основном это объясняется глобальной переориентацией общества на ценности бизнеса, то есть — на знания, полезные с материальной точки зрения. Абитуриенты, поступающие в ВУЗы технического, технологического и экономического направления, ориентированы на получение исключительно только таких

знаний. Молодежь ошибочно рассчитывает, что они гарантируют эффективность и оперативность доступа к источникам финансовых ресурсов [18]. Гуманитарные дисциплины попадают в разряд лишних и необязательных.

Дегуманизация высшего и всего общества тесно связаны между собой. Происходит превращение современных университетов в корпорации, применяющие такие управленческие практики, эффективность которых сводится не к повышению качества образования, а к оптимизации обучающего процесса, совершенствованию системы менеджмента и сокращению издержек, в целях получения финансовой прибыли [11]. Результатом такого подхода являются студенты, неподготовленные к освоению знаний. Растет число так называемой необучаемой молодежи, но имеющей возможности оплачивать свое образование, а значит, и приносить доходы образовательному учреждению [1]. В итоге государство получает молодых специалистов с низкой квалификацией, которые быстро пополняют армию безработных.

Развитие науки и техники, обучающих технологий, способов хранения данных и обмена информацией повлекло за собой рост общественного образовательного потенциала. Возросли и требования, предъявляемые к системе образования. Однако работодатели РФ продолжают испытывать потребность в высокообразованных творческих специалистах. Только с такими сотрудниками можно успешно заниматься модернизацией производства, повышать деловой имидж компаний и конкурентоспособность страны [21]. Достичь этого можно лишь при условии, что будут внедряться междисциплинарный подход и принцип гуманитаризации образования. Это позволит выработать у студентов видение взаимосвязей между фундаментальными исследованиями, технологиями, производственными и общественными потребностями и сформировать способность мыслить нестандартно, а также обучить их навыкам решения комплексных проблем, возникающих на стыках различных областей, и умению оценивать эффективность новшеств и практически их реализовывать [15].

Чтобы дать определение понятию гуманитаризации образования [20], можно воспользоваться двумя подходами. Первый раскрывает его в виде системы мер, приоритетными направлениями которых являются: развитие общекультурных составляющих содержания образования и выработка личностной зрелости у учащихся. Второй подход рассматривает данное понятие через ориентацию на освоение гуманитарных знаний вне зависимости, какого они типа или уровня. Это позволит воспитать гражданина, который будет с готовностью браться за решение главных социальных проблем, думая только о всеобщем благе, и сможет, свободно владея родным и иностранными языками, общаться с представителями любых

национальностей и профессий. Такой человек будет юридически и экономически грамотным, хорошо знающим культуру и историю своей страны, членом общества [14].

Благодаря гуманитарным дисциплинам строится глобальное мышление, развивается способность анализировать различные информационные потоки и творчески решать проблемы. Эти качества способствуют профессиональному и личностному росту. Всесторонняя подготовка открывает перед молодым специалистом широкие возможности для самореализации. Современный инженер или экономист не может обойтись только узкоспециальными знаниями — в работе он нуждается в информации по коммуникациям и менеджменту, пользуется философией и культурологией. Свыше трети молодых профессионалов, добившихся успеха, имеют от двух и более высших образований в разных отраслях науки. Однако у нынешней системы высшего и профессионального обучения нет возможности в полной мере снабдить учащихся комплексными знаниями. Зачастую за вторым высшим образованием обращаются квалифицированные специалисты от 25 лет и старше, с определенным стажем работы по своей первой профессии.

В данной работе использованы материалы опросов, проведенных ВЦИОМ и институтом социологии РАН, и данные культурной диагностики, полученные Лабораторией соц. исследований (Московский энергетический институт) после социологического мониторинга под руководством А. Л. Андреева [1]. Также приводятся материалы исследований Н. А. Ореховской и Е. А. Гаврилиной, полученные методом анкетирования по кластерному типу выборки (тема «Кругозор студентов первого курса МГТУ им. Н. Э. Баумана») [14]. Параллельно с массовым опросом студентов (в выборке приняли участие 1459 респондентов) проводились фокус-группы и глубинное интервьюирование экспертов на рынке труда, работодателей крупных московских, казанских и Санкт-Петербургских предприятий, начальников конструкторских бюро в Самаре, владельцев среднего и крупного бизнеса в Белгороде и Екатеринбурге.

Исследование выявило, что познания студентов весьма скромны. Это касается и школьной программы, и сфер, имеющих непосредственное отношение к их будущей специальности. Причем три четверти опрошенных окончили специализированные школы, гимназии и лицеи. Например, назвать фамилии знаменитых русских ученых сумели лишь 50 из каждых ста респондентов, а известных отечественных инженеров вспомнили менее 40% студентов. Учащиеся гуманитарных факультетов и ВУЗов лучше знают выдающихся ученых и естествоиспытателей. Имена Н. Бора, Н. Винера, Н. И. Вавилова здесь называли чаще, чем в учебных заведениях

с техническим уклоном. И в процентном соотношении разрывы между знанием и незнанием среди студентов-гуманитариев не столь разительные. Только известного советского математика А. Н. Колмогорова будущие инженеры узнавали чаще. А вот с идентификацией Н. И. Лобачевского у студентов гуманитарных ВУЗов дело обстояло лучше — 70 % опрошенных (технари — 60 %) [14].

Эта ситуация неслучайна. Новое поколение российских авиаконструкторов, машиностроителей, энергетиков, программистов, архитекторов недостаточно хорошо знакомо с историей и наивысшими достижениями отечественной науки и техники. Лишь от 43 % студентов ВУЗов технического направления был получен ответ, что В. И. Вернадский — это известный ученый, при этом гуманитарии правильно ответили в 73 % случаев. Что Н. И. Вавилов является основоположником отечественной генетики, известно 48 % студентов-технарей и 64 % учащихся гуманитарных ВУЗов. И. П. Павлова называли великим физиологом 83 % гуманитариев и только 68 % студентов, осваивающих технические специальности. Возможно, важнейшим из полученных результатов нужно считать факт резкого падения узнаваемости индикаторов, предлагаемых к сопоставлению. Если в 2002 г. В. И. Вернадского без проблем идентифицировали порядка 82 % респондентов, то в 2013 г. средний показатель едва перевалил за отметку в 48 %, а С. П. Королева за 15 лет стали узнавать на 17 % реже [14].

Наибольшим же интересом у студентов пользуются музыка и история, особенно военная история. Впрочем, на первых позициях в анкетах находятся имена тех военачальников, которых чаще всего упоминают школьные учебники и СМИ. В первой тройке находятся М. И. Кутузов (67,5 %) и А. В. Суворов (55,5 %), однако сказать, какие победы были ими одержаны, в каких крупных сражениях они принимали участие, благодаря каким заслугам Суворов получил звание генералиссимуса, респонденты не смогли. Кутузова в лучшем случае ассоциируют с Наполеоном. Молодежь путается и в персоналиях, связанных с Отечественной Войной 1812 г., и в самих событиях, выявляя полное незнание исторического материала по этой теме [14].

Фамилии полководцев ВОВ студенты помнят еще хуже: маршал К. К. Рокоссовский (13 %), генералиссимус И. В. Сталин (12 %), маршал И. С. Конев (4,5 %), маршалы М. Е. Катуков, Л. А. Говоров, А. М. Василевский (1 %). В безоговорочных лидерах лишь Г. К. Жуков. Его вспоминает подавляющее большинство опрошенных — 70,5 %. В целом, менее 10 % респондентов сумели назвать полководцев из разных исторических эпох. Например, А. Невского узнали только 12,5 % молодых людей [14].

Это доказывает, что системность в исторических знаниях отсутствует. И нередко ситуация усугублена увлеченностью студентов компьютерными играми. Процент молодежи, черпающей из них информацию о фактах и событиях истории, увеличивается. Иногда студенты даже ссылаются на компьютерные игры и приводят их в качестве источника сведений.

Исследователи обращают внимание на то, что на первых строчках в анкетах респондентов находятся те композиторы, военачальники и художники, имена которых более всего разрекламированы. Однако сами студенты признаются, что на выставках, в музеях и театрах бывают лишь по формальной необходимости и без желания — только когда получают соответствующее задание от преподавателя. Они объясняют такое положение дел тем, что у них отсутствует интерес к данным видам искусства. Поэтому молодые люди могут назвать фамилию известного художника или композитора, но вспомнить хоть одну его картину или музыкальное произведение не в состоянии. Впрочем, спонтанная инициатива некоторых студентов, готовивших мини-выступления по творчеству композиторов и использовавших музыкальные фрагменты из их произведений, вызывали живой интерес у сокурсников.

Если с фамилиями живописцев, авторов музыкальных творений и полководцев худо-бедно знакома основная масса молодого поколения, то российских педагогов и врачей вспомнить могут немногие. Чуть более 25 % опрошенных сумели справиться с этим заданием, причем ориентировались они на названия медучреждений, носящих их имена. Еще большие трудности возникли, когда студентов попросили перечислить открытия или достижения, прославившие этих людей.

Выводы напрашиваются следующие:

1. Наблюдения показали ограниченность словарного запаса студенческой молодежи. В речи подавляющего большинства молодых людей отмечается однообразие, в ней доминируют жаргонизмы. Отсутствие аналитического мышления демонстрирует простота даваемых оценок — для них существует только черное или белое. Часто молодежь неспособна обсуждать вопросы современной политики и высказывать суждения на философские темы. Глобальные вопросы студенты сразу пытаются свести к бытовым проблемам. Упрощение учебного материала и примитивизм мировоззрения нового поколения самым негативным образом сказываются на профессиональной деятельности. Молодые специалисты не умеют мыслить стратегически, что снижает их конкурентоспособность на рабочих местах, и они остаются невостребованными.

2. Знания большинства вчерашних школьников по истории разрознены и эпизодичны. Учащиеся ВУЗов с трудом сопоставляют события,

происходившие в России и других государствах в один и тот же исторический момент. Студенты не умеют выделять причинно-следственные связи, анализировать исторические факты и обнаруживать их последствия. Система их знаний не сформирована. Это говорит о близорукости молодежи и является опаснейшей тенденцией в процессе становления личности. Наблюдается не только недоразвитие аналитического и стратегического мышления, которые необходимы человеку, видящему себя успешным членом социума и высококлассным профессионалом, но трансформация ориентаций в жизненных ценностях. От ограниченного гражданина при любых социальных или политических потрясениях с большой степенью вероятности следует ожидать вспышек агрессивности и интолерантности в поведении. Практически это выражается, в том числе, и в окончательной трансформации понятия патриотизма, происходящей в общественном сознании. Из сферы нравственно-гуманитарной оно переходит в область националистическую и экстремистскую. Патриотизм превращается в разменную монету политических идеологов, а это ведет к расколу в обществе и обострению конфронтации.

3. Наблюдается шаблонность знаний студенческой молодежи. Отсутствует интерес к процессу чтения художественной литературы. Учащиеся не посещают концерты классической музыки, выставки, не ходят в театры, что связано с недостатком культурной практики. Они не умеют понимать увиденное и не желают размышлять, анализируя глубину художественных и музыкальных произведений. Нельзя обойти вниманием тот факт, что существует часть студенческой молодежи, которая в ходе учебы в общеобразовательной школе посещала также и дополнительные занятия. Они ходили к репетиторам, в музыкальные, художественные школы, в кружки моделирования, технического творчества, занимались в театральных студиях. Эта категория студентов находит время на чтение беллетристики, ходит на выставки и концерты, любит и понимает театральное искусство, демонстрируя общекультурную образованность более высокого уровня.

Для 40 % студентов, задействованных в исследовании, был рассчитан коэффициент корреляции. Он доказывает, что между успешным освоением рабочих программ и общим культурным уровнем существует явная зависимость. Из группы респондентов (примерно 30 % из всех опрошенных), которые на хорошо и отлично освоили программу, три четверти оказались выпускниками музыкальных и художественных школ.

Всесторонний анализ многочисленных социологических исследований дает возможность утверждать, что в нынешних условиях уровень образованности ведет к достижению успеха в профессиональной деятельности и серьезно способствует самореализации молодых людей.

37% респондентов с состоявшейся карьерой имеют по два диплома о высшем образовании. Для лиц, не окончивших ВУЗы, и с невысоким социально-профессиональным статусом характерно отсутствие реальных планов, направленных на достижение успеха в профессиональной деятельности. На данную группу опрошенных приходится 84% молодых людей с начальным, 58% — с неполным средним образованием и только 27% выпускников двух ВУЗов [4].

Конечно, первоочередная задача любого образования — снабжение нового поколения достаточными знаниями, необходимыми для будущей профессиональной деятельности. Однако процесс обучения должен выполнять и еще одну немаловажную миссию — формирование в молодежи правильной гражданской позиции. Кроме объема, в знаниях важно также и их качество. Преподавая гуманитарные дисциплины, можно решить проблему воспитания гражданина, патриота и толерантной личности. В изучении этих наук заложено практическое значение, состоящее в выработке мировоззрения и осознания базовых ценностей.

Библиографические ссылки

1. Андреев А. Л. Культурные предпочтения современного российского студенчества // Мониторинг общественного мнения. 2008, № 2 (86). С. 107–117.
2. Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социолог. диагностики) / М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2011.
3. Денисова-Шмидт Е. В., Леонтьева Э. О. Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) // Социологические исследования, 2015, № 9. С. 86–93.
4. Иванова М. А. Проблемы и перспективы развития гуманитарного образования в технических вузах / Россия в ВТО: проблемы, задачи, перспективы. Сборник научных статей, вып. 13 / Под общей редакцией проф. В. В. Тумалева. СПб.: НОУ ВПО «Институт бизнеса и права», 2012.
5. Кирсанов О. И., Кирсанова Е. С. Гуманитарные науки в инженерно-техническом вузе и проблема воспитания. Высшее образование в России. № 8–9. 2012. С. 104–109.
6. Orehovskaya N. A. Problems of youth unemployment in Russia. Differences, Inequalities and Sociological Imagination: View from Russia / Editor-in-Chief V. Mansurov, Moscow, 2015. P. 311–316. CD-ROM.
7. Ореховская Н. А. Об общей культуре первокурсника технического вуза. Высшее образование в России. 2014. № 3. С. 135–139.
8. Ореховская Н. А. Тренинг как форма обучения в высшей школе. Казанский педагогический журнал. № 6. Ч. 2. 2015. С. 287–290.
9. Тюрина И. О. Двадцать лет реформ: взгляд на занятость // Служба занятости. 2011. № 9. С. 50–59.
10. Концепции гуманизации и гуманитаризации в техническом университете. Педагогика и психология высшей школы / под. ред. М. В. Булановой-Топорковой: Учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2002.
11. Педагогический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/pedagogics/Gumanitarizacija-Obrazovanija-445> (дата обращения: 31.08.2024).

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ ИНСТАГРАМ КАК ПЛОЩАДКА ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА КАФЕДРЫ УНИВЕРСИТЕТА

А. А. Приборович

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, priborovich@gmail.com*

Нарастающая конкуренция в системе высшего образования Беларуси, связанная со снижением контрольных цифр приёма, значительно обострила работу с абитуриентами. Традиционные способы привлечения потенциальных студентов устарели и требуют переосмысления.

На сегодняшний момент одним из самых эффективных каналов информирования общественности о работе учреждения являются социальные сети. Передача информации через социальные сети положительно воспринимается молодым поколением, что обусловлено особенностями его мышления и технической оснащённостью. Возможности социальных сетей достаточно обширны для их применения в системе образования — это профориентационная работа; трансляция образовательного контента; привлечение широкой аудитории подписчиков для формирования корпоративной культуры и имиджа учреждения образования; анонсирование мероприятий; отчётная работа и др. В статье рассматривается социальная сеть Инстаграм как площадка для освещения деятельности кафедры университета в Интернете.

Выводы статьи убеждают, что в условиях цифровизации современной культуры использование социальных сетей в достижении задач по информированию общественности о результатах работы учреждения является не столь модным направлением, а скорее важным инструментом подтверждения его имиджа (статуса). В статье описан опыт работы кафедры источниковедения исторического факультета БГУ в продвижении своей страницы в сети Инстаграм. Автор статьи убеждён, что такого рода площадка (инструмент) популяризации кафедры в глобальной сети в том числе расширяет потенциал факультета и университета в достаточно конкурентной среде рынка образовательных услуг высшего образования Беларуси.

Ключевые слова: социальная сеть; Инстаграм; кафедра университета; общественное мнение; потенциал; система образования.

SOCIAL NETWORK INSTAGRAM AS A PLATFORM FOR FORMING THE IMAGE OF THE UNIVERSITY DEPARTMENT

A. A. Priborovich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, priborovich@gmail.com*

Growing competition in the higher education system of Belarus, associated with a decrease in admission quotas, has significantly intensified work with applicants. Traditional methods of attracting potential students are outdated and require rethinking.

At the moment, one of the most effective channels for informing the public about the work of an institution is social networks. The transfer of information through social networks is positively perceived by the younger generation, which is due to the peculiarities of its

thinking and technical equipment. The capabilities of social networks are quite extensive for their use in the education system — this is career guidance work; broadcasting educational content; attracting a wide audience of subscribers to form a corporate culture and image of an educational institution; announcing events; reporting work, etc. The article considers the social network Instagram as a platform for covering the activities of a university department on the Internet.

The conclusions of the article convince us that in the context of the digitalization of modern culture, the use of social networks in achieving the tasks of informing the public about the results of the institution's work is not such a fashionable direction, but rather an important tool for confirming its image (status). The article describes the experience of the Department of Source Studies of the Faculty of History of the Belarusian State University in promoting its page on Instagram. The author of the article is convinced that this kind of platform (tool) for popularizing the department on the global network, among other things, expands the potential of the faculty and the university in a fairly competitive environment of the educational services market of higher education in Belarus.

Keywords: social network; Instagram; Department of the University; public opinion; potential; education system.

Основным нормативным правовым актом в Республике Беларусь, регламентирующим работу системы образования является Кодекс об образовании. Согласно Кодексу основными структурными подразделениями, обеспечивающие осуществление учреждением высшего образования (УВО) учебно-воспитательную, научную и инновационную деятельность являются институт, факультет и кафедра.

По мнению автора статьи, университетская кафедра — ключевая ячейка системы высшего образования. В системе управления любого УВО (ВУЗ) в качестве значимого звена выступает кафедра как основное учебно-научное подразделение факультета (университета, института). Именно кафедра в современной высшей школе обеспечивает образовательный процесс, на ней создаётся учебно-методический контент и ведутся фундаментальные научные работы.

Университетская кафедра не является автономным подразделением, она включена в единую систему управления УВО и это обусловлено как локальными документами в области управления, так и различными корпоративными (имиджевыми) программами развития учебного заведения. Успехи кафедры вместе с другими структурными подразделениями составляют общий статус УВО, а это в свою очередь важно для привлечения потенциальных абитуриентов и заказчиков кадров [1].

Основной задачей кафедры является организация образовательного процесса, обеспечение его профессиональными преподавателями и необходимым учебно-методическим обеспечением. Учебно-методическая, идеолого-воспитательная и научная работы подчиняются решению основной

задачи — подготовке высококвалифицированных специалистов. Однако, с учётом современных требований к системе высшего образования в Беларуси, очерченных как государственными образовательными стандартами, так и требованиями высших органов власти, на кафедру возлагается обязанность по проведению более широкой профориентационной работы. Вопросы привлечения студентов в университет на сегодняшний день стали весьма значимы. Согласимся с тем, что эти вопросы были важны и раньше, но сейчас с развитием цифровых технологий наиболее успешно привлекает абитуриентов в бакалавриат и магистратуру те УВО, которые наиболее активно транслируют свой позитивный имидж (успех) в сети Интернет. Современная молодёжь верит тому, что видит в сети. Устоявшиеся рейтинги УВО, составленные по весьма запутанному механизму, молодёжь не понимает. Молодому поколению важна «красочная картинка», когда в социальных сетях представлен фото и видео ряд положительных образов об УВО, учёбе студентов и их перспективах. Отсюда, социальные сети должны стать площадкой репрезентации имиджа кафедры.

На конец 2023 г. по данным отчёта DataReportal самыми популярными социальными сетями у белорусов были TikTok (4,27 миллиона пользователей) и Instagram (3,4 миллиона пользователей) [2]. При этом скорость прироста пользователей Инстаграм в Беларуси стремительно увеличивается и возможно, что концу 2024 г. социальная сеть выйдет на первое место по охвату аудитории.

Растущее продвижение социальной сети Инстаграм делает её востребованной в качестве современного инструмента информирования общественности о результатах работы учреждения, а также его отдельных подразделений. Успех данной социальной сети связан с тем, что долгое время в Интернете доминировали обычные сайты, на которых информация размещалась в отдельных статичных фреймах. Низкая скорость глобальной сети и несовершенство смартфонов делали сообщения в социальных сетях не яркими, даже отдельные фото и видео материалы в окружении обширного текста не могли заменить привычные нам каналы информирования. В конце 2010 г. ситуация изменилась, когда на мировом рынке интернет-технологий заработал Инстаграм (Instagram). Тогда новая социальная сеть поменяла концепцию транслирования сообщений — вместо ленты текстовых постов была предложена подвижная галерея фотографий. Инстаграм — это что-то среднее между социальной сетью и микроблогом, то есть вы размещаете фотографии (видео, истории), даёте им краткое описание и всё это в реальном времени бесплатно становится доступно для просмотра пользователям. Дешевизна и простота ведения социальной сети зачастую упрощает работу целого сайта, а фото и видео, в

форме которых представлена информация в Инстаграм, характеризуются наглядностью и запоминаемостью. Не исключена возможность обратной связи — комментирование, отправка сообщений, репосты, лайки и др.

В сентябре 2022 г. автор статьи создал в социальной сети Инстаграм страницу кафедры источниковедения исторического факультета БГУ [3]. Тогда у исторического факультета была своя отдельная страница в сети, но на ней в силу ряда причин не всегда отображались сведения о кафедре, а успехи её сотрудников были «размыты» общими достижениями всего факультета. Кафедра источниковедения существует на факультете с 1992 г. За 32 года работы кафедра подготовила не одну сотню специалистов по специальностям «Историко-архивоведение» и «Документоведение». На момент написания статьи на кафедре работали 15 преподавателей, которые активно занимаются на факультете методической, научной и общественной работой. Создание кафедральной страницы в популярной социальной сети было обусловлено рядом причин: создание хроники (летописи) жизни кафедры; профориентационная работа; формирование общей корпоративной культуры между преподавателями и студентами; отчётная работа; повышение имиджа кафедры среди студентов факультета и потенциальных заказчиков кадров. Отметим, что появление страницы кафедры в Инстаграм первоначально не имело среди преподавателей единого одобрения. Часть преподавательского состава кафедры источниковедения считало отмеченный выше способ освещения деятельности не эффективным и не нужным. Однако, за два года существования страницы кафедры число подписчиков выросло до 250 лиц, а число выложенных постов достигло около 200. Статистика активности посетителей страницы кафедры позволяет убедиться в постоянном росте интереса и положительной лояльности к размещённому на ней контенту.

Концепция или дорожная карта развития страницы кафедры источниковедения в Инстаграм чем-то схожа с аналогичной страницей факультета. Регулярно на странице кафедры размещается разнообразный фото и видео контент, но с акцентом под ключевые характеристики нашей аудитории. При добавлении материалов мы следуем принципу «как можно больше новых лиц и в том числе молодых ребят». Многие официальные страницы учреждений в сети Инстаграм как раз-таки злоупотребляют размещением медиа-материалов, где запечатлены только одни и те же лица — это отталкивает молодых людей от просмотра и подписки. Кроме этого нашим подписчикам доступна возможность комментирования постов и размещение своих историй в общей ленте. Не используя административные возможности кафедре удалось за короткий срок собрать свою уникальную группу подписчиков: студенты, преподаватели, сотрудники факультета,

выпускники, представители заказчики кадров, родители студентов и др. Успешная стратегия продвижения нашей страницы в Инстаграм — это, прежде всего, готовность меняться вместе со своими подписчиками.

В завершение статьи отметим, что сами по себе социальные сети являются мощным усилителем имиджевой стратегии любого учреждения, как в силу своей популярности, так и с учётом специфики мышления у нынешнего молодого поколения. В современной культуре любая стратегия продвижения должна учитывать достоинства и риски, порождаемые социальными сетями. Частым и беспорядочным размещением контента в социальной сети можно «захлать» и так уже перенасыщенное информационное пространство современного человека. Демонстрация результатов работы учреждения и его подразделений в социальных сетях должна быть продумана с учётом идеи, которую должно нести сообщение, а также видового разнообразия всего контента. Важно понимать, что никакая самореклама не способна повысить ваш имидж если нет реальных успехов. Только постоянное саморазвитие каждого сотрудника и студента кафедры позволит создать положительный образ о ней, который затем можно будет транслировать в социальных сетях.

Библиографические ссылки

1. Казакова А. Г. Кафедры и их роль в методическом обеспечении образовательного процесса в Вузе // Вестник МГУКИ. 2016. № 6. С. 151–159.

2. Digital 2023 представил статистику соцсетей в Беларуси [Электронный ресурс] // Сайт белорусский исследований «Thinktanks.by». URL: <https://thinktanks.by/publication/2023/04/19/digital-2023-predstavil-statistiku-sotssetey-v-belarusi.html> (дата обращения: 22.06.2024).

3. Страница кафедры источниковедения исторического факультета БГУ [Электронный ресурс] // Социальная сеть Инстаграм. URL: <https://instagram.com/istochnikovedeniya> (дата обращения: 22.06.2024).

АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

О. В. Шевченко

*Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, 127282, Москва,
Ленинградский проспект, 49, OVShevchenko@fa.ru*

Гуманитарная проблематика в условиях современных реалий бытия человека и социума приобретает особую актуальность, что обуславливает особое внимание к процессу гуманитарной подготовки в высших учебных заведениях. Гуманитарный вектор задает направленность процессу профессионального обучения студентов. В содержательном аспекте он рассматривается как мировоззренческий и праксеологический феномен, связанный с осознанием, осмыслением, усвоением ценностных оснований российского общества и личности, и в дальнейшем практической реализацией интериоризированных ценностных установок личности, определяемых как мировоззренческая зрелость, в её субъектно-объектных взаимодействиях. Новизна работы связана с обоснованием тезиса о двух проекциях духовности экстравертивной (объективно-рациональной) и интровертивной (субъективно-интуитивной). В выводе указывается, что главным функциональным предназначением гуманитарного вектора выступает мировоззренческая зрелость личности — как цель и результат процесса гуманитарного образования студентов. Качественным показателем мировоззренческой зрелости является преодоление деонтологического разрыва между должным и сущим в нравственном сознании и поведении субъекта.

Ключевые слова: духовность; мировоззренческая зрелость; гуманитарное образование; гуманитарный вектор.

ASPECTS OF HUMANITARIAN EDUCATION

O. V. Shevchenko

*Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, 127282,
Moscow, Leningradsky Prospekt, 49, OVShevchenko@fa.ru*

Humanitarian issues in the context of modern realities of human existence and society acquire special relevance, which leads to special attention to the process of humanitarian training in higher educational institutions. The humanitarian vector sets the direction for the process of vocational training of students. In a substantive aspect, it is considered as a worldview and praxeological phenomenon associated with the awareness, comprehension, assimilation of the value foundations of Russian society and the individual, and further the practical implementation of interiorized value attitudes of the individual, defined as worldview maturity, in its subject-object interactions. The novelty of the work is associated with the justification of the thesis about two projections of spirituality extrovertive (objective-rational) and introversive (subjective-intuitive). The conclusion indicates that the main functional purpose of the humanitarian vector is the worldview maturity of the individual — as the goal and result of the process of humanitarian education of students. A qualitative indicator of worldview maturity is overcoming the deontological gap between proper and existing in the moral consciousness and behavior of the subject.

Keywords: spirituality; worldview maturity; humanitarian education; humanitarian vector; worldview maturity.

Продвижение гуманитарных ценностей приобретает особое значение в образовательном треке, так как, безусловно, важной задачей воспитания молодого поколения на данном историческом этапе развития общества является преодоление мировоззренческих противоречий и формирование чувств и качеств, необходимых для интеграции в современный социум. Осмысление духовных основ различных видов деятельности в рамках выработки синергического аттрактора приобретает особую актуальность. Так, ведущий гуманитарный военный вуз России — Военный университет имени князя Александра Невского — ввел дисциплину «Духовные основы милосердия» для повышения уровня компетенций военных специалистов. Авторы курса отмечают, что современная картина мира переживает парадигмальный кризис, что актуализирует проблему рассмотрения духовных основ, которые могут стать ответом на вызовы и угрозы безопасности страны [2, с. 5].

Наиболее востребованной в студенческой среде формой социальной активности молодёжи является волонтерство, в основе которого лежит чувство сострадания к ближнему и милосердие. Так, в аналитическом обзоре Всероссийского центра изучения общественного мнения от 4 декабря 2023 г. отмечается, что 81 % россиян убеждены в повышении значимости волонтерской деятельности. Ассоциативный ряд данной деятельности — это помощь, участие и забота (42 %), позитивное восприятие в целом (18 %), свободная и бескорыстная деятельность, которая основана на альтруизме (11 %), искренность, забота, любовь, милосердие (10 %). Сами волонтеры и их труд вызывают уважение, гордость и восхищение (7 %), идея добровольной помощи связывается с инициативой и самоотверженностью (6 %). «Полученный ассоциативный ряд указывает на то, что волонтерство воспринимается как деятельность, основанная на добровольном желании помогать другим, проявлять заботу и ответственность, приносить пользу обществу» [1]. Волонтерство на данном этапе развития общества является наиболее востребованной гуманитарной ценностью.

Кроме того, к важным гуманитарным ценностям относятся: гражданская ответственность; долженствование добра; установка на позитивное отношение к человеку; смыслообразующая экзистенциальная установка на обретение личного счастья; наличие условий для творческой активности и гармоничного развития личности; толерантность к представителям других национальностей, вероисповеданий и культур; признание всеобщего равенства в правах и свободах: личностных и общественных; плюрализм мнений, интересов, социальных, политических и духовных предпочтений; нетерпимость к агрессии и экстремизму; экологический гуманизм и другие.

По своему содержанию гуманитарные ценности представляют собой духовно-социальное образование, а по форме они являются неотъемлемой частью механизма объединения общества в единое аксиологическое целое. Формирование гуманитарных ценностей представляет собой непрерывный процесс, находящий свое отражение как филогенезе, так и онтогенезе. Безусловно, что по своему содержанию они представляют собой исторически изменчивый феномен. На различных этапах развития общества существовала своя приоритетная ценностная пирамида. Вместе с тем антропоцентрический вектор, ставший преобладающим с XV в., поставил гуманитарную повестку на первое место.

Утверждение гуманитарных ценностей в социуме непосредственно связано с приоритетом духовности в общественном гуманитарном сознании. Духовность неотъемлема от человеческой сущности. Она соотносится с нравственными качествами личности, с воспитанностью, образованностью, умением различать добро и зло, самостоятельностью принятия решений. Духовность — это и присоединение к прогрессу, понимаемому как всеобщий путь цивилизованного развития, обусловленный демократией, свободным доступом к информации, инновационной составляющей и др.

Духовность в экзистенциальном бытии человека представлена эмоциями, чувствами и волевыми состояниями, составляя внутренняя характеристика личности, и имеет несколько уровней проявления: личностный, т. е. отношение к себе; общественный — к другим людям, окружающему миру в целом.

Для концептуального понимания духовности необходимо выделить ее содержательные составляющие, к которым относятся эпистемиологические концепции, религиозные верования, морально-ценностные и мистические представления, обыденно-практические знания, интуитивные постижения субъективного и объективного мира. То есть сюда включаются и рациональные, и эмоциональные, и волевые, и ценностные, и рефлекслируемые, и интуитивно постигаемые стороны объективного мира (экстравертивная духовность) и субъективной реальности (интровертивная духовность).

Несмотря на приоритетность формирования гуманитарного сознания и утверждения гуманитарных ценностей, существуют некоторые объективные противоречия, которые не позволяют в должной степени реализоваться данному процессу. Так, генеральный директор ВЦИОМ Федоров В. В., рассуждая о восприятии пандемии молодым поколением, отмечает, что это первый серьезный кризис — угроза жизни, с которым столкнулось несамостоятельное поколение. Откуда они черпают информацию — из

соцсетей, где отсутствует фактчекинг и объективность, отсюда фейки, теории заговоров, порождающие чувство незащищенности и страха. У молодежи нет большого иммунитета к фейкам и навыка их различения [1].

Таким образом, духовность можно рассматривать в двух проекциях:

– экстравертивная духовность — как рациональное осмысление объективного мира и поиск своего места в нем, существенно подвергается манипулятивным технологиям (как пример, вирус ложной информации в социальных сетях, имеющий экспоненциальный рост), оказывает негативное влияние на процесс адаптации личности к различным социокультурным условиям;

– интровертивная духовность — как интуитивно постигаемая сторона субъективной реальности, связанная с интериоризированным ценностным опытом, представлениями о собственной личности и взаимосвязях с другими людьми — рефлексивна более адекватно, так как непосредственно связана аутентичными, эмоциональными и волевыми сторонами личности.

Главная цель гуманитарного образования студентов — это формирование мировоззренческой зрелости, направленной на преодоление узкопрофессиональной подготовки будущих специалистов в учебных заведениях. Мировоззренческая зрелость формируется в ходе приобщения личности к духовно-нравственным основам бытия человека в сочетании с естественно-научными, социальными, религиозными, политическими, экономическими и другими знаниями. Главная роль в этом процессе отводится главным образом философии и другим социально-гуманитарным дисциплинам.

Ядром мировоззренческой зрелости является рефлексивное мышление способное к различению добра и зла на феноменологическом уровне и преодоление деонтологического разрыва между должным и сущим в нравственном сознании и поведении субъекта. В свою очередь, данный вид мышления будет способствовать осознанию объективных закономерностей существования социальной, духовной и других реальностей и позволит конструировать и воплощать на практике гармоничные модели взаимодействия на уровне человек-человек, человек-общество, человек-природа.

Осознание приемлемых для личности духовно-нравственных ориентиров, способность выстраивать свою собственную мировоззренческую позицию, направленную на практическое использование в своей личностной, гражданской и профессиональной деятельности, собственно, и определяют реализацию цели гуманитарной подготовки.

В античности Архимед говорил о том, что, найдя точку опоры можно перевернуть весь мир. Мировоззренческая зрелость — это тоже точка опоры, — духовной, рефлексивной, имеющей огромное созидательное начало для человека.

В этой связи уместно обратиться к современному осмыслению понятия «патриотизм», которое представляет собой сложное и противоречивое явление. Во все времена и для всех народов патриотизм был непреходящей ценностью и основой социального жизнеустройства. Если в советский период сакральная основа патриотизма была достаточно удачно, хотя и эклектично заменена идеологией строителей коммунизма, то в настоящий период убыстряющийся ход исторического времени не позволяет очертить контуры будущего нашего общества и духовно их оформить. Понятие «патриотизм» утрачивает тот живой импульс, который позволяет считать его праксеологическим феноменом организации социального пространства.

Патриотизм — это не только чувство социального единения в духовном опыте поколений, но и готовность к защите своего Отечества. В этой связи для военной подсистемы общества он имеет огромное значение. По сути, патриотизм является главным стимулом проявления мужества, смелости, отваги, тех многочисленных подвигов российского воинства, выполняющих воинский долг в целях сохранения суверенитета своей страны и обеспечения её национальных интересов. Патриотизм должен иметь конкретное воплощение. Абстракции невозможно воплотить в жизнь с пользой для социума [3, с. 135].

Таким образом, процесс гуманитарного образования студентов обусловлен культурно-исторической практикой и включает в себя общественно признанные, государственно-значимые и жизненно необходимые для личности и общества гуманитарные ценности духовной жизни. Гуманитарная подготовка в высшем учебном заведении направлена на формирование рефлексивного мышления и мировоззренческой зрелости будущего профессионала-специалиста, а также гражданина и патриота своей страны.

Библиографические ссылки

1. Волонтёры России: мониторинг. Аналитический обзор от 4 декабря 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring> (дата обращения: 30.08.2024).
2. Горячев А. И., Курочко М. М., Петрий П. В. Духовные основы милосердия: учебное пособие. М.: ВУ, 2020. 178 с.
3. Дягилев В. В., Шевченко О. В. Глобализм и национальная идеология // Общественно-национальный научно-политический журнал «Власть», № 04 (27) / 2019.
4. Федоров В. В. В России выросло «тепличное» поколение молодых патриотов [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=1944&uid=10541> (дата обращения 20.08.2024).

ДОКЛАД «НАЦИЯ В ОПАСНОСТИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО АМЕРИКАНСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

И. И. Шумский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, szumski@bsu.by*

В статье рассматривается процесс реформирования системы образования в США. Особое внимание уделено политике неоконсерваторов эпохи президента Р. Рейгана. Доклад Национальной комиссии по инновациям в образовании под названием «Нация в опасности» был опубликован в 1983 г. и стал основным историческим источником по неоконсервативным реформам в образовании. Источниковедческий анализ документа позволяет оценить влияние доклада на социальные процессы в США, проанализировать результаты реформирования американской системы образования.

Ключевые слова: американский неоконсерватизм; исторический источник; система образования; Соединенные Штаты Америки.

REPORT “A NATION AT RISK” AS THE HISTORICAL SOURCE OF THE AMERICAN EDUCATION SYSTEM

I. I. Shumski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, szumski@bsu.by*

The article explores the process of reforming the educational system of the United States. Particular attention is paid to the policies of the neoconservatives of the times of President R. Reagan. The report of the National Commission on Excellence in Education “A Nation at Risk” was published in 1983 and has become the main historical source about neoconservative educational reforms. Source analysis of the document makes it possible to demonstrate the impact of the report on social processes in the United States and analyze the results of reforming the American education system.

Keywords: American neoconservatism; historical source; education system; United States of America.

Несмотря на относительную молодость неоконсервативной доктрины как политического учения, теоретическая значимость опыта реформ продолжает вызывать интерес исследователей разных стран. Проблеме источниковедческой базы американского неоконсерватизма отводится незначительное внимание, поэтому данная тема требует детального исследования.

Американский неоконсерватизм за годы своего существования так и не стал единым политическим движением, не оформился в конкретную партию или организацию, но продолжает оказывать существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику США. Исследователи неоконсервативной доктрины выделяют имена идеологов течения (И. Кристол,

Д. Белл, Н. Подгорец и др.), периодические издания данного направления («The Public Interest», «Commentary», «Encounter»), многочисленные фонды, созданные неоконсерваторами. Интеллектуалы из числа теоретиков неоконсерватизма занимали должности советников президентов США, работали в администрациях президентов, что позволило им получить высокий социальный статус для влияния на политические процессы.

Со временем взгляды неоконсерваторов эволюционировали, основные постулаты доктрины пересматривались и подвергались критике, поэтому в современной историографии принято выделять несколько волн неоконсерватизма. Период правления президента Р. Рейгана стал первой волной неоконсервативного движения в США. Предвыборная кампания американского президента и его реформы фактически полностью соответствовали доктрине первого поколения неоконсерваторов, что отразилось на всех сферах общественной и политической жизни.

Особое внимание в политике Р. Рейгана заслуживает проблема реформирования американской системы образования, которую теоретики-неоконсерваторы считали важнейшим элементом инновационного развития государства. Важно подчеркнуть, что многие основатели неоконсервативной теории были преподавателями университетов, что позволило им на практике увидеть многочисленные недостатки системы образования США. Сам президент Р. Рейган открыто выступал против так называемого «басинга» (busing), который считал нарушением прав белых граждан [1, p. 14]. Президент-неоконсерватор был убежден, что объединение в классы чернокожих детей с детьми белой расы при помощи организованной системы подвоза учеников специальными школьными автобусами — это ошибочная мера, обостряющая в школах сложные для Америки расовые проблемы. Р. Рейган и его команда понимали, что «басинг» и социальное расслоение не помогает детям уравнивать возможности в получении престижного образования, а просто обостряет конфликты. Подобная проблема и низкий уровень успеваемости учеников школ и колледжей стали основанием для начала масштабной реформы системы американского образования.

При изучении неоконсервативных идей и концепций основными историческими источниками являются статьи и монографии теоретиков-неоконсерваторов, их выступления и интервью, аналитические материалы президентов США, биографии и мемуары представителей данного политического течения. Уникальным источником по формированию общественного мнения рядовых американцев и педагогов стал доклад (отчет) Национальной комиссии по инновациям в образовании под названием «Нация в опасности», опубликованный в 1983 г. в период правления неоконсервативной администрации Р. Рейгана.

Министр образования США Терелл Х. Белл лично выступил с инициативной формированием межведомственной комиссии по изучению проблем в системе образования. По поручению министра комиссия начала работу 26 августа 1981 г. с целью детального анализа эффективности американской системы образования и подготовки отчета с практическими рекомендациями по улучшению качества американского образования [2]. Комиссия продолжала работу 18 месяцев, при этом все заседания Национальной комиссии по инновациям были открытыми и публичными. В состав группы включили представителей разных профессий, ректоров университетов и директоров школ, губернаторов штатов и лауреатов Нобелевской премии, педагогов муниципальных школ и профессуру.

На пост председателя национальной комиссии по инновациям был избран ректор Калифорнийского университета в Солт-Лейк-Сити Дэвид П. Гарднер [2]. Рабочая группа получила поручение изучить учебные планы и программы, сравнить американский и зарубежный опыт, систему оценивания знаний учеников и студентов, содержание учебников и тематику курсов по выбору. За 18 месяцев работы комиссии было организовано и проведено 8 заседаний, 6 публичных слушаний, 2 панельные дискуссии, 1 симпозиум и ряд встреч, которые проводились министерством образования для подготовки итогового отчета [2]. Текст доклада комиссии дополнялся предложениями и замечаниями преподавателей, студентов, учителей, родителей, представителей бизнеса и государственных организаций.

Итоговый отчет Национальной комиссии по инновациям в образовании под названием «Нация в опасности» имел не только широкий общественный резонанс, но и политическую окраску. Во-первых, комиссия вскрыла многочисленные недостатки всей системы образования, сравнивая уровень образованности американцев разных поколений. Были детально изучены и сопоставлены педагогические требования и учебные программы за 1964–1969 гг. и аналогичные документы и показатели за 1976–1981 гг., на основании чего был сделан вывод о стремительном падении качества среднего и высшего образования в США.

Во-вторых, президент-неоконсерватор Р. Рейган еще во время своей перевыборной кампании заявлял о планах ликвидации министерства образования как государственной структуры. После своего избрания Р. Рейган назначил министром образования опытного чиновника в данной сфере Террела Х. Белла, поручив ему упразднить ненужный, по мнению неоконсерваторов, государственный орган. Несмотря на поддержку президента, Т. Белл поступил иначе, он отстоял министерство при помощи специально созданной комиссии и итогового доклада «Нация в опасности». Министр максимально привлек внимание общественности к проблемам системы

образования, при этом подчеркивая значение уровня образованности американцев для экономической безопасности страны. Т. Белл максимально придал огласке результаты отчета «Нация в опасности», сделав данный документ основным аргументом для реформирования системы образования.

Итоговый доклад «Нация в опасности» был переполнен критическими замечаниями о проблемах в американском обществе. Министр Т. Белл позволил комиссии вскрыть многочисленные недостатки, поэтому отчет носил во многом провокационный характер. В ситуации повышенного внимания к системе образования неоконсерваторы не решились ликвидировать министерство. Министр образования Т. Белл при помощи национальной комиссии и итогового доклада «Нация в опасности» обосновал необходимость образовательных реформ и отстоял свое министерство.

Общественность требовала масштабной работы в системе образования после статистических данных о неудачных учебниках, курсах по выбору и слабо мотивированных преподавателях. От министра ожидали видимых результатов, поэтому чиновники не могли остановиться только на критике системы. После публикации доклада «Нация в опасности» началась масштабная работа по реформированию образования. В 1984 г. было сформировано более 250 рабочих групп для мониторинга системы [3, р. 5]. В 1984 г. Министерство образования опубликовало новый отчет под названием «Нация отвечает». В документе описывалась проделанная работа в учреждениях образования, результаты инноваций и реформ. Отчет «Нация отвечает» должен был успокоить специалистов, учащихся и их педагогов, однако предыдущий доклад комиссии «Нация в опасности» приобрел настолько резонансный общественный характер, что стал настоящим манифестом для продолжительных реформ образования.

Полемика по докладу Национальной комиссии «Нация в опасности» продолжалась в последующих официальных заявлениях американских чиновников. В 1991 г. президент Дж. Буш-старший выступил с докладом под названием «Америка 2000: стратегия образования», где фактически вернулся к дискуссии по отчету Национальной комиссии 1983 г. «Нация в опасности». В докладе очередного президента-неоконсерватора Дж. Буша-старшего подчеркивалось: «Спустя восемь лет после того, как Национальная комиссия по улучшению качества образования объявила нас „нацией в опасности“, мы так и не изменили ситуацию в сфере образования. <...> Однако мы стали тратить на образование более значительные суммы. Общие расходы на начальное и среднее образование увеличились более чем в два раза по сравнению с 1980 г., тогда как количество учеников осталось примерно таким же. Расходы на образование увеличились примерно на 33 % на одного ученика государственной школы» [4, р. 23].

Дж. Буш-старший снова выступил с инициативой реформ в системе образования с целью формирования специалистов, которые могли бы быть конкурентоспособными на международном рынке труда и развивать свой профессиональный уровень в течение всей жизни. Во многих аналитических материалах приводились сравнения уровня компетентности американских сотрудников с представителями аналогичных профессий из других государств не в пользу США.

Анализ и обсуждение отчета комиссии по образованию «Нация в опасности» продолжается в американском научном сообществе до настоящего момента [5]. Провокационный доклад стал настолько популярным, что современные специалисты приводят его в пример, подчеркивая элементы прогресса в педагогической системе. Американский ученый П. Холмс, изучая доклад «Нация в опасности», подчеркнул: «Главный вывод отчета в том, что „нация в опасности“ основывался на трех основных дискурсах образовательной сферы: национальная безопасность, конкуренция и неэффективное обучение» [3, р. 2]. Большинство американских социологов и политологов соглашались с подобной формулировкой, четко прослеживая взаимосвязь между экономическим ростом страны и уровнем образованности граждан.

Источниковедческий анализ позволил сделать вывод о том, что доклад Национальной комиссии по инновациям в образовании «Нация в опасности» оказал существенное влияние на социальные процессы в США. Документ обосновал необходимость реформирования американской системы образования, сформулировал суть проблем в учреждениях образования, оказал существенное влияние на общественное мнение, подготовил педагогическое сообщество к масштабным изменениям и новшествам.

Библиографические ссылки

1. *Madras T.* Neokonserwatywna diagnoza kryzysu cywilizacji Zachodu // *Gospodarka i społeczeństwo wobec wyzwań XXI wieku*. Warszawa: Difin, 2011.
2. *A Nation at Risk: The Imperative for Educational Reform A Report to the Nation and the Secretary of Education United States Department of Education by The National Commission on Excellence in Education*. Washington: Department of Education, 1983 [Electronic resource]. URL: http://edreform.com/wp-content/uploads/2013/02/A_Nation_At_Risk_1983.pdf (date of access: 25.08.2023).
3. *Holmes P.* *A Nation at Risk and Education Reform: a Frame Analysis*. Washington: University of Washington, 2012.
4. *America 2000: An Education Strategy*. Virginia: Department of Education, 1991.
5. *Cawelti G.* *The Consequences of the Educational Policies and Program of the Reagan Administration* [Electronic resource]. URL: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1370&context=eandc> (date of access: 18.08.2023).

ЗАМЕЖНЫЯ І СТАРАЖЫТНЫЯ МОВЫ Ў ПАДРЫХТОЎЦЫ СТУДЭНТАЎ БДУ (1921–1941)

А. А. Яноўскі

*Выкладчыкам замежных і класічных моў БДУ
ўсіх пакаленняў прысвячаецца*

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, helgoleg@mail.ru*

Пераважна на архіўных матэрыялах разглядаецца практыка выкладання і вывучэння ў Беларускім дзяржаўным універсітэце замежных і старажытных моў. Акцэнт зроблены на два перадаенныя дзесяцігоддзі. Упершыню ўзгаданы больш за 30 прозвішчаў выкладчыкаў нямецкай, англійскай, французскай, лацінскай, польскай і іншых моў, якія першымі распрацоўвалі метадыкі выкладання, былі запатрабаванымі на ўсіх факультэтах універсітэта. Напрыканцы зроблены кароткі экскурс у сучасны стан з высновай аб неабходнасці грунтоўнага даследавання па дадзенай тэме.

Ключавыя словы: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; замежныя мовы; кафедра змежнай мовы; метадыкі выкладання.

ИНОСТРАННЫЕ И ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ В БГУ (1921–1941)

О. А. Яновский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, helgoleg@mail.ru*

Преимущественно на архивных материалах рассматривается практика преподавания и изучения иностранных и древних языков в Белорусском государственном университете. Особое внимание уделено двум предвоенным десятилетиям. Впервые названо более 30 имен преподавателей немецкого, английского, французского, латинского, польского и других языков, которые первыми разрабатывали методику преподавания и были востребованы на всех факультетах университета. В конце сделан небольшой экскурс в современное состояние с выводом о необходимости тщательного исследования данной темы.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; иностранные языки; кафедра иностранного языка; методики обучения.

FOREIGN AND ANCIENT LANGUAGES IN THE PREPARATION OF STUDENTS AT BSU (1921–1941)

A. A. Yanousky

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, helgoleg@mail.ru*

The practice of teaching and studying foreign languages at the Belarusian State University is examined mainly on the basis of archival materials. Particular attention is paid to the two pre-war decades. For the first time, more than 30 names of teachers of German,

English, French, Latin, Polish and other languages are mentioned, who were the first to develop teaching methods and were in demand at all faculties of the university. At the end, a short excursion into the current state is made with a conclusion about the need for a thorough study of this topic.

Keywords: Belarusian State University; foreign languages; foreign language department; teaching methods.

Як бы навука, у тым ліку яе рознаветарныя кантакты, не ўвасабляла сутнасныя характарыстыкі БДУ, але ўсё ж навучальны працэс, падрыхтоўка разнастайных спецыялістаў для народнай гаспадаркі першапачаткова з'яўляліся галоўным прызначэннем першага ўніверсітэта Беларусі. У шэрагу мноства іншых некаторыя лекцыйныя дысцыпліны, унесеныя ў навучальныя планы факультэтаў, мелі прамую спалучанасць з замежжам. Такая першапачатковая практыка азначала, што адразу парушыць традыцыі імператарскіх расійскіх універсітэтаў было і немагчыма, і неразумна. Напрыклад, такімі можна лічыць курсы замежнай гісторыі і географіі замежных краін. На факультэце права і гаспадаркі выкладаўся курс «міжнароднага права», і прафесар М. М. Краўчанка, які чытаў яго, увасабляў сваёй навуковай кваліфікацыяй гэты важны напрамак прафесійнай падрыхтоўкі студэнтаў [1, с. 291]. На педфаку з першых дзён яго дзейнасці быў створаны адмысловы навучальны кабінет усеагульнай гісторыі (нараўне з кабінетам расійскай гісторыі), а таксама адзіны кабінет расійскай і заходнееўрапейскай літаратуры.

І тым не менш, і замежны, і агульнакультурны складнікі ў падрыхтоўцы першых беларускіх студэнтаў былі найбольш увасоблены праз выкладанне замежных моў. Гэтая сусветная практыка працы ўніверсітэтаў ніяк не магла быць праігнаравана ў першым універсітэце Беларусі. Моўная падрыхтоўка выглядала неад'емнай часткай агульнай характарыстыкі тагачаснага ўзроўню выкладчыцкіх кадраў: усе прафесары, дацэнты, асістэнты і іншыя супрацоўнікі ў большасці сваёй валодалі некалькімі замежнымі мовамі. На гэтым фоне парадаксальнай выглядае сітуацыя з прафесарам А. С. Шчапоцьевым. У разгар не столькі правядзення кампаніі па беларусізацыі выкладання ў БДУ, колькі іншай кампаніі, якая разгарнулася на поўную моц з сярэдзіны 1920-х гг. — замена (па сутнасці выгнанне) «старой» прафесуры прафесурай «чырвонай» — гэты ўнікальны спецыяліст быў выключаны з БДУ за адмову чытаць лекцыі, як ён лічыў, на «замежнай мове» — гэта значыць беларускай. Пры гэтым Аляксандр Сяргеевіч ведаў 12 еўрапейскіх моў... [2; 3; 4].

У сілу таго, што на сённяшні дзень няма колькі-небудзь дакладных даследаванняў па праблеме выкладання ва ўніверсітэце замежных і старажытных (класічных) моў і мала каму вядомыя імёны першых

«лектараў»-выкладчыкаў, назавем асноўныя вехі і знойдзеныя ў архіўных справах імёны. Ужо 18 сакавіка 1922 г. Праўленне БДУ зацвердзіла аклады 9 «лектараў новых моў», як у той час называлі сучасныя еўрапейскія замежныя мовы [5, с. 330]. Можна адзначыць своеасаблівы феномен першых навучальных планаў БДУ і педагагічных устаноў, якія вызначаліся кіраўніцтвам і ўсяго ўніверсітэта, і яго факультэтаў. Замежныя мовы павінны былі з першых дзён вучобы грунтоўна асвойвацца студэнтамі, каб у канчатковым выніку адпавядаць універсітэцкай падрыхтоўцы. І гэта было натуральным адлюстраваннем той сітуацыі, калі выкладчыкі ўсіх узроўняў кваліфікацыі, ад прафесара да асістэнта, практычна валодалі 3–5 замежнымі мовамі.

Сярод іншых амаль што ўзорным па сваёй біяграфіі і кваліфікацыі можна лічыць Георга Эмільевіча Пецальда. Гэты ўраджэнец Дрэздэна, немец па нацыянальнасці, яшчэ ў 1898 г. атрымаў сваю адукацыю на радзіме ў Каралеўскай Саксонскай настаўніцкай семінарыі, але з пачатку XX ст. працаваў настаўнікам нямецкай мовы ў гімназіях і вучылішчах Расіі — ад Варшавы, Коўна і Калугі да Паволжа. Так, у ваенныя гады і гады рэвалюцый ён быў школьным інструктарам у месцах пражывання немцаў Паволжа. Потым з-за голаду вярнуўся з берагоў Волгі на захад Расіі — стаў выкладаць у Мінскай чыгуначнай школе, у адным будынку з якой 30 кастрычніка 1921 г. распачне працу і БДУ (гэта «Дом № 3»). Дарэчы, выдатны выкладчык нямецкай мовы быў абсалютным знаўцай моў рускай і англійскай, меў да ўсяго і музычную адукацыю.

З 15 верасня 1922 г. Г. Э. Пецальд быў зацверджаны выкладчыкам рабфака ўніверсітэта, маючы да гэтага часу пару публікацый. Цікавы факт: Георг Эмільевіч лічыў сябе прыхільнікам працоўнай школы і «натуральнага (аналітычнага) метада выкладання нямецкай мовы». У жніўні 1925 г. ён быў камандзіраваны ў Берлін на «Педагогическую неделю для иностранцев», дзе выступіў з дакладам, надрукаваным у мясцовым часопісе «Sozialistischer Erzieher» (№ 10 за кастрычнік 1925 г.). Вынікам гэтай камандзіроўкі стаў сумесны з наркамам асветы рэспублікі А. В. Баліцкім артыкул «Арганізацыя народнае асветы ў Нямеччыне» (ён надрукаваны ў часопісе «Асвета» у № 1 за 1926 г.). Вясной 1931 г. Г. Э. Пецальд названы ў пастанове сакратарыята ЦК КП(б)Б як кіраўнік семінара па нямецкай мове сектара падрыхтоўкі кадраў Інстытута гісторыі партыі [6, арк. 211; 7, арк. 2–8]. А да гэтага ў БДУ ён вёў курсы нямецкай мовы з ардынатарамі медфака, якія самі аплочвалі яму за праведзеныя заняткі, выкарыстоўваючы таксама фінансавую падтрымку з боку «Секцыі навуковых работнікаў» і Праўлення ўніверсітэта. Такім чынам, праца Г. Э. Пецальда ў

відавочна знакавай ступені ўвасабляла ўзровень выкладання ў БДУ на розных яго факультэтах такой на той час важнай у прафесійным і палітычным плане нямецкай мовы.

Разам з Георгіем Эмільевічам у першы год дзейнасці БДУ нямецкую мову таксама выкладалі Хрыстафор Хрыстафоровіч Прэйсберг, Эсфір Міронаўна Сегаль, Масальская (яна выкладала толькі адзін год і, на жаль, пакуль не ўдалося дакладна вызначыць яе імя і імя па бацьку, як і некаторых названых далей выкладчыкаў. — Аўт.). На факультэце грамадскіх навук (ФГН) акрамя іх выкладчыкамі французскай мовы былі Луіза Яўгенаўна Буржуа, Берта Ісакаўна Партнова, Клара Восіпаўна Паланоўская; англійскай — Лідзія Якаўлеўна Сыркіна. Вывучаліся студэнтамі на адпаведных аддзяленнях польская мова ды ідыш, якія ў той час былі дзяржаўнымі і не лічыліся замежнымі. Праўда, ў хуткім часе польская мова ў сілу змены палітычных абставінаў такой стане. Выкладчыкі гэтых «новых моў» на ФГН склалі лінгвістычную прадметную камісію. Характэрна, што ўсе «лектуры по древним и новым языкам» у сваёй «Университетской летописи» Ф. Ф. Турук паказаў як «заполненные местными преподавательскими силами» ужо да пачатку працы БДУ [8, с. 204]. Адразу на ФГН было арганізавана выкладанне не толькі новых замежных моў — французскай, нямецкай, англійскай, польскай, але і старажытных. Тут выкладчыкамі дакументы называюць Георгія Эрнэставіча Земеля і Сяргея Іванавіча Сінякова. Першы таксама вёў заняткі па рускай мове. «Старажытнаяўрэйскую мову» (іўрыт. — Аўт.) выкладаў Хаім Абрамавіч Ме(а)рліс. Своечасова была зроблена выпіска замежных часопісаў «в помощь преподавательскому персоналу». Праўда, адразу не ўдалося знайсці выкладчыка «новаяўрэйскай мовы» (ідыш. — Аўт.). А калі яе стаў выкладаць Іосіф Ісакавіч Гольдберг, то неўзабаве (8 красавіка 1924 г.) яго арыштавала ГПУ. Праўленне ўніверсітэта спрабавала хадайнічаць аб вызваленні, але невядома, чым гэтая гісторыя скончылася. Хаця пазней (на 1926 г.) ён лічыўся разам з Міхаілам Барысавічам Вейнгерам выкладчыкам «яўрэйскай мовы і літаратуры і методыкі іх выкладання» на педфаку БДУ [9, арк. 191; 10, арк. 359; 11, арк. 245]. Дарэчы, раней (у маі 1923 г.) з універсітэта па асабістаму жаданню звольнілася выкладчыца польскай мовы Марыя Станіславаўна Кавалеўская — «у сувязі з рэпатрыяцыяй» [12, арк. 70].

У першыя гады ў залежнасці ад ступені валодання мовамі студэнты размяркоўваліся на малодшую, сярэдняю і вышэйшую групы. На педфаку студэнт павінен быў асвоіць адну з трох прапанаваных моў (англійскую, нямецкую, французскую). Лацінская мова была абавязковай для будучых гісторыкаў і этнолагаў, а польская вывучалася факультатыўна. На медфаку англійскую мову вёў Гдалій Сендэравіч Блох, французскую — Клара

Васільеўна Паланоўская, латынь — названыя вышэй Г. Э. Земель і С. І. Сінякоў (першы значыўся і за курсам старажытнагрэчаскай мовы) [5, с. 333, 342; 13, с. 6, 19, 29; 8, с. 204]. На рабфаку замежныя мовы ў 1921–1923 гг. выкладалі Г. Э. Пецальд і К. А. Петэрсон (нямецкая), Л. Я. Сыркіна (англійская). Г. Э. Земель, спецыяліст па лацінскай і старажытнагрэчаскай мовах, у лістападзе 1922 г. быў пазначаны як выкладчык рускай мовы) [14, арк. 46].

У той суровы час усеагульнай галечы ўніверсітэт усё ж мог сабе дазволіць камандзіраваць за мяжу на стажыроўкі нават шэраговых выкладчыкаў замежных моў. Так, у чэрвені 1923 г. НКА БССР па хадайніцтве БДУ дазволіў камандзіроўку ў Германію «для изучения методов преподавания новых языков» Л. Я. Сыркінай, якая, як адзначалася, выкладала англійскую мову. І не толькі дазволіў, але яшчэ і паклапаціўся аб паскарэнні рашэння з выдачай камандзіровачнага пасведчання, якое затрымліваў Наркамат замежных спраў. Беларускі наркамат асветы за подпісам У. М. Ігнатоўскага звяртаўся да ўсіх урадавых устаноў, органаў і прадстаўніцтваў РСФСР у Германіі аказаць усялякую дапамогу ў праездзе, рабоце і вяртанні ўніверсітэцкіх вучоных [15, арк. 89, 90, 120; 12, арк. 120].

На 1922–1923 навучальны год у спісах выкладчыкаў замежных моў пазначаны 8 чалавек: Г. С. Блох (1882 г. н.), Э. М. Сегаль (1881 г. н.), Х. Х. Прэйсберг (1857 г. н.), Л. Я. Сыркіна (1862 г. н.), К. А. Паланоўская (1887 г. н.), Л. Я. Буржуа (1872 г. н.), М. С. Кавалеўская (1852 г. н.) і... Язэп Лёсік!? На наступны год яшчэ былі названыя выкладчык «новоеврейского языка» І. І. Гольдберг, а «древнееврейского» — Х. А. Ме(а)рліс [16, арк. 13, 78]. У 1926 г. (дакладней — 15 снежня) БДУ падаў «спіс навуковых работнікаў», у якім па факультэтах былі названы ўсе іх катэгорыі, у першую чаргу тых, хто вёў заняткі са студэнтамі. Усяго ў спісе 237 прозвішчаў з прывядзеннем кароткіх, але дастаткова інфарматыўных дадзеных. У самым яго канцы пад №№ 229–237 стаяць прозвішчы «лектараў замежных моў» — усяго 9 чалавек. Амаль усіх іх аб'ядноўвае тое, што яны з'яўляліся членамі прафсаюза «Рабпрос», беспартыйнымі (выключэнне Я. С. Гельтман), належылі да розных нацыянальнасцяў і... атрымалі вышэйшую адукацыю ў еўрапейскіх універсітэтах! Такімі былі Гдальіх Сендэравіч Блох (англійская мова, яўрэй, у 1915 г. скончыў Оксфардскі ўніверсітэт); Луіза Яўгенаўна Буржуа (французская мова, французжанка, у 1895 г. скончыла Парыжскую акадэмію); Ядзвіга Станіславаўна Гельтман (польская мова, полька, у 1910 г. скончыла Кракаўскі ўніверсітэт); Клара Восіпаўна Паланоўская (французская мова, яўрэйка, у 1907 г. скончыла Сарбону); Георгій Эмільевіч Пецальд (нямецкая мова, немец, у 1913 г. скончыў Каралеўскую Саксонскую настаўніцкую семінарыю); Лідзія Якаўлеўна Сыркіна (нямецкая і англійская мовы, яўрэйка, скончыла Сарбону). Выключэнне складалі трое: Георг Эрнэставіч

Земель (нямецкая мова, беларус, у 1893 г. скончыў Маскоўскі ўніверсітэт); Дзіна Ізраілеўна Руманова, якая ў 1926 г. скончыла педфак БДУ і пачала выкладаць яўрэйскую мову (так тады адназначна называлі ідыш. — Аўт.), а «лектар» нямецкай мовы Густаў Іванавіч Шмідт яшчэ ў 1901 г. скончыў Мікалаеўскую ваенную акадэмію Генеральнага штаба і з 1897 г. працаваў у розных ваенных ведамствах Расіі [11, арк. 258–259].

На 1925–1926 навучальны год прадугледжвалася абавязковае вывучэнне ўсімі студэнтамі адной замежнай мовы з прапанаваных на выбар англійскай, нямецкай, французскай і італьянскай, а на факультатыўным узроўні — адной з трох (лацінскай, старажытнагрэчаскай або старажытнай яўрэйскай) і таксама з «нацыянальных» — польскай ці «яўрэйскай» (на той час — ідыш. — Аўт.) [17, арк. 50]. Так, у пачатку 1925 г. выкладчыцай польскай мовы і літаратуры ў штатным фармуляры педфака значылася Я. С. Гельтман [18, арк. 2]. У пачатку 1928 г. НКА БССР прызначыў Казіміра Рамуальдавіча Даўкшу выкладчыкам польскай мовы на педфаку БДУ. На 1926–1927 навучальны год вызначылі неабходнасць арганізаваць гурткі па вывучэнні польскай мовы, але па групам не менш за 15 студэнтаў [19, арк. 54]. На гэты год на педфаку былі зацверджаны 12 і 1/6 стаўкі выкладчыкаў замежных моў, на факультэце права і гаспадаркі — 6, а на медфаку ўсяго 2. Справа ў тым, што яшчэ ў 1924 г. на ўзроўні СНК было вырашана на гэтым факультэце, насычаным мноствам складаных прафесійных дысцыплін, выкладаць лацінскую і адну замежную мову не як абавязковыя па вучэбнаму плану, бо, маўляў, студэнты ў стане іх вывучаць «самоучкой» [20, арк. 21; 21, арк. 88].

У 1927 г. выкладчыцкі склад не змяніўся. У БДУ замежныя мовы выкладалі: Г. С. Блох — англійскую; Я. С. Гельтман — польскую; Л. Е. Буржуа і К. А. Паланоўская — французскую; Г. Э. Пецальд, Э. М. Сегаль і Л. Я. Сыркіна — нямецкую [22, с. 37]. Акцэнтуючы ўвагу на выкладанні «новых» еўрапейскіх моў пэўнай экзотыкай выглядае факт, што ўніверсітэцкая моладзь імкнулася і да засваення моднага на сярэдзіну 1920-х гг. эсперанта. Але гэтая штучная мова вывучалася толькі факультатыўна, у спецыяльных гуртках. Так, у такім гуртку, створаным на рабфаку, у 1925 г. выкладаў Іван Міхайлавіч Фёдараў, якому вызначылі аплату, зыходзячы з чатырох гадзін у тыдзень.

Праўленне БДУ 20 сакавіка 1928 г. паставіла, што студэнты вывучаюць замежныя мовы на працягу 3-х гадоў па 4 гадзіны на тыдзень і не могуць пераводзіцца на наступны курс без здачы заліку. Праз год, зноў жа ў сакавіку, гэтае рашэнне было паўторана [23, арк. 84]. Выкладанне замежных моў, як, зрэшты, і асабліва прафесійных прадметаў, патрабавала арганізацыйнага афармлення. Да канца 1920-х гг. кафедральная структура, уласцівая цяперашняму часу працы ВУ, набывала ўсё больш выразнае

выражэнне і станавілася галоўнай у ажыццяўленні як вучэбна-метадычнай работы, так і навуковай. Але яна такой стала не адразу. Так, Праўленне БДУ 18 красавіка 1928 г. паставіла лічыць «пры ўніверсітэце» на 1928/29 навучальны год тры грамадазнаўчыя кафедры (дзямату, ленінізму і гісторыі ВКП(б), ваеннай справы). На факультэце права і гаспадаркі — 13 кафедраў: гісторыі народнай гаспадаркі, палітэканоміі, статыстыкі, прыкладной эканомікі, рахункаводчых навук, кааперацыі, фінансавых навук, таваразнаўства і тэхналогіі, гісторыі права, дзяржаўнага права СССР і БССР, грамадзянскага права, крымінальнага права, адміністрацыйнага права. На педфаку ж былі названы 34 кафедры ды яшчэ 2 «дацэнттуры» (гэта значыць, што агульны курс выкладаўся не прафесарам. — Аўт.). Сярод іх, нягледзячы на навацыі з навучальнымі праграмамі, лічыліся кафедры ўсеагульнай гісторыі, гісторыі Польшчы, гісторыі Расіі, гісторыі яўрэяў і, вядома ж, гісторыі Беларусі. На медфаку дзейнічалі 25 кафедраў і адна «лектура» — замежных і лацінскай моў [24, арк. 118; 25, арк. 37; 26, арк. 407].

Ва ўніверсітэце пазітыўнае стаўленне да вывучэння замежных моў стымулявалася рознымі даступнымі спосабамі. Калі прадметная камісія па новых і стражытных мовах выказала просьбу перавесці «лектараў» у разрад «асістэнтаў», што павялічвала аклады, то рэктар У. І. Пічэта адразу выказаў сваё адабрэнне і звярнуўся у НКА БССР за дазволам. Вось толькі наркамат яго не даў. Для выкладчыкаў кіраўніцтва спрабавала адшукваць грошы за вядзенне заняткаў па-за раскладам, на курсах і інш.

З адкрыццём у 1927 г. аспірантуры (Статут аб аспірантах НКА зацвердзіў толькі 28 чэрвеня 1928 г.) патрабаванне да ведання замежных моў маладымі савецкімі вучонымі ўзрасло. Праўленне БДУ ў 1928 г. вымушана было прызнаць, што «ў Беларусі справа з замежнымі мовамі ідзе вельмі дрэнна». Праблемы былі і ў самім БДУ. З мэтай узмацнення адказнасці студэнтаў за вывучэнне моў восенню 1927 г. на педфаку было прынята рашэнне аб здачы выніковага экзамену пасля заканчэння 3-га курса і пераходзе на выпускны 4-ты. А да тых, хто наважыўся стаць навукоўцам, прад'яўляліся «навуковыя патрабаванні» — апроч усіх выпрабаванняў аспіранты павінны былі выступіць у прадметнай камісіі па замежных мовах з дакладам па сваёй спецыяльнасці і паказаць веданне гутарковай замежнай мовы [26, арк. 143, 321]. У аспірантуры замежная мова вивучалася ў першы год навучання з мэтавай устаноўкай — дастатковыя навыкі «для чытання літаратуры па сваёй спецыяльнасці» [19, арк. 54]. Медыкі ўніверсітэта нават вырашылі рыхтаваць аспірантаў «камбінаваным шляхам» — пасылаць іх у навуковыя цэнтры СССР (да 6 месяцаў) і за мяжу (на 3 месяцы). Педфак на 1928–1929 гг. запланаваў прыём 40 аспірантаў (дарэчы, што цікава, — па адным па гісторыі Польшчы і гісторыі Беларусі, але нікога па гісторыі

Расіі. — Аўт.) [26, арк. 194]. Вось толькі падобныя намеры ў частцы замежных стажыровак рэалізаваць не ўдалося. Ды што там аспірантура: калі ў 1929 г. пры БДУ пачаў работу «інстытут выдвіжэнцаў» (студэнты двух апошніх курсаў адбіраліся для навуковай работы), то на факультэце права і гаспадаркі стварылі групу з 16 студэнтаў, якія павінны былі больш за ўсё вывучаць 2 дысцыпліны — дзямаць і замежныя мовы [27; 28].

Для ўмацавання магчымасцяў ведання студэнтамі замежных моў 9 красавіка 1931 г. быў створаны кабінет замежных моў на чале з выкладчыкам Голаш. Гэтым жа рашэннем на педфаку былі арганізаваны 17 кафедр і назначаны іх загадчыкі [29, арк. 36]. Чамусьці курс «міжнароднае права», як палічылі, павінен чытацца «па-за кафедрамі», хоць яго, як адзначалася, раней увасабляў выбітны гісторык і правазнавец М. М. Краўчанка, абавязаны сваёй высокай кваліфікацыяй нямецкім і швейцарскім універсітэтам. Адначасова «па-за кафедрамі» апынуліся і іншыя курсы — судаўладкаванне (судовая медыцына, судовая псіхіятрыя на медфаку), фізіка, хімія, элементы вышэйшай матэматыкі на педфаку, а таксама практыка прафесійнай працы. На педфаку сярод гуманітарных кафедр зацвердзілі 2 агульныя — псіхалогіі, пэдалогіі і педагогікі, а таксама агульнаславянскага мовазнаўства, беларускага мовазнаўства, гісторыі беларускай літаратуры, тэорыі літаратуры (паэтыка і метадалогія), гісторыі ўсеагульнай літаратуры, методыкі мовы і літаратуры. На яўрэйскай секцыі — яўрэйскага мовазнаўства, семіталогіі, гісторыі яўрэйскай літаратуры. На польскай секцыі — польскага мовазнаўства, гісторыі польскай літаратуры [29, арк. 119].

Кафедра замежных моў у пачатку 1935–1936 навучальнага года падтрымала ініцыятыву камітэта камсамола БДУ і выкладчыкаў нямецкай мовы Яўгеніі Аляксееўны Мацісён, Аляксандры Антонаўны Рубцовай і Аляксандры Сцяпанаўны Шкляевай, таксама англійскай — Дзеборы Шльеўны Платнер, што студэнты старэйшых курсаў будуць аказваць дапамогу ў вывучэнні замежных моў сваім малодшым таварышам. У БДУ 16 студэнтаў вылучылі кіраўнікамі гурткоў замежных моў [30]. Магчыма, гэтая ініцыятыва стала рэакцыяй на Пастанову СНК БССР ад 26 чэрвеня 1935 г. «О выполнении учебного плана 1934/1935 учебного года Белорусским государственным университетом», у якой была ўхвалена практыка выкладання нямецкай і англійскай моў у БДУ і ўказана на неабходнасць увядзення вывучэння французскай. Рэктар А. І. Дзякаў, дакладваючы ў СНК, сцвярджаў, што выпускнікі ўніверсітэта павінны самастойна карыстацца «замежнай літаратурай». Гэта і было зафіксавана ў п. 2 названай пастановы СНК [31, арк. 26; 32, арк. 409]. Дарэчы, на той час на пасадзе загадчыка кафедры замежных моў (як пазначана ў спісах на 1934 г.), спецыяліста па класічных мовах Георга Эрнэставіча Земеля

змяніла А. С. Шкляева. На кафедры выкладчыкамі нямецкай мовы таксама працавалі Максім Якаўлевіч Клебанскі і Ганна Львоўна Маршак [33, арк. 103–106].

Можна адзначыць пару цікавых прыкладаў тагачаснага захаплення вывучэннем замежных моў, у першую чаргу, нямецкай. Так, насценная газета хімфака змяшчала артыкулы студэнтаў і выкладчыкаў на нямецкай мове [34]. Першакурснікі гістфака арганізавалі вечар, на якім усе павінны былі размаўляць толькі па-нямецку. На ўсю сцяну вывесілі транспаранты са словамі Сталіна, пераведзенымі на нямецкую мову, прызначэнне міжнароднага пралетарскага сяброўства і цытату па-нямецку з яго выступлення — «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей!». Прысутнічала сакратар парткама БДУ Рэбэка Лазараўна Растоўская, загадчыца кафедры нямецкай мовы А. С. Шкляева, выкладчыца Я. А. Маццісон. Так што гэты вечар набыў нават рэспубліканскае гучанне, явіў сабой прыклад для пераймання. У далейшым падобныя вечары праводзіліся рэгулярна з выкарыстаннем трох моў — нямецкай, англійскай і французскай [35; 36]. Яны з’яўляліся адной з формаў удасканалення навыкаў «вымаўлення» і праводзіліся на той ці іншай замежнай мове, але часцей адначасова на ўсіх трох асноўных.

У другой палове 1930-х гг. выкладчыкі кафедры замежнай мовы (Аляксандра Антонаўна Рубцова, Зінаіда Іванаўна Каліноўская, Яўгенія Цімафееўна Грыгорьева, Эліс Морыцавіч Эпштэйн, Марыя Мінаўна Шапіра, Аляксандра Уладзіміраўна Шарамецьеўская, Андрэева, Фідэльман, названыя вышэй А. С. Шкляева, Я. А. Маццісон і інш.) пасля працяглай падрыхтоўкі разам са студэнтамі на нямецкай, англійскай і французскай мовах дэкламавалі вершы, ставілі невялікія тэатралізаваныя паказы, рабілі даклады аб дзейнасці германскага камсамола, пелі песні (накшталт «Калгасныя песні», «Браты, ды сонца і воля», «Камінтэрн»), «авіамаршы» і інш. [37–41; 48, арк. 1–4]. На гістфаку латынь тады выкладалі Іосіф Натанавіч Файнберг і Міхаіл Фёдаравіч Старжынскі, якія былі ў штаце кафедры гісторыі СССР [42, арк. 17].

З 2 красавіка 1939 г. Камітэт па справах вышэйшай школы НКА БССР прызначыў загадчыцай кафедры замежных моў БДУ Я. А. Маццісон. У невялікай нататцы, апублікаванай літаральна напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны ў газеце «За ленінскія кадры», маладая загадчыца, але найдасведчаны выкладчык адназначна вызначыла, што «Замежныя мовы неабходны для авалодання навукай і тэхнікай». Яна сцвярджала, што ў апошні час выкладчыкі сталі рабіць акцэнт на прывіццё студэнтам навыкаў беглай гутарковай гаворкі. Важна, што замежныя мовы былі аднымі з 7–8 асноўных экзаменаў (у залежнасці ад спецыяльнасці), якія неабходна было здаць абітурыентам пры паступленні ў БДУ [43].

Для гісторыкаў у прафесійным плане вялікае значэнне мела латынь. Ад пачатку адраджэння гістарычнай адукацыі ў БДУ (з 1934 г.) яна адназначна ўвайшла ў навучальныя планы падрыхтоўкі. Аб цяжкасцях і поспехах у выкладанні ў вялікім артыкуле вясной 1936 г. распавядаў Г. Э. Земель. Студэнты хіміфака і фізмата з цеплынёй выказваліся аб сваіх выкладчыках замежных моў Д. Ш. Платнер і А. У. Шарамецьеўскай [44].

Вядома, розныя формы авалодання замежнымі мовамі не маглі кампенсаваць прамыя кантакты ўніверсітэта са сваімі замежнымі калегамі ў разрэзе як выкладчыкаў, так і студэнтаў. Іх цалкам магчыма ацэньваць у адным шэрагу з кампаніямі ўсеагульнай ваенізацыі і фізкультурызацыі, з рэгулярнымі публічнымі лекцыямі аб міжнародным становішчы, ці ледзь не пагалоўным уцягваннем моладзі і студэнтаў у дзясяткі ваенна-тэхнічных абаронных гурткоў, на курсы планерыстаў, матацыклістаў і т. п. У сярэдзіне 1930-х гг. універсітэцкі навучальны план адводзіў на замежныя мовы і ваенную падрыхтоўку сапаставімую колькасць навучальных гадзін — адпаведна 120 і 140 [45, арк. 12]. У 1937 г. кафедру замежных моў узначальвала в. а. дацэнта А. С. Шкляева, кафедру фізкультуры і спорту — В. П. Рак, ваенную кафедру — Спегальскі [46, арк. 52]. Шкада, што з цягам часу гэтыя імёны амаль што зніклі з аналаў універсітэцкай гісторыі.

Краіна ў цэлым і рэспубліка ў прыватнасці рыхтаваліся да відавочна хуткай сутычкі з варажым Захадам. Ні пра якія кантакты з замежнымі ўніверсітэтамі не магло быць і гаворкі. Нават даўнія сувязі, не раз становілі ацэненыя на самым высокім узроўні, у 1930-я гг. у абвінаваўчых вердыктах караючых органаў вызначаліся і як антысавецкізм, і як прамое шпіёнскае дзеянне. Толькі з далучэннем прыбалтыйскіх рэспублік да СССР такія кантакты патроху сталі ажыццяўляцца, але ўжо ў рамках узрослай «сям'і» савецкіх народаў. Напрыклад, летам 1941 г. БДУ павінен быў прыняць студэнтаў Каўнаскага ўніверсітэта «з мэтай азнаямлення з вопытам працы БДУ» [47].

На пачатак 1938 г. у штаце ўніверсітэта было 4 выкладчыкі нямецкай мовы, па 2 англійскай і лацінскай, 1 — французскай. Адна стаўка не была занятая. У 1937–1938 навучальным годзе, сярод іншых 10 навучальных кабінетаў, універсітэт меў і кабінет замежных моў. Праўда, яго абсталяванасць знаходзілася, у параўнанні з іншымі, практычна на апошнім месцы. У архіўных матэрыялах можна знайсці кошт яго абсталявання — каля 1,6 тыс. рублёў. Для параўнання — ваенны кабінет меў абсталяванне на 47 тыс. руб., кабінет фізкультуры — на 52 тыс. (праўда, такі значны кабінет гісторыі СССР — усяго толькі на 3,4 тыс.) [48, арк. 26].

Калі паспрабаваць параўнаць з маштабамі выкладання замежных моў ва ўніверсітэце крыху раней, то патрэбныя лічбы можна знайсці ў штогадовых справаздачах БДУ. Так, на 1938–1939 навучальны год названы

10 ставак выкладчыкаў, хоць крыху раней іх было 15. Зразумела, што гэта адлюстроўвала агульнае зніжэнне вучэбнай нагрузкі, нягледзячы на клопат кіруючых органаў і разуменне імі важнасці авалодання выпускнікамі вышэйшай школы замежнымі мовамі [49, арк. 8]. Па спецыяльных дысцыплінах такога значнага зніжэння вучэбнай нагрузкі не назіралася. Калі «ажывіць» гэтыя лічбы, то архіўныя дадзеныя кажуць, што на 29 студзеня 1938 г. у БДУ на кафедры замежных моў, загадчыцай якой была А. С. Шкляева, працавалі 4 выкладчыкі нямецкай мовы (Аляксандра Антонаўна Рубцова, Яўгенія Аляксееўна Маццісон, Зінаіда Сцяпанаўна Камлікоўская (у аўтара маюцца сумненні наконт правільнага напісання прозвішча з-за трох варыянтаў архіўных звестак) і Лазар Пракопавіч Эпштэйн), 2 — англійскай (Яўгенія Цімафееўна Грыгор’ева і Дзебора Шльеўна Платнер), 1 — французскай (Аляксандра Уладзіміраўна Шарамецьеўская), 2 — лацінскага (згаданыя вышэй І. Н. Файнберг і М. Ф. Старжынскі). Акрамя таго, у штаце кафедры быў яшчэ загадчык кабінета — кансультант. Праз год загадчыкам кафедры стала Я. А. Маццісон. Таксама згадваецца новы выкладчык — Марыя Мінаўна Шапіра, хаця спіс не называе траіх «англічанак», пазначаных у мінулым навучальным годзе [48, арк. 45].

І да гэтага далёка не прымальнае становішча спраў на гэтым важным накірунку падрыхтоўкі спецыялістаў-інтэлектуалаў пагаршалася. Перш за ўсё расла недаступнасць замежнай навуковай і вучэбнай літаратуры, перыёдыкі. Так, у 1940-м г. універсітэцкая справаздача канстатавала, што бібліятэка «вельмі бедная замежнай літаратурай». А ў той жа час у лекторыі БДУ рэгулярна гучалі даклады аб міжнародным становішчы нараўне з «абароннымі лекцыямі» тыпу «Асновы сучаснага бою» [50, арк. 3; 51]. Вось толькі ў другім выпадку аратарам не вельмі было неабходна пры падрыхтоўцы звяртацца да тэкстаў на замежных мовах. Разам з тым перакананасць у значэнні ведання замежных моў выпускнікамі вышэйшай навучальнай установы была непахіснай. Аб гэтым сведчаць не толькі дастаткова значная колькасць навучальных гадзін на авалоданне мовамі, што было характэрным для ўсіх без выключэння факультэтаў БДУ, але і справаздачныя дакументы, у якіх давалася ацэнка бягучай і выніковай паспяховасці студэнтаў. Ужо ў хуткім часе набытыя ва ўніверсітэце веды нямецкай мовы гадаванцы БДУ будуць выкарыстоўваць на франтах, у партызанскіх атрадах, у падпольнай рабоце.

Пасля дадзенага прадстаўлення відавочнай для дзейнасці БДУ ў перадваення дзесяцігоддзі прыярытэтнасці вывучэння замежных моў у справе падрыхтоўкі сваіх выпускнікоў па ўсіх спецыяльнасцях хацелася б звярнуцца да некаторых тэндэнцый наступнага часу. Зразумела, толькі абзорна, у большай ступені грунтоуючыся на ўласным вопыце вучобы і працы

ў сценах БДУ. Можна казаць, што абраныя раней кірункі вучэбнага працэсу ў аснове сваёй былі дапоўнены новымі практыкамі ў 1950–1990-х гг. Праўда, калі спасылацца на першае выданне больш-менш сістэмнай гісторыі БДУ, падрыхтаванай да яго 40-годдзя, то сярод прадстаўлення здабыткаў гуманітарных і прыродазнаўчых навук і нават шырокага развіцця ва ўніверсітэце фізкультурнага руху не знайшлося месца для аналізу дзейнасці кафедры замежных моў. Пры тым даваліся характарыстыкі дзейнасці па падрыхтоўцы навуковых работнікаў, удзелу вучоных БДУ ў розных міжнародных мерапрыемствах, «обострению борьбы на идеологическом фронте между лагерем империализма и лагерем социализма» і г. д. [52, с. 61–65].

Па сутнасці, і ў далейшым нават у юбілейных выданнях, сістэматызаваных і структуіраваных па ўсіх кірунках універсітэцкай дзейнасці, не знаходзілася месца для канкрэтнага прадстаўлення ролі выкладання для будучых беларускіх спецыялістаў вышэйшага ўзроўню адукацыі замежных моў. Прыходзіцца такі папрок адрасаваць і ў свой адрас, бо ў спешцы ў падрыхтаваным выданні да 100-годдзя нашай *alma mater* таксама ў чарговы раз «забыліся» расказаць аб інстытуцыях гэтага профілю і выкладчыках, яго авасобіўшых на стогадовым шляху развіцця ўніверсітэта. А вось пра кафедру фізічнага выхавання і спорта з новымі звесткамі аб яе дзейнасці ў даваенны час (яны адсунулі яе гісторыю да 1928 г.), аб эвалюцыі ваеннай кафедры ў сёняшні асобны ваенны факультэт, аб выдавочнай знакавасці кафедры педагогікі і праблем развіцця адукацыі былі пададзены асобныя нарысы [53]. А нават толькі час незалежнага развіцця Беларусі вельмі цікавы для асэнсавання прычын і абставін радыкальных змен у выкладанні ва ўніверсітэце замежных моў. Напрыклад, калі ў 1990-я гг. і першае дзесяцігоддзе 2000-х у БДУ сталі дзейнічаць адмысловыя кафедры англійскай, нямецкай і нават іспанскай моў, кафедра лацінскай мовы, то затым наступіў час новага сінтэзу гэтых вучэбных інстытуцый і спрашчэння агульнага падыходу да разумення ролі ўдасканальвання студэнтамі сваіх ведаў той ці іншай замежнай мовы, а студэнтамі-гісторыкамі — латыні і старажытнагрэчаскай мовы. І гэта пры тым, што ў дадзены час выкладчыкамі кафедр замежных моў былі абаронены некалькі кандыдацкіх дысертацый, а Людміла Уладзіміраўна Хвядчэня, Нінэль Афінагенаўна Ганчарова і Міхаіл Аляксандравіч Чэркас сталі дактарамі філалагічных навук якраз у вобласці сваіх прафесійных ведаў — адпаведна англійскай, лацінскай і нямецкай моў.

Так што артыкул пабуджае да неабходнасці грунтоўнага аналізу мэтай і сэнсу выкладання ў класічным універсітэце, якім заўсёды сябе пазіцыяніруе і такім з’яўляецца БДУ, замежных і класічных моў. Тым больш з улікам сучасных трэндаў — накіталт значэння кітайскай мовы ў падрыхтоўцы высокакаснага спецыяліста.

На завяршэнні хацелася б згадаць 4 прозвішчы выдатных выкладчыкаў іспанскай мовы, дзякуючы якім аўтару прыйшлося зразумець асалоду іспанскай мовы, гісторыі культуры Іспаніі. І з нулявога адліку (школьны ўзровень ведання нямецкай мовы аказаўся для БДУ не канкурэнтным...) стала магчымым набыць даволі дасканалыя веды, якія не раз былі запатрабаваныя ў час службовых камандзіровак і турыстычных паездак у Іспанію. Перш-наперш гэта Галіна Дзмітраўна Арнайс-Аміга і Іван Іванавіч Навіцкі. Менавіта яны на рубяжы 1960–1970-х гг. і адкрылі на 1–2 курсах гістфака для некалькі дзесяткаў такіх жа студэнтаў, якіх не прынялі ў групы для працягу вывучэння англійскай ці нямецкай моў, як бы экзатычную для іх мову іспанскую. Вышэй быў пададзены прыклад метадычных прыёмаў, якімі карысталіся выкладчыкі нямецкай мовы на гістфаку напрыканцы 1930-х гг. Узгадваючы свае заняткі з названымі «іспаністамі», прыходзіцца канстатаваць: яны гэтыя прыёмы не забыліся, а толькі ўдасканалілі. На ўсё жыццё застануцца ў памяці тыя вечарыны, якія арганізоўвалі нашы выкладчыкі (таксама і Наталля Іванаўна Яроміна, калега названых вышэй), калі ўсе павінны былі кантактаваць выключна па-іспанску. Чыталі вершы, спявалі песні, вялі размовы пра Кубінскую рэвалюцыю і франкістскую Іспанію. Гэта было без відавочнай ідэялагічнай падаплёкі, а для разумення сваіх прафесійных перспектыв, якія маглі быць рэалізаваны пры дапамозе іспанскай мовы.

Потым была завочная аспірантура, падрыхтоўка да здачы экзамена кандыдацкага мінімума і амаль трохгадовая самастойная «зубрэжка» неправильных глаголаў і іншых ізыскаў граматыкі, чытка кніг на іспанскай мове, газеты «Гранма» і г. д. У рэшце рэшт у будынку філфака на Чырвонаармейскай, 6, на кафедры рускай мовы (яна пасля пераезда гісторыкаў у гэты корпус стане памяшканнем роднай кафедры гісторыі Расіі) сам-насам прыйшлося каля двух гадзін весці гутарку па-іспанску з старшынёй камісіі па прыёму экзамена — Яўгеніяй Аляксандраўнай Фернандэс-Флорэс. Гэтыя гадзіны назаўсёды засталіся ў памяці не толькі з-за пахвальбы ведаў суіскальніка, а таму, што ўдалося дакрануцца да носьбіта мовы, пачуць мелагучнасць і дасканаласць вымаўлення. І тым самым зноў ачунацца ў дзіўны свет, да якога колькі гадоў таму далучылі Г. Д. Арнайс-Аміга, І. І. Навіцкі і Н. І. Яроміна. Застаецца толькі дадаць, што архіў БДУ ўтрымлівае вельмі інфармацыйна насычаныя асабістыя справы гэтых выкладчыкаў [54]. Іх вывучэнне можа дазволіць напісаць разгорнутыя нарысы, бо біяграфіі кожнага — выключна ўпісаныя ў складаныя часы савецкай гісторыі (адлюстроўваюць і вайну 1930-х гг. у Іспаніі, і Карыбскі крызіс, і спасціжэнне прафесіі ўніверсітэцкага выкладчыка замежных моў беларусам, украінскай, рускай і яўрэйкай).

Нельга абыйсці ў кантэксце назвы артыкула і ўплыў на станаўленне сябе як гісторыка вывучэння пад час вучобы лацінскай мовы. Яе значэнне для студэнтаў 2-й групы гістфака 1968–1969 гг. выключна прафесійна падала Н. А. Ганчарова. Гэтая прыгожая жанчына і выдатны знаўца прадмета выкладання (нездарма потым яна абароніць свае 2 дысертацыі па раскрыццю таямніц гэтай мовы) дала тыя веды, якія для некаторых сталі неад’емнай часткай навуковай кваліфікацыі, а для астатніх — магчымасцю больш глыбокага разумення антычнай гісторыі. Побач з Нінэль Афінагенаўна латынь выкладалі вопытныя Беніамін Айзікавіч Мельцар і Самуіл Ісаакавіч Пільман, а таксама маладая Налівайка. Першы з названых вёў факультатыў па вывучэнню польскай мовы. Вучоба ў гэтага неардынарнага выкладчыка дазволіла значна пашырыць гістарыяграфічны арсенал у тагачаснай і наступнай працы па даследаванню знешняй палітыкі краін сярэднявечнай Усходняй Еўропы.

Тут прыдзеца спыніцца, бо ўсё ж-такі абапірацца на ўспаміны ў дадзеным выпадку можна толькі дзеля таго, каб зноў жа абгрунтаваць відавочны факт: гісторыкі БДУ ў даўгу перад даследаваннем важнага накірунка падрыхтоўкі ў сценах універсітэта класных спецыялістаў – практыкі і методыкі выкладання замежных і класічных моў. Пры тым у чарговы раз згадаць нашых інтэлектуальных прашчураў, якія самі ведалі некалькі моў і зрабілі ўсё магчымае, каб беларускія спецыялісты выходзілі з БДУ сапраўднымі інтэлектуаламі з валоданнем мовамі як сродкамі прафесійных і гуманітарных камунікацый.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Яновский О. А. Николай Николаевич Кравченко — основатель отечественных школ изучения международного права и истории международных отношений // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / науч. ред. О. А. Яновский. Минск: БГУ, 2017. С. 285–293.

2. Рабочий. 1929. 15 ноября.

3. Звезда. 1929. 29 лістапада.

4. Рабочий. 1929. 19 декабря.

5. Каценбоген С. З. Белорусский Государственный Университет в 1921–1922 академ. году // Труды БГУ. 1922. № 2–3. С. 326–364.

6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Воп. 8. Спр. 25. Ч. 2.

7. НАРБ. Ф. 205. Воп. 3. Спр. 6270. Арк. 2–8.

8. Турук Ф. Университетская летопись // Труды БГУ. 1922. № 1. С. 175–207.

9. НАРБ. Ф. 6. Воп. 1. Спр. 124.

10. НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 213.

11. НАРБ. Ф. 101. Воп. 1. Спр. 3603.

12. НАРБ. Ф. 42. Воп. 3. Спр. 256.

13. Каценбоген С. З. Белорусский Государственный Университет в 1922–1923 учебн. году (Итоги и перспективы). Минск, 1923. 52 с.

14. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 55.
15. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 76.
16. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 98.
17. НАРБ. Ф. 101. Воп. 1. Спр. 2815.
18. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 254.
19. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 216.
20. НАРБ. Ф. 101. Воп. 1. Спр. 2775.
21. НАРБ. Ф. 101. Воп. 1. Спр. 2762.
22. *Пічэта В. І.* Беларускі Дзяржаўны Універсітэт напярэдадні 10-годзьдзя Кастрычнікавай Рэвалюцыі // Беларускі Дзяржаўны Універсітэт. 1921–1927. Да 10-годзьдзя Кастрычнікавай Рэвалюцыі. Менск, 1927. С. 5–46.
23. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 313.
24. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 272.
25. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 236.
26. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 267.
27. Рабочый. 1929. 30 ноября.
28. Звязда. 1929. 3 снежня.
29. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 934.
30. Чырвоная Змена. 1935. 23 лістапада.
31. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 605.
32. НАРБ. Ф. 7. Воп. 1. Спр. 880а. Т. 2.
33. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 549.
34. Рабочы. 1935. 22 апреля.
35. Чырвоная Змена. 1936. 21 красавіка.
36. Чырвоная Змена. 1936. 11 мая.
37. *Мацісон.* На замежных мовах // За ленінскія кадры. 1941. 17 красавіка.
38. *Мацісон.* Экзамены па замежных мовах // За ленінскія кадры. 1941. 4 чэрвеня.
39. *Левановіч.* Вечар замежных моў // За ленінскія кадры. 1936. 17 мая.
40. *Іерусалімская.* Вечар на трох мовах // За ленінскія кадры. 1936. 11 красавіка.
41. Вечар на нямецкай мове // За ленінскія кадры. 1936. 19 красавіка.
42. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 719.
43. Набор студэнтаў на 1939–40 вучэбны год // За ленінскія кадры. 1939. 24 мая.
44. *Земель Г.* Латынь на гістфаку // За ленінскія кадры. 1936. 31 сакавіка.
45. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 174.
46. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 670.
47. Звязда. 1941. 26 студзеня.
48. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 698.
49. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 707.
50. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 737.
51. Чырвоная Змена. 1940. 28 сакавіка.
52. Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина. Минск: Изд-во МВССиПО БССР, 1962. 278 с.
53. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт: нарысы гісторыі і сучасны стан / пад агул. рэд. А. Д. Караля; склад. А. А. Яноўскі. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2021. 504 с.
54. Архіў БДУ. Ф. 205. Воп. 1пс. Спр. 1046, 1355, 1672, 2009.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАЛЬПАСУТРЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ XIX–НАЧАЛА XX в.

Н. В. Багинский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, n.v.baginski@gmail.com*

Кальпасутра является одним из основных источников по жизнеописанию самых авторитетных джайнских тиртханкаров. Так же Кальпасутра регламентирует основные правила поведения в джайнской общине. Это играет огромную роль в привлекательности Кальпасутры как объекта исследования джайнизма, это можно объяснить тем, что это один из немногих источников, который объединил и упорядочил биографии тиртханкар в единое целое. Именно это и привлекает исследователей, так как часто биографии тиртханкаров приводятся частично образец поведения джайна в определённых ситуациях. Кальпасутра же подходит иначе, делая жизнеописания джин цельным и последовательным. Так же надо учитывать часть правил Яти, которые в первую очередь позволяют изучить джайнскую общину и основы их учения.

Ключевые слова: Кальпасутра; исторический источник; джайны; джина; тиртханкар; Махаджананапады; раннеджайнская община.

HISTORIOGRAPHIC ANALYSIS OF KALPASUTRA: RESEARCH AND INTERPRETATIONS FROM THE 19th–EARLY 20th CENTURY

N. V. Baginsky

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, n.v.baginski@gmail.com*

Kalpasutra is one of the main sources on the biographies of the most authoritative Jain tirthankars. So also the Kalpasutra regulates the basic rules of behaviour in the Jain community. This plays a huge role in the appeal of Kalpasutra as a subject of study of Jainism, this can be attributed to the fact that it is one of the few sources that has brought together and organized the biographies of the tirthankaras into a coherent whole. This is what attracts researchers, as often the biographies of the tirthankars are cited in part as a model of Jain behaviour in certain situations. The Kalpasutra, on the other hand, takes a different approach, making the Jain biographies whole and coherent. It is also necessary to take into account a part of the rules of Jati, which primarily allows to study the Jain community and the basics of their teachings.

Keywords: Kalpasutra; historical source; Jains; jina; tirthankar; Mahajanapadas; early Jain community.

Кальпасутра — канон джайнов по версии Шветамбары. Учение Шветамбары было распространено, в основном, на территории современных индийских штатов Гуджарат и Раджастан, но последователи его существовали и в других регионах северной и центральной Индии. Текст Кальпасутры повествует о жизнях 24 святых джайнизма, известных как тиртханкары, а также о правилах поведения последователей учения. В Кальпасутре указываются пять благоприятных событий — происхождение от неба, рождение, посвящение, постижение истины и смерть. Кроме того, этот источник содержит множество легенд. С момента появления Кальпасутры среди джайнов считается большой благодатью слышать читаемый вслух текст этого памятника.

С академическим исследованием Кальпасутры и в целом джайнских источников имеются проблемы. Большинство практикующих джайнов больше озабочены «правильным» исполнением ритуалов, чем пониманием их смысла, а также истории и доктрин джайнской традиции. Подобные самоописания, несомненно, отражают важные аспекты современной жизни джайнов.

Изменения внутри общины джайнов были вызваны последовательными религиозными и социальными реформами в XIX и XX вв., которые спровоцировали джайны-миряне: эти люди зачастую имели юридическое образование. Фактически, это были первые джайны с современным университетским образованием.

Реформаторы столкнулись с сильным сопротивлением, в частности, в области религиозного образования, которое является жизненно важным для передачи традиции. Например, публикация священных писаний джайнов, начатая европейскими индологами с 1808 г., была встречена агрессивно, иногда даже с применением насилия, со стороны «ортодоксальных» джайнов — они возражали против жестокости печатного станка по отношению к микроорганизмам и против открытой доступности священных текстов.

До появления первых печатных изданий канона Шветамбары Рэя Дханпатиыха Бахадура в 1874–1900 гг. (в пракритическом оригинале, известном как ардхамагадхи) и ачарьи Амолакачуи в 1916–1919 гг. (с переводом на хинди) основной доступ к священным текстам был закрыт для мирян, а некоторые разделы агамы были, а временами, и остаются недоступными даже для монахов. Это частично объясняет, почему ритуалы и публичные торжества на протяжении тысячелетий были единственной формой религиозности, открытой для мирян.

Изучение оригинальных священных писаний не было возможным, за исключением тех немногих, кто имел доступ к агамам и знал языки древних текстов. Умение читать эти тексты было практически утрачено в

первой половине XIX в. даже среди монахов-джайнов, которые были вынуждены переучиваться богословию, что осуществлялось брахманскими пандитами примерно на рубеже XX в. Рукописные манускрипты стали скорее объектами ритуального почитания, несмотря на то что в некоторых поздних канонических писаниях сам процесс письма отвергается, так как из-за него «страдают» различные микроорганизмы.

Поскольку джайны не представили никаких текстовых доказательств публично, джайнизм долгое время не признавался самостоятельной «религией» — джайны считались либо отдельным течением буддизма, либо индуистской сектой. Ситуация изменилась в 1879 г., когда Г. Якоби во введении к своему изданию Кальпасутры впервые представил текстовое доказательство того, что древние индуистские и буддийские писания уже изображали джайнов как отдельную «еретическую» группу [1]. С того времени джайнские исследования стали независимой областью научных исследований.

После публикации Якоби джайнизм постепенно стал признаваться в качестве отдельного религиозного течения. Политическая ценность академического изучения джайнизма и, в частности, выводов Якоби, была немедленно реализована образованными джайнами, которые в течение ряда лет требовали общественного признания джайнизма и джайнов мировым сообществом.

Как и использование слова «индуист», использование санскритского слова «джайна» в качестве самоназвания, похоже, является недавним событием. Оно было основано на более раннем использовании местного термина «джайна», который был популяризирован лидерами джайнов в XIX веке, особенно в Пенджабе. Когда именно местное слово «джайн» было введено как самоназвание, остается открытым вопросом. Самое раннее известное использование слова «джайны» в европейской литературе восходит к португальским и немецким отчетам о путешествиях и миссионерской деятельности конца XVII и начала XVIII вв., соответственно. Слово «джайнас», обозначающее «секту баньи», используется в анонимном португальском произведении «Breve Relação das escrituras dos Gentios da India Oriental e dos seus costumes, which Zachariae» второй половины XVII в. С появлением влиятельной статьи Кольбука (1807) об «индуистской секте» джайнов, использование слова «джайны» во множественном числе стало широко распространенным, но всё же оно рассматривалось как секта внутри индуизма. При этом, в контексте философской мысли Древней Индии, джайнизм упоминался как самостоятельное учение, в связи с ним упоминалась и Кальпасутра.

В целом, в первой половине XIX в. академическое изучение манускриптов джайнов воспринималось большинством лидеров джайнских

общин как угроза традиционным религиозным практикам. Несмотря на то, что понятие «изучение» (свадхия) содержалось в более поздних частях канона Шветамбары, представленного как важная форма кармического аскетизма (тапасия), процессы приобретения и пользы знаний были строго ограничены. В то время как знание (джанана) фундаментальной религиозной догмы, например, таттвы, считается необходимым для любого продвижения по пути спасения, более важным, чем познание чего-либо, было кармическое уничтожение самого акта познания, которое часто было основано на одновременном выполнении определенных постов и других ритуальных предпосылок.

Приобретение объективного знания или Бильдунга в классическом джайнизме воспринимается не как самоцель, а лишь как аскетическое средство для снятия завесы кармы с души, врожденным качеством которой является абсолютное знание. Духовное знание или самопознание может быть достигнуто не только через обучение, но и через посты и медитацию.

Итак, в XIX в. со стороны исследователей начал проявляться интерес к джайнизму. В то время как в Индии наблюдалось постепенное расширение доступа к джайнским знаниям, кульминацией которого стало учреждение признанных университетских курсов, джайнские исследования в Европе и Северной Америке какое-то время переживали обратный процесс. Исследования работы Хемачандры и священных писаний шветамбаров процветали в небольших академических кругах, особенно в Германии, с 1865 г. Кальпасутра привлекла большое внимание к себе, это объясняется тем, что она признавалась самым ранним источником, описывающим жизни тиртханкар. Итогом этой работы стал выход первого перевода на английский язык Кальпасутры, осуществлённый в 1847 г. Дж. Стивенсоном, который является одним из самых первых переводов на английский язык джайнских текстов. Опубликован этот перевод был в 1848 г. [2].

Исследования проводились преимущественно профессиональными филологами, которые изучали не религиозную группу или набор религиозных обрядов, а южноазиатские и индоевропейские языки и литературу в целом; в данном случае — ардхамагадхи и другие пракриты, которые отличают писания джайнов от писаний буддистов. Одним из таких филологов был упомянутый выше немецкий санскритолог Г. Якоби, который стал одним из основоположников изучения джайнов на Западе. В 1879 г. он опубликовал свое критическое издание текста, а в 1884 г. Последовал его английский перевод [1].

Помимо того, что во введении автор рассматривал джайнизм как отдельную религию, он также утверждал, что биографии тиртханкаров, приведенные в источнике — это всего лишь заимствование того, что

дано в Ачаранга-сутре, которая считается более древним текстом. Также он попытался выявить исторические реалии, описываемые в источнике, в частности он утверждал, что Махавира и Паршва являются историческими личностями, ссылаясь на буддийские источники, например, доказывая реальное существование Паршвы упоминанием его Чатурьяма Дхарма (Четыре обета) в различных буддистских текстах.

Заслуживает внимания и работа М. Ч. Джайна «Жизни Махавиры» 1908 г. издания, в которой акцентируется внимание на основных событиях жизни Махавиры, также описанных и в Кальпасутре [3, с. 34]. В своей работе автор берёт за основные источники вышеупомянутую Кальпасутру и Махавира Пурану. По поводу Кальпасутры он заключает, что приписывание авторства источника Бхадрабаху I (годы жизни которого определяет между 433 г. и 357 г. до н. э.) является сомнительным. Кроме того, Джайн рассматривает теорию авторства Бхадрабаху II (Бхадрабалин, упоминаемый в шастрах дигамбарской традиции), о котором известны лишь даты с 134 г. по 157 г. н. э., когда он занимал пост старейшины общины, и подытоживает, что он, скорее всего, не мог являться автором Кальпасутры. Таким образом, Джайн заключил, что, либо Бхадрабаху I из дигамбаров, либо какой-нибудь другой Бхадрабаху, живший в IV в. до н. э., должно быть, был первым биографом Махавиры. По поводу Кальпасутры как источника по биографии Махавиры он пишет, что эта биография очень старая, написанная примерно через 150 лет после спасения Махавиры, и, следовательно, это более надежный источник нашей информации, чем любой другой [3, с. 9]. Основными темами работы Джайна были следующие: историчность Махавиры, источники и мифы по его жизни (среди которых так же фигурирует Кальпасутра), семья и образование Махавиры, его аскетизм и отказ от мирского, и, наконец, нирвана Махавиры и влияние его учения [3, с. 5, 14, 15, 17, 20]. Всё это он частично или полностью берёт из Кальпасутры, при этом всё равно критикуя источник из-за малой исторической ценности [3, с. 9].

Интерес представляет также труд М. Блумфилда «Жизнь и истории джайнского спасителя Паршванатхи» 1919 г. издания, в котором он, ссылаясь на Кальпасутру, описывает жизнь Паршванатхи и его учение [4, с. 2]. Этот труд интересен в первую очередь сравнением двух основных источников, которые, по мнению автора, помогают восстановить биографию Паршвы: это Кальпасутра и Прашва Чаритра. Блумфилд приходит к выводу, что Кальпасутра даёт неполную информацию о жизни Паршвы, в частности, Кальпасутра не сообщает о некоторых периодах жизни Паршвы, а именно эпизод с Каматхой (которого считают исторической фигурой и который был основателем учения враждебного учению Паршвы) и

царём змей Дхарану [4, с. 17]. Также Кальпасутра даёт неверные, по мнению автора, факты, а именно: в Кальпасутре указывается, что пять наиболее важных моментов в жизни Паршвы (зачатие, рождение; аскетизм; достижение состояния Кевала; и его смерть) произошли, когда Луна была в соединении с астеризмом Вигахха. В отличие от Паршванатха Чаритры, которая даёт более подробные сведения, связывая их с другим промежуточным временем [4, с. 18]. В целом, Блумфилд заключает, что есть и другие незначительные различия между Кальпасутрой и Чаритрой, но и точность, и умеренность, наблюдаемые авторами в вопросе истории жизни Паршвы, гарантируют устоявшуюся традицию и, в конце концов, возможно, хоть немного исторического основания [4, с. 20].

Таким образом, конец XIX—начало XX вв. ознаменовался проявлением большого интереса к джайнизму и джайнским манускриптам, одним из которых была Кальпасутра. Интерес она привлекла в первую очередь тем, что является одним из ранних источников по жизни джин, а также представляет собой ценный материал для исследования ардхамагадхи. Но в дальнейшем интерес к Кальпасутре и в целом джайнизму угасает. Показательно то, что последним академическим переводом источника является как раз перевод Якоби. В отношении Кальпасутры в европейской научной традиции устоялись определённые мнения: во-первых, что это один из самых ранних источников по жизнеописанию джин, а значит один из самых надёжных (в частности, пути странствий джин); во-вторых, Кальпасутра в большей степени является художественным произведением, представляющим интерес, в первую очередь, для практикующих джайнизм в плане учения. В меньшей степени — это исторический источник, поэтому в дальнейшем Кальпасутра обычно сравнивается с другими раннеджайнскими источниками и комментариями и критикуется за то, что не включает в себя некоторые сюжеты; в-третьих, Кальпасутру традиционно причисляют к авторству Бхадрабаху (при том сразу несколькими) и датируют создание Кальпасутры не ранее III в. до н. э. Несмотря на относительное сокращение интереса к джайнизму и Кальпасутре, все еще выходят труды так или иначе затрагивающие и критикующие этот источник.

Библиографические ссылки

1. *Jacobi H.* The Sacred Books Of East Vol 22 Of 50 Jain Sutras Part 1 Of 2 [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/wg922/mode/2up> (date of access: 22.04.2019).
2. *Stevenson J.* Kalpa sutra, and nava tatva [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.187607/mode/2up?q=1847> (date of access: 09.12.2023).
3. *Jain M. C.* Life Of Mahavira. Allahabad, 1908. 91 p.
4. *Bloomfield M.* The Life and Stories of the Jaina Savior, Pārçvanātha. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1919. 254 p.

5. *Bhattacharya B. C.* The Jaina Iconography. New Delhi: Motilal Banarsidass, 1939. 171 p.
6. *Shah C. J.* Jainism in north India. Bombay: Longmans, Green and co., 1932. 292 p.
7. *Zimmer H.* Philosophy of India. New Delhi, 1953. 687 p.
8. *Winternitz M. A.* History of Indian Literature Vol. 2. Motilal Banarsidass Publishe, 1996. 601 p.
9. *Jain K. C.* Lord Mahavira And His Times. Delhi: Longmans, Green and co., 1991. 408 p.
10. *Dundas P.* The Jains. London, 2002. 368 p.

МЕСТО КОНГРЕССА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ США В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ (1993–2021)

А. В. Беляева

*Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022 г. Могилев, Беларусь, anna271533@mail.ru*

В статье рассмотрена роль Конгресса США в формировании и развитии китайского вектора внешней политики США.

Ключевые слова: американо-китайские отношения; Конгресс; США; Китай; Демократическая партия; Республиканская партия.

CONGRESS' INFLUENCE ON US POLICY TOWARDS CHINA

A. V. Belyaeva

*Mogilev State A. Kuleshov University,
Kosmonavtov st., 1, Mogilev, 212022, the Republic of Belarus, anna271533@mail.ru*

The article examines the role of the US Congress in the formation and development of the Chinese vector of US foreign policy.

Keywords: US-China relations; Congress; USA; China; Democratic Party; Republican Party.

Заложенная в Конституцию США система «сдержек и противовесов» предусматривает наличие у законодательного органа власти возможности влиять на внешнюю политику страны. Роль Конгресса в принятии внешнеполитических решений меняется: «Хотя конгресс не располагает полнотой власти в сфере определения внешнеполитического курса, не говоря уже о его проведении в жизнь, он вместе с тем имеет ряд значительных полномочий и оказывает известное воздействие на государственные дела. Поэтому среди группировок правящего класса США идет острая борьба за влияние на этот важный институт» [2, с. 34].

Одним из способов, с помощью которого законодательная власть может оказать влияние на внешнюю политику, является выдвижение законопроектов и резолюций. В течение рассматриваемого периода действовали 103–116 созывы Конгресса США, суммарно подготовившие 3200 документов, в которых упоминался Китай. Однако из них только 173 стали законами, а непосредственное отношение к Китаю имели только 11. Тем не менее, здесь гораздо важнее сам интерес к китайской проблематике, который в течение 1993–2017 гг. (103–114 Конгрессы) имел устойчивый характер. В годы президентства Д. Трампа этот интерес существенно вырос, особенно в рамках Конгресса 116 созыва, хотя в Палате представителей

большинство было за Демократической партией: «Анализ настроений, выраженных в этих предложенных законах и резолюциях, показывает, что количество негативных резолюций постоянно превышает количество позитивных, особенно на 115-м и 116-м Конгрессах» [3, с. 655].

В целом же, в партийном отношении в течение 1993–2021 гг. в Сенате и Палате представителей большинство чаще было у Республиканской партии (8 и 10 из 14 соответственно). Однако партийная принадлежность не является решающим фактором в формировании позиции Конгресса: «При этом переизбрание члена конгресса, его положение как политика обеспечивают партийная организация в его избирательном округе или штате и те местные круги, с которыми она связана, а не национальная партия. Этим для конгрессмена все сказано: для него первое место по важности занимают интересы и настроения тех, от кого зависит его карьера, и лишь одно из последующих — позиция партии» [1, с. 137].

Схожую мысль высказал и бывший сотрудник Международного научного центра им. В. Вильсона Р. Хэтэуэй: «Политика в отношении Китая не разделяется ни по партийным, ни по идеологическим признакам. Раскол между республиканцами и демократами или консерваторами и либералами в значительной степени бессмысленен при рассмотрении того, как американские политики ведут себя с Китаем. Действительно, на протяжении большей части двух десятилетий дебаты по Китаю на Капитолийском холме были свидетелями того, как наиболее консервативные республиканцы объединяли силы с либеральными демократами в противовес умеренным представителям обеих партий» [9, р. 65].

Ярким примером в подтверждение этих слов являлась деятельность в Конгрессе представительницы Демократической партии Н. Пелоси, выступавшей последовательным критиком китайской политики в отношении Тибета, Гонконга и Тайваня, а также китайской экономической политики и политики в области прав человека. В эпоху Б. Клинтона она высказывалась против обновления статуса наибольшего благоприятствования в торговле с Китаем, хотя президент был представителем одной с ней партии. По данным вопросам она поддерживала в Конгрессе многие инициативы республиканца Д. Трампа.

К внешнеполитическим полномочиям Конгресса относится утверждение годового бюджета, в том числе военного. В связи с этим среди принимаемых законов важное место занимает «Закон о разрешении на национальную оборону», который демонстрирует развитие взглядов Конгресса на Китай как потенциальную военную угрозу США.

В 1997–1998 гг. в его рамках Конгресс поручил государственному секретарю подготовить доклады о ходе военной модернизации в Китае, а в

2000 г. утвердил ежегодный отчет Министерства обороны «Ежегодный отчет о развитии военной сферы и сферы безопасности Китайской Народной Республики». Кроме того, Конгресс США ввел в 1997–2000 гг. ряд ограничений и запретов на военное взаимодействие между странами в связи оказанием Китаем помощи в области ядерных технологий Ирану и Пакистану.

В годы администрации Дж. Буша-младшего внимание к Китаю в «Законе о разрешении на национальную оборону» снизилось. В документах за 2004, 2005 и 2007 гг. он не упоминается, а в 2002 г. и 2008 г. его упоминание сводилось к уточнению содержания ежегодного отчета Министерства обороны. Такая тенденция сохранилась в первый президентский срок Б. Обамы, но начиная с «Закона о разрешении на национальную оборону на 2013 финансовый год» количество упоминаний Китая в документе выросло. Помимо ограничений и запретов, связанных с вооружениями и военными технологиями, этот рост связан с проблемой территориальных претензий Китая в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях.

«Закон о разрешении на национальную оборону» за 2020 и 2021 гг. отсутствуют в открытом доступе, что ограничивает возможности понимания места Китая в данных документах. Можно лишь отметить, что документы за 2018 и 2019 гг. расширяли отчеты министерства обороны: «Министерство обороны должно оценить внешнюю военную и невоенную деятельность Китая, которая может повлиять на региональную и глобальную национальную безопасность и оборонные интересы Соединенных Штатов» [10].

Внутри Конгресса существуют специальные комиссии, которые занимаются китайской проблематикой. В их ведении находятся отдельные аспекты отношений США и Китая. Комиссии готовят отчеты и представляют их всему Конгрессу, что имеет влияние на разработку резолюций и законопроектов.

В 2000 г. в соответствии с законом «Об установлении постоянных нормальных торговых отношений с Китаем» была создана Исполнительная комиссия Конгресса по Китаю, перед которой были поставлены задачи по мониторингу соблюдения прав человека и верховенства права; контролю и поощрению двустороннего взаимодействия в данных сферах; составлению списков лиц, задержанных, арестованных или иным образом преследуемых китайским правительством; поддержанию контактов с неправительственными организациями. В соответствии с законом состав комиссии включает в себя по 9 членов Палаты представителей и Сената, по одному представителю Государственного департамента, Министерства торговли и Министерства труда, а также двух представителей исполнительной власти, назначенных президентом. Результаты своей работы комиссия должна представлять в виде ежегодных отчетов, первый из которых был опубликован в 2002 г.

В тоже же 2000 г. была образована еще одна комиссия — Американо-китайская комиссия по обзору экономики и безопасности, цель которой «состоит в том, чтобы отслеживать, расследовать и докладывать Конгрессу о последствиях для национальной безопасности двусторонних торгово-экономических отношений между Соединенными Штатами и Китайской Народной Республикой» [7].

В состав комиссии входят эксперты по вопросам национальной безопасности и американо-китайских отношений, а основной обязанностью Американо-китайской комиссии является составление ежегодных отчетов. В них должна быть отражена информация о роли Китая в распространении оружия массового уничтожения и других видов вооружений; качественные и количественные показатели перевода производственной деятельности из США в Китай; инвестиции США в Китай и наоборот; китайские военные планы и стратегии, структура ее вооруженных сил; деятельность Китая в киберпространстве; китайская валютная политика; характер отношений Китая с другими странами в связи с его экономическим ростом; соблюдение обязательств перед ВТО; безопасность пищевых продуктов и лекарств, импортируемых из Китая в США. Информацию для подготовки отчета, за исключением разведывательных данных, Американо-китайская комиссия может получать от Министерства обороны, ЦРУ и любых других федеральных департаментов и агентств. Помимо этого, отчет должен содержать практические рекомендации Конгрессу или президенту США.

В целом, Американо-китайская комиссия была склонна делать выводы о «вызывающих тревогу тенденциях в отношениях между Соединенными Штатами и Китаем» [5], хотя и стремилась отмечать прогресс, например, в вопросах окружающей среды. В отчете за 2006 г. была сделана попытка проанализировать поведение Китая как «ответственного игрока»: «Комиссия пришла к выводу, что, хотя влияние Китая растет по мере увеличения его богатства и мощи, и остается много причин надеяться, что Китай когда-нибудь в будущем сможет стать опорой международного сообщества, его поведение пока еще далеко от соответствия этому стандарту» [4]. В отчетах за 2013 и 2014 гг. эксперты особое внимание уделили растущим военным расходам Китая и его политике на Ближнем Востоке, в Африке и в акваториях Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. Они пришли к выводу, что Китай не склонен к разрешению имеющихся разногласий путем переговоров, а надеется на свою растущую военную силу [6].

На фоне ужесточения политики США в отношении Китая в годы президентства Д. Трампа была образована «Целевая группа по Китаю», куда вошли представители от Республиканской партии в Палате представителей: «Признавая неотложность и масштаб угрозы КПК американским

ценностям и интересам, лидеры республиканцев в Палате представителей США решили разработать политический план действий для Конгресса и администрации, чтобы лучше бороться с этой многогранной проблемой. Несмотря на многочисленные и неоднократные приглашения в течение ряда месяцев, демократы Палаты представителей отказались присоединиться к этим жизненно важным усилиям или внести свой вклад в них. У Республиканской партии не было другого выбора, кроме как двигаться вперед самостоятельно из-за остроты угрозы» [8].

Свое видение политики США в отношении Китая и соответствующие рекомендации они изложили в своем отчете, опубликованном в 2020 г. Предлагалось дать оценку действиям против уйгуров; противодействовать пропагандисткой деятельности Коммунистической партии Китая; повысить кибербезопасность американских граждан; информировать о загрязнениях Китаем окружающей среды; предоставить налоговые льготы и всячески поощрить американских производителей медицинских товаров и оборудования, разработчиков новых технологий; работать с Министерством обороны над модернизацией структуры вооруженных сил с целью сдерживания китайской агрессии в Индо-Тихоокеанском регионе и во всем мире. Необходимо отметить, что в тексте используется наименование Коммунистическая партия Китая, а не Китай. Это говорит о том, что предъявляемые претензии и обвинения высказываются данной комиссией не в адрес страны или ее жителей, а в адрес партийного руководства.

Отчеты указанных комиссий отражали конфронтационную позицию по Китаю. Однако в Конгрессе существуют также объединения, направленные на развитие сотрудничества между США и Китаем. Примером служит образованная в 2005 г. Американо-китайская рабочая группа, объединяющая в себе членов Палаты представителей от обеих партий и ставящая своей целью «наладить дипломатические отношения с Китаем и повышать уровень знаний членов Конгресса посредством встреч и брифингов с деловыми, академическими и политическими лидерами из США и Китая» [11]. Данная комиссия не публикует отчетов, что затрудняет анализ их деятельности. Сайт рабочей группы также не предоставляет подробной информации. Однако представители Американо-китайской рабочей группы посетили центр пилотируемых полетов на космодроме «Цзюцюань», а также подводную лодку типа 039, что иллюстрирует уровень их взаимодействия с китайской стороной.

Таким образом, в рамках своих внешнеполитических полномочий Конгресс сформировал и отстаивал свое видение отношений США и Китая. Его позиция характеризуется постоянством и лишена партийного влияния. Для Конгресса Китай является вызовом и угрозой национальным

интересам США. Такое видение сближает законодательный орган с Министерством обороны, но служит препятствием для президента и государственного департамента, стремящихся налаживать отношения сотрудничества с Китаем. Только в первые годы правления Б. Клинтона, когда президент стремился связать статус наибольшего благоприятствования в торговле с правами человека, и в годы президентства Д. Трампа, когда администрация заняла жесткую позицию по отношению к Китаю, позиции законодательной и исполнительной власти были схожи. Тем не менее, как показывает пример «Закона о разрешении на национальную оборону», Конгресс способен поддерживать исполнительную власть.

Библиографические ссылки

1. *Иванов Ю. А.* Конгресс США и внешняя политика. Возможности и методы влияния (1970–1980 гг.). Москва: Наука, 1982. 216 с.
2. Механизм формирования внешней политики США / П. Т. Подлесный, Ю. А. Шведков, В. А. Савельев и др. Москва: Наука, 1986. 204 с.
3. *Хлопов О. А.* Влияние конгресса США на развитие американо-китайских отношений // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 9. С. 654–663.
4. Annual Report to Congress of the U.S.–China Economic and Security Review Commission (November 2006) [Electronic resource]. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/USCC%20Annual%20Report%202006.pdf (date of access: 31.08.2024).
5. Annual Report to Congress of the U.S.–China Economic and Security Review Commission (November 2009) [Electronic resource] / URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/2009-Report-to-Congress.pdf (дата обращения: 31.08.2024).
6. Annual Report to Congress of the U.S.–China Economic and Security Review Commission (November 2013) [Electronic resource]. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/annual_reports/Complete%202013%20Annual%20Report.PDF (date of access: 31.08.2024).
7. Charter of U.S.–China Economic And Security Review Commission [Electronic resource]. URL: <https://www.uscc.gov/charter> (date of access: 31.08.2024).
8. China Task Force Report [Electronic resource]. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/wp-content/uploads/2020/09/CHINA-TASK-FORCE-REPORT-FINAL-9.30.20.pdf> (date of access: 31.08.2024).
9. *Hathaway R.* U.S. domestic politics and the China policy rollercoaster. China and The United States cooperation and competition in Northeast Asia. Edited by Suisheng Zhao, 2008 P. 61–79.
10. National Defense Authorization Act for fiscal year 2018 [Electronic resource]. URL: <https://www.congress.gov/115/crpt/hrpt404/CRPT-115hrpt404.pdf> (date of access: 31.08.2024).
11. The U.S.–China Working Group [Electronic resource]. URL: <https://larsen.house.gov/uswcg> (date of access: 31.08.2024).

СТАНОВЛЕНИЕ В РОССИИ СИСТЕМЫ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ (1810–1816). НУЖНЫ ЛИ ПОИСКИ ВЫЯВЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ОБРАЗЦОВ?

Ю. А. Блашков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, hist@bsu.by*

В статье рассматриваются основные аспекты устройства в 1810–1816 гг. на территории Могилевской губернии опытного поселения Елецкого пехотного полка. Представленный исследователем материал позволяет утверждать, что тем самым были заложены главные принципы всей системы «аракчеевских» военных поселений.

Ключевые слова: военные поселения; Елецкий пехотный полк; Могилевская губерния; солдатские хозяйства; Бобылецкое староство; А. А. Аракчеев.

FORMATION OF THE SYSTEM OF MILITARY SETTLEMENTS IN RUSSIA (1810–1816). IS IT NECESSARY TO SEARCH FOR THE IDENTIFICATION OF FOREIGN SAMPLES?

Y. A. Blashkov

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, hist@bsu.by*

The article discusses the main aspects of the organization of the experimental settlement of the Yelets infantry regiment in 1810–1816 on the territory of the Mogilev province. The material presented by the researcher allows us to assert that thereby the main principles of the entire system of “Arakcheev” military settlements were laid.

Keywords: military settlements; Yelets infantry regiment; Mogilev province; soldiers' farms; Bobyletskoye eldership; A. A. Arakcheev.

Военные поселения в Российской империи представляли собой особую организацию части армии страны в предреформенный период, сочетавшую военную службу с занятием производительным трудом (главным образом сельскохозяйственным). Планировавшееся самообеспечение армейских частей продовольствием и фуражом должно было существенно сократить военные расходы в целом.

Выбор места для создания опытного военного поселения (таковым определялся Елецкий пехотный полк) выпал на Бобылецкое староство Климовичского уезда Могилевской губернии. В «высочайшем» указе от 10 ноября 1810 г. непосредственная его организация поручалась генерал-майору Н. И. Лаврову, общее руководство возлагалось на графа А. А. Аракчеева. Последним еще заранее были произведены благоприятные расчеты предстоящего поселения [6, л. 22–30, 62 об. – 64; 9, с. 506–507].

Вместе с «высочайшим» указом, содержавшим общие рекомендации по реализации идеи военных поселений, они дают возможность судить о ставившихся при создании могилевского поселения целях и способах их достижения. При этом в документах с очевидностью просматривалось использование бобылецкого опыта и в дальнейшем.

Основные задачи организаторов опытного военного поселения заключались в быстрейшем достижении при минимальных денежных затратах самообеспечения продовольствием и фуражом всего состава Елецкого пехотного полка с одновременным его размещением в пределах Бобылецкого староста. При этом А. А. Аракчеевым предусматривались два варианта их решения. Один учитывал возможность поселения всех «нижних чинов» полка и совмещение ими обязательной военной службы с занятием земледелием. Другой — создание особых хозяйственных условий для одного из батальонов, на который возлагались усилия по производству сельскохозяйственной продукции. Именно он стал той основой, на которой в дальнейшем строилась система военных поселений.

Вероятно, его утверждению способствовало принятое в октябре 1810 г. решения о создании в пехоте запасных частей: в состав действующей армии должны были входить лишь гренадерские роты вторых (запасных) батальонов, а их мушкетерские роты, оставаясь на месте постоянного расквартирования, готовили пополнение для двух других батальонов пехотных полков [5]. Естественно, это позволяло поселению развиваться в условиях военного времени, что исключалось первым вариантом. Именно запасной батальон Елецкого пехотного полка и был определен поселяемым.

Предусматривалось формирование его состава из наиболее «способных» семейных «нижних чинов» полка. Эти солдаты и унтер-офицеры, названные в последствии поселянами-«хозяевами» должны были получить от государства все необходимое для развития самостоятельных хозяйств: жилище, землю, скот, семена, земледельческие орудия... Каждая из 780 семей военных поселян должна была высевать по три четверти ржи, что при урожайности до пяти зерен, позволяло собирать с солдатских полей ежегодно около 12 тыс. четвертей зерна. Это было достаточно для продовольствия как самих военных поселян и их семей, так и «нижних чинов» двух других батальонов Елецкого полка. Солдаты и унтер-офицеры последних, получая название «постояльцев» должны были размещаться у поселян-«хозяев» (по два на каждого) и помогать им во всех производившихся работах.

Переселение жителей Бобылецкого староста (667 семей государственных крестьян) на земли юга страны и размещение солдат в крестьянских избах рассматривались как временное решение задачи обеспечения военных поселян жилищами. В то же время А. А. Аракчеевым и его помощниками

был составлен перспективный план застройки могилевского поселения. Предполагалось разделить его территорию на полуротные поселки, состоящие из 45 домов-«связей». Каждая «связь» была рассчитана на две семьи «хозяев» с их «постояльцами», что позволяло в 8 таких поселках разместить весь Елецкий полк. Окруженные полями застройки должны были иметь вид шестиугольника, четыре стороны которого составляли дома для «нижних чинов» и офицеров, а две — границы расположенных впереди зданий солдатских огородов [6, л. 23, 26 об., 30; 9, с. 5]. Естественно, размеры, состояние и размещение крестьянских изб далеко не соответствовали этому плану. В связи с этим строительство жилых, административных и хозяйственных помещений должно было стать одной из основных забот организаторов опытного военного поселения. В конечном счете в связи с возникшими трудностями строительная практика в Бобылецком старостве была отложена, а затем и вовсе почти прекращена. Проезжавший в 1816 г. через могилевское поселение великий князь Николай Павлович (будущий российский император Николай I) в своем путевом дневнике записал, что «батальон расположен в старых весьма худых белорусских хатах, кои кое-как поддерживаются, но весьма тесно...» [12, с. 468].

Возведение солдатских домов-«связей» в широких масштабах стало проявляться уже в 1816–1825 гг. в новгородских военных поселениях.

Источники свидетельствуют, что при отборе «способных» к опытному поселению «нижних чинов» начальство Елецкого полка учитывало, прежде всего, их отношение к проводившемуся мероприятию. Солдаты и унтер-офицеры «развратного поведения» переводились в гарнизонные войска. О тщательном комплектовании состава будущих поселян-«хозяев» докладывалось Александру I, проявлявшему к этому, очевидно, особый интерес [6, л. 114 об., 131–132 об., 328]. Вместе с тем руководство могилевского поселения стремилось избавиться и от тех «нижних чинов», которые по своему физическому состоянию не могли заниматься сельским хозяйством и «едва ли без обузы находиться в поселении» [6, л. 233, 285–285 об.].

Уже в самом начале устройства военных поселений российские власти постарались обусловить их идею попечительными целями. Так, в манифесте по случаю победы над Наполеоном от 30 августа 1814 г., в частности, выражалась надежда, «что продолжение мира и тишины подаст... способ не токмо содержание воинов привести в лучшие и обильнейшее прежнего, но и даже дать им оседлость и присоединить к ним их семейства». Действительно, уже при организации опытного военного поселения много внимания уделялось семейному положению поселян-«хозяев» и добровольному переселению к ним жен. Этого требовало устойчивое развитие солдатских хозяйств. Однако переезд в Бобылецкое староство и

воссоединение с мужьями не получил женского согласия. В конечном счете власти стали осуществлять доставку в Бобылецкое староство солдатских жен принудительным порядком [7, л. 353 об.; 8, л. 314; 10, л. 54 об.]. Кроме того, согласно утверждениям местной администрации, и в самом поселении они вели себя «крайне дурно» [8, л. 150].

Естественно, утверждение постоянных принципов формирования состава поселя-«хозяев» и всего военного поселения зависело от результатов реально начавшегося только весной 1812 г. переселения жителей Бобылецкого староства в Херсонскую губернию. Оно оказалось не менее трудным, чем организация самого опытного военного поселения: устройству бобылецких крестьян на новом месте потребовало значительных финансовых затрат и затянулось на многие годы [3, с. 149–163].

В отчете графа А. А. Аракчеева Александру I, составленного после посещения царем в 1816 г. могилевского поселения, с одной стороны, отмечалась государственная значимость создания военных поселений, с другой, — обосновывалась непричастность Военного министерства переселению жителей Бобылецкого староства в Херсонскую губернию, на что уже в самом начале было израсходовано около 200 тыс. руб. асс. [11, л. 2–2 об.].

В феврале 1816 г. Аракчеевым был получен рапорт командира поселяемого батальона Елецкого пехотного полка подполковника Насекина, в котором содержались замечания по устройству могилевского поселения. В частности, здесь отмечались многочисленные трудности и существенные финансовые издержки при создании опытного военного поселения, и предлагалось, отказавшись в дальнейшем от переселения местных жителей, переводить их в разряд военных поселян-«хозяев» и «постояльцев». «Влив таким образом крестьян в военное поселение, — отмечалось в рапорте, — сохранится все их имущество, скот и хозяйственное домашнее обзаведение, после чего помещение к ним двух действующих батальонов постоем ни мало не может быть им отяготительно, а расходы казны для водворения военных поселян в пустые дома будут не нужны» [11, 2–5 об.].

5 августа 1816 г. вышел указ о размещении в Высоцкой волости Новгородского уезда Новгородской губернии второго батальона гренадерского графа Аракчеева полка и переводе местных жителей в управление Военного министерства [2, с. 91–92]. Как и предполагал Насекин, они стали либо «хозяевами», либо «постояльцами». По существу здесь впервые на практике были применены те принципы формирования состава военных поселений, несообразность которых определилась в ходе развития опытного поселения на территории Могилевской губернии.

При всей значимости первых организационных разработок неудачное начало собственно Бобылецкого поселения было настолько очевидно,

что его непосредственные устроители даже предлагали прервать опыт «до удобного времени» [6, л. 377 об.]. Кратко, но вместе с тем весьма выразительно итоги могилевского поселения уже в условиях подхода к нему наполеоновских войск подвел генерал Н. И. Лавров. В августе 1812 г. он сообщил А. А. Аракчееву, что «поселения... худо кончились» [4, с. 66].

В свое время этот официальный вывод был подкреплён ничем не обоснованным исследовательским утверждением, что «война с Францией на четыре года прекратила всякие попытки поселения войск». Причём подобный посыл подкреплялся мыслями, что устройство поселений на территории Новгородской и других губерний происходило на совершенно отличных от опытного образца принципах, на которых якобы были позаимствованы из представленной Александру I об организации австрийских пограничных поселений [1, с. 38]. Использование того или иного зарубежного опыта армейских поселений просматривается и в других исследованиях.

Вместе с тем, как можно убедиться при знакомстве с сохранившимися многочисленными архивными материалами (Российский государственный военно-исторический архив, ф. 405, оп. 1, д. 1–4) разработческие традиции довоенного периода развития опытного военного поселений Могилевской губернии продолжались и в послевоенные годы. Особо здесь следует выделить «Положение поселяемому батальону Елецкого пехотного полка» от 1 января 1815 г., в котором излагались основы устройства как опытного военного поселения Могилевской губернии, так и пехотных поселений в целом.

Вполне естественно в распоряжениях главного над военными поселениями начальника по организации поселения второго батальона гренадерского графа Аракчеева полка имелись прямые указания на то, чтобы «вести оный в положение поселенного батальона Елецкого пехотного полка» [2, с. 211].

Таким образом, вполне резонно будет, отказавшись от поисков каких-то зарубежных аналогов «аракчеевских» поселений в России, обратиться к событиям 1810–1816 гг., когда на территории Бобылецкого староства Климовичского уезда Могилевской губернии производились различные действия российских властей по закладке основ всей поселенческой системы империи. Общеизвестно, что военные поселения представляли собой одно из самых отрицательных проявлений истории России предреформенного периода.

Библиографические ссылки

1. *Евстафьев П. П.* Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 253 с.
2. *Петров А. Н.* Устройство и управление военных поселений России. 1809–1826 // Граф Аракчеев и военные поселения. 1809–1871. СПб.: Типография В. И. Головина, 1871. С. 87–251.

3. *Петрович Н.* Принудительное переселение бобылецких крестьян // Архив истории труда в России. Кн. 11–12. Пг.: Издательство культурно-просветительского общества петроградского губернского совета профессиональных союзов, 1934. С. 149–163.
4. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1801–1829 год). СПб.: Типография императорской Академии наук, 1883. XXIV, 533 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Том 31. № 24400. СПб.: Типография II отделения Собственной е. и. в. канцелярии. 1830.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Фонд 405. Опись 1. Дело 1.
7. РГВИА. Фонд 405. Опись 1. Дело 3.
8. РГВИА. Фонд 405. Опись 1. Дело 4.
9. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Том 7. Часть 1. Очерк 2. СПб.: Типография «Слово», 1902. 788 с.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 1285. Опись 5. Дело 5.
11. РГИА. Фонд 1409. Опись 1. Дело 1536.
12. *Шильдер Н. К.* Великий князь Николай Павлович с 1814 по 1822 год // Русская старина 1901. Том 106. С. 449–472.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИЯ ВО ВРЕМЯ БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА (1992–1995)

М. С. Довгялло

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, misha_dauhiala@yandex.by*

В статье анализируются боснийский кризис, взаимоотношения России и Югославии во время его разрешения. Боснийский кризис на территории бывшей СФРЮ оказался наиболее тяжелым из всех кризисов, возникавших в бывших социалистических странах, в урегулировании которого приняла самостоятельное участие Россия. Основное внимание уделяется попыткам России добиться мирного урегулирования в Боснии и Герцеговине, позиции Москвы в принятии решений с мировым сообществом и просчетам российской дипломатии в регионе и в ООН.

Ключевые слова: Российская Федерация; боснийский кризис, Югославия; Контактная группа; Дейтонские соглашения; Балканы; США.

RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNION REPUBLIC OF YUGOSLAVIA DURING THE BOSNIAN CRISIS (1992–1995)

M. S. Dauhiala

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, misha_dauhiala@yandex.by*

The article analyses the Bosnian crisis and the relations between Russia and Yugoslavia during its resolution. The Bosnian crisis on the territory of the former SFRY turned out to be the most severe of all the crises that arose in the former socialist countries, in the settlement of which Russia took an independent part. The main focus is on Russia's attempts to achieve a peaceful settlement in Bosnia and Herzegovina, Moscow's position in decision-making with the international community, and the blunders of Russian diplomacy in the region and in the United Nations.

Keywords: Russian Federation; Bosnian crisis, Yugoslavia; Contact Group; Dayton Accords; Balkans; USA.

О собственной политике Российской Федерации (РФ) в югославском кризисе можно говорить с конца 1991 – начала 1992 г., когда произошел распад СССР, и прекратило свое существование общесоюзное Министерство иностранных дел. Правопреемственность в международных делах не означала продолжение того курса, который намечался в последние годы существования СССР. С началом распада СФРЮ в 1990 г. Советский Союз ограничивался декларативными заявлениями о приверженности курсу невмешательства других государств во внутренние дела Югославии и

сохранении ее территориальной целостности. Все просьбы югославского федерального правительства о помощи были отклонены советским руководством. В октябре 1991 г. после единственной попытки участия СССР в урегулировании югославского конфликта — встречи М. С. Горбачева, С. Милошевича и Ф. Туджмана — произошел поворот в позиции Москвы по югославскому вопросу. Советское правительство согласилось на вмешательство международного сообщества во внутренние дела СФРЮ и далее поддерживало все его решения.

Следуя линии западных держав, Россия признала независимость Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины (БиГ), одной из первых заявила о признании независимости Республики Македония. Российский МИД также выразил готовность признать Союзную Республику Югославия (СРЮ) в составе Сербии и Черногории в апреле 1992 г. СРЮ объявила, что не имеет территориальных претензий ни к одной из бывших республик и будет придерживаться всех обязательств в отношении территории Краины, находящейся под защитой войск ООН [1, с. 259].

Российская дипломатия в основном продолжила линию по отношению к югославскому конфликту, выработанную МИД СССР. До апреля 1992 г., то есть, до начала гражданской войны в БиГ, МИД РФ не заявил ясной позиции в отношении этой республики. По собственной инициативе министр иностранных дел России А. В. Козырев объявил Балканы сферой российских интересов и активно вмешивался в процесс югославского урегулирования. Благодаря позиции России СРЮ не была исключена из СБСЕ [1, с. 211] и ООН. При этом большинство представителей этих организаций высказалось против притязаний новой Югославии на автоматическое продолжение членства бывшей СФРЮ. Некоторые эксперты МИД России предлагали «постепенно свертывать активную политику в бывшей Югославии» из-за отсутствия «настоящих союзников» и «крупных интересов» [2, с. 226].

В мае 1992 г. А. В. Козырев предпринял весьма эффективную поездку на Балканы, по результатам которой конфликтующими сторонами в Боснии был подписан так называемый «русский мир». Он предусматривал прекращение огня; разблокирование сараевского аэропорта и дорог, ведущих к нему; обязательство мусульман не препятствовать выводу оставшихся частей югославской армии [3, с. 73]. В Белграде Козырев дал понять сербскому руководству, что если оно не изменит свою позицию в боснийском конфликте и не перестанет оказывать помощь Республике Сербской, Запад и Россия будут вынуждены предпринять серьезные меры в отношении СРЮ. Государственное образование боснийских сербов было провозглашено

9 января 1992 г. под названием Сербская Республика БиГ. С 12 августа оно стало именоваться Республикой Сербской без дальнейших географических уточнений [4, с. 234].

Достигнутые соглашения были нарушены практически сразу же после отлета российского министра с Балкан. В эскалации боснийского конфликта мировое сообщество обвинило сербскую сторону и ввело 30 мая 1992 г. экономико-политические санкции против СРЮ, несмотря на уверения 28 мая постоянного представителя РФ при ООН и в Совете Безопасности (СБ) ООН Ю. М. Воронцова о том, что Россия не присоединится к санкциям против Югославии, которые готовил Запад [5, с. 39]. Однако Москва присоединилась к ним, что явилось для многих неожиданностью, так как об этом не было информировано ни руководство парламента, ни правительство России. Так произошла ее самая крупная ошибка на Балканах — участие в экономических санкциях против СРЮ. С этого момента МИД России заняло в тон Западу позицию одностороннего обвинения сербов в разжигании конфликта на территории БиГ. Россия отошла от тезиса об ответственности всех участников югославского кризиса за вооруженные столкновения, возложив ее на Сербию и ЮНА.

Голосование России за резолюцию СБ ООН № 757 подвело черту под первой фазой российского участия в урегулировании боснийского кризиса. Возлагая ответственность за неисполнение резолюции № 757 на СРЮ, документ предусматривал запрет на торговлю, финансовый оборот, авиасообщения, научно-техническое, культурное и спортивное сотрудничество с СРЮ [6, с. 27–30]. Это изменило отношение российского общественного мнения к кризису на Балканах, вызвав «волну протестов». Исследователь Е. Ю. Гуськова отмечает перелом в отношении российской общественности к югославской тематике с лета 1992 г. [7, с. 44]. С апреля по декабрь 1992 г. СБ ООН принял 16 резолюций по боснийскому кризису. По всем этим документам с антисербской направленностью Россия голосовала только «за» или соглашалась с ними на стадии консультаций [8, с. 29]. Впервые Россия воздержалась лишь при голосовании за принятие резолюции № 820 от 17 апреля 1993 г.

К началу 1993 г. у международных посредников практически оформилось некоторое разделение труда: европейские страны, особенно Германия, лоббировали интересы хорватов, США — мусульман, Россия — сербов. Роль российской дипломатии в урегулировании боснийского кризиса на данном этапе фактически сводилась к давлению на сербскую сторону с целью склонить ее к подписанию мирного плана по Боснии. С

этой задачей на Балканы постоянно ездил спецпредставитель президента России В. И. Чуркин, поездки которого не внесли никаких принципиальных перемен в ситуацию вокруг боснийского кризиса.

В апреле 1993 г. авиация НАТО начала бомбардировку наземных целей боснийских сербов без согласования с Москвой. С этого момента российская власть начала демонстрировать все возрастающее расхождение с державами Запада в своем отношении к конфликту на Балканах. При этом активизация собственной позиции России проходила с подчеркнутым дистанцированием от всех враждующих сторон. Активизация выразилась, прежде всего, в ее посреднической роли при подписании плана С. Вэнса–Д. Оуэна. Президент Сербской Республики в составе БиГ Р. Караджич представлял сербскую сторону на Женевских переговорах по Боснии. Он долго отказывался подписывать карту мирного плана, ссылаясь на ее дискриминационный характер. Только 2 мая 1993 г. в Афинах он подписал мирный план. Однако через три дня отказался от него.

С начала 1994 г. и США активизировали свою балканскую политику. На саммите стран НАТО в январе 1994 г. было принято решение о всемерной поддержке миротворческой операции ООН на Балканах, включая возможность ракетно-бомбовых ударов. Российский МИД одобрительно отзывался о подобной инициативе США [9, с. 68–69].

Первым прецедентом использования авиации НАТО послужил взрыв на сараевском рынке в феврале 1994 г. в мусульманской части города, виновниками которого были объявлены боснийские сербы. Усилиями России удалось разрешить кризис вокруг Сараево. Второй был связан с «зоной безопасности» вокруг Горажде в марте–апреле [10, с. 41]. Под предлогом остановить наступление боснийских сербов и обеспечить безопасность миротворческому контингенту ООН по просьбе генсека ООН Б. Бутроса-Гали авиация НАТО впервые нанесла удары по сербским позициям. Россия не была предварительно оповещена о военных решениях НАТО. В дальнейшем Североатлантический альянс неоднократно, не считаясь с мнением российской стороны, бомбил сербские позиции. Следует отметить, что Россия к 1994 г. сама лишила себя возможности влиять на развитие событий в качестве постоянного члена СБ ООН, проголосовав ранее за резолюцию с формулировками, которые можно толковать как допущение широкого использования сил НАТО в боснийском кризисе [6, с. 64–66].

В 1994 г. лидирующую роль в урегулировании боснийского кризиса стала играть Контактная группа (КГ) по урегулированию в БиГ, в которую вошли США, Россия, Германия, Великобритания и Франция. Уже на первой встрече участников КГ в Лондоне 26 апреля проявилось лидерство

США, обозначивших собственную балканскую линию. РФ отводилась все та же скромная роль инструмента принуждения сербской стороны к принятию разработанных США и другими западными странами мер.

КГ выработала свой план урегулирования боснийского конфликта, суть которого сводилась к созданию унии между Республикой Сербской и Мусульманско-хорватской федерацией (МХФ). Предлагался раздел территории БиГ между этническими группами по формуле: 49 % территорий сербам, а 51 % — МХФ [11, с. 26]. Это встретило поддержку и США, и России. Однако на этот раз изменилась позиция боснийских сербов, которые отвергли план.

Российский МИД посредством ультиматумов заставил президента Сербии в составе СРЮ С. Милошевича заявить о готовности оказывать давление на боснийских сербов с целью подписания ими плана КГ. В августе Белград прекратил оказывать помощь боснийским сербам. Востребованность российской дипломатии в югославском урегулировании значительно снизилась, однако Россия широковещательно обещала способствовать снятию санкций с Югославии.

В 1995 г. банкротство политики России на Балканах стало очевидным. Главную роль в прекращении войны и принуждении к миру всех сторон конфликта в БиГ сыграли США, так как и Россия, и СРЮ осознали, что их усилий для достижения мира недостаточно. 30 августа на заседании СБ ООН новый постоянный представитель России С. В. Лавров поставил вопрос о необходимости немедленного прекращения военных акций НАТО и сил быстрого реагирования в Боснии и вновь повторил предложение о скорейшем созыве мирной конференции с участием всех конфликтующих сторон и стран-посредников. При обсуждении этого вопроса в СБ Россия оказалась в меньшинстве. Большинство выступило в поддержку действий НАТО в БиГ [9, с. 68–69]. Посол РФ в Лондоне А. Л. Адамишин откровенно писал: «в Дейтоне представители России присутствовали лишь в качестве статистов. А подпись России под дейтонским миром, продиктованным сербам, не отменила ее маргинальную роль» [12, с. 418].

Под нажимом США 21 ноября 1995 г. были парафированы Дейтонские соглашения о прекращении огня и разделении сторон. 14 декабря в Париже состоялась официальная церемония подписания мирных соглашений по Боснии президентом Сербии С. Милошевичем, президентом БиГ А. Изетбеговичем и президентом Хорватии Ф. Туджманом [4, с. 228]. Пакет документов состоял из Общего рамочного соглашения о мире и 12 приложений к нему. Это произошло без учета предложений России, но при ее формальном участии. По этому соглашению БиГ определялась как единая

республика, состоящая из двух единиц — Федерации (мусульман и хорватов) и Республики Сербской [13, с. 86]. От имени России соглашение подписал председатель Правительства В. С. Черномырдин.

В Дейтоне фактически была легализована замена в БиГ миротворческих сил ООН на войска НАТО. Российская дипломатия оценила Дейтон положительно, рассматривая его «как крупный шаг на пути к разрешению самого кровопролитного конфликта в послевоенной Европе» [14, с. 51]. Однако неудачи российской дипломатии в югославском урегулировании видимо стали основной причиной того, что А. В. Козырев был отправлен в отставку. В январе 1996 г. на пост главы МИД был назначен Е. М. Примаков, который сразу попытался внести корректировку в парадигму внешнеполитического курса России. Теперь отношения с западными странами предполагалось строить на принципах равноправного и взаимовыгодного партнерства.

Как отмечает Е. Ю. Гуськова, Югославия ждала от России поддержки, а Россия смотрела на Запад, пытаясь построить новую внешнюю политику, стать равноправным партнером западных стран в новой системе международных отношений, складывающихся в Европе и мире. Сербов принуждали с помощью России принимать решения, которые их не устраивали. Российская дипломатия на Балканах все годы кризиса отличала непоследовательность [15, с. 445, 449].

Парадоксальным образом российская сторона не шла на сотрудничество с президентом Сербии С. Милошевичем, связывая свое участие в урегулировании боснийского кризиса с системой власти в СРЮ. Москва обещала не допустить бомбовых ударов по сербским позициям в БиГ, но ничего для этого не делала. Осуждала за геноцидальные методы расправы с населением самопровозглашенной Республики Сербская Краина в Хорватии при проведении операций «Блеск» и «Буря» весной 1995 г., но наградила Ф. Туджмана в ноябре 1996 г. медалью Жукова.

Библиографические ссылки

1. Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1990–1992). М. : ПОИР, 1992. Т. 1: Современная история Югославии в документах. 370 с.
2. *Никифоров К. В.* Между Кремлем и Республикой Сербской. М. : Ин-т славяноведения РАН, 1999. 259 с.
3. Выступление представителя Российской Федерации Ю. М. Воронцова в Совете Безопасности ООН (30 мая 1992 г.) // Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии (1990–1993) / Сост. и отв. ред. Е. Ю. Гуськова. М. : Славянская летопись, 1993. 513 с.
4. *Довгялло М. С.* Политическая история зарубежных славянских стран новейшего времени: справочник. Минск : Тетра-Системс, 2006. 272 с.

5. Живанов С. Россия и югославский кризис // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 37–46.
6. Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 1–2. М. : Индрик, 2000. 496 с.
7. Югославский кризис и Россия. Документы. Факты. Комментарии (1990–1993). Современная история Югославии в документах. М. : Славянская летопись, 1993. Т. 2. 503 с.
8. Энгельгард Г. Н. Россия и боснийский кризис, 1992 год. Формирование подхода к урегулированию // Славяноведение. 2000. № 3. С. 27–41.
9. Красин Г. Б. О военных акциях НАТО в БиГ // Дипломатический вестник. 1995. № 10. С. 68–69.
10. Кузнецов Д. В. Югославский кризис: Взгляд сквозь призму общественного мнения. М. : Либроком, 2009. 344 с.
11. Самуйлов С. М. США, НАТО, Россия и боснийский кризис // США — экономика, политика, идеология. 1995. № 7. С. 16–31.
12. Адамишин А. Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. М. : Весь мир, 2016. 448 с.
13. Симич П. Дейтонский процесс: сербский взгляд // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 9. С. 86–102.
14. Карасин Г. Б. Мирное соглашение по Боснии — важный документ // Дипломатический вестник. 1996. № 1. С. 51–52.
15. Гуськова Е. Ю. Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995). СПб. : Владимир Даль, 2022. 462 с.

ВОПЛОЩЕНИЕ КОНФУЦИАНСКОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В ПЬЕСЕ «ПИПА ЦЗИ» ГАО МИНА

Е Хуашэн

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, 827385183@qq.com*

В начале правления династии Мин, столкнувшись с ситуацией, когда конфуцианская культура потеряла свое доминирующее положение, императоры, чтобы стабилизировать политическую ситуацию и ликвидировать влияние предшествующей династии, начали восстанавливать этические нормы и справедливость согласно конфуцианским установлениям, заложенным еще во времена династии Хань и получившим особое развитие при династии Тан. Одним из каналов распространения воли императоров стала китайская опера и драматургия. Популярным произведением китайских литераторов, на которое обращали внимание правители, и в частности, император Чжу Юаньчжан, была пьеса «Пипа Цзи». Данное драматическое произведение стало фактически пропагандой конфуцианства.

Ключевые слова: «Пипа Цзи»; конфуцианство; неоконфуцианство; Чжу Юаньчжан; Гао Мин.

THE EMBODIMENT OF THE CONFUCIAN SYSTEM OF VALUES IN THE PLAY “PIPA JI” BY GAO MING

Ye Huasheng

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, 827385183@qq.com*

At the beginning of the Ming Dynasty, faced with a situation where Confucian culture had lost its dominant position, the emperors, in order to stabilize the political situation and eliminate the influence of the previous dynasty, began to restore ethical standards and justice according to the Confucian principles laid down during the Han Dynasty and which received special development during the Tang dynasty. One of the channels for spreading the will of the emperors was Chinese opera and drama. A popular work of Chinese writers, to which the rulers, and in particular Emperor Zhu Yuanzhang, paid attention, was the play “Pipa Ji”. This dramatic work actually became propaganda for Confucianism.

Keywords: Pipa Ji; Confucianism; neo-Confucianism; Zhu Yuanzhang; Gao Ming.

Правление династии Юань стало периодом утраты конфуцианской культуры в средневековом Китае. Монголы презирали конфуцианское учение и выработанные на его основе традиции и, будучи победителями, продвигали свои собственные. В результате монгольские кочевые традиции оказали заметное влияние на конфуцианскую культуру Центральных равнин, сильно ее потеснив. Кочевая культура династии Юань имела менее

разработанные нормы этикета и в определенной степени утверждала индивидуальные интересы. Поэтому конфуцианские этические нормы в заметно утратили свою социальную нормативную роль.

Ситуация изменилась в 1368 г., когда Чжу Юаньчжан (朱元璋, 1368–1398 гг. правления), выходец из бедной семьи, успешно справился с оппозиционными ему военными группировками и основал исконно китайскую династию. Перед новой династией Мин встала неотложная задача стабилизации власти и восстановления ритуальных ценностей традиционной китайской культуры, что свидетельствует о стремлении к возрождению конфуцианских традиций и укреплению социальной структуры общества.

Чжу Юаньчжан начал с восстановления старой системы одежды династии Тан: «Ученым и простым людям следует завязывать волосы; людям, которые носят косы и пучки, носят одежду Ху (胡), говорят на диалектах Ху и используют фамилию Ху, запрещены. Обычаи народа Ху уже более ста лет вернулись к старой системе Центральных равнин» [1, с. 30]. Он также решительно начал восстанавливать конфуцианскую этику и мораль: «Конфуций наставлял императора тому, как учить будущие поколения, чтобы правители и министры, отцы и сыновья всегда следовали правильным принципам, порядку этики в согласии с установлениями неба и земли» [1, с. 31]. Неудивительно, что китайское общество в период ранней династии Мин находилось под сильным влиянием конфуцианского прошлого. Первые правители Мин особую склонность питали к неоконфуцианству школы Чэн-Чжу (程朱), которое фактически определяло весь спектр общественных и семейных отношений.

Возвращаясь к фигуре первого императора династии, следует обратить внимание на то, что Чжу Юаньчжан родился простолюдином и очень любил оперу. Писатель династии Мин Чжоу Сюаньвэй (周玄暉) отмечал в «Продолжении Цзинлинь» (泾林续记), что однажды император Чжу Юаньчжан вызвал долгожителя на гору Куньшань и спросил у него следующее: «Я слышал, что куньшаньский акцент очень красивый, ты тоже можешь спеть на нем?» [2, с. 188]. Этот интерес императора к опере и драматургии подвиг кого-то из его окружения представить на суд императора драму «Пипа Цзи» («Лютня», 琵琶记). Прочитав ее, правитель был глубоко тронут и сделал следующее высказывание: «Пять классических произведений и четверокнижие, ткань, шелк, соевые бобы, просо имеются в каждой семье; «Пипа Цзи» Гао Мина подобна горным и морским сокровищам... Ни одна богатая семья не может обойтись без нее [произведения — прим. автора]» [3, с. 239]. Император сравнил «Пипа Цзи» с лучшей духовной пищей, что показывает, как глубоко его потрясло это

произведение. Князья и знать немедленно откликнулись на призыв, и «Пипа Цзи» быстро обрела популярность. При Чжу Юаньчжане в процессе обучения потомков королевской семьи в обязательном порядке использовались по настоянию правителя драматические произведения и музыка, что лишний раз показывает, насколько большое значение им придавалось.

Действие драмы «Пипа Цзи» Гао Мина (高明, 1305–1360), написанной в жанре наньси, происходит во времена правления династии Хань и сосредоточен на истории любви Цай Боцзе (蔡伯喈) и Чжао Унян (赵五娘). На момент начала повествования эта молодая супружеская пара была жената два месяца. Главный герой Цай Боцзе отправился в Пекин, чтобы сдать экзамен по приказу своих родителей. После получения первого места на императорском экзамене премьер-министр Ню заставил главного героя жениться на своей дочери. В это время в родном городе первой жены главного героя случилась засуха. Чжао Унян вынуждена была продавать свои волосы, чтобы поддержать семью мужа. После смерти свекрови она прошла тысячи миль, чтобы найти мужа, неся при этом на спине лютную. Пройдя через многие трудности, пара наконец воссоединилась.

Автор «Пипа Цзи» не скрывал, что его произведение имеет воспитательную цель: «Если содержание пьесы не предполагает нравственного воспитания, то, как бы ни было хорошо произведение, оно будет напрасным» [4, с. 1].

Действия и мысли героев пьесы вполне соответствуют конфуцианским этическим нормам. В начале династии Мин поучительные произведения были сосредоточены на пропаганде этики «верности императору» (忠君), «сыновьей почтительности» (孝子), «праведного мужа» (义夫) и «целомудренной жены» (节妇).

«Верность» (忠) в древнекитайском обществе означала верность императору, то есть верность верховному правителю феодального общества. Так, знаменитый китайский неоконфуцианский философ и комментатор конфуцианских текстов XII в. Чжу Си (朱熹) (1130–1200) особо подчеркивал значимость уважения к правителю. Он писал следующее: «Монарх является высшим представителем патриархального общества и пользуется высшими правами. Уважение к монарху означает защиту этой высшей власти, предотвращение ее падения и нанесения ей ущерба» [5, с. 107].

В «Пипа Цзи» Цай Боцзе изначально демонстрировал свое желание сдать императорский экзамен — тем самым автор произведения намекал, что главный герой стремится стать чиновником, а это значит — стремится быть верным императору. Когда Цай Боцзе захотел уйти в отставку, император ему отказал в просьбе. Так главный герой остался служить при

дворе, чтобы сохранить верность императору, однако это привело к тому, что он не смог выполнить свой сыновний долг — без помощи сына его родители умерли. Таким образом автор «Пипа Цзи» четко расставил приоритеты иерархии: на первом месте — служение императору, и только после этого — родителям на основе конфуцианской модели взаимодействия детей и родителей («сыновья почтительность»). Из этого очевидно, что таким поведением Цай Боцзе автор транслировал идею святости и абсолютного верховенства императорской власти.

Однако такой конфуцианский этический принцип, как «сыновья почтительность» также нашел свое место в исследуемой драме. В древности отношения детей и родителей рассматривались в двух аспектах: первый подразумевал, что дети должны поддерживать своих родителей, а второй означал то, что они не должны идти против родительской воли. В древнейшем толковом китайском словаре «Эръя» (尔雅) дается следующее объяснение сыновней почтительности: «Делать добро родителям называется сыновней почтительностью» [6, с. 34].

Примечательно, что в «Пипа Цзи» выразителем «сыновней почтительности» становится не главный герой и не мужчина, а женщина, Чжао Унян, которая является «сыновней невесткой», воплощая типичный конфуцианский образец взаимоотношений между детьми и родителями. Ее «сыновья почтительность» сводилась к тому, что она, несмотря на тяжелые времена из-за засухи, верно служила родителям мужа, и даже была вынуждена продать свои волосы, чтобы похоронить свекра. В древности существовал обычай, что «волосы и кожу получают от родителей и поэтому их нельзя повреждать» [7, с. 247]. Однако, столкнувшись со смущением из-за отсутствия денег на похороны тестя, у главной героини не было другого выбора, кроме как остричь волосы и продать их на улице. Тем самым драматург транслировал идею о том, что конфуцианские нормы более значимы, чем древние установления.

В «Пита Цзи» присутствует еще один немаловажный элемент конфуцианской модели поведения. Речь идет о гармоничных взаимоотношениях между людьми, которые напрямую не вступают в основные конфуцианские отношения (монарх — подданный; отец — сын и др.). Эти отношения представлены второстепенным персонажем драмы Чжан Гуанцаем (张广才), который с энтузиазмом помогал семье Цай в период кризиса, показывая добродетельную картину добрососедских отношений в китайском обществе. Гармоничные отношения между членами общества были описаны еще в конфуцианской классике. Так, Мэн-цзы (孟子) говорил: «Приходя и уходя, наблюдайте и помогайте друг другу, и поддерживайте друг друга в

болезни» [8, с. 188]. Когда Цай Боцзе не решался принять участие в императорском экзамене, а отец Цая изо всех сил старался убедить своего сына поехать в Пекин для сдачи экзамена, Чжан Гуанцай впервые появился на страницах пьесы как добрый человек, который и смог убедить Цая Боцзе отправиться в столицу. Он сказал: «Сю Цай (秀才), не о чем беспокоиться. С древних времен хорошие соседи ценились дороже, чем хорошие дома. Поскольку я стал вашим соседом, вы можете идти туда без каких-либо беспокойств. Если вашей семье понадобится помощь, я помогу» [9, с. 21]. Этот персонаж драмы — Чжан Гуанцай, фактически являлся воплощением идеала добрососедских отношений среди китайских крестьян. Такие персонажи, как Чжан Гуанцай, обычно наделялись высокими нравственными качествами и отстаивали справедливость. Именно они воплощали базовую социальную модель поведения простого народа.

Таким образом, в ранний период правления династии Мин китайская драма заняла видное место в распространении и популяризации конфуцианской (неоконфуцианской) модели общественных и семейных отношений. Драматические произведения становились фактически учебными пособиями по праведному образу жизни. Такие произведения как «Пипа Цзи» внесли свой вклад в дело стабилизации общества после смены династий, содействовали процессу возврата исконно китайских (конфуцианских) социальных ценностей и модели общественных отношений. Причем, являясь сугубо иерархичной (подчинение младших старшим), конфуцианская модель социальных отношений распространялась на все слои общества, начиная от монарха и заканчивая низшими слоями населения. Китайские драмы стали рупором традиционной этики и морали: верности, сыновьей почтительности, целомудрия, праведности и добрососедства. Образы верных слуг, «сыновних» детей, целомудренных жен и праведников, созданные в пьесе, призваны были стать примером базовых социальных связей.

Библиографические ссылки

1. *Яо Гуансяо* (姚广孝). Записи императора Тайцзу Гао династии Мин (大明太祖高皇帝实录) [Электронный ресурс] // Электронный проект текста китайской философии (中国哲学书电子化计). URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=147394&remap=gb> (дата обращения: 01.02.2014).
2. *Гу Тинлун* (顾廷龙), *Фу Сюаньцун* (傅璇琮). Продолжение Сикуцюаньсю. Т. 1124 (续修四库全书, 第1124册). Шанхай: Шанхайское издательство древних книг (上海古籍出版社), 2002.
3. *Сюй Вэй* (徐渭). Сборник трактатов по китайской классической опере (中国古典戏曲论著集成). Т. 3. Пекин: Издательство Китайской драмы (中国戏剧出版社), 1959.
4. *Цянь Наньян* (钱南扬). Записки коллекционера Юаньбэнь Пипа Цзи (元本琵琶记校注). Пекин: Книжная компания Чжунхуа (中华书局), 2009.

5. *Чжан Ливэнь* (张立文). Исследование мыслей Чжу Си (朱熹思想研究). Пекин: Издательство Китайской академии социальных наук (中国社会科学院出版社), 2001.
6. *Го Пу* (郭璞). *Эръя* (尔雅). Шанхай: Шанхайское издательство древних книг (上海古籍出版社), 2015.
7. *Чжан Луюань* (张鲁原). Словарь древних китайских пословиц (中华古谚语大辞典). Шанхай: Издательство Шанхайского университета (上海大学出版社), 2011.
8. *Нань Хуайджин* (南怀瑾). Мэн-цзы. Глава Тэн Вэнгун (孟子 • 滕文公篇). Пекин: Восточное издательство (东方出版社), 2022.
9. *Гао Мин* (高明). *Пипа Цзи* (琵琶记). Пекин: Книжная компания Чжунхуа (中华书局), 1960.

ПРАБЛЕМА АДЧУЖЭННЯ ПРЫВАТНАЙ НЕРУХОМАЙ МАЁМАСЦІ ПРЫ БУДАЎНІЦТВЕ ШЛЯХОЎ ЗНОСІН НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XVIII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX ст. (ФІНАНСАВЫ АСПЕКТ)

А. У. Ерашэвіч

*Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт,
пр. Партызанскі, 26, 220070, г. Мінск, Беларусь, erash06@rambler.ru*

У артыкуле асвятляюцца фінансавыя кампенсацыі жыхарам за дчужэнне іх прыватнай нерухомай маёмасці дзяржавай для патрэб будаўніцтва шляхоў зносін на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.

Ключавыя словы: фінансаванне; фінансавыя кампенсацыі; адчужэнне маёмасці; прыватная нерухомая маёмасць; будаўніцтва; шляхі зносін; беларускія губерні.

ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ ЧАСТНОГО НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ)

А. В. Ерошевич

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, erash06@rambler.ru*

В статье освещаются финансовые компенсации жителям за отчуждаемое у них государством частное недвижимое имущество для нужд строительства путей сообщения на территории Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в.

Ключевые слова: финансирование; финансовые компенсации; отчуждение имущества; частное недвижимое имущество; строительство; пути сообщения; белорусские губернии.

THE PROBLEM OF ALIENATION OF PRIVATE REAL ESTATE DURING THE CONSTRUCTION OF COMMUNICATION ROUTES ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE LATE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURY (FINANCIAL ASPECT)

A. V. Yerashevich

*Belarusian State Economic University,
Partyzanski Avenue, 26, 220070, Minsk, Republic of Belarus, erash06@rambler.ru*

The article highlights financial compensation to residents for private real estate alienated from them by the state for the needs of the construction of communication routes on the territory of Belarus in the late XVIII – first half of the XIX century.

Keywords: financing; financial compensation; alienation of property; private real estate; construction; communication routes; Belarusian provinces.

У сувязі з інтэнсіўным будаўніцтвам у 30–50-я гг. XIX ст. шашэйных дарог, якія праходзілі праз беларускія губерні, праводзілася ацэнка адчужаемай у дзяржаўную юрысдыкцыю нерухомай маёмасці прыватных уласнікаў. У 1850 г. адкрыўся рух па Бабруйскай шашы (Магілёў – Бабруйск), у 1851 г. — па Маскоўска-Варшаўскай (Крычаў – Доўск – Бабруйск – Слуцк – Кобрын – Брэст), у 1854 г. — па маршруце Віцебск – Смаленск, у 1859 г. — па Пецярбургска-Кіеўскай (Беларускай) шашы (Віцебск – Орша – Магілёў – Доўск – Гомель) [15, с. 45].

Працэс і парадак узнагароды прыватных ўласнікаў за нерухомасць, якая ў іх адчужалася для дзяржаўных ці грамадскіх патрэб, а менавіта для ўладкавання вадзяных і сухапутных шляхоў зносін, а таксама пабудовы неабходных казённых і публічных будынкаў, рэгулявалі правілы імператарскага ўказа Сенату ад 07.06.1833 г., апублікаваныя 26.06.1833 г. Пасля грашовай ацэнкі нерухомай маёмасці і дасягнення пагаднення з уладальнікамі аб яе кошце яму павінны былі неадкладна выплачвацца сумы за кошт выдзеленых на работы фінансавых сродкаў. У выпадку, калі выпрошваемая цана прызнавалася занадта вялікай, тады праводзілася ацэнка прыватнай маёмасці спецыяльна створанымі для гэтай мэты камісіямі: у губернскіх гарадах пад старшынствам грамадзянскіх губернатараў, у павятовых — паліцмайстраў ці гараднічых у складзе ацэньшчыкаў з ліку губернскага архітэктара з дадаткам гарадскога галавы ці старшага з членаў ратушы для вызначэння кошту нерухомай маёмасці гандляроў, мяшчан, разначынцаў і павятовага прадвадзіцеля дваранства — для дваран. У паветах арганізаваліся камісіі з членаў павятовага і земскага судоў пад старшынствам павятовага прадвадзіцеля дваранства. Рашэнне ацэначнай камісіі з меркаваннем грамадзянскага губернатара далей паступала на разгляд у Міністэрства ці Галоўнае ўпраўленне, пасля — у Дзяржаўны савет і канчаткова зацвярджалася імператарам. Пасля канчатковага рашэння з вылучаных сум на работы неадкладна ўладальніку давалі не толькі грошы за страчаную маёмасць па яе ацэнцы, але яшчэ і 1/5 частку вызначанай сумы для кампенсацыі страт. Грошы за нерухомую маёмасць, якая знаходзілася пад забаронай ці была закладзеная за розныя казёныя і прыватныя спагнанні, паступалі для задавальнення просьбіта ў губернскае праўленне [13, с. 325, 326].

Будаўніцтва Віцебскай шашы выклікала тое, што землі і будынкі розных прыватных уладальнікаў былі апісаны і ацэнены прызначанай на гэты прадмет Віцебскай камісіяй пад кіраўніцтвам віцебскага павятовага прадвадзіцеля дваранства. Кіраўнік шашэйных работ барон Корф, які наглядаў за будаўніцтвам дарогі ад Віцебска да Гарадка і Оршы, меў намер скончыць працу летам 1836 г. Для гэтага было патрэбна на шашэйнай лініі знесці ўсе

будынкi, асабліва каля Магілёўскай заставы ў прадмесці Віцебска. Шаша ў губернскім цэнтры праходзіла паміж Полацкай і Магілёўскай заставамі, і таму пракладвалася новая вуліца ад плошчы, дзе мясціўся губернатарскі дом, да магілёўскага выезда. Для будаўніцтва шашы неабходна было знесці некалькі драўляных дамоў і аддзяліць у дзяржаўную казну частку прыватнаўласніцкай зямлі. Упраўляючы пабудовай Бабруйскай шашы маёр корпуса інжынераў шляхоў зносіў Адамаў камандзіраваў інжынернага паручніка Нітаслаўскага для зазначання маёмасці на месцы [6, арк. 1, 2–2 адв., 6–6 адв.]. Члены Шклоўскага кагала ў студзені 1836 г. падалі прашэнне ў Міністэрства ўнутраных спраў аб правядзенні шашы праз мястэчка Шклоў, але было вырашана ўладкаваць яго па леваму берагу Дняпра, а з хадайнікаў спагнаць ў казну 4 руб. асігнацыямі за 2 ліста прастай, замест гербавай, паперы [4, спр. 9605, арк. 1–1 адв.]. У 1852 г. жыхары Гарадка прасілі ў віцебскага генерал-губернатара грашовай узнагароды за іх дамы, якія былі знесены пры ўладкаванні шашы [4, спр. 23569].

Як вынікае з адносіны ўпраўляючага Галоўнага ўпраўлення шляхоў зносіў і публічных пабудов ад 06.01.1845 г., пасля ацэнкі прыватнай зямлі і будынкаў у Гарадоцкім і Віцебскім паветах для задавальнення памешчыкаў, цэркваў і манастыроў, жыхароў Гарадка за землі і будынкi, якія адыходзілі пад будаўніцтва Бабруйскай шашы, выдзялялася сума ў 9026,19 руб. [9, арк. 2–2 адв., 3 адв.–4]. Адзначым, што многія патэнцыяльныя атрымальнікі грошай мелі розныя казённыя спагнанні. У складзенай 19.06.1845 г. ведамасці ацэнкі маёмасці паміж Магілёвам і сялом Гадзіловічамі, вызначанай да знішчэння ў сувязі з будаўніцтвам Бабруйскай шашы, фігуравала 47 асоб [8, спр. 193, арк. 48–49]. Памешчыкі Шаняўскі і Булгак патрабавалі аплаты за вырублены ў іх маёнтках лес для пабудовы Бабруйскай шашы [4, спр. 6410].

Найвышэйшы ўказ ад 25.03.1843 г. на імя галоўнаўпраўляючага Галоўнага ўпраўлення шляхоў зносіў і публічных будынкаў прадугледжваў адчужэнне зямель і іншых прыватных маёмасцей пад будуючую шашу ад Брэст-Літоўска да Бабруйска [2, арк. 3 адв.]. Галоўнаўпраўляючы запатрабаваў ад прыватных уладальнікаў водгукі аб крайняй цане маёмасці, якую меркавалі знішчыць для заняцця плошчы пад шашу. Ацэнку зямлі і маёмасці пад лінію Маскоўска-Варшаўскай шашы па Рагачоўскаму павету праводзіла асобная камісія пад кіраўніцтвам павятовага прадвадзіцеля дваранства. У выніку 04.01.1854 г. было вырашана 16 уладальнікам пакрыць страты з уключэннем у кошт і надбавачнай 1/5 часткі ацэначнай сумы. Усяго пад лінію Маскоўска-Варшаўскай шашы ў Рагачоўскім павеце было занята 411 дзесяцін 2271 сажняў зямлі, на якой былі знесеныя ўсе будынкi. Разам было прызначана заплаціць па ацэнцы 40 967,3 руб., аднак

зямля, па меркаванню улад, каштавала на трэць менш, альбо 22 234,12 руб., за будынку выдаткоўвалася 2940,15 руб., надбавачнага ўзнагароджвання за панесеныя страты — 5096,66 руб., а разам галоўнаўпраўляючы шляхамі зносінамі і публічнымі пабудовамі вылічыў да выдачы суму ў 30 270,93 руб. Аднак Дэпартамент дзяржаўнай эканоміі Дзяржаўнага савета запатрабаваў ад прыватных уладальнікаў водгукаў адносна іх згоды наконт меры ўзнагароджвання [8, спр. 276, арк. 131–135, 196–197]. У прашэнні на імя магілёўскага губернатара ад 31.05.1850 г. жыхары Рагачова скардзіліся, што іх дамы з пабудовамі ў красавіку былі зламаныя. У мінулым годзе была зацверджана ацэнка пад злом нерухомай маёмасці Пракапенкі (145 руб.), Гадодава (218 руб.), Зэльманава (149 руб.), Гліобыса (132 руб.), аднак іх не задаволіла ацэначная сума. Гараджане енчылі на адсутнасць грашовых сродкаў для будаўніцтва новых дамоў і заўважылі, што падрыхтаваныя для гэтага будаўнічыя матэрыялы падвяргаліся крадзяжу [14, с. 36]. Паводле адносіны праўлення 11-й акругі шляхоў зносін ад 23.10.1849 г., ацэначная камісія Чэрыкаўскага павета ў верасні 1852 г. пад лінію Маскоўска-Варшаўскай шашы замест патрабаваных 11 уладальнікамі 25 190,11 руб. выдзеліла толькі 9047,06 руб. сер. (35,9%) [8, спр. 317, арк. 216–219, 225–225 адв.]. Ацэначная камісія Клімавіцкага павета ў лютым 1852 г. вызначыла 16 асобам за зямлю і пабудовы, якія адыходзілі пад Маскоўска-Варшаўскую шашу, заплаціць, па нашых падліках, 12 149,96 руб. [8, спр. 318, арк. 72–72 адв.]. У прадпісанні віленскага генерал-губернатара ад 08.05.1843 г. начальнікам губерняў дубліравалася неабходнасць адчужэння прыватных маёмасцей пад лінію шашы. 18.05.1843 г. выйшла распараджэнне віленскага генерал-губернатара да слуцкага, бабруйскага і пінскага павятовых прадвадзіцеляў дваранства, слуцкага і бабруйскага гараднічых, пінскага, слуцкага і бабруйскага земскіх спраўнікаў, слонімскага, кобынскага, брэсцкага, пружанскага і навагрудскага гараднічых, земскай паліцыі, павятовых прадвадзіцеляў дваранства, брэсцкага паліцмайстра аб аказанні імі ўсялякага законнага садзейнічання палкоўніку Берскаму ў зборы ад прыватных уладальнікаў водгукаў аб апошняй цане іх маёмасці [2, арк. 4–4 адв. 7, 14 адв.–15, 15 адв., 16 адв.–17, 35 адв.]. Упраўляючы работамі Брэст-Бабруйскай шашы інжынер генерал-маёр Берскі ў прадстаўленні віленскаму ваеннаму губернатару і генерал-губернатару гродзенскаму, мінскаму і ковенскаму, які даслаў яго ў сваю чаргу 17.02.1846 г. да мінскага грамадзянскага губернатара, засмучаўся з таго, што апрацоўванне шашы прыпынялася з прычыны нязносу прыватнымі ўладальнікамі належачых ім будынкаў на шашэйнай лініі [2, арк. 1, 13–13 адв.]. У гэты ж дзень была дадзена санкцыя аб неабходнасці неадкладнага зносу прыватных будынкаў на лініі шашы паводле складзенага іх вопісу. Справа заключалася ў тым,

што з-за нязломкі ў 1845 г. прыватных будынкаў падрадчыкі не маглі весці земляныя работы да вызначанага кантрактам тэрміну. Таму загадвалася знішчыць усе прыватныя пабудовы не далей 01.05.1846 г. Паколькі імператар Мікалай I загадаў скончыць будаўніцтва шашы да восені 1846 г., то безадкладны знос аб'ектаў прыватнай нерухамай маёмасці быў неабходны [2, арк. 3–3 адв., 7–7 адв., 42 адв.]. Захаваўся падрабязны спіс аб'ектаў нерухамай маёмасці ў Слуцкім і Бабруйскім пветах, якую планавалі знесці. У Слуцкім павеце нерухамай маёмасці пазбаўляліся 9 прыватных уладальнікаў: князь Радзівіл, памешчыкі Завадзкія, памешчык Горскі, Вікенці Пласкавіцкі, памешчыца Міладкоўская, малалетнія Магільніцкія, Франц Узлоўскі, Казімір Даманскі, Рамуальд Шпакоўскі. У Слуцку на 275 вярсцё шашы знішчаліся 57 штук фруктовых дрэваў баранэсы Сталь, зруб для дома Абрама Неймана, 2 стайні, варніца, хлёў і жылы дом Лейбы Жакіна, дом і стайня Іоселя Левіціна, стайня і 2 хлявы Алаізія Эсткі, стайня князя Вітгенштэйна, 2 дамы, хлёў і 20 фруктовых дрэваў Рамана Реўтовіча, дом і хлёў Абрама Нусчалыц, дом з варыўняй і 12 фруктовых дрэваў Аляксандра Федаровіча, дом і стайня Раша Мігдалова, дом і хлёў Гіта Шмуйлова, крама Зельмана Янкелевіча, жылы дом, хлёў і агароджа Лейзера Полжыдка, зруб жылога дома Герца Неймарка, жылыя дамы Мордуха Полжыдка, Боруха Кантына, Янкеля Корнблума, Гіршы Віленскага, Іцэка Ренштэйна, Іцэка Кібалкіна, Эсцера Шліомовіча, Лейбы Гімпелевіча, шпіталь з малельняй папачыцельнага камітэта аб бедных, жылы дом, ляднік, калодзеж і хлёў, лабаз, 3 жылыя дамы, зруб і пуны Нахмана Адзельсона, 2 жылыя дамы і 16 фруктовых дрэваў Ганны Пачакаевай, 104 фруктовых дрэваў Івана Чыжа, лабаз і хлёў Якіма Кулікоўскага, 20 фруктовых дрэваў Тамаша Навіцкага, жылы дом Бея Кракоўскага, вырубаліся алеявыя дрэвы Фрузына Рубушова. У Бабруйску, які аказаўся на 382 вярсцё шашы, знішчаўся дом і хлёў Фёдара Сакалова, дом і хлёў Аляксея Гулецкага, дамы Івана Юшчэнкі, Льва Тарасевіча, Марціна Лясандрова, Кузьмы Лейбы [2, арк. 8 адв.–9]. Памешчык Пузына прасіў у 1851 г. залічыць у нядоімку належныя яму грошы за зямлю, якая была аддана пад лінію Маскоўска-Варшаўскай шашы [4, спр. 22806]. Грашовую кампенсацыю за маёнткавую зямлю, якая адыходзіла пад пабудову Маскоўска-Варшаўскай шашы паміж Бабруйскам і Брэстам, у 1847–1849 гг. намагаўся атрымаць флігель-ад'ютант князь Леў Радзівіл. З маёнткаў Л. Радзівіла ў Слуцкім павеце пад дарожную паласу для збудавання Брэст-Бабруйскай шашы адыходзіла ў даўжыню 7492 пагонных сажняў дарогі, а разам — 167 562 квадратных сажняў, ці больш 69 дзесяцін зямлі, з 1/4 часткі Клецкай ардынацыі — 88 525 квадратных сажняў, альбо больш 36 дзесяцін зямлі. У залежнасці ад прасторы і якасці зямлі ўладальнік выказаў жаданне атрымаць

аплату за кожную дзесяціну лугавой зямлі, лугавой пашы, агароднай, незанятай, пад будынкамі, хмызняком [3, арк. 1, 10–11, 14–15]. Паводле прадстаўлення пружанскага павятовага прадвадзіцеля дваранства і скаргі памешчыка Вітаноўскага ва ўпраўленне работамі Брэст-Бабруйскай пашы ў Слуцку 18.12.1846 г. апошні выказываў сваё незадавальненне з прычыны таго, што падрадчыкі Брэст-Бабруйскай пашы не пакрылі яму панесеных страт у 4222,2 руб. [11, арк. 580].

Пецяrbбургска-Кіеўская паша, якая прайшла праз Рагачоўскі павет не праз населеныя пункты, закранула толькі частку сялянскіх зямель. У 1851 г. ацэначная камісія ў Рагачоўскім павеце пад лінію Пецяrbбургска-Кіеўскай пашы паміж Магілёвам і Доўскам прызначыла 5 памешчыкам толькі 4880,57 руб. (52,5%) замест выпрошваемых імі 9307,91 руб. [8, спр. 403, арк. 42–45, 48]. У 1853 г. ацэначная камісія за прыватную маёмасць пад лінію Пецяrbбургска-Кіеўскай пашы вылучыла 8 памешчыкам і царкве ў Быхаўскім павеце толькі 17 905,03 руб. (50,8%), альбо менш выпрашанай самімі ўладальнікамі сумы 35 238,96 руб. на 17 333,93 руб. (49,2%) [7, арк. 40–42, 44–44 адв.].

У снежні 1856 г. ацэначная камісія пад старшынствам павятовага прадвадзіцеля дваранства пад лінію Віцебска-Смаленскай пашы ад Віцебска праз Смаленск да Рослава па Аршанскаму павету вызначыла ўзнагароду прыватным уладальнікам, зыходзячы з якасці і колькасці зямлі і сярэдняга 10-гадавога даходу з яе. Разам 17 асобам меркавалі выплаціць 16 442,41 руб. і за знесеныя ў мястэчку Рудня розныя будынкі 24 асобам — 4939,6 руб. [8, спр. 316, арк. 249–250, 252–254 адв.]. У 1856 г. за землі і будынкі ў Аршанскім павеце паміж Оршай і граніцай Магілёўскай губерні з Віцебскай было вырашана заплаціць 17 753,69 руб., у тым ліку за землі — 13 620,64 руб. (76,7%), за пабудовы і фруктовыя дрэвы — 2452 руб. (13,8%), за гарадскія землі — 1197,3 руб. (6,7%), за знесены цагляны склеп і ветрак — 483,75 руб. (2,7%) [8, спр. 406, арк. 174 адв.–178]. Пры ўладкаванні Віцебска-Смаленскай пашы ў Віцебскім павеце 20.06.1857 г. за адчужальныя ўладальніцкія землі і будынкі было прызначана выплаціць па ацэнцы 6245,42 руб. З гэтай сумай пагадзіліся прыватныя ўласнікі. У Віцебскім павеце 19 уласнікам (18 памешчыкам і Білеўскаму сельскаму таварыству) выпадала 5798,19 руб. (астатнія грошы былі атрыманы раней) [5, арк. 1, 2–2 адв., 5 адв.–6].

Праблема пакрыцця страт прыватным уладальнікам за знішчаемую ў іх нерухомую маёмасць абумовіла з'яўленне шматлікай канцылярскай перапіскі паміж рознымі ўладнымі інстанцыямі, тым больш што зацікаўленыя службовыя асобы ўсяляк зацягвалі працу з вызначэннем канчатковых разлікаў. Так, напрыклад, вядома з прадстаўлення магілёўскага грамадзянскага губернатара ад 24.01.1851 г. да віцебскага генерал-губернатара, што

ў Быхаўскім павеце ацэнка ўладальніцкай маёмасці, якая адыходзіла пад будаўніцтва Маскоўска-Варшаўскай і Бабруйскай шашы, была ўскладзена на павятовага прадвадзіцеля дваранства, якому з 26.08.1849 і 28.03.1850 г. накіроўваліся адносіны 24 і 13 разоў адпаведна па кожнай з шашы [4, спр. 22809, арк. 1–1 адв.]. Ацэнка ўладальніцкай маёмасці, якая адыходзіла пад Бабруйскую шашу ў Магілёўскім павеце, была ўскладзена 28.03.1850 г. на павятовага прадвадзіцеля дваранства. З таго часу да 24.01.1851 г. магілёўскі губернатар звяртаўся да яго 13 раз за адказамі, аднак без поспеху [4, спр. 22810, арк. 1]. Зразумела таксама, што дзяржава найчасцей ацэньвала землі і будынкі ў меншым памеры, чым прасілі ў якасці кампенсацийнай сумы іх уласнікі. Ацэначныя акты ўтрымлівалі адступленні ад законаў і памылкі ў разліках.

Менш праблем ўзнікала пры адчужэнні прыватнай уласнасці пры будаўніцтве і ўладкаванні вадзяных шляхоў зносін. Гродзенскі губернскі прадвадзіцель дваранства ў канцы 1834 г. хадайнічаў аб узнагародзе памешчыкаў Слонімскага павета за іх землі каля р. Шчара, якія перайшлі ў ведамства шляхоў зносін [10]. У 1855 г. праводзілася ацэнка зямель і будынкаў, якія адыходзілі пад лінію берагавых умацаванняў Слонімскага канала [12].

Як сведчаць дакументы, працэс кампенсацийі страт уладальнікам за набытую дзяржавай у іх нерухомую ўласнасць зацягваўся на дзесяцігоддзі. Паказальна ў гэтым сэнсе справа па прашэнні сапраўднага стацкага саветніка В. Пуслоўскага аб узнагародзе яго за занятыя па распараджэнні Пінскага земскага суда яшчэ ў 1799 г. дырэкцыяй Агінскага канала пабудовы ў маёнтку Целяханы Пінскага павета і за знішчаны млын. Стары драўляны дом са службамі, які ў 1799 г. быў выдзелены для пражыцця дырэктара Агінскага канала, чыноўнікаў, размяшчэння акружнай школы і бальніцы, адносіўся да маёнтка Целяханы, які да 1815 г. належыў князю Чартарыжскаму, а потым паступіў да В. Пуслоўскага. У 1820 г. В. Пуслоўскі дазволіў прадаць усе будынкі з належнай зямлёй да 25 дзесяцін за 10 тыс. руб. срэбрам, ці здаць памяшканні ў наём за тысячу рублёў срэбрам з задавальненнем яго за ўвесь час кватэравання чыноўнікаў і каманд Агінскага канала. Аднак дзяржаўная казна на працягу 21 года выдаткавала на рамонт дома да 2 тыс. руб. срэбрам. Паўстала пытанне: захаваць старыя памяшканні ці будаваць новыя? У Галоўнае ўпраўленне шляхоў зносін у красавіку і ліпені 1824 г. паступілі дзве просьбы В. Пуслоўскага аб задавальненні яго за ўвесь час заняцця чыноўнікамі ведамства вадзяных шляхоў зносін збудаванняў і зямель цэлага маёнтка, альбо выдачы яму грошай пасля пакупкі маёмасці дзяржаўнай казной за 6 тыс. руб. срэбрам. Начальнік 6-й акругі шляхоў зносін генерал-маёр Фальконій данёс 05.03.1825 г., што, згодна з праектам, няма лепш месца для пабудовы новых будынкаў для

размяшчэння чыноўнікаў і іншых службаў пры Агінскім канале, і таму параіў нерухомую маёмасць купіць у дзяржаўную ўласнасць. Млын быў знішчаны яшчэ ў 1815 г. [1, арк. 437–438, 439 адв.–440, 440 адв.–441, 441–441 адв., 442 адв.–443, 445 адв.]. Толькі ў 1836 г. па ўказу Сената В. Пуслоўскі атрымаў грашовую кампенсацыю за нерухомую маёмасць, якая пайшла на патрэбы Агінскага канала [16].

Такім чынам, пры пракладцы сухапутных шляхоў зносін імперскія ўлады намагаліся праводзіць шашы па-за межамі буйных населеных пунктаў для мінімізацыі грашовых выплат за адчужаную ў прыватных уладальнікаў нерухомую маёмасць. У якасці аб'ектаў нерухомасці, прызначанай для грашовай кампенсацыі з боку ўрада, значыліся гарадскія землі, зямельныя ўгоддзі, жылыя, гаспадарчыя і вытворчыя будынкі і нават агароджы, калодзежы, фруктовыя і алеявыя дрэвы. Грашовыя ўзнагароды прызначаліся для жыхароў павятовых гарадоў Гарадка, Рагачова, Бабруйска, Слуцка, памешчыкаў, культавых устаноў. Сам працэс апісання і ацэнкі адзяржаўленай уласнасці зацягваўся з-за пошуку кампрамісу і дасягнення балансу інтарэсаў з былымі гаспадарамі, якія выпрошвалі большыя сумы выплаты, чым прапаноўвалі дзяржаўныя камісіі. У цэлым, былым уладальнікам пакрывалася, і тое з затрымкай у часе, толькі 30–50 % кошту ацэненай імі нерухомай маёмасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 295. Воп. 1. Спр. 277.
2. НГАБ. Ф. 299. Воп. 5. Спр. 165.
3. НГАБ. Ф. 694. Воп. 3. Спр. 597.
4. НГАБ. Ф. 1297. Воп. 1. Спр. 6410, 9605, 22806, 22809, 22810, 23569.
5. НГАБ. Ф. 1416. Воп. 2. Спр. 11011.
6. НГАБ. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 6046.
7. НГАБ. Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 2133.
8. НГАБ. Ф. 2224. Воп. 1. Спр. 193, 276, 316, 317, 318, 403, 406.
9. НГАБ. Ф. 2636. Воп. 1. Спр. 1004.
10. НГАБ у г. Гродна. Ф. 1. Воп. 4. Спр. 289.
11. НГАБ у г. Гродна. Ф. 1. Воп. 5. Спр. 325.
12. НГАБ у г. Гродна. Ф. 1. Воп. 29. Спр. 823.
13. О правилах вознаграждения частных лиц за имущества их, отходящие на государственное или общественное употребление: именной указ 07.06.1833 г., данный Сенату, опубликованный 26.06.1833 г. // Полное собрание законов Российской империи : собрание 2-е с 1825 по 1881 г. : в 55 т. СПб. : Типография 2-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830–1862. Т. 8–1. № 6249. С. 324–326.
14. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Рагачоўскага раёна. Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 1994. 535 с.
15. *Сардаров А. С.* История и архитектура дорог Белоруссии. Минск : Вышэйшая школа, 1978. 152 с.
16. Lietuvos valstybės istorijos archyvas. F. 378. Ap. 44, 1836 г. Bib. 111.

КУЛЬТ НЕПОБЕДИМОГО СОЛНЦА КАК КУЛЬТ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

И. А. Ефременко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Efremenkoivan1992@gmail.com*

Статья посвящена финальной форме культа римских императоров. В связи с глубоким кризисом, охватившим почти все стороны жизни империи в III в. н. э., императоры еще с середины века начали предпринимать попытки выстроить новую религиозную политику, которая могла бы помочь им усилить власть. После череды неудачных попыток реформировать культ императора, предпринятых императором Децием и Галлиеном, новый принцепс Аврелиан кардинально меняет прежние формы культа правителя, введя новый культ Sol Invictus. В статье анализируются причины его введения, основные мероприятия по введению культа, а также последствия.

Ключевые слова: Римская империя; императорская власть; кризис III в.; культ императора.

THE CULT OF THE INVINCIBLE SUN AS THE CULT OF THE ROMAN EMPERORS

I. A. Efremenko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Efremenkoivan1992@gmail.com*

The article is devoted to the final form of the cult of the Roman emperors. Due to the deep crisis that gripped almost all aspects of the life of the empire in the 3rd century AD, emperors from the middle of the century began to make attempts to build a new religious policy that could help them strengthen their power. After a series of unsuccessful attempts to reform the cult of the emperor, undertaken by Emperor Decius and Gallienus, the new princeps Aurelian radically changed the previous forms of the cult of the ruler, introducing a new cult of Sol Invictus. The article analyzes the reasons for its introduction, the main measures for the introduction of the cult, as well as the consequences.

Keywords: Roman Empire; imperial power; crisis of the 3rd century; cult of the emperor.

В 270 г. к власти в Римской империи пришел император Аврелиан. На тот момент положение империи было критическим. Дезинтеграция дошла до таких пределов, что в разных частях империи появились независимые царства, конфликтовавшие друг с другом. С 235 по 270 г. пост императора десятки раз переходил от одного полководца к другому. Особенно показательным в этом отношении стал 238 г., когда за столь короткий срок сменилось 6 императоров. Сенат в свою очередь окончательно утратил свои функции по утверждению императоров и дальнейшему контролю над ними. Так, военачальник и политик Галлиен просто уведомил сенат о том,

что он теперь император в то время, как раньше правление императоров начиналось с момента, когда сенат наделял их полномочиями [1, с. 276–277]. Армия на протяжении всего периода кризиса III в. свергала императоров и ставила новых, навязывая свою волю. Аврелиан смог восстановить единство империи, разгромив Пальмирское царство и Галльскую империю. Затем он приступил к укреплению института императорской власти. Вслед за Галлиеном Аврелиан лишь уведомил сенат, что он отныне император, восстановил бюрократический аппарат и провел очень важную религиозную реформу.

Аврелиан в качестве обязательного государственного культа ввел культ Непобедимого Солнца (лат. *Sol Invictus*), а самого императора еще при жизни начали называть эпитетом *Divus*, то есть божественный [2, *DIV AUR*, 1–3]. Этот эпитет в отличие от имевших место ранее эпитетов вроде «*Numen*» и «*Augustus*» прямым образом указывал на обожествление императора. Очевидно, сам император отождествлялся либо с сыном Непобедимого Солнца, либо был его земным воплощением. Так или иначе, ему придавался божественный статус Непобедимого Солнца.

Данное божество и его культ, естественно, были введены с совершенно конкретными целями. Во-первых, выделение такого рода культа, где император уже являлся эманацией бога или же и вовсе им самим, говорит о явном и окончательном разрыве и уничтожении римской *civitas*. Если ранее источником власти являлся римский народ, что выражалось в том, что сенат даровал права на управление императорам, то сейчас источником власти императора стало уже божество. Во-вторых, Аврелиан хотел легитимировать свой статус среди армии. Выбор именно Непобедимого Солнца в качестве главного божества не был случаен, поскольку среди легионеров был распространен культ другого солярного бога — Митры. Аврелиан стремился заменить Митру Непобедимым Солнцем, оставляя не тронутым все сакральные смыслы и функции предыдущего божества. Митра явно ассоциировался в армии с богом военных побед и порядка, что, безусловно, привлекло императора. Он сам стал для армии богом, обеспечивающим и порядок, и победу. Надписи на некоторых монетах говорят о том, что Аврелиан стремился выставить свои победы над сепаратистами именно как привнесение и поддержание порядка. Вместе с тем Митра, как и традиционный римский *Sol Indiges*, являлся богом, обеспечивающим ход миропорядка. Он обеспечивал рост зерновых, смену дня и ночи постоянной победой над тьмой [3, р. 229]. Безусловно, эти сферы ответственности солярных богов хорошо подходили для того, чтобы культ императора был радикальным образом преобразован в культ Непобедимого Солнца.

Аврелиан, помимо того, что стал первым императором, который без каких-либо осложнений назвал себя богом, учредил храм в честь *Sol*

Invictus в Риме на Квиринале, в котором служили жрецы-понтифики, имевшие тот же статус, что и древнеримские жрецы того же ранга [4, с. 61, 63]. То есть, фактически, институт понтификата был переведен с почитания традиционной римской капитолийской триады на почитание бога солнца и конкретно императора.

Безусловно, это был очень важный шаг для репрезентации сущности императорской власти. Капитолийская триада и понтифики, почитавшие Минерву, Юпитера и Юнону, являлись религиозными заступниками, защитниками *civitatis* [5, p. 276]. Фактически эти божества являлись богами-заступниками римского гражданского сообщества, которое формировало свою идентичность и солидарность в том числе через почитание этого единого для всех сакрального центра. Аврелиан же заменил почитание капитолийской триады Непобедимым Солнцем, что может говорить о полном замещении фигурой императора понятия *civitas* и формирования совершенно новых политических смыслов, основанных на том, что император является отныне богом, от которого зависит жизнь и порядок империи. При этом император через ассоциацию с богом солнца создает жизнь и поддерживает ее. Это был очень важный шаг Аврелиана для того, чтобы укрепить свою власть, поскольку таким образом культ императора выступал той религиозной константой, которая могла помочь в консолидации империи.

Днем почитания культа Sol Invictus стал 25 декабря [6, с. 91]. В данный день отмечалось существенное удлинение светового дня. На 25 декабря была возложена функция официального праздника, конституирующего смыслы императора-бога как борца с тьмой, императора-дарителя жизни и установителя порядка. Аврелиан трансформировал культ императора в соответствии с актуальным социально-политическим контекстом. Он стал очевидным прямым культом восточного образца, с объявлением императора богом Непобедимым Солнцем, а источником таких представлений стал синтез римского Sol Invictus с иранским Непобедимым Солнцем.

Расширил же практики почитания императора как бога Диоклетиан. Данный император утвердил практики именования императора богом и господином («Deus», «Dominus») [7, p. 120]. Формуляры, которые писали от его имени прокураторы, отныне всегда должны были начинаться с формулы «Наш Господин и бог приказывает...» [6, с. 91]. Тем самым в символических порядках император уже был облачен не просто властью, дарованной народом через сенат и легитимированной связями с богами, а он сам являлся богом, отцом и хозяином самой империи и каждого ее жителя. Помимо этого, Диоклетиан сделал еще один важнейший шаг: он упорядочил и ввел меру в создание императорских статуй [6, с. 91]. Дело в том, что до Диоклетиана статуи из золота и серебра определенного размера и пропорций устанавливались только богам. Диоклетиан же ввел запрет на

строительство статуй своей персоне, если они не соответствовали тем же пропорциям и делались не из тех же материалов, что и статуи богам [6, с. 91]. Прежде императоры носили одежды максимально приближенные к сенаторским и магистратским, а инсигнии демонстрировали их чрезвычайный статус. Императоры за редким исключением вроде Нерона, которые, впрочем, подвергались осуждению и неприятию со стороны населения империи, старались создавать образ граждан в соответствии с римскими представлениями о гражданских доблестях [8, р. 39, 45]. То есть они не демонстрировали роскоши, выбирали соответствующую одежду, часто милитаризованную. Сейчас же Диоклетиан начал носить роскошные наряды, вышитые золотом, что, правда, даже в конце III в. вызывало недовольство, однако никто сместить его уже не смог [8, р. 167–169]. Тем самым подчеркивался особый статус императора, его близость к божественному, надмирскому, возвышение над профанным.

Таким образом, Аврелиан хотел укрепить свой статус в армии с тем, чтобы остаться у власти. Поскольку армия являлась отныне источником власти, способным по своему усмотрению менять ее и назначать, то и легитимности необходимо было добиваться прежде всего в этой среде, что и призван был сделать культ Непобедимого Солнца. Стоит отметить, что этот шаг возымел эффект. Те изменения в религиозной политике, которые ввел Аврелиан, в дальнейшем действительно укрепили его императорскую власть, а затем решительные реформы провел уже император Диоклетиан, ставший основателем новой социально-политической системы Римской империи, получившей название доминат.

Библиографические ссылки

1. Циркин Ю. Б. «Военная анархия» (из политической истории Рима (III века н. э.)) // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2013. Вып. 9. С. 271–288.
2. Taciti Cornelii. Annalium ab excessy divi Augusti. Oxford: Clarendon, 1884. Lib. I–VI. 632 p.
3. Bailey C. Phases in the Religion of Ancient Rome. Oxford: Oxford university press, 1932. 360 p.
4. Куликова Ю. В. Место культа Митры в религиозной реформе императора Аврелиана // Локус: люди, общество, смыслы. № 4. 2017. С. 52–66.
5. Ross Taylor L. The Divinity of the Roman Emperor. Philadelphia: Porcupine Press, 1975. 314 p.
6. Мостовицкова Е. А. Сакрализация власти в Римской империи и культ Солнца // Вестн. ЛГПУ им. Пушкина. 2009. Т. 3. № 3. С. 186–193.
7. Mitchell S. A. History of the Later Roman Empire, AD 284–641: The Transformation of the Ancient World. Oxford: Blackwell Publishing, 2007. 469 p.
8. Gowing A. M. Empire and Memory: The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 192 p.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В ХРОНИКАХ ЖАНА ФРУАССАРА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ИДЕАЛЫ

Н. А. Закрочинский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, nikitazakrochinskiy02@mail.ru*

Автор на основе хроник Жана Фруассара прослеживает развитие идеи крестового похода в XIV в. В данной концепции выделяется образ «короля-крестоносца» как руководителя успешного крестового похода. На примере экспедиции 1390–1391 гг. в Тунис, а также крестового похода 1396 г. автор презентует нам как на практике отсутствие ряда элементов: коллегиальность, присутствие в войске городского сословия — приводило к разгрому крестоносного войска.

Ключевые слова: крестовый поход; Жан Фруассар; позднее средневековье; король-крестоносец; Берберский крестовый поход.

THE CRUSADES IN CHRONICLES JEAN FROISSART: THEORY, PRACTICE, IDEALS

N. A. Zakrachynski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, nikitazakrochinskiy02@mail.ru*

Author traces the development of idea crusade in XIVth century based on the chronicles of Jean Froissart. The image of “king-crusader” is allotted as the leader of successful crusade in this conception. Author shows us, as in practice, the absence of a number of elements such as collegiality, the presence of urban class in the army led to the defeat of crusaders based on the examples of expedition 1390–1391 in Tunisia and the crusade of 1396.

Keywords: crusade; Jean Froissart; late middle ages; king-crusader; The Barbary Crusade.

Для Жана Фруассара фиксация интенций европейского рыцарства и монархов по осуществлению крестового похода являлось важным элементом своего повествования. Ведь с помощью таких мероприятий рыцарство Европы сумело бы проявить свои добродетели, совершить подвиги и принять участие в поединке.

Изначально в своём нарративе хронист концентрирует внимание на пропагандистских акциях королей по принятию обетов, а также череды неудачных проектов по организации общеевропейского крестового похода. Обращаясь к обетам, то можно констатировать о факте формирования некоего идеала о завещаниях королями, чтобы их органы были доставлены на Святую Землю. К примеру, Эдуард I предписал, чтоб его сердце в реликварии было доставлено в Иерусалим [1, с. 378–379]. Это не могло не повлиять

на антагониста Англии — Шотландии, о которой пишет Фруассар. Он фиксирует, что, находясь при смерти, король скотов Роберт Брюс приказывает рыцарю Джеймсу Дугласу доставить сердце короля на Святую Землю. Т. к. со слов самого короля он желал к старости своих лет осуществить военную кампанию против мусульман на Востоке, однако уже в силу болезней не может. Поэтому и сердце рассматривается как благочестивая и политическая акция Брюса [2, р. 72–73]. Преданность делу об освобождении Гроба Господня крайне восхищает хрониста, поэтому он расстраивается, когда узнаёт о смерти Дугласа и невыполнении обета. Впоследствии идея обета как морального обязательства с целью осуществления крестового похода рассматривался хронистом как стартовая точка в организации мероприятия. Принимались неоднократные попытки в их организации в первой половине XIV в. К примеру, акция 1336 г., когда французский король совместно с монархами Наварры, Арагона и Священной Римской империи принимает решение осуществить поход [2, р. 107–109], однако закончившаяся безуспешно. Но Филипп VI зашёл дальше в организации и стал строить флот для будущей экспедиции, однако начавшаяся война с Англией переориентировало королевскую политику на борьбу с Плантагенетами. Стоит отметить, что крестовый поход начинает использоваться для укрепления королевской власти и пополнения казны, ведь появлялся обоснованный случай для вотирования новых налогов [3, с. 147–148]. Мы наблюдаем, что светская власть самостоятельно без инициации духовной иницирует крестовые походы при этом, ставя уже совсем иные цели, чем папская власть.

Далее мы находим свидетельства, что крестовый поход XIV в. постепенно лишается той доли религиозного рвения необходимого для осуществления экспедиций на Ближний Восток. После заключения мира в Бретиньи в 1360 г. на территории Франции резко возрос бандитизм в лице вольных рот. Поэтому папа Иннокентий VI начнёт проповедь похода против данных группировок [4, р. 89]. При этом, когда будет сказано, что будет выдача индульгенций за участие в походе. От Фруассара мы не увидим никакой критики по этому поводу, что говорит о его светскости как историка, и о прагматизме, который требовался для установления стабильности в королевстве. Далее мы сталкиваемся с попыткой организации коллективного крестового похода. Связано это с личностью короля Кипра Петра Лузиньяна, который прибывает в Авиньон в 1362 г. и агитирует монархов Европы на вторжение в очередной раз в исламские государства. Конечно, король острова не исходил исключительно из религиозных побуждений в большей степени его целью было экономическое ослабление Александрии как торгового конкурента, что и привело к походу 1365 г. Лузиньяном [5, с. 234]. Это свидетельствует о ещё более прагматическом характере новых крестовых походов.

Одновременно с введением в нарратив этого персонажа мы можем наблюдать как Фруассар выстраивает концепцию «короля-крестоносца». Фундаментом которого является личность Готфрида Бульонского. После смерти Лузиньяна канцлер королевства Кипра, выставив памятник умершему монарху, упомянул первого монарха Иерусалимского королевства. Стоит отметить, что хронист был крайне опечален его смертью отмечая, что дела Петра были: «...заняты исключительно отвоеванием Святой земли и изгнанием оттуда неверных» [6, р. 330]. Уже можем констатировать, что одной из черт «короля-крестоносца» является постоянная война с исламским миром, где конечной целью является установление христианского правления в Палестине. Современником Фруассара, который больше соответствовал данным принципам и являлся Лузиньян. По прибытию в Европу он начинает путешествие к дворам монархов, начиная от Франции и заканчивая Чехией [4, р. 106–107]. Стоит акцентировать наше внимание на том, что мы имеем дело с коллегией монархов. Учитывая светскость Фруассара, то это могло быть одним из способов критики церковных иерархов, структура которой находилась в кризисе. Отметим, что в данном фрагменте хроники идея всеобщего похода может ставиться как способ перемирия между воюющими сторонами. К примеру, Лузиньян, желая, как можно больше собрать людей, а также ликвидировать опасность срыва похода, поехал в Наварру, чтобы договориться с Карлом II Злым о временном прекращении войны с Францией за взятие престола [4, р. 110–111]. Одновременно мы видим как крестовый поход властями королевств трактуется как способ решения личных проблем. В той же Англии, несмотря на апелляции Эдуарда III исключительно к христианскому благочестию, скрывался также способ и дополнительного заработка для рыцарства.

Возвращаясь к Готфриду Бульонскому, то следует отметить, что его культ как идеала «короля-крестоносца», упрочился за несколько веков. Показательно, что когда Филипп VI будет планировать крестовый поход, то ему будут предлагать путь армии аналогичный тому, который использовал герцог Лотарингии. Но что ещё более сближало Готфрида и самого хрониста, то его рыцарские качества. Уже к началу XIV в. авторы назидательных трактатов по воспитанию и обучению рыцарского сословия составили пантеон достойных мужей, которые являлись идеалом рыцарства. В 1312 г. поэт из Лотарингии Жак де Лонгийон в своём труде «Обеты павлина» впервые описывает три триады идеальных рыцарей: язычников, иудеев и христиан. В последней тройке и оказался Готфрид Бульонский. Учитывая, что в списке имелись король Артур и Карл Великий, то присутствие Готфрида должно было примирить противоречия двух народов. Его личность появляется и ввиду актуальности возрождения крестоносного

движения на Восток [7, р. 244–246]. Можно говорить, что данный образ заключался в задаче консолидации западного христианского мира с целью борьбы с исламским Востоком.

Однако подходя к последнему десятилетию XIV в., которое будет встречено хронистом чередой катастроф для западноевропейского общества, мы наблюдаем как на практике работает уже крестовый поход позднего средневековья. Следует начать с франко-генуэзской экспедиции против берберских пиратов 1390–1391 гг. Генуя ставила целью уничтожить оплот морского бандитизма, который препятствовал их торговому могуществу в западном Средиземноморье [8, р. 480–481]. Карл VI согласился на участие в походе беспокоясь о южном побережье Франции, которое также страдало от берберских пиратов. Мы не увидим единого руководителя в лице короля в данном походе, но среди французов командиром был назначен Людовик II де Бурбон, однако общее руководство было в руках у Генуи, что и негативно скажется, как и на процесс похода, так и на его итоги для рыцарей. Впоследствии хронист нетривиально будет выражать своё недовольство в нарративе французам из-за совместного участия в походе с генуэзцами. Когда будет находиться в осаде крепость на острове Махди, то мусульмане отправят посольство к Людовику с целью выяснения причины прибытия войска. Французы дали ответ, что они мстят за то, что предки арабов несколько столетий назад участвовали в распятии Иисуса Христа. В ответ на это сарацины только высмеивали французов у себя в лагере, ведь виновником смерти сына Божьего являлись евреи [9, р. 203–205]. В данном фрагменте рыцари показывают себя полностью безграмотными людьми в области церковной истории. Фруассар не комментирует этот случай, однако презентация французов как недостойных христиан говорит нам, что успех крестового похода во многом предопределяется религиозной образованностью участников. Далее мы встретимся с сюжетами как лагерь крестоносцев был подвержен нападениями сарацинов, однако они были спасены появившейся группой женщин в белой одежде и несущемся крестом святого Георгия. Данная история говорит нам о всё более усиливающейся к концу жизни автора религиозности ввиду чего в нарративе у хрониста наблюдается божественное вмешательство. Постепенно этот приём к концу написания работы будет становиться его клише [10, р. 232], однако он и презентует, что в благочестивом деле Бог с тобой. Иной силой спасения является собака генуэзцев, которая подняла французскую стражу, чтобы отбить атаку. Впоследствии лучники торговой республики называли её собакой Богоматери [9, р. 243]. Этот пассаж можем рассмотреть как показ того, что генуэзцы были более предусмотрительны, чем французы. Описывая уход войск, то хронист не стремится углубиться в

причины поражения похода. Вскользь Фруассар упоминает версию о возможном предательстве Генуи, которую высказывали рыцари, однако республика всячески отрекалась от таких обвинений [9, р. 243]. По существу, генуэзцы договорилось о мире на 10 лет с халифом Ахмадом со значительной выплатой золота, однако рыцари считали своей целью именно завоевание территории, а не получение металла [8, р. 482–483]. В хронике автор будет выражать своё недовольство представителям купеческого сословия, потенциально, через сухую информацию. Генуэзцы, которые образно изображаются как торговцы, могут выполнять роль символа этого сословия. Рассматриваются они крайне цинично исходя из самосознания каноника. Ведь они полезны только с точки зрения богатства, которого пользуются им, чтобы удовлетворить желания и лишать исполнения потребностей рыцарского сословия [10, р. 261].

Следующим способом изучения как концепция крестового похода работает на практике, является поход 1396 г., который привёл к битве под Никоподем. Подготовка к походу венгерским королём носила уже гораздо более организованный характер, т. к. предполагала рассылку писем монархам и крупным аристократам с целью сбора войск. Однако в нарративе мы видим приверженность Фруассара к профранцузской партии несмотря на всеевропейский характер этого похода. Генеральной целью являлось продвижение к Палестине с конечным итогом захвата Иерусалима у мусульман и передачи его Богу [11, р. 230]. Переходя к самому важному в лице поражения этого похода, то это поведение французской аристократии перед наступлением турок. Рыцари не соглашались подчиняться королю Сигизмунду, а решились проявить свои качества и презентовать свои добродетели из-за чего вступили в бой без венгров, которые ещё не успели прибыть к силам французов и последние были наголову разгромлены. Примечательная фабула в описании французского войска, что они походили на маленьких королей из-за своего роскошного одеяния [11, р. 297]. Не исключено, что таким литературным способом происходило со стороны хрониста посягательство на королевскую власть у Сигизмунда, который сосредоточил всё управление крестовым походом в своих руках. Теперь уже провал связывался со своеобразием и отказа от целесообразного уклонения от генерального сражения с турецким войском.

Переходя к выводам, то выделим несколько основополагающих компонентов крестоносного движения в выделенный период. В первую очередь, точкой отсчёта для начала крестового похода являлось принятие обета, которое рассматривалось как моральное обязательство монарха по исполнению долга его предков. При этом мы не видим, чтоб несоблюдение обета отрицательно влияло на положение монархов среди духовенства

или рыцарского сословия. Во-вторых, можем заключить, что крестовый поход становится всё чаще инструментом решений частных проблем государств. В-третьих, хронист выделяет концепцию идеального «короля-крестоносца», носители качества которого сумеют организовать успешный крестовый поход. Подосновой для него является Готфрид Бульонский, а современником, который сумел приблизиться к идеалу, король Кипра Пётр Лузиньян. Основными чертами успешного крестового похода XIV в. можно выделить следующее: коллегиальность монархов Европы, т. к. духовная власть отходит на второй план ввиду своей политической слабости из-за кризиса церкви; строгое подчинение участников похода организатору-королю; религиозные цели должны быть первоочередными, чем экономические при проведении этого мероприятия. Сам крестовый поход для Фруассара понимается как закономерное продолжение попыток установления христианского правления в Палестине. А также это попытка консолидации европейских королевств в борьбе с внешним врагом, где рыцарское сословие сумеет презентовать свои добродетели.

Библиографические ссылки

1. *Бойцов М. А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. Москва: РОССПЭН, 2009.
2. *Froissart's S. J.* Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. London : Longman, Hurst, Rees, and Orme, Paternoster-Row; Fleet-Street, 1805. Vol. I.
3. *Луцицкая С. И.* Крестовые походы. Идея и реальность. Санкт-Петербург : Наука, 2019.
4. *Froissart's S. J.* Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. 1805. Vol. III.
5. *Близнюк С. В.* Король Кипра Пьер I Лузиньян: от героя до тирана и обратно. Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки, 2022. Т. 24, № 3. С. 230–242.
6. *Froissart's S. J.* Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. 1808. Vol. VII.
7. *John S. Godfrey of Bouillon.* Duke of Lower Lotharingia, Ruler of Latin Jerusalem, c. 1060–1100. London: Routledge, 2018.
8. *Hazard H. W.* Moslem North Africa, 1049–1394. A History of the Crusades, Volume III: The Fourteenth and Fifteenth Centuries. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1975. P. 457–485.
9. *Froissart's S. J.* Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. 1806. Vol. X.
10. *Ainsworth P.* Jean Froissart and the fabric of history: truth, myth and fiction in the Chroniques. Oxford : Clarendon press, 1990.
11. *Froissart's S. J.* Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. 1808. Vol. XI.

РИМСКИЕ ПЛЕННИКИ ВАРВАРОВ

А. В. Козленко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, strator40@gmail.com*

Римская история вовсе не являлась непрерывной чередой военных побед. Нередко римлянам приходилось терпеть поражения от их врагов. Вторжения варварских племен прорывали границы, многие тысячи людей при этом погибали или угонялись варварами в плен. Судьба плененных варварами римлян, возможность их возвращения домой и повторной интеграции в общество является предметом данной статьи.

Ключевые слова: Римская империя; война; варвары; плен; беженцы.

ROMANS AS BARBARIAN PRISONERS

A. V. Kozlenko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, strator40@gmail.com*

Roman history was not at all a continuous series of military victories. Romans often had to suffer defeats from their enemies. The invasions of barbarian tribes broke through the borders, many thousands of people died or were taken captive by the barbarians. The fate of the Romans captured by the barbarians, their return home and re-integration into society is the subject of this article.

Keywords: Roman Empire; war; barbarians; captivity; refugees.

В ходе Маркоманнских войн на Дунае в середине II в. римская граница оказалась прорвана и варварские орды достигли Опитергия в северной Италии. Многие города и села были разрушены, имущество их жителей разграблено, а люди уведены варварами в качестве пленников. Когда в 175 г. военные действия на время прекратились, согласно условиям мирного соглашения квадам пришлось выдать 50 000 захваченных ими римских пленных, а сарматам-языгами — даже 100 000 пленных, «...которые все еще оставались у них в руках после того, как многие были проданы, умерли или бежали» (Dio Cass., LXXII, 16). Надпись, найденная в Африке, рассказывает о судьбе некоего римлянина, родившегося в «землях костобок», т. е. в днестро-карпатском регионе к северу от Дуная (CIL VIII 14667). Наиболее вероятно, этот человек был сыном кого-то из римских пленных, угнанных костобоками в ходе их вторжения на территорию Балканских провинций в 170–171 гг. Судя по месту находки надписи, после долгих мытарств пленным в конечном итоге удалось вернуться домой [1, с. 300].

Варварские вторжения середины III в. также сопровождались пленением и уводом за Дунай огромных масс населения. Особенный ущерб наносили

империи готы, долго беспрепятственно опустошавшие Балканские провинции и Малую Азию. Когда после разгрома римской армии при Абритте и гибели императора Деция летом 251 г. его преемник Требониан Галл заключил мир с варварским предводителем Книвой, он разрешил последнему увести с собой всю взятую ранее добычу и самых знатных пленных, захваченных в Филиппополе (Zos. I, 24, 1). То же самое происходило в Галлии и Реции, опустошаемых нападениями зарейнских германцев. Об одном из таких эпизодов рассказывает текст надписи, найденной в 1992 г. в Аугсбурге. Надпись воздает хвалу ретийскому наместнику Марку Симплицию Гениалису, который в конце апреля 261 г. одержал со своими войсками победу над вторгнувшимися на территорию провинции ютунгами и освободил «многие тысячи италийских пленников» (AE 1993, 1231 = AE 2005, 1058).

Особую склонность к массовому выводу римских пленных имели Сасаниды. Между 256 и 260 гг. царь Шапур I захватил Антиохию, Апамею, Берою, Зевгму, всего более 70 городов, жителей которых он угнал в Персию. В большинстве своем это были опытные ремесленники, вывод которых сильно ударил по хозяйству региона. Тысячи римских пленных вывел из захваченной им в 359 г. Амиды царь Шапур II. В следующем году той же участи подверглись жители Сингары (Amm Marc., XIX, 9, 1; XX, 6, 7). В 540 г. царь Хосров I угнал с собой население захваченных им Антиохии, Берои, Суры, Каллиника, Батн и других городов. Пленники были поселены в городе, специально построенном недалеко от персидской столицы Ктесифона. Он назывался Антиохия Хосрова и был спроектирован по образцу сирийской метрополии, с общественными зданиями и регулярным расположением улиц. Местные жители называли его «Румаган», т. е. «Римский город» [3, с. 229].

Набеги на римскую территорию, захват здесь военной добычи и пленных являлись целенаправленной политической и экономической стратегией для сопредельных с империей варварских обществ. Военные успехи и удача в такого рода предприятиях приносили их организаторам почет и уважение сограждан. Добыча с набега позволяла вождям задавать обильные пиры, щедро раздавать подарки, вести роскошный образ жизни. Приведенные с собой пленные являлись важной частью этой культуры. Их держали при себе ради престижа, дарили, меняли, продавали работоторговцам, или удерживали ради будущего выкупа [4, с. 192]. Особенно дорого стоили знатные пленники. Так, жена некоего Силла, захваченная гуннами в Ратиарии в 449 г., была выкуплена за 500 солидов, что в 25 раз превышало среднюю цену раба. Магистр Ираклий, попавший в плен к Теодориху Остготскому, после нескольких лет отсидки был в 474 г. выкуплен своими родственниками за огромную сумму в 100 талантов. Такие суммы были

доступны лишь очень немногим богачам, подавляющему большинству пленников приходилось годами ждать, пока их родственникам удавалось собрать средства на выкуп [1, с. 300].

Нередко римские пленники становились для варваров источником ценных знаний или технологий. От захваченных пленных готы в 256 г. научились строить морские корабли, на которых затем принялись опустошать Эгейское морское побережье Греции и Малой Азии. Точно так же авары в 587 г. научились строить осадные машины у некоего Бузаса, которого они захватили в плен под Аппиарией. Приск Панийский, посетивший в 448 г. ставку грозного правителя гуннов Атиллы, рассказывал, что видел там каменную баню, которую выстроил захваченный в плен римский архитектор. Вместо ожидаемой им в награду за труды свободы, его хозяин сделал его банщиком в этой самой бане. Пленные исполняли при варварских вождях обязанности переводчиков и секретарей. Весьма дорого ценились их целительские способности. Святой Августин в одном из своих писем рассказывал о племяннице своего друга Севера, епископа Милева в Нумидии, которая была захвачена в плен маврами. Будучи приведена к ним домой, пленница смогла исцелить их от болезни своими молитвами и таким образом вновь обрела свободу [4, с. 196].

Захваченные варварами римские пленные способствовали распространению христианства за пределами империи. Наиболее известным случаем является креститель готов Вульфила, родители которого происходили из Каппадокии и были уведены готами в плен во время одного из грабительских походов. В юношеском возрасте Вульфила был чтецом в одной из церквей, а около 341 г. отправился в составе готского посольства к императору Констанцию. В Константинополе он был избран епископом готов и рукоположен Евсевием Никомедийским. Римлянин Фруменций из Тира, исполнявший обязанности писца эфиопского царя Эзаны, способствовал переходу в христианство царской династии Аксума. Он был рукоположен в качестве эфиопского епископа Афанасием Великим и широко распространил по стране новую религию. Наконец, грузинский царь Мириан III принял христианство после того, как его тяжело заболевший сын был исцелен пленником христианином. Похожую историю рассказывает св. Августин о племяннице своего друга Севера, епископа Милева в Нумидии, которая своей молитвой исцелила от болезни захвативших ее варваров, обратила их в свою веру и обрела свободу [5, с. 492].

Забота о судьбе римских пленных и их возвращении на родину входила в обязанности римских военачальников и наместников провинций. Благодаря рассказу Зосима известно о том, как проходили такие переговоры между цезарем Юлианом и алеманнским вождем Вадомарием осенью 357 г.:

«Цезарь заявил, что вопрос о мире не будет обсуждаться, пока варвары не вернут всех пленных из ранее захваченных городов. Когда враги согласились выдать всех пленных, оставшихся в живых, цезарь разработал план, чтобы удостовериться, что никто из пленных не продолжает тайно удерживаться. Юлиан попросил беженцев из всех городов и поселений прибыть к нему и назвать имена всех римлян, взятых в плен. Когда они перечислили всех, кого знали, — родных, соседей, друзей и прочих — цезарь, не давая послам ничего узнать, повелел секретарям составить список. Затем Юлиан пересек Рейн и приказал доставить пленных. Варвары поспешили повиноваться и заявили, что доставили всех имеющихся пленников. Цезарь, сидя на возвышении, за которым находились секретари, приказал варварам предъявить пленных согласно договору. Освобождаемые подходили по одному и называли свои имена, а секретари отмечали их в своих списках. При сравнении их имен с имеющимися записями обнаружилось, что соотечественниками было заявлено гораздо большее количество. Секретари сообщили это цезарю, который пригрозил послам варваров войной за то, что они не выдали всех пленных, и при подсказке секретарей он назвал по несколько имен из каждого города и поселения. Таким образом, варвары подумали, что правда открылась цезарю божественным провидением, и они поклялись своими предками доставить всех живых пленников» (Zos., III, 4, 4).

Таким образом из плена удалось освободить более 3000 захваченных варварами пленных. Юлиан в своих письмах сообщает гораздо более высокую цифру 20 000 пленных.

Помимо официальных властей весьма активную роль в этом деле играла христианская церковь. Св. Киприан Карфагенский в начале III в. признал выкуп римских пленных у варваров актом милосердия. Юлиан Померий вменял выкуп пленных в обязанности священника, наряду с заботой о нищих и пропитании голодных. Св. Амвросий Медиоланский в 379 г. приказал переплавить священные сосуды из своей церкви, чтобы выкупить римлян, попавших в плен после недавнего вторжения готов во Фракию и Иллирию. Текст «Жития св. Северина» свидетельствует о том, как часто между 453 и 482 гг. святой привлекался в качестве посредника на переговорах об освобождении захваченных ругами римских жителей Норика [1, с. 325]. Епископ Сергиополя Кандид в 540 г. предложил персам 2 кентинария золота в качестве выкупа за взятых в плен жителей соседней Суры. Поскольку необходимой суммы у священника на тот момент не было, он пообещал царю Хосрову выплатить ее в течение года, дав в этом расписку и поклявшись самыми страшными клятвами [3, с. 233].

В правовом плане римский гражданин, попавший в плен к врагам, утрачивал гражданские права, включая право собственности и право заключать сделки (*capitis deminutio*). Чтобы его родственники могли вступить

в права наследования имущества, пленник подвергался фикции гражданской смерти и объявлялся как бы умершим. Если пленнику все же удавалось обрести прежнюю свободу, и он возвращался к себе на родину, в его отношении начинал действовать принцип постлиминия (*postliminium*), т. е. восстановления прежних прав, в т. ч. родственных и имущественных, как если бы он никогда не был этих прав лишен. Если пленный выкупался друзьями, наступление постлиминия ограничивалось до тех пор, пока он не возмещал им выкупных денег. Если у него не было такой возможности, он должен был служить своему искупителю на протяжении 5 лет (CTh., V, 7, 2 = Dig., I, 4, 11). Той же процедуре подвергалось захваченное и впоследствии оставленное врагом имущество, движимое и недвижимое, например корабли, кони, сельскохозяйственный скот или рабы (Cic. Top., 8, 36).

Право постлиминия начинало действовать лишь с прекращением войны и заключением мирного договора. Чтобы вступить в свои права пленному нужно было оказаться на римской территории и выразить желание здесь остаться. Флорентин в 6-й книге «Институций» сообщает: «Нет разницы, каким образом пленный вернулся — был ли он отпущен, или избежал власти врагов с помощью силы, либо хитрости, — но лишь тогда, если он пришел с тем намерением, чтобы туда не возвращаться: ведь недостаточно, чтобы некто вернулся домой телесно, если духом он чужой. Но и те, кого освобождают после победы над врагами, считаются вернувшимися по праву постлиминия» (Dig. 49, 15, 26). Права постлиминия лишались солдаты, которые сдались врагу с оружием в руках, добровольные перебежчики, беглые рабы, а также те, кто был отпущен врагами на время, поклявшись, что снова вернется обратно. Постлиминий не признавался также за теми, кто слишком долго пробыл у врагов, кто, имея возможность вернуться домой, все же предпочел оставаться на чужбине сверх необходимого времени (Dig. 29, 15, 5).

Тем не менее, постоянно находились те, кто предпочел остаться в землях варваров после освобождения. Приск Панийский рассказывал, как во время визита в ставку Атилы его приветствовал одетый в дорогой гуннский кафтан человек, обратившийся к нему на греческом языке: «Отвествуя на его приветствие, я спрашивал его, кто он таков, откуда пришел в варварскую страну и почему он предпочел скифский образ жизни прежнему... Засмеявшись, он сказал мне, что он грек родом; что по торговым делам приехал в город Виминакий, лежащий при Истре; что он жил очень долго в этом городе, и женился там на богатейшей женщине; но лишился своего счастья, когда город был завоеван варварами; что при разделе добычи, он был отдан Онигисию... Впоследствии, продолжал он, я отличился в сражениях против римлян и против народа акациров, отдал своему варварскому господину, по закону скифскому, все добытое мною на

войне, получил свободу, женился на варварке, и прижил детей. Онигисий делает меня участником своего стола, и я предпочитаю настоящую жизнь свою прежней: ибо иноземцы, находящееся у скифов, после войны ведут жизнь спокойную и беззаботную; каждый пользуется тем, что у него есть, ничем не тревожимый» (Prisc fr. 8, 53–55).

Для большинства же захваченных в плен их судьба представлялась источником непрерывного страдания. Многие болели и умирали еще в пути, некоторые предпочитали покончить с собой. Возможно, самый яркий пример страданий можно найти в сочинении св. Иеронима Стридонского «Жизнь пленного монаха Малха». Герой его рассказа Малх был аскетом из Палестины, попавшим в плен к сарацинам по пути из Берои в Эдессу: «Здесь будто заключенный в темнице, я научился ходить в другой одежде, т. е. нагим, потому что неумеренность климата не позволяла прикрывать ничего, кроме постыдного. Мне дали пасти овец, и сравнительно с перенесенными несчастьями, я находил утешение в том, что реже вижу своих господ и находившихся в одном со мною рабстве... Питался я свежим сыром и молоком; непрестанно молился, пел псалмы, которые выучил в монастыре» [4, с. 195].

Несмотря на принятие своей судьбы и покорность, подкрепленную желанием следовать предписанию апостола Павла о необходимости покорности рабов своим хозяевам, Малх впал в глубокую депрессию и чуть не покончил с собой, прежде чем решил тайно бежать. Он зарезал двух козлов из стада, засолил их мясо, а из шкуры сделал мех для воды. Едва избежав поимки хозяином, на десятый день пути он добрался до римского лагеря на краю пустыни. Трибун выслушал его рассказ и переправил к Сабиану, наместнику Месопотамии, который помог беглецу вернуться домой. Как и многие беглые рабы, рассказывая о своем бегстве, Малх признавался записывавшему его рассказ автору: «Я дрожу, даже когда вспоминаю об этом, бедное создание, и хотя я знаю, что я в безопасности, мое тело все еще дрожит» [4, с. 195].

Библиографические ссылки

1. Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н. э. Москва, 2000. 396 с.
2. Томпсон Э. А. Римляне и варвары. Падение Западной империи. Спб., Ювента, 2003. 234 с.
3. Kolendo J. Les Romains prisonniers de guerre des Barbares au I et au II siecles // Quaderni camerti di studi romanistici. International survey of Roman law 1987. P. 227–234.
4. Lenski N. Captivity and Romano Barbarian Interchange // Romans, Barbarians, and the Transformation of the Roman World. Ed. R. Mathisen and D. Shanzer. Farnham, 2011. P. 185–198.
5. Lieu S.N.C. Captives Refugees and Exiles A Study of Cross-Frontier Civilian movement and contacts between Rome and Persia from Valens to Jovian // The Defense of the Roman and Byzantine East. Ed. P. Freeman and D. Kennedy. Oxford, 1986. p. 475–505.

КОНСУЛЬСТВО ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ЛЬВОВЕ И УКРАИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ (1902–1914)

Д. А. Коновалов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, d.k.official.mail.box@gmail.com*

В статье исследуется взаимодействие официального представительства Германской империи во Львове с украинским национальным движением Австро-Венгерской империи. Автор, на основе архивных документов, показаны сферы общественно-политической жизни Галиции, в которых пересекались интересы официального Берлина и австрийских украинцев.

Ключевые слова: международные отношения; история дипломатии; украинское национальное движение; Галиция; Германская империя.

THE CONSULATE OF THE GERMAN EMPIRE IN LVIV AND THE UKRAINIAN NATIONAL MOVEMENT (1902–1914)

D. A. Konovalov

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, d.k.official.mail.box@gmail.com*

The article investigates the interaction of the official representation of the German Empire in Lviv with the Ukrainian national movement of the Austro-Hungarian Empire. The author, based on archival documents, shows the main spheres of social and political life in Galicia, in which the interests of official Berlin and Austrian Ukrainians intersected.

Keywords: international relations; diplomatic history; Ukrainian national movement; Galicia; German Empire.

Дипломатические миссии играют одну из ключевых ролей в организации международных отношений, представляя интересы одной страны на территории другой. В начале XX в. дипломатические связи между Германской и Австро-Венгерской империями были особенно важны, учитывая политическую и военную напряженность в Европе. Консульство Германской империи в Королевстве Галиции и Ладомерии¹ в начале XX в. служило важным звеном в поддержании союзнических отношений между двумя империями, которые стремились укрепить свои позиции на международной арене.

В данной статье особое внимание уделяется анализу взаимодействия консульства Германской империи с украинским национальным движением

¹ Королевство Галиции и Ладомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцима и Затора (нем. *Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Großherzogtum Krakau und den Herzogtümern Auschwitz und Zator*) — коронная земля в составе Австро-Венгерской империи.

в Галиции. Исследование также включает рассмотрение исторического контекста, в котором функционировало консульство, и его влияния на развитие международных отношений в преддверии Первой мировой войны.

Дипломатическое представительство Германии в Королевстве Галиции и Ладомерии было открыто не позднее 1886 г. (наиболее ранние документы, отправленные из этого консульства в Берлин, датируются январём 1886 г.). Кроме основной задачи — представления своего государства за рубежом — консульство имело и дополнительную: сбор информации о польском национальном движении, центром которого являлась Галиция.

Повышенный интерес к полякам был связан с усилившейся в конце XIX в. в Германской империи политикой германизации земель бывшей Речи Посполитой. Германское правительство стремились ассимилировать польское население, навязывая немецкий язык и культуру, что вызывало сопротивление среди поляков, которые хотели сохранить свою национальную идентичность. Также в Германии проводилась политика, направленная на ограничение экономических возможностей поляков. Эти меры вызывали значительное недовольство среди польского населения и способствовали росту антигерманских настроений, что привело к усилению польского национального движения [1, с. 52–57].

Русины (украинцы, проживавшие в Австро-Венгрии), как отдельное сообщество, на рубеже XIX–XX вв. не представляли особого интереса для правительства Германской империи. Одно из первых упоминаний русинов (именно под таким названием украинцы Галиции фигурируют в большинстве германских документов до 1914 г.) в сообщениях германского консула в МИД произошло в конце мая 1902 г. в связи с очередным конфликтом польских и украинских студентов в университетах Галиции [2, л. 20–21]. К письму консул приложил справку о русинах и их борьбе с поляками за университет [2, л. 32–40] и брошюру одного из политических лидеров галицких украинцев Ю. Романчука под названием «Русины и их противники в Галиции» (*«Die Ruthenen und ihre Gegner in Galizien»*) [2, л. 46–86]. Однако заинтересованности данная информация у официальных кругов Германии в тот момент не вызвала.

Польско-украинские отношения в Галиции были сложными и отражали как культурные, так и политические противоречия. Галиция находилась под властью Габсбургов с 1772 г., когда произошёл первый раздел Речи Посполитой. В XIX в. здесь проживали как поляки, так и русины, что создавало основу для межэтнических взаимодействий и конфликтов. Немногочисленная польская шляхта владела значительными земельными участками, в то время как украинское крестьянство, из которого состояла большая часть населения Галиции, участвовало в экономической жизни

региона в основном в качестве наёмной рабочей силы и не имело возможности улучшить своё материальное положение. Это создавало социальное напряжение, особенно в условиях роста украинского национального самосознания. Во второй половине XIX в. украинское национальное движение начало активно развиваться, что вызывало беспокойство среди польских землевладельцев и политиков. Польские консерваторы стремились сохранить культурное, политическое и экономическое влияние в регионе. Это приводило к конфликтам с украинскими деятелями. Обе стороны пытались укрепить свои позиции через культурные и образовательные проекты. Польские и украинские организации создавали школы, библиотеки и культурные общества, что способствовало росту национального самосознания и усиливало межэтническую конкуренцию. К концу XIX в. польско-украинские отношения в Галиции оставались напряжёнными. Несмотря на попытки сотрудничества, социальные и политические противоречия продолжали углубляться [3, с. 114–116].

Вновь украинцы появляются на страницах германской дипломатической переписки в 1906 г. в связи с предстоящей реформой избирательного права в Австро-Венгерской империи. Теперь они представляются как одни из участников политической жизни Дунайской империи. В конце одного из писем консул приходит к выводу, что увеличение количества украинских депутатов в нижней палате Имперского совета ослабит влияние поляков на внутреннюю политику государства [4, л. 129–131].

В начале 1907 г. внимание германских дипломатов в Австро-Венгрии привлёк судебный процесс над студентами-украинцами Львовского университета, учинившими погром в учебном заведении из-за отказа предоставить им возможность обучения на украинском языке. Очевидная предвзятость руководства университета и администрации Галиции по отношению к данному делу заинтересовала германцев:

*«Как бы то ни было, но это дело, поднимающее огромный шум в прессе, неизбежно способствует неизмеримому углублению раскола между поляками и русинами и подчеркиванию в глазах широкой общественности национальной нетерпимости первых к столь же сильному племени. Поэтому этот инцидент может быть крайне неудобным для поляков, так как по логике вещей он должен заставить их быть более сдержанными в своих жалобах на собственное угнетение со стороны других»*² [5, л. 70–72].

Так писал посол Германской империи в Австро-Венгрии К. фон Ведель канцлеру Б. фон Бюлову.

Таким образом, проблемы польско-украинских отношений в Галиции оказались полезны как для правительства Германской империи, искавшего

²Здесь и далее перевод автора.

весомые аргументы для информационного противостояния с польским национальным движением, так и для украинцев, стремившихся привлечь к себе внимание европейской общественности. Теперь в ответ на публичные обвинения в адрес правительства Германской империи в угнетении поляков, в немецкоязычной прессе появлялись материалы, освещавшие притеснения поляками украинцев в Галиции. Зачастую германские газеты просто перепечатывали уже опубликованный материал из украинских газет, издаваемых в Галиции («Украинский обзор» — *«Ukrainische Rundschau»*, «Дело» — «Діло» и др.). Однако встречаются и тексты, авторами которых являлись известные европейские деятели того времени. Например, в 1907 г. статью «Поляки как угнетатели» [6] написал норвежский писатель и лауреат Нобелевской премии Б. Бьёрнсон.

Первичным подбором материала, подходящего для публикации в периодических изданиях Германской империи, занимался непосредственно консул во Львове. Собранные данные, а также записка с комментариями к ним пересылались послу Германской империи в Вену, а оттуда в Берлин.

Ещё одной темой, в связи с которой украинцы попадали на страницы германской дипломатической переписки, являлась деятельность москвофилов, имевших пророссийские культурные и общественно-политические взгляды. Галиция в начале XX в. была буквально наводнена шпионами, в основном из Российской империи. Граница между агентами Охранного отделения и москвофилами была весьма размытой, поэтому любой, кто был замечен в связях с ними, автоматически попадал в ряды потенциальных российских шпионов. Возникла своеобразная шпиономания, когда все подозревали всех. В октябре 1908 г. консул Российской империи в Королевстве Галиции и Ладомерии К. П. Пустошкин был обвинён правительством Австро-Венгрии в сборе сведений о военных укреплениях Львова и объявлен персоной нон грата в этой стране [7, с. 227–233].

В 1909 г. воспользоваться всеобщей озабоченностью иностранными агентами попытались поляки, опубликовав в своей газете «Республика» (*«Rzeczpospolita»*) статью под заголовком «Прусский шпионаж и организация провокаций на польских землях», содержащую признания якобы бывшего агента германской полиции Б. Раковского. Кроме обвинений в организации антипольских провокаций в Познани сообщалось о систематической поддержке германскими государственными структурами украинских политических партий в Галиции, существовании «специального комитета при правительстве по русинским делам» и организации консулом во Львове германо-украинской шпионской сети. Однако скомпрометировать германского консула не удалось. Проведя собственное расследование, дипломат выяснил, что Б. Раковский являлся польским журналистом из Познани, никогда не сотрудничавшим с германской полицией [8, л. 94–100].

Тем не менее, несмотря на большое количество публикаций об украинском национальном движении на немецком языке, к началу Первой мировой войны знания официальных лиц Германской империи по этому вопросу выглядели следующим образом:

«Перед мировой войной знали эти Немцы наш украинский народ из того, что он заходил к ним на работы полевые и там работал хорошо, — ибо они были им довольны и год от года обновляли сезонные контракты. Они читали в своей прессе сообщения с совещаний в галицком сейме и австрийском парламенте, и отсюда знали, что мы сетуем на австрийское правительство и ведем продолжительную борьбу с Поляками, чтобы освободиться от польского главенства, однако уже этого последнего они не могли хорошо понять: как могут поляки над нами властвовать, когда мы живём в государстве австрийском, а не польском. Поэтому в конференциях со мной желали они понять душу Украинца, познать его мировоззрение политическое: на восток или на запад; настроение нации против Австрии; отношение нашего народа на большой Украине к царской России, — да наши пожелания и надежды в мировой войне» [9, с. 29].

Таким образом, до начала Первой мировой войны украинское национальное движение в Галиции интересовало государственные органы Германской империи только в рамках польско-украинских отношений, а также в связи с российским шпионажем против Австро-Венгерской империи и деятельностью москвофилов. Основным источником информации по данным вопросам являлось германское консульство в Галиции.

Библиографические ссылки

1. Польша в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 952 с.
2. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (PAAA). RZ 201/8959.
3. Пичета В. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. 136 с.
4. PAAA. RZ 201/8962.
5. PAAA. PZ 201/8964.
6. Björnson B. Die Polen als Unterdrücker // Ukrainische Rundschau. 1907. № 4. S. 89–96.
7. Bachmann K. „Ein Herd der Feindschaft gegen Rußland“. Galizien als Krisenherd in den Beziehungen der Donaumonarchie mit Rußland (1907–1914). Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 2001. 292 s.
8. PAAA. RZ 201/8968.
9. Левицький К. А. Історія визвольних змагань галицьких українців: з часу Світової війни 1914–1918. Львів: Друкарня ОО. Василян у Жовкві, 1928. 499 с.

ПЯТЬ ПРИНЦИПОВ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ СИ ЦЗИНЬПИНА «СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

М. В. Королик

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, korolikm@mail.ru*

В статье рассматривается степень влияния пяти принципов мирного сосуществования на современные внешнеполитические концепции выдвинутые лидером КНР Си Цзиньпином. В своем выступлении, приуроченном к семидесятилетию провозглашения пяти принципов, Си Цзиньпин вновь актуализировал положения соглашений достигнутых в 1954 г. и предложил их трансформацию в новой концепции сообщества единой судьбы человечества, в стремлении найти ответ на современные вызовы, стоящие перед мировым сообществом. В связи с этим необходимо дать оценку, какое место занимают пять принципов мирного сосуществования в формировании концепции сообщества единой судьбы человечества.

Ключевые слова: КНР; сообщество единой судьбы человечества; международные отношения; Си Цзиньпин.

FIVE PRINCIPLES OF PEACEFUL COEXISTENCE AND ITS EFFECT ON FORMATION OF CONCEPT “COMMUNITY OF COMMON DESTINY”

M. V. Korolik

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, korolikm@mail.ru*

The present article is devoted to how five principles of peaceful coexistence are effect on modern concepts of the foreign policy, promoted by Xi Jinping. In his speech, devoted to the 70th anniversary of five principles, Xi Jinping actualized its statements from 1954 and suggested their transformation in new concept of a community of common destiny. In this regard, it is necessary to assess the place of the five principles of peaceful coexistence in the formation of the concept of a community of the common destiny.

Keywords: PRC; community of the common destiny; international relationship; Xi Jinping.

В течении нескольких последних лет мир столкнулся с рядом глобальных угроз и вызовов. Мировое сообщество оказалось в том положении, в котором оно вынуждено искать выход из сложившейся обстановки. Попытка найти такой выход нашла свое отражение в Пакте во имя будущего [8], который был принят 22 сентября 2024 г. В частности, во втором пункте Пакта отмечается, что «мы сталкиваемся с возрастающими катастрофическими и экзистенциальными рисками, и многие из них

обусловлены теми решениями, которые мы принимаем» [8, с. 1]. Пакт во имя будущего является одним из способов ответить на вопросы, которые стоят перед мировым сообществом в эпоху кризисов и вызовов современности. Однако Пакт не является единственной инициативой, которая предлагала путь решения глобальных проблем. Отдельные представители мирового сообщества имели проекты и концепции, в которых они представляют свои варианты разрешения накопившихся противоречий и вызовов. Ярким примером такой инициативы является концепция лидера КНР Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества». Основы данной концепции были заложены 70 лет назад, когда коммунистический Китай явился инициатором концепции пяти принципов мирного сосуществования в ходе нормализации отношений с Индией [7, с. 43].

Целью данной статьи — изучить влияние концепции пяти принципов мирного сосуществования на формирование идей сообщества единой судьбы человечества. Для ее достижения необходимо разрешить следующие задачи: проследить генезис пяти принципов мирного сосуществования и их влияние на международные отношения, рассмотреть общность принципов и подходов двух концепций, оценить влияние пяти принципов на современные проявления внешней политики КНР, представленных в форме концепции сообщества общей судьбы человечества.

Концепция пяти принципов мирного сосуществования оформилась в результате заключения соглашения 29 апреля 1954 г. в Пекине между КНР и Индией [9]. Появление данного соглашения было вызвано необходимостью решения вопросов развития связей между тибетскими регионами Китая и Индии. С этой целью министром иностранных дел КНР Чжоу Эньлаем были сформулированы пять принципов мирного сосуществования, которые были положены в основу двухстороннего соглашения. Взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета друг друга, взаимное ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода и мирное сосуществование — на этих пяти принципах предлагалось выстраивать двухсторонние отношения. Си Цзиньпин в своем выступлении на юбилейном собрании в честь 70-летия провозглашения принципов мирного сосуществования отметил, что они были выражением стремлений Китая к миру со всеми странами, но прежде всего со своими соседями [2].

Рассматривая эти принципы более внимательно, стоит отметить их универсальный характер. Такая характеристика позволила экспортировать принципы за рамки двухсторонних соглашений между Китаем и Индией. После окончания Второй мировой войны, в условиях системного кризиса колониальной системы, развития антиколониального движения, среди

стран и регионов Азии и Африки пять принципов мирного сосуществования смогли стать основной для выстраивания взаимоотношений между своими соседями и остальными странами. Они получили свое дальнейшее развитие на Бандунгской конференции, которая проходила 18–24 апреля 1955 г. в индонезийском городе Бандунг. В ней принял участие широкий состав участников, которые представляли двадцать четыре страны азиатского и африканского регионов [10, с. 2]. В заключительном коммюнике конференции были выдвинуты десять принципов, на основе которых странам-участницам предлагалось выстраивать сотрудничество [10, с. 7]. Среди принципов, предложенных на Бандунгской конференции, не сложно заметить присутствие пяти принципов мирного сосуществования, которые были дополнены рядом таких положений, как уважение права каждой нации защищать себя, продвижение взаимных интересов и сотрудничества, уважение к правосудию и международным обязательствам. Стремления, которые были выражены среди десяти принципов, впоследствии получили название «Бандунгского духа» [4]. В его основе заложены идеи о международной солидарности, дружбе и сотрудничестве, которые стали началом для становления линии сотрудничества по оси Юг–Юг и впоследствии легли в основу становления Движения Неприсоединения.

Влияние пяти принципов мирного сосуществования на политику стран Глобального Юга во второй половине XX в. является значимым. Инициатива КНР оказалась применимой к широкому кругу других государств азиатского и африканского регионов благодаря своей простоте и универсальности. Они оказали влияние на процесс формирования основы сотрудничества и систему отношений между государствами Глобального Юга. В настоящее время пять принципов оказывают свое влияние на современные концепции международного сотрудничества, которые предлагает КНР.

Си Цзиньпин признает исторический вклад пяти принципов и считает, что «они демонстрируют огромную жизнеспособность» [2]. В его представлении они служат образцом международных отношений и законности, так как в них отражаются цели и принципы устава ООН. Лидер КНР считает, что принципы сохранили свой универсальный характер для основы развития международных отношений между государствами в независимости от их политического, экономического, идеологического и культурного характера. Таким образом указывается на то, что в сегодняшних реалиях международной политики пять принципов не потеряли своей актуальности. Наоборот, Си Цзиньпин предлагает обновить и развить пять принципов мирного сосуществования в концепцию сообщества единой судьбы человечества [5, с. 136–137].

Современная внешняя политика КНР испытывает огромное влияние идей Си Цзиньпина, который задает внешнеполитический курс Китая, выступает в качестве генератора идей и доктрин КНР на международной арене. Из них более широко известна концепция Нового Шелкового пути, которая была предложена Си Цзиньпином в 2013 г., как проект всеобъемлющего, в первую очередь торгово-экономического сотрудничества между максимальным количеством стран и регионов. В этом отношении концепция сообщества единой судьбы человечества находится в некотором смысле на втором плане. Вместе с тем, она является важной и неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии КНР [2]. Например, в своем выступлении министр иностранных дел КНР Ван И отмечал, что идеи Си Цзиньпина о дипломатии «преодолевают устоявшиеся рамки теории международных отношений» [1]. Оценивая ситуацию в современном мире, Ван И приходит к выводу о том, что популярная сегодня на международной арене политика силы не отвечает запросам времени. Именно поэтому КНР в лице своего лидера предлагает объединить общие усилия для участия в едином процессе развития на благо каждого участника мирового сообщества. Это стремление как раз таки и выражено в такой концепции, как создание сообщества единой судьбы человечества и заключенных в ней идей развития, равноправия и справедливости.

Очередным поводом преподнести мировому сообществу основные идеи концепции сообщества единой судьбы человечества, стал 70-летний юбилей провозглашения пяти принципов мирного сосуществования. Проводя параллели с прошлым, Си Цзиньпин в своем выступлении отмечает, что «данная концепция отвечает тенденции к миру, развитию, сотрудничеству и взаимной выгоде, открывает новые горизонты для мира и прогресса» [2]. В связи с этим утверждением были актуализированы основные постулаты предлагаемой концепции, которые выражены в пяти принципах, аналогично концепции Чжоу Эньлая в 1954 г.

Первым принципом концепции сообщества единой судьбы человечества является принцип суверенного равенства. Его смысл заключен в предоставлении всем государствам равенства в правах, возможностях и правилах. Достижение равенства предлагается через многополярность, где каждая страна имеет возможность занять достойное место в международной системе. Этот принцип имеет точку соприкосновения с одним из пяти принципов мирного сосуществования — равенства и взаимной выгоды.

Вторым принципом концепции провозглашается укрепление основ взаимного уважения. Провозглашая этот принцип, Си Цзиньпин делает попытку примирить разные политические, экономические и культурные общности на основе равноправия и уважения. Соблюдению этого

равноправия будет служить «золотое правило» — невмешательство во внутренние дела государств, противодействие блоковой конфронтации. Здесь позаимствован принцип пяти принципов — взаимное невмешательство во внутренние дела друг друга. Принимая во внимание объективную реальность современной международной политики, лидер КНР дополняет его важной опцией, так называемым, «золотым правилом». Оно по своей сути содержит критику не только о недопустимости блоковой конфронтации, но критикует и саму блоковую систему, в которой так или иначе большинство игроков на мировой арене вынуждены делать выбор.

Ответом на современный кризис международной системы безопасности является третий постулат концепции — движение к мирному и безопасному будущему. Си Цзиньпин делает акцент на китайской инициативе по глобальной безопасности, как на основу формирования будущей более эффективной и устойчивой архитектуры международной безопасности. Пути достижения этих целей выражены в форме шести принципов по двадцати направлениям деятельности [6]. Таким образом, в концепцию сообщества единой судьбы человечества вводится концепция глобальной безопасности, как ее неотъемлемая часть.

В четвертом принципе звучит призыв к созданию синергии во имя всеобщего процветания. Для экспортной китайской экономической модели, сворачивание глобализационных процессов является опасным трендом и препятствием, в первую очередь, для международной торговли. Си Цзиньпин призывает к продвижению экономической глобализации и взаимного сотрудничества через Новый Шелковый путь, тем самым предоставляя инициативу «Один пояс один путь» как инструмент к достижению общего блага в рамках партнерских взаимовыгодных отношений [5, с. 173]. В усилении роли и авторитета ООН представляется реализация принципов равноправия и справедливости. Для решения конфликтов предлагается пользоваться исключительно методами, которые приемлемы в рамках международного права и использование диалога как единственно верного инструмента в международных отношениях.

Последний принцип включает в себе глобальную инициативу цивилизаций [3]. Она основана на четырех принципах «необходимо совместно» выступать: за уважение многообразия мировых цивилизаций, за распространение общих ценностей всего человечества, за важность преемственности и инноваций цивилизации и за укрепление международного гуманитарного обмена и сотрудничества. Эта инициатива делает попытку ответить интересам всех государств, дабы сплотить их для реагирования общие вызовы.

Концепция сообщества общей судьбы человечества испытала явное влияние пяти принципов. Си Цзиньпин при формировании концепции сообщества очевидно ориентировался в том числе и на пять принципов, разработанных и принятых 70 лет назад. Риторика Си Цзиньпина в отношении подходов к решению глобальных проблем современности на первый взгляд ясна. Вместе с тем, концепция сообщества общей судьбы человечества скорее не представляет собой конкретного плана действий по выходу мирового сообщества из кризиса, который обострился в последние годы. В этом и есть ключевое отличие этой концепции от пяти принципов мирного сосуществования. Пять принципов помогли выстроить систему двухсторонних отношений с обязательствами обеих сторон в рамках урегулирования территориальных вопросов. Концепция сообщества общей судьбы человечества в настоящее время таких механизмов урегулирования в себе не содержит. Неочевидным является степень вовлеченности в эту инициативу широкого круга акторов, которые имеют свои национальные интересы, противоречия и конфликты. Таким же неочевидным является и позиция самого Китая в рамках этой концепции, принимая во внимание имеющиеся территориальные претензии к соседям, а также усиливающейся конкуренции на мировых товарных рынках. Несмотря на эти вызовы, Си Цзиньпин постоянно делает акцент на том, что КНР как одна из ведущих держав готова возглавить процессы по преобразованию мирового порядка, построению новой многополярной системы международных отношений, участвовать в реформировании глобального управления.

Библиографические ссылки

1. Выступление на церемонии открытия Центра изучения идей Си Цзиньпина о дипломатии Член Госсовета, Министр иностранных дел Ван И [Электронный ресурс]. URL: http://am.china-embassy.gov.cn/rus/zgxxw/202007/t20200721_1672051.html (дата обращения: 16.09.2024).
2. Выступление Си Цзиньпина на юбилейном собрании в честь 70-летия провозглашения пяти принципов мирного сосуществования [Электронный ресурс]. URL: http://by.china-embassy.gov.cn/rus/zgxx/202406/t20240628_11444000.html (дата обращения: 15.09.2024).
3. Доклад Посла Се Сяюна на круглом столе по теме «Уникальный путь успеха для всех: Китайская Инициатива глобальной цивилизации» [Электронный ресурс]. URL: http://by.chi-naembassy.gov.cn/rus/zt/zggcd/202304/t20230429_11068856.html (дата обращения: 26.09.2024).
4. «Дух Бандунга» продолжает жить на Глобальном Юге спустя 69 лет после Бандунгской конференции [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.news.cn/20240423/71c2fddda3114194abf8cd95ff2e170b/c.html> (дата обращения: 09.08.2024).
5. Идеи Си Цзиньпина о дипломатии: монография / отв. ред. Чжан Юйянь; пер. с кит. Сяо Дэцян, В. Б. Урусов. Москва : Весь Мир, 2023. 304 с.

6. Китай опубликовал концепцию инициативы глобальной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17099845> (дата обращения: 16.09.2024).

7. *Николаев П. П.* Индийский фактор во внешней политике КНР (1949–1962 гг.): диссертация кандидата исторических наук: 07.00.03 / Санкт-Петербургский институт истории РАН. Санкт-Петербург, 2016. 219 с.

8. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 22 сентября 2024 года. Пакт во имя будущего ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/272/24/pdf/n2427224.pdf> (дата обращения: 25.09.2024).

9. Agreement between the republic of India and the People's Republic of China on trade and intercourse between Tibet region of China and India (29 April 1954) [Electronic resource]. URL: <http://www.commonlii.org/in/other/treaties/INTSer/1954/5.html> (date of access: 21.09.2024).

10. Final Communiqué of the Asian-African conference of Bandung (24 April 1955) [Electronic resource]. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/final_communique_of_the_asian_african_conference_of_bandung_24_april_1955-en-676237bd-72f7-471f-949a-88b6ae513585.html (date of access: 21.09.2024).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗА ЭМОМАЛИ РАХМОНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Н. А. Косяк

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, nik.kosyak.1998@mail.ru*

В статье рассмотрены коммеморативные инициативы таджикской общественности по увековечиванию деятельности Э. Ш. Рахмона на посту Президента республики. Приведены основные нормативно-правовые акты, свидетельствующие о коммеморативных практиках в адрес действующего Президента республики. Значительное внимание уделено литературному творчеству Лидера нации. Проанализированы основные литературные произведения о деятельности Э. Ш. Рахмона на посту Президента республики.

Ключевые слова: конституционный закон; коммеморативные практики; «Лидер нации»; музейная сеть; Президент.

THE USE OF THE IMAGE OF EMOMALI RAHMON IN THE HISTORICAL POLICY OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

N. A. Kosyak

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, nik.kosyak.1998@mail.ru*

The article examines the commemorative initiatives of the Tajik public to perpetuate the activities of E. Sh. Rahmon as President of the Republic. The main normative legal acts that testify to the commemorative practices addressed to the current President of the Republic are presented. Considerable attention is paid to the literary work of the Leader of the Nation. The main literary works about the activities of E. Sh. Rahmon as President of the Republic are analyzed.

Keywords: constitutional law; commemorative practices; “Leader of the Nation”; museum network; President.

В условиях существования независимого Таджикистана наблюдаются коммеморативные практики по увековечиванию заслуг действующего Президента республики. В октябре 2016 г. был принят конституционный закон Таджикистана — «Об основателе мира и национального единства — Лидере нации» [20]. Согласно документу «Лидером нации»¹, провозглашался Э. Ш. Рахмон, являвшийся гарантом развития общества

¹ Помимо титула «Лидера нации» за Президентом закреплены полуофициальные титулы: «Джаноби Оли» («Его превосходительство»), «Пешво» («Предводитель»), «Падари миллат» («Отец нации»). В местных спортивных кругах Президенту был дан

и символом Таджикистана [20, ст. 2, п. 3; 4]. В честь заслуг Президента функционируют орден и государственная премия под общим названием «*Лидер нации — Эмомали Рахмон*» [20, ст. 3 п. 1], провозглашалась неприкосновенность его личности [20, ст. 5], учреждалась канцелярия «Лидера нации» для освещения основных событий из жизни Президента [20, ст. 6].

В 2016 г. с согласия Парламента республики в реестр государственных праздников был внесен «*День Президента Республики Таджикистан*» [17, ст. 1]. Дата приходится на 16 ноября, когда в 1994 г. Э. Ш. Рахмон принял присягу на посту Президента республики. В этот день проходят тематические мероприятия, выставки художников, фотографов, научно-практические конференции, посвященные деятельности Президента. С 2018 г. начал свою работу «*Фонд Основателя мира и национального единства*» [18], задачей которого является исполнение инициатив Президента республики.

В Таджикистане учреждалась сеть музеев, библиотек и государственного архива Основателя таджикского мира [20, ст. 13]. В 2016 г. был открыт музей в родной школе Президента в с. Дангар Халтонинской области [14], а с 2021 г. при Таджикском национальном университете (далее — ТНУ) функционирует музей Президента, посвященный его обучению в образовательной структуре [26]. В монументальном творчестве увековечивается также его и литературное наследие. В ноябре 2016 г. в Гиссарском районе установили памятник монографии Э. Рахмона «Таджики в зеркале истории» с целью воспитания молодого таджикского поколения в духе патриотизма [8]. В 2017 г. в честь Президента переименовали местную газету, которая теперь носит название «Милость президента» (до этого именовалась «Шахринавская правда») [13].

Изменение произошло и в образовательной сфере. Переустройства заключались в том, что в школьные и университетские курсы были введены специализированные предметы о вкладе Президента в строительство таджикской государственности. Так, на историческом факультете ТНУ, начиная с 2016 г. был введен курс «*Эмомали Рахмон — основоположник нового Таджикистана*» (также этот курс носит название — «Лидер нации»), повествующий о деятельности Э. Ш. Рахмона на посту Президента и его литературном творчестве. В школах республики читают одноименный курс, но под другим названием «*О правовом статусе лидера нации*» [9].

Отцу нации в республике посвящено огромное количество научных монографий, сборников стихов, циклов изречений (сборники цитат, публичных выступлений). Среди наиболее известных монографий о

неофициальных титул «*Верховного тренера*». Среди вертикали власти было внесено предложение о присуждении супруге Э. Рахмона — Азизмо титула «*Лидера исламских женщин*» [23].

Лидере нации — книги З. Саидзоды «Э. Рахмон в зеркале истории» (2012), Н. Латипова «Эмомали Рахмон: Здоровье нации бесценное богатство» (2015) и А. Хамаданы «Подвиг Эмомали Рахмона» (2017), повествующие о фигуре Президента и его становлении как личности в общемировом масштабе [2; 5; 10; 24].

Популярностью среди таджикского населения пользуются сборники цитат, выступлений Лидера. В 2015–2016 гг. огромным тиражом вышли «Лозунги из Посланий и выступлений Президента РТ, Лидера нации Эмомали Рахмона» [7]. Уже в 2017 г. был издан большой цитатник Э. Рахмона [6], а также изречения под общим названием «Мудрые мысли и изречения президента Таджикистана» [28].

Новшеством для комеморативных практик стало издание в 2015 г. первого на территории суверенного Таджикистана сборника стихов о Президенте, получившего название «Пешво» («Лидер»). В состав сборника входит около 80 стихов о величии Э. Ш. Рахмона и его вклада в становление независимости Таджикистана [16]. С 2017 г. в государственных театрах республики стал обязательным показ пьесы А. Абдужаббора «Назаркада» («Избранный богом человек») о вкладе Президента в становлении мира на территориальной целостности Таджикистана. В пьесе фигура Э. Рахмона представляется в виде ангела, который постоянно советуется с богом [15]. В 2018 г. вышла поэма А. Мирходжи «История Нуристана» («Страны света») о строительстве Рогунской ГЭС. В поэме фигура Президента отождествляется с *«приходом нового пророка или праведного халифа»* [1].

Велика значимость литературного поприща Э. Ш. Рахмона, оказавшего влияние на формирование коммеморативной ситуации в республике. Из-под пера Президента вышли труды по внешней политике [3; 22] и государственного строительства Таджикистана [12], истории, культуре таджикского народа [4; 11; 27], языкознании [25]².

Заслуги Президента отмечены и изменением топонимического ландшафта государства. Уже в 2016 г. на территории Горно-Бадахшанской автономной области (далее — ГБАО) была образована деха под названием «Рахмонобод» [19], с 2019 г. махалла (община) Оббурдон Матчинского района именуется «Рахманабад» [21].

² Среди значимых литературных новинок Э. Ш. Рахмона были следующие бестселлеры: «Об актуальных внешнеполитических вопросах и инициативах Республики Таджикистан» (2018), «О современном мире и основных аспектах внешней политики Республики Таджикистан» (2019), «Горизонты независимости» (2020); «Таджики в зеркале истории. От арийцев до саманидов» (2009), «Взгляд на арийскую историю и культуру» (2013), «Саразм — сокровищница истории таджикского народа» (2020); «Язык нации — бытие нации» (2016).

Таким образом, фигура Президента Республики Таджикистан Э. Ш. Рахмона занимает центральное место в государственных коммеморативных практиках, что оказало значительное воздействие на трансформацию законодательного, культурного (включая историко-литературные и музейные аспекты) и топонимического контекста страны.

Библиографические ссылки

1. «Лидера нации» Рахмона сравнили с Иисусом Христом [Электронный ресурс] // Rus.azattyq.org. 2018. 10 июня. URL: <https://rus.azattyq.org/a/shaikhata-tajikistan-rahmon-nuristan/29281577.html> (дата обращения: 16.08.2024).

2. «Лучшие черты героев таджикского народа воплотились в личности Президента». Орывки из документальной повести Ато Хамдама и Леонида Чигрина «Подвиг Эмомали Рахмона» [Электронный ресурс] // Khovar.tj. 2017. 5 октября. URL: <https://khovar.tj/rus/2017/10/luchshie-cherty-geroev-tadzhikskogo-naroda-voplotilis-v-lichnosti-prezidenta-otryvki-iz-dokumentalnoj-povesti-ato-hamdama-i-leonida-chigrina-podvig-emomali-rahmona/> (дата обращения: 16.08.2024).

3. «Обактуальных внешнеполитических вопросах и инициативах Республики Таджикистан». Вышла из печати новая книга Главы государства [Электронный ресурс] // Khovar.tj. 2018. 18 июля. URL: <https://khovar.tj/rus/2018/07/ob-aktualnyh-vneshnepoliticheskikh-voprosah-i-initsiativah-respubliki-tadzhikistan-vyshla-iz-pechati-novaya-kniga-glavy-gosudarstva> (дата обращения: 14.08.2024).

4. В Душанбе презентована книга президента РТ «Таджики в зеркале истории» [Электронный ресурс] // Avesta.tj. 2009. 10 сентября. URL: <https://avesta.tj/2009/09/10/v-dushanbe-prezentovana-kniga-prezidenta-rt-tadzhiki-v-zerkale-istorii-ot-arijtsev-dosamanidov-na-yazyke-hindi/?ysclid=1l5gmX0etl555993896> (дата обращения: 16.08.2024).

5. В свет вышла книга «Эмомали Рахмон: Здоровье нации бесценное богатство» [Электронный ресурс] // Khovar.tj. 2015. 12 октября. URL: <https://khovar.tj/rus/2015/10/v-svet-vyshla-kniga-emomali-rahmon-zdorove-natsii-bestsennoe-bogatstvo> (дата обращения: 15.08.2024).

6. В Таджикистане впервые издан большой цитатник Эмомали Рахмона [Электронный ресурс] // Khovar.tj. 2017. 5 октября. URL: <https://khovar.tj/rus/2017/07/v-tadzhikistane-vpervye-izdan-bolshoj-tsitatnik-emomali-rahmona> (дата обращения: 16.08.2024).

7. В Таджикистане выпущен сборник «Лозунги о национальном единстве...» [Электронный ресурс] // Khovar.tj. 2016. 11 июля. URL: <https://khovar.tj/rus/2016/07/v-tadzhikistane-vypushhen-sbornik-lozungi-o-natsionalnom-edinstve> (дата обращения: 13.08.2024).

8. В Таджикистане установили памятник книге Рахмона весом в тонну [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2016. 28 ноября. URL: <https://lenta.ru/news/2016/11/28/rakhmon/> (дата обращения: 15.08.2024).

9. В Таджикистане читают лекции о «лидере нации» [Электронный ресурс] // Rus.azattyq.org. 2016. 29 февраля. URL: <https://rus.azattyq.org/a/tajikistan-lekcii-rahmon/27580533.html> (дата обращения: 25.08.2024).

10. Второе издание книги «Э. Рахмон в зеркале времени» [Электронный ресурс] // Khovar.tj. 2012. 3 ноября. URL: <https://khovar.tj/rus/2012/11/vtoroe-izdanie-knigi-e-rahmon-v-zerkale-vremeni> (дата обращения: 16.08.2024).

11. Издание книги Эмомали Рахмона «Взгляд на арийскую историю и культуру» на персидской графике [Электронный ресурс] // President.tj. 2013. 26 июля. URL: <http://president.tj/ru/node/4819> (дата обращения: 26.08.2024).

12. Книге Эмомали Рахмона «Горизонты независимости» присуждено Гран-при Международного конкурса [Электронный ресурс] // Old.asiaplustj.info. 2020. 2 сентября. URL: <https://old.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20200902/knige-emomali-rahmona-gorizonti-nezavisimosti-prisuzhdeno-gran-pri-mezhdunarodnogo-konkursa?ysclid=ll5hudtwun230994734> (дата обращения: 11.08.2024).

13. Милость лидера: таджикскую газету переименовали в честь Эмомали Рахмона [Электронный ресурс] // Ria.ru. 2017. 16 ноября. URL: <https://ria.ru/20171116/1508951213.html?ysclid=ll3h9uyoto505357063> (дата обращения: 15.08.2024).

14. Музей президента Рахмона создан в его школе в Дангаре [Электронный ресурс] // Rus.ozodi.org. 2016. 16 ноября. URL: <https://rus.ozodi.org/a/museum-of-rahmon-in-danghara-school-/28120613.html> (дата обращения: 12.08.2024).

15. Написание пьесы о Рахмоне после спектакля о Назарбаеве [Электронный ресурс] // Rus.azattyq.org. 2017. 3 декабря. URL: <https://rus.azattyq.org/a/napisanie-pjesy-o-rahmone-posle-spektaklja-o-nazarbaeve/28892845.html> (дата обращения: 19.08.2024).

16. О «лидере нации» Рахмоне издали сборник стихов [Электронный ресурс] // Rus.azattyq.org. 2015. 28 декабря. URL: <https://rus.azattyq.org/a/tajikistan-sbornik-stikhov-rahmon/27452945.html> (дата обращения: 12.08.2024).

17. О внесении изменения в Закон Республики Таджикистан «О праздничных днях»: закон Республики Таджикистан от 14 мая 2016 г. № 1320 [Электронный ресурс] // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=18780 (дата обращения: 16.08.2024).

18. О создании Фонда Основателя мира и национального единства — Лидера нации: указ Президента Республики Таджикистан от 22 февраля 2018 г. № 1025 [Электронный ресурс] // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=24154 (дата обращения: 11.08.2024).

19. Об образовании на территории дехота Сучон Шугнанского района Горно-Бадахшанской автономной области нового села и названии его Рахмонобод: постановление Правительства Республики Таджикистан от 03 марта 2016 г. № 209 [Электронный ресурс] // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=18686 (дата обращения: 18.08.2024).

20. Об основателе мира и национального единства — лидере нации: конституционный закон Республики Таджикистан от 14 ноября 2016 г. № 1356 [Электронный ресурс] // Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=19268 (дата обращения: 15.08.2024).

21. Один из крупных городов предлагают переименовать в честь Эмомали Рахмона [Электронный ресурс] // Bomdodrus.com. 2021. 22 мая. URL: <https://bomdodrus.com/2021/05/22/odin-iz-krupnyh-gorodov-predlagajut-pereimenovat-v-chest-jemomali-rahmona> (дата обращения: 14.08.2024).

22. Опубликована книга размышлений Рахмона о мире и внешней политике [Электронный ресурс] // Tj.sputniknews.ru. 2019. 23 января. URL: <https://tj.sputniknews.ru>

tj.sputniknews.ru/20190123/tajikistan-kniga-razmyshleniya-rahmona-mir-vneshnyaya-politika-1028060992.html (дата обращения: 17.08.2024).

23. Предлагается объявить Эмомали Рахмона официальным лидером нации [Электронный ресурс] // Rus.ozodi.org. 2015. 7 апреля. URL: <https://rus.ozodi.org/a/26943057.html> (дата обращения: 15.08.2024).

24. Презентация книги «Эмомали Рахмон жасорати» в Союзе писателей Таджикистана [Электронный ресурс] // Khovar.tj. 2021. 8 июня. URL: <https://khovar.tj/rus/2021/06/prezentatsiya-knigi-emomali-rahmona-zhasorati-v-soyuze-pisatelej-tadzhikistana> (дата обращения: 14.08.2024).

25. Презентация книги «Язык нации — бытие нации» в Согдийской области [Электронный ресурс]. URL: <https://tgk.addnt.ru/prezentatsiya-knigi-yazyk-nacii-bytie> (дата обращения: 16.08.2024).

26. Рахмон открыл музей, посвященный самому себе [Электронный ресурс] // Tj.sputniknews.ru. 2021. 22 января. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210122/Rakhmon-muzej-tajikistan-1032674565.html?ysclid=ll2arl34d2569488262> (дата обращения: 12.08.2024).

27. Рахмонова Б. «Саразм — сокровищница истории таджикского народа» [Электронный ресурс]. URL: <https://kmt.tj/ru/muarrif-sarazm-hazina-tilloii-ta> (дата обращения: 12.08.2024).

28. Таджикистан презентовал книгу изречений Рахмона [Электронный ресурс] // Rus.azattyq.org. 2017. 13 июля. URL: <https://rus.azattyq.org/a/28613641.html> (дата обращения: 18.08.2024).

ТРАНСФОРМАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В США: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. В. Кошелева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, uddijana@gmail.com*

В статье представлен анализ современного состояния исламской благотворительности в США. Закят и садака, как ключевые элементы исламской практики, формируют моральные нормы среди мусульман, влияя на их социальные и экономические инициативы. Благотворительность всегда занимала важное место в американской мусульманской общине, ее укреплении, поддержании мечетей, школ и гуманитарных проектов. Однако после терактов 11 сентября 2001 г. со стороны правительства усилилось внимание к исламским благотворительным организациям, что привело к возникновению новых структур, обеспечивающих прозрачность благотворительных финансовых операций. Мусульманские неправительственные организации стали центральными в этом процессе, адаптируя светские практики к религиозной этике и предоставляя альтернативные формы сбора закята и других пожертвований. Одним из новаторских проектов американских мусульман в области благотворительности стало создание «Фонда американского мусульманского сообщества», разработавшего систему гуманитарной политики, которая в дальнейшем может стать образцом для организации благотворительности мусульманской общины США.

Ключевые слова: мусульманская благотворительность в США; неправительственные организации; «Фонд американского мусульманского сообщества»; AMCF.

TRANSFORMATION OF MUSLIM CHARITY IN THE USA: CHALLENGES AND OUTLOOKS

N. V. Kosheleva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, uddijana@gmail.com*

The article presents an analysis of the current state of Islamic charity in the USA. Zakat and sadaqa, as key elements of Islamic practice, shape moral norms among Muslims, influencing their social and economic initiatives. Philanthropy has always played an important role in the American Muslim community, strengthening it and supporting mosques, schools and humanitarian projects. However, after the terrorist attacks of September 11, 2001, government attention to Islamic charities increased, which led to the emergence of new structures to ensure transparency of charitable financial transactions. Muslim non-governmental organizations became central to this process, adapting secular practices to religious ethics and providing alternative forms of collecting zakat and other donations. One of the innovative projects of American Muslims in the field of charity was the creation of the American Muslim Community Foundation, which developed a system of humanitarian policies that could later become a model for organizing charity in the US Muslim community.

Keywords: Muslim charity in the USA; non-governmental organizations; American Muslim Community Foundation; AMCF.

Ритуальное собирание и распределение благотворительности в форме закята и садака определяет моральные нормы справедливости и заботы в исламе. Закят, как правило, подразумевает материальные ценности, поэтому он тесно связан с социальной и экономической политикой мусульманских государств. В исламской традиции существует понятие бейт аль-маль — «дом богатства». В раннем исламском государстве первоначально это было место, куда свозилось все движимое общественное имущество. Позже под бейт аль-маль стали подразумевать не место, а учреждение, которое владело общественной собственностью мусульман [10, р. 22]. В исламской традиции существуют указания на то, что у истоков создания этого института стоял «праведный халиф» Умар, хотя определенные функции «дома богатства» встречаются еще со времен Мухаммеда и «праведного халифа» Абу Бакра [10, р. 24]. Но именно в период правления Умара, когда арабы активно завоевывали новые земли, и богатства стекались в Медину, в рамках бейт аль-маль оформились разные ведомства, которые распределяли функции по двум направлениям — доходам и расходам. Это финансовое учреждение являлось фактически государственной казной, пополняемой за счет налогов и пожертвований. Доходы от закята и джизьи (подушного налога) шли на разные социальные нужды, включая общественные работы, пенсии, помощь нуждающимся слоям населения. Так, среди многочисленных ведомств расходов напрямую с пожертвованиями был связан отдел поддержки нуждающихся — бедных, путников и др. [10, р. 28]. В настоящее время с понятием бейт аль-маль в странах с мусульманским большинством связаны такие государственные институты, как казначейство, министерство финансов, центральный банк и др.

Наряду с государственной филантропией в исламской традиции существует и другая форма — вакфы (от араб. «приостановление», «удержание») — неотчуждаемые благотворительные пожертвования. Окончательно оформление системы вакфов произошло к X в., когда были определены бенефициары, управляющие вакфом и формы собственности [3, р. 24]. Вакуфная собственность напоминает трастовые фонды (доверительную собственность). Примечательно, что с большой долей вероятности можно говорить о том, что вакф стал образцом для создания института доверительной собственности в английском праве [1, с. 106]. Вакфы делятся на законные, которые предполагают потерю учредителем вакфа права на даримое имущество, и обычные — вакфалеты, которые предоставляют возможность потомкам создателя вакфа получать часть доходов с него. В любом случае, вакуфное имущество перестает быть как собственностью дарителя, так и получателя, тем самым становясь формой благотворительности.

В современном светском обществе формы религиозной благотворительности, как правило, интегрируются со светскими, либо полностью заимствуют светские институты и структуру, хотя в некоторых случаях можно проследить прямые аналогии с традиционными благотворительными учреждениями. Интересный пример в этом отношении представляет опыт мусульман США.

На территории современных Соединенных Штатов мусульмане занимаются благотворительностью с момента своего появления здесь, поскольку закят является одним из ключевых элементов исповедования ислама. Пожертвования идут на поддержку разного рода социальных инициатив, вдохновленных исламскими ценностями: строительство американских мечетей и школ, финансирование гуманитарной помощи регионам с преобладанием мусульман, пострадавшим от войн и природных катастроф, поддержку программ перераспределения ресурсов для экономически маргинализированных мусульман и др. Без благотворительности в принципе было бы невозможно формирование мусульманской общины на новых территориях.

В США на протяжении XX в. возникло большое количество исламских благотворительных обществ и организаций. Особенно можно выделить 1960-е гг., когда с изменением миграционного законодательства в страну ринулся поток студентов и иммигрантов, которые начали активно создавать организационные структуры; затем 1980-е гг., после того, как в 1981 г. завершилось оформление купольной организации американских мусульман — «Исламского общества Северной Америки» (Islamic Society of North America, ISNA); и наконец после терактов 11 сентября 2001 г., когда перед мусульманами остро встала задача исправления их социального имиджа и борьбы с негативными стереотипами. Тогда же их деятельность попала в фокус внимания американской общественности, стала объектом расследований в связи с подозрениями в поддержке терроризма. Неудивительно, что с этого времени начался поиск удобной и прозрачной благотворительной структуры, которая бы позволила безопасно исполнять религиозные потребности мусульман в подаче милостыни.

В США как в светском немусульманском государстве отсутствует единая централизованная система наподобие бейт аль-маль. Несмотря на наличие частных пожертвований, главное место в выполнении религиозных обязанностей и этических обязательств по социально-экономическому управлению заняли исламские неправительственные организации. Они предлагают нормативную модель, позволяющую американским мусульманам формулировать и реализовывать благотворительную активность, адаптируя светские гуманитарные практики к религиозной этике. Эти

организации занимаются сбором и распределением закята, садака и других форм пожертвований, направленных на помощь нуждающимся. Среди наиболее заметных американских благотворительных структур можно назвать «Исламскую помощь США» (Islamic Relief USA), «Американский фонд закята» (Zakat Foundation of America), «Руку помощи для поддержки и развития» (Helping Hand for Relief and Development), «Честные руки» (Transparent Hands), благотворительные подразделения организаций «Исламского круга Северной Америки» (Islamic Circle of North America Relief), «Мусульманского Американского общества» (Muslim American Society Relief) и др.

Чтобы более объективно оценить современные гуманитарные возможности мусульман США, необходимо обратиться к статистическим данным. По приблизительным оценкам «Pew Research Center» на 2017 г. в США насчитывалось порядка 3,45 млн мусульман (1,1 % населения США), из которых 2,15 млн составляют взрослое население. 31 % имеет высшее образование, что эквивалентно доле взрослого населения США. Среди последних доля иммигрантов выше, чем урожденных американцев-мусульман. Семейный доход мусульман США в среднем, как и у остальных американцев, выше 100 тыс. долларов. При этом доход ниже 30 тыс. среди них встречается чаще, чем среди в целом американцев [4].

Эти цифры позволяют судить о потенциальных возможностях мусульманской общины реализовывать свои благотворительные потребности. Общая доля пожертвований мусульман за 2021 г., к примеру, составила 1,4 % от всех частных пожертвований или 4,3 млрд долларов [11]. Этот показатель свидетельствует о том, что мусульмане более склонны отдавать средства на благотворительность, чем другие американцы (соотношение между 1,4 % пожертвований и 1,1 % мусульман США).

В 2021 г. исследователи Школы филантропии Лилли при университете Индиана в Индианополисе, в частности, директор Мусульманской благотворительной инициативы Шарик Сиддики, а также Рафил Вазиф из Портлендского университета при поддержке правозащитной исламской организации «Исламская помощь США» провели социологическое исследование [9]. Основной темой опросов порядка 2 тыс. американцев, из которых мусульмане составили половину, была практика пожертвований. В 2020 г. мусульмане отдали на благотворительность в среднем в 1,7 раз больше по сравнению со своими согражданами. В частности, религиозная благотворительность у мусульман составила в среднем 1 тыс. 810 долларов в сравнении с 1 тыс. 138 долларов остальных американцев, что в 1,6 раза выше. Приблизительно такой же ситуация выглядит и в области нерелигиозных пожертвований — в 1,8 раза мусульманские пожертвования

превысили общеамериканские [9, p. 8, 9]. Самые популярные направления благотворительности среди мусульман — международная благотворительность (12,81 %) и защита гражданских прав (8,47 %). Остальные американцы тратят на эти направления меньше средств (чуть менее 10 % и 5,31 % и соответственно). Средства же на обустройство и функционирование молитвенных мест в приоритете у американцев по сравнению с мусульманами — они больше в 1,9 раз (51,28 % и 27,45 % соответственно) [9, p. 10, 13, 14].

Около 84 % пожертвований американских мусульман (и на религиозные, и на нерелигиозные нужды) идут на благотворительность внутри страны, и только 16 % этих денег уходит за границу [11]. Среди нерелигиозной благотворительности мусульман выделяются международная помощь (более 18,84 %), помощь внутри страны (более 16,87 %), борьба с пандемией (14,26 %), на защиту гражданских прав (11,87 %) и здравоохранение (10,65 %) [9, p. 15, 16].

С точки зрения этно-расового состава мусульманской общины США самые большие пожертвования как на религиозные, так и на нерелигиозные нужды делают белые и испаноязычные мусульмане. Далее идут афроамериканцы и арабы. Замыкают статистику азиаты (выходцы из Южной и Юго-Восточной Азии), а также смешанное мусульманское население США [9, p. 18].

Некоммерческие организации, как было отмечено выше, занимают центральное место в благотворительности американских мусульман. Распределение закята и других форм филантропии в этих организациях как правило между собой не координируется.

Однако в недавнем времени уже предприняты шаги в направлении улучшения взаимодействия между некоммерческими организациями и донорами. Такой структурой стал созданный в 2016 г. «Американский мусульманский фонд», ныне известный как «Фонд американского мусульманского сообщества» (American Muslim Community Foundation, AMCF). Целью его создания было заявлено обеспечение взаимодействия некоммерческих организаций и мусульман, занимающихся благотворительностью. Фонд нацелен на распределение среди мусульманских организаций грантов и иной финансовой поддержки путем создания консультативных донорских фондов (Donors Advised Foundations, DAF) [2].

Принцип работы DAF, фактически благотворительного счета, следующий: донор вносит деньги на счет, — пожертвовать можно также акции, недвижимость и иные активы, — и получает квитанцию. Затем он сообщает, как хочет распорядиться пожертвованием. Всю остальную работу проводит фонд: проверяет благотворительные организации, следит за

пожертвованиями, советует донору, какие благотворительные структуры поддержать, а также инвестирует донорские пожертвования для увеличения суммы пожертвования [5]. Преимущество фонда состоит в налоговых льготах, а также в централизованном управлении разными пожертвованиями. Если жертвуемые активы, например акции, выросли, то соответственно и сумма пожертвования увеличивается. Такая схема позволяет избежать налога на доход, а также донор получает благотворительный вычет в размере рыночной стоимости. Некоммерческая организация при этом также получает больше средств для вкладов в религиозные и социальные проекты.

С 2017 г. AMCF создала более 190 фондов, распределила более 20 миллионов долларов США среди более 800 благотворительных организаций. На сегодняшний день AMCF управляет 20 эндаументами для некоммерческих организаций [8].

AMCF также занимается выделением грантов некоммерческим организациям. Приоритетными для получения грантов названы семь направлений: мечети (целью является спонсирование по одной мечети в каждом штате); сфера искусства и культуры; «дети Авраама» — межконфессиональный и внутриконфессиональный диалог; гражданские проекты; поддержка заключенных мусульман; даават — информационная поддержка новообращенных мусульман; сфера образования [7].

Директором по развитию и филантропии фонда является Мухи Хваджа, который связан как со Школой филантропии Лилли, так и с «Советом по американо-исламским отношениям» (CAIR), организацией, подозреваемой в контактах с террористами.

AMCF финансирует преимущественно инициативы в области здравоохранения, международной помощи и развития, а также молитвенные дома и сферу образования.

Отдельной формой организации активов AMCF являются «круги пожертвований» (Giving Circles). Эта форма филантропии предполагает формирование группы доноров, которые совместно решают, какой проект поддержать. В 2020 г. на сайте фонда заявлено существование порядка 2000 «кругов пожертвований» (начиная с 50 в 1995 г., затем 500 в 2010 г.) [14]. К 2025 г. прогнозируется существование порядка 3000 тысяч «кругов пожертвований». Среди наиболее крупных ныне действующих кругов — «Американский мусульманский женский благотворительный круг», «Круг дарения уммы Нью-Йорка» и др. [6].

Если обратиться к самой последней статистике пожертвований, прошедших через AMCF к концу 2023 г., картина их распределения выглядит следующим образом: Сама большая сумма пожертвований, более

2,5 млн долларов, была отдана в международные проекты. На втором месте — сфера образования, более 2 млн долларов. Следующую позицию занимают вложения в молитвенные места — чуть менее 2 млн долларов. Далее идут медицинская сфера — чуть менее 1,5 млн долларов, и гражданские права и сиротство — по более 1 млн. Менее 1 млн долларов пошли в порядке уменьшения, на ликвидацию стихийных бедствий, на иммигрантов, беженцев и СМИ, социальные сервисы, музеи, профессиональное развитие и женщин [13].

Как видно из статистики, в преференции американских мусульман до сих пор находятся международные проекты. При этом поддержка сферы образования и расходы на места совершения молитв по статистическим данным АМСФ более заметны, чем приведенные выше данные статистики Школы филантропии Лилли.

Следует обратить внимание на еще один сегмент работы фонда. С целью обучения профессионалов по обеспечению реализации благотворительной деятельности с 2020 г. были запущены серии обучающих вебинаров — так называемые акселераторы социального воздействия (Social Impact Accelerators). Последний, к примеру, вебинар 2023 г. был посвящен финансовому и стратегическому планированию, маркетингу и управлению в условиях кризиса [12].

Таким образом, в настоящее время в США идет процесс постепенного создания сети мусульманских благотворительных организаций. «Фонд американского мусульманского сообщества» предложил модель подобной структуры и в настоящее время стремится завоевать популярность среди как американских мусульман, так и филантропических объединений и частных доноров. Организация деятельности фонда очень напоминает традиционные исламские вакфы, что является рекламой жизнеспособности и современности исламских традиций. Пока что сложно судить, какие этно-национальные и этно-расовые группы сможет привлечь данный фонд, к примеру, насколько он откажется привлекательным для мусульман афро-американцев или испаноязычных выходцев из Латинской Америки. Тем не менее, важно то, что АМСФ предлагает систему горизонтальных связей, стремится к максимальной прозрачности, учитывает имиджевую составляющую — активно занимается рекламой пожертвований американских мусульман для улучшения отношения к представителям данной религии со стороны американского общества, а также ведет работу по подготовке профессиональных менеджеров фонда — Школа филантропии Лилли, к примеру, была создана в тесной связи и при поддержке данного фонда.

Библиографические ссылки

1. *Белкин Р. И.* Институт вакфа в социально-экономической и политической жизни мусульманских стран // Вестник СПбГУ. 2008. Сер. 5. Вып. 3. С. 105–114.
2. American Muslim Community Foundation [Electronic resource]. URL: <https://amuslimcf.org> (date of access: 20.09.2024).
3. *Dallh M.* Accumulate but Distribute: Islamic Emphasis on the Establishment of Waqf (Pious Endowment) [Electronic resource] // Religion and Development. 2023. № 2, September 20. P. 21–40. URL: https://brill.com/view/journals/rnd/2/1/article-p21_2.xml (date of access: 10.09.2024).
4. Demographic portrait of Muslim Americans [Electronic resource] // Pew Research Center. 2017, 26 July. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2017/07/26/demographic-portrait-of-muslim-americans> (date of access: 12.09.2024).
5. Donor Advised Funds [Electronic resource] // American Muslim Fund. URL: <https://amuslimcf.org/dafs> (date of access: 24.09.2024).
6. Giving Circles [Electronic resource] // American Muslim Community Foundation. URL: <https://amuslimcf.org/donors/giving-circles> (date of access: 24.09.2024).
7. Grants [Electronic resource] // American Muslim Community Foundation. URL: <https://amuslimcf.org/nonprofits/grants> (date of access: 24.09.2024).
8. Impact of Community Foundation Giving [Electronic resource] // American Muslim Community Foundation. URL: <https://amuslimcf.org> (date of access: 07.10.2024).
9. Muslim American Giving 2021 [Electronic resource] // IUPUI Muslim Philanthropy Initiative; Lilly Family School of Philanthropy: Muslim Relief USA. 23 p. URL: <https://scholarworks.indianapolis.iu.edu/server/api/core/bitstreams/32235367-58a0-4155-b2bc-b1718ddf4216/content> (date of access: 12.09.2024).
10. *Rahman Md. H.* Bayt al-Mal and its role in economic development: contemporary study // Turkish Journal of Islamic Economics. 2015. Vol. 2, № 2. P. 21–44. DOI: 10.15238/tujise.2015.2.2.21-44.
11. *Siddiqui Sh., Wasif R.* US Muslims gave more to charity than other Americans in 2020 [Electronic resource] // The Conversation. 2021. 5 November. URL: <https://theconversation.com/us-muslims-gave-more-to-charity-than-other-americans-in-2020-170689#:~:text=We%20found%20that%20Muslim%20Americans,5.3%25%20of%20the%20general%20public> (date of access: 12.09.2024).
12. Social Impact Accelerator [Electronic resource] // American Muslim Community Foundation. URL: <https://amuslimcf.org/accelerator/> (date of access: 24.09.2024).
13. Social Impact Update [Electronic resource] // American Muslim Community Foundation. URL: <https://amuslimcf.org/wp-content/uploads/2024/02/AMCF-Social-Impact-Update-2024.pdf> (date of access: 24.09.2024).
14. What is a Giving Circle? [Electronic resource] // American Muslim Community Foundation. URL: <https://whatisagivingcircle.com/3/> (date of access: 24.09.2024).

SUMMARY OF RESEARCH ON RITUAL ARCHITECTURE IN QIN AND HAN DYNASTIES

Li Yi

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, 768981320@163.comtel*

The ritual architecture of Qin and Han dynasties is an important part of the ancient capital of China. They occupy an important position in Chinese archaeology, history, ritual history, urban planning, architectural history and other disciplines. This paper reviews, summarizes and discusses the important scholars and literature on the study of ritual and ritual architecture. The conclusion is that as early as the pre-Qin period, Chinese people established a series of architectural forms to maintain the stable operation of society.

Keywords: China; Qin; Han; capital; urban studies; urban planning; history of architecture; ritual architecture; historiography.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ РИТУАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ ДИНАСТИИ ЦИНЬ И ХАНЬ

Ли И

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, 768981320@163.comtel*

Ритуальная архитектура династий Цинь и Хань является важной частью древней столицы Китая. Они занимают важное место в китайской археологии, истории, религии, градостроительстве, истории архитектуры и других дисциплинах. В настоящем документе рассматриваются, резюмируются и обсуждаются важнейшие ученые и их работы по теме ритуальной архитектуры эпохи династий Цинь и Хань. Вывод состоит в том, что еще в предшествующий Цинь период китайский народ создал серию архитектурных форм для поддержания социальной стабильности.

Ключевые слова: Китай; Цинь; Хань; столица; городская планировка; история архитектуры; ритуальная архитектура; историография.

The ritual architectures of Qin and Han Dynasties are of great significance in Chinese history, representing the political system, social culture and symbol of power of the rulers at that time. In the past two decades, the study of Chinese ritual architectures has received more and more attention among Chinese scientists and from the international academic community.

Research on Qin and Han ritual architectures that time mainly conducted in the archaeological field. The starting point of these studies can be traced back to the 1950s. Some important steps at that time were made during the excavation of the southern suburbs of Chang'an City of the Han Dynasty. An excavation report on the Mingtang-Piyong site was published in 1959 in the 2nd issue of

“Acta Archeologica Sinica”. Briefing on the excavation of the site Wangmang Jiu Miao (“Nine Temples of Wangmang”) was published in 1960 in the 7th issue of “Archaeology”.

In the 1970s excavations of the ceremonial architectural ruins of Luoyang City of the Han and Wei dynasties continued. The first issue of “Archaeology” in 1978 published the excavation briefing of Lingtai Site of Luoyang City in Han and Wei Dynasties. Duan Pengqi and others co-authored published the results of the investigation of the ancient city of Han and Wei Dynasties in Luoyang. In the “Proceedings of the 5-th Annual Meeting of the Chinese Archaeological Society” (1985), a brief introduction was given to the excavation of the ritual building sites of the ancient cities of the Han and Wei dynasties. Scholars such as Xu Jing-yuan and Chen Jiuheng also published papers on the Han and Wei Shijing and the Lingtai site respectively.

The most important studies in the field of the history of rituals include Li Jieping's “Overview of Ancient Chinese Capitals” (1981), Hu Ji's “General Chronicles of Chinese Culture: Etiquette” (1998), Chen Shuguo's “Chinese Etiquette” and “Qin and Han Volumes” (2002), Liu Qingzhu's “Archaeological Discovery and Research of Ancient Chinese Capitals Part 1 and Part 2” (2006), “Qin and Han Civilizations” compiled by the China Cultural Relics Exchange Center (2018), etc. Mr. Liu Qingzhu's research “Archaeological Discovery and Research of Ancient Chinese Capitals Part 1 and Part 2” is the most authoritative. Many of this views are relatively cutting-edge and consistent with current interpretations.

Recent years, research on the ritual architecture of the Qin Dynasty and Han Dynasty has gradually deepened. The more important scholars, as Jiang Bo, pointed out in his doctoral thesis “Research on Ritual Architecture in the Capitals of Han and Tang Dynasties” (2001) that some etiquette principles were included in the layout of ancient Chinese capitals, such as “the ancestral temple is on the left and the social temple is on the right”, worshipping the sky in the south, worshipping the ground in the north, facing the sun in the east, and facing the moon in the west, etc. Applied to specific planning technologies, this is a systematic summary from the concept to the practical level. In “Research on Imperial Sacrificial Architecture in the Qin and Han Dynasties” (2011), Yu Qian divides sacrificial buildings into sacrificial buildings for heaven, earth, and sacrificial buildings. What is lacking in this study is that it does not differentiate between the formal introduction of Buddhism during the Eastern Han Dynasty and China's future influence on the content of local rituals.

Jiao Zeyang's “Research on the Historical Evolution of Chinese Traditional Ethics and the Ritual Characteristics of Ancient Capital Forms” (2012) studied the “ritual” form of the Qin and Han capitals from the perspective of ethics. He

pointed out that the ritual ethical thought had become a system in the pre-Qin period. From the pre-Qin period to later dynasties, the ritual ethical thought was expressed in the planning of capitals. It summarizes that the Eastern Han Dynasty pushed the Confucian “ritual” ethical thought from academic research (the Han Dynasty focused on interpreting classics) to the level of the country's “ritual” system. It is worthy of recognition that the author has elevated “rituals” to the perspective of Chinese and Western ethics, revealing the basic background, open characteristics, cognition and value system of “rituals” in the process of historical evolution, which is more conducive to clarifying the narrow views of Eastern civilization such as “autocracy” and “dictatorship” [1, p. 79–85].

From the research in the past two years, it can be seen that Qian Guoxiang's “Sacrificial Ritual Architectural Space of Luoyang City in Han and Wei Dynasties” (2022) takes Luoyang City in Han and Wei Dynasties as an example to analyze its important geographical location and its role in connecting Zhou, Han, Sui and Tang Dynasty in Chinese history. It is also concluded that ancient Chinese capitals of the Eastern Han Dynasty had formed a complete system of suburban sacrifices – offering sacrifices to heaven in the southern suburbs, offering sacrifices to earth in the northern suburbs, and offering sacrifices to ancestors and descendants; among the ritual buildings there were independent Ming-tang, Piyong, Lingtai and Taixue's ritual architecture formed a unique palace etiquette system; it also created the “Five Suburbs Altar” to welcome the current times and the system of “Zuo Zu You She” (“on the left of palace is ancestral temple, and on the right is state temple”) [2, p. 106–108].

Mr. Liu Qingzhu's “Archaeological Interpretation of the Identification Criteria and Development Path of Chinese Civilization” published in “Chinese Social Sciences” (2023) summarized that the “dual axes” of the capital reflected the dual political pattern of geo-politics and blood politics. The development of the ancient capital from the “double axes” to the “central axis” was a manifestation of the strengthening of geopolitics and the weakening of blood politics. This fundamentally outlines the in-depth study of Qin and Han ritual architecture, that is, ritual architecture, as one of the important material carriers of “ritual”, is not a fixed and stylized discussion of “regulation”, and is different from modern times. This point has also been reflected in many studies by many foreign scholars in recent years [3, p. 14–16].

Through the summary and discussion of important scholars and their studies, it provides the author with very important conclusion. Since the pre-Qin period, the Chinese have established a series of “ritual” ideas from the spatial cognitive dimension of “heaven and earth”, and then the idea of “neutralization” has established a sustained system at the human, social and national levels.

References

1. *Jiao Zeyang*. [Research on the historical evolution of Chinese traditional ethics and the characteristics of ancient capital forms and rituals] // PhDiss. Nanjing University, 2012. [Chinese].
2. *Qian Guoxiang*. [Sacrificial ritual architecture space in Luoyang City of Han and Wei Dynasties] // *Archaeology and Cultural Relics Research* 2022, vol. 4. [Chinese].
3. *Liu Qingzhu*. [Archeological interpretation of the identification Standard and development path of Chinese Civilization] // *Chinese Social Sciences* 2023, vol. 6. [Chinese].

ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ ГИЛЬЁМА ДЕ НОГАРЕ И ГИЛЬЁМА ДЕ ПЛЕЗИАНА ПРОТИВ БОНИФАЦИЯ VIII

В. И. Лясун

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, valentinleshij@gmail.com*

В работе представлена система обвинений в сторону папы римского Бонифация VIII, а также аргументация этих обвинений королевских советников Гильёма де Ногаре и Гильёма де Плезианом. В качестве источников были использованы речи, записанные на собраниях высшего дворянства и духовенства 12 марта и 13–14 июля 1303 г. в Лувре и Париже. В ходе анализа были выделены основные группы обвинений и аргументации, использованные королевскими советниками в ходе конфликта французского короля Филиппа IV и Бонифация VIII.

Ключевые слова: Бонифаций VIII; Гильём де Ногаре; Гильём де Плезиан; система обвинений; ересь.

THE ACCUSATORY SPEECHES OF GUILLAUME DE NOGARET AND GUILLAUME DE PLUSIAN AGAINST BONIFACE VIII

V. I. Lyasun

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, valentinleshij@gmail.com*

The work presents a system of accusations that were directed at Pope Boniface VIII and arguments, used by royal advisers Guillem de Nogaret and Guillem de Plusian. Speeches, that were made at meetings of the highest nobility and clergy on March 12 and July 13–14, 1303 in Louvre and Paris were used as sources. The work highlights main groups of accusations and arguments used by royal advisers during the conflict between the French King Philip IV and Boniface VIII.

Keywords: Boniface VIII, Guillaume de Nogaret, Guillaume de Plusian, the accusation system, heresy.

Введение. Начало XIV в. ознаменовалось новым этапом в конфликте между светской и духовной властью. Основными участниками стали папа римский Бонифаций VIII и французский король Филипп IV Красивый. Конфликт можно поделить на несколько стадий, выделить из них два крупных столкновения [9, с. 20]. Первое столкновение произошло в 1296–1297 гг. и закончилось поражением Бонифация VIII. Папа римский пошел на уступки, разрешив собирать деньги с духовенства на королевские нужды. Второе столкновение проходило в более ожесточённо. В 1301 г. Памьерский епископ Бернар Сессе обвинялся в оскорблении Филиппа IV Красивого и должен был предстать перед королевским судом. Однако, Бонифаций VIII вмешался и освободил епископа, обосновав свои действия в буллах «Ausculata

fili» и «Unam sanctam». Папские документы закрепляли превосходящее положение духовной власти над светской и запрещали всяческое вмешательство в дела духовенства. Всех, кто нарушит данное постановление, ожидало обвинение в ереси [7, с. 59].

Французский монарх посчитал буллы Бонифация VIII вмешательством в свою внутреннюю политику и возобновил борьбу. Вместе со своими советниками он решил заручиться поддержкой со стороны французских феодалов, духовенства и горожан, созвав в этих целях 10 апреля 1302 г. первую ассамблею Генеральных штатов. Представители трех сословий удовлетворили требования короля. Однако, после выпуска буллы «Unam sanctam» поддержки оказалось недостаточно. По инициативе королевских советников была созвана новая ассамблея в Лувре, где выступили Гильём де Ногаре и Гильём де Плезиан с обвинительными речами [3, р. 133–135].

Постановка проблемы и цели исследования. Для Франции такое стремительное и серьезное столкновение со Святым Престолом было в новинку. Французские короли династии Капетингов сотрудничали с Церковью и в папских документах назывались «наихристианейшими» из всех европейских монархов [6, с. 178]. Вопрос взаимоотношения духовной и светской власти чаще подымался в конфликтах между папой римским и императором Священной Римской Империи. Поэтому французской короне приходилось искать средства борьбы, учитывая специфику сложившегося положения.

Одним из актов борьбы стала попытка созыва собора с целью осудить и низложить Бонифация VIII. Для этого нужна была поддержка феодалов и духовенства, а также аргументированные обвинения. Папа может лишиться сана, если будет доказано, что он еретик [5, р. 38]. 12 марта 1303 г. состоялся совет на котором присутствовали представители дворянства и духовенства. Гильём де Ногаре и Гильём де Плезиан попытались убедить собравшихся в актуальности созыва будущего собора. Королевские юристы представили обвинения, направленные на Бонифация VIII и аргументировали их.

Таким образом, целью данного исследования является выявление системы обвинений, направленных на Бонифация VIII, и их аргументации. Система позволит определить степень подготовленности Г. де Ногаре и Г. де Плезиана к аргументированному выступлению, требующего знания церковного права. Также система может проиллюстрировать стратегию французской короны в борьбе против папы римского. Немаловажную роль играет значение системы обвинений в качестве средства борьбы против римского понтифика.

Основная часть. После выпуска буллы «Unam sanctam», согласно которой любой несогласный с верховенством духовной власти объявлялся еретиком, Филиппу IV Красивому пришлось искать выход из ситуации. Уступать папе римскому монарх не хотел, так как видел в притязаниях Бонифация VIII ограничение своих полномочий. Фактически, для того, чтобы выйти из конфликта победителем, Филипп Красивый должен был добиться отмены буллы от 18 ноября 1302 г. Похожий вариант можно было наблюдать во время первого конфликта, когда булла «Clericos laicos» была заменена полностью противоположной «Romana Mater» [9, с. 21]. Однако, дискуссия насчет соотношения духовной и светской власти велась давно, и понтифики никогда в ней не уступали [6, с. 118]. Поэтому Филипп Красивый избрал более радикальный способ и решил низложить папу римского. Для этого ему нужно было созвать собор, где бы Бонифаций VIII был осужден как еретик и низложен.

12 марта 1303 г. в Лувре состоялось совещание, на котором присутствовал французский король, представители дворянства и духовенства [3, р. 133]. Основной целью совета было представление обвинений против Бонифация VIII и обсуждения, в какой форме будет проходить будущий собор. Главным оратором выступил доктор права и королевский советник Гильём де Ногаре. По мнению исследователей, он был хорошим юристом и отлично знал нормы светского права [4, р. 491]. В конфликте короля с папой принимал активное участие, организовал вышеупомянутое собрание. В дальнейшем спланировал заговор против Бонифация VIII и инициировал посмертный суд.

Речь Г. де Ногаре 12 марта 1303 г. [2] можно условно поделить на 4 смысловые части.

Первая часть речи содержит выдержку из Священного Писания: «Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель» (2 Пет 2,1). Ссылаясь на пророчество, Ногаре объявляет Бонифация VIII лжеучителем. Тезис подкрепляется сравнением папы римского с библейским Валаамом (Чис 22–25), при этом акцентируется, что данный пророк был лжеучителем. Такое сравнение и упор на то, что Бонифаций VIII «не господин, судья и учитель, а лжец» указывает на общую парадигму обвинения папы в ереси. Ссылка на Второе послание Петра задаёт общий тон документу и делает его более авторитетным. Однако, Писание в этом случае выступает не в роли качественного аргумента, а как вступительное слово.

Вторая часть аргументирует нелегитимность папы римского. Считалось, что, будучи еще кардиналом, Бонифаций VIII поспособствовал

«Великому отказу» своего предшественника Целестина V. Опасаясь, что вокруг Целестина начнут собираться враждебные силы, Бонифаций VIII закрыл отрекшегося понтифика в келье, где тот умер. Из-за этих обстоятельств Бонифаций VIII был обвинен в незаконном нахождении на Священном Престоле. В парижском университете был выпущен ряд трактатов, доказывающих, что отречение Целестина V было совершенно согласно всем нормам [5]. Однако, Ногаре предложил свою аргументацию. Он апеллировал к священному браку папы римского с Церковью. Такой тезис позволял утверждать, что Целестин V не имел право отрекаться: «Что Бог соединил, того человек да не разлучает». Также идея позволяла обвинить Бонифация VIII в акте прелюбодеяния: «он (Бонифаций) не мог быть супругом Церкви, что при живом первом муже, учитывая веру в брак, устанавливается прелюбодеянием». В контексте общего вопроса о легитимности Бонифация, такие обоснования, ввиду узкой доказательной базы и отсутствия у Г. де Ногаре авторитета в вопросах теологии, не могли иметь большого успеха. Однако, это также была попытка выстроить аргументацию, учитывая специфику обвиняемого и его «преступлений». Стоит учесть, что Ногаре продолжал линию, начатую семейством Колона. У кардиналов этой фамилии был конфликт с Бонифацием VIII. Прячась от папского гнева, они нашли убежище во французском королевском дворе [7, с. 149] и оттуда начали кампанию по теологическому оспариванию «великого отказа» и легитимности врага [5, р. 37].

Третья часть содержит краткий список всех обвинительных тезисов:

1. Бонифаций VIII объявляется не легитимным «ибо вошел не в ту дверь, как вор».

2. Папа римский — еретик. Сам тезис не сопровождается аргументацией; заявляется, что он «отрезан от Церкви» и «провозглашал многие виды ереси».

3. Папа римский обвиняется в симонии. Акцент делается не на само действие, а на проповедование того, что папа римский не может совершать акты симонии. Таким образом, Бонифаций VIII снова вступает на путь лжеучителя.

4. «Бонифаций, окутанный явными преступлениями, огромными и бесконечными, ожесточен в них до такой степени, что совершенно неисправим, и до такой степени помещен в глубину зол, что с эти больше нельзя мириться, не подрывая состояние Церкви». Четвертый тезис является группой обвинений в грехах. В нём упоминается папская любовь к наживе (симония), желание проливать кровь (нежелание содействовать прекращению войн), преследование праведников (конфликт с францисканцами) и лжеучение (невыполнение богослужений и постулирование новых догм).

Последняя часть речи — это определение дальнейшего плана действий: созыв собора, где будет осужден за ересь Бонифаций VIII. Роль организатора отдавалась Филиппу IV Красивому, как «защитнику веры». Однако, само собрание ничего не решало: оно должно было подготовить общественность к мысли о возможности и необходимости низложения римского понтифика [8, с. 111].

Таким образом, можно выделить три элемента обвинений. Обвинение в ереси как основной тезис, благодаря которому папу можно лишить сана. Второй элемент — обоснование нелегитимности. Третьим элементом являются мелкие обвинения, которые дополняют два предыдущих и выступают в роли грехов папы римского. К ним будут относиться жажда обогащения, кровопролитие и др.

Аргументация опирается на тексты Священного Писания и на церковные догмы. Однако, многие обвинения ссылаются на общественную молву или вовсе никак не обосновываются, что делает речь Ногаре перечислением обвинений без сильной аргументации. Именно поэтому одного совещания было недостаточно для достижения желаемых результатов.

13 июня 1303 г. в Париже начался новый совет. Инициатором был Гильём де Плезиан. Можно говорить о том, что он служил при королевском дворе, был знатоком права и помощником Г. де Ногаре [3, р. 136]. В этот день собралось все высшее дворянство, задачей которого было подготовить подробный и аргументированный список обвинений, чтобы огласить его на следующий день для обсуждения и вынесения вердикта. 14 июня 1303 г. в присутствии Филиппа IV Красивого Г. де Плезиан выступил с речью [1].

В документе [1] можно выделить 3 основные части. Первая и последняя части по смыслу идентичны с предыдущим документом. Единственным отличием является отсутствие ссылки на библейские сюжеты. Вместо этого Плезиан объясняет основную повестку собрания: «Бонифаций — еретик, я верю, что смогу это доказать нижеприведенными тезисами».

Текст не разбит на отдельные обвинения, многие из которых переплетаются, что затрудняет вычленение основных тезисов. Условно можно выделить 29 положений. Их перечисление не имеет смысла: в работе М. М. Кёрли можно найти подробный список [3, pp. 136–138]. Для заявленной темы достаточно выделить основные группы обвинений и аргументации, чтобы сделать из них общую систему.

Г. де Плезиан в своих тезисах старается следовать основной идее «Бонифаций VIII — еретик и лжеучитель». Папа римский несоблюдает таинств и не уважает их: «В момент Вознесения не подымает глаз, и не оказывает должного уважения», «отказал в покаянии» и др. Также Бонифаций VIII не верит основным догмам Церкви: «не верит в бессмертие

души» — и проповедует не соблюдать их: «блуд — не самый страшный грех», «разрешает не соблюдать пост». Вдобавок ко всему, папа римский одобрил ранее осужденную за ересь книгу Арнольда де Вильнева и имеет личного демона.

Вторая группа является отличительной особенностью выступления Плезиана. Бонифаций VIII обвиняется во враждебном отношении к Франции и ее народу: «папа римский считает, что лучше быть собакой, чем французом», «любыми способами готов принижать французов». Введение новой группы обвинений обусловлено аргументацией главенствующей роли французского короля в будущем соборе, так как он «защитник веры и французов».

Третья группа идентична мелким обвинениям в речи Г. де Ногаре и также дополняет предыдущие группы. Интересным отличием является смещением акцента с легитимности Бонифация VIII. Плезиан упоминает историю с Целестином V, однако вовсе уходит от темы легитимности, останавливаясь только на «убийстве» Целестина.

Аргументация у Г. Плезиана заметно расширяется, но при этом не становится более качественной, наоборот, появляются черты софистики. Ярким примером является обоснование связи Бонифация VIII с демоническими силами: «папа римский заявляет, что его невозможно обмануть, а такое возможно только при обращении к демонам». Появляются ссылки на «общественное мнение» и «народные слухи». Такая аргументация используется для обоснования обвинений в ереси, что показывает в целом плохой уровень подготовки Плезиана. Однако, королевский советник также старается привести реальные примеры. Это касается обвинения в издании еретической книги и раскрытии тайны исповеди.

Таким образом, обвинительная база в речи Г. де Плезиана обогащается примерами, но аргументация приобретает софистскую окраску, тем самым теряя качество.

Заключение. Итоги анализа двух документов показывают, что общий посыл речей заключался в обвинении Бонифация VIII в ереси. Это соответствует целям Филиппа IV Красивого по низложению папы, а также коррелирует с законами того времени. В системе обвинений осуждение в ереси будет самым важным элементом. Элемент будет распадаться на две группы: несоблюдение таинств и догм Церкви и проповедование ложных учений.

Другими двумя элементами являются группы обвинений, отличающиеся в речах королевских советников. У Г. де Ногаре обвинение в незаконном занятии Святого Престола, а у Г. де Плезиана — нападки на Францию. Такое отличие объясняется различными целями собрания. Главная цель собрания 12 марта 1303 г. — привлечение внимания общественности, а

14 июня — созыв собора, где главенствующая роль будет принадлежать Филиппу Красивому. Эти два элемента влияют на общую систему, но не имеют решающего значения. Точно также можно выделить группу обвинений, которые акцентируют внимания на грехах римского понтифика.

Обоснование обвинительных тезисов базируется на людской молве и софистских выводах. Кроме этого, стоит учесть, что представители высшего духовенства согласились на созыв собора только после давления со стороны Филиппа IV Красивого [8, с. 113]. Поэтому аргументация выполняет связующую роль между элементами, но не имеет решающего значения.

Таким образом, главной целью королевских советников было публично обвинить Бонифация VIII в ереси и привлечь всеобщее внимание к конфликту. Аргументации же отводилась второстепенная роль.

Библиографические ссылки

1. ASSEMBLÉE TENUE A PARIS // Documents relatifs aux États généraux et Assemblées réunis sous Philippe le Bel; edited by Picot G. Paris: Imprimerie Nationale, 1901. P. 34–53.
2. ASSEMBLÉE TENUE AU LOUVRE // Documents relatifs aux États généraux et Assemblées réunis sous Philippe le Bel; edited by Picot G. Paris: Imprimerie Nationale, 1901. P. 28–34.
3. *Curley M. M.* The conflict between Pope Boniface VIII and King Philip IV, the Fair. Washington D. C.: The Catholic University of America, 1927.
4. *Dossat Y.* Guillaume de Nogaret, petit fils d' hérétique // Annales du Midi : revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale, T. 53, № 212, 1941. P. 391–402.
5. *Leclercq J.* The Legitimacy of Boniface VIII // Philip the Fair and Boniface VIII: State vs. Papacy. 1976. P. 36–40.
6. *Блок М.* Короли-чудотворцы: очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.: Издательская группа «Альма Матер»; «Гаудеамус», 2023.
7. *Ланглуа Ш. В.* Филипп Красивый и его сыновья. Франция в конце XIII – начале XIV века. СПб: Евразия, 2022.
8. *Хачатурян Н. А.* Возникновение Генеральных штатов во Франции. Москва: Издательство Московского университета, 1976.
9. *Шафф Т.* История Христианской Церкви: в 8 т. СПб: «Библия для всех», 2009. Т. 6: Средневековое христианство. От Бонифация VIII до протестантской реформации.

СОСТОЯНИЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В АНГЛИИ В СЕРЕДИНЕ XIX В.

Н. Е. Орлова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, hist@bsu.by*

Развернувшаяся в Англии промышленная революция вызвала необходимость глубоких преобразований в сфере народного просвещения в целях создания в стране системы массового обучения. Совместная деятельность общественности и государства в этом направлении к середине XIX в. принесла определенные успехи. Однако ряд факторов и, прежде всего, нерешительность властей в деле реформирования данной сферы обусловил, в целом, неудовлетворительное состояние начального образования в стране в середине столетия.

Ключевые слова: промышленная революция; английское народное просвещение; национальная система массового обучения; благотворительные институты; официальная церковь; английские власти.

THE STATE OF PUBLIC EDUCATION IN ENGLAND IN THE MIDDLE OF THE 19th CENTURY

N. E. Orlova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, hist@bsu.by*

The industrial revolution that unfolded in England caused the need for deep reforms in the sphere of public education in order to create a system of mass education in the country. The joint activities of the public and the state in this direction by the middle of the 19th century brought certain successes. However, a number of factors and, first of all, the indecisiveness of the authorities in reforming this sphere have caused, in general, the unsatisfactory state of primary education in the country in the middle of the century.

Keywords: industrial revolution; English public education; national system of mass education; charitable institutions; official church; English authorities.

Эпохальные социально-экономические и политические события второй половины XVIII в. — промышленный переворот в Англии, буржуазные революции в США и Франции — внесли большие изменения в жизнь английского общества, обнажили многие его проблемы. В их числе обнаружилось бедственное состояние образования народа, обусловленное архаичностью действовавшей в стране средневековой системы образования, основанной на частной инициативе. В этой связи в конце XVIII — начале XIX в. английская общественность и правящие круги впервые обратили внимание на состояние начального образования в стране как на особую

проблему. В это время обозначились и первые попытки обеспечения всеобщего начального обучения в стране: с 1780-х гг. началось движение воскресных школ, инициированное владельцем газеты Р. Райксом [1, с. 5].

На протяжении первой трети XIX в. со стороны не только общественности, но уже и властей предпринимались конкретные шаги в направлении создания системы массового обучения в стране: с начала XIX в. развернулась деятельность известных просветительских организаций — «Британского» и «Национального» обществ, были приняты первые меры в деле организации обучения занятых на фабриках детей (законы 1802, 1819 гг.) [8, р. 418]; впервые вопрос о народном образовании был поставлен в английском парламенте (1807, 1820) [20, col. 802–803], созданы первые парламентские комиссии по изучению состояния образования бедных слоев (1816, 1818). При этом следует обратить особое внимание на деятельность двух крупнейших в истории английского образования просветительских организаций — «Британского и иностранного школьного общества» («Британского общества») и «Национального общества для просвещения бедных согласно принципам англиканской церкви» («Национального общества»), возникших в начале XIX в. под руководством видных педагогов Дж. Ланкастера и А. Белля [7, с. 5–8]. Свою деятельность они основывали на принципе взаимного обучения — системе мониторов (способные старшие ученики становились помощниками учителя — мониторами). Важно отметить, что данная система носила общественный и массовый характер, а также предусматривала учреждение дешевых ежедневных школ для неимущих по всей стране. «Британское общество» было ориентировано на обучение детей различных вероисповеданий, в школах «Национального общества» на первое место ставилось преподавание религии в догматах англиканской веры [7, с. 5–8]. С момента своего образования «Национальное общество» опиралось на поддержку правящих кругов и наиболее влиятельных лиц. По масштабам своей деятельности оно довольно скоро обогнало ланкастерские школы [12, р. 4; 11, р. 4].

Несмотря на определенное противостояние, данные общества внесли неоценимый вклад в развитие начального образования в Англии. Со времени своего создания и до первой реформы образования 1870 г. они вели основную просветительскую работу среди широких масс. Безусловно, их деятельность заложила основы национальной системы массового образования в стране.

В целом, благодаря прежде всего активной просветительской деятельности общественности и, в определенной степени, властей, в первой трети XIX в. обозначился отход системы английского просвещения от средневекового порядка, построенного на частной инициативе, к востребованной

временем национальной системе массового обучения. При этом, как можно заметить, первые меры английских властей в этой сфере были весьма ограниченными, носили в основном косвенный характер, что во многом обуславливалось полным господством в стране земельной аристократии (партии тори), мало учитывавшей интересы промышленной буржуазии и потребности времени.

В 1830 г. после долгого перерыва к власти пришли виги. Они поддерживали движение за парламентскую реформу и провели ее в 1832 г. В результате число избирателей увеличилось почти вдвое, прежде всего за счет торгово-промышленной буржуазии, оказывавшей теперь определяющее влияние на политику страны. Виги-либералы, непосредственно выражавшие ее интересы, находились у власти с небольшими перерывами с 1830 г. до последней трети XIX в.

Первая парламентская реформа положила начало новому этапу в истории Великобритании. Теперь политика правящих кругов проводилась в русле основных положений классического либерализма, идеологии английского торгово-промышленного капитала. Вместе с тем уже первые мероприятия реформированного парламента свидетельствовали и о появлении новой тенденции в политическом развитии страны — закономерном усилении роли государства в обществе, связанном с развитием индустриализации.

Свидетельством обозначенной тенденции была политика английских властей в сфере народного просвещения в пореформенный период. Ее весьма плачевное состояние было особенно недопустимым в условиях завершения промышленной революции и формирования индустриального общества. В этой связи новый парламент уже в начале своей деятельности сосредоточился на проблемах начального образования. Прежде всего он продолжил просветительскую деятельность в рамках фабричного законодательства: в 1833, 1844, 1847 гг. были приняты акты, предусматривавшие необходимые условия для обучения занятых на фабриках детей и подростков [9, р. 523–524; 10, р. 600–601]. Кроме того, в акте 1833 г. предусматривалось создание института фабричной инспекции, гарантировавшего его выполнение. Подобно фабричным актам новый закон о бедных 1834 г. также предписывал создание ежедневных школ при работных домах для обучения находившихся здесь детей основам грамотности и некоторым профессиям [5, с. 18].

В первой половине 1830-х гг. обозначилось новое направление в деятельности властей в сфере просвещения: в 1833 и 1835 гг. были выделены первые правительственные субсидии на нужды начального образования. В первом случае в размере 20 000 ф. ст. для строительства новых

школ, во втором — 10 000 ф. ст. на организацию первого в стране национального педагогического колледжа в связи с возникшей потребностью в квалифицированных учителях [15, col. 736; 19, p. 232]. Однако в обоих случаях в связи с отсутствием каких-либо государственных структур в сфере просвещения, а во втором — также из-за сопротивления официальной церкви, опасавшейся потерять здесь свои приоритеты, субсидии были переданы ведущим просветительским обществам — «Национальному» и «Британскому». В дальнейшем была продолжена деятельность в данном направлении, обозначился довольно быстрый рост государственных субсидий на нужды начальных школ. В 1844 г. правительство приняло акт, значительно расширявший систему субсидирования [6, с. 532]. А с середины 1850-х гг. государственная помощь оказывалась уже не только ведущим просветительским обществам, но и школам католиков и методистов. Подобные действия властей свидетельствовали об их стремлении сгладить религиозные противоречия в начальных школах в целях создания необходимых условий для формирования национальной системы всеобщего начального обучения в стране.

В пореформенный период власти сделали первые шаги по пути централизация управления системой просвещения. В 1839 г. был принят закон о создании при Тайном совете первого в истории английского образования специального ведомства — Комитета по образованию [17, p. 160]. Однако данный Комитет не вошел ни в одно из существовавших министерств, поэтому с самого начала испытывал большие затруднения в своей деятельности [7, с. 10]. В 1840 г. правительство приняло «Положение о Комитете по образованию», в котором излагались его полномочия. Важнейшей функцией Комитета было распределение выделяемых правительством субсидий на нужды начальных школ и контроль за их использованием. В качестве основного инструмента его деятельности предусматривался институт инспекции [13, p. 2]. В целом «Положение» свидетельствовало, с одной стороны, о стремлении властей расширить свой контроль над сферой образования, а с другой — о намерении сохранить здесь религиозно-благотворительную составляющую и преобладание официальной церкви.

В данный период весьма насущным стал вопрос подготовки учительских кадров. В этой связи в 1846 г. была введена новая система воспитанников-преподавателей (*pupil-teachers*), более совершенная по сравнению с мониторинной, поскольку предусматривала подготовку профессиональных учителей [18, p. 52–55]. Данная система была ориентирована на всеобщее начальное обучение.

Отмечая уже более конкретные и достаточно успешные действия государства в сфере народного образования, следует иметь в виду, что в

1830-х – 1840-х гг. дело просвещения по-прежнему оставалась в руках религиозно-благотворительных структур. Быстро росло число их школ, появлялись новые типы учебных заведений. Так, в 1830-х гг. стали учреждаться так называемые «школы для оборвышей», охватившие образованием самые низшие категории детей — беспризорников и сирот. В этих школах обучали основам грамотности и некоторым видам ремесла. В 1844 г. было создано «Общество школ для оборвышей», содействовавшее их распространению [14, р. 153]. При этом основную нагрузку в сфере просвещения народа на себе несли «Национальное» и «Британское» общества. И, как уже отмечалось, особенно активно действовало «Национальное общество», поддерживаемое властями и англиканской церковью. В 1840 г. общее число его школ составило 17 341, в них обучалось 1 003 087 детей [11, р. 4].

В результате совместных усилий частных учреждений и государства в деле просвещения народа были достигнуты заметные успехи. Особенно серьезные сдвиги произошли в первые десятилетия после парламентской реформы 1832 г., когда развитие образования в Англии приняло более динамичный и последовательный характер. По сути, в этот период было положено начало созданию национальной системы массового обучения. После выдачи в 1833 г. первой субсидии государство шаг за шагом расширяло свое влияние на сферу народного образования. В середине XIX в. здесь уже существовали элементы центральной власти: специальное ведомство (Комитет по образованию), институт правительственной инспекции и система государственного субсидирования. Как уже отмечалось, в пореформенный период продолжали расширять свою деятельность и благотворительные учреждения. О заметных достижениях английского начального образования в это время свидетельствует официальная статистика: с 1833 г. по 1851 г. число ежедневных школ в Англии увеличилось почти на 8000, количество учащихся — на 867 431. В 1851 г. действовало уже 46 042 ежедневных школ, из них почти треть (15 518) субсидировались правительством и находились под его контролем [4, с. 131]. Следует отметить довольно быстрый рост государственных субсидий на нужды начальных школ: за 1830–1840-е гг. они увеличились более чем в 7 раз, при этом имели достаточно широкое предназначение [6, с. 532].

Важные сдвиги в середине XIX в. произошли и в системе преподавания в начальных школах. В 1840-х гг. при поддержке государства учреждались педагогические колледжи для подготовки профессиональных учителей, в начале 1850-х гг. их было уже около 25. Большой вклад в решение этой проблемы внесла новая система воспитанников-преподавателей, которая была значительным шагом вперед по сравнению с мониторингой. Благодаря ее введению в Англии в конце 1840-х гг. было

681 дипломированных учителей и 3580 воспитанников-преподавателей, а в начале 1850-х гг. — уже соответственно 1100 и 6000 [7, с. 12]. Придание учителю статуса дипломированной профессии укрепило его авторитет, улучшило материальное положение, что, несомненно, повысило уровень преподавания. Дипломированные учителя в середине XIX в. получали до 60–90 ф. ст. в год, что соответствовало доходам рабочей аристократии [21, р. 105]. Свидетельством возвышения английского учителя было появление в стране в начале 1850-х гг. местных союзов учителей. Они носили не только социальный, но и просветительский характер: организовывали бесплатные лекции, вели дискуссии по проблемам образования [21, р. 105].

Однако, несмотря на определенные успехи начального образования в Англии, обозначенные в рассматриваемый период, прогресс был слишком медленным. Достигнутый к середине XIX в. уровень образования народа уже не отвечал потребностям страны, ставшей в середине столетия первой индустриальной державой мира. Большинство начальных школ испытывало серьезные финансовые затруднения. Вместе с тем, прямое содействие со стороны государства развитию начального образования до сих пор выражалось лишь в выдаче небольших субсидий, которые оговаривались рядом условий: обязательный допуск правительственной инспекции, удовлетворительные помещения, наличие дипломированных учителей и т. п. На практике подобная система государственных пособий оставляла без поддержки наиболее нуждавшиеся в ней районы и школы.

В середине XIX в. по официальным данным в Англии насчитывалось 5 млн детей школьного возраста (4–15 лет), из которых лишь 2 млн посещали школы, 600 тыс. работали на фабриках, а более 2 млн ничем не занимались [4, с. 131]. Таким образом, почти половина английских детей не получали образования. Не наблюдалось заметного прогресса относительно возрастного состава учащихся начальных школ: в них обучалось 50% детей 8-летнего возраста, 11-летнего и старше — 15%, причем последняя группа состояла в основном из воспитанников-преподавателей. Отмеченная статистка свидетельствовала о непродолжительной школьной жизни английских детей, в среднем она длилась около 2 лет [21, р. 45]. При этом большинство учеников посещали занятия крайне нерегулярно, поскольку работали с раннего возраста.

Учебные программы начальных школ, как и прежде, были ориентированы, в первую очередь, на религиозное воспитание и лишь во вторую — на усвоение основ грамотности: элементарного чтения, письма и счета. При этом чтение в основном огранивалось Библией, а письмо состояло в переписывании библейских текстов на грифельных досках. В своих отчетах инспекторы отмечали во многих случаях использование

Библии в качестве учебного пособия для общего, т. е. светского обучения. Лишь 40 % начальных школ включали в учебные программы современные предметы: английскую грамматику, отечественную историю, географию. Однако образовательная ценность и этих предметов была невелика из-за низкого уровня преподавания в начальных школах и неподготовленности детей низших слоев к их восприятию (тяжелые условия жизни, слабое здоровье, занятость на работе) [16, col. 649].

Начальные школы все еще испытывали большой недостаток в квалифицированных педагогах. Обычно они имели лишь одного штатного учителя, который обучал детей всех возрастов или контролировал работу воспитанников-преподавателей. Лишь в школах больших городов иногда было несколько учителей. В середине XIX в. еще не сложилась определенная система подготовки квалифицированных педагогов. Помимо финансовых трудностей этому препятствовало отсутствие консенсуса в английском обществе относительно данной проблемы. Традиционно в Англии преподавание в начальной школе не считалось профессиональным видом деятельности. Обучением детей бедных классов, как правило, занимались энтузиасты-любители либо малообразованные люди, потерпевшие неудачу в других видах деятельности и не имевшие каких-либо педагогических навыков. Особенно низкий уровень преподавания был в воскресных школах, в которых собственно обучению грамоте уделялось мало внимания. Правительство не спешило исправить положение: малообразованный учитель был гарантией ограниченного обучения детей бедных слоев.

Неудивительно, что эффективность начального образования в Англии в середине столетия в целом была невысока. По данным одного инспектора, из 12 786 проэкзаменованных им учеников только 2891 могли свободно читать Библию и лишь 651 читали без затруднений книги общего характера, почти никто из учащихся не мог свободно писать [21, p. 44]. Другой инспектор отмечал в 1850 г., что в центральных графствах Англии 75 % детей, окончивших школу, не умели читать даже Библию [14, p. 158]. В начале 1850-х гг. в стране все еще отмечался низкий уровень грамотности: в общей сложности более половины взрослого населения не могло подписать своего имени [4, с. 133]. Кроме того, и в условиях середины XIX в. государство крайне мало уделяло внимания техническому обучению рабочих, что вызывало удивление современников: «В Англии, стране преимущественно промышленной, нет ни одного заведения для технического обучения» [3, с. 141].

Несовершенство английского народного просвещения было особенно заметным на фоне успехов других стран. Так, если в Англии в начале 1850-х гг. обучался каждый 11-й житель, то в Швейцарии — каждый 4-й,

во Франции и в Пруссии — каждый 6-й, в США — каждый 5-й. Более того, содержание и качество начального обучения в данных странах оставило далеко позади английскую начальную школу. Помимо основ грамотности учебные программы начальных школ в них в обязательном порядке включали такие предметы, как основы геометрии и физики, географию, грамматику, всеобщую и отечественную историю, пение. Кроме того, в этих странах в середине XIX в. уже существовала система всеобщего начального обучения [16, col. 649]. При этом следует иметь в виду, что в отмеченное время Великобритания была лидером в промышленном развитии.

Проблемное состояние английского начального образования в середине XIX в. во многом обуславливалось позицией государства относительно данного вопроса. В условиях промышленной революции возникла объективная необходимость в глубокой перестройке этой сферы в целях создания национальной системы всеобщего начального обучения. Столь масштабную задачу объективно могло решить только государство. Вместе с тем, власти действовали в этом направлении нерешительно, опираясь на прежние религиозно-благотворительные учреждения, при этом не ограничивая частную инициативу. В результате в середине столетия в английском народном просвещении сложилась ситуация, когда частные институты уже не справлялись с новыми требованиями, а государство еще было не готово взять на себя основную ответственность за развитие этой сферы.

Нерешительные действия государства в сфере образования обуславливались, прежде всего, историческими особенностями развития страны. И важнейшей среди них было противоречие, изначально присущее жизни английского общества. С одной стороны, оно с давних пор исповедовало либеральные ценности, основанные на принципах индивидуализма и ориентированные на прогресс, с другой — отличалось глубокой консервативностью, особой приверженностью традициям и религиозностью. Такое сочетание предопределяло своеобразный путь развития Англии — эволюционно-поступательный, когда новое не отрицало старое, а формировалось на его основе. Отмеченная специфика оказывала свое влияние на все стороны жизни английского общества, в том числе и сферу образования. На данный фактор обращали внимание многие современники, в частности, русский историк XIX в. П. Г. Мижуев отмечал: «Англичане никогда не уничтожали старых учреждений, напротив, стремились спасти их, приведя в соответствие с новыми потребностями общества, и дополняли их новыми учреждениями. Образовательные учреждения не исключение» [2, с. 3].

Обозначенная специфика жизни английского общества порождала другие: слабость центральной власти, большая роль местного самоуправления и благотворительности в общественных делах, отрицательное

отношение общественности к усилению государственного начала, исторические привилегии господствующей церкви в сфере просвещения. В этой связи закономерное стремление государства в новых условиях содействовать развитию сферы просвещения народа зачастую встречало негативную реакцию общества и, в первую очередь, официальной церкви. Подобная обстановка вынуждала власти действовать постепенно, ограничиваясь полумерами и не нарушая веками сложившегося здесь порядка.

Причины низких темпов развития английского начального образования в середине XIX в. заключались также и в конкретных особенностях периода ранней индустриализации, таких как: преобладание текстильного производства с несложной техникой, невысокая потребность в квалифицированной рабочей силе, широкое использование детского труда, отсутствие у Великобритании конкурентов и ее монопольное положение на мировом рынке. Кроме того, важно обозначить преимущественно идеологический подход английского общества к делу образования народа, которое, в конечном счете, рассматривалось в политическом измерении. В начальной школе виделся в первую очередь инструмент социального контроля и лишь во вторую — средство обучения основам грамотности. Подобный подход обуславливался самим характером развития общества в условиях индустриализации: растущая поляризация, обострение социальных противоречий, и, вместе с тем, рост рабочего движения и демократизация политической жизни.

Таким образом, развернувшаяся в Англии промышленная революция обнаружила архаичность прежней системы народного образования, основанной на благотворительности. В этой связи английское общество осознало необходимость в реформировании сферы начального образования с целью создания национальной системы массового обучения. Совместная деятельность общественности и властей в этом направлении на протяжении первой половины XIX в. принесла определенные успехи. Однако ряд факторов (прежде всего нерешительные действия государства) и, вместе с тем, сильные позиции частных институтов обусловили медленные темпы реформирования сферы начального образования и ее неудовлетворительное состояние в середине столетия.

Библиографические ссылки

1. *Мижухев П. Г.* Очерки развития и современного состояния народного образования в Англии. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896.
2. *Мижухев П. Г.* Лондонские школы и начальное образование в Англии. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1902.
3. Народное образование в Шотландии и Англии // ЖМНП. СПб., 1835. Ч. 4. Отд. IV. С. 141.

4. Низшее обучение в Англии // ЖМНП. СПб., 1856. Ч. 90. Отд. II. С. 131–133.
5. Салимова К. У. История трудового обучения в Англии. М.: Просвещение, 1967.
6. Трайль И. Д. Общественная жизнь Англии. В 6 т. Т. 6. М.: Тип. В. Рихтер, 1899.
7. Флейшнер Л. История народного образования в Англии. Одесса: [б. м.], 1895.
8. Act the Preservation of Health and Morals of Apprentices and others, employed in Cotton and Mills, and Cotton and other Factories (June 22, 1802) // The Statutes of the United Kingdom of Greate Britain and Ireland with notes, references and index / Ed. by Tomas Edline Tomlins. London, 1805. Vol. 1. P. 418–419.
9. Act to regulate the Labour of Children and young Persons in the Mills and Factories of the United Kingdom (August 29, 1833) // The Statutes of the United Kingdom of Greate Britain and Ireland with notes, references and index / Ed. by Tomas Edline Tomlins. London, 1835. Vol. 13 P. 523–529.
10. Act to limit the Hours of Labour of Young Persons and Females in Factories (June 8, 1847) // The Statutes of the United Kingdom of Greate Britain and Ireland with notes, references and index / Ed. by Tomas Edline Tomlins. London, 1847. Vol. 18. P. 600–601.
11. Annual general meeting of National Society // Morning Post. 1840. 28 May. P. 4.
12. Annual meeting of British and Foreign School Society // Morning Post. 1840. 12 May. P. 4.
13. Committee of the Prive Council on Education. Council Office. Whitehall, January 4, 1840 // Morning Post. 1840. 25 March. P. 2.
14. Dobbs A. E. Education and social movement. 1700–1850. London: Longmarms, 1919.
15. Education // Hansard's Parliamentary Debates. Ser. 3 rd. London, 1833. Vol. 20. Col. 733–736.
16. Education Bill // Hansard's Parliamentary Debates. Ser. 3 rd. London, 1855. Vol. 137. Col. 641–686.
17. Minutes of the Committee of Council on Education dated August, 1840 // Educational documents. England Wales, 1816 to the present day // Ed. by J. S. Maclure. London, 1974.
18. Minutes of the Committee of Council on Education, August 25th, 1846 // Educational Documents England and Wales. 1816 to the present day // Ed. by J. S. Maclure. London, 1974. P. 52–55.
19. National Education // Annual Register. London, 1839. Vol. 81. Chapter XII. P. 217–234.
20. Parochial School Bill // Hansard's Parliamentary Debates. Ser. 1 st. London, 1807. Vol. 9. Col. 798–860; 1174–2011.
21. Wardle D. English Popular Education. 1780–1975. Cambrige: Cambrige University Press, 1976.

ПОЛИТИКА САДДАМА ХУСЕЙНА В ОТНОШЕНИИ ШИИТСКОЙ ОБЩИНЫ ИРАКА (1979–2003)

Е. А. Петров

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, egrqqq375@gmail.com*

Статья посвящена трансформации политики Саддама Хусейна в отношении шиитской общины Ирака с момента его прихода к власти в 1979 г. и до свержения в 2003 г. Выделены 3 основных периода этой политики, а также кратко рассмотрены характерные особенности каждого из них. Рассмотрены методы и средства, использованные Саддамом Хусейном для достижения своих целей, включая религиозную пропаганду, ограниченные уступки и репрессии.

Ключевые слова: Ирак; шииты; Саддам Хусейн; арабы; конфессиональный конфликт; политика.

SADDAM HUSSEIN'S POLICY TOWARDS IRAQ'S SHIA COMMUNITY (1979–2003)

Е. А. Petrov

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, egrqqq375@gmail.com*

This article examines the transformation of Saddam Hussein's policy towards Iraq's Shia community from his rise to power in 1979 until his overthrow in 2003. The article identifies three main periods of this policy, providing a brief overview of the characteristic features of each period. It also analyzes the methods and means used by Saddam Hussein to achieve his objectives, including religious propaganda, limited concessions, and repressions.

Keywords: Iraq; Shia; Saddam Hussein; Arabs; sectarian conflict; policy.

Главную цель своей внутренней политики Саддам Хусейн видел в достижении стабильности в стране, охваченной глубокой напряженностью. Ещё задолго до его прихода к власти Ирак был расколот социально, этнически, конфессионально и экономически. Шииты, составляющие большинство населения Ирака, исторически находившиеся в подчиненном положении перед суннитской верхушкой, представляли собой опасный фактор, который потенциально мог привести к раздробленности Ирака. Поэтому для Партии арабского социалистического возрождения (Баас), представителем которой являлся Саддам Хусейн, было необходимо добиться лояльности от этой части населения.

Политика в отношении арабского шиитского населения Ирака и само значение шиитского вопроса менялось со временем. До 1979 г. шиитский вопрос ещё не представлял очень большой важности для правящей партии и баасисты не боялись идти на конфронтацию с шиитской общиной. Политика партии в этот период характеризуется репрессиями, массовыми депортациями и достаточно жесткими мерами по секуляризации и ограничению шиитской религиозной деятельности [11].

Переломным моментом, который придал шиитскому вопросу первоочередную важность, стал 1979 г., когда в Иране одержала победу исламская революция, а власть в стране захватила шиитская духовная верхушка во главе с высланным из Ирака в 1978 г. аятоллой Рухоллой Хомейни. Иранские шииты-революционеры поставили себе основной целью «экспорт исламской революции» на весь остальной исламский мир. И первым государством-реципиентом революции должен был стать Ирак с шиитским большинством. Аятолла Хомейни начал подстрекать шиитов Ирака к свержению режима баасистов, ввиду чего партия восприняла исламскую революцию в Иране как экзистенциальную угрозу [1; 7]. Через несколько месяцев после данного события Саддам Хусейн, который уже несколько лет был фактическим главой Ирака, решил окончательно взять власть в свои руки и занять главный президентский пост, официально став главой Иракской Республики.

С этого момента политику Саддама Хусейна в отношении шиитского вопроса можно разделить на 3 характерных периода. Политика первого периода проводилась в контексте начала Исламской революции в Иране, которая вызвала подъем среди широких масс шиитов Ирака: в стране начались беспорядки, направленные против партии Баас, а также произошла активизация различных шиитских партий и движений.

Первый период характеризуется продолжением и усилением прошлой риторики партии. Многие люди, подозреваемые в причастности к шиитскому движению или к его поддержке, были арестованы, некоторые из них были приговорены к смертной казни. Революционный суд в это время вынес около 258 смертных приговоров в ходе 22 судебных процессов. Вместе с этим правительство начало проводить массовые депортации: более 130 тыс. иракцев иранского происхождения были депортированы в Иран [8]. Была развязана жестокая кампания против шиитских религиозных группировок и, в особенности, партии «ад-Даава» и ее лидеров, с которыми баасистские власти ассоциировали шиитскую оппозицию. 31 марта 1980 г. Совет революционного командования принял закон, приговоривший к смертной казни всех бывших и нынешних членов «ад-Даава» или связанные с ней организации или людей, работавших ради исполнения ее целей. Всего в марте 1980 г. было казнено 97 военных и гражданских лиц, около половины из которых были членами движения «ад-Даава» [7]. Чуть позже, 9 апреля 1980 г., был казнен главный лидер шиитов Ирака аятолла Мухаммед Бакир ас-Садр, который не раз выступал с осуждением баасистского режима. После его смерти в «ад-Даава» происходит раскол, а беспорядки в стране начинают утихать [11].

Следующий поворотный момент, послуживший началом второго периода шиитской политики в Ираке, наступил достаточно скоро — им стал 1980 г. Напряженность между Ираном и Ираком после революции была крайне высока и продолжала расти. Действия Хомейни, направленные на распространение революции в Ирак, поддержку оппозиционных шиитских организаций и настраивание шиитского населения Ирака на восстание сильно подрывали стабильность в стране. Стремление Саддама Хусейна предотвратить распространение исламской революции явилось причиной начала войны с Ираном, длившейся с 1980 по 1988 гг.

Шииты составляли подавляющее большинство в пехотных подразделениях иракской армии и поэтому Саддаму Хусейну было необходимо заполучить их лояльность. Он решил, что ему нужно менять свой прежний курс, который был направлен в основном на подавление любой оппозиции, без предоставления шиитам каких-либо значительных уступок. Вместе с продолжавшейся политикой жестких репрессий Хусейн прибегал к ряду различных средств для укрепления связи с шиитами.

Самым явным изменением в политике Хусейна по отношению к шиитам было изменение в прежней идеологии партии. Он осознал, что националистические и светские идеи Баас малоэффективны в борьбе с возрастающим давлением Ирана. Так как правительство Хомейни стремилось свергнуть Хусейна, разжигая религиозные чувства шиитов, то единственное решение он видел в том, чтобы использовать аналогичные методы. На протяжении всего последующего десятилетия, ему приходилось широко использовать религиозный символизм, отодвинув в сторону идеологию и фразеологию Баас. Несмотря на свою принадлежность к суннитской ветви исламской религии, Хусейн начал акцентировать особую роль Ирака как центра мирового шиизма, объявил себя и всех иракцев потомками имама Али и выделял огромные средства на религиозные цели, пропагандистские кампании и развитие шиитских районов страны [10].

Саддам Хусейн пошел и на некоторые политические уступки шиитам. Например, было принято решение о включении в состав парламента 40 % депутатов-шиитов, а его спикером в 1980 и 1984 гг. был избран Наим Хаддад, шиит, известный государственный деятель, член Совета революционного командования (СРК) и регионального руководства Баас [7]. Однако на более серьезное предоставление доступа к власти шиитской общине Саддам не пошел.

В то же время политика репрессий не останавливалась. Жестко и быстро подавлялась любая оппозиция. Например, в 1982 г. в Дуджайле произошли самые массовые казни шиитов за период Ирано-иракской войны. Город Дуджайл был хорошо известным оплотом «аль-Даава», и казни были

совершены в отместку за более раннее покушение на Саддама Хусейна, предпринятое данной партией 8 июля 1982 г. Саддам посетил Дуджайл, чтобы произнести речь, восхваляющую местных призывников. Однако после покушения сотни мужчин, женщин и детей в Дуджайле были задержаны, а более 140 человек, которые были заподозрены в участии в заговоре, были приговорены к смертной казни [6]. Позже, в мае 1983 г. было приказано арестовать около 90 членов семьи аль-Хаким с целью оказать давление на аятоллу Мохаммада Бакира аль-Хакима, лидера Верховного совета исламской революции в Ираке, частью которой являлась «аль-Даава». 6 членов этой семьи были казнены [2]. Бакир аль-Хаким получил личное сообщение от Саддама Хусейна, грозящее ему дальнейшими казнями, если тот будет продолжать свою подрывную деятельность. Угроза была выполнена через два года, когда были казнены ещё 10 человек из семьи Хакима. С начала войны по 1984 г. было казнено более 600 человек, предположительно являвшихся членами партии «аль-Даава» [5].

Также ещё до начала войны и революции в Иране Баас начала проводить ирригационные проекты в южных болотистых районах Ирака, где проживали болотные арабы-шииты. Особенно активно такие проекты баасистская власть начала проводить с начала ирано-иракской войны, т. к. болота являлись убежищем для элементов, преследуемых правительством Саддама Хусейна. В середине 1980-х гг. в этом районе развернулось повстанческое движение против правительственных компаний по осушению болот. Такие проекты начали нарушать приток воды в болота, из-за чего они осушались, территория опустынивалась, а многим болотным арабам приходилось покидать их место проживания, многих из них переселяли насильно [4].

Итогом Ирано-иракской войны стало возвращение к статус-кво. Ирак после войны оказался в сложном положении: страна имела внешний долг в 80 млрд долларов, выплатить который было нереально. Поэтому Саддам Хусейн решил совершить вторжение в Кувейт, которому Ирак во время войны с Ираном задолжал огромные деньги. С 2 по 4 августа 1990 г. кувейтская армия была полностью разгромлена, а территория страны была взята под контроль иракскими войсками [9].

Вторжение Ирака в Кувейт привело к событию, ставшему последним переломным моментом в шиитской политике Саддама Хусейна. В ответ на вторжение он столкнулся с осуждением мирового сообщества. Результатом явилась операция «Буря в пустыне», осуществленная в январе-феврале 1991 г., в ходе которой иракская армия потерпела поражение. После этого президент США Дж. Буш обратился к иракскому народу с призывом свергнуть режим президента Саддама Хусейна [11]. Шиитские оппозиционные

силы Ирака, почувствовав слабость власти после войны в Персидском заливе, в очередной раз выступили против баасистского режима. Восстание обрело характер народной интифады, в которой нашло выход копившееся веками недовольство шиитов своим угнетенным положением [10].

С шиитской интифадой начинается третий период шиитской политики в Ираке: теперь Саддам утратил интерес в задабривании арабской шиитской общины и больше не сильно беспокоился о том, какое мнение о нем сложится среди шиитов. Уже на подавление самого восстания были брошены отборные армейские части, авиация, артиллерия, танки, в общем, были задействованы все возможные средства. Было также несколько сообщений об атаках с применением химического оружия, однако доказательств этому найти не смогли. Войска Ирака наносили удары по шиитским святыням и мечетям. Трупы убитых складывали на уличных перекрестках для устрашения повстанцев. К концу марта 1991 г. десятки тысяч мирных жителей были убиты, только в Неджефе и Кербеле погибло от 12 до 16 тыс. чел. Общее количество погибших мирных граждан составило от 100 до 180 тыс. человек [3]. Огромными были потоки беженцев, более 50 тыс. человек бежало в Саудовскую Аравию, примерно 500 тыс. человек бежали в Иран [10]. Лишь вмешательство ООН и вооруженных сил антисаддамовской коалиции смогло приостановить и ограничить натиск на шиитов. Однако операции против них продолжались в течение ряда лет.

Саддам Хусейн продолжал кампании против жителей болот. Во время восстания тысячи гражданских лиц, повстанцев и дезертиров из армии начали искать убежище в районах болот на юго-востоке Ирака, расположенных вдоль иранской границы. В этих районах начало вестись сопротивление против режима Саддама, которое возглавлялось движением Хезболла в Ираке. После восстания «болотные арабы» подверглись репрессиям, сопровождавшимся уже упомянутыми ранее кампаниями по осушению болот и систематическими насильственными перемещениями местного населения в другие районы Ирака, а также арестами и даже казнями лиц, подозревавшихся в антиправительственной деятельности. Эти действия также сопровождались мероприятиями по борьбе с повстанцами, которые включали постоянные неизбирательные обстрелы болот с помощью артиллерии, боевых вертолетов и самолетов [4].

Саддам Хусейн также продолжил линию на ослабление религиозных лидеров в стране. В 1993 г. все религиозные структуры были национализированы и прикреплены к Министерству вакфов по делам религии [10]. Таким образом, шиитская иерархическая система превратилась в официальную организацию, относящуюся к государству, действовавшему против религиозных авторитетов. Такая политика вызывала сопротивление улемов

и представителей шиитской оппозиции, которая в свою очередь инициировала целый ряд диверсионно-террористических кампаний [10]. Саддам все больше ужесточал меры, призванные усмирить шиитов .

С 1991 г. Саддам Хусейн начинает проводить Кампанию веры. Это была кампания по ограниченной исламизации Ирака, начатая, вероятно, с целью избежать риска исламистского восстания против баасистской власти, а также улучшить отношения с консервативными монархиями Персидского залива. Ислам был провозглашен государственной религией, в школах вводилось обязательное изучение Корана и кружки по повышению исламской грамотности, начались антиалкогольные кампании, введено подобие сухого закона, исламистским группам, таким как, например, иракским салафитам, предоставлялись большие свободы, выделялись большие средства на религиозные программы и др. Однако, такое «исламское возрождение» коснулось только суннитской части иракцев [1]. Строительство шиитских мечетей и шиитское религиозное образование не поощрялись из-за опасения нелояльности шиитского духовенства. Суннитская риторика, исходящая от иракского правительства, стремилась дискредитировать Иран, подвергая его резкой критике, заявляя, что он придерживается «иностранный и еретической формы религии» [1].

В 90-е гг. шиитское население Ирака было поставлено под жесткий контроль спецслужб, подвергалось преследованиям, экономической блокаде и систематическим бомбардировкам иракских военных. Вместе с тем иракское правительство продолжало осуществлять некоторые мероприятия социального, политического и экономического порядка, направленные на обеспечение лояльности шиитского населения и ослабление влияния оппозиции. Шииты демонстративно привлекались к управлению страной, Хусейн демонстрировал свою готовность предоставить им более значимое место в политике. Так, 23 марта 1991 г. Саддамом Хусейном была проведена реорганизация своего кабинета, и впервые за годы баасистского правления премьер-министром страны был назначен шиит Саадун Хаммади, выходец из Кербелы. Его сменил на посту Мухаммад Хамза аз-Зубейди, тоже шиит. Но эти назначения не имели серьезного значения [9]. Прошлых «заигрываний» с шиитской общиной, которые были после революции в Иране и во время ирано-иракской войны Саддам уже не проводил. В своей дальнейшей политике после 1991 г. Хусейн делал упор на суннитскую общину.

Таким образом, Иранская революция и официальный приход к власти Саддама Хусейна ознаменовали новый этап в отношениях государства с шиитским большинством Ирака. Первоначально Саддам продолжил линию партии на подавление шиитской общины без предоставления шиитам каких-либо уступок. Ирано-иракская война и срочная необходимость

получения лояльности шиитов заставили его искать новые подходы и балансировать между репрессиями и уступками, используя шиитскую религиозную риторику и предоставляя ограниченный доступ к власти шиитам. Однако поражение в войне в Персидском заливе и последовавшее шиитское восстание положили конец этой двойственной политике. Столкнувшись с прямой угрозой своему режиму, Саддам ответил на восстание жестокостью, и впредь практически не старался заручиться поддержкой шиитов. Последующие годы ознаменовались усилением репрессий, направленных на подавление любого инакомыслия, а риторика шиитской политики Саддама Хусейна теперь оставалась неизменной вплоть до конца его правления.

Библиографические ссылки

1. *Amatzia Baram*. From Militant Secularism to Islamism: The Iraqi Ba'th Regime 1968–2003 [Electronic resource]. URL: <https://web.archive.org/web/20150722184035/http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/From%20Militant%20Secularism%20to%20Islamism.pdf> (date of access: 05.07.2024).
2. Saddam Hussein: crimes and human right abuses [Electronic resource] // Foreign & Commonwealth Office London. URL: <https://studylib.net/doc/10802032/saddam-hussein--crimes-and-human-rights-abuses> (date of access: 05.07.2024).
3. *Solomon Moore*. 2 Mass Graves in Iraq Unearthed [Electronic resource] // Los Angeles Times. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2006-jun-05-fg-graves5-story.html> (date of access: 05.07.2024).
4. The Iraqi government assault on the Marsh Arabs [Electronic resource]. URL: <https://reliefweb.int/report/iraq/iraqi-government-assault-marsh-arabs> (date of access: 05.07.2024).
5. *William Drozdiak*. Iraq's Shiites Enlist Under Saddam Hussein's Flag [Electronic resource] // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1984/03/20/iraqs-shiites-enlist-under-saddam-husseins-flag/12dc747f-1286-455e-b90e-1af23bb671ca> (date of access: 05.07.2024).
6. Why was Saddam Hussein executed [Electronic resource] // TOP WAR. URL: <https://en.topwar.ru/125128-za-chto-kaznili-saddama-huseyna.html> (date of access: 05.07.2024).
7. Проблема шиитов в общественно-политической жизни Ирака [Электронный ресурс]. URL: https://vuzlit.com/906904/problema_shiitov_v_obschestvenno-politicheskoy_zhizni_iraka (дата обращения: 05.07.2024).
8. Роль Мухаммада Бакира ас-Садра в шиитском политическом движении в Ираке с 1958 по 1980 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://iran1979.ru/rol-muxammada-bakira-as-sadra-v-shiitskom-politicheskom-dvizhenii-v-irake-s-1958-po-1980-gg> (дата обращения: 05.07.2024).
9. Робин Дж. Андайк. Саддам Хусейн (политическая биография). Апдайк : Феникс. 1999.
10. Тихонова Е. Сунниты и шииты Ирака: от «Ирака британского» к «Ираку американскому» // Россия и мусульманский мир (рус.). 2011. № 12. С. 120–134.
11. Чикризова О. Шииты Ирака: угнетаемое большинство // Россия и мусульманский мир (рус.). 2011. № 9. С. 98–104.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРЕССА ЭПОХИ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

А. С. Ровина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, annafencer@mail.ru*

В настоящей статье рассматривается общее состояние французской прессы 1799–1815 гг. Особое внимание акцентируется на законодательной базе, регламентирующей прессу этого периода, на её количественных и качественных характеристиках. Также сделаны выводы об отношении Наполеона к прессе и её роли в обществе.

Ключевые слова: пресса; издательское дело; эпоха Наполеона Бонапарта; Франция; законодательство.

THE FRENCH PRESS DURING THE NAPOLEON BONAPARTE'S ERA

A. S. Rovina

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, annafencer@mail.ru*

This article examines the general state of the French press in 1799–1815. Special attention is paid to the legislative framework governing the press of this period, its quantitative and qualitative characteristics. Some conclusions about Napoleon's attitude to the press and its role in society are also drawn.

Keywords: press; publishing; the Napoleon Bonaparte's era; France; legislation.

Периодическая печать и разнообразные непериодические издания (бюллетени, сообщения и т. д.) являются ценным источником информации о жизни, политической, социальной и экономической ситуации в той или иной стране. Даже когда пресса находилась под строгим контролем, она не переставала сообщать важные сведения о текущих событиях, да и сам характер этого контроля дает нам информацию о состоянии общества соответствующего периода.

В статье рассматривается французская пресса 1799–1815 гг., сделана попытка показать общее состояние прессы с акцентом на законодательную базу, ее регламентирующую, на количественные и качественные характеристики. Рассматриваемый период вошел в историю как эпоха Наполеона Бонапарта.

Как отмечают исследователи, периодические издания на рубеже XVIII–XIX вв. были «коммерческими предприятиями, для их владельцев продолжение выпуска газеты или журнала увязывалось с получением прибыли» [1, с. 16]. При этом существовало разнообразие видов изданий: от ежедневных газет до ежемесячных журналов.

В указанный период периодические издания стали использоваться как один из политических инструментов и строго контролироваться, о чем свидетельствует большое количество изданных в это время законодательных актов. Обратим внимание на некоторые из них.

Одним из первых законодательных актов, принятых Наполеоном, — Декретом 17 января 1800 г. — закрывались 60 из 73 парижских газет, а также запрещалось открытие новых, все периодические издания становились под контроль полиции. Министр полиции обязан был готовить отчеты о центральной прессе и прессе в департаментах [1, с. 22]. Министерства также получили распоряжение распространять через парижские газеты информацию о своей деятельности.

Наполеон считал печатное слово важным инструментом политики: «Завладейте газетами и управлением», — пишет он Мюрату во время испанской кампании, поясняя, что таким образом не составит труда убедить местных поддерживать наполеоновскую армию [2, с. 497].

Наполеон не установил для газет предварительной цензуры в полном смысле этого слова. Этого и не требовалось в тех условиях: во-первых, ни одна из сохранившихся газет не осмелилась бы напечатать что-либо дерзкое; во-вторых, всегда можно было арестовать номер; в-третьих, газеты были запуганы закрытиями и изъятиями; а в-четвертых, издания не испытывали информационного голода, ведь министерства, сам Наполеон и его администрация передавали в прессу довольно много заявлений и информационных сообщений, которых хватало, чтобы заполнить полосы. В этой связи Е. В. Тарле отмечает: «любопытно, что Наполеон требует, чтобы все газеты в строгой точности так мыслили, как он в данный момент мыслит: со всеми оттенками, со всеми иногда весьма сложными деталями <...> с теми самыми оговорками и пояснениями, которые находит нужным делать сам император...» [2, с. 493–494].

Если в конституции 1791 г. закреплялась полная свобода слова, то в конституции XII г. по революционному календарю (1804) пресса была уже поставлена под контроль. В частности, 64-я статья гласила: «Комиссии из семи членов, избранных сенатом из своей среды, поручается следить за свободой прессы. Не входят в круг ее ведения произведения, которые печатаются и раздаются по подписке и в периодические сроки. Эта комиссия будет называться сенаторской комиссией свободы прессы» [2, с. 505]. На деле эта комиссия докладывала об оппозиционных проявлениях и других нарушениях со стороны прессы.

Декрет 5 февраля 1810 г. установил точное количество типографий в каждом департаменте и в Париже — 80 и 60 соответственно. Все типографии сверх этого количества должны были быть закрыты, семьям их

владельцев выплачивалась компенсация. Этим же декретом Наполеон учредил должность «главного директора», который подчинялся непосредственно министру полиции и заведовал «всем, что относится к печатанию и к книжной торговле» [5, с. 3–4].

3 августа того же 1810 г. Наполеон подписал декрет, которым разрешал издавать в каждом департаменте (кроме департамента Сены) лишь одну газету. Эта газета находилась под контролем местного префекта, который мог разрешать или запрещать выход номеров. Кроме того нужно было получить разрешение префекта на выпуск новых изданий, посвященных искусствам, науке и литературе. Декрет допускал свободное издание листов объявлений, а также позволял оставшимся периодическим изданиям присоединять к себе закрытые или забирать их помещения и имущество; денежные средства же передавались казне [8, с. 486].

Ещё одной, на этот раз уже крайней, мерой по сокращению количества газет стал декрет 18 февраля 1811 г., по которому закрывались все парижские газеты, кроме четырех: «Moniteur», «Journal de l'Empire», «Journal de Paris» и «La Gazette de France». В проекте декрета также указывалось, что в каждом департаменте, кроме центрального (департамент Сены), должны быть «лишь одна газета, посвященная торговле, одна по медицине, один листок объявлений, один дамский (модный) журнал» [2, с. 511]. А декретом 17 сентября 1811 г. правительство Наполеона конфисковало эти уцелевшие четыре газеты, право владения редакциями перешло от собственников к казне и назначенным Наполеоном акционерам.

В период реставрации монархии 21 октября 1814 г. указом короля Людовика XVIII была установлена так называемая предварительная цензура для произведений меньше 20 печатных листов. К каждой газете или журналу был приписан специальный комиссар, который имел право проверять все тексты, запрещать их или переставлять в рамках номера.

Наибольшее внимание уделялось ежедневным изданиям, так что те газеты или журналы, которые хотели подвергаться меньшей цензуре, предпочитали публиковаться как можно реже. Так удавалось существовать некоторым республиканским и бонапартистским изданиям [4, с. 5–7]. Когда цензура все-таки обращала на них внимание, такие издания либо закрывались, либо начинали просто перепечатывать сообщения правительственных газет. В период «100 дней» такие издания «вздохнули с облегчением» и вернулись к пронаполеоновской позиции, приветствовали возвращение императора [7].

Таким образом, мы видим, что наполеоновское правительство стремилось всячески подчинить себе печатное слово и сократить количество изданий. Далее рассмотрим, как эти меры отразились на состоянии рынка прессы в рассматриваемый период.

Существуют разные мнения относительно того, сколько периодических изданий выходило в революционный период во Франции. Так, французский исследователь П. Альбер утверждает, что с 1789 по 1799 гг. во Франции появилось более 1500 новых изданий [3, с. 25]. Английский исследователь Х. Гоф в свою очередь пишет, что в это десятилетие возникло более 1300 газет, а также с большей или меньшей периодичностью издавались листки и памфлеты [6, с. 29]. Поскольку нам не доступен ни один достаточно полный каталог французской прессы на 1799 г., ограничимся лишь тем фактом, на котором сходятся почти все исследователи: в Париже в этом году издавались 73 политические ежедневные газеты. Практически сразу, придя к власти, Наполеон уничтожил все парижские политические газеты, кроме тринадцати [2, с. 502]. Эта пресса освещала политическое, экономическое, социальное положение, а также военные кампании Наполеона, в том числе поход в Египет 1798–1801 гг. Для распространения информации и пропаганды в армии вместо местных военных газет стали издаваться бюллетени, такие как *Bulletin de la Grande Armée*, *Courier d'Armée*. Для них регулярно писал сам Наполеон Бонапарт.

Нарушали ли периодические издания запреты и ограничения Наполеона? Да, например 1 февраля 1800 г. вышел нелегальный журнал роялистов «*L'Avant-coureur ou retour à l'ordre*», но уже на 3-м номере (1 марта 1800 г.) этот печатный орган прекратил существование.

Главной официальной газетой стала «*Moniteur*», что подтверждалось и самим изданием: «*Le Moniteur* является единственной официальной газетой» (25 декабря 1799 г.), «Начиная с 7 нивоза 8 года (25.12.1799 г. — прим. авт.) акты правительства и законодательной власти, опубликованные в *Le Moniteur*, являются официальными» (15 июня 1803 г.) [1, с. 32]. Другие газеты и журналы могли и даже должны были перепечатывать из «*Moniteur*» информацию о политической ситуации в стране, сообщения из армии. Оригинальными в газетах могли быть местные новости, сведения (в основном корреспонденция) из-за рубежа, объявления, афиши, а также тексты культурной и научной тематики.

В 1809 г. был издан указ министра полиции, гласивший, что в каждом департаменте должно существовать не более одной политической газеты (а их насчитывалось около 170). При этом данная мера поспособствовала появлению политической прессы в некоторых отдаленных провинциях Франции, где таких газет до этого не было [2, с. 490].

Во второй половине 1810 г., по рапорту директора печатного дела и книжной торговли, в Империи существовало 205 периодических изданий. Из них газет, которым было «разрешено печатать политические новости», было 96, газет, посвященных торговым объявлениям и сообщениям, — 81,

«судебных» газет — 9, научных и литературных журналов — 19 [2, с. 509]. Однако нам неизвестно, учитывал ли составитель рапорта и, если учитывал, то в какую группу включил дамские журналы, которые издавались как минимум в Париже, Веймаре, Милане и Риме. Также, видимо, неучтенными оказались бюллетени и одноразовые «настенные» издания, которые редко, но все же появлялись в период Первой империи.

Как уже было сказано выше, в 1811 г. количество парижских политических газет было радикально сокращено — до четырех.

На удивление, период реставрации монархии стал временем роста количества изданий. Новый «Старый» режим не запрещал создание новых газет и журналов, видимо, посчитав, что лучше не закрывать или подчинять себе все издания, а цензурировать их. Официальной и главной газетой оставалась «Moniteur», где по-прежнему публиковались сообщения теперь уже короля и его правительства, подлежащие перепечатке. Наполеон, вернувшись из ссылки, также изменил свою политику относительно прессы — в период «100 дней» не проводилось тотального закрытия газет [2, с. 500].

Обратим внимание, кроме прочего, на внешний вид газет и журналов рубежа XVIII–XIX вв. Представление о них несложно составить по сохранившимся экземплярам. Типографии не имели тогда возможности печатать цветной текст, разнообразие шрифтов также было редкостью. Иллюстрации (гравюры) помещались только в журналах и только на отдельных листах, обычно в конце номера. Зачастую текст номера набирался мелким шрифтом в две колонки, другим шрифтом набиралось название издания, курсивом или полужирным начертанием, но чаще — просто заглавными буквами, печатались заголовки и подзаголовки. Газетные заголовки современного вида тогда еще не использовались: в качестве заголовков были просто выведены темы. Нередко, особенно на страницах международных новостей, заголовков относился скорее к рубрике, чем к конкретному тексту, например «Корреспонденция», «Из-за рубежа» и др.; в этом случае основной текст составляли краткие информационные сообщения.

Таким образом, как мы видим, Наполеон Бонапарт придавал большое значение прессе, особенно политической. Он старался всеми способами подчинить себе печатное слово, используя его в качестве инструмента укрепления своей власти и влияния на общество. Можно предположить изменение его отношения к газетам лишь в период «100 дней», однако и тогда мы не можем быть уверены в том, что Бонапарт стал смотреть на прессу иначе: возможно, его внимание в это время было просто обращено на другие аспекты политики. При этом французская пресса продолжала существовать и оказывать влияние на общество, развивались типографские

технологии, ускорялась передача информации. Издательский бизнес был прибыльным. Важно также заметить, что при Наполеоне Бонапарте была создана строгая вертикальная система изданий (центральная, региональная, местная пресса; главные и второстепенные издания и т. д.), которая с определенными изменениями существует до сих пор, тогда как до эпохи Наполеона все печатные органы появлялись и закрывались хаотично, не структурировано, не подчинялись никакой иерархии.

Библиографические ссылки

1. Митрофанов А. А., Промыслов Н. В., Прусская А. Е. Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789–1814). М.: Политическая энциклопедия, 2019. 239 с.
2. Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне I // Сочинения: в 12 т. М.: Изд. Академии наук СССР, 1958. Т. 4, 1958. С. 483–544.
3. Albert P. La presse française sous la Révolution et l'Empire (1789–1815) // Histoire de la presse. Paris: Presses Universitaires de France, 2018. Ch. 3. P. 24–31.
4. Collins I. The Government and the Newspaper Press in France. Oxford: Oxford Univ. Press, 1959. 201 p.
5. Crapelet G.-A. Des Brevets d'imprimeur, des certificats de capacité et de la nécessité actuelle de donner à l'imprimerie les réglemens promis par les lois, suivi du tableau général des imprimeries de toute la France en 1704, 1739, 1810, 1830 et 1840. Paris : écrit et imprimé par G.-A. Crapelet, 1840. 92 p.
6. Gough H. The Newspaper Press in the French Revolution. London: Routledge, 2016. 264 p.
7. The Siècle: French Press during Restauration and Napoleon's way to Paris (1815) [Электронный ресурс]. URL: <http://thesiecle.com/episode22> (дата обращения: 22.10.2024).
8. Vial C.-E. Les chasses de Napoléon et leur public // Le grand veneur de Napoléon Ier à Charles X. Publications de l'École nationale des chartes, 2016. Partie 1, Ch. 1. P. 479–536.

УЧАСТИЕ КНЯЗЯ ОЛЕЛЬКИ ВЛАДИМИРОВИЧА В ЖИЗНИ КИЕВСКОЙ МИТРОПОЛИИ В 1441–1451 гг.

Д. О. Рубисов

*Государственное учреждение «Национальный исторический архив Беларуси»,
ул. Кропоткина, 55, 220002, г. Минск, Беларусь;
Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, dannil.rubisov@mail.ru*

В статье рассматривается роль киевского князя Олельки Владимировича в церковной жизни Великого Княжества Литовского 1440-х гг., его взаимодействие с киевскими митрополитами. Обсуждается вопрос о Киеве как номинальной столице митрополии в церковной политике князя Олельки. Анализируется историография по вопросу оценки роли киевского князя Олельки Владимировича в вопросе церковной унии и объединения Киевской митрополии.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское; Киевская митрополия; церковная уния; духовная иерархия Великого Княжества Литовского; Православная церковь; церковная история; Ферраро-Флорентийский собор; великий князь литовский.

PARTICIPATION OF PRINCE OLELKO VLADIMIROVICH IN THE LIFE OF THE KYIV METROPOLIS, 1441–1451

D. O. Rubisov

*State institution “National Historical Archives of Belarus”, Kropotkin street, 55, 220002,
Minsk, Republic of Belarus;
Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, dannil.rubisov@mail.ru*

The article examines the role of the Kyiv Prince Olelka Vladimirovich in the church life of the Grand Duchy of Lithuania in the 1440s and his interactions with the Kyiv metropolitans. The question of Kyiv as the nominal capital of the metropolis in the ecclesiastical policy of Prince Olelka is discussed. The historiography is analyzed regarding the assessment of Kyiv Prince Olelka Vladimirovich's role in the matter of church union and the unification of the Kyiv metropolis.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; Kyiv Metropolitanate; Church Unia; spiritual hierarchy of the Grand Duchy of Lithuania; Orthodox Church; church history; Council of Florence.

Город Киев являлся номинальной столицей митрополита Всея Руси и поэтому роль киевского князя, а затем и киевского наместника великого князя литовского становилась ключевой в моменты, когда необходимо было решать посреднические вопросы между светской и духовной властью в регионе Восточной Европы, межконфессиональные, финансовые и другие вопросы. Для самого киевского князя и его семьи роль медиатора

давала возможность при кардинальных изменениях социальной структуры аристократического общества Великого Княжества оставаться на политическом олимпе важной фигурой.

Стоит отметить, что известный в историографии комплекс нарративных и актовых источников, раскрывающих проблему взаимоотношения киевского князя Олельки Владимировича с митрополитами, был опубликован еще в дореволюционный период. Однако, роль и место киевского князя в церковной жизни Великого Княжества Литовского не становились предметом отдельного исследования, хотя раскрывает проблему не только возвышения рода Олельковичей в церковно-политической жизни Великого Княжества Литовского, но также указывает на проблему влияния удельных князей (аристократии) в истории церкви XV в.

Анализ биографии киевского князя Олельки Владимировича в белорусской историографии на современном этапе был проведен А. Скепьян. В то же время проблема взаимоотношения Олельки Владимировича с киевскими митрополитами была затронута в обобщающих трудах по истории церкви историками второй половины XIX – начала XX вв., такими как Е. Е. Голубинский, М. Грушевский, А. Н. Попов. Кроме того, в контексте церковной унии в истории Великого Княжества Литовского проблему взаимоотношения киевского князя с церковной иерархией рассмотрел И. Мончак.

Важно отметить, что Олелька Владимирович приходился внуком князя Ольгерда, сыном киевского князя Владимира, что делало его близким родственником действующих в его время великих князей, в первую очередь Казимира Ягеллончика. Несмотря на лишение Владимира Ольгердовича Киева и его перемещение в Копыль в 1417 г., вероятно, по инициативе великого князя Витовта, князь Олелька женился на дочери великого князя московского Василия и Софьи Витовтовны Настасье. В результате этого брака он получил в удел город Слуцк.

Первое упоминание о взаимодействии князя Олельки Владимировича с чиноначалием Киевской митрополии, известное по источникам, упоминается в 1420 г. в Супрасльской летописи. Согласно источнику в 1420 г. митрополит Фотий во время своего пребывания в Великом Княжестве Литовском крестил в Слуцке сына Олельки Семёна: «того же лета пошёл митрополит в Киев и в Слуцке крестил князя Семёна Александровича» [6]. Кроме того, как ранее заметил Е. Е. Голубинский, в одном из посланий митрополита Ионы князю Олельке, речь о котором пойдет ниже, киевский князь упоминается как «кум» митрополита Фотия: «по преставлении приснопамятного отца нашего и вашего отца, и кума вашего, святого митрополита Фотия киевского и всея Руси» [8, с. 223].

После этого события князь Олелька Владимирович пропадает в вопросе взаимодействия с киевскими митрополитами. Период политического кризиса в Великом княжестве Литовском в 30-х гг. не раскрывает проблему отношений и роли князя Олельки Владимировича в вопросе выбора нового митрополита после смерти Фотия. В внутреннеполитической жизни церкви Олелька Владимирович появляется только после убийства Жигимонта, освобождения его из заточения и занятия Киева в 1440 г. Причем утверждение князя Олельки в Киеве происходили параллельно путешествию нового киевского митрополита Исидора на Ферраро-Флорентийский собор, подписанию митрополитом в 1439 г. акта церковной унии и возвращение в Москву через Великое Княжество Литовское. Именно в период возвращения киевского митрополита, а по подписанию акта унии кардинала и папского легата, вероятно, могла произойти встреча киевского митрополита и киевского князя.

Спорным в историографии является сюжет, связанный с прибытием митрополита Исидора в Киев. В частности, проблема взаимоотношений Олельки с киевским митрополитом связана с темой отношения князя к церковной унии. Среди источников, что затрагивают эту проблему, в историографии часто указывают Густынскую летопись, где упоминается то, что митрополит-униат был изгнан из Киева местными жителями. Однако, сама летопись является поздним источником XVIII в. и уступает в приоритете грамоте самого Олельки Владимировича, выданной 5 февраля 1441 г. самому митрополиту Исидору, на доходы и имущества, что по праву принадлежит ему и об обещании не нарушать его этого права, защищать от вмешательства других [2].

Важно отметить, что относительно данной проблемы М. Грушевский [4] и Е. Голубинский [3] склонны считать, что данная грамота Олельки Владимировича не подтверждает принадлежности князя киевского к сторонникам унии. В тексте документа сам Исидор упоминается только как «митрополит Киевский», без его нового титула кардинала и легата, а также в тексте отсутствуют какие-либо сведения о самом факте заключения церковной унии. Это дает возможность обоим исследователям предположить, что местные православные удельные князья хотели видеть в Исидоре лишь своего православного митрополита. Однако важно отметить, что И. Мончак указывает на то, что отсутствие титулов кардинала и легата не свидетельствует об отрицательном отношении Олельки к унии, но позволяет предположить, что князь использовал эти титулы только когда говорил об Исидоре со стороны католической церкви [5, с. 189].

Гипотетически, возможно также отметить, что данную грамоту князя Олельки можно рассматривать не только как проявление лояльности или

нелояльности к унии, но и в плоскости сложившейся традиции взаимоотношения светской знати с высшими чинами духовенства. С 1299 г., с переездом митрополита Максима во Владимиро-Суздальскую землю город Киев, что всегда являлся центром митрополии, фактически остается без митрополита и управляется лишь его наместниками [9]. Князь Олелька Владимирович, став князем Киева, управляет городом-центром митрополии, что дает название всей митрополии, но в которой нет самого предстоятеля. В этом отношении, приезд Исидора в Киев и грамота Олельки Владимировича может рассматриваться и как сложившаяся традиция подтверждения светским владыкой прав духовного владыки, так и показательное действие самого князя, подчеркивающего свой статус, передав Исидору по образцу великих князей, что сами выбирали и утверждали митрополитов, грамоту, подтверждающую права митрополита на Киев.

Однако нельзя не отметить, что замешательство в Киевской митрополии, вызванное отсутствием митрополита из-за подписания унии, не принятой ранее в Москве, должно было вызвать у князя Олельки Владимировича потребность узнать все обстоятельства дела у самого патриарха. Так до нас дошел ответ константинопольского патриарха-униата Григория Маммы на послание князя, опубликованный А. Н. Поповым [7].

Стоит отметить, что данное послание патриарха не имеет конкретной даты. Свою аргументацию по поводу датировки данного документа приводили разные исследователи. Так А. Н. Попов относит написание послания в период 1446–1451 гг. [7]. В то же время Е. Е. Голубинский отмечает, что послание вероятно было написано до смерти императора Иоанна Палеолога и до утверждения митрополитом Ионы [3]. Более правдоподобной датой отправки послания И. Мончик считает 26 июня 1447 г. [5, с. 193].

Из текста самого ответа известно, что князь отправил со своим слугой Стецко послание к патриарху с просьбой разъяснить ситуацию с заключенной унией. При этом, патриарх в своем ответе поднимает не только тему взаимоотношения с римской церковью, но затрагивает проблему нового предстоятеля в Киевской митрополии. В отношении первого, Григорий Мамма указывает, что как в Риме, так и у них при богослужении поминается папа. В дополнение к этому, патриарх указывает, что в скором времени в свою митрополию вернется митрополит Исидор, и что не следует принимать во главу церкви тех, кто осуждает церковную унию.

По мнению Е. Е. Голубинского, именно известия о скором возвращении Исидора, что известно из послания патриарха Григория Маммы к киевскому князю, побудило московского князя ускорить процесс принятия собором местных епископов своего собственного митрополита [3]. Кроме того, на основе текста грамоты А. Н. Попов выдвигает предположение, что

Олелька Владимирович был склонен к идее принятия церковной унии, что побудило Иону написать специальное послание для увещевания и предостережения киевского князя, дабы Олелька не допустил ошибочного выбора в пользу принятия унии. Такой вывод, однако, А. Н. Попов делает на основании того, что само послание митрополита Ионы также не имеет конкретной даты и была направлено князю, как реакция на его послание патриарху [7].

Упомянутая выше грамота митрополита Ионы к князю Олельке Владимировичу является также спорным в историографии объектом изучения. Как отмечалось выше, данный документ также не содержит конкретной даты, и, более того, в историографии рассматривается в двух плоскостях. В первом случае, относительно уже упомянутой проблемы церковной унии, во втором, в контексте решения вопроса автокефалии митрополии и поддержания целостности «московской» и «литовской» частей Киевской митрополий.

Как отмечает О. А. Абеленцева, вероятнее всего данное послание было написано до 31 января 1451 г., до передачи митрополиту Ионе грамоты от Казимира Ягеллончика и Рады на права являться митрополитом и для епископств Великого Княжества Литовского, а не позже, как встречается в дореволюционной историографии. Кроме того, как следует из текста документа, и после 1448 г., как времени утверждения собором епископов Ионы в качестве митрополита [1, с. 212–213].

В тексте документа, стоит отметить, князь не порицается и не «проклиняется» митрополитом Ионой принципиально, как уже преступивший черту противник. Более того, митрополит, даже если и знал о послании князя патриарху Григорию Мамме, лишь предостерегает Олельку Владимировича от пагубных решений. В этом плане князь Олелька предстает перед нами не в форме, князя, принявшего окончательное решение перейти под унию, но остающегося в том же неопределенном положении, что и вся «литовская» часть Киевской митрополии.

В своем послании митрополит Иона упоминает об отрицательном отношении к унии и поведению Константинополя, принявшего соединение с Римом: «А сам, сыну, веши, что Божиею благодатию, оприсно Зборная Церква Святыя София и царевы полаты во Цариграде, ни в монастырех, ни во единой ни в которой в Божией церкви, во всем Цариграде и во всей Святой Горе, нигде же не поминается папино имя, а держат вси милостью Божію ту старину, еже по Божію повелению святых апостол и от богоносных отец, по священным правилом и по всему Божественному Писанию нам преданую» [8, с. 224].

Однако, акцент в данном документе московский митрополит делает именно на решение того самого неопределенного состояния, обосновывая правоту своего избрания московским князем в митрополиты. Так святитель Иона говорит в послании, что переговоры о его назначении на место митрополита велись еще ранее: «А отпущаючи Сиидор на русь, а нас с ним, и святыи патриарх и еже о нем Божественный и Священный и Вселенский Собор Исиидору так заповедаша, а нас благословиша: „Аще когда Исиидор или волею Божиею умрет или каково инаково о нем (л. 154 об.) что ся състанет, ино мне, ино мне, грешному, уже то готово быти по ней в Руси митрополитом“» [8, с. 225]. Кроме того, митрополит Иона ссылается и на правоту действий тех, кто избрал его предстоятелем Киевской митрополии.

В тексте документа митрополит также акцентируется внимание на необходимости объединения митрополии: «киевского князя в деле соединения митрополии, о чем и говорится в послании: „Еще же и о том тебе, своего сына благословляю, яко да восприимет Божия церковь древнее благолепие, и да совокупиться попрежнему святейшая Киевская и вся Русь митрополия воедино“» [8, с. 226].

По данному посланию, если и не удастся выделить конкретно позицию Олельки Владимировича в отношении к унии, во всяком случае исходя из самого факта его написания, можно отметить существующий вес и значимость князя в решении данного вопроса. Однако в то же время реальное решение по объединению литовских епархий под юрисдикцией митрополита Ионы, как видно из текста, зависит от решений великих князей Василия Васильевича и Казимира Ягеллончика. Косвенно, на это может указывать и то, что митрополит в своём послании отмечает положительный взгляд Казимира Ягеллончика на принятие Ионы митрополитом и для Великого Княжества Литовского: «И как Бог положил на сердце великому госпадарю, благородному, славному, превысокому, от Вседержителя Бога превозвышенному полскому королеви и великому князю литовьскому Казимиру самодержьцу великих двоих господарьств, писал до нас, до своих богомолцев свой лист с великим своим желованием, а хочет Божией Церкви церковная оправдания вся учинити по старине, а мене, своего богомолца, хочет жаловать, а к нам хочет послать свое отвестие, как от своего господарьства, от Лятцких держав, в своих державах, как будет в Литовьской земли, и нам быть тогды у него, как нам возвелит у се (л. 155) бе быти» [8, с. 225].

В связи с этим, сама роль Олельки Владимировича по данному документу, с точки зрения О. А. Абеленцевой, заключается в том, чтобы быть посредником в вопросе получения прав на епископства Великого Княжества Литовского между ним и великим князем Казимиром Ягеллончиком:

«Предполагаемый порядок получения прав был следующий: король и великий князь Казимир IV прибывает в свою „богомолию“, то есть в польскую или литовскую часть владений, куда к нему прибывает митрополит Иона или его посол с прошением о передаче прав» [1, с. 312].

Окончательным решением князя Олельки Владимировича стало все же принятие митрополита Ионы владыкой и для епархий Великого Княжества Литовского. 31 января 1451 г. Казимир Ягеллончик и Рады Великого Княжества Литовского выдали грамоту митрополиту Ионе на управление литовскими епархиями. Среди подписавших данный документ был и киевский князь Олелька Владимирович.

На основе этого в историографии, в частности в трудах М. Грушевского, существует точка зрения, что принятие литовскими епископствами под юрисдикцию «московского» митрополита является результатом деятельности и позиции киевского князя, который поддержал это положение. Так Н. Грушевский пишет: «Очевидно, вони то — князі Волини й Київщини, головно й постарали ся коло признання Іони» [3, с. 528].

В то же время И. Мочак, напротив, придерживается противоположной позиции по данному вопросу. По мнению исследователя, киевский князь Олелька Владимирович наоборот, долго не признавал Иону. Лишь обещания московского митрополита заручиться поддержкой константинопольского патриарха и получить его благословение, дало возможность Ионе получить признание киевского князя [5, с. 199].

Таким образом, можно предположить, что, несмотря на родственные связи Олельки Владимировича с Ягеллонами, его брак с московской княжной, который выводит его на политическую арену как значимую и заметную фигуру, а также его «вокняжение» в Киеве — городе *de jure* митрополичьего центра — делают его неотъемлемым участником религиозной жизни Великого Княжества Литовского. Фигура Олельки Владимировича становится объектом, на который московским митрополитам имеет смысл оказывать влияние; однако у киевского князя есть свои амбиции и позиции в религиозной жизни своего региона. По крайней мере, если реальным решением и воздействием на внутренние дела Киевской митрополии стало участие киевского князя на Раде в Вильно в 1451 г., которая утвердила митрополита Иону, то грамота 1441 г., выданная митрополиту Исидору, и послание Патриарху Григорию Мамме воспринимаются как заявления Олельки Владимировича о своей значимой роли в религиозной жизни Великого Княжества Литовского. Несмотря на спорную значимость тех или иных грамот, полученных или отправленных не только от митрополита Киевского, но и Константинопольского патриарха, их наличие

говорит о постепенном росте значимости князя Олельки в политической жизни церкви, а также о особой роли удельных князей в решении тех или иных вопросов церковной жизни, имеющих политическое значение.

Библиографические ссылки

1. *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02 Отечественная история. Санкт-Петербург, 2002. 402 с.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1 : 1334–1598 / [приготовил к изданию И. Григорович] в Типографии Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. [2], VIII, 551, 43 с.
3. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Том 2. Часть 2: Период второй. Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. М.: Императорско-во историческому и древностям российских при Московском университете. 1911. 624 с.
4. *Грушевський М.* Історія України — Руси. Т. 5 : Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV–XVII в. Нью-Йорк: «ДНІГО-СПІЛКА», 1955. 687 с.
5. *Мончак І.* Флорентійський єкуменізм у Київській Церкві: Унійна ідея у помісній еkleзіяльній традиції. Львів: Видавництво Українського Католицького Університету, 2012. 364 с.
6. Полное собрание русских летописей / Академия наук СССР, Институт истории. Т. 35 : Летописи белорусско-литовские / [составитель и редактор Н. Н. Улащик]. Москва : Наука, 1980. 305 с.
7. *Попов А. Н.* Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.). Москва: Типография Т. Рись, 1875. 427 с.
8. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века / под ред. А. И. Плигузова. Москва: Языки славянских культур, 2008. 544 с.
9. *Рыбинский В. П.* Киевская митрополичья кафедра с половины XIII до конца XVI века. Киев: тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1891. 95 с.
10. *Скеп'ян А. А.* Князі Слуцкія. Мінск : Беларусь, 2013. 246 с.

УКРАИНСКАЯ ПЕРЫЁДЫКА Ў НАЦЫЯНАЛЬНЫМ ДЫСКУРСЕ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ (1905–1914)

У. Д. Русецкая

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, vladislavarusecka12@mail.ru*

Артыкул прысвечаны развіццю перыядычнага друку з украінскім нацыянальным ухілам у перыяд 1905–1914 гг. Аўтар разглядае выдавецкую дзейнасць як значную частку нацыянальнага жыцця Украіны і найбольш паспяховую сферу ўкраінскага руху паслярэвалюцыйнай эпохі. Даецца агульная характарыстыка асноўных газет і часопісаў Наддніпраўшчыны, іх матэрыяльны стан і ўзровень папулярнасці. У працы аналізуецца праблема рэнтабельнасці ўкраінскіх выданняў і урадавых абмежаванняў. Тым не менш, вынікі выдавецкай дзейнасці былі пазітыўнымі ў кантэксце ўздыху грамадска-палітычнага дыскурсу ў Расійскай імперыі, у тым ліку па нацыянальнаму пытанню.

Ключавыя словы: выдавецтва; друк; нацыянальны дыскурс; нацыянальны рух; перыёдыка.

УКРАИНСКАЯ ПЕРИОДИКА В НАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1905–1914)

В. Д. Русецкая

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, vladislavarusecka12@mail.ru*

Статья посвящена развитию периодической печати с украинским национальным уклоном в период 1905–1914 гг. Автор рассматривает издательскую деятельность как значимую часть национальной жизни Украины и наиболее успешную сферу украинского движения послереволюционной эпохи. Дается общая характеристика основных газет и журналов Надднепрянщины, их материальное состояние и уровень популярности. В работе анализируется проблема рентабельности украинских изданий и правительственных ограничений. Тем не менее, результаты издательской деятельности были позитивными в контексте подъема общественно-политического дискурса в Российской империи, в том числе по национальному вопросу.

Ключевые слова: издательство; печать; национальный дискурс; национальное движение; периодика.

UKRAINIAN PERIODICALS IN THE NATIONAL DISCOURSE OF THE RUSSIAN EMPIRE (1905–1914)

V. D. Rusetskaya

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, vladislavarusecka12@mail.ru*

The article is devoted to the development of periodicals with a Ukrainian national bias in the period 1905–1914. The author considers publishing as a significant part of the national

life of Ukraine and the most successful sphere of the Ukrainian movement of the post-revolutionary era. The general characteristics of the main newspapers and magazines of the Naddnepranschyna, their material condition and the level of popularity are given. The paper analyzes the problem of profitability of Ukrainian publications and the nature of government restrictions. Nevertheless, the results of publishing activities were positive in the context of the rise of socio-political discourse in the Russian Empire, including on the national issue.

Keywords: publishing house; printing; national discourse; national movement; periodicals.

На рубяжы XIX–XX стст. украінская справа перажывала трансфармацыю ў бок палітызацыі і набыцця масавасці. Развіццё нацыянальных рухаў у Расійскай імперыі і за мяжою, рост нацыянальнай самасвядомасці, уключэнне ўсё большай колькасці насельніцтва ў грамадска-палітычнае жыццё і, нарэшце, выбух першай рускай рэвалюцыі ўзнялі нацыянальны дыскурс у Расіі на новы якасны ўзровень, паставіўшы на павестку дня з новай выразнасцю нацыянальнае пытанне. Уздым нацыянальных рухаў адбываўся не толькі ў плоскасці палітычнай барацьбы, але і ў суперніцтве за фарматаванне нацыянальнай ідэнтычнасці шматмільённага насельніцтва. На маларускіх землях у найбольш жорсткі этап супрацьстаяння ўступілі рускі і ўкраінскі нацыяналізмы.

Выразнай адметнасцю дынамікі нацыянальных рухаў у гады рэвалюцыі 1905–1907 гг. і пасля яе стала энэргічнае ўзнікненне і развіццё перыядычных выданняў на нацыянальных мовах, што стала магчымым пасля прыняцця адпаведнага заканадаўства¹. Комплекснага даследавання гэтага напрамку дзейнасці нацыянальных эліт ускраін імперыі не з’явілася, таму дадзены артыкул мае сваёй мэтай пастаноўку асноўных акцэнтаў у асэнсаванні характару, асаблівасцяў і стану ўкраінскага перыядычнага друку, а таксама яго ролі ў здзяйсненні нацыянальнай справы.

Украінскі нацыянальны рух на пачатку XX ст. засяродзіў сваі асноўныя патугі на двух аспектах: культурнага (перш за ўсё, моўнага) і палітычнага развіцця. Да першага адносілася прызнанне правоў самастойнай украінскай мовы, уключэнне яе ў розныя сферы грамадскага ўжывання, стварэнне сістэмы народнай асветы на нацыянальнай глебе і г. д. У палітычным спектры ўкраінцы на чале з праф. М. Грушэўскім выступалі за федэралізацыю Расійскай імперыі і ўвядзенне нацыянальна-тэрытарыяльнай аўтаноміі. У той час, як падаўленне рэвалюцыі, сталыпінская рэакцыя, слабасць украінскага палітычнага руху, разчараванне вынікамі пастаноўкі ўкраінскага пытання ў Дзяржаўнай Думе прывялі да пэўнага прыглушэння палітыка-партыйнай актыўнасці, цэнтр нацыянальных намаганняў змясціўся ў бок легальнай грамадскай дзейнасці, здзяйсненне якой давала магчымасці выдаўніцкая праца.

¹ Указ Мікалая II «О временных правилах о повременных изданиях» ад 24.11.1905 г.

Моцны ўздым колькасці ўкраінскіх выданняў назіраўся падчас 1905–1907 гг., калі ўзнікла каля паловы ўсіх часопісаў і газет, якія выходзілі да 1917 г. [1, с. 27]. Большасць з іх не перажылі рэвалюцыйнай эпохі і пасля рэвалюцыйнай рэакцыі, значная частка выходзіла толькі некалькімі нумарамі. Аднак украінская нацыянальная эліта падхапіла запал выдавецкай дзейнасці і ў наступныя гады прыкладала шмат высілкаў для падтрымання перыядычнага друку.

Найбольш знакавымі выданнямі ўкраінскага друку з’ўляліся «Рада», якая выходзіла з 1906 па 1914 гг. і была адзінаю штодзённай газетай да вайны, «Сяло» і «Засеў» — сялянскія штотыжнікі (другі выдаваўся замест першага пасля яго прыпынення), якія мелі найбольшы поспех па колькасці перадплатнікаў, «Украінскі веснік» (1906), у якім выразна адлюстравалася ўласна ўкраінская кропка гледжання на «украінскае пытанне» і праграмныя патрабаванні нацыянальнага руху.

Першыя выданні, асабліва рэвалюцыйнага часу, змяшчалі ў сабе матэрыял не толькі нацыянальнага афарбавання, але і выразна палітычнага, у тым ліку апазіцыйнага, крытычнага ў дачыненні да ўраду, што стала, збольшага, прычынаю іх закрыцця. Акрамя асвятлення грамадска-палітычнага жыцця, перш за ўсё — дзейнасці першага ўсерасійскага парламенту, украінская перыёдыка змяшчала публіцыстычныя тэксты, прысвечаныя рэальным вострым патрэбам украінскага грамадства. Найбольш часта сустракаюцца артыкулы, у якіх адстойваецца неабходнасць развіцця ўкраінскай мовы і школы, што заўсёды шло сумесна як два бакі адной праблемы — нізкага стану грамадства і адукаванасці ўкраінскага сяляніна, які з-за русіфікацыі сістэмы асветы быў адарваны ад адукацыі на роднай і зразумелай яму мове. Украінскія дзеячы выступалі не толькі за ўвядзенне нацыянальнай мовы ва ўстановах пачатковай адукацыі, але і за існаванне магчымасці навучання па-ўкраінску ў гімназіях, універсітэтах (агучвалася патрабаванне стварыць кафедры ўкраіназнаўства пры трох універсітэтах Маларосіі), настаўніцкіх семінарыях, інстытутах і інш. [3, с. 116]. Па гэтаму пытанню вялася найбольш жорсткая дыскусія ў грамадскім прасторы з прадстаўнікамі розных катэгорый актыўнай расійскай грамадскасці (КДП, рускія нацыяналісты і прапагандысты, урад і г. д.). Пры гэтым улада з вялікай упартасцю ставілася да ўвядзення «маларускай гаворкі» у сферу асветы, бо бачыла ў гэтым шлях да расколу рускай культуры (маецца на ўвазе тое, што нацыяналізацыя дадзенай сферы прывядзе да хуткага фарматавання ўкраінскай ідэнтычнасці сярод насельніцтва Маларосіі замест рускай, якую планавалася пабудаваць у рамках урадавай нацыянальнай палітыкі). У 1910 г. П. Сталыпін выдаў цыркуляр², які загадваў

² Ліст П. А. Сталыпіна да губернатараў ад 20 студзеня 1910 г.

рабіць перашкоды для стварэння іншародніцкіх культурна-асветніцкіх арганізацый, у тым ліку ўкраінскіх. Чальцы Кіеўскага клубу рускіх нацыяналістаў лічылі, што распрацаваная літаратурная форма ўкраінскай мовы «незразумела ні народу, ні інтэлігенцыі» [9, с. 69], і прыводзіць толькі да «падзенню асветы і паслабленню палітычнай магутнасці ўсяго народу» [2, с. 249–251].

Шмат увагі ўкраінскія дзеячы надавалі распаўсюджанню друку сярод сялянства, на якога накіроўваліся і асноўныя намаганні па экспарту нацыянальнай ідэнтычнасці. Самай паспяховай сярод сялянскіх выданняў была газета «Сяло», якая праіснавала 18 месяцаў пасля пачатку выдання ў 1909 г. і была заменена на іншы штотыднёвік «Засеў» (1911–1912). Апошні характарызаваўся меншай увагаю да асвятлення палітычных падзей. У выданні гэтых газет прыймалі ўдзел галоўныя ўкраінскія публіцысты, у тым ліку М. Грушэўскі.

Украінскі друк стаў той сферай нацыянальнай справы, якая найбольш дынамічна і паспяхова развівалася ў перыяд з 1905 па 1914 г. Мы можам засведчыць, што «украінскае слова» не толькі прасочвалася да розумаў розных катэгорый насельніцтва, а таксама дало магчымасць заявіць аб існаванні нацыянальнага руху і яго патрэбах на «всеуслышание» расійскай супольнасці. Украінскія выданні падтрымлівалі сувязі з іншымі нацыянальнымі выданнямі Расіі, што давала магчымасць ствараць адзіны «інфармацыйны фронт» у нацыянальным дыскурсе імперыі. Шчыльнымі ў выдавецкай прасторы былі, як вядома, сувязі беларускай і ўкраінскай перыёдыкі. «Наша Ніва» пільна сачыла за нацыянальным рухам украінцаў, змяшчала ўкраінскія творы і артыкулы ўкраінскіх дзеячаў. Тое ж самае назіралася і ва ўкраінскіх выданнях. Публіцыстычная камунікацыя дзвух нацыянальных руслаў была «выклікана тыпалагічным падабенствам беларускага і ўкраінскага нацыянальных Адраджэнняў ды поспехамі апошняга» [6, с. 188–189].

Станаўленне ўкраінскай перыёдыкі адбывалася ў складаных умовах, якія былі выкліканы рознымі чыннікамі, найбольш моцнымі з якіх былі ўрадавыя перашкоды. Усе нацыянальныя выданні цярпелі ад недахопу матэрыяльных сродкаў існавання і былі нерэнтабельнымі з-за малой колькасці перадплатнікаў. Так, напрыклад, Ю. Сіры, адзін з украінскіх публіцыстаў, наракаў на тое, што штодзённік «Рада» меў усяго каля 2000 перадплатнікаў (і гэта лічылася яшчэ вялікай лічбаю), у той час як «варожыя ўкраінскаму руху і інтэрэсам ўкраінскага народу маскоўскія газеты, якія выходзілі ва Украіне, малі дзясяткі тысяч перадплатнікаў» [4, с. 6]. Фактычна, украінскія выданні маглі існаваць толькі за кошт дабрахвотных інвестыцый мецэнатаў ўкраінскай нацыянальнай справы. Так,

Е. Чыкаленка (памешчык), адзін з самых актыўных паборнікаў нацыянальнага друку, аддаваў на сваё дзецішча (газета «Рада») большую частку сваіх прыбыткаў, у сваіх «Успамінах» і «Штодзённіку» перманентна скардзіўся на праблемы фінансаванага дэфіцыту выдання і галасіў нават «знікнуць з украінскіх гарызонтаў» [8, с. 38], калі «Рада» прыпыніць сваю працу.

З аб'ектыўных сацыяльных прычын такога стану сучаснікі вылучалі адсутнасць на пачатку ХХ ст. сфармаванай спелай мэтавай аўдыторыі: «у той час на тэрыторыі Украіны прэса на ўкраінскай мове была вялікай рэдкасцю і не мела свайго сфарміраванага кола чытачоў. Вядома, што да таго часу ва Украіне не было нават народнай украінскай школы. Па-за таго маленькага гуртка украінцаў, якія ўмелі чытаць і пісаць па-ўкраінску, для шматмільённага насельніцтва расійскай Украіны з'яўленне ўкраінскай прэсы з новым правапісам і г. д. было чымсьці не толькі новым, але і незразумелым, што патрабавала вывучкі і навукі» [5, с. 32]. Праблема правапісу, якім мусіла друкаваць газеты і часопісы, паўстала даволі складанай не толькі для чытачоў, але і для выдаўцоў, якія вялі працяглыя спрэчкі вакол «стандартызацыі» мовы друку. Іншай праблемай выдавецкай дзейнасці быў недахоп прафесійных кадраў [4, с. 5].

Тым не менш, без адміністрацыйных перашкод усе гэтыя «недарэчнасці» не мелі б такога прыгнятальнага стану. Негледзячы на заканадаўчы дазвол, урад рознымі шляхамі пры выкарыстанні адміністрацыйнага рэсурсу, а часам — і звычайных паліцэйскіх мераў, — здзяйсняў абструкцыі для развіцця перыядычнага друку з украінскім ухілам. Е. Чыкаленка вызначыў галоўны шлях абмежаванняў, які заключаўся ў тым, што «мы, украінцы, дасягнулі скасавання закону 1876 г. і дасталі магчымасць выдаваць газеты на ўкраінскай мове, хаця, праўда, не дасягнулі магчымасці іх свабодна перадаплачваць» [7, с. 407]. Адным з самых шкодных мерапрыемстваў улад было затрыманне экзэмпляраў выданняў на поштах. «Так, у маларасійскіх губернях нават дзейнічаў „сакрэтны“ цыркуляр па паштовым ведамстве, у якім гаварылася аб неабходнасці перашкаджаць трапленню левых газет у рукі сялян і які распаўсюджваўся і на ўсе ўкраінскія выданні».

Найбольш распаўсюджаным спосабам даўлення на выдавецтва служыла сістэма штрафаў, якая стварала непераадольныя фінансавыя бар'еры для ўкраінскага друку, які і без таго ледзь знаходзіў сродкі для існавання. Даходзіла нават да прамога адміністрацыйнага прыпынення выдаўніцтва, аднак на такі выпадак заўсёды падрыхтоўвалася «запасное» выданне (як, напрыклад, «Засеў», які быў фактычна працягам газеты «Сяло») [1, с. 30].

Насуперак адміністрацыйным перашкодам і неспрыяльным умовам фінансавання ўкраінскага перыядычнага друку на працягу 1905–1914 гг.

справа нацьянальнага выдаўніцтва не згасала. Колькасць газет і часопісаў расла, хаця не шмат з іх праіснавала больш года [1, с. 28]. Праблема фінансавага забеспячэння вырашалася праз ахвяраванні з боку «неабыхавых да ўкраінскай справы багачоў».

Нацьянальна арыентаваны друк выявіўся не безвыніковым сродкам распаўсюджання нацьянальнага самаўсведамлення сярод розных колаў насельніцтва Украіны. Перш за ўсё, намаганні выдаўцоў былі накіраваны на інтэлігенцыю і «працоўны люд». Акрамя таго, актывізацыя публіцыстычнай палемікі падагравала ўсерасійскі грамадскі дыскурс па ўкраінскаму пытанню, а таксама прыцягвала ўвагу з боку замежных сіл, якія бачылі ва ўкраінскім руху патэнцыйны інструмент даўлення на Расію ў кантэксце блізкай сусветнай вайны.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Гром О. А.* Национальная периодическая печать в Российской империи в 1905–1916 гг.: феномен и исследовательская перспектива // Новое прошлое / The New Past, 2022. № 4. С. 24–45.
2. *Кресіна І. О.* Українська національна свідомість і сучасні політичні процеси: (Етнополітологічний аналіз). К.: Вища шк., 1998.
3. *Русова С.* Современные школьные нужды на Украине // Украинский вестник. 1906. № 2. С. 115–122.
4. *Тищенко-Сірий Ю.* Перші наддніпрянські українські масові політичні газети. Нью-Йорк: Українсько-Американське Видавниче Товариство, 1952.
5. *Ткаченко І. В.* Видання українського народного тижневика «Засів» у Києві (1911–1912) // Рукописна та книжкова спадщина України. 2004. Вип. 9. С. 29–45.
6. *Унучак А. У.* Сувязь «Нашай Нівы» з українським нацьянальным Адраджэннем (пачатак XX ст.) // Беларусь — Україна: гістарычны вопыт узаемаадносін. Мінск: Ін-т гісторыі, 2004. С. 187–190.
7. *Чикаленко Є.* Спогади (1861–1907). Нью-Йорк: Українська вільна академія наук у США, 1955.
8. *Чикаленко Є.* Щоденник (1907–1917). К.: Темпора, 2011.
9. *Щеголев С. Н.* Современное украинство. Его происхождение, рост и задачи. Киев: Типографія И. Н. Кушнерев и Ко, 1912.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРГ В НАЧАЛЕ XXI в.

Д. В. Саватеева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, KruhloDV@bsu.by*

В статье рассматриваются ключевые направления социально-экономического развития Федеративной Республики Германия в начале XXI в. Выделяются основные направления развития ФРГ в начале 2000-х гг.: модернизация рынка труда, усиление роли инноваций и технологий, а также стратегическая перестройка энергетического сектора. Освещается роль инноваций в обеспечении конкурентоспособности немецкой экономики на мировом уровне, влияние кластерной политики на развитие региональных научно-производственных центров, а также энергетическая трансформация Германии. Делается вывод о том, что немецкая социально-экономическая модель, основанная на принципах социального рыночного хозяйства, демонстрирует высокую адаптивность и служит примером успешного сочетания рыночной эффективности и социальной справедливости.

Ключевые слова: ФРГ; социально-экономическое развитие; реформы.

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

D. V. Savatseyeva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, KruhloDV@bsu.by*

The article examines the key areas of socio-economic development of the Federal Republic of Germany at the beginning of the 21st century. The main areas of development of the FRG in the early 2000s are highlighted: modernization of the labor market, strengthening the role of innovations and technologies, as well as strategic restructuring of the energy sector. The role of innovations in ensuring the competitiveness of the German economy at the global level, the influence of cluster policy on the development of regional research and production centers, as well as the energy transformation of Germany are highlighted. It is concluded that the German socio-economic model, based on the principles of a social market economy, demonstrates high adaptability and serves as an example of a successful combination of market efficiency and social justice.

Keywords: Germany; socio-economic development; reforms.

Федеративная Республика Германия, являясь ключевым экономическим и политическим актором Европейского Союза, вступила в XXI в. на фоне масштабных вызовов и структурных реформ. Социально-экономическая модель, сложившаяся здесь под влиянием принципов

социального рыночного хозяйства, продемонстрировала как устойчивость, так и гибкость, позволяя Германии оставаться на передовых позициях в условиях глобализации и нарастающей интеграции мировых рынков.

Одним из важнейших направлений социальной политики Германии стало поддержание баланса между государственными обязательствами и рыночными возможностями. Социальные расходы, включая пенсионное и медицинское обеспечение, составляют значительную часть бюджета и требуют постоянного бюджетного контроля. Это обусловлено, среди прочего, демографическими изменениями: старение населения и снижение рождаемости вынуждают политиков искать новые подходы к устойчивому финансированию социальной системы. По данным Федерального статистического управления, доля расходов на социальное обеспечение в федеральном бюджете немного снизилась и составила в 2023 г. 37,1 % или 232 млрд евро. Для сравнения, в период с 1991 г. по 2023 г. в среднем около 41,7 % расходов приходилось на социальную помощь и социальное обеспечение [1].

Реформы начала XXI в., включая программу «Повестка дня — 2010», оказали значительное влияние на рынок труда, стимулируя рост занятости и поддерживая экономическую динамику. В результате этих изменений Германия сумела относительно быстро преодолеть последствия мирового кризиса 2008–2009 гг., однако кризис выявил необходимость дальнейших реформ в финансовой и социальной сферах. Германия также столкнулась с проблемами адаптации восточных федеральных земель к западной модели, что всё ещё остаётся вызовом для немецкой экономики.

Энергетическая политика Германии, направленная на переход к возобновляемым источникам, ознаменовала новый этап промышленного и экологического развития страны. Однако реализация энергетического поворота сопровождается трудностями, такими как рост тарифов и необходимость модернизации инфраструктуры.

ФРГ в начале 2000-х гг. продемонстрировала приверженность курсу на устойчивое социально-экономическое развитие. Особое внимание было уделено обновлению ключевых секторов экономики и реформированию социальной системы. Основными направлениями развития стали модернизация рынка труда, усиление роли инноваций и технологий, а также стратегическая перестройка энергетического сектора.

Реформы рынка труда и социальной системы. Основой для устойчивого экономического роста в Германии стали масштабные реформы в социальной сфере и на рынке труда, начатые в 2000-х гг. и известные как «Повестка дня — 2010». Эти реформы, направленные на либерализацию рынка труда и сокращение уровня безработицы, существенно изменили систему занятости

и социального страхования. Реализованный пакет реформ Харц-4 повысил гибкость рынка труда, позволил сократить расходы на социальное обеспечение и способствовал стимулированию занятости, особенно среди низкоквалифицированных работников. В период с 2005 г. по 2024 г. показатель уровня безработицы снизился почти в 2 раза — с 11,7% до 6% (данные на октябрь 2024 г.) [2]. В то же время социальные реформы вызвали противоречивые оценки в обществе, так как изменение условий занятости привело к росту числа временных и частично занятых рабочих мест.

Старение населения остаётся одним из наиболее значимых демографических вызовов для Германии, оказывая давление на пенсионную систему и сферу здравоохранения. Политика демографического обновления включает меры по поддержке рождаемости и интеграции мигрантов, что призвано компенсировать рост численности пожилого населения и стабилизировать рынок труда в долгосрочной перспективе.

Инновации и технологическое развитие. Научно-технический прогресс и поддержка инноваций стали ключевыми элементами экономической стратегии Германии. Федеральное правительство активно содействует развитию научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, создавая благоприятные условия для работы инновационных компаний, особенно в сфере малых и средних предприятий. Стратегия в области высоких технологий, принятая в 2006 г., предполагает финансирование приоритетных научных проектов и поддержку конкурентоспособности немецких компаний на международной арене. Германия активно участвует в международных технологических альянсах и интегрирует научные достижения в ключевые сектора промышленности, такие как автомобилестроение, машиностроение и химическая промышленность.

Кластерная политика, ориентированная на поддержку региональных научных и производственных объединений, играет важную роль в развитии инновационного потенциала страны. Такие кластеры, как автомобильный в Баварии или биотехнологический в Рейнской области, являются центрами высокотехнологичного производства, которые способствуют повышению занятости и устойчивому экономическому росту.

Энергетический поворот и экологическая устойчивость. Политика энергетической трансформации, известная как «энергетический поворот», направлена на сокращение зависимости Германии от ископаемых источников энергии и переход к возобновляемым источникам, таким как ветер, солнечная энергия и биомасса. Энергетический поворот предполагает поэтапный отказ от атомной энергии, повышение энергоэффективности и значительное расширение инфраструктуры для производства и распределения экологически чистой энергии.

Однако реализация энергетического поворота сталкивается с рядом вызовов. Стремительное развитие альтернативной энергетики ведёт к росту цен на электроэнергию для конечных потребителей, а также требует значительных инвестиций в модернизацию энергетической инфраструктуры, включая электросети и системы накопления энергии. Германия стремится интегрировать возобновляемую энергетику в общенациональную энергосистему, обеспечив при этом надёжное энергоснабжение и стабилизацию тарифов.

Таким образом, социально-экономическое развитие Германии в XXI в. характеризуется активными преобразованиями, направленными на повышение устойчивости национальной экономики и социальной системы в условиях глобализации и демографических изменений. Германия стремится сочетать принципы социального рыночного хозяйства с инновационным развитием и экологической ответственностью, создавая основу для стабильного роста и повышения качества жизни.

Библиографические ссылки

1. Anteil der Sozialausgaben am Bundeshaushalt leicht gesunken. 15.07.2024 [Elektronische Ressource] // Deutschlandfunk. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/anteil-der-sozialausgaben-am-bundeshaushalt-leicht-gesunken-102.html> (Bewerbungsdatum: 28.09.2024).
2. Arbeitslosenquote in Deutschland im Jahresdurchschnitt von 2005 bis 2024. 30.10.2024 [Elektronische Ressource] // Statista. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1224/umfrage/arbeitslosenquote-in-deutschland-seit-1995/> (Bewerbungsdatum: 30.10.2024).

МОСКОВСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ С БОЛГАРИЕЙ 28 ОКТЯБРЯ 1944 г. И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА ВОСТОКЕ БАЛКАН

А. П. Сальков

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, anatsalkov@mail.ru*

После выхода Болгарии из войны на стороне фашистской оси в результате переворота 9 сентября 1944 г. началась разработка условий ее перемирия с союзниками по антигитлеровской коалиции. Предварительным условием стал вывод болгарских войск и администрации с греческих и югославских территорий. Московское перемирие, подписанное 28 октября, во многом определило особенности военно-политического положения на Востоке Балкан и контуры послевоенного мирного урегулирования.

Ключевые слова: Перемирие 1944 г. с Болгарией; Балканы; национально-территориальные конфликты; великие державы; послевоенное мирное урегулирование.

MOSCOW ARMISTICE WITH BULGARIA 28 OCTOBER 1944 AND THE MILITARY-POLITICAL SITUATION IN THE EASTERN BALKANS

A. P. Salkov

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, anatsalkov@mail.ru*

After Bulgaria left World War II on the side of the fascist axis as a result of the coup of September 9, 1944, the conditions for its armistice with the allies of the anti-Hitler coalition began to be worked out. The preliminary condition was the withdrawal of Bulgarian troops and administration from Greek and Yugoslav territories. The Moscow Armistice, signed on October 28, largely determined the features of the military-political situation in the Eastern Balkans and the contours of the post-war peace settlement.

Keywords: Armistice 1944 with Bulgaria; Balkans; national-territorial conflicts, Great Powers; post-war peace settlement.

В середине 1944 г. в Москве шла трудная работа по выбору концептуальных подходов к послевоенной стратегии, что было актуально для Восточно-Балканского региона, где сталкивались интересы союзников. С одной стороны, интеллектуалы из Комиссии Литвинова при НКВД СССР в записке «Международная организация безопасности» от 25 апреля высказали противоречивые мысли: «Мы считали бы тактически нецелесообразной инициативу советского правительства в выдвижении предложений о делении мира на зоны или сферы влияния, но при конкретном уточнении и распределении между великими державами обязательств по сохранению мира, вопроса о зонах не избежать» [1, л. 28]. С другой стороны, практики

из наркомата госбезопасности СССР регистрировали все более очевидные британские приоритеты на Балканах. В сообщении резидентуры от 31 мая указывалось, что после перехода инициативы в войне в руки союзников «английская политика в отношении СССР, в частности, в балканских вопросах будет более твердой. Англичане вообще решили не пускать русских на юг от Дуная, даже если для этого придется применить силу» [2, с. 488].

В литературе высказано предположение о том, что к августу в Москве была задумана многоходовая операция по закреплению в регионе после разгрома вермахта и поддержке своих новых союзников. Быстрое продвижение советской армии через Болгарию к Западной Фракии вплоть до греческой границы создало бы важный плацдарм у Эгейского моря [3, с. 278]. Министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден подготовил 9 августа меморандум «Советская политика в Европе», проникнутый опасениями по поводу растущего влияния СССР на Балканах. Он предлагал «не колеблясь, четко донести до русских идею о том, что у нас особые интересы в Восточном Средиземноморье..., а также в целом нашу заинтересованность в Балканах» [4, с. 185, 191].

Между тем, контакты Софии с англо-американцами без участия советских представителей на протяжении всего 1944 г. показали, что Болгария уже упустила время, и союзники игнорируют ее пожелания. 1 сентября в Каире все же начались переговоры об условиях перемирия между болгарскими и англо-американцами. В день 5 сентября, когда СССР объявил войну Болгарии, а Красная Армия вступила на ее территорию, болгарская делегация совершила прогулку к Пирамидам. После единственного содержательного дня 7 сентября Каирские переговоры без участия Советского Союза потеряли смысл [5, с. 127–133].

В первых числах сентября при участии маршала Г. К. Жукова и адмирала флота Н. Г. Кузнецова был разработан план операции по вступлению в Болгарию, исходивший из ее сопротивления. Части 3-го Украинского фронта должны были овладеть приморскими районами. Продвижение в западную часть страны и вступление в Софию не предусматривалось [6, с. 346–347]. В боевом донесении командующего войсками 3-го Украинского фронта генерала армии Ф. И. Толбухина в Ставку докладывалось, что его войска 8 сентября перешли «новую болгаро-румынскую границу [граница Крайовского соглашения 7 сентября 1940 г. — А. С.]» и без сопротивления освободили район Южной Добруджи. Операция «Болгария» заняла 34 часа [7, с. 101, 103]. После напряженного обсуждения в правительстве Константина Муравиева (премьер-министр и министр иностранных дел с 2 по 9 сентября) МИД уведомил германское посольство, что Болгария с 18 часов 8 сентября находится в состоянии войны с Германией [8, с. 561].

Отечественный фронт в ночь на 9 сентября совершил государственный переворот. Кабинет возглавил Кимон Георгиев, видный политик, участник трех болгарских переворотов [9]. Советская разведка сообщала, что Форин офис «сильно негодовал» по поводу объявления Москвой войны Болгарии. Это нарушило планы Лондона, который уже запланировал создать в Софии «умеренное» пробританское правительство [10, с. 356]. В греческой Западной Фракии болгарские оккупационные войска в один день превратились едва ли ни в союзные. 10 сентября в румынском городе Чернаводэ начались переговоры Ф. И. Толбухина с болгарской делегацией о предварительных условиях перемирия. В тот же день британский посол при греческом эмигрантском правительстве сообщал в Форин офис об опасениях греков, что «Россия, продолжив свое продвижение, может буквально сейчас создать совершенно новое положение на греческой границе». С 14 сентября Политическая дирекция МИД Болгарии начала подготовку материалов для болгарской делегации на переговорах по заключению перемирия [5, с. 151–155, 159–160]. В течение сентября были спешно разработаны 29 меморандумов с рядом приложений к ним, многие из которых касались территориальных вопросов будущего урегулирования [5, с. 161–210]. 18 сентября, после обмена нотами, СССР принял предложение Лондона о предъявлении Болгарии в качестве предварительного условия требования отозвать болгарские войска и администрацию с греческой и югославской территорий в течение 15 дней [5, с. 214, 220–221].

Скоротечная операция по вводу советских войск в Болгарию (8–9 сентября), оперативное подчинение болгарской армии командованию 3-го Украинского фронта (16 сентября), пребывание маршала Г. К. Жукова в Болгарии (до конца сентября), присутствие ставших едва ли ни союзными болгарских частей в греческой Западной Фракии (начало сентября – середина октября), действительно, могли расцениваться Западом как эвентуальное намерение СССР нарушить лондонское «соглашение Иден-Гусев» (май 1944 г.) о сферах британской и советской военной ответственности соответственно в Греции и Румынии. Допустимо предположить, что военные успехи Красной Армии не исключали мыслей о реализации своих геостратегических интересов в Восточном Средиземноморье путем выхода на побережье Эгейского моря [6, с. 349–350].

В ходе выработки условий перемирия с Грецией болгары подготовили ряд рабочих документов. Ключевым был меморандум № 28 «Об эвентуальных греческих претензиях на перемещение границы к северу от станции Бук во Фракии» от 27 сентября. Село Бук (тур. Кара Бук, греч. Паранести) располагалось на левом, западнофракийском берегу Месты. В документе имелся набор этнических контраргументов. Так это село, из которого еще

в 1920-х гг. были выселены коренные болгары-помаки, а на их место заселены греческие беженцы из Турции, стало начальной точкой обширных взаимных территориальных претензий двух стран [5, с. 201–203]. В приложении «Записка о северной границе Беломорья» к меморандуму приводилось подробное описание болгаро-греческой границы в районе Западной Фракии по каждому отдельному участку. Она характеризовалась как «политическая граница, то есть граница произвольная, а, следовательно, и насильственная..., проведенная не по водораздельным хребтам Планины». Автором записки был видный историк и географ, «отец» болгарской научной геополитики, на тот момент декан историко-филологического факультета Софийского университета Иван Батаклиев [5, с. 204–205].

Некоторая интрига завязалась вокруг задержки болгарской эвакуации Восточной Македонии и Западной Фракии. Болгарская делегация распространила 30 сентября пояснительную справку «О выводе болгарских войск из Сербии, Македонии и Беломорья». В документе подчеркивалось, что в греческих областях жестко боролись за власть два вооруженных лагеря, чью вражду сдерживали болгарские части; их дислокация в крае не позволяла прорваться сюда немецким войскам, отступающим от Салоник и Струмы; уход болгарских войск мог бросить на Софию подозрение, что она не выполняет свои обязанности, как воюющая на стороне союзников. Все эти обстоятельства создавали для Болгарии «поистине парадоксальное положение» [5, с. 255–256]. Однако вскоре оно было исчерпано.

И. В. Сталин 6 октября позвонил руководителю Международного отдела ЦК ВКП(б) Георгию Димитрову и дал распоряжение отвести болгарские войска из Фракии и Македонии. Димитров тут же телеграфировал секретарю ЦК БРП (коммунистов) Трайчо Костову: «наши друзья советуют как можно скорее» сделать это, что «в интересах самой Болгарии» [11, с. 79; 12, с. 79]. Поэтому в предварительных условиях перемирия от 11 октября предпосылкой переговоров выдвигалась эвакуация болгарских войск с греческой и югославской территорий. 25 октября военный министр Дамян Велчев получил донесение об окончательном выводе болгарских войск [13, с. 39–40]. При этом Южная Добруджа в условиях перемирия нигде не упоминалась, потому что она не была захвачена, подобно Македонии и Фракии, и не была получена в результате фашистского арбитража, подобно Верхней Венгрии и Трансильвании. Крайовское соглашение 1940 г., при всем участии в его подготовке Берлина, формально представляло собой двусторонний болгаро-румынский документ [14, с. 73–88].

Болгарские оккупационные войска находились также и в регионе Западные покраины (Кула, Цариброд, Босилеград, Струмица), который был создан вдоль старой болгаро-сербской границы еще Нёйским мирным

договором с Болгарией 27 ноября 1919 г. [15, с. 46–63]. В сентябре 1944 г. болгарская армия была внушительной силой — 22 дивизии и 5 бригад (всего 510 тыс. бойцов), в том числе, 9 дивизий и 2 бригады в Югославии и Греции, болгарский флот в дунайском порту Русе и черноморских портах Варна и Бургас. Своеобразие военной обстановки в Болгарии заключалось в отсутствии сплошной линии фронта. Войска 3-го Украинского фронта имели задачу по выходу на глубину лишь ближайших целей (110–180 км), так как они оставались в 360–400 км от болгарско-югославской границы, где началось сосредоточение германских частей. 12 сентября немцы захватили Кулу и район юго-западнее Видина. Красная Армия вышла на границу с Югославией только в конце сентября [16, с. 190–194].

Болгарская делегация на переговорах по заключению перемирия разработала меморандум № 4 (вторая половина сентября), в котором отмечалось стремление соседних стран к установлению в Нёйи не этнических, а стратегических границ. Это стремление «было удовлетворено (оторваны Струмицкая околия, Западные покраины и др.)» [5, с. 167]. Такой посыл готовил условия для возможной ревизии границы на данном участке. В этих условиях Г. Димитров дважды (25 и 27 сентября) беседовал с находившимся в Москве И. Броз Тито, после чего направил в ЦК БРП(к) соображения об урегулировании проблемы Босилеграда и Цариброда, а также болгарских войск в Македонии [11, с. 223–224]. Этот план излагался в шифрограмме Димитрова секретарю ЦК Трайчо Костову о судьбе Западных покраин от 27 сентября. Болгария должна была вывести свои войска, в том числе, из Цариброд и Босилеград, учитывая мнение Тито о необходимости возврата этих районов Болгарии. Прежнюю болгарскую администрацию планировалось заменить, вплоть до определения будущей границы, избранным из болгарского населения края народно-освободительным комитетом (местный орган власти в Югославии), имея в виду заверения Тито, что в Западных покраинах не будет ни сербской, ни македонской администрации [12, с. 60–61].

Однако болгарские войска, как считалось в югославской литературе, попытались сохранить контроль над Босилеградом и Царибродом [17, с. 68–75]. Обращает внимание, что в данных планах пока не упоминались ни район Струмицы, ни возможный обмен Пиринской Македонии на Западные покраины. Твердая советская позиция видна из писем заместителя командующего войсками 3-го Украинского фронта генерал-полковника С. С. Бирюзова и К. Георгиева, которыми они обменялись 11 октября 1944 г. Необходимой предпосылкой для начала переговоров о перемирии был выдвинут вывод всех болгарских войск и администрации с югославской и греческой территории [18, с. 73–75].

Еще с августа 1944 г. югославские коммунистические структуры начали предпринимать практические шаги по подготовке присоединения Пиринской Македонии. Они были оформлены болгаро-югославским соглашением о военном сотрудничестве на югославской территории, подписанным в Крайове 5 октября И. Броз Тито и министром без портфеля Добри Терпешевым. В его основу была заложена идея форсированного присоединения болгарского Пиринского края к Югославии [17, s. 52–54; 19, с. 15–24]. В двустороннем коммюнике отмечалось: Болгария сделает «все возможное для ликвидации всех несправедливостей, совершенных фашистскими элементами». Даже эта невинная фраза вызвала отказ В. М. Молотова опубликовать текст в советской прессе [5, с. 265]. После соглашения штаб Болгарской народной армии отдал распоряжение: «жители Цариброда и Босилеграда, подлежащие призыву, обязаны явиться в титовские повстанческие отряды». В октябре–ноябре в Цариброде и Пироте были проведены «грандиозные митинги болгаро-сербского братства». На них звучали заявления, что судьба края будет решена самим народом на свободном референдуме, а вопрос о границе маловажен. Отчет о митингах зафиксировал реплику из толпы: «Можно и без нее [границы. — А. С.]» [20, с. 607–609].

Вскоре стало очевидным, что болгарское руководство не спешило с реализацией соглашения 5 октября. В крае, тем временем, свободно действовали титовские эмиссары-пропагандисты, популяризировалась идея македонской государственности в составе Югославской федерации. Подготовка непосредственного отделения Пиринского края от Болгарии заставила Софию принять ответные меры. На заседании политбюро ЦК 25 октября был рассмотрен вопрос о положении в крае. Самоопределенческие действия югославов стали осознаваться как аннексионистские [21, с. 239–242]. Политические декларации о ликвидации всех несправедливостей, сформулированные 5–6 октября на болгаро-югославских переговорах по военному сотрудничеству в Крайова, вошли в противоречие с реальной практикой этого сотрудничества [22, s. 21–27].

Подоплека событий проявилась на переговорах У. Черчилля и И. В. Сталина в Москве 9–18 октября и бесед в их рамках В. М. Молотова и Э. Идена по болгарской проблеме. Советская сторона добилась увеличения веса своего влияния в Болгарии с 75 до 80 %, но оба советских руководителя отличились немотивированными и резкими антиболгарскими заявлениями [23, с. 572–573].

Переговоры союзников с Болгарией о заключении перемирия проходили в Москве 26–28 октября 1944 г. Соглашение о перемирии было подписано 28 октября и предписывало Болгарии эвакуировать из Югославии и Греции свои войска, администрацию и аннулировать законы об аннексии

их земель [24, с. 22–24, 37–38]. Американские военные наблюдатели странным образом усмотрели советское «одобрительное отношение» к Болгарии, объяснив это традиционной русской благосклонностью, стратегическим положением страны (соседство с Грецией), а также «унизительной и угодливой покорностью болгарских делегатов во время переговоров о перемирии» [25, с. 316].

29 октября министр иностранных дел Болгарии Петко Стайнов на приеме у В. М. Молотова затронул касательно Югославии три вопроса. Во-первых, он прямо заявил: «Справедливость требует того, чтобы болгарские западные окраины (район Цариброда) были бы вновь возвращены Болгарии» и выразил пожелание советского «воздействия» на Тито «в этом направлении». Молотов сослался на неосведомленность, но полагал, что вопрос «не относится к числу сложных». Во-вторых, Стайнов прокомментировал македонскую проблему. Хотя София «примирилась с мыслью о том, что Македония должна быть автономной в составе Югославии» и не думает «чинить никаких затруднений Тито», она считает, что автономная Македония может быть «лишь в тех границах, в каких она входила в Югославию до нынешней войны». Молотов отвечал, что этот вопрос «довольно сложен и еще не настало время для его решения». В-третьих, Стайнов спрашивал, какую позицию занять Болгарии «в отношении Федерации Южных Славян», услышав, что отвечать на это еще рано [7, с. 134–136].

Деланая неосведомленность Молотова в важных для Болгарии проблемах сочеталась с его хозяйственной оборотистостью. 20 ноября 1944 г. Л. П. Берия сообщал ему о статье в лондонском «Mining journal» об урановом месторождении у пика Готен горной гряды Софийска планина. Молотов подготовил распоряжение СНК СССР о командировании в этот район группы советских специалистов. Уже в сентябре 1945 г. усилиями двух наркомов было создано Советско-болгарское горное общество по разведке и эксплуатации урановых месторождений [26, л. 49–50; 27, л. 343–344, 347–351]. (Болгарский уран сыграл впоследствии большую роль в реализации советского ядерного проекта).

При МИД Болгарии 10 ноября 1944 г. был создан Комиссариат по исполнению условий перемирия во главе с министром иностранных дел. Комиссариат регулярно готовил постатейные отчеты для Союзной контрольной комиссии (СКК). Так, 17 ноября сообщалось, что все болгарские войска и администрация в качестве оккупационных «полностью покинули югославскую территорию, включая Западные покраины». Аналогичные документы параллельно готовились и Группой политсоветника СКК. В отчете от 22 января 1945 г. указывалось, что фашистские правительства Болгарии «не издавали никаких конституционных актов в отношении

аннексии греческой и югославской территорий». Принимались законы и административные распоряжения, которые утратили свою силу с уходом болгарских войск и находились в процессе юридической отмены [28, с. 344, 677–678, 683–684].

Библиографические ссылки

1. Архив внешней политики РФ. Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 6. П. 14. Д. 144.
2. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов: в 8 т. М. : Книга и бизнес : Кучково поле, 1995–2014. Т. 5. Кн. 1: Вперед на запад (1 января–30 июня 1944 г.) / В. П. Ямпольский (авт.-сост). 2007. 728 с.
3. *Аникеев А. С.* Македонская проблема в контексте международных отношений на Балканах (1943–1949 гг.) // Македония: проблемы истории и культуры. Сборник. / Р. П. Гришина (отв. ред.). М. : Ин-т славяноведения РАН, 1999. С. 262–321.
4. Советско-британские отношения в 1943–1953 гг. Документы и материалы / Н. К. Капитонова, М. А. Липкин, В. О. Печатнов, С. Райек (сост.). М. : Аспект Пресс, 2021. 960 с.
5. Великите сили и България 1944–1947 г. Документи: в 2 т. / Луиза Ревякина, Витка Тошкова, Татьяна Волокитина (съст.). София : Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2014–2018. Т. 1: Примирието между СССР, Великобритания, САЩ и България (януари–октомври 1944 г.). 2014. 442 с.
6. *Волокитина Т. В.* За кулисами военной операции «Болгария» (сентябрь 1944 г.) // Феномен мировых войн в истории XX века. Материалы Всерос. научно-теор. конф. (Воронеж, 11–12 мая 2017 г.) / А. А. Богдашкин (отв. ред.). Воронеж : Научная книга, 2017. С. 344–351.
7. Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945: Документы и материалы / А. Д. Ефремов (авт.-сост.) [и др.]. М. : Терра, 2000. Т. 14-3 (2). 688 с.
8. Дипломатически документи по участието на България във Втората световна война: дневници на Министерството на външните работи в правителствата на Георги Кыосеиванов, проф. Богдан Филов, Добри Божилов, Иван Багрянов, Константин Муравиев. Сборник / Цочо Билярски, Иванка Гезенко (съст.). София : ИК Синева, 2006. 590 с.
9. *Недев Недю.* Три държавни преврата, или Кимон Георгиев и неговото време. София : Сиела, 2007. 805 с.
10. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов: в 8 т. Т. 6: Победа: 1 января–9 мая 1945 г. М. : Военная книга : Кучково поле, 2014. 560 с.
11. *Димитров Георги.* Дневник, март 1933–февруари 1949. Избрано. София : «Изток-Запад», 2003. 509 с.
12. България непризнатият противник на Третия райх. Сборник дококументи / Витка Тошкова [и др.] (съст.). София : Изд. «Св. Георги Победоносец», 1995. 295 с.
13. Държавна сигурност и промените в България (септември 1944–декември 1947 г.). Документален сборник / Тодор Трифонов, Румяна Маринова-Христиди (съст.). София : Комисия по досиетата, 2010. 507 с.
14. *Сальков А. П.* Крайовское соглашение: Болгарско-румынское урегулирование в Южной Добрудже и советско-германское соперничество за Болгарию (сентябрь

1940–июнь 1941 г.) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 4. С. 73–88.

15. *Сальков А. П.* Территориальная проблема в болгаро-югославских отношениях (1919–1949 гг.) // Вопросы истории (Москва). 2008. № 5. С. 46–63.

16. *Маковский В. Б.* Освободительный поход советских войск в Болгарии // Великая Победа: в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. М. : МГИМО-Университет, 2015. Т. 12: Освобождение. 574 с.

17. *Nešović Slobodan.* Jugoslavia–Bugarska, ratno vreme 1941–1945. Beograd ; Sarajevo : Narodna knjiga : Svjetlost, 1978. 382 s.

18. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. / Г. П. Мурашко (отв. ред.): в 2 т. М. ; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997–1998. Т. 1: 1944–1948 гг. 1997. 985 с.

19. *Ангелов Веселин.* Третата национална катастрофа: Съветската окупация в България (1944–1947). София : Анико, 2005. 354 с.

20. Българите от Западните покрайнини (1878–1975). Документи / Елена Бугарчева, Людмила Зидарова (съст.). София : Изд. «Св. Климент Охридский», 2005. 775 с. («Архивите говорят». Т. 35).

21. *Даскалов Георги.* Българо-югославски политически отношения, 1944–1945. София : Изд. «Св. Климент Охридский», 1989. 330 с.

22. *Dragisić Petar.* Jugoslovensko-bugarski odnosi: 1944–1948. Beograd : Institut za njviju istoriju Srbije, 2007. 207 s.

23. *Сальков А. П.* Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.). Минск : БГУ, 2019. 743 с.

24. Советско-болгарские отношения. 1944–1948 гг. Документы и материалы / Л. Ф. Ильичев, Иван Попов (ред.). М : Политиздат, 1969. 508 с.

25. *Тошкова Витка.* Советские геостратегические замыслы на Балканах в 40-е годы XX века (по материалам Национального архива США) // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века / Г. Г. Литаврин, Р. П. Гришина (отв. ред.). СПб : Алетейя, 2002. С. 307–322.

26. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-9401 («Особая папка» И. В. Сталина; «Особая папка» В. М. Молотова. Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1944–1956 гг.). Оп. 2. Д. 70.

27. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 103.

28. Великите сили и България 1944–1947 г. Документи: в 2 т. / Луиза Ревякина, Витка Тошкова, Татьяна Волокитина (съст.). София : Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2014–2018. Т. 2: Съюзната контролна комисия в България (ноември 1944–декември 1947 г.). 2018. Първа част. 931 с.

КАРЛ IV ЛЮКСЕМБУРГ: ВЛАСТЬ И КУЛЬТУРА

Е. Д. Смирнова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Smirnova@bsu.by*

Статья посвящена императору Священной Римской империи, королю Германии и Чехии Карлу IV Люксембургу. Карл считал культуру составной частью политики. Став королем, он сделал Чехию центром империи. Желая видеть новую столицу достойной лучших европейских резиденций, Карл собрал лучших архитекторов и художников из Франции и Германии, начал реконструкцию столицы. Центр Праги — лучший пример градостроительной концепции императора. В период его правления был отреставрирован Пражский Град, заложен собор Святого Вита, основан Пражский университет, построена загородная резиденция замок Карлштейн и т. д.

Ключевые слова: Средние века; Западная Европа; Священная Римская империя; Карл IV; династия Люксембургов; культурная политика; император; Прага.

CHARLES IV OF LUXEMBOURG: POWER AND CULTURE

E. D. Smirnova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Smirnova@bsu.by*

The article is dedicated to the Emperor of the Holy Roman Empire, King of Germany and the Czech Republic Charles IV of Luxembourg. Charles considered culture an integral part of politics. Having become king, he made the Czech Republic the center of the empire. Wanting to see the new capital worthy of the best European residences, Charles gathered the best architects and artists from France and Germany; he began the reconstruction of the capital. The center of Prague is the best example of the emperor's urban development concept. During his reign, Prague Castle was restored, St. Vitus Cathedral was founded, Prague University was founded, a country residence Karlštejn Castle, etc. were built.

Keywords: Middle Ages; Western Europe; Holy Roman Empire; Charles IV; Luxembourg dynasty; cultural policy; emperor; Prague.

11 июля 1346 г. внук императора Генриха VII Люксембурга и сын чешского короля Яна (Иоанна) Люксембургского Карл был избран королем Германии под именем Карла IV (1346–1378) (рис. 1), а затем после гибели своего отца в знаменитой битве при Креси 26 августа 1346 г., — в соответствии с завещанием отца был провозглашен и чешским королем под именем Карл I. Позже в 1355 г. ему удалось добиться титула императора Священной Римской империи [3, S. 30–31, 33].

Рис. 1. Генрих VII, Ян Люксембург, Карл IV.
Збраславская хроника, около 1393 г.

По рождению наполовину чех, наполовину немец Карл IV остался в памяти своего народа как самый великий чешский государь, согласно латинскому выражению «Отец Отечества», поскольку именно при нем Чехия превратилась в политический и культурный центр Священной Римской империи. В нашей историографии его имя долгое время было больше известно в связи с так наз. Золотой буллой 1356 г., которую некогда немецкий социолог и философ Карл Маркс довольно ругательно назвал «основным законом немецкого многовластия». Золотая булла — шедевр средневековой юридической мысли, собрание Законов, документ юридически письменно оформивший особую модель европейской государственности, согласно которой **власть** не передавалась династическим путем, как это было в Англии и Франции, а избиралась. Короля избирали всего 7 человек (7 курфюрстов), был закреплён их состав (архиепископы Майнца, Кёльна, Трира, Рейнский фальцграф, герцог Саксонии, маркграф Бранденбурга и король Чехии). Чехия, согласно статьям Золотой буллы, получила в рамках Священной Римской империи особое положение.

К концу Средневековья в Чехии возникло представление о месте своей страны в мире, согласно которому центром планеты являлась Европа, центром Европы — Германская империя, а центром империи — Чехия. В этом представлении личность Карла сыграла решающую роль¹.

¹ Vita Caroli IV. imperatoris // Fondes rerum Bohemicarum. Ed. J. Emler (далее — FRB). Praha, 1882; Kroniky doby Karla IV. Praha, 1987; Kavka F. Vláda Karla IV za jeho císařství (1355–1378). Praha, 1993. Т. 1–2; Kavka F. Život na dvore Karla IV. Praha, 1993;

На формирование личности Карла серьезное влияние оказали годы, проведенные во Франции. Ввиду вражды родителей и по настоянию отца, будущий римский император и богемский король в возрасте 7 лет был отправлен ко двору французского короля Филиппа VI, и официально находился здесь на воспитании [5, S. 34–35; 7, с. 35–37].

Карл провел во Франции семь лет (с 1323 по 1330 гг.). Фактически детство и юность. Жизнь в Париже, французский двор и духовная атмосфера Сорбонны (здесь Карл посещал младший факультет «свободных искусств»), а также завязавшиеся контакты с папским двором в Авиньоне и личная переписка с гением Возрождения Франческо Петраркой благотворно сказались на духовном становлении чешского принца, сыграли в его воспитании решающую роль. В Париже он получил блестящее образование (все Люксембурги — французы по образованию), освоил искусство дипломатии, научился воспринимать и понимать **культуру**, что принесло в дальнейшем великолепные результаты. В первую очередь, Праге — столице Чехии и резиденции Карла как императора Священной Римской империи [9, с. 456]. В Париже он стал зрелым латинистом (его произведения характеризовались безупречной средневековой латынью). Карл обладал высоким интеллектом и хорошо тренированной памятью, быстро овладел языками, необходимыми для овладения королевскими обязанностями. Говорил, читал и писал по-чешски, французски, итальянски, немецки, на латыни [5, s. 36].

К управлению государством его готовили люди высокого ума. Среди которых особенно выделялся проповедник Пьер де Розье (Роже де Росьер) из Лиможа, ставший его учителем. «Ты когда-нибудь станешь королем Рима», — предсказал кардинал Карлу, который (как говорят) тут же ответил: «Ты станешь папой еще раньше» [5, s. 37]. Факт примечательный, поскольку в дальнейшем Пьер, действительно, сделает прекрасную церковную карьеру и через 14 лет после знакомства с Карлом в 1342 г. станет римским папой Климентом VI. Он же рекомендует Карла на римский престол.

Карл был не столько римским императором, сколько чешским королем. По материнской линии он происходил из рода Пршемысловичей. Его мать Элишка была дочерью чешского короля Вацлава II Пршемысла. Карл всегда подчеркивал свое чешское происхождение. Отдавал предпочтение Чешским землям — наследственным владениям Люксембургов. Историки порой называют его «отцом Чехии» и «отчимом Германии».

Seibt F. Karl IV. Ein Kaiser in Europa 1346 bis 1378. München, 1978, 1994; *Spěvák J.* Karel IV. a jeho vlastní životopis. Praha, 1978; *Spěvák J.* Karel IV: život a dílo (1316–1378). Praha, 1979; *Werunsky E.* Geschichte Kaiser Karls IV und seiner Zeit. Bd. 1–3. Innsbruck, 1880–1892; *Kalousek, J.* Karel IV. Otec vlasti. Praha, 1878.

С именем Карла связывают «Золотой век» Чешского королевства. Согласно Золотой булле и благодаря государственным преобразованиям Карла, земли Чешской короны, входившие в состав империи, заняли в ней первое место. Чехия стала самым могущественным княжеством империи. Его правление стало вершиной расцвета чешского государства. А Прага при нем превратилась в один из красивейших городов Европы в столичную резиденцию.

Карл хотел видеть Прагу столицей достойной лучших столиц-резиденций Европы. Эта **его концепция** столичного города, отвечавшего роли римского императора и значению всей Священной Римской империи, по-видимому, возникла еще в Париже: центр империи — Чехия, центр Чехии — Прага.

Для молодого императора Прага была символом непрерывности власти династий Пршемысловичей и Люксембургов; он был намерен сделать **любимый город новым Римом** своей империи, себя же ощущал наследником и продолжателем всех величайших христианских правителей — от римского императора Константина до франкского императора Карла Великого.

В 1334 г. Карл прибыл в Чехию после смерти отца и проявил себя как исключительно мудрый, рассудительный и энергичный правитель, как меценат, организатор культуры.

Начиная с середины 40-х гг. XIV в. имя Карла будет тесно связано со всеми сколько-нибудь заметными **культурными проектами столицы**. Заботами короля город был фактически заново отстроен, в Праге началась деятельность Карла IV в этой сфере и определялась его личными амбициями императора и интересом к искусству и архитектуре, который в не малой степени объяснялся потребностями незаурядного правителя, нуждавшегося в постоянной демонстрации своей **власти** и величия.

Центр Праги — Старый Город, Вышеград и Пражский Град — не отвечал концепции Карла столичного города-резиденции самого могущественного правителя христианского мира. Карл задумал украсить столицу монументальными архитектурными постройками и памятниками скульптуры. Так возникли сооружения, которые и поныне определяют облик и силуэт Праги. По примеру резиденции французских королей Карл начал обновлять Пражский Град, именно здесь должен был жить император Священной Римской империи, вести дипломатические переговоры и устраивать приемы. Вначале был полностью перестроен Королевский дворец, который был выстроен по типу парижской готической капеллы Сен-Шапель.

Еще при жизни отца Карл, в 1344 г. добился принятия от папы Климента VI буллы об учреждении Пражского архиепископства, благодаря

чему пражская церковь освободилась от подчинения архиепископу майнцскому. Было создано что-то вроде национальной церкви. Карл показал Клименту VI, что он будет самостоятельно управлять архиепископством. Первым пражским митрополитом был назначен Арношт из Пардубиц, впоследствии ставший канцлером Карла и его личным другом.

Отражением этого важного события должна была стать постройка нового храма — грандиозного кафедрального собора Святого Вита в Праге, первый архитектор которого Матьё из Арраса приехал в Прагу из Франции, из города Авиньона в 1344 г. Согласно плану архитектора, собор Святого Вита задумывался как сооружение в стиле южнофранцузской **готики**. С 1344 г. по 1352 г. Матьё заложил хор с обходом и венцом из пяти капелл, далее под его руководством были возведены нижние стены этих частей и девять пилонов главного нефа.

Карл IV был верующим человеком, считал церковь одним из главных своих союзников.

В 1348 г., через четыре года после начала строительства собора Святого Вита Карл основал по образцу Парижского и Болонского университетов в Старом Городе (Старе Место) г. Праги первый в империи и единственный на тот момент в Центральной Европе Пажский университет (ныне Карлов университет)², чтобы, как значилось в учредительной грамоте, *«жителям королевства Чешского не было нужды просить в чужих странах милостыню, но чтобы нашли они в королевстве нашем стол с угощением к удовлетворению своему»*. Карл жертвовал университету деньги, построил дом для университетских преподавателей и рассматривал университет как институт усиления королевской **власти**.

Целенаправленная деятельность Карла позволила собрать в Праге лучшие художественные силы. Его художественное окружение состояло из таких выдающихся мастеров как уже упомянутый французский зодчий Матьё из Арраса, немецкий мастер Петр (Петер) Парлерж, живописцы Мастер Теодорик, Николай (Микулаш) Вурмсер и некоторые другие.

После кончины Матьё из Арраса (1352) его в качестве главного строителя Праги в 1356 г. сменил 23-летний скульптор и архитектор из Гмюнта (Швабия) Петр Парлерж (1330–1399) — один из наиболее талантливых представителей знаменитого семейства немецких зодчих Парлеров. Несмотря на молодость, Парлерж прошел хорошую школу строительного искусства сначала в Кёльне, а затем в Гмюнте, бывал во Франции и

²Подробнее об основании Пажского университета см. в хронике Бенеша Крабице из Вейтмиле (Chronicon Benessii de Weitmil / Ed. J. Emler // Fondes rerum Bohemicarum, IV. Praha, 1884) и хронике Франтишка Пажского (Chronicon Francisci Pragensis / Ed. J. Emler // Fondes rerum Bohemicarum, IV. Praha, 1884).

Англии. В начале своей деятельности он находился под влиянием того направления немецкого зодчества, основой которого была готическая архитектура Иль-де-Франс. Молодой и уверенный в себе немецкий архитектор приехал в Прагу полный сил и новых идей. 44 года Петер Парлерж руководил строительной артелью собора Святого Вита, стал центральной фигурой чешского искусства второй половины XIV в. — эпохи наивысшего расцвета чешской готики. Крупнейшим созданием Петра Парлержа было возведение восточной части собора Святого Вита.

В 1353–1399 гг. Петр, а затем его сыновья Вацлав и Ян (1399–1419) завершили строительство хора, южного портала трансепта и большую часть южной башни собора Святого Вита, ставшей олицетворением Пражского Града и **символом Праги**. Собор по сей день возвышается над городом и виден отовсюду. Как писал О. Э. Мандельштам, *«Шпиль собора ранит острой иглой тугую грудь неба»*.

Парлерж проявил себя не только как зодчий, но и как ваятель: из его мастерской вышли бюсты членов королевской фамилии (во главе с Карлом IV), донаторов храма, его строителя, а также надгробия чешских князей и королей в капеллах хора (1365–1385).

Несомненный интерес представляют светские постройки Парлержа-архитектора, выполненные по заказу Карла IV. В 1357 г. он начал строительство нового каменного моста через Влтаву, названного позже Карловым (1357–1378) [4, s. 306]. Следует сказать, что в символике Средневековья мост являлся символом спасения. Карлов мост стал первым каменным мостом через Влтаву (заменил старый мост, снесенный наводнением) и являлся частью коронационного пути чешских королей. Мост соединил Старый Город («Старе место») на правом берегу реки — с Малым городом, расположенным под Пражским Градом. Необычные размеры и техническое решение Карлова моста вызвали удивление всей Европы.

По образцу больших городов Европы Карл раздвинул границы уже существовавших пражских городов на берегах Влтавы, превратив их в Новый Город. *«Лета Господня 1348, в день Св. Марка, господин Карл, король римский и чешский, возложил закладной камень и положил начало Новому Городу пражскому»*, [2] — говорит первый чешский историк Бенеш Крабице из Вейтмиле. Карл выстроил в Новом Городе ряд костелов и монастырей. В частности, в 1348 г. началось строительство большого монастырского комплекса на Слованех с костелом Девы Марии. Новый костел Вознесения Девы Марии и Святого Карла Великого на самом высоком месте Нового Города являлся лучшим подтверждением того, что своим идеалом правителя Карл IV считал Карла Великого. Был обновлен и второй королевский град — Вышеград: здесь был перестроен в новом

стиле королевский дворец; в 1348–1350 гг. выстроены крепостные укрепления с двумя главными надвратными башнями; в 1361 г. в Вышеграде был заложен каменный водопровод, в 1369 г. началась перестройка костела Св. Петра и Павла.

Оживленное строительство велось и в Старом Городе: над Староместской ратушей (построенной еще при Яне Люксембурге) поднялась призматическая башня, в 1410 г. на ней будут установлены редкие в то время часы — Пражский орлой.

С основанием Нового Города завершилось объединение пражских городов в единое целое. В результате Прага превратилась в крупнейший город Европы с населением около 35 000–40 000 человек. Так, постепенно начало воплощаться в жизнь представление Карла о том, как должен выглядеть столичный Город-резиденция (рис. 2).

Рис. 2. Прага. Миниатюра из «Всемирной хроники» Гартмана Шеделя (1493)

Располагал Карл и резиденцией загородной — королевским замком Карлштейн [8]. Заложенный в 1348 г. и находившийся недалеко от Праги по направлению к Нюрнбергу, замок станет крупнейшим светским сооружением того времени, символом священного характера **власти**. Образец высокой готики и французского стиля, замок Карлштейн был сооружен на естественной скале и был совершенно неприступен. Возведением этого замка, как, впрочем, и строительством Праги, Карл лишний раз хотел **подчеркнуть значимость времени своего правления, свою силу и власть**. Архитекторами Карлштейна были Матьё из Арраса и Петр Парлерж.

Карлштейн возводился 7 лет (с 1348 по 1365 гг.) и был предназначен для хранения имперских коронационных драгоценностей и мощей святых. Карл собирал эти реликвии и был известен как коллекционер [3, s. 30]; его считали самым богатым из собирателей такого рода артефактов.

Вершиной живописного убранства замка Карлштейн является капелла Св. Креста (1357–1365), стены которой были украшены 129 картинами и

стенными росписями, изображающими всех святых католического мира выполненными знаменитым придворным мастером из Праги Теодориком (и его помощниками), в грамоте от 28 апреля 1367 г. Карл IV называет его «magister Teodoricus pictor noster et familiaris» («мастер Теодорик, наш художник и придворный»).

Карл был известен и как талантливый писатель. Ему принадлежит одна из немногих в средневековой Европе автобиографий — «Жизнь Карла IV» [6; 7].

Карл ставил интересы государства превыше всего и считал культуру составной частью политики. Его деятельность позволила превратить Чешское королевство из европейской провинции в центр Священной Римской империи, а продуманная политика в области культуры и градостроительства сделала средневековую Прагу городом-символом императорской власти.

Библиографические ссылки

1. Bartlová M. Rodinné zlato českých zemí. Umění doby Karla IV. v proměnách času // Dějiny a současnost. 2005. № 1. Ročník XXVII. S. 41–43.
2. Beneš Krabice z Weitmile. Panování císaře Karla IV. Praha, 1940.
3. Kubínová K. Tři dny ve Svatém městě. Císařská korunovace Karla IV. v Římě roku 1355 // Dějiny a současnost. 2005. № 1. Ročník XXVII. S. 30–33.
4. Schmitt, J.-C. Císař Karel IV. 1316–1378 // Muži a ženy Středověku. / Ed. Le Goff, J. Praha: Vyšehrad, 2013. S. 306–308.
5. Šmahel, Fr. Monseigneur Charles de Bohême. Dětství a dospívání Karla IV. ve Francii // Dějiny a současnost. 2005. № 1. Ročník XXVII. S. 34–37.
6. Vita Caroli IV. imperatoris // Fontes rerum Bohemicarum / Ed. J. Emler. Praha, 1882.
7. Жизнеописание императора Карла IV, им самим составленное // «Искусство возможного» в политике Карла IV Люксембурга: Учебное пособие / А. В. Леонтьевский. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1995. С. 29–70.
8. Смирнова Е. Д. Чешский замок Карлштейн: исторический памятник и музейный объект // Мірскі замак і замкі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Праблемы рэстаўрацыі і музейфікацыі. Міжнародная нав.-практ. канферэнцыя, 4 чэрвеня 2005 г., г. п. Мір, Гродзен. вобл. / Нав. рэд. Н. Ф. Высоцкая. Минск: ТАА «Белпрынт», 2006. С. 108–127.
9. Смирнова Е. Д. Резиденция императора Карла IV Люксембурга и его художественное окружение // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. Москва: Наука, 2004. С. 455–468.
10. Смирнова Е. Д., Сушкевич Л. П., Федосик В. А. Средние века. Культура, искусство, история. Иллюстрированная энциклопедия / Под ред. В. А. Федосика. Москва: Эксмо, 2008. 304 с.
11. Ювалова Е. П. Чешская готика эпохи расцвета. 1350–1420. Москва: Наука, 1998. 222 с.

МАЛОРОССИЙСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ НА СТАРОДУБЩИНЕ. ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОГРАНИЧНОЙ СПЕЦИФИКИ РЕГИОНА (1812–1814)

Е. В. Хроленок

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, evgeny00@mail.ru*

В работе на основе широкого круга архивных источников освещается вопрос участия жителей Стародубщины в войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. в составе Малороссийского ополчения. Делается акцент на пограничную специфику региона, которую успешно использовало российское правительство, так как, несмотря на утрату Стародубщиной порубежного статуса, между краем и территориями бывшего Великого Княжества Литовского пролегла фантомная граница, разделявшая население теперь уже одного государства. При этом использование стародубских казаков и крестьян во время указанных военных конфликтов являлось и очередным этапом преобразований проводимых в регионе с конца XVIII до середины XIX в.

Ключевые слова: Стародуб; война 1812 года; пограничный регион; малороссийское ополчение; казаки.

MALORUSSIAN MILITIA IN STARODUBSHCHINA. EXPERIENCE OF USING THE BORDER SPECIFICITY OF THE REGION (1812–1814)

E. V. Khrolenok

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, evgeny00@mail.ru*

The article, based on a wide range of archival sources, highlights the issue of the participation of Starodub residents in the war of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army in 1813–1814 as part of the Malorussian militia. Emphasis is placed on the border specifics of the region, which was successfully used by the Russian government, since, despite the loss of Starodubshchina's border status, a phantom border ran between the region and the territories of the former Grand Duchy of Lithuania, dividing the population of what was now one state. At the same time, the use of Starodub cossacks and peasants during the aforementioned military conflicts was also the next stage of the transformations carried out in the region from the end of the 18th to the middle of the 19th century.

Keywords: Starodub; war of 1812; border region; Malorussian militia; cossacks.

Стародубщина — историко-географический регион и сегодня находящийся в белорусско-российско-украинском пограничье. На протяжении XVI–XVIII вв. край оставался местом столкновения интересов Великого Княжества Литовского (ВКЛ), России и Гетманской Украины. При этом с середины XVII в. Стародуб являлся центром одноименного

полка — военно-административной единицы Гетманщины, а затем Малороссийского генерал-губернаторства. Данное положение изменилось лишь в результате деятельности императрицы Екатерины II, благодаря которой границы России были отодвинуты далеко на запад от Стародубщины. Регион был разделен на четыре уезда, составлявшие северную часть Черниговской губернии. Однако за три беспокойных столетия в крае сложилась особая военная и социальная структура отвечающая вызовам порубежья. Ее реформирование правительством затянулось до середины XIX в. и только преобразования, проведенные в правление императора Александра II, окончательно растворили местную специфику.

Несмотря на утрату Стародубщиной статуса порубежного края, регион был отделен от бывших территорий ВКЛ фантомной границей. Последняя разделяла разное в ментальном плане население теперь уже одного государства. В результате одновременно с действиями по приведению региона к общегосударственным нормам, российское правительство на протяжении всей первой половины XIX в. вынуждено было в чрезвычайных обстоятельствах неоднократно прибегать к помощи местного населения сохранявшего свой воинственный дух. Впервые таким поводом стала Война четвертой коалиции 1806–1807 гг., когда в России было принято решение о создании Земского войска. Однако данное формирование практически не учитывало региональную специфику и не успело принять участие в боевых действиях в связи с заключением Тильзитского мира 1807 г.

Впервые в постпограничной истории региона жители Стародубщины приняли участие в действительных сражениях с неприятелем во время войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.

Вторжение армии императора французов Наполеона Бонапарта в Россию началось 11 июня 1812 г., а высочайший рескрипт об организации Малороссийских казачьих полков был издан уже 25 июня 1812 г. Правительство предписывало казакам образовать свои полки, путем выставления одного человека от 25 ревизских душ. При этом указывалось, что полки по окончании войны хоть и будут распущены, но «навсегда останутся принадлежащими к украинскому войску» [1, с. 47]. Стародубцы полагали, что теперь также как и их предки будут являться на службу по призыву государства, а после окончания боевых действий расходиться по домам. В результате такого народного подъема уже к 31 июля был сформирован 6-ой Черниговский казачий конный полк. В него поступило из Стародубского повета 262 города Стародуба и Мглинского повета 374 казака. Среди них были и 24 дворянина из числа положенных в оклад, часть из которых произвели в унтер-офицеры. Вахмистрами были назначены 6 казаков — ветеранов военных кампаний конца XVIII в. [2, л. 548–563]. Все малороссийские

полки организовывались, как легкая кавалерия и имели наибольшее сходство с уланскими. На вооружении каждого казака были сабля, уланская пика и два пистолета [3, с. 3]. При этом обязанность по обеспечению их провиантом, фуражом, лошадьми и вещами ложилась на казачьи общества. Данное обстоятельство причинило им значительный экономический ущерб. В результате затраты понесенные за время существования малороссийских полков казаки пытались компенсировать различными способами. Интересным здесь представляется пример казака с. Запольские Халеевичи Стародубского повета Ивана Игнатов Беляева. Согласно послужному списку, составленному в августе 1814 г. он числился среди пропавших без вести с 1812 г. [2, л. 560]. В это же время скончался бездетный брат Беляева, что дало повод его родственникам занять принадлежавший братьям земельный надел. Однако, не позднее 1816 г. Иван Игнатов Беляев возвратился в родное село, где нашел свой двор занятым. Отказываясь возвратить ему имущество, родственники ссылались, в том числе на то, что со своего надела несли обязанности по содержанию малороссийских полков за себя и за его покойного брата в 1812–1816 гг. Не найдя возможности возвратить имущество Иван Беляев «пустился в пьянство» [4].

Одновременно с формированием конных полков, в соответствии с манифестом от 18 июля 1812 г. шел сбор и пешего ополчения. Ратники в него набирались из мещан, казенных и помещичьих крестьян из расчета 1 человек от 15 ревизских душ. Как отмечал Б. С. Абалихин, народный подъем был в Черниговской губернии очень высок и только с 27 июля по 3 августа 1812 г. из двух уездов относящихся к Стародубскому региону — Мглинского и Суражского в ополчение поступили 2700 ратников, многие из которых уже были вооружены [5, с. 94]. Всего же, например в Мглинском повете было набрано 1593 защитника, а в Стародубском 1788 [6, л. 404–455; 7, л. 596–705 об.].

29 июля 1812 г. французские войска заняли Чечерск, а 30 июля Речицу. Чтобы не допустить вторжения неприятеля на территорию Малороссийского генерал-губернаторства, еще не до конца сформированные казачьи полки выступили на административную границу Черниговской губернии. Не дожидаясь прихода войск местное население Стародубского, Новозыбковского, Суражского и Мглинского поветов начало самостоятельно организовывать дружины самообороны. В результате вторгшиеся отряды французских войск были разбиты и отступили, бросив награбленные обозы. Именно эти дружинники и составили затем основную часть ратников при формировании пеших полков [5, с. 99].

Уже в начале августа малороссийские ополченцы освободили Чечерск. 6-му Черниговскому казачьему полку было поручено вести наблюдение

восточнее города — началось формирование «кордонной цепи» прошедшей, в том числе и по границе Стародубщины. Таким образом, регион вновь, хоть и условно, приобрел порубежный статус. Силы местного ополчения были призваны сдерживать неприятеля и не допустить его вторжения на Украину. Необходимо отметить, что проведя весь август 1812 г. в столкновениях с противником защитники свою обязанность выполнили.

В сентябре 1812 г. 6-ой Черниговский казачий конный полк поступил под командование ротмистра Барсукова. В середине того же месяца французские войска начали новую попытку наступления на юг. Части российской регулярной армии были вынуждены отступить за р. Сож. На помощь им были направлены три эскадрона 6-го Черниговского полка и 1000 пеших ратников при четырех орудиях. 14 сентября они приняли бой с переправившимися через р. Днепр союзными Наполеону польско-немецкими войсками и отбросили их за пределы Черниговской губернии. Однако 18 сентября противнику удалось занять Чечерск. В то же время российское командование скопило на северной границе Черниговской губернии значительные силы, состоящие преимущественно из малороссийских ополченцев и перешло в контрнаступление. Уже 26 сентября Чечерск был освобожден, а затем черниговцы разбили неприятеля у Речицы. Французские войска, сняв осаду Бобруйской крепости, отступили в Могилев [5, с. 104–105].

12 октября французы вновь заняли Чечерск, но вновь были выбиты из города черниговскими ополченцами при поддержке регулярных войск. В то же время из Рогачева на Пропойск выступила польская кавалерия, которая затем, не встречая серьезного сопротивления, вторглась на территорию Стародубщины. Однако там они потерпели поражение от пешего ополчения и 6-го Черниговского казачьего полка, после чего стародубцы перешли в наступление на Рогачев. На протяжении октября 1812 г. малороссийские ополченцы продолжали вступать в столкновения с отрядами неприятеля вторгавшегося на Стародубщину [5, с. 109–110].

2 ноября 6-й Черниговский казачий полк вместе со стародубскими ратниками в составе корпуса генерал-лейтенанта Н. В. Гудовича выступил на Могилев для освобождения города. Во время этого похода казаки неоднократно вступали в бои с противником, чем внесли свой вклад в освобождение территории современной Беларуси от неприятеля. Однако Могилев был занят русскими войсками еще до подхода черниговцев. Последние прибыли в город только 17 ноября и оттуда были направлены в Бельнич [8, с. 130–135].

Во второй половине ноября 1812 г. 6-й Черниговский полк вместе с ратниками Стародубского повета был направлен на Волынь, где началась их подготовка к заграничному походу. Новым командиром 6-го полка был

назначен майор Я. И. Турчанинов. Ратникам выдавалось огнестрельное оружие, вероятно в этот же период конные и пешие полки ополчения получили свои знамена, описание которых было составлено только в 1847 г. Так, например, знамя Новозыбковского полка представляло собой полотнище белого цвета с золотом по краям. На нем спереди был изображен черный орел, с другой стороны — распятие, внизу в золотых лаврах золотыми литерами — «АІ» и под распятием — «За веру», а под лаврами — «и царя» [9, л. 9 об.].

В то же время холодная зима 1812/1813 гг. нанесла ополченцам урон не меньший, чем столкновения с неприятелем. Об этом свидетельствуют отметки о смерти стародубцев в госпиталях Новоград-Волынского, Овруча, Брест-Литовска [10, л. 606]. Если говорить о казаках, то в 1812 г. погиб или пропал без вести 31 стародубский казак 6-го Черниговского полка, еще 29 умерли от ран или болезней, что составляло более 20 % от общего числа казаков набранных в Стародубском повете [2, л. 548–563].

В феврале 1813 г. ополченцы получили приказ двигаться на территорию Герцогства Варшавского. Там они с июля и до ноября 1813 г. принимали участие в осаде крепости Замостье в составе корпуса генерал-лейтенанта С. Ратта до самой ее капитуляции. После чего 6-й Черниговский казачий полк был направлен в корпус генерал-лейтенанта А. Клейнмихеля к другой крепости — Модлин, которая сдалась в декабре 1813 г. Затем стародубцы несли караульную службу, конвоировали пленных, выполняли курьерские и полицейские обязанности на территории Герцогства Варшавского, находясь в распоряжении его генерал-губернатора [8, с. 139–140]. В Заграничном походе 1813–1814 гг. умерли или погибли 4 стародубских казака, столько же еще находилось в лазаретах к осени 1814 г. [2, л. 548–563].

30 сентября 1814 г. Малороссийские полки получили приказ возвращаться в места формирования. Казаки хоть и были распущены по домам, но оставались в положении запасных. Лишь 11 июня 1816 г. 6-ой Черниговский полк был окончательно расформирован.

Кроме того необходимо отметить, что участие стародубцев в кампаниях 1812–1814 гг. не ограничивалось одной лишь обязанностью поставлять ратников и обеспечивать их. В целом на территории Малороссийского генерал-губернаторства и непосредственно на Стародубщине было сосредоточено значительное количество складов с провиантом, снарядами и прочими необходимыми ресурсами. Для их транспортировки местное население было обязано предоставлять подводы и погонщиков [11, с. 194]. При этом отмечены случаи, когда последние не возвращались из армии и записывались их помещиком в рекруты в счет будущего набора [12, л. 102]. А после переноса военных действий за границы России в 1813–1814 гг.

Стародуб стал важным пунктом по пути конвоирования пленных французских солдат, а также польских, белорусских и литовских шляхтичей захваченных на территории бывшего ВКЛ. При этом охрана таких заключенных была поручена 1-му Черниговскому казачьему полку [13, л. 57, 147].

Свой вклад в обеспечение малороссийского ополчения внесли и дворяне Стародубщины. За что многие из них в 1814 г. были награждены бронзовой медалью «В память Отечественной войны 1812 г.». Так, достойными данной награды были признаны по Суражскому повету 56 человек, Новозыбковскому — 128, Новгород-Северскому — 220, Мглинскому — 191, Стародубскому — 249 [14, л. 5–8, 26–29, 125–135, 146–155, 179–200].

Несмотря на столь весомый вклад населения малороссийских губерний в победу — возрождения украинского войска так и не случилось. Казаков лишь освободили до 1820 г. от уплаты оброчного оклада и податей по части путей сообщения, а также от рекрутской повинности в 1812–1818 гг. Кроме того, указами от 1820 и 1823 гг. было постановлено, что малороссийские казаки являются полноправными собственниками своей земли и владеют ею «на праве дворянском», и соответственно могут ее продавать наравне с другим имуществом [1, с. 53]. Кроме того анализ последующих церковных документов позволяет сделать вывод о том, что возвратившиеся из ополчения стародубские ратники образовали специфическую сословную группу у себя на родине. Полагаем, что именно этим объясняется значительное количество браков, заключенных в последующие годы между родственниками бывших защитников [15].

Таким образом, первый в постпограничном периоде опыт военного использования стародубских казаков российским правительством был для него удачным. Наличие фантомной границы между землями бывшей Гетманщины и бывшего ВКЛ в совокупности с отождествлением местного населения себя, как противника польской шляхты, дала возможность Петербургу еще неоднократно использовать стародубских казаков в чрезвычайных обстоятельствах в ближайшие 50 лет.

Библиографические ссылки

1. *Стороженко Н. В.* Очерк из истории малороссийских казаков в конце XVII и в начале XIX века. Киев: Ун-т Св. Владимира, 1898.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395. Оп. 311. Д. 28.
3. *Калинин С. Е.* Малороссийские казачьи полки в 1812–1814 гг. Москва, 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kalinin_08.pdf (дата обращения: 26.08.2024).
4. Государственный архив Брянской области. Ф. 254. Оп. 1. Д. 259.

5. *Абалихин Б. С.* Украинское ополчение 1812 г. // Исторические записки. 1962. Т. 72. С. 87–118.
6. Государственный архив Черниговской области (ГАЧО). Ф. 132. Оп. 1. Д. 154.
7. ГАЧО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1208.
8. *Оліянчук А. М.* Козацтво Лівобережжя України: соціальний статус і військові повинності (початок – 60-ті рр. ХІХ ст.): дис. ... канд. іст. наук. Київ, КНУ. 2016.
9. ГАЧО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 31.
10. РГВИА. Ф. 395. Оп. 311. Д. 30.
11. *Абалихин Б. С.* Роль Украины в обеспечении в Отечественной войне 1812 г. // Вопросы военной истории: XVIII и первая половина XIX в. 1969. С. 187–204.
12. ГАЧО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1377.
13. ГАЧО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1064.
14. ГАЧО. Ф. 133. Оп. 1. Д. 382.
15. ГАЧО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 535.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1980-х гг. В ВЕНЕСУЭЛЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ БОЛИВАРИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

И. О. Чеченев

*Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск,
Республика Беларусь, ilyachechenev@gmail.com*

В статье рассматриваются причины зарождения в Венесуэле боливарианского движения. Основное внимание уделено экономическому кризису 1980-х гг. и его причинам. Кроме того, проводится анализ политических и экономических преобразований в Венесуэле 1970–80-х гг., создавших необходимые условия для оформления в стране левого движения. Возникновение боливаризма и формирование революционного движения MBR-200 под руководством У. Чавеса рассматривается в тесной связи со сложившейся в Венесуэле экономической ситуацией.

Ключевые слова: боливаризм; У. Чавес; PDVSA; нефтяной кризис; MBR-200; Венесуэла; Латинская Америка.

IMPACT OF THE ECONOMIC CRISIS OF THE 1980s ON THE FORMATION OF BOLIVARIAN MOVEMENT IN VENEZUELA

I. Chechenev

*Republican Institute of Higher Education, ul. Moskovskaya, 15, 220007, Minsk, Belarus
ilyachechenev@gmail.com*

The article examines the reasons for the emergence of the Bolivarian movement in Venezuela. It focuses on the economic crisis of the 1980's and its causes. It also analyses the political and economic transformations in Venezuela in the 1970's and 1980's, which created the necessary conditions for the formation of a leftist movement in the country. The emergence of Bolivarianism and the formation of the MBR-200 revolutionary movement under the leadership of U. Chávez are considered in close connection with the economic situation in Venezuela.

Keywords: Bolivarianism; U. Chávez; PDVSA; oil crisis; MBR-200; Venezuela; Latin America.

Последняя четверть XX в. характеризуется подъёмом радикальных и популистских движений как правого, так и левого спектра, которые в своей риторике апеллируют к борьбе с истеблишментом, глобализацией и обращаются непосредственно к народным массам. Боливаризм как политическая идеология начал своё развитие в Венесуэле, а сам боливарианский дискурс стал неразрывно связан с именем У. Чавеса, левого венесуэльского политика и президента Венесуэлы в 1999–2013 гг. Зарождение

данного движения, как и вся экономическая история Венесуэлы, неразрывно связаны с ценами на углеводороды, а именно их сильными колебаниями в 1970-х–1990-х гг.

Время зарождения боливарианского движения пришлось на период существования стабильного демократического правления в стране. После длительной диктатуры Х. В. Гомеса 1908–1935 гг. и периода военных диктатур 1948–1958 гг. это был пример достаточно редкой политической стабильности для латиноамериканского региона XX в. После январского восстания 1958 г., приведшего к свержению военной диктатуры М. П. Хименеса, в стране, наконец, было восстановлено гражданское правление. Лидеры трёх основных политических партий страны — Демократического действия (AD), Социально-христианской партии (COPEI) и Демократического республиканского союза (URD) — заключили между собой так называемый Пунтофихский пакт (от имени резиденции «Пунтофихо» в г. Каракас), призванный поддержать стабильность демократической системы. Данная договорённость предусматривала признание результата выборов вне зависимости от того, какая из трёх крупнейших партий одержит на них победу. Итогом стало постепенное складывание в 1960-х гг. двухпартийной системы AD и COPEI, в то время как URD отошёл на второстепенные роли [1, с. 142].

Несмотря на то, что на протяжении 1960-х гг. в Венесуэле наблюдались некоторые попытки военных выступлений, гражданским политикам удалось консолидировать демократический режим и постепенно взять военных под контроль. Казалось, что венесуэльская армия наконец преодолела наследие каудильизма [1, с. 141]. Так, за период 1958–1973 гг. сменились три президента: Р. Бетанкур (AD), Р. Л. Отеро (AD), Р. Кальдера (COPEI). К 1990-м гг. Венесуэла считалась образцом демократии в Латинской Америке, наиболее политически стабильной страной региона, хотя и вынужденной, как и соседняя Колумбия, вести долговременную войну с левыми герильяс.

Венесуэльская экономика при этом продолжала основываться на экспорте нефти, цена на баррель которой на протяжении 1950–1960-х гг. оставалась достаточно стабильной и колебалась в районе 1,7–2 долларов США за баррель. В этот период власти страны проводили достаточно осторожную политику в отношении нефтедолларов. Так, Венесуэла создала стабилизационный фонд, приняла участие в создании ОПЕК, а полученные от продажи нефти доходы тратила на диверсификацию производства. При этом по мере роста производственных мощностей Венесуэле требовались всё большие финансовые ресурсы, в результате чего уже к 1970 г. иностранные компании отдавали 78 % своих нефтяных доходов государству [9, с. 57].

Ситуация изменилась в 1973 г. 17 октября 1973 г. страны ОАПЕК (Организация арабских стран-экспортёров нефти) наложили нефтяное эмбарго на Великобританию, Канаду, Нидерланды, США и Японию за их поддержку Израиля в ходе войны Судного дня. Результатом стал резкий рост цен на нефть с 2,7 долларов США за баррель в 1973 г. до 12 долларов США в следующем [7].

Этот кризис по времени совпал со всеобщими выборами 1973 г. в Венесуэле, на которых победу одержал К. А. Перес (AD) с результатом в 48,7% голосов. В своей популистской программе политик обещал начать целый ряд новых социальных программ, усилить диверсификацию экономики Венесуэлы, улучшить состояние инфраструктуры. В контексте нефтяного шока Перес в 1975 г. создал государственную нефтяную корпорацию PDVSA (Petróleos de Venezuela), которой были переданы все национализированные активы зарубежных компаний [9, с. 57]. Кроме того, PDVSA вобрала в себя активы всех предыдущих государственных нефтяных корпораций в секторах добычи и продажи «чёрного золота» [6, с. 5].

Успех не заставил себя ждать. Благодаря нефтяному буму Венесуэла получила самый высокий показатель роста ВВП в Латинской Америке. При этом бюджетные расходы за период 1973–1975 гг. утроились и удвоились в 1979–1981 гг. после ещё более резкого повышения цен в 1979 г. до 30 долларов США за баррель на фоне победы исламской революции в Иране. Необходимо отметить, что для простых граждан это действительно было время процветания. Так, экономист А. Герреро писал, что в 1978 г. его первая зарплата в качестве профессора Столичного университета Каракаса составила 1770 долларов США, благодаря чему он смог купить машину и снять квартиру. Приехавший после переворота 1973 г. в Чили журналист М. Попич вспоминал, что на трёхмесячную зарплату смог купить машину. В 1983 г. в Каракасе был даже запущен метрополитен. В этот период в обиход вошло выражение «La Venezuela Saudita» — «Саудовская Венесуэла», в полной мере характеризовавшее охватившую общество эйфорию [5].

При этом данный период стал и временем формирования боливаризма как идейно-политического течения. Для того, чтобы понять интерес У. Чавеса к левым идеологиям, необходимо обратиться к страницам его биографии. В 1971 г., в годы первого президентства Р. Кальдеры, семнадцатилетний Чавес поступил в военную академию. Юного кадета с детства увлекало изучение истории. В 1974 г. ему повезло оказаться в Перу в составе делегации венесуэльских офицеров на праздновании 150-й годовщины битвы при Аякуччо, в ходе которой индепендисты нанесли решающее поражение испанцам. Там же будущий президент впервые столкнулся с радикальными левыми идеями, поскольку правивший с 1968 г. во главе

революционной хунты в Перу генерал Х. Веласко проводил необычную для латиноамериканского военного левую программу реформ, поддержанную социалистически настроенными офицерами армии и частью левых партий страны. Венесуэльские кадеты даже были удостоены встречи с Веласко, который подарил им буклет с названием «Перуанская национальная революция» [4, с. 35–36].

Выпустившись из академии, У. Чавес, тогда лейтенант венесуэльской армии, принял участие в борьбе с герильяс: так, в 1976 г. он участвовал в подавлении выступления группировки «Bandera Roja» в г. Кумана в составе контртеррористического батальона. Однако, по собственным воспоминаниям У. Чавеса, со временем он начал проникаться симпатией к левым партизанам. Эти симпатии подогревались усиливавшейся параллельно с нефтяным бумом коррупцией как в рядах политиков, так и в вооружённых силах. В 1977 г. молодой офицер решил сформировать собственную революционную вооружённую группу, назвав её «Армия освобождения венесуэльского народа» («Ejército de Liberación del Pueblo de Venezuela», ELPV). Некоторое время спустя он познакомился с другим молодым офицером — Х. Урнадетой Эрнандесом, с которым они впоследствии стали друзьями и близкими соратниками. Однако из идеи создания маленькой революционной группы ничего не вышло: в 1978 г. Чавеса перевели в танковый батальон в г. Маракай, а два года спустя отправили в качестве спортивного инструктора в столичную военную академию, где будущий президент провёл пять лет, рассказывая студентам академии об истории Венесуэлы и её политике [4, с. 36].

К своей идее У. Чавес вернулся в 1982 г., когда решил создать серьёзную политическую организацию: 17 декабря было основано «Боливарианское революционное движение — 200» (MBR-200). Цифра «200» означала двухсотлетие со дня рождения С. Боливара, которое должно было отмечаться 24 июля 1983 г. [4, с. 36]. Данная группа, во главе которой встали Фелипе Акоста Карлос, Хесус Урданета Эрнандес, Рафаэль Бадуэль и, собственно, У. Чавес, критикуя социальное неравенство и общественные проблемы Венесуэлы, выступала за построение нового социального государства на принципах свободы, равенства, социальной справедливости и внешнеполитической независимости [3, с. 16].

MBR–200 выдвинуло следующие требования: борьба с коррупцией, борьба с бедностью, принятие новой конституции «для народа» и отмена Пунтофихского пакта. Эти требования стали основой боливарианского дискурса, с помощью него впоследствии боливариЙцы объединили многие партии левого толка вокруг своего движения, оппонируя к тому, что они называли прогнившим коррумпированным режимом [2, с. 55].

Скорее всего, эта группа военных не имела бы шанса на реализацию своих целей, не изменись снова внешнеэкономическая конъюнктура и, как следствие, экономическая ситуация в стране. В первой половине 1980-х гг. на мировом рынке сформировалась ситуация перепроизводства нефти и одновременного снижения спроса на неё в развитых странах мира. В 1983 г. ОПЕК решил снизить официальную цену с 34 до 29 долларов США за баррель. В результате правительство Л. Э. Кампинса было вынуждено прекратить выплату внешнего долга и ввести ручное управление обменным курсом. 18 февраля 1983 г. это привело к событиям, получившим название «Чёрной пятницы», когда покупательная способность Венесуэлы рухнула на 75 %, банки не открылись, а Центральный банк был вынужден девальвировать боливар на 100 %. Ранее стабильная валюта упала в воронку свободного падения с постоянной девальвацией.

13 сентября 1985 г. ситуация ухудшилась, когда министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии А. Ямани объявил, что страна не будет сокращать добычу нефти или наращивать её производство. Другие нефтедобывающие страны, в свою очередь, повысили добычу, что привело в 1986 г. к падению цен до уровня меньше 10 долларов США за баррель. Итогом этого стало катастрофическое падение доходов Венесуэлы (в реальном исчислении) на 64,5 % [8, с. 165–167]. К 1989 г. ВВП страны сократился на 18,1 %. Курс национальной валюты упал в 10 раз, а годовая инфляция достигла 84 % [8, с. 176].

Ситуация усугублялась тем, что PDVSA решила укрепить собственные активы за рубежом, энергично скупая нефтеперерабатывающие заводы в Северной Америке и Европе (за период 1983–1998 гг. было куплено 23 завода), однако они были преимущественно нерентабельны и не приспособлены к переработке характерной для Венесуэлы тяжёлой нефти. Эти заводы привели к дополнительным убыткам, продавая нефть ниже рыночной цены [9, с. 58]. Так, внешние инвестиции PDVSA за 1986 г. достигли 460 млн долларов США, или 20 % от общего экспорта за тот год [6, с. 7].

Страна была вынуждена перейти к мерам жёсткой экономии. На фоне такой сложной экономической конъюнктуры на выборах 4 декабря 1988 г. победу снова одержал К. А. Перес, набрав 52,89 % голосов. Однако на этот раз Перес представил программу неолиберальных реформ: была введена плавающая процентная ставка, повышены налоги на общественные услуги, а также цены на газ. Такие радикальные меры привели к самым сильным с 1958 г. протестам, получившим название «El Caracazo» (27 февраля – 5 марта 1989 г.). Данные протесты были жестоко подавлены армией, по разным оценкам в ходе событий в столице погибло от 2500 до 5000 человек.

2 февраля 1990 г. Венесуэла достигла соглашения с МВФ, которое включало в себя проект массовой приватизации, торговую либерализацию, уменьшение государственных субсидий и отмену контроля за обменным курсом боливара. В обмен на это МВФ выделял 1,9 млн долларов США. В результате соглашения были повышены цены на газ и общественный транспорт, а сама национальная валюта подверглась девальвации. В рамках программы приватизации Венесуэла была вынуждена продать 45 % акций государственной авиакомпания Viasa испанской Iberia и 15 % банку Provincial [6, с. 8].

После 1989 г. политике либерализации вынуждена была последовать и PDVSA. Правительство выставило на аукцион 33 нефтяных месторождения. Кроме того, правительство было вынуждено пойти на открытие нефтяной отрасли для иностранных инвестиций, заключая многочисленные соглашения с иностранными инвесторами. Так, были снижены налоговые ставки для компаний, действующих в поясе Ориноко, что дало толчок развитию добычи тяжёлой нефти [9, с. 58].

Подобные меры жёсткой экономии позволили улучшить финансовое положение Венесуэлы, однако лишь на короткий период. К 1992 г. ситуация снова стала ухудшаться. Так, в январе 1992 г. кризис охватил банк Latino, и лишь вмешательство Центробанка позволило выровнять ситуацию. Тем не менее, начиная с 1992 г., в экономике страны неуклонно начала расти безработица (с 6 % в 1993 г. до 10 % в 1995 г.). Начиная с 1992 г., валовое накопление капитала, частное потребление, импорт — все эти показатели стагнировали или даже падали. Ситуация усугубилась падением цен на нефть, достигшим в 1995 г. цены в 17 долларов США за баррель [6, с. 8].

В этот момент на историческую сцену и вышло MBR-200 во главе с У. Чавесом. 4 февраля 1992 г. он и его сторонники возглавили путч против правительства Переса, в котором участвовало около 2300 человек, в основном среднее офицерство и солдаты. Однако верховное командование армии и большая её часть приняли сторону правительства. У. Чавес был вынужден пойти на переговоры и сложить оружие, причём сделал это в эфире национального телевидения из здания Министерства обороны со словами «Я беру на себя ответственность... сейчас» [3, с. 17]. У. Чавес и ряд его сторонников оказались в тюрьме. Проведённые через четыре месяца после неудачного переворота опросы показали, что 67,4 % жителей Каракаса позитивно оценивали фигуру У. Чавеса. В итоге спустя два года он был помилован новым президентом Р. Кальдерой (который уже занимал этот пост в 1969–1974 гг.). Отметим, что, находясь в тюрьме, У. Чавес принял решение о необходимости перейти к демократическим средствам борьбы для прихода к власти.

Таким образом, боливарианское движение начало формироваться в конце 1970-х гг. в период политической стабильности Венесуэлы. Вполне возможно, боливарианцы оказались бы одной из небольших групп в рядах венесуэльской армии, если бы не пагубная политика венесуэльских властей, которая на фоне нефтяного бума 1973–1980 гг. углубила зависимость страны от цен на нефть, дестабилизировала государственные финансы и привела в 1980-е гг. к одному из серьезнейших экономических кризисов, когда Венесуэла, по существу, оказалась на грани банкротства. Рост недовольства среди беднейших слоев населения из-за социального неравенства и коррупции создавал дополнительный благоприятный фон для роста популярности MBR-200 в венесуэльском обществе.

Библиографические ссылки

1. Baburkin S., Danopoulos A. C., Giacalone R., Moreno E. The 1992 Coup attempts in Venezuela: causes and failure // *Journal of Political & Military Sociology*. 1999. Vol. 27, No. 1. P. 141–154.
2. Brading R. *Populism in Venezuela*. New York: Routledge, 2013. (Routledge studies in Latin American politics).
3. Chávez Frías H. *Understanding the Venezuelan revolution: Hugo Chávez talks to Marta Harnecker*. New York: Monthly Review Press, 2005.
4. Gott R. *Hugo Chávez and the Bolivarian Revolution*. London: Verso, 2005.
5. Markous P. La Venezuela saudita: cómo era vivir en el país del “dame dos”: La Nacion [Electronic resource]. URL: <https://www.lanacion.com.ar/el-mundo/la-venezuela-saudita-como-era-vivir-pais-nid2180765> (date of access: 20.08.2024).
6. Schincariol V. E. *Society and Economy in Venezuela: And Overview of the Volivarian Period (1998–2018)*. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2020.
7. Statista.com [Electronic resource] // Average annual OPEC crude oil price from 1960 to 2014 (in U. S. dollars per barrel). URL: <https://www.statista.com/statistics/262858/change-in-opec-crude-oil-prices-since-1960> (date of access: 18.08.2024).
8. Гайдар Е. Т. *Гибель империи. Уроки для современной России*. М.: Издательство АСТ. 2022.
9. Катона В. *Энергетика Латинской Америки: Смогут ли ведущие державы справиться с последствиями кризиса и пробиться в число высокоразвитых стран?* М.: ЛЕНАНД, 2019.
10. Строганова Е. Д. *США и левые режимы Латинской Америки (вторая половина XX – начало XXI в.)*. М.: Издательство «Весь Мир», 2017.

СОВЕТСКИЕ ПРОЕКТЫ УРБАНИЗАЦИИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В 1920-е – 1930-е гг.

М. А. Шабасова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Республика Беларусь, shabasovamarina@gmail.com*

В 1920-е–1930-е гг. в Советском Союзе получили распространение несколько подходов к градостроительству. Сразу после прихода к власти большевиков идеи строительства нового жилья и обустройства городских пространств получили большое распространение. Улучшение условий жизни по сравнению с царской Россией представлялось решительным разрывом с прошлым. В 1920-е гг. особую популярность приобрела идея города-сада. В период индустриализации идеи города-сада сменила концепция социалистического города. Все идеи трансформации городского пространства наталкивались на недостаток финансирования.

Ключевые слова: СССР; урбанизация; город; город-сад; социалистический город; индустриализация; первая пятилетка.

THE SOVIET PROJECTS OF URBANIZATION AND THEIR REALIZATION IN THE 1920s–1930s

M. A. Shabasova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, shabasovamarina@gmail.com*

In the 1920s and 1930s, several approaches to urban development became widespread in the Soviet Union. Immediately after the Bolsheviks came to power, ideas for building new housing and developing urban spaces became widespread. Improving living conditions compared to Tsarist Russia seemed like a decisive break with the past. In the 1920s, the idea of a garden city gained particular popularity. During the period of industrialization, the idea of a garden city was replaced by the concept of a socialist city. All ideas for transforming urban space ran into a lack of funding.

Keywords: USSR; urbanization; city; town; industrialization; garden city; socialist city; First Five-Year Plan.

За первые десятилетия советской власти города пережили поразительную трансформацию от послереволюционной дезурбанизации, упадка и оттока населения в деревню до впечатляющего и специфического роста эпохи первых пятилеток. Г. Уэллс, посетивший Советскую Россию в 1920 г., описывал Петроград как город, где чувствовалась экзистенциальное запустение. В своей книге «Россия во мгле» он отмечал, что в Петрограде разрушение социальной и экономической систем переживалось с удивительной ясностью. Опустевшие или занятые советскими учреждениями дворцы, магазины с заколоченными витринами, мостовые в колдобинах,

вышедшая из строя канализация и горожане в старой одежке произвели на американца самое удручающее впечатление. В книге приводилась советская статистика, согласно которой население города сократилось с 1,2 млн человек до 700 тысяч. Примечательно, что у Г. Уэллса присутствует наблюдение, которое будет с большей или меньшей степенью осмысленности и в разных контекстах встречаться у многих посетивших СССР иностранцев. В частности, он старался объяснить своим соотечественникам, что советский город отличался от западного и было недопустимо переносить западные представления об устройстве городского пространства на советские реалии. Г. Уэллс писал: «Я не уверен, что слова „все магазины закрыты“ дадут западному читателю какое-либо представление о том, как выглядят улицы в России. Они не похожи на Бонд-стрит или Пикадилли в воскресные дни, когда магазины с аккуратно спущенными шторами чинно спят, готовые снова распахнуть свои двери в понедельник. Магазины в Петрограде имеют самый жалкий и запущенный вид... Для нас современный город, в сущности, — лишь длинные ряды магазинов, ресторанов и тому подобного. Закройте их, и улица потеряет всякий смысл. Люди торопливо пробегают мимо; улицы стали гораздо пустыннее по сравнению с тем, что осталось у меня в памяти с 1914 года» [9].

Знаменитый американский писатель Т. Драйзер, приехавший в СССР в 1927 г. на празднование 10-летнего юбилея Октябрьской революции, в деталях описал свое пребывание в Москве и Ленинграде. Из его критического повествования следовало, что, хотя уровень потребления и благоустройства в советском городе уступали западным, городская жизнь вошла в имела определенный ритм и производила впечатление нормальности. Заслуживает внимания тот факт, что при описании Москвы Т. Драйзер, в первую очередь, восхитился великим культурным наследием императорской России. Он совершил поездку по церквям и монастырям, постоял над могилой А. Чехова во дворе Новодевичьего монастыря, послушал оперу «Князь Игорь». Правда, американский писатель весьма саркастически отметил и разросшийся культ вождя мирового пролетариата: «Ленин... Россия уже не справляется с его славой. Его статуи и картины настолько многочисленны, что создают особую атмосферу. Только в Москве так много его бюстов и статуй, что они, похоже, составляют заметное дополнение к населению. Примерно так: население Москвы — без статуй Ленина — 2 000 000, со статуями Ленина — 3 000 000». Безусловно, Т. Драйзер посещал и советские объекты, но общий облик города определялся для него скорее исторической застройкой.

О Ленинграде классик американской литературы высказался комплиментарно, заявив, что никогда в жизни не видел более красивого города.

Однако его впечатления опять-таки определялись архитектурой имперского периода. Т. Драйзер писал: «Серый туман, который обычно висит над Ленинградом, сейчас лишь мягко окутывал поразительные по красоте старинные здания и купола величественных церквей». Огромное впечатление на гостя произвел Исаакиевский собор, а татарская мечеть была названа прекраснейшим из когда-либо виденных храмов.

Позднее Т. Драйзер совершил масштабное путешествие по Советскому Союзу и посетил Нижний Новгород, Киев, Харьков, Кисловодск, Минеральные Воды, Баку. Несмотря на бытовые трудности и очевидный острый недостаток жилья, он оставил преимущественно благоприятное описание советских городов. Из положительного можно выделить дореволюционные архитектурные ансамбли, душевную атмосферу и местный, казавшийся Т. Драйзеру экзотическим, местный колорит [4].

Если верить подобным описаниям советских городов, то в 1920-е гг. они представляли собой своеобразное сочетание бывшего великолепия, запустения, порожденного революцией и гражданской войной, и отпечатка, оставленного советской властью на уровне знаков и символов. Однако за достаточно скромным фасадом скрывалось стремление новых правителей коренным образом изменить городское пространство и построить комфортные современные города, где будут жить счастливые советские люди. Такое желание тем более понятно, что в царской России обездоленный пролетариат должен был тесниться в убогих комнатухах или мерзнуть в полуподвальных помещениях. Строительство новых городов означало бы решительный разрыв с прошлым в одной из самых чувствительных сфер жизни советских граждан.

Особую популярность в послереволюционные годы получила градостроительная концепция британского социолога Э. Говарда. Идея города-сада касалась не только и не столько облика и организации городского пространства, сколько вопросов форм собственности на жилье. С началом промышленной революции быстро растет городское население, а, следовательно, и потребность в жилье. Рабочим и служащим приходилось платить за аренду жилья, не имея надежды когда-нибудь приобрести его в частную собственность. Центральной идеей говардовского города-сада было создание жилищных товариществ, куда люди объединялись с целью строительства собственного жилья. Члены товарищества должны были вносить определенные суммы, что делало их пайщиками в строительстве домов и облагораживании территории. Также товарищества получали на максимально выгодных условиях займы у банков. Впоследствии, выплатив банку свою часть долга, пайщики получали жилье в собственность. Безусловно, концепция города-сада предусматривала определенный тип

застройки и планирование городского пространства. В частности, предполагалось, что город-сад будет представлять собой компактное поселение не более 32 тыс. человек. Также считалось, что город-сад должен иметь малоэтажную застройку, зеленые зоны, соответствующую инфраструктуру. Предприятия должны были быть вынесены на окраину города-сада и ни в коем случае не являться их центром или градообразующим элементом.

В Российской империи идеи города-сада получили значительное распространение, но их реализация наталкивалась на политические препятствия. Практическое воплощение идей Э. Говарда предполагало, что поселения будут обладать значительной степенью автономии, а жители городов, будучи владельцами жилья, будут в значительной степени независимыми как от государства, так и от работодателей. Поскольку к городскому самоуправлению городские власти относились с опаской, то и идеи-города сада реализовывались в редуцированном виде. В частности, принимались говардовские идеи по внешнему виду городов, но новые поселения возникали не в результате усилий жилищных товариществ, а строились предпринимателями, владельцами фабрик и заводов. Жилье, предоставленное работникам предприятий, должно было стать рычагом влияния и одновременно источником лояльности рабочих по отношению к работодателю.

Советская власть первоначально весьма лояльно отнеслась к идее города-сада. В послереволюционные годы, когда еще были живы утопические настроения, идеи города-сада получили у большевиков большую поддержку. Инициаторами проектов городов-садов были советские ведомства (в первую очередь, наркоматы), жилищная кооперация и муниципальная власть [2, с. 101]. Планировались и строились поселки-сады под Москвой для рабочих, поселение-сад на Шатурском Государственном болоте, поселки-сады при Истоминской текстильной фабрике под Москвой, Каширской электростанции, Чернореченском химзаводе Нижегородской губернии и др. [2, с. 102].

Однако уже в 1922 г. города-сады стали критиковаться властями. Причины недовольства были те же, что и в царской России. На высшем уровне опасались потери контроля над населением. «Советская власть и идеологически, и практически боролась с частным жилищем коттеджного типа, несущим индивидуализированный, обособленный вид» [2, с. 103].

В середине 1920-х гг. идея города-сада трансформировалась в совершенно другой тип поселения — ведомственный рабочий поселок. Ключевым отличием рабочего поселка от города-сада стала его зависимость от предприятия. Город больше не должен был быть самостоятельным организмом, развивающимся исходя из собственных внутренних потребностей. Его появление и развитие было связано со строительством и

функционированием промышленного предприятия. Нуждами градообразующего предприятия должно было определяться количество городских жителей. Именно предприятие становилось источником финансирования строительства городского жилья и инфраструктуры [2, с. 105]. На практике попытались внедрить концепцию «социалистического города», которая в 1929 г. была предложена советским экономистом Л. Сабсовичем. «„Социалистический город“ понимался им как город при промышленном предприятии, связанный с заводом всеми нитями жизни. В таком городе все трудоспособные жители, включая женщин, должны были работать или на производстве, или в сфере обслуживания. Идеальная организация жизни в городе Сабсовича — это исчезновение традиционной семьи и коллективная жизнь в домах-коммунах, где у людей будут общие цели и ценности, а коллективное „мы“ всегда будет выше индивидуального „я“» [5]. Предполагалось, что инфраструктура социалистических городов обеспечит максимально возможный коллективный быт. Работники предприятий должны были питаться в столовых, вместе учиться и отдыхать, отдавать детей на воспитание в детский сад, школы или даже интернаты.

В отличие от города-сада в социалистическом городе эстетической составляющей отводилась второстепенная роль. На практике в ситуации острой нехватки ресурсов городское благоустройство и жилищное строительство финансировались по остаточному принципу. Не было средств и на утопические идеи о коллективном времяпрепровождении. В Магнитогорске на «„гражданские затраты“ составляли меньше 2 % от всех капиталовложений в 1930 г., поднявшись до максимума в 15 % только в 1935 г. При этом основная доля средств направлялась на временное строительство — бараки и землянки, поскольку нужно было расселять тысячи рабочих» [5].

В самом начале реализации первой пятилетки у властей были еще надежды на то, что вокруг строящихся предприятий вырастут вполне приличные города. В 1930 г. в СССР был приглашен немецкий архитектор Э. Май, которому поручалось строительство социалистических городов. При этом еще до заключения контракта немецкий архитектор высказывал идеи о необходимости строительства функциональных зданий и комфортного современного жилья, соблюдения норм гигиены, озеленения городского пространства. Сначала кажется, что в Советском Союзе Э. Маю удастся повторить немецкий опыт. Ему поручили разработать планы застройки десятка соцгородов, среди которых стоит упомянуть Щегловск, Кузнецк, Ленинск, Прокопьевск, Магнитогорск, Сталинград, Нижегородский Автострой, Караганду. Э. Май стал экспертом градостроительных проектов, разработанных в других организациях, посетив в этом

статусе такие соцгорода, как Магнитогорск, Нижний Тагил, Сталинград и др. Архитекторы его группы работают в строящихся в Сибири и на Урале соцгородах либо на постоянной основе, либо в ходе временных командировок [6, с. 236].

Мечтам советской власти и планам Э. Мая было не суждено стать реальностью. Создание удобных для жизни социалистических городов натолкнулось на острую нехватку средств, технические и технологические ограничения. Идеи достойного функционального жилья без излишеств были выхолощены до крайности, превратившись на практике в строительство убогих домов, лишенных элементарных удобств. Вместо четкого планирования социалистические города начинали застраиваться хаотично. В 1933 г. Э. Май был вынужден покинуть СССР и впоследствии его проекты и идеи подвергались суровой критике.

Описание городской жизни особенно интересно читать в мемуарах иностранцев, которые чувствовали себя достаточно свободными, чтобы честно описывать свои впечатления. Зарубежные гости обращали внимание на динамичность городской жизни и особенности градостроительства, жилищные проблемы, городской быт и досуг горожан. В записках и мемуарах значительное место заняло описание создания новых городов вокруг предприятий. Многие зарубежные гости поняли природу советской урбанизации верно, а именно увидели ее как неотъемлемую часть индустриализации, как не самостоятельное явление, а сопутствующий развитию промышленности процесс.

Российский исследователь М. Меерович писал, что большой ошибкой современных научных работ является сравнение западного понимания города и советского. На Западе сама природа городской жизни тесно ассоциировалась с определенным уровнем культуры и качества жизни. В Советском Союзе стремительный рост городов был вызван нуждами развития индустрии, а городское строительство было побочным явлением и просто сопровождало строительство промышленных предприятий. Советское руководство вовсе и не собиралось развивать «разнообразнейшие потребности и возможности» человека, не планировало достигать западных стандартов качества жизни горожан» [7].

Американский журналист У. Чемберлен, оставивший одно из лучших описаний Советского Союза своего времени, отмечал, что целые города вырастали вокруг предприятий, а население уральских городов увеличилось в 2–6 раз [1, р. 47–48]. В 1932 г. он посетил 500-тысячный Свердловск и назвал город средоточием уныния и напряженности. Будучи пораженным низким уровнем городской жизни, он пытался объяснить западной публике, что советский город имел мало общего с привычными для нее

городскими пространствами: «Все объекты, которые облагораживают и украшают европейский город парки, памятники, аккуратно проложенные бульвары и образчики старой архитектуры, гражданской или церковной, очевидно отсутствовали в столице Урала» [1, р. 120]. Вместе с тем, местный чиновник гордо показал американцу список строящихся и планируемых промышленных объектов и с энтузиазмом сообщил, что к концу второй пятилетки население города должно достигнуть 1,2 млн человек. У. Чемберлену такое увеличение числа горожан при отсутствии условий для цивилизованной жизни представлялось скорее проклятием, а не достижением [1, р. 121].

Магнитогорск произвел на американского журналиста впечатление одновременно ультрасовременного проекта и азиатского города. Он писал: «В твердыне советской металлургии нет мечетей и минаретов, нет церквей и часовен, нет никаких культовых сооружений. (Коммунисты хвастались, что заложили „социалистический город“ без единой церкви и без единого водочного магазина. В отношении продажи водки впоследствии пришлось пойти на компромисс). Однако из-за высоких промышленных конструкций сохраняется иллюзия, что вы находитесь в азиатском городе» [1, р. 49–50]. Груды строительного мусора, незамощённые улицы, бараки, наполовину азиатское население и нанесенная из степи ветрами вездесущая пыль лишь усиливали контраст между индустриальным прорывом и вековой отсталостью.

Дж. Скотт, оставивший известные мемуары «За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали», значительную часть своих воспоминаний посвятил истории Магнитогорска. В первую очередь, он описывал строительство и функционирование комбината, а также довольно подробно остановился на условиях труда, положении советских рабочих и проблемах снабжения. Развитию самого города уделялось второстепенное внимание. Примечательно, что Дж. Скотт утверждал, что реальным хозяином города был директор комбината А. Завенягин [8, р. 100]. Сам же соцгород представлялся иностранному специалисту цепью ошибок. Его строили по остаточному принципу. «Городская строительная организация была измучена тем, что все время разрывалась между необходимостью выполнения государственных планов и постоянной нехваткой материалов и рабочей силы» [9, р. 110]. Современная застройка производила выглядела удручающе. Семьдесят с лишним жилых домов были монотонно однообразными и напоминали спичечные коробки, поставленные на одну из боковых граней и расположенные длинными рядами. Кроме того, строительство все время отставало от запланированного графика [8, р. 109].

Немецкий инженер Р. Волтерс, побывавший в претендовавшем на гордое звание Сибирского Чикаго Новосибирске, увидел вместо города скорее большую деревню. В начале 1930-х гг. Новосибирск превратился в крупнейший транспортно-промышленный центр Сибири, но его застройка оставалась одноэтажной, за заборами прятались деревянные дома, а мощные улицы в центре города можно было пересчитать по пальцам одной руки. Улица, идущая параллельно главному Красному проспекту, представляла собой грунтовую дорогу. Р. Волтерс писал: «Чем дальше от центра, тем хуже становятся дороги и дома. Дороги в конечном счете просто исчезают. Обзор становится шире. Ландшафт неожиданно оказывается холмистым. Я гляжу в боковую долину Оби, в которой извивается ручеек, „Каменка“. Вокруг море деревянных хижин и землянок — насколько хватает глаз. Дикая мешанина без улиц и дорог. Невероятно широко простирается вокруг город — гигантская убогая деревня» [3].

Таким образом, в 1920-е–1930-е гг. в Советском Союзе получили распространение несколько подходов к градостроительству. Сразу после прихода к власти большевиков идеи строительства нового жилья и обустройства городских пространств получили большое распространение. Улучшение условий жизни по сравнению с царской Россией представлялось решительным разрывом с прошлым. В 1920-е гг. особую популярность приобрела идея города-сада. В период индустриализации идею города-сада сменила концепция социалистического города, который должен был сформироваться вокруг промышленного предприятия и обладать инфраструктурой, способствующей формированию общего быта советских граждан. Все идеи трансформации городского пространства наталкивались на недостаток финансирования, и в итоге утопические мечты о создании хорошо организованных и комфортных для проживания городов так и остались нереализованными.

Библиографические ссылки

1. *Chamberlin W. H.* Russia's Iron Age. Boston: Little, Brown, and Company, 1934. 400 p.
2. *Meerovich M. G., Menkouski V. I., Zherebtsov I. L.* "SOCIALIST CITY": Idea and its realization in the Soviet Union 1920's and 1930's. Banská Bystrica: BELIANUM, 2019. 152 p.
3. *Волтерс Р.* Специалист в Сибири. Новосибирск: «Свиньин и сыновья», 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://loveread.ec/view_global.php?id=67731 (дата обращения: 13.09.2024).
4. *Драйзер Т.* Драйзер Русский дневник. Москва: Эксмо, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/drayzer_teodor/drayzer_russkiy_dnevnik.html#0 (дата обращения: 13.09.2024).
5. *Коньшьева Е. В.* Расшифровка Магнитогорск и идеи социализма: как в 1930-х годах в Советском Союзе хотели сконструировать нового человека, поселив его в

городе-конструкторе. Arzamas [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/2405> (дата обращения: 14.11.2024).

6. *Коньшева Е. В., Меерович М. Г., Флирль Т. Г.* Эрнст Май в истории советской индустриализации // ВЕСТНИК ИрГТУ. № 7. 2011. С. 230–237.

7. *Меерович М. Г.* Уникальность урбанизации в СССР // Вестник ТГАСУ. 2015. № 2. С. 9–16.

8. *Скотт Дж.* За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. Москва, Свердловск: Издательство Московского Университета, Издательство Свердловского Университета, 1991. 304 с.

9. *Уэллс Г.* Россия во мгле. Москва: Родина, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.ru/INOFAANT/UELS/russia.txt> (дата обращения: 13.09.2024).

ГРЫГАРЫЯНСКАЯ РЭФОРМА КАСЦЁЛА І ЎСХОДНЕСЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛІ

А. К. Шымак

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, helenaszymak@gmail.com*

У артыкуле разглядаюцца асноўныя падзеі, звязаныя з рэфармаваннем Касцёла падчас пантыфікату папы Грыгорыя VII (1073–1085). Асаблівая ўвага звяртаецца на дакумент пад назвай «Dictatus Papae», апублікаваны каля 1075 г. У сувязі са з’яўленнем гэтага збору кананічных правілаў кіеўскі князь Ізяслаў Яраславіч звяртаўся ў Рым і там спрабаваў вырашыць пытанне прыналежнасці кіеўскага прастола.

Ключавыя словы: Грыгарыянская рэформа; Грыгорый VII; Dictatus Papae; Ізяслаў Яраславіч; трыумвірат Яраславічаў.

ГРИГОРИАНСКАЯ РЕФОРМА ЦЕРКВИ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ

Е. К. Шимак

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, helenaszymak@gmail.com*

В статье рассматриваются основные события, связанные с реформированием Церкви в период понтификата папы Григория VII (1073–1085). Особое внимание уделяется документу под названием «Dictatus Papae», изданному около 1075 г. В связи с появлением этого сборника канонических правил киевский князь Изяслав Ярославич обратился в Рим и там попытался решить вопрос о принадлежности киевского престола.

Ключевые слова: Григорианская реформа; Григорий VII; Dictatus Papae; Изяслав Ярославич; триумвират Ярославичей.

GREGORIAN CHURCH REFORM AND THE EASTERN SLAVIC LANDS

A. K. Shimak

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, helenaszymak@gmail.com*

The article examines the main events related to the reform of the Church during the pontificate of Pope Gregory VII (1073–1085). Particular attention is paid to the document entitled “Dictatus Papae”, published around 1075. In connection with the appearance of this collection of canonical rules, the Kiev prince Izyaslav Yaroslavich appealed to Rome and there tried to resolve the issue of belonging to the Kyiv throne.

Keywords: Gregorian reform; Gregory VII; Dictatus Papae; Izyaslav Yaroslavich; Triumvirate of the Yaroslavichi.

Рэформа Касцёла ў XI ст. дасягнула свайго піку падчас пантыфікату папы Грыгорыя VII (1073–1085). Ад імя гэтага пантыфіка яна і атрымала сваю назву. Рэформы былі выкліканыя ўнутранымі праблемамі Касцёла і працягнулі пераўтварэнні, якія распачаліся ў абацтве Клюні. Можна вылучыць некалькі этапаў ў гэтым працэсе: пачатак рэформы ад Клімента II (1046–1047) да Льва IX (1049–1054), рэформа выбараў папы Мікалая II (1059–1061), уключэнне пытання аб інвестытуры¹ ў праграму рэформаў, распаўсюджванне яе на шэраг краін пры Аляксандры II (1061–1073), змаганне за рэформы з імператарам пад кіраўніцтвам Грыгорыя VII, асабістае паражэнне папы, але перамога грыгарыянскіх ідэй [1, с. 69–72].

Шлях рэфармавання Касцёла быў няпростым і працяглым. З пантыфікатам Льва IX у Рымскім Касцёле наступіў доўгачаканы рэлігійны мір. Пасля яго смерці 16 ліпеня 1054 г. у Канстанцінопалі адбыўся раскол паміж папскімі легатамі і патрыярхам. Наступнікі на пасадзе св. Пятра, сутыкнуўшыся са стратай сувязяў з імператарам Усходу, імкнуліся ўмацаваць сувязі з імператарам Захаду. Сярод некалькіх папаў гэтага перыяду вялікім аўтарытэтам карыстаўся дыякан Гільдэбранд, які пазней стаў папам Грыгорыем VII. Пазнейшыя намаганні па рэфармаванні Касцёла таксама належаць яму. Ад імя папаў, яшчэ як легат, ён выязджаў ў асобныя біскупствы і краіны для арганізацыі там касцёльных сінодаў, якія мелі на мэце ліквідацыю з’явы сіманіі² і клерыкальнага канкубінату³.

У 1059 г. на Латэране адбыўся сінод біскупаў, які вызначыў форму абрання папы. Вынікам сіноду стаў дэкрэт аб абранні папы рымскага, які таксама называюць Дэкрэтам папы Мікалая II (1058–1061). У сілу гэтага дакументу захоўвалася ранейшае права заходняга імператара зацвярджаць папу, які павінен быў выбірацца кардыналамі-біскупамі большасцю галасоў. Рымская арыстакратыя з часам страціла ўсякі ўплыў на выбары папы. Яшчэ адна адметнасць Дэкрэта заключалася ў тым, што папа мог быць правамоцна абраны па-за межамі Рыма, калі гэта было зроблена большасцю біскупаў. Папа Аляксандр II (1061–1073) спрыяў умацаванню сувязей паміж Рымам і біскупамі Захаду. Каб арганізаваць там касцёльныя сіноды, ён накіраваў сваіх легатаў у хрысціянскія краіны. Падтрымліваў кантакты са свецкімі кіраўнікамі.

Пік царкоўнай рэформы прыйшоўся на пантыфікат Грыгорыя VII (1073–1085), які ў якасці дыякана Гільдэбранда доўгі час быў дарадцам папярэдніх

¹ Інвестытура — уручэнне біскупскіх адзнакаў (мітры, пастарала, пектарала, пярэцёнка, піўскі).

² Сіманія — продаж і купля касцёльных пасадаў.

³ Канкубінат — трывалая сувязь паміж мужчынам і жанчынай, непацверджаная заключэннем сужэнскага саюзу.

папаў. Ён быў італьянцам па паходжанні. З маладых гадоў знаходзіўся ў Рыме. Тут атрымаў адукацыю пад наглядам свайго дзядзькі, абата Авентынскага манастыра, і пасля вучобы, верагодна, стаў манахам у Ключні. У 1049 г. папа Леў IX, бачачы яго незвычайныя здольнасці, прызначыў Гільдэбранда скарбнікам і архідыяканам Рымскага касцёла і абатам бенедыктынскага кляштара св. Паўла ў Рыме.

22 красавіка 1073 г. Гільдэбранд быў аднагалосна абраны папам як кардыналамі-біскупамі, так і рымскім народам. Першым значным крокам Грыгорыя VII было скліканне Латэранскага Сінода адразу пасля яго абрання ў 1074 г. Падчас сустрэчы была зноў асуджана сіманія і катэгарычна забаронена цэлебрацыя святой Імшы жанатымі святарамі. Латэранскія сіноды стануць рэгулярнымі падчас пантыфікату Грыгорыя VII.

Эпахальнай справай пантыфікату Грыгорыя VII стаў дакумент пад назвай *Dictatus Papae*, апублікаваны каля 1075 г. Гэта быў звод кананічных правіл, якія вызначалі праграму будучага пантыфікату Грыгорыя VII. Пераемнікі Грыгорыя VII будуць імкнуцца да рэалізацыі гэтых пастановаў. У дакуменце з вялікім акцэнтам падкрэслівалася бяспрэчнае права папы кіраваць паўсюдным Касцёлам. Адзін з прынцыпаў абвяшчаў тое, пра што раней нельга было нават уявіць: папу дазволена звяргаць імператараў, прысуд папы ніхто не можа адмяніць, ён сам можа адмяніць прысуд любога. Дакумент грунтаваўся на дагматычнай праўдзе аб папскай беспамылковасці: Рымскі Касцёл ніколі не памыляўся і, паводле сведчання Святога Пісання, ніколі не памыляецца [2, с. 322; 3].

Здавалася б, пытанне ўнутраных рэформаў Рымска-каталіцкага Касцёла не мае дачынення да Усходняй Еўропы, а менавіта да Кіеўскай Русі. У гістарыяграфіі замацаваўся погляд на гэтыя тэрыторыі, як на землі, дзе традыцыйна пераважае хрысціянства ва ўсходнім яго вырыянце. Кантакты з папствам падаваліся як эпізядычныя, а даследчыкі ў перыяд СССР, наогул, імкнуліся надаць гэтым нешматлікім адносінам захопніцкі характар з боку Рыма [4]. Але, адыходзячы ад такога вузкага бачання праблемы, трэба заўважыць, што характар знешнепалітычнай дзейнасці князёў Кіеўскай Русі быў не абмежаваны формулам прыналежнасці ці «исконности». На першае месца выступалі прагматычныя інтарэсы. У XI ст. як раз і адбыўся такі эпізод, які сведчыць менавіта пра перавагу асабістага над ідэалагічным.

У гэты ж час на ўсходнеславянскіх землях распачынаецца працэс палітычнай раздробленнасці Кіеўскай Русі. Пасля смерці Яраслава Мудрага яго сыны кіравалі асобнымі землямі. Ізяслаў валодаў Кіевам і Ноўгарадам, Чарнігаў атрымаў Святаслаў, Пераяслаў адышоў да Усевалада.

Пасля смерці Ігара і Вячаслава іх землі разам з Уладзімірам Валынскім і Смаленскам былі падзеленыя паміж старэйшымі братамі. Такім чынам склаўся трыумвірат Яраславічаў — Ізяслава, Святаслава і Усевалада.

Кожны з членаў трыумвірата імкнуўся пашырыць асабістыя ўладанні. Ізяслаў у 1057 г. захапіў большую частку Валынскай зямлі. У сакавіку 1067 г. Яраславічы разбілі полацкага князя на рацэ Нямізе. Усяслаў Брачыславіч быў схоплены і зняволены ў Кіеве. Летам 1068 г. у бітве на рацэ Альце на Пераяслаўшчыне полаўцы разбілі войска Ізяслава, Святаслава і Усевалада. Калі Ізяслаў вярнуўся ў Кіеў, апалчэнцы, якія ўцяклі з поля бітвы, пачалі патрабаваць ад яго коней і зброю, каб зноў змагацца з ворагам. Адмова прывяла да паўстання. Ізяслаў уцёк у Польшчу, а кіеўскі народ абраў сваім князем вызваленага з вязніцы Усяслава. Вясной 1069 г. польскае войска на чале з князем Баляславам II Смелым ўвайшло ў Кіеў і пасадзіла Ізяслава на кіеўскі пасад.

Падзеі 1068–1069 гг. парушылі адзінства трыумвірата Яраславічаў. Вясной 1073 г. Святаслаў пры падтрымцы Усевалада выгнаў Ізяслава з Кіева. Ён ізноў збег у Польшчу, але Баляслаў II не аказаў яму дапамогі, а заключыў мір са Святаславам. Не атрымаўшы жаданай падтрымкі, у 1075 г. Ізяслаў прыбыў да двара імператара Свяшчэннай Рымскай імперыі Генрыха IV. Імператар прыняў ад яго падарункі і абяцаў прымірыць са Святаславам. Але і гэтая спроба не мела поспеху [5, с. 528–537].

Дарэмна паспрабаваўшы знайсці патрымку ў Баляслава II і Генрыха IV, Ізяслаў звярнуўся да папы рымскага. З гэтай мэтай у Рым быў накіраваны сын Ізяслава Яраполк. У сувязі з гэтымі падзеямі з’явіліся два дакументы — лісты папы Грыгорыя VII да Ізяслава і Баляслава II.

Папа звяртаўся да кіеўскага князя і называў яго каралём Русі, абяцаў апостальскае бласлаўленне (у дакуменце напісана Дзмітрый — хрысціянскае імя Ізяслава). З ліста вынікае, што сын Ізяслава прасіў каралеўства як дар св. Пятра з рук папы. Папа пісаў, што акажа падтрымку ў справядлівых рэчах. Да Ізяслава былі накіраваныя папскія паслы, каторыя на словах павінны былі ўдакладніць усе шчыгулы гэтай справы. Пантыфік заклікаў давяраць ім [6, с. 5–6].

Другі ліст, накіраваны да Баляслава, у першую чаргу звяртае ўвагу на ўнутраныя праблемы Касцёла ў Польшчы і дзейнасць мясцовых біскупаў. Што датычыцца Ізяслава, то на гэты конт папа пісаў, што справы, якія ён не ўзгадвае ў сваім лісце, будуць вырашаць яго паслы. І можна меркаваць, што гэтая неназваная справа і ёсць справа кіеўскага князя. У абодвух лістах папа піша пра сваіх паслоў, які на месцы павінны вырашаць пытанні [6, с. 7–8].

Азнаёміўшыся з вышэйузгаданымі лістамі, можна зрабіць выснову, што папа даволі асцярожны ў словах, ён не кажа наўпрост пра асаблівыя правы Ізяслава на кіеўскае княжэнне, але падкрэслівае пра падтрымку ў справядлівых рэчах. Гэтыя даволі нейтральныя папскія дакументы не маглі выклікаць якойсці буры. Магчыма, што выражэнні шацунку і падтрымкі, аказаныя Грыгорыем VII Ізяславу, прымусілі ўсё ж такі Баляслава II даць Ізяславу ваеннае суправаджэнне. З ім кіеўскі князь і вяртаецца ў свае землі. Але справа з заняццем кіеўскага трону вырашылася не дзякуючы папскаму дакументу, а збольшага збегам абставінаў. У 1076 г. Святаслаў памёр, а Усевалад вырашыў не змагацца з Ізяславам.

Сама сітуацыя з рымскімі перамовамі, ліставанні, абмен пасольствамі — усё гэта сведчыць пра тое, што кіеўскі князь сачыў за падзеямі міжнароднага жыцця і быў гатовы выкарыстаць іх у сваіх інтарэсах. Князь Ізяслаў папрасіў дапамогі менавіта тады, калі папа сваім знакамітым *Dictatus Papae* заявіў аб выключных правах рымскага пантыфіка.

Тыя падзеі, магчыма, не вельмі ўразілі іх сучаснікаў. Але такога нельга сказаць пра гісторыкаў XIX–XX стст. Яшчэ ў 1975 г. гісторыкі Н. Г. Ткачэнка і А. М. Рапаў вельмі ўважліва прааналізавалі папскія дакументы 1075 г., адрасаваныя Ізяславу і Баляславу II, звярнуўшы ўвагу на недакладнасці і хібы папярэдніх перакладаў. Іх грунтоўная праца нават прымушае пакінуць без крытыкі заўвагі пра «экспансіоністскую політыку папства» [7]. Апошняя праца, якая была прысвечана вышэйузгаданым падзеям, належыць сучаснаму украінскаму гісторыку В. Ідзьо. У 2018 г. з’явілася невялікая брашура пад назвай «Святий Папа Римський Григорій VII — засновник Королівства Руси-України в XI столітті». Можна сказаць, што ў гэтай працы прадстаўлена, свайго роду, абагульненне інфармацыі пра перамовы Ізяслава з Грыгорыем VII. Аднак, што трэба заўважыць, выклікаюць сумневы некаторыя высновы. Аўтар вельмі смела называе папу «заснавальнікам каралеўства Русі-Украіны». Пытанне аб каранацыі Ізяслава альбо яго сына Яраполка далей, чым папскія лісты, на той момант не выйшла [8].

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што Грыгарыянская рэформа Касцёла мела водгук і на ўсходнеславянскіх землях. Карыстаючыся асаблівасцямі папскага дакумента аб надзвычайных паўнамоцтвах рымскага пантыфіка, Ізяслаў Яраславіч спрабаваў вырашыць пытанне аб сваіх правах на кіеўскі прастол. Дыпламатычная перапіска і абмен пасольствамі 1075 г. былі аб’ектам асаблівай увагі гісторыкаў, пачынаючы з XIX ст. і да сучаснасці. На сённяшні момант добра прааналізаваны пераклады, публікацыі розных гадоў. Але інтэрпэтацыя гэтых падзей па-ранейшаму розная.

Бібліографічнія спасылкі

1. *Banaszak M.* Historia Kościoła Katolickiego. Warszawa: Akademia Teologii Katolickiej, 1987. Т. 2. [Электронный ресурс]. URL: https://portal.tezeusz.pl/cms/tz/fileadmin/user_upload/histora_kosciola_katolickiego.pdf (дата обращения: 10.09.2024).
2. *Лортыц Й.* История Церкви (рассмотренная в связи с историей идей). Москва: «Христианская Россия», 1999. [Электронный ресурс]. URL: <https://soshestvie-rkcvo.ru/wp-content/uploads/2019/01/Jozef-Lortc-Istoriya-Katolicheskoy-Cerkvi.pdf> (дата обращения: 10.08.2024).
3. Григорий VII о папской власти // Средневековье в его памятниках. Под ред. Д. Н. Егорова. Москва: Типо-лит. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913. С. 98–99.
4. *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.–Л.: АН СССР, 1959. 282 с.
5. *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001.
6. Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ucrainae Illustrantia v. 1 (1075–1700) / *A. Welykyj*. Romae: Analecta OSBM, 1953. [Электронный ресурс]. URL: <https://diasporiana.org.ua/wp-content/uploads/books/23795/file.pdf> (дата обращения: 02.09.2024).
7. Документы о взаимоотношениях папской курии с великим киевским князем Изяславом Ярославичем и польским князем Болеславом II Смелым // Вестник МГУ. Серия VIII. История, № 5. 1975. [Электронный ресурс]. URL: <http://yakov.works/acts/11/3/1075bull.html> (дата обращения: 20.08.2024).
8. *Ідзьо В.* Святий Папа Римський Григорій VII — засновник Королівства Руси-України в XI столітті. Наукове видання. Івано-Франківськ: «СІМІК», 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://s.siteapi.org/2761d2619889a45.ua/docs/ds7lvuuxum0w80sc4ggcws0k0s0kww> (дата обращения: 05.09.2024).

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИЯ В ИСТОЧНИКАХ, НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИННОВАЦИЯХ

ФОРМА ПАЛІТЫЧНАЙ БАРАЦЬБЫ МАГНАЦКАЙ ГРУПОЎКІ САПЕГАЎ У 1696–1702 гг. Ў ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ

Ф. Ю. Бохан

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, frantishek.bohan@gmail.com*

У артыкуле разглядаюцца падзеі Грамадзянскай вайны 1696–1702 гг. у ВКЛ, падчас якіх прыхільнікі магнацкай групойкі Сапегаў выкарыстоўвалі ў адносінах да апанентаў нелегітымныя метады палітычнай барацьбы. На падставе аналізу канкрэтных выпадкаў кампаніі, арганізаванай прыхільнікамі групойкі Сапегаў падчас канфлікту з групойкай «рэспубліканцаў», аўтар раскрывае прычыны такіх дзеянняў, а таксама паказвае іх наступствы і ўплыў на далейшы ход Грамадзянскай вайны і палітычную сітуацыю ў Рэчы Паспалітай.

Ключавыя словы: Вялікае Княства Літоўскае; Рэч Паспалітая; шляхта; Сапегі; магнаты; «Рэспубліканцы»; нелегітымныя метады палітычнай барацьбы.

ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ МАГНАТСКОЙ ГРУППИРОВКИ САПЕГ В 1696–1702 гг. В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Ф. Ю. Бохан

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, frantishek.bohan@gmail.com*

В статье рассматриваются события Гражданской войны 1696–1702 гг. в ВКЛ, во время которых приверженцы магнатской группировки Сапег использовали в отношении оппонентов нелегитимные методы политической борьбы. На основе анализа конкретных случаев кампании, организованной сторонниками группировки Сапег во время конфликта с группировкой «республиканцев», автор раскрывает причины таких действий, а также показывает их влияние на дальнейший ход Гражданской войны и политическую ситуацию в Речи Посполитой.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское; Речь Посполитая; шляхта; Сапег; магнаты; «Республиканцы»; нелегитимные методы политической борьбы.

THE FORM OF THE POLITICAL STRUGGLE OF THE SAPIEHA MAGNATE GROUP IN 1696–1702 IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

F. Yu. Bokhan

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, frantishek.bohan@gmail.com*

The article examines the events of the Civil War of 1696–1702 in the Grand Duchy of Lithuania, during which supporters of the magnate group of Sapieha used illegal methods of the political struggle against their opponents. Based on the analysis of specific cases of the campaign which was organized by the Sapieha's supporters during the conflict with the noble group of the "republicans", the author reveals the causes of these actions, and also shows its influence on the further course of the Civil War and the political situation in the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; Polish-Lithuanian Commonwealth; noble; Sapieha; magnate; "Republicans"; illegal methods of the political struggle.

У любым грамадстве ўзнікаюць сітуацыі, калі з-за непрыязных адносін паміж палітычнымі суб'ектамі пачынаюцца канфлікты. Часам зацягасць удзельнікаў супрацьстаяння падштурхоўвае іх да выкарыстання сілавых метадаў палітычнай барацьбы. Яго сутнасць складаецца ў застрашэнні сваіх палітычных супернікаў пагрозай прымянення, ці рэальным ужыванні ў адносінах да іх фізічнага гвалту. У любым палітычным змаганні выкарыстанне зброі лічыцца крайняй, нават амаральнай мерай. Аднак нягледзячы на негатыўнае стаўленне да такой формы палітычнага змагання з боку грамадскасці, гвалт усё роўна выкарыстоўваўся пэўнымі сіламі для дэстабілізацыі палітычнай сітуацыі і дасягнення пэўных мэтай у кароткія тэрміны. Паказальным прыкладам выкарыстання нелегітымных метадаў змагання з'яўляюцца падзеі, якія адбываліся падчас Грамадзянскай вайны ў ВКЛ у 1696–1702 гг.

Вайна пачалася з-за працяглага канфлікту паміж родам Сапегаў і астатняй магнатэрыяй ВКЛ. На працягу апошняй чвэрці XVII ст. Сапегі, а таксама выхадцы з бліжэйшага атачэння гэтага шляхецкага рода займалі падаўляючую большасць дзяржаўных пасад ВКЛ. Прадстаўнікі рода Сапегаў практычна захапілі ўладу ў Княстве і сталі гэтым злоўжываць на сваю карысць. Напрыклад, яны вывялі харугвы з дзяржаўнага рэестра і стварылі з іх сваё прыватнае войска. У выніку Сапегі сталі своеасаблівым палітычным гегэмонам ВКЛ. Сярод шляхты ўтварылася значнае кола людзей, якія іх падтрымлівалі.

Такое становішча не задавальняла многіх прадстаўнікоў іншых магнацкіх родаў, найперш Агінскіх, Пацэяў, Радзівілаў. Для супрацьстаяння

Сапегам у сярэдзіне 1690-х гг. імі была створана палітычная групоўка, вядомая як «рэспубліканцы». Першапачаткова выключна магнацкі, рух імкліва павялічваўся за кошт шляхты, пацярпелай не толькі ад саміх Сапегаў, але і ад іх прыхільнікаў.

Рэспубліканцы адразу сталі ўплывовай палітычнай сілай, якая аказвала вялікі ціск на апанентаў. Ужо ў 1697 г. кіруючыя паўнамоцтвы Сапегаў былі абмежаваныя з-за зменаў заканадаўства, ініцыяваных рэспубліканцамі. Згодна з зацверджаным «Актам аб каэквацыі», шляхта ВКЛ ураўноўвалася ў правах з польскай. Дзякуючы гэтаму, паўнамоцтвы пэўных органаў улады, якімі ў той час кіравалі прыхільнікі Сапегаў, перайшлі да сойма, дзе значную частку складала дробная шляхта. Акрамя таго, акт дазваляў прыцягваць ураднікаў да судовай адказнасці ў Галоўным Трыбунале ВКЛ [1, с. 184].

Сапегі ўсведамлялі пагрозу для сябе з боку гэтага акта, таму падчас абмеркавання закона ўсяляк імкнуліся змяніць яго змест ці сарваць яго прыняцце. Так, іх прыхільнікі прапаноўвалі дазволіць ураднікам весці судовыя справы без разгляду Галоўнага Трыбунала, што ўскосна рабіла б Сапегаў недатыкальнымі асобамі, паколькі яны захоўвалі выканаўчую ўладу. Прапанова была няўдалай і яшчэ больш абвастрыла канфлікт. Тады шляхта з ваяводстваў, дзе была вялікая падтрымка групоўкі Сапегаў (Навагрудскае, Берасцейскае), проста адмовілася падпісваць «Акт аб каэквацыі» на пасяджэнні сойма. Тым не менш, большасць дэпутатаў стала на бок рэспубліканцаў і дакумент уступіў у сілу без подпісаў паслоў з асобных ваяводстваў.

Пасля змены заканадаўства, рэспубліканцы скіравалі свае сілы на падрыхтоўку да наступнай кадэнцыі Галоўнага Трыбунала. На ёй меркавалася правесці серыю судовых разбіральніцтваў супраць Сапегаў і такім чынам канчаткова пазбавіць іх улады. Выбары ў Трыбунал 1698 г. скончыліся поўнай паразай групоўкі Сапегаў якія амаль не атрымалі пасадаў судзяў. А яе нешматлікія прадстаўнікі, якіх абралі, былі не дапушчаны да пасяджэнняў.

Сапегі ажыццявілі спробу разгону нелаяльнага Трыбунала сілай. Незадоўга да пачатку кадэнцыі вялікі канюшы Міхал Францішак Сапега спрабаваў зрабіць збор войска ВКЛ у Гародні. Але да гэтага часу прыхільнікі рэспубліканцаў, якіх было колькасна болей, згуртавалі ўласнае войска на чале з Рыгорам Агінскім. Таму калі вайсковае кола ў Гародні было адбылося, то большасць жаўнераў выступіла супраць Сапегаў [6, арк. 1602–1603].

Нягледзячы на няўдачу, Сапегі і іх прыхільнікі вырашылі змагацца з Трыбуналам уласнымі сіламі. Аднак на сваім шляху яны сустрэлі войска Агінскага і пасля невялікай сутычкі былі вымушаны сыйсці.

Тым часам кадэнцыя Трыбунала пачалася. З яе першых дзён сталі разглядацца справы аб злоўжыванні службовым становішчам Сапегамі і іх прыхільнікамі. На іх падалі скаргі аб карупцыі, прысваенні дзяржаўнай маёмасці, прыўлашчванні чужых уладанняў, зрыванні кадэнцый вальных соймаў, узброеным ціску на паслоў, спусташэнні дзяржаўнай і царкоўнай маёмасці, невыкананні каэквацыі і іншых злачынствах. У выніку, суд паставіў пазбавіць Сапегаў дзяржаўных пасадаў і не дапускаць прадстаўнікоў гэтага рода ва ўрад у будучыні. Пасля гэтага суд узяў перапынак і частка ўдзельнікаў раз'ехалася па сваіх дамах [8, s. 319].

Гэтым момантам скарысталіся прыхільнікі Сапегаў, якія арганізавалі атакі на канвоі з аховай суддзяў Галоўнага трыбунала. Такія сутычкі выліваліся ў маштабныя бітвы, найбольш адметнай з якой стала бітва пры Жыжморях.

29 красавіка, Міхал Сапега са сваім войскам рабіў аб'езд ваколіц горада і выпадкова наткнуўся на канвой рэспубліканцаў, якія ахоўвалі мясцовых дэпутатаў трыбунала. Ахова ўяўляла сабой невялікую групу жаўнераў на чале з Рыгорам Агінскім. Пабачыўшы сілы праціўніка, Агінскі адступіў у суседнюю вёску Жыжмору і пачаў рыхтавацца да абароны. Але ноччу, у лагеры адбылося паўстанне, узначаленае падкупленым Сапегам жаўнерам. Ён застрашыў саслужыўцаў тым, што лагер хутка пачнуць атакаваць і вораг знішчыць усё войска, калі яму не выдадуць у палон вышэйшае афіцэрства. Ваяры паддаліся правакацыю і пачалі бунт. Аднак з-за таго, што ў атрадзе Агінскага прысутнічалі замежныя найміты, вестка аб бунце дайшла да камандзіраў і яны ўцяклі. Тады прыхільнікі Сапегаў сталі браць у палон усіх людзей, якія не паспелі збегчы з лагера.

Так, у палон трапіў кіраўнік вайскавай канцалерыі Караль Белазор. Ён быў падначаленым Рыгора Агінскага і пісарам Галоўнага трыбунала, за чым падпісам сталі выракі на судовыя справы супраць Сапегаў, дзе апошнім прысудзілі цяжкія пакаранні. Раз'юшаныя ўцёкам Агінскага, Сапегі вырашылі яго застрашыць. Са згоды вялікага гетмана Казіпра Сапегі над пісарам правялі ваенны суд і 12 мая публічна расстралялі ў Коўне [7, s. 105].

Акрамя забойстваў паплечнікаў Р. Агінскага існавалі і іншыя прыклады замахаў на жыццё палітычных праціўнікаў Сапегаў. 15 мая 1698 г. ахвярамі нападу наймітаў сталі Лявон Агінскі і Людвік Пацей, якія мелі спрэчкі з Сапегамі за маёмасць. Напад удалося адбіць, але Агінскага цяжка паранілі [4, арк. 558]. Адначасова з замахамі на жыццё палітычных апанентаў, Сапегі пачалі рабіць масавыя набегі на маёнткі і фальваркі шляхты, якая прымала ўдзел у Трыбунале. Дзясяткі ўладанняў былі пашкоджаны, абрабаваны ці цалкам знішчаны. 3 мая 1698 г. у Трыбунал ВКЛ сталі актыўна прыходзіць скаргі шляхты з розных частак ВКЛ аб шкодзе маёмасці.

Вельмі шмат сведчанняў аб гвалце з боку прыхільнікаў Сапегаў прыйшло з Ковеншчыны і Берайсцейшчыны, дзе былі выпалены маёнткі мясцовых рэспубліканцаў [5, арк. 550–551]. Да таго ж, акрамя шляхты на Сапегаў скардзіліся і прадстаўнікі касцёла. Падчас рэйдаў на варожыя ўладанні, салдаты групойкі Сапегаў займалася рабаўніцтвам касцёлаў і іншай маёмасці царквы, якая падтрымала рэспубліканцаў. Гэтую інфармацыю асабіста пацвярджалі пацярпелыя шляхцічы і прадстаўнікі царквы.

Дзеянні Сапегаў выклікалі хвалю абурэння з боку шляхты. На наступным пасяджэнні трыбунала была заведзена крымінальная справа супраць Сапегаў, звязаная з падзеямі каля в. Жыжмору. Галоўным ісцом выступіў Рыгор Агінскі, як непасрэдны ўдзельнік таго інцыдэнту. Паданая ім скарга налічвала шмат пунктаў, сярод якіх былі: забойства Караля Белазора; абрабаванне касцёла ў Жыжморах; спаленне двароў у той жа вёсцы; абрабаванне вазоў шляхты, што накіроўвалася дадому з трыбунала і інш. Адказнымі за злачынствы былі завочна аб'яўлены вялікі гетман Казімір Сапега, яго сыны Юрый і Міхал, камандзіры харугваў і ўвогуле ўсе жаўнеры Сапегаў, якія прымалі ўдзел у бітве. Падсудных прызналі «ворагамі Айчыны», ім прысудзілі інфамію і агульны штраф памерам у 2 мільёны злотых. Аднак з выракам суда на пагадзіліся сем'і забітых, таму быў праведзены новы разгляд справы, сканцэнтраваны выключна на расстрэле пісара.

8 жніўня на пасяджэнні Трыбунала ВКЛ, у прысутнасці сямейства Белазораў, вінаватымі ў забойстве прызналі Вялікага гетмана, яго сына Міхала і падначаленых ім кіраўнікоў харугваў. Пасудным прысудзілі смяротнае пакаранне, чарговую інфамію і новыя штрафы. З-за адсутнасці ў судзе фігурантаў справы, ажыццявіць пакаранне не атрымалася [2].

Справа аб замаху на жыццё Лявона Агінскага і Людвіка Пацея разглядалася ў першых чыслах кастрычніка 1698 г. Галоўным вінаватым прызналі Міхала Юзэфа Сапегу, пляменніка вялікага гетмана К. Сапегі. Разам з ім у спіс падсудных трапіў яго бацька, Бенедыкт Сапега і кіраўнікі падначаленых ім харугваў. Трыбунал вынес рашэнне аб смяротным пакаранні фігурантаў і грашовай кампенсацыі Л. Агінскаму за нанесеную шкоду.

Да ліку іншых спраў аб палітычных забойствах, арганізаваных Сапегамі, адносіцца справа пісара Багуслава Бакея, якая адбылася яшчэ ў снежні 1697 г. Як і Белазор, Бакей быў набліжаным Рыгора Агінскага. У судзе была выкладзена версія, што пісар вяртаўся пасля візіта да караля і быў схоплены прыхільнікамі Сапегаў, якія правялі незаконны суд і праз некалькі дзён яго забілі. Спіс абвінавачаных у дадзеным злачынстве быў амаль такі ж, як і ў справе Белазора. 7 красавіка 1699 г. адбыўся фінальны разгляд справы, на якім прысутнічалі родзічы забітага. Вырак суда быў ідэнтычны таму, які выдалі забойцам Белазора: смяротнае пакаранне, інфамія і штраф [4, арк. 558; 5, арк. 550–551].

Што тычыцца разгляду атак Сапегаў і іх прыхільнікаў на маёнткі палітычных апанентаў, паказальнай з'яўляецца справа Адама Янішэўскага, якую разгледжвалі 20 сакавіка 1699 г. Па сведчанням Янішэўскага, на яго ўладанні Збышын і Чычэвічы быў здзейснены рабаўніцкі налёт, а таксама прыўлашчана частка зямель маёнтка. Адказнымі за арганізацыю злачынства прызналі гетмана Казіміра Сапегу і яго блізкага паплечніка, віленскага падкаморыя Казіміра Дамброўскага. Атаку ажыццявілі арыгінальным чынам: у ёй прымалі ўдзел не вайскоўцы ці найміты, а сяляне з быхаўскіх уладанняў Сапегаў. Цікавай акалічнасцю стала тое, што ў адрозненні ад Сапегі, Дамброўскі прысутнічаў на судзе і больш таго, быў вызвалены ад пакарання. Магчыма, Дамброўскі своечасова памяняў бок супрацьстаяння.

Неабходна звярнуць увагу на тое, што арганізацыя замаху планавалася загадзя. Сапегі рыхтаваліся да горшага развіцця падзей і таму рабілі спісы патэнцыйных ахвяраў яшчэ за некалькі месяцаў да пачатку Галоўнага Трыбунала. Так, на судзе разглядалася справа аб арганізацыі замаху на жыццё жамойцкага харунжага Казіміра Заранка-Гарбоўскага. Яшчэ ў снежні 1697 г. Сапегі з жамойцкімі прыхільнікамі падрыхтавалі забойства харунжага і падаслалі да яго забойцу, якога паспелі затрымаць і той паведаміў пра падрыхтоўку забойства. Наступнай вясной Сапегі ажыццявілі новую спробу замаху і арганізавалі засаду ў валоданнях аднаго са сваіх паплечнікаў, аднак Заранак-Гарбоўскі паспеў яе абмінуць.

Пазней, у адказ на напады прыхільнікаў Сапегаў, рэспубліканцы таксама ўчынілі гвалт. Так, 18 лістапада 1700 г. адбылася вырашальная бітва Грамадзянскай вайны каля в. Алькенікі. Армія Сапегаў пацярпела паразу, а яе частка трапіла ў палон. Сярод палонных быў і арганізатар нападу Міхал Францішак Сапега. Ён быў забіты ад рук натоўпу раз'юшанай шляхты, сярод якіх былі родзічы ахвяраў групойкі Сапегаў (у тым ліку брат пісара Белазора) [3, с. 55].

Дзеянні Сапегаў, скіраваныя на запужванне і фізічнае знішчэнне палітычных апанентаў, пацярпелі поўны крах. Спробы прымусіць рэспубліканцаў спыніць барацьбу пад пагрозай жыцця выклікалі яшчэ большую іх зацягасць у змаганні. Бессэнсоўная жорсткасць у дачыненні да нізавой шляхты і грамадзянскага насельніцтва пазбавіла Сапегаў падтрымкі. Падаўляючая большасць шляхты ВКЛ або далучылася да рэспубліканцаў, або не ўмешвалася ў канфлікт. За Сапегамі замацавалася рэпутацыя злачынцаў і катаў, што пазней прывяло да самасудных забойстваў прадстаўнікоў гэтай магнацкай дынастыі.

У глабальным плане гвалт з боку прыхільнікаў Сапегаў толькі наблізіў перамогу аб'яднанай магнатэрыі ВКЛ. Гэта, у сваю чаргу, выклікала скасаванне гегемоніі Сапегаў. Страта ўнутрыпалітычнай падтрымкі прымусіла Сапегаў шукаць знешнюю падтрымку, якую тыя знайшлі ў Швецыі. Пазней

гэта прывяло да шведскага ўварвання на тэрыторыю Рэчы Паспалітай і новага ўнутрыпалітычнага канфлікту паміж прыхільнікамі саюза са Швецыяй і саюза з Расіяй, які стаў чарговым штуршком да заняпаду Рэчы Паспалітай.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Віцько Д.* Праграма ўраўнавання (каэкватыві) правоў беларуска-літоўскай шляхты з правамі польскай у канцы XVII ст. // *Молодежь в науке — 2007 : приложение к журналу «Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» : [материалы международной научной конференции молодых ученых, г. Минск, 23–26 октября 2007 г.] : в 4 ч.* Минск, 2008. Ч. 2 : Серия гуманитарных наук. С. 181–186.

2. *Віцько Д.* Спробы рэспубліканцаў дамагацца ўлады над войскам ВКЛ у 1697–1698 гг. // *Беларускі Гістарычны Агляд.* Том. 15., 2008 г. С. 305–328.

3. *Мацук А. У.* Полацкі кашталян Мікалай Шэмет у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай у першай трэці XVIII стагоддзя // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки.* 2016. № 9. С. 55–61.

4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). КМФ № 18. Літоўская метрыка (Архіў канцылярыі ВКЛ) з Расійскага дзяржаўнага архіва старажытных актаў у Маскве. С. 149. Метрыка ВКЛ розных прывілеяў, глейтаў, спраў паточных і крэпасных караля Аўгуста II; кніга віцэ-канцлера Караля Станіслава Радзівіла (1697–1699)

5. НГАБ. Фонд 1705. Брестский гродский суд. Воп. 1. Спр. 116. Актовая книга (1698–1699).

6. НГАБ. Фонд 1732. Ошмянский гродский суд. Воп. 1. Спр. 48. Книга поточная (1679–1699).

7. *Rachuba A.* Sapieha Michał Franciszek // *Polski Słownik Biograficzny.* Warszawa–Kraków, 1994. T. XXXV/1. Z. 144. S. 104–106.

8. *Rachuba A.* Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1567–1763. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2002. 376 s.

БЕЛОРУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В США И КАНАДЕ (1940-е – 1970-е гг.): ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ

О. В. Бригадина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, brigadinaol@mail.ru*

Вторая послевоенная «волна» эмиграции являлась следствием Великой Отечественной войны и составляла по разным подсчетам от 400 тыс. до 600 тыс. представителей разных национальностей СССР, в том числе и граждан Беларуси. За послевоенное десятилетие многие из них эмигрировали в США и Канаду. В статье анализируются процессы и проблемы адаптации, деятельность созданных на американском континенте союзов, творческих объединений, образовательных учреждений. Отмечена роль известных в эмигрантской среде представителей белорусской науки, культуры, религии, средств массовой информации.

Ключевые слова: Вторая мировая война; эмиграция; беженцы; адаптация; идентификация; творческие союзы; литература и искусство.

BELARUSIAN EMIGRATION TO THE USA AND CANADA (1940's – 1960's): PROBLEMS OF CULTURAL AND NATIONAL IDENTIFICATION IN A FOREIGN-LANGUAGE ENVIRONMENT

O. Brigadina

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, brigadinaol@mail.ru*

The second post-war “wave” of emigration was a consequence of the Great Patriotic War and, according to various estimates, amounted to from 400,000 to 600,000 representatives of different nationalities of the USSR, including citizens of Belarus. During the post-war decade, many of them emigrated to the USA and Canada. The article analyzes the processes and problems of adaptation, the activities of unions, creative associations, and educational institutions created on the American continent. The role of well-known representatives of Belarusian science, culture, religion, and mass media in the emigrant environment is noted.

Keywords: World War II; emigration; refugees; adaptation; identification; creative unions; literature and art.

Основными источниками формирования белорусского зарубежья второй половины XX в. являлись «восточные рабочие» (остарбайтеры), угнанные в Германию в годы Второй мировой войны. За военные годы в Германию было насильственно вывезено почти 380 тыс. белорусов [9, с. 219]. Новая «волна» эмиграции охватила отчасти и мирных жителей, которые направлялись на запад, боясь оказаться в прифронтовой полосе между двумя воюющими армиями. Другим источником пополнения

эмиграции стали бывшие военнослужащие, которые служили в немецких воинских подразделениях Третьего рейха («ост-батальонах»). Из-за сотрудничества с оккупантами эмигрировали многие белорусы, работавшие в германской администрации, образовательной системе, культурно-просветительских организациях.

В конце войны встал вопрос о возврате советских граждан на родину. СНК СССР в октябре 1944 г. принял решение о репатриации. В значительной степени этому способствовало Ялтинское соглашение союзников (февраль 1945 г.), а также Указ Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» (июль 1945 г.).

Массовые акции по репатриации, начатые в 1944 г., достигли своего пика к осени 1945 г. и продолжались до конца 1947 г. В 1946 г. на родину вернулось свыше 520 тыс. белорусов, в т. ч. гражданских лиц — 385 тыс., военнопленных — почти 135 тыс. [9, с. 221].

Одновременно с репатриацией шел процесс формирования новой эмиграции. По мнению исследователя истории белорусской эмиграции Г. Сергеевой, из принудительно вывезенных на работу белорусов искали лучшей доли за границей свыше 260 тыс. человек [9, с. 222–223]. Временным приютом для них служили лагеря для перемещенных лиц («Ди-Пи»), созданные в Германии и Австрии после войны. Они находились под опекой международных организаций, учрежденных для решения проблем беженцев: ЮНРРА (1943–1947), МОБ/ИРО (1947–1951). В начале 1950-х гг. белорусы начали переселяться в другие европейские страны, Северную Америку. Новыми центрами эмиграции стали Великобритания и Австралия. В США и Канаде оказалось приблизительно по 50 тыс. эмигрантов белорусского происхождения [9, с. 223].

Некоторое время основная масса беженцев оставалась пассивной, появилась угроза утраты национального сознания и разрыва связей многих белорусов со своей средой. Стремление сохранить свою идентичность явилось стимулом к активизации с 1950-х гг. национально-культурной и общественной деятельности белорусской диаспоры. По мнению Р. Жук-Гришкевич, «белорусская этническая группа... могла сохраниться и развиваться только в национальных организациях» [2, с. 163]. С точки зрения д. и. н. Е. Пивовара, одним из главных признаков диаспоры как некой целостной общности является наличие институциональных структур, т. е. общественных организаций, национально-культурных и образовательных учреждений, конфессиональных общин и т. д. [7, с. 365, 368]. По инициативе белорусского эмигрантского актива в США были созданы такие организации, как Белорусско-Американское Задзиночанне (БАЗА), Белорусский Конгрессовый комитет Америки, Организация белорусско-

американской молодежи, Белорусско-американское объединение в Нью-Йорке, Белорусское студенческое товарищество в Америке, Белорусский культурно-просветительский комитет в штате Нью-Джерси, Белорусское женское объединение в Америке и многие другие. Более 40 организаций национальных меньшинств, проживавших в Канаде, вошло в состав Канадской этнокультурной Рады. Полноправным членом этой правительственной организации является в настоящее время Координационный комитет белорусов Канады, который имеет 6 филиалов в городах страны. На сохранение и развитие белорусской традиционной культуры и языка была нацелена деятельность Белорусского религиозно-общественного центра в Торонто, Объединения белорусов Канады, Объединения белорусских женщин Канады и других организаций.

В области институционализации культурной жизни белорусской диаспоры в Северной Америке можно выделить региональные общества и союзы, объединившие белорусские группы в разных городах США и Канады; объединения, создавшиеся по профессиональному признаку или научной специализации; комитеты по обеспечению образования молодежи; культурные, научные и образовательные центры; союзы и объединения творческой интеллигенции, издательские структуры и т. п.

Особую роль в интеллектуальной жизни диаспоры играл основанный в 1951 г. в США Белорусский институт культуры и искусства. Он был открыт благодаря усилиям В. Тумаши, И. Лимановского, К. Дорошевича и других деятелей белорусской эмиграции послевоенной волны. Количество сотрудников института в разные годы насчитывало от 100 до 200 человек. Основной задачей являлась «популяризация белорусской культуры на Западе и в Америке» и научно-исследовательская деятельность в сфере культуры и истории Беларуси. С 1952 г. институт начал издавать свои научные сборники «Записи». В предисловии к первому выпуску была указана цель этого перспективного проекта: «...привлечение наибольшего интереса к белорусоведению „своих и чужих“ исследователей» [6, с. 107]. Первые шесть сборников были изданы в 1952–1954 гг. в Нью-Йорке, с 1962 по 1970 гг. они публиковались в Мюнхене (5 выпусков), с 1970-х гг. — снова в США. Всего было подготовлено и издано более 20 научных сборников самой разнообразной тематики: это фундаментальные исследования и научно-популярные статьи, аналитические материалы и рецензии по самым различным направлениям науки. Особое внимание уделялось проблемам этнокультуры и искусства. Истоки белорусской народной музыки исследованы в статье М. Куликовича «Белорусская музыка. Короткий очерк истории белорусской музыки и искусства» (№ 1, 1952 г.). Месту и роли Беларуси в цивилизационных процессах Западной Европы посвящена

аналитическая статья Р. Максимовича «Важнейшие моменты культурных процессов Беларуси» [№ 2 (6), 1954]. Своеобразие белорусской живописи, «основанной на византийских формах, но с самостоятельной трактовкой традиционных тем» была посвящена статья В. Седуры «Истоки белорусского искусства» (№ 2, 1953 г.). Традиционным для сборника стал раздел «Из белорусоведческой хроники» о наиболее значительных событиях культурной жизни белорусской диаспоры. Как следует из «Хроники», в среднем за год наши соотечественники за рубежом организовывали более 30 таких широкомасштабных научно-теоретических и культурно-просветительских акций, как научные конференции по проблемам белорусоведения, выставки и фестивали, встречи с известными учеными, писателями, артистами, а также — концерты, публичные лекции и т. п. [6, с. 121–122].

Важнейшим условием сохранения языка и других компонентов национально-культурного сознания была публицистическая, литературная и издательская деятельность эмиграции. Книжки, журналы, газеты, сборники разного уровня и качества печатались практически во всех регионах белорусского зарубежья. Многие газеты и журналы выходили нерегулярно, менялись издатели и названия. Издательская и литературная деятельность составляла стержень внутренней жизни диаспоры и сохраняла ее идентичность независимо от политической ситуации. Наибольшей популярностью среди белорусов дальнего зарубежья пользуется и по сей день газета «Белорус», которая начала выходить в Нью-Йорке в 1950 г. [9, с. 225]. В Канаде с 1948 по 1954 гг. К. Акула издавал газету «Белорусский эмигрант»; под руководством В. Жука-Гришкевича в объединении «Авангард Беларуси» в 1952 г. вышел в свет первый номер альманаха «Бэнэровец» [2, с. 176].

Некоторые газеты и журналы, основанные в первые послевоенные годы в Западной Европе, продолжили свое существование с 1950-х гг. в США: литературный альманах «Шыпшына», журналы «Беларуская Думка» и «Беларускі свет». Свою специфику имел журнал «Летапіс беларускай эміграцыі», первые номера которого появились в 1947 г. в Германии, а с 1955 г. — в США. На его страницах по инициативе первого редактора Л. Голяка печатались документы белорусских эмигрантских организаций и обществ, другие официальные материалы и обращения. Как отметил В. Кипель, первые белорусские периодические издания в США были исключительно одноязычные, однако с 1970-х гг. начали появляться газеты и журналы на белорусском и английском языках, или только на английском (ежеквартальный журнал «Belarusian Review» в Калифорнии). В 1990-е гг. тираж некоторых изданий белорусской диаспоры в США составлял 2–3 тысячи экземпляров (например, газета «Беларус»). В то же время тираж большинства газет и журналов колеблется в пределах 150–200 единиц [3,

с. 271]. К сожалению, для белорусской эмигрантской периодики характерны, по мнению Б. И. Саченко, «невысокая профессиональная культура и уровень полемики», в оценках авторов часты озлобленность и раздражение, оставляет желать лучшего достоверность информации и регулярность выпусков [8, с. 55–56]. Большинство эмигрантских изданий сконцентрировано в архиве БИНиМ; идет работа по подготовке библиографического справочника.

Книгоиздательская деятельность белорусской диаспоры практически развернулась лишь после Второй мировой войны. В США и Канаде начали выходить в свет литературные произведения и научные труды, многочисленные мемуары, религиозная литература, в меньшей степени — учебники и справочники. Благодаря усилиям организаций и частных лиц были основаны издательства Крывицкого Научного Товарищества, Объединенного Белорусско-Американского комитета помощи, БИНиМа, Белорусской автокефальной православной церкви. Издательский центр был основан в 1960-е гг. при объединении белорусов в Канаде «Погоня». В 1973 г. по инициативе В. Жука-Гришкевича начал действовать Фонд белорусских учебников, благодаря которому издательский комитет при Координационном комитете белорусов Канады издал в 1974–1978 гг. англоязычный учебник «Белорусский язык» в 2-х томах В. Пашкевича. В 1978 г. начал действовать «Издательский фонд воспоминаний из белорусской жизни» при Раде БНР в Торонто. Тираж книг не превышал 2–3 тыс. экземпляров. Исключение составляли англоязычные издания, которые приобретали американцы и часть белорусской диаспоры [3, с. 273].

Диаспора представляла собой «особый культурный тип, связанный со стремлением людей сохранить представление о мире в условиях, когда этот мир уже перестал существовать как реальность и сохранился лишь в социальной памяти, религиозных ценностях, культурных традициях, литературных произведениях, языке» [7, с. 398]. Культивирование этих ценностей отчетливо проявлялось в творчестве писателей и поэтов. Известность в белорусском зарубежье приобрели Н. Арсеньева, М. Седнев, А. Соловей, К. Акула, В. Глыбинский. Основная тема их творчества — воспоминания детства и юности, судьба родины. Известный белорусский историк Л. Лыч с горечью констатировал, что население в Беларуси «в своем абсолютном большинстве не проявляет должного уважения к статусу государственности родной Батьковщины, мало интересуется собственным историческим прошлым, как следует не гордится своим культурно-языковым наследием» [4, с. 13].

В разные годы в США и Канаде были опубликованы произведения А. Саковича, Д. Витьбича, Я. Запрудника, М. Рагули, В. Русака, поэтов

В. Клишевича, М. Ковыля, Я. Юхновца, Я. Золака, Г. Крушины. Событием в культурной жизни эмиграции стала антология поэзии и прозы «У чужих берегов». В славянском отделе Центральной научной библиотеки в Нью-Йорке в настоящее время собрано свыше 20 тысяч белорусских изданий, в т. ч. первые публикации Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, З. Бядули, полное собрание «Летописи белорусской периодики» (с 1925). Значительные книжные сборы белорусской прозы и поэзии хранятся также в белорусских отделах в городских библиотеках Кливленда, Чикаго, Детройта, в библиотеке Колумбийского университета и Моргановской библиотеке [1, с. 90].

В белорусском зарубежье поддерживают и развивают национальное искусство также художники, композиторы и певцы. Широкую популярность в славянском мире приобрел исполнитель белорусских песен Н. Стречень. С успехом выступал в лучших концертных залах Италии, Англии, США певец П. Конюх. Автором нескольких рассказов и сборника песен «Край мой васильковый» является композитор Э. Зубкович. Был известен в США автор белорусской оперы «Катерина» (1939), книги «Белорусская музыка. Краткий очерк истории белорусского музыкального искусства» (1953) Н. Куликович-Щеглов.

Белорусская тема звучит в картинах художников О. Махнюка, Г. Русак, И. Роголевич-Дутко, Т. Стоганович-Кольбы и других мастеров живописи. По мнению художника К. Бондарука, «каждое произведение искусства, что создается раскиданными по миру белорусскими художниками, обогащает нашу национальную культуру» [2, с. 185]. Более 100 выставок картин белорусской художницы Т. Стоганович-Кольба прошло в разных штатах США [9, с. 227].

Для белорусов в эмиграции искусство играло двойную роль: оно эмоционально связывало с родиной и одновременно служило средством информации о Беларуси для своих соотечественников в иноязычной среде обитания. Одной из форм пропаганды национального искусства стали традиционные ежегодные (с 1974) выставки в г. Саут-Ривер (штат Нью-Джерси). Произведения белорусских мастеров, это как правило, пейзажи, портреты, иконы. Выставки народных мастеров стали наиболее распространенной формой популяризации белорусской культуры в Северной Америке. Начиная с 1950-х гг., многие общественно-культурные организации белорусской диаспоры стали принимать активное участие в этно-фестивалях и других культурных программах, проводимых властями США и Канады. В 1957 г. на международном фолк-фестивале в Нью-Йорке впервые было представлено белорусское народное искусство. Ежегодно с 1960 г. общество «Объединение белорусов в штате Иллинойс» участвует в престижном международном фестивале в Чикаго, в рамках которого идет

знакомство американского общества с белорусской культурой и историей, народными танцами и художественными изделиями. В 1967 г. интерес участников фестиваля вызвала презентация двух географических карт: этнической Беларуси и современной БССР [5, с. 160].

Наиболее активная часть белорусской эмиграции является постоянным участником фестиваля Свободы в г. Детройте, посвященного Дню независимости США. Привлекательна идея этой акции — утверждение права каждого народа на самоопределение и национальную независимость. С 1973 г. постоянным участником этнического фестиваля в Музее науки и индустрии (г. Чикаго, США) является местный Белорусский координационный комитет. Белорусы также активно участвуют в фолк-бале «Наследие» (г. Нью-Джерси, США), интернациональных днях в Лос-Анджелесе. Совместными усилиями БИНиМа, Организации белорусско-американской молодежи и Союза славянского наследия в Америке проводится Неделя славянского наследия, в рамках которой организуются выставки, фестивали поэзии, концерты и другие культурно-просветительские акции. В Канаде стал традиционным фестиваль национальных культур «Отечество», участники которого, в т. ч. и белорусы, оформляют национальные павильоны, готовят концертные программы фольклорных коллективов, участвуют в популярном конкурсе кухни. Только стремлением сохранить и развить свою культуру можно объяснить подобную активную позицию многих представителей белорусской эмиграции. «Иначе, — считает белоруска из Торонто Р. Жук-Гришкевич, — белорусская культура в море чужой культуры и чужого языка может легко погибнуть...» [2, с. 163].

Культура любого народа представляет собой синтез традиционных и инновационных явлений. В ней отражаются история народа, его знания, ценности, мировоззрение. Уровень развития культуры можно определить в той степени, в какой она противостоит процессу уничтожения своих культурных традиций, насколько целенаправленно идет поиск способов сохранения и возрождения утраченных ценностей. Именно в сфере культуры находятся основные определяющие приметы этноса. В условиях глобализации и тотальной универсализации жизни наблюдается активное стремление к утверждению своей культурной идентичности и неповторимости.

Библиографические ссылки

1. *Антонэва Т. А.* У зямлякоў за акіянам. Мінск: Голас Радзімы, 1992.
2. *Жук-Грышкевіч Р.* Дзейнасць канадскай дыяспары // *Культура беларускага замежжа*: Кн. 3 / Пад рэд. А. В. Сабалеўскага. Мінск: Беларуская навука, 1998.
3. *Кіпель В.* Беларусы ў ЗША. Мінск: Беларусь, 1993.
4. *Лыч Л.* XX стагоддзе і лёс беларускага народа // *Кантакты і дыялогі*. 2001. № 6 (65). С. 3–14.

5. *Ляднева А.* Нацыянальнае ў шматкультурным жыцці беларусаў далекага замежжа // *Культура беларускага замежжа: Кн. 3 / Пад рэд. А. В. Сабалеўскага.* Мінск: Беларуская навука, 1998. С. 155–163.
6. *Мамонька Ул.* Праблемы культуры і мастацтва ў «Запісах» // *Культура беларускага замежжа: Кн. 1 / Пад рэд. А. В. Сабалеўскага.* Мінск: Навука і тэхніка, 1993.
7. *Пивовар Е. И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008.
8. *Сачанка Б.* Беларуская эміграцыя. Мінск: Голас Радзімы, 1991.
9. *Сяргеева Г.* Беларуская дыяспара // *Крыжовы шлях. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі.* Мінск: «Згода», 1993. С. 209–239.

МИНСКАЯ ДУМА В 1905 г.

И. Л. Грибко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, hrybko@bsu.by*

Освещена деятельность городского самоуправления города Минска в условиях начавшейся революции. Выявлен социальный и конфессиональный состав городской думы. Прослежена реакция городской думы на важнейшие политические события.

Ключевые слова: городское самоуправление; городская дума; Минск; революция 1905 г.

THE MINSK DUMA IN 1905

I. L. Hrybko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, hrybko@bsu.by*

The article highlights the activities of the Minsk city government in the context of the outbreak of the revolution. The social and confessional composition of the City Duma has been revealed. The reaction of the City Duma to the most important political events is traced.

Keywords: city government; City Duma; Minsk; revolution of 1905.

Городское общественное управление в белорусских городах в конце XIX – начале XX в. действовало на основе общероссийского законодательства. Законом 29 апреля 1875 г. «О применении Городового положения 16 июня 1870 г. к городам Западных губерний» предусматривалось постепенное распространение реформы, а решение для каждого города принималось отдельно. Минск в числе первых городов западных губерний получил разрешение на проведение реформы. Созданные на основе реформы органы общественного управления Минска вовлекли в решение городских дел многих передовых людей [1]. Минская дума довольно решительно принялась за наведение порядка в городском хозяйстве и к началу XX в. благоустройство, санитарное состояние, учебные заведения губернского центра заметно преобразились в лучшую сторону.

Избранная на очередное четырехлетие 1905–1909 гг. дума начала свою деятельность в необычных условиях — условиях революции. Свои заседания Минская дума начала 5 января 1905 г. с рассмотрения текущих, но важных финансовых вопросов. Дума утвердила представленную финансовой комиссией смету доходов и расходов на 1905 г. в сумме 480 303 руб. 34 коп. Были заслушаны вопросы об обложении оценочным сбором в пользу города ранее неизвестного имущества Либаво-Роменской железной дороги.

Однако окончательное решение принято не было, поскольку Правление дороги подало в Сенат на действия Минской думы жалобу, и следовало ожидать её разрешения.

В этом же заседании гласные с небольшими замечаниями одобрили доклад ревизионной комиссии по ревизии городских театров за прошедшие 1901–1902 гг. Дополнительно по этому вопросу Минская дума постановила: «2) Поручить Управе ходатайствовать где следует об отмене административных распоряжений, воспретивших представления в Минском Городском Театре на польском и других местных наречиях» [4, л. 654]. В августе 1906 г. дума получит на это ходатайство из Министерства внутренних дел положительный ответ и разрешение давать театральные представления в городе на польском и еврейском языках.

12 января 1905 г. гласные определили порядок работы думы на год. Было решено проводить обязательные заседания думы каждый второй и последний понедельник месяца, за исключением июля, и одно заседание запланировали на август. В связи с избранием нового состава гласных проводились согласования и подготовительная работа по избранию будущих постоянных комиссий, их численности и прочие текущие вопросы.

Основные организационные и финансовые вопросы были вынесены на очередное заседание думы 19 января 1905 г. Однако повестка заседания изменилась под влиянием произошедших неординарных событий. 15 января в помещении городской управы полицией было задержано несколько гласных. Ещё несколько гласных подверглись задержанию непосредственно на заседании думы. Выступление гласного А. Хованского с осуждением подобных действий полиции было поддержано многими гласными. Перейдя к решению запланированных вопросов, дума определила состав управы в количестве трех человек, утвердила размер годового жалования городскому голове — 5000 руб., членам управы — по 2400 руб., жалование членам постоянных комиссий [2].

Выборы на руководящие должности Минской думы нового созыва назначили на 26 января 1905 г. В результате закрытого голосования (26 против 15) городским головой на четырёхлетие 1905–1909 гг. был избран 42-летний дворянин, присяжный поверенный Михаил Генрихович Воллович. Следует отметить, что Воллович ранее не избирался гласным. В городе он проживал недавно — с 1902 г. Он не имел соответствующего имущественного ценза для участия в выборах, а избирательное право получил по доверенности жены. 10 июня 1905 г. Воллович был утвержден в должности Министром внутренних дел [5, л. 74, 86]. Заступающим место городского головы избрали дворянина, домовладельца, помощника присяжного поверенного Станислава Мельхиоровича Стефановича. 31 января был избран

ещё один член управы — В. К. Яновский, — домовладелец, дворянин, имеющий значительный опыт думской деятельности. Гласным думы он состоял с 1889 г. Третьим членом управы был избранный в 1902 г. дворянин Э. Ю. Олеванский, который также был членом думы нескольких созывов, с 1893 г. [5, л. 86].

В этом же заседании гласные избрали членов постоянных комиссий: водопроводно-электрической, строительной, театральной, оценочной, финансовой, а также распорядителя городского ломбарда. Состав комиссий колебался от 3 до 6 человек. Самой же многочисленной стала оценочная комиссия — 7 человек, что было обусловлено большими объемами работы. Чтобы избежать злоупотреблений, дума постановила недопустимым для одного гласного занимать должности в двух или более комиссиях. По мере необходимости на протяжении года для решения особо значимых вопросов были созданы и другие комиссии: для подготовки проекта об окончательном расчете с наследниками бывшего городского головы графа К. Э. Чапского, для подготовки проекта улучшения городской пожарной команды, по вопросу Плебанских мельниц и некоторые другие.

Городовое положение ограничивало деятельность органов самоуправления вопросами благоустройства, санитарного состояния, здравоохранения, просвещения и некоторыми другими направлениями деятельности. Контроль за законностью постановлений городских дум возлагался на губернские по городским делам присутствия. Журналы заседаний Минской думы за 1905 г. свидетельствуют о значительном влиянии революционных событий на работу гласных. Вопреки законодательству в повестках заседаний думы появляется все больше политических вопросов, что ведет к обострению отношений с губернскими властями. Так, 28 февраля 1905 г. гласный Бохан выступил с предложением о пожертвовании средств в пользу потерпевших в Петербурге 9 и 10 января. Предложение было поддержано. Дума постановила: пожертвовать 100 руб. в пользу семей тех, кто пострадал в Петербурге 9 и 10 января и ещё 100 руб. в редакцию газеты «Курьер Варшавский» для помощи семьям лиц, которые пострадали в Варшаве при схожих обстоятельствах в конце января 1905 г. Губернское по городским делам присутствие отменило постановление о выделении из городского бюджета средств на пожертвования как противоречащее законодательству. Минская дума в ответ в марте 1905 г. направила жалобу в Сенат, аргументируя законность постановления тем, что сам император показал подобный пример [4, л. 675, 690].

Под свою опеку Минская дума взяла и учениц женской гимназии города, которых за участие в срыве занятий Педагогический совет лишил субсидий на оплату учебы. В заседании 28 февраля 1905 г. гласные

постановили внести плату за учениц из графы бюджета на экстраординарные расходы. Кроме того, дума решила подготовить ходатайство о допущении в Педагогический совет представителей от городского самоуправления, а о деятельности Педагогического совета проинформировать Министра народного просвещения.

Не дожидаясь утверждения постановления думы Губернским присутствием и опасаясь отчисления учениц из гимназии, гласные Коварский и Хованский быстро внесли деньги за их обучение. За эти действия в дальнейшем гласных привлекут к ответственности, а дума выступит в их защиту.

В заседании 25 апреля было поддержано заявление гласного Хованского об отмене цензуры и публикаций решений думы [3]. Дума постановила направить ходатайство об отмене ст. 82 Устава о цензуре и печати, поскольку «лишь путем точного и полного сообщения в прессе отчетов о думских заседаниях может представлена возможность населению знать о том насколько оправдывает доверие избранных им лиц» [4, л. 704].

Напряженными были отношения думы с местной полицией. Неоднократно полиция нарушала заседания думы, проводя задержания гласных и служащих управы. В обращении к губернатору от 10 мая 1905 г. Гласные потребовали привлечь виновных полицейских к ответственности, усматривая в их деятельности состав уголовного преступления. Огромное возмущение гласных вызвал случай избиения казаками санитарного попечителя Хургина при входе его в здание городской управы. В постановлении думы 30 мая отмечались многочисленные случаи избиения казаками, драгунами, полицией мирных граждан [4, л. 708–719]. Частые инциденты с полицией подтолкнули Минскую думу разработать проект муниципализации полиции, который был представлен для рассмотрения соответствующим порядком. Отклонила дума и предложение губернатора об увеличении жалованья городовым.

Вызывало беспокойство думы и большое число расквартированных в городе войсковых частей. В мае 1905 г. гласные выступили против размещения в городе драгунского эскадрона. Неоднократно дума обращала внимание губернатора на то, что размещение войск в городе проводилось только на время мобилизации, которая давно прошла. Дума добивалась от губернатора вывода казаков и драгунов на места их постоянной дислокации, подчеркивая, что «присутствие казаков в городе отнюдь не способствует водворению спокойствия», а сами военные часто являются нарушителями порядка [4, л. 717].

В июне 1905 г. Минская дума решительно осудила еврейские погромы, которые охватили ряд белорусских городов. Стремясь предотвратить подобные события, дума рассмотрела вопрос о создании в Минске

специальной милиции, но это постановление не было одобрено губернатором [3, л. 27]. В сентябре 1905 г. дума с этой же целью приняла решение об организации ночной стражи, а в октябре выделила на её создание из бюджета 6 тыс. руб. [4, л. 776]. Подступалось городское самоуправление и к вопросу снятия ряда ограничений с еврейского населения. Показательным является обсуждение вопроса об отмене ограничений в приеме учащихся-евреев в Минское коммерческое училище. В заседании 12 сентября 1905 г. дума выступила с инициативой отменить квоту при приеме в училище еврейских детей. Дума обратилась к губернатору с просьбой срочно направить ходатайство по этому вопросу Министру финансов. Если же совсем отменить квоту будет невозможно, дума просила увеличить прием учащихся-евреев до 60 % от всей численности обучающихся. В своем постановлении дума обращала внимание: «1) что Минское коммерческое училище содержится исключительно на средства местного населения, в составе которого находится не менее 60 % евреев; 2) что еврейское население, занятое главным образом торговлею и промыслами, более всего нуждается в коммерческом образовании; 3) что прием евреев в другие средне-учебные заведения крайне ограничен» [4, л. 746].

Столкнулась дума и с забастовками на городских предприятиях. Забастовали работники Городской водопроводно-электрической станции. Они требовали повышения заработной платы. 30 июня 1905 г. Минская дума рассмотрела эти требования и приняла постановление об их удовлетворении за счет экстраординарных расходов.

Большую поддержку среди гласных Минской думы получили идеи расширения народного представительства. В мае 1905 г. дума постановила подготовить ходатайство о расширении прав местного самоуправления. В заседании 27 июня 1905 г. гласные приняли решение присоединиться к постановлениям съезда городских деятелей, состоявшемся 15–16 июня в Москве и предоставить в Совет Министров протокол с подписями гласных [3]. Единогласно было поддержано постановление съезда о незамедлительном введении ряда гражданских свобод, в том числе свободы слова, печати, собраний и др. Получило одобрение и постановление съезда о создании органа народного представительства из двух палат. Подобные вопросы были включены и в программу съезда городских и земских деятелей, намеченного на 12–15 сентября 1905 г. в Москве. Программа съезда была поддержана Минской думой, а для участия в его работе откомандированы гласные Янчевский и Павлюковский.

Как акт исторического значения восприняли гласные Минской думы указ о созыве Государственной Думы. Выражая уверенность в том, что этот шаг положит начало светлой эпохи в государственной жизни, дума

подготовила ходатайство о наделении города Минска, крупнейшего в Северо-Западном крае, правом иметь своего особого представителя в Государственной Думе. С воодушевлением и надеждами приветствовали гласные и Манифест 17 октября.

Трагические события в Минске 18 октября 1905 г., известные как «Курловский расстрел», получили решительное осуждение гласных. От имени Минской думы была направлена телеграмма Министру внутренних дел с требованием отстранить губернатора от должности и привлечь его к ответственности. Кроме того, в Петербург, в связи с произошедшими событиями, была направлена делегация из числа гласных думы. Дума обратилась к жителям города с просьбой об оказании посильной помощи потерпевшим и их семьям. Этот призыв возымел действие. Уже 31 октября были собраны значительные средства. Особую признательность за помощь дума высказала Ваньковичам, а также поблагодарила всех, кто откликнулся на это обращение.

Революционные события, безусловно, политизировали работу Минской думы. В заседаниях думы гласные выносили на обсуждение вопросы, актуальные не только для жителей города, но и для общества в целом. Многие инициативы Минской думы, принятые гласными постановления и ходатайства не получили продолжения, были отменены как выходящие за рамки полномочий общественного самоуправления. Однако эти решения, предпринятые думой действия, свидетельствуют о гражданской позиции гласных, высокой ответственности за все, происходящее в городе.

Библиографические ссылки

1. *Грибко И. Л.* Создание и деятельность Минской городской думы // *Мінск і мінчане : дзесяць стагоддзяў гісторыі : да 955-годдзя горада: зб. навуковых арт.* Мінск: Беларуская навука, 2023. С. 259–269.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4122.
3. НИАБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4199.
4. НИАБ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3600.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3789.

ПРАВАСЛАЎЕ І КАТАЛІЦТВА Ў ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ У КАНЦЫ XIV–СЯРЭДЗІНЕ XVI ст.

А. Р. Дзянісава

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, e.g.denisova2012@gmail.com*

Разглядаюцца розныя аспекты дзейнасці Праваслаўнай Царквы і Каталіцкага Касцёла ў Вялікім Княстве Літоўскім у канцы XIV–сярэдзіне XVI ст. Вызначаюцца структура царкоўных арганізацый, склад духавенства, прававы статус і маёмаснае забеспячэнне духоўных устаноў. Адзначаецца, што статус і сферы дзейнасці Цэркваў узгадняліся ў адпаведнасці з граматамі каралёў і вялікіх князёў, фундатараў і апекуноў, агульназемскімі прывілеямі, Статутамі і пастановамі соймаў Вялікага Княства Літоўскага. Падкрэсліваецца, што важным фактарам, які ўплываў на ўзаемаадносіны паміж свецкім грамадствам і духоўнай іерархіяй, праваслаўнай і каталіцкай, з’яўлялася права патронату. Значныя магчымасці патронаў у адносінах да падапечных духоўных устаноў сталі глебай для злоўжыванняў.

Ключавыя словы: Праваслаўная царква; Каталіцкі касцёл; Вялікае Княства Літоўскае.

ПРАВОСЛАВИЕ И КАТОЛИЧЕСТВО В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В КОНЦЕ XIV–СЕРЕДИНЕ XVI в.

Е. Г. Денисова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, e.g.denisova2012@gmail.com*

Рассматриваются различные аспекты деятельности Православной церкви и Католического костёла в Великом Княжестве Литовском в конце XIV–середине XVI в. Определяются структура церковных организаций, состав духовенства, правовой статус и имущественное обеспечение духовных учреждений. Отмечается, что статус и сферы деятельности Церквей согласовывались в соответствии с грамотами королей и великих князей, фундаторов и опекунов, общеземскими привилегиями, Статутами и постановлениями сеймов Великого Княжества Литовского. Подчеркивается, что важным фактором, влияющим на взаимоотношения между светским обществом и духовной иерархией, православной и католической, являлось право патроната. Значительные возможности патронов в отношении подопечных духовных учреждений стали почвой для злоупотреблений.

Ключевые слова: Православная церковь; Католический костёл; Великое Княжество Литовское.

ORTHODOX AND CATHOLICITY IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE END OF THE 14th – MIDDLE OF THE 16th CENTURY

A. R. Dzianisava

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, e.g.denisova2012@gmail.com*

Various aspects of the activity of the Orthodox Church and the Catholic Church in the Grand Duchy of Lithuania in the end of the 14th – middle of the 16th century are considered. The structure of church organizations, the composition of the clergy, the legal status and property provision of religious institutions are characterized. It is noted that the status and spheres of activity of the churches were coordinated in accordance with the charters of kings and grand dukes, founders and guardians, common land documents on privileges, Statutes and resolutions of the Seimas of the Grand Duchy of Lithuania. It is emphasized that an important factor influencing the relationship between secular society and the spiritual hierarchy, Orthodox and Catholic, was the right of patronage. The significant capabilities of patrons in relation to the wards of religious institutions have become a ground for abuse.

Keywords: Orthodox Church; Catholic Church; the Grand Duchy of Lithuania.

У канцы XIV–сярэдзіне XV ст. працягвалася адміністрацыйна-тэрытарыяльнае афармленне Праваслаўнай царквы ў Вялікім Княстве Літоўскім (далей — ВКЛ). У 1406 г. памёр мітрапаліт Кіеўскі і ўсяе Русі Кіпрыян (Цамблак), які здолеў злучыць пад сваёй духоўнай уладай усе ўсходнеславянскія землі. Вялікі князь Вітаўт (1392–1430) разам з праваслаўным духавенствам прасіў канстанцінопальскага патрыярха зацвердзіць полацкага архіепіскапа Феадосія мітрапалітам у ВКЛ [1, с. 36]. Патрыярх адмовіў і праз два гады пасвяціў у мітрапаліта Кіеўскага і ўсяе Русі маскоўскага стаўленіка Фоція (1408–1431).

Незадаволены дзейнасцю Фоція ў ВКЛ, Вітаўт склікаў сабор праваслаўных іерархаў у 1414 г. Вялікі князь прапанаваў паставіць у дзяржаве асобнага мітрапаліта і адправіў у Канстанцінопаль дэлегацыю на чале з Грыгорыем Цамблакам за благаславеннем. Але канстанцінопальскі патрыярх, не задаволіў просьбу вялікага князя. 15 лістапада 1415 г. у Новагародку па ініцыятыве Вітаўта быў скліканы сабор праваслаўнага духавенства і свецкай эліты, на якім без згоды патрыярха на мітраполію «Кіева и всея Руси» быў пастаўлены Грыгорый І Цамблак (1415–1419) [8, с. 8–9; 10, с. 307–360]. Спачатку мітрапаліцкая кафедра Грыгорыя І знаходзілася ў Кіеве. Пасля 1416 г. ён перанёс яе ў Вільню, а сваёй рэзідэнцыяй зрабіў Новагародак.

Канстанцінопальскі патрыярх Іосіф II і мітрапаліт Фоцій абвясцілі адлучэнне Грыгорыя І Цамблака ад царквы. Але ў ВКЛ ён лічыўся законным

мітрапалітам да самай смерці ў 1419 г. або ў 1420 г. У 20-я гг. XV ст. Кіеўская мітраполія была аб'яднана пад амафорам уладыкі Фоція, які прымірыўся з вялікім князем Вітаўтам.

У 1458 г. кіеўскім мітрапалітам быў прызначаны Грыгорый Балгарын. Яго прэтэнзіі на кананічную ўладу над усёй тэрыторыяй былой Кіеўскай Русі выклікалі рэзкі пратэст з боку Масквы [10, с. 619–626, 645–658]. Агульная мітраполія канчаткова падзялілася на дзве самастойныя: Кіеўская мітраполія ў Вялікім Княстве Літоўскім і Галіцыі з цэнтрам у Новагародку (у 1472 г. мітрапаліт Грыгорый Балгарын атрымаў кананічнае прызнанне канстанцінопальскага патрыярха) і Маскоўскую (афіцыйна названа з 1459 г.).

У канцы XV–пачатку XVI ст. Кіеўская мітраполія складалася з епархій: Кіеўска-Літоўскай, Полацка-Віцебскай, Смаленска-Северскай, Чарнігава-Бранскай, Турава-Пінскай, Уладзімірска-Берасцейскай, Луцка-Астрожскай, Холмска-Бельскай, Перамышльска-Самборскай, Галіцка-Львоўскай. У пачатку XVI ст. у выніку войнаў Смаленска-Северская і Чарнігава-Бранская епархіі адышлі ў склад Маскоўскай дзяржавы. Землі Беларусі ўваходзілі ў склад мітрапаліцкай Кіеўскай, Полацка-Віцебскай, Турава-Пінскай, Уладзімірска-Берасцейскай, Смаленска-Северскай, Чарнігава-Бранскай епархій.

Праваслаўныя епіскапіі былі падзелены на пратапопіі, а драбнейшай епархіяльнай адзінкай з'яўляўся прыход [12, с. 28–29, 31]. У першай палове XVI ст. у Полацку дзейнічалі 22 прыходы, Пінску — 16, Вільні — 12, Берасці — 8, Гродне — 6. Неад'емнай часткай Праваслаўнай царквы з'яўляліся манастыры. У XV–першай палове XVI ст. у ВКЛ існавала больш за 50 праваслаўных манастыроў, з іх 8–10 жаночых [5, с. 498; 9, с. 168].

Праваслаўная царкоўная іерархія складалася з мітрапалітаў, епіскапаў, прыходскіх святароў, манахаў, дыяканаў, дзякаў і іншых царкоўных уряднікаў. Мітрапаліты, якія ў XIV–XV стст. узначальвалі Кіеўскую мітраполію, паходзілі з грэкаў, балгар і рускіх, а з 70-х гг. XV ст. да Люблінскай уніі большасць з іх выбіралася з урадженцаў беларускіх зямель [4, с. 213; 5, с. 497]. Што тычыцца іншага духавенства, то тут удзельная вага мясцовых святароў была значная, асабліва гэта тычылася ніжэйшых пасадаў духоўнай іерархіі. Па сацыяльным статусе праваслаўнае святарства паходзіла з саслоўяў духавенства, баярства-шляхты (часам з магнацкіх родаў) і мяшчанства.

Дзейнасць Праваслаўнай царквы ў ВКЛ рэгламентавалася актамі, якія выходзілі ад імя патрыярхаў, мітрапалітаў і епіскапаў, пастановамі, зацверджанымі на пасяджэннях сабораў духавенства, Кормчымі кнігамі. Статус і сферы дзейнасці Царквы ўзгадняліся ў адпаведнасці з граматамі каралёў і вялікіх князёў, фундатараў і апекуноў, агульназемскімі прывілеямі, Статутамі і пастановамі соймаў ВКЛ.

З канца XV ст. прававы статус Праваслаўнай царквы атрымаў значную юрыдычную падтрымку. У 1499 г. кіеўскі мітрапаліт Іосіф І Балгарынавіч (1498–1501) прадставіў вялікаму князю Аляксандру (1492–1506) «Свиток прав великого князя Ярослава Володимировича», г. зн. царкоўны статут Яраслава Мудрага. Мітрапаліт Іосіф прасіў вялікага князя пацвердзіць палажэнні скрутка Яраслава, што і было зроблена спецыяльным прывілеем ад 20 сакавіка 1499 г. [1, с. 189–192].

Віленскі сабор 1509 г. зацвердзіў прынцыпы незалежнай юрысдыкцыі мітрапаліта і епіскапата. Прывілей Аляксандра праваслаўным іерархам быў паўтораны вялікім князем Жыгімонтам І Старым (1506–1548) у 1511 г. [2, с. 81–83]. Такім чынам, аформіўся эканамічны і судовы імунітэт Праваслаўнай царквы ў ВКЛ, і з пункту гледжання закону яна карысталася тут такой жа самастойнасцю, як і Каталіцкі касцёл.

Складана вызначыць агульныя памеры царкоўнай зямельнай уласнасці ў акрэслены перыяд, таму што большасць захаваных крыніц не дае канкрэтных звестак пра аб'ём уладанняў і сельскагаспадарчых угоддзяў, колькасць залежнага сялянства. Можна толькі адзначыць, што землеўладанне Праваслаўнай царквы пачало складвацца яшчэ да ўзнікнення ВКЛ і ў далейшым пашыралася галоўным чынам за кошт данін праваслаўных князёў, паноў і баярства, некаторых дараваальных актаў з боку вярхоўнай улады.

Нягледзячы на створаную структуру Царквы і значную колькасць вернікаў, Праваслаўю не наканавана было манапольна панавать у ВКЛ, як гэта было ў Маскоўскай дзяржаве. У гады праўлення Ягайлы (1377–1392) ВКЛ было ахоплена дынастычнай барацьбой. У гэты ж перыяд адчуваўся моцны ціск з боку Тэўтонскага ордэна. Дзеля стабілізацыі ўнутрыпалітычнай сітуацыі і барацьбы з Тэўтонскім ордэнам вялікі князь шукаў саюзніка. Яго намаганні скончыліся падпісаннем Крэўскай уніі з Каралеўствам Польскім у 1385 г.

Згодна з умовамі уніі Ягайла павінен быў прыняць Каталіцтва, перавесці ў гэтую веру сваіх неахрышчаных братоў, сваякоў і суайчыннікаў. 15 лютага 1386 г. у кафедральным саборы Св. Станіслава і Вацлава ў Кракаве адбыўся хрост Ягайлы (у Каталіцтве — Уладзіслаў), яго сваякоў і службоўцаў, а 4 сакавіка 1386 г. прайшла ўрачыстая каранацыя вялікага князя. У 1387 г. польскі кароль і вялікі князь Ягайла з каталіцкім духавенствам накіраваўся ў Літву, дзе ажыццявіў хрышчэнне супляменнікаў — пераважна знаці і баяр з Аўкштайціі.

Каб забяспечыць падтрымку сваёй праграмы, Ягайла зацвердзіў прывілеі, якія пашырылі правы баяр-католікаў, а таксама паспрыялі фарміраванню структуры Каталіцкага касцёла на новаахрышчаных землях. Згодна з прывілеем ад 17 лютага 1387 г. у ВКЛ засноўвалася біскупства з кафедрай

у Вільні пры касцёле святых Станіслава і Уладзіслава. Біскупству былі нададзены зямельныя ўладанні, якія атрымалі поўны фінансавы і судовы імунітэт. 22 лютага 1387 г. Ягайла дараваў аналагічныя правы ўсім новаўтвораным касцёлам.

У сакавіку 1388 г. папа Урбан VI зацвердзіў булу, якая дазваляла заснаваць новае біскупства з кафедрой у Вільні. Була вызначала кандыдата на пасаду першага віленскага біскупа — сярэцкага (малдаўскага) біскупа Андрэя. Першапачаткова Віленскае біскупства (дыяцэзія) падначальвалася непасрэдна Рыму, пазней яно стала суфраганіяй Гнезненскага арцыбіскупства Каралеўства Польскага [6, с. 229–230]. Унутраная структура дыяцэзіі складалася з дэканатаў і парафій. Тэрытарыяльна яна ўключала амаль усе парафіі Беларусі і Усходняй Літвы (за выключэннем парафій Берасцейскага ваяводства). Акрамя Віленскага, у ВКЛ дзейнічалі Кіеўскае, Жамойцкае і Луцкае біскупствы. У апошнюю дыяцэзію ўваходзіла частка паўднёва-заходняй Берасцейшчыны.

У часы панавання Ягайлы і Вітаўта ў ВКЛ пачала фарміравацца сетка каталіцкіх парафій і касцёлаў. Да 1430 г. у Віленскім біскупстве было заснавана 27 парафіяльных касцёлаў, з іх 12 размяшчаліся на Беларусі. Да сярэдзіны XVI ст. на тэрыторыі Віленскага біскупства было створана 259 парафіяльных адзінак.

Адначасова з фарміраваннем адміністрацыйна-тэрытарыяльнай структуры Каталіцкага касцёла ў ВКЛ ўзніклі цэнтральныя і мясцовыя органы — капітулы, сіноды, біскупскія курыі. Для вырашэння істотных пытанняў біскупы склікалі сіноды, у якіх удзельнічала духавенства дыяцэзіі. Першы вядомы сінод у Вільні, звестак аб якім амаль не захавалася, адбыўся ў 1520 г. ці ў пачатку 1521 г. Далей Віленскія сіноды збіраліся рэгулярна.

Працэс юрыдычнага афармлення зямельнай уласнасці Каталіцкага касцёла ў ВКЛ адбываўся пры актыўнай падтрымцы вярхоўнай улады дзяржавы. У адпаведнасці з прывілеем ад 17 лютага 1387 г. Віленская дыяцэзія атрымала шэраг валасцей і вёсак на тэрыторыі Беларусі і Літвы. У сярэдзіне XVI ст. уладанні біскупства ўключалі каля 300 вёсак (прыкладна 11,5 тыс. двароў, 60–80 тыс. прыгонных сялян) [13, с. 95–97].

З канца XIV ст. у ВКЛ актывізаваліся манаскія ордэны. Да сярэдзіны XVI ст. у ВКЛ дзейнічалі 8 каталіцкіх ордэнаў, 18 кляштароў у Віленскай дыяцэзіі, 7 — у Луцкай і 1 — у Кіеўскай. На беларускіх землях былі заснаваны кляштары францысканцаў (Ліда, Новагародак, Ашмяны, Пінск), бернардзінцаў (Гародня, Полацк), аўгусцінцаў (Быстрыца, Берасце).

Каталіцкая іерархія ў ВКЛ складалася з біскупаў, членаў капітула, ксяндзоў і іншых духоўных ураднікаў. Да сярэдзіны XV ст. віленскую кафедру займалі тры (або чатыры) палякі, адзін літовец і адзін — з інфлянцкага купецкага роду. У 1462–1569 гг. Віленскае біскупства ўзначальвалі

чатыры літоўцы, адзін паляк, адзін выхадзец з мяшчанскай сям’і, этнічнае паходжанне якога не высветлена [5, с. 494; 6, с. 233]. Большасць біскупаў паходзілі з сямей духавенства і шляхты, некалькі былі князямі, магнатамі, два вылучаліся роднасцю з велікакняжацкай сям’ёй. Падобныя працэсы адбіліся на складзе біскупаў іншых дыяцэзій ВКЛ.

Парафіяльная сетка ў ВКЛ складалася дзякуючы фундацыям вялікіх князёў літоўскіх, магнатаў і шляхты, духавенства. Дзейнасць духоўных устаноў была падмацавана заканадаўчымі актамі вярхоўнай улады дзяржавы, рымскіх пантыфікаў, прыватных асоб. Правы Каталіцкага касцёла сістэматычна пацвярджаліся ва ўсіх агульназемскіх прывілеях канца XIV – першай паловы XVI ст.

Пасля Крэўскай уніі 1385 г. польскі кароль і вялікі князь літоўскі Ягайла зацвердзіў прывілеі, якія фарміравалі статус Каталіцкага касцёла і правы яго вернікаў у ВКЛ. Сярод іх: грамата ад 20 лютага 1387 г., паставы Гарадзельскага сойма 1413 г. [3, с. 101–102, 115–118].

Падчас грамадзянскай вайны 1432–1439 гг. вялікі князь Жыгімонт Кейстуавіч (1432–1440), каб схіліць на свой бок праваслаўных, зацвердзіў у 1434 г. грамату, якая фактычна адмяніла палажэнні Гарадзельскага прывілея ў адносінах да іх. Канфесійная палітыка Казіміра IV (1440–1492) і яго пераемнікаў на прастоле характарызавалася рэлігійнай цярпімасцю.

Канчаткова кірункі дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да вернікаў розных канфесій і духавенства былі вызначаны Статутамі ВКЛ 1529 і 1566 гг. Статут 1529 г. вызначаў і пацвярджаў усе правы і прывілеі «костелные, так латынскаго закону, яко и греческаго». Раўнапраўны падыход да абедзвюх канфесій падкрэсліваўся і ў другім Статуце ВКЛ 1566 г. Падрыхтоўцы Статута папярэднічала даравальная грамата Жыгімонта II Аўгуста ад 7 чэрвеня 1563 г., якая канчаткова ўраўноўвала ў правах праваслаўных, католікаў і пратэстантаў [3, с. 141–143].

Важным фактарам, які ўплываў на ўзаемаадносіны паміж свецкім грамадствам і духоўнай іерархіяй, праваслаўнай і каталіцкай, з’яўлялася права патранату (*jus patronatus*) — магчымасць удзелу свецкіх асоб у царкоўным будаўніцтве і забеспячэнні. Найбольш шырока выкарыстоўвалася ў межах ВКЛ адна з форм патранату — права падавання «хлябоў духоўных», аб’ектамі якога былі цэрквы і манастыры з іх маёмасцю.

З цягам часу, па меры перадачы гаспадарамі ВКЛ зямельных маёнткаў у прыватную ўласнасць, уладальнікі здабывалі і права падавання ў адносінах да цэркваў і манастыроў, якія знаходзіліся на іх землях. Згаданае права было пацверджана даравальнымі граматамі вялікіх князёў Аляксандра і Жыгімонта I у 1499 г. і 1511 г. [1, с. 190; 2, с. 82].

Асноўныя паўнамоцтвы патронаў у адносінах да духоўных устаноў былі наступныя: судовая ўлада і судовае прадстаўніцтва; права прызначэння на іерархічныя пасады; права вызначаць статуты царкоўным установам; матэрыяльнае забеспячэнне і кантроль за цэласнасцю царкоўнай маёмасці; права карыстання царкоўнай маёмасцю і даходамі з яе [7, с. 107; 11, с. 49]. Значныя магчымасці патронаў у адносінах да падапечных духоўных устаноў сталі глебай для злоўжыванняў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Акты, относящиеся к истории Западной России: в 5 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. II отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России: в 5 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Тип. II отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1848.
3. Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. док. и материалов: в 3 т. Т. 1. Минск: Изд. АН БССР, 1959.
4. *Галенчанка Г.* Мітраполія Кіеўская і ўсяе Русі ў палітыцы вярхоўнай улады ВКЛ // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 2. Мінск: Экаперспектыва, 2008. С. 197–221.
5. *Галенчанка Г.* Развіццё царкоўна-рэлігійных адносін. Хрысціянскія цэрквы // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 2. Мінск: Экаперспектыва, 2008. С. 490–499.
6. *Галенчанка Г.* Хрышчэнне Літвы і арганізацыя каталіцкай царквы ў ВКЛ (канец XIV – пачатак XV ст.) // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 2. Мінск: Экаперспектыва, 2008. С. 222–240.
7. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Церковныя имущества в Юго-Западной России XVI века // Архив Юго-Западной России: в 8 ч. Ч. 8. Т. 4. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1907. С. 3–224.
8. *Гудзяк Б.* Криза і реформа: Кііўська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. Львів: Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 2000.
9. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви: в 12 т. Кн. 5. Т. 9. Москва: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.
10. Русская историческая библиотека: в 33 т. Т. 6. Ч. 1. Санкт-Петербург: тип. Императорской Академии Наук, 1880.
11. *Шукан М. Г.* Правовое положение имущества православной церкви в Великом княжестве Литовском в конце XVI – первой половине XVII в.: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2007.
12. *Mironowicz A.* Kościół prawosławny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2001.
13. *Ochmanski J.* Biskupstwo Wileńskie w średniowieczu. Ustrój i uposażenie. Poznań: Druk. Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 1972.

АПЕКА РОДАЎ ПАЛУБІНСКІХ І САПЕГАЎ НАД ДАМІНІКАНСКІМ КЛЯШТАРАМ У ДЗЯРЭЧЫНЕ Ў XVII–XVIII ст.

В. І. Захарыч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, valyazakharych@gmail.com*

Артыкул разглядае пытанне падтрымкі парафіяльнага дамініканскага касцёла ў Дзярэчыне ў XVII–XVIII ст. Праз уладальнікаў мястэчка Палубінскімі і Сапегамі паказваецца ўклад шляхецкіх родаў у развіццё касцёла і кляштара і ўплыў на яго далейшае функцыянаванне. Раскрываецца пытанне патранату над касцёламі і фарміраванне сямейнай традыцыі падтрымкі Дамініканскага ордэна на прыкладзе лакальнай гісторыі ўзаемадачынненняў маёмасных эліт паўднёва-заходняй Беларусі і Літоўскай правінцыі Ордэна ў ранні Новы час.

Ключавыя словы: Палубінскія; Сапегі; Каталіцкая царква; Дамініканскі ордэн; Вялікае Княства Літоўскае.

ОПЕКА РОДОВ ПОЛУБИНСКИХ И САПЕГ НАД ДОМИНИКАНСКИМ МОНАСТЫРЕМ В ДЕРЕЧИНЕ В XVII–XVIII в.

В. И. Захарич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, valyazakharych@gmail.com*

В статье рассматривается вопрос поддержки приходского доминиканского костела в Деречине в XVII–XVIII в. Через владельцев местечка Полубинскими и Сапегами показывается вклад шляхетских родов в развитие костела и монастыря и влияние на его дальнейшее функционирование. Раскрывается вопрос патроната над костелом и формирование семейной традиции поддержки Доминиканского ордена на примере локальной истории взаимоотношений имущественных элит юго-запада Беларуси и Литовской провинции Ордена в раннем Новом времени.

Ключевые слова: Полубинские; Сапегы; Католическая церковь; Доминиканский орден; Великое Княжество Литовское.

GUARDIANSHIP OF THE PALUBINSKI AND SAPEGA GENEALOGIES OVER THE DOMINICAN MONASTERY IN DZYARECHYN IN THE 17th–18th CENTURIES

V. I. Zakharych

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, valyazakharych@gmail.com*

The article examines the issue of support for the parish Dominican church in Dzyarechyn in the 17th and 18th centuries. The contribution of noble families to the development of the church and the monastery and their influence on its further functioning is shown through the

owners of the town, the Palubinskis and Sapięgs. The issue of patronage over the church and the formation of a family tradition of supporting the Dominican Order is revealed using the example of the local history of the relations between the property elites of southwestern Belarus and the Order's Lithuanian province in the early modern times.

Keywords: Palubinsky; Sapeęgs; Catholic Church; Dominican Order; Grand Duchy of Lithuania.

Апека над каталіцкімі цэнтрамі была распаўсюджанай практыкай у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага ранняга Новага часу. Адной з праяваў такой апекі быў патранат. Гістарыяграфія мае некалькі вызначэнняў гэтага тэрміна, якія адрозніваюцца ў залежнасці ад таго, да гісторыі якой канфесіі ён прымяняецца. У адносінах да Каталіцкай царквы існуе вызначэнне права патранату, якое ўскладае на мецэната і яго нашчадкаў шэраг абавязкаў па ўтрыманні і адстойванні інтарэсаў царкоўнай адзінкі ў абмен на асабістыя прывілеі ад Царквы.

У дадзеным артыкуле пад патранатам будзе мецца на ўвазе дапамога царкоўнай адзінке на сталай аснове ў выглядзе касцёлу і кляштару манаскага ордэна пры ім з боку прадстаўнікоў маёмасных эліт. Патранат пачынаецца непасрэдна з фундацыі новай святыні і працягваецца адпаведным забеспячэннем касцёла неабходнымі сродкамі для яго паспяховага функцыянавання.

На лакальным ўзроўні асноўнымі патронамі над каталіцкімі аб'ектамі з'яўляліся маёмасныя эліты: для XIV–XV ст. ключавой асобай з'яўляўся манарх, для XVI ст. — магнаты, і для эпохі Рэфармацыі і Контррэфармацыі — шляхта. У XVII–XVIII ст. асобныя шляхецкія роды імкнуліся фінансаваць касцёльныя адзінкі ў сваіх маёнтках. Гэта бачна на уздыме фундацый кляштараў практычна ўсіх каталіцкіх манаскіх ордэнаў у Вялікім Княстве Літоўскім за акрэслены перыяд часу. Разгледзець апеку над касцёлам і кляштрам пры ім, якая падтрымлівалася і перадавалася з пакалення ў пакалення, магчыма на прыкладзе родаў Палубінскіх і Сапегаў у мястэчку Дзярэчын.

Дзярэчын з'яўляецца ўнікальным прыкладам, так як дзякуючы захаванасці дакументаў, элементы апекі над парафіяльным касцёлам і кляштарам Дамініканскага ордэна прасочваюцца у кожным пакаленні ўладальнікаў мястэчка. Храналагічныя межы XVII–XVIII ст. абумоўлены непасрэдна зменай уладальнікаў і палітычным кантэкстам. Крайнімі датамі з'яўляюцца 1609 г., калі Дзярэчын перайшоў да роду Палубінскіх, якія фундавалі касцёл і запрасілі Дамініканскі ордэн, і 1793 г., які звязаны са смерцю уладальніка мястэчка Аляксандра Міхала Сапегі і зменай палітычнай абстаноўкі ў сувязі з падзёламі Рэчы Паспалітай.

Права патранату ў Рэчы Паспалітай, яго значэнне і функцыянаванне на розных узроўнях, найбольш поўна ў сваім даследаванні прадставіў праф. Б. Шады [15]. З’яўленне і дзейнасць Дамініканскага ордэна непасрэдна ў Вялікім Княстве Літоўскім даследавалася шэрагам даследчыкаў, у першую чаргу прадстаўнікамі з польскай гістарыяграфіі [8; 10; 14]. Прыкладам работы па адлюстраванні дзейнасці права патраната над дамініканскім касцёлам і кляштарам з’яўляецца артыкул У. Врубеля [18]. Тэма апекі над касцёламі з боку шляхецкіх родаў ў Вялікім Княстве Літоўскім, і ў прыватнасці на беларускіх землях, застаецца не распрацаванай.

Даволі цікавым уяўляецца разгляд утварэння і функцыянавання касцёла Унебаўзяцця Найсвяцейшай Дзевы Марыі і кляштара Дамініканскага ордэна ў Дзярэчыне. Будучы адным з найстарэйшых кляштараў Ордэна, ён з’яўляецца прыкладам шляхецкага родавага патранату над царкоўнай адзінкай і яе функцыянавання на працягу 1618–1793 гг. з боку ўладальнікаў мястэчка ў справе падтрымкі адукацыйнай і прапагандыскай дзейнасці дамініканцаў. Мясцічка Дзярэчын мае забяспечанасць дакументальнай і гістарыяграфічнай базай [2; 3; 4], аднак аспект, звязаны з родавай фінансавай царкоўнай палітыкай, патрабуе дадатковай увагі.

З’яўленне Дамініканскага ордэна ў Дзярэчыне звязана з родам Палубінскіх. У 1609 г. Дзярэчын быў выкуплены Аляксандрам Палубінскім. Як дапускае М. Каламайска-Сяда, верагодна там ён фундаваў драўляны парафіяльны касцёл з далейшым намерам запрасіць ў мясцовасць Дамініканскі ордэн [12, с. 18]. Аднак вядома, што манахі-прапагандысты з’явіліся ў Дзярэчыне дзякуючы сыну — Канстанціну Палубінскаму і ягонай жонке. Канстанцін Палубінскі (?–1640) ваенны і дзяржаўны дзеяч ВКЛ, у свой час атрымаў адукацыю ў езуітаў у калегіуме Браўнсбергу (Карлеўства Польскае) і Віленскай акадэміі і меў прызны адносін з біскупствам Віленскім [10, с. 368]. Існуе меркаванне, што ён змяніў веравызнанне з праваслаўя на каталіцтва з нагоды жаніцбы на Сафіі з Сапегаў (верагодна ў 1616 г.). Канстанцін Палубінскі ў 1616 г. звярнуўся да кіраўніцтва Польскай правінцыі Дамініканскага ордэна з намерам пакінуць сродкі на фундаванне дамініканскай пляцоўкі [5]. У 1618 г. фундацыя была здзейсненая і пацверджана ў 1634 г. [18, с. 79]. Акрамя гэтага, кляштар быў абавязаны Палубінскаму фундацыяй шпіталю. У тастаменце 1637 г. апісваецца штогадовае ўтрыманне шпіталю на 50 польскіх злотых і 24 бочкі жыта і 8 бочак ячменя [12, с. 46]. Акрамя гэтага, Канстанцін і Сафія Палубінскія падаравалі кляштару два свае фальваркі — Старое Сяло і Падзолле, сем валокаў лесу, возера, млын і зямлю пад кляштарны агарод [12, с. 41]. З дадзеных фальваркаў дамініканцы ўтрымліваліся да падзелаў Рэчы Паспалітай, дзе на канец XVIII ст. з іх яны валодалі 45 дымамі і прыбыткам у 7659 злотых [8].

Фундацыю падтрымалі далёкія родзічы Канстанціна Палубінскага — вядомы запіс 1620 г. ад Міхаіла Палубінскага на лес Валоба, а ў 1627 г. ад Станіслава Палубінскага дамініканцы атрымалі 4 валокі зямлі і сенажаць над р. Зэльва [12, с. 45]. Дамініканскі касцёл і кляштар у мястэчку ўтварылі свой кляштарны комплекс, уключаючы сакральныя, жыллёвыя і гаспадарчыя пабудовы.

Для Дамініканскага ордэна дадзенная фундацыя ў Дзярэчыне (як і ў Астраўцы ў тым жа 1618 г.) стала працягам палітыкі па павелічэнні колькасці цэнтраў Віленскай кантраты (структурнай адзінкі Польскай правінцыі). Такая палітыка праводзілася ў мэтах ўмацавання і адасаблення кантраты ад Польскай правінцыі з ўтварэннем Літоўскай правінцыі, што ўдалося канчаткова рэалізаваць у 1647 г.

Справу бацькі працягнуў ягоны сын Аляксандр Гіларый Палубінскі (1627–1679). Ён быў адпачатку ахрышчаны ў каталіцтва і актыўна падтрымліваў манастырскія асяродкі, на што ўказваюць падараванні ад яго касцёлам і кляштарам шэрагу манаскіх ордэнаў (напр. бернардынцы ў Глуску, езуіты ў Вільні). Гісторыкі адзначаюць яго прыязнасць да ўніятаў і праваслаўных, прыводзячы ў прыклад падтрымку храмаў для сваіх падданных [11, с. 480].

Безумоўна, Ордэн дамініканцаў у сваім галоўным маёнтку ў Дзярэчыне не застаўся без увагі. Пры Аляксандры Гіларыі Палубінскім касцёл і кляштар узмацніўся, нягледзячы на складаны ў палітычным плане час. Падчас ваенных дзеянняў у 1654–1667 гг. маёнтак Дзярэчын страціў колькасць дымоў на 47 %, знаходзіўся некалькі год пад закладам, мястэчка пацярпела ад пажару 1660 г. [3, с. 122–125]. Нягледзячы на дадзеныя ўмовы, кляштар не пацярпеў і бесперапынна працягваў сваю дзейнасць. З Вільні ў Дзярэчын была перанесена галоўная правінцыйная навучальная ўстанова — генеральная студыя, якая дзейнічала тут у 1658–1664 гг. [14, с. 214]. Таксама ў Дзярэчыне ў 1656, 1658, 1674 гг. праводзіліся пасяджэнні правінцыйных капітул Ордэна. Такая адказная дзейнасць патрабавала адпаведных сродкаў.

Меркавана, пры Аляксандры Гіларыі былі закладзены ўстановы адукацыі, што ў далейшым прывяло да ўспрымання Дзярэчына як аднаго з важных цэнтраў падрыхтоўкі манахаў Ордэна ў Літоўскай правінцыі. Так, кляштар здабыў права на ўтрыманне ўласнага навіцьяту для падрыхтоўкі будучых манахаў у 1669 г. Хутчэй за ўсё, у 60-я–70-я гг. XVII ст. праз спансаванне апекуна з’явілася і філасофская студыя для дамініканцаў. Акрамя гэтага, з фундацыі Аляксандра Гіларыя ў дамініканскім касцёле была ўтворана капліца Анёлаў-ахоўнікаў.

Пра цесную сувязь А. Г. Палубінскага і Дамініканскага ордэна дадаткова сведчыць супрацоўніцтва з правінцыялам Літоўскай правінцыі Ордэна Міхалам Вайніловічам, які дапамагаў Палубінскаму ў афармленні генеалагічнага дрэва роду. Аляксандр Гіларый Палубінскі, згодна з тастаментам, быў сціпла пахаваны ў дамініканскім адзенні ў дзярэчынскім касцёле. На казанні на смерць той жа правінцыял Ордэна называў Палубінскага «яснавяльможным дабрадзеям і фундатарам» і адзначаў яго заслугі перад Айчынай і Касцёлам [19].

Сярод родных, да падтрымкі дамініканскага цэнтра далучылася і сястра Аляксандра Палубінскага — Хрысціна з Палубінскіх Каменская, якая ў 1673 г. перадала некалькі дзясяткаў жывёл, бочку солі і два дываны [2, с. 13].

Крыштаф Канстанцін Палубінскі, сын Аляксандра Гіларыя, непасрэдным спадкаемца Дзярэчына, стаў апошнім прадстаўніком галіны роду, памёр у 1685 г.

Такім чынам, дзякуючы роду Палубінскіх, ў мястэчку Дзярэчын з’явіўся парафіяльны касцёл Унебаўзяцця Найсвяцейшай Дзевы Марыі і кляштар Ордэна дамініканцаў. Яны матэрыяльна забяспечылі існаванне манаскай адзінкі, менавіта дзякуючы ім яна атрымала сваё ўвасабленне і функцыянал. Пры патранаце шляхецкага роду, дзейнасць дамініканскага цэнтра змагла быць накіраванай на знешні і ўнутраны вектары. Праяўленні знешняга вектару бачныя ў працы з насельніцтвам, што выяўлялася ў забеспячэнні рэлігійных патрэбаў пад час душпастырскай і прапагандыскай дзейнасці, абарону здароўя ў функцыянаванні шпіталя. З развіццём ўнутранага вектару, Дамініканскі ордэн ўмацоўваў пазіцыі кляштара, займаўся падрыхтоўкай унутраных кадраў на застанаваных тут жа студыях, наладжваў уласнае забеспячэнне гаспадарчай дзейнасці на атрыманых уладаннях.

У 1685 г. Дзярэчын перайшоў да сястры Крыштафа Канстанціна Ізабэлы Алены з Палубінскіх у якасці пасагу на шлюб з Юрыем Станіславам Сапегай. Такім чынам, яна перадала Дзярэчын ружанскай галіне роду Сапегаў [1, с. 486].

Неабходна адзначыць, што бацькамі Юрыя Станіслава Сапегі былі Казімір Ян Сапега і Крысціна з Глябовічаў. Яны ў свой час вядомыя запрашэннем Ордэна дамініканцаў у Заслаўе і Пескі. А дзед — Павел Ян Сапега — з’яўляўся фундатарам дамініканскага касцёла ў Беліцы [13, с. 130–132]. Такім чынам, магчыма казаць пра спалучэнне апекі па сямейнай традыцыі з патранажам над касцёлам па праву валодання мястэчкам.

Пры змене ўладальнікаў Дзярэчына, манахі-дамініканцы атрымалі пацвярджэнне ўсіх наданняў, а таксама атрымалі новыя запісы. Да 1690 г. быў касцёл перабудаваны ў мураваны. Працягвалася развіццё адукацыі, з

ў 1685 г. у студыі на сталым ўзроўні сталі выкладаць тэалогію, а ў 1697 г. установа была рэарганізавана ў фармальную студыю ўніверсітэцкага ўзроўня [14, с. 232].

Наступнай важнай асобай у якасці апекуна для дамініканцаў стаў сын Юрыя Станіслава Сапегі — Антоні-Казімір Сапега, уладальнік Дзярэчына пасля смерці Ізабэлы Алены з Палубінскіх у 1720–1739 гг., мерацкі стараста. Ён быў прыхільны мясцовым манахам, спансаваў фрэскі ў кляштары, дзве капліцы ў касцёле (Св. Антонія і Св. Вінцэнта), і ў выніку быў пахаваны ў тым жа храме [1, с. 342]. Астатнія ўладальнікі Дзярэчына былі пахаваныя ў кляштары картэзіянцаў у Бярозе.

Стрыечны брат Антонія Казіміра — Міхаіл Антоні Сапега — стаў наступным уладаром Дзярэчына і адпаведна апекуном дамініканскага касцёла. Аб яго цеснай сувязі з Дзярэчынам і Ордэнам кажуць словы з успамінаў дамініканца, доктара тэалогіі Войцэха Вінцэнта Яна Канты Багінскага. Манах пад час патранату М. А. Сапегі атрымліваў адукацыю ў філасофскай студыі ў Дзярэчыне. Ён пакінуў пасля сябе ўспаміны, дзе адзначаў найбольш важныя здарэнні ў гісторыі Вялікага Княства і Рэчы Паспалітай, Літоўскай правінцыі Ордэна. У іх К. Багінскі пакінуў заўважку з нагоды смерці Сапегі, назваўшы яго «асаблівым дабрадзеям Дзярэчына, а ўсёй дамініканскай правінцыі добрым сябрам» [16, с. 32].

Пры М. А. Сапеге скончылася рэстаўрацыя касцёла пасля пажару 1717 г., быў пастаўлены алтар, наняты людзі для ўсталявання ўнутраных дэкарацый і роспісаў, было ахвяравана літургічнае начынне з Варшавы. Міхаіл Антоні таксама рамантаваў адну з капліц для размяшчэння ў ёй ўласнай бібліятэкі і архіва [12, с. 20]. За ўладаннем Міхаіла Антонія Сапегі ў Дзярэчыне ў 1755 г. праводзіў місію знакаміты дамініканец, прапаведнік Ваўжынец Аўлачымскі [6].

Цікава, што Дзярэчын у XVIII ст. перыядычна знаходзіўся ў закладах з-за фінансавых праблем Сапегаў, і ў 1750 г. быў у закладзе ў віленскіх дамініканцаў за 25 тыс. злотых [1, с. 486]. Але мястэчка заўсёды выкупалася і вярталася ў рукі Сапегаў, і такія перамены не адбіліся на становішчы манахаў-дамініканцаў ў Дзярэчыне.

Пазней уладальнікамі Дзярэчына былі Міхал Ксаверы Сапега ў перыяд 1760–1766 гг., яго брат Аляксандр Міхал Сапега ў 1766–1793 гг. Аднак на дадзены момант падрабязна апісаць іх унёсак у развіццё кляштару не ўдаецца магчымым.

Дзякуючы роду Сапегаў дамініканцы змаглі захаваць сваю спадчыну і ўзбагаціць яе. Магнаты ўклаліся ў ліквідацыю наступстваў пажара, у адбудову касцёла і афармленне яго інтэр’ера.

Цягам XVIII ст. дзярэчынскі кляштарны комплекс магчыма было на-зваць адной са славетасцяў рэгіёна. Гэта быў цэнтр парафіі, які змяшчаўся ў багата аздобленым касцёле, у якім знаходзіліся абразы Унебаўзяцця Марыі і Укрыжаванага Езуса з вотамі. Вядома таксама, што касцёл меў сваё рэлігійнае брацтва. Існаваў даволі вялікі па колькасці манахаў кляштар (там жыло і навучалася каля 30-ці чалавек) з рознаўзроўневымі ўстановамі адукацыі, якія былі забяспечаныя ўласнай бібліятэкай (узгаданыя навіцыят і студыі для манахаў, а таксама ўтрымаемая за кошт манахаў парафіяльная школа для моладзі).

Такім чынам, на хвалі контррэфармацыйнага руху шляхецкі род Палубінскіх заснаваў парафіяльны касцёл Унебаўзяцця Дзевы Марыі і дамініканскі кляштар пры ім. Царкоўныя ўстановы разам утварылі кляштарны комплекс. Апека над ім перадавалася з пакалення ў пакаленне дзякуючы праву патраната. Найбольш вагомым і заўважным укладам у межах партанату было вырашэнне эканамічных пытанняў. Прадстаўнікі роду матэрыяльна забяспечвалі існаванне касцёла і кляштара, надалі неабходную маёмасць і фінансаванне, што дазволіла бесперапынны працяг функцыянавання манаскіх устаноў. Род Сапегаў, у сваю чаргу, працягнуў уласную сямейную традыцыю падтрымкі Дамініканскага ордэна, атрымаўшы ва ўладанне Дзярэчын. Ён спрыяў умацненню комплекса і яго мастацкага афармлення. Дзякуючы патранату з боку Палубінскіх і Сапегаў, Дамініканскі ордэн забяспечваў правядзенне душпастырскай, місіянерскай, адукацыйнай, дабрачыннай, эстэтычнай дзейнасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Гісторыя Сапегаў: жыццяпісы, маенткі, фундацыі. Мінск : Выд. Віктар Хурсік, 2017.
2. Скобла М. Дзярэчынскі дыярыюш. Мінск : Беларускі кнігазбор, 1999.
3. Сліж Н. Маёнтак Дзярэчын на падставе інвентара 1663 г. // *Архіварыус*. 2018. Вып. 16. С. 122–147.
4. Соркіна І. Мястэчкі Зэльва і Дзярэчын у святле архіўных звестак // *Славуты Зэльвенскі край : матэрыялы навук. гісторыкакраязн. канф.* Ліда, 2004. С. 87–97.
5. Archiwum Polskiej Prowincji Dominikanów. Jednostka Archiwum Polskiej Prowincji. Pp 701.
6. Brzozewski S. Misje ludowe dominikanów prowincji litewskiej 1751–1826. Lublin: Oficyna Wydawnicza el-Press s. c., 2007.
7. Dominikanie na ziemiach polskich w epoce nowożytnej / red. A. Markiewicz i M. Miłowiecki OP. Kraków, 2009.
8. Duomenys apie fundacijas dominikonų vienuolynams // Vilniaus universiteto biblioteka. F5-A23-4329. I. 1. [Электронны рэсурс]. URL: https://kolekcijos.biblioteka.vu.lt/objects/VUB01_0006648_60#00001 (дата звароту 17.07.2024).

9. *Gwiazda H.* Fundacje i fundatorzy klasztorów dominikańskich w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1648–1696 // *Studia nad historią dominikanów w Polsce 1222–1972*. T. 1. S. 607–645.
10. *Lulewicz H.* Polubiński Konstanty // *Polski Słownik Biograficzny*. T. XXVII. S. 368–369.
11. *Majewski A.* Aleksander Hilary Połubiński (1626–1679), marszałek wielki litewski: działalność polityczno-wojskowa. Warszawa: Neriton, 2017.
12. Materiały do dziejów sztuki sakralnej na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej: w 5 cz. Cz. 2, T. 4. Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa nowogródzkiego / red. Maria Kałamajska-Saeed. Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury, 2014.
13. *Miławicki M.* Dominikanie na kresach wschodnich Rzeczypospolitej Obojga Narodów (teren dzisiejszej Białorusi) // *Folia Historica Cracoviensia*. Kraków: Dominikański Instytut Historyczny w Krakowie, 2014. T. 20. S. 95–153.
14. *Świętochowski R.* Szkolnictwo teologiczne dominikanów // *Dzieje teologii katolickiej w Polsce*. T. 2. Cz. 2. / pod red. Mariana Rechowicza. Lublin : Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1975. S. 213–285.
15. *Szady B.* Prawo patronatu w Rzeczypospolitej w czasach nowożytnych. Lublin: Wydawnictwo-Drukarnia Liber, 2003.
16. *Tyszkiewicz E.* Rękopism x. Baginskiego Dominikana Prowincji Litewskiej [Электронны рэсурс] // Wielkopolska Biblioteka Cyfrowa. URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/528222/edition/515312> (data zapytania 17.07.2024).
17. *Wróbel W.* Opieka patronacka rodów Paców i Branickich nad klasztorem dominikanów w Choroszczy // *Parafia rzymskokatolicka w Choroszczy. 550 lat. Księga jubileuszowa* / red. ks. T. Kasabuła, ks. A. Szot. Białystok, 2009. S. 123–134.
18. *Wołyński (Giżycki J. M.).* Wiadomości o dominikanach prowincji litewskiej. Cz. I. Kraków, 1917.
19. *Woyniłowicz M.* Naynizszy z naywyzszego Iasnie Wielmożny Iego M. Pan Alexander Hilary Połubinski marszałek naywyzszy W.X.L. ... [Электронны рэсурс] // ePaveldas. Skaitmeninto kultūros paveldo portalas. URL: <https://www.epaveldas.lt/preview?id=C1B0001058041> (data zapytania 17.07.2024).

ШКОЛЬНЫЯ НОНКАНФАРМІСЦКІЯ СУПОЛКІ НА ТЭРЫТОРЫІ БССР У 1944–1954 гг.

А. У. Кімбар

*Мінскі гарадскі педагагічны каледж, вул. Макаёнка, 29, 220114,
г. Мінск, Беларусь, andrejkimbar@gmail.com*

У артыкуле на аснове архіўных крыніц разглядаецца дзейнасць нонканфармісцкіх арганізацый, якія ўзніклі ў школах БССР з моманту вызвалення тэрыторыі краіны ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў да сярэдзіны 1950-х гг. Вызначаюцца ўмоўныя плыні такіх аб'яднанняў, прычыны ўзнікнення і механізмы раскрыцця іх дзейнасці.

Ключавыя словы: ЛКСМБ; камсамол; заходнія вобласці БССР; нонканфармізм; школа.

ШКОЛЬНЫЕ НОНКОНФОРМИСТСКИЕ СООБЩЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БССР В 1944–1954 гг.

А. В. Кимбор

*Минский городской педагогический колледж, ул. Макаёнка, 29, 220114,
г. Минск, Беларусь, andrejkimbar@gmail.com*

В статье на основе архивных источников рассматривается деятельность нонконформистских организаций, возникших в школах БССР с момента освобождения страны от немецко-фашистских захватчиков до середины 1950-х гг. Определены условные течения таких объединений, причины возникновения и механизмы разоблачения их деятельности.

Ключевые слова: ЛКСМБ; комсомол; западные районы БССР; нонконформизм; школа.

SCHOOL NONCONFORMIST COMMUNITIES IN THE TERRITORY OF THE BSSR IN 1944–1954

A. Kimbar

*Minsk City Pedagogical College, Makayonka St., 29, 220114,
Minsk, Belarus, andrejkimbar@gmail.com*

The article, based on archival sources, examines the activities of nonconformist organizations that emerged in schools of the BSSR from the moment of the country's territory liberation from Nazi occupation to the mid-1950s. It identifies the conditional trends of such groups, the reasons for their emergence, and the mechanisms for exposing their activities.

Keywords: LKSMB; Komsomol; western regions of the BSSR; nonconformism; school.

Пасля вызвалення тэрыторыі Беларусі ад нямецка-фашысцкай акупацыі ўзнік шэраг нонканфармісцкіх арганізацый, якія ставілі перад сабой розныя мэты і задачы. Партыйныя і савецкія органы, а таксама члены грамадскіх аб'яднанняў выяўлялі дзейнасць такіх суполак.

У айчыннай гістарыяграфіі дадзенай праблематыцы прысвечаны шэраг работ. Так, у сваім дысертацыйным даследаванні і артыкулах І. А. Валахановіч [1] усебакова разглядае беларускае, польскае, літоўскае і ўкраінскае антысавецкае падполле. Даследчык аналізуе, у тым ліку, і дзейнасць падпольных груп і арганізацый, якія ўзніклі ў беларускіх навучальных установах. У першаю чаргу ён разглядае дзейнасць Саюза патрыётаў Беларусі і арганізацыі «Чайка» [1, с. 41–46]. Н. А. Рыбак [2] у сваіх работах даследуе дзейнасць Арміі Краёвай і постакаўскіх фарміраванняў у Заходняй Беларусі ў 1944–1954 гг. С. А. Сіткевіч [3] у сваёй дысертацыі прааналізаваў гістарыяграфію праблемы дзейнасці польскага падполля на тэрыторыі Беларусі. Дадзеная праблематыка знайшла адлюстраванне і ў замежнай, асабліва польскай, гістарыяграфіі. Так, напрыклад, польскі гісторык беларускага паходжання Я. Шумскі [4] звяртаўся да дзейнасці антысавецкіх арганізацый у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе. Пад рэдакцыя А. І. Дзярновіча выйшаў шэраг даведнікаў па дадзенай тэматыцы [5; 6]. Пры гэтым неабходна адзначыць, што разглядаючы дзейнасць антысавецкіх арганізацый, даследчыкі амаль не закраналі пытанне існавання школьных суполак, якія ствараліся з рознымі мэтамі вучнямі і класіфікаваліся органамі бяспекі як антысавецкія ці падпольныя, але часта мелі непалітычныя мэты і задачы.

Мэта дадзенай работы — аналіз дзейнасці школьных нонканфармісцкіх суполак у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе.

У якасці крыніц выступаюць матэрыялы справаводства Цэнтральнага Камітэта Ленінскага камуністычнага саюза моладзі Беларусі (далей — ЛКСМБ), якія змешчаны ў фондзе 63п Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. Частка дакументаў упершыню ўводзіцца ў навуковы зварот.

Дзеячы ЛКСМБ прымалі актыўны ўдзел у выяўленні нонканфармісцкіх арганізацый на тэрыторыі БССР. У супрацоўніцтве з партыйнымі органамі і прадстаўнікамі аддзелаў народнай адукацыі старшыні гарадскіх, раённых і абласных камітэтаў ЛКСМБ, а таксама ўпаўнаважаныя ЦК прымалі ўдзел у праверках у школах, дзе ўзніклі падпольныя суполкі. Разгледзім некалькі прыкладаў дзейнасці такіх нонканфармісцкіх арганізацый, якія былі выкрытыя камсамольскімі арганізацыямі.

У студзені 1949 г. у Белгрэсаўскай сярэдняй школе было выяўлена існаванне маладзёжнай арганізацыі «Маяк». Дадзеная суполка была створана ў снежні 1947 г., у яе ўваходзіў 21 вучань школы, сярод якіх было 12 камсамольцаў і чатыры піянеры. Для кіраўніцтва арганізацыяй быў створаны камітэт, у склад якога ўваходзілі камандор, казначэй і сакратар. Члены арганізацыі называліся камандасамі. Пры наяўнасці пяці членаў

ствараліся групы, на чале якіх быў групарг. У арганізацыі былі свой статут і сцяг. Пры ўступленні новымі членамі давалася клятва. Вяліся пратаколы сходаў, збіраліся членскія ўнёскі памерам два рублі на месяц.

Арганізатарам дадзенай суполкі быў Бахмат Іван 1932 г. нараджэння, які быў членам камсамола. З першых дзён Вялікай Айчыннай вайны яго бацька служыў у войску, а на момант выкрыцця дзейнасці «Маяка» быў дырэктарам лесазавада на БелГРЭСе.

І. Бахмат сцвярджаў, што арганізацыя была створана пад уплывам кніг Л. Касіля «Дорогие мои мальчишки» і А. Гайдара «Тимур и его команда», а мэтай было аказанне дапамогі бедным, умацаванне сяброўства і таварыскасці паміж членамі арганізацыі [7, арк. 37].

Арганізацыя дзейнічала ў жорсткіх кансператыўных умовах і некалькі разоў рэарганізавалася. Так, першапачаткова яна называлася «Сонечны прамень», пасля выхаду двух членаў была перайменаваная ў «Прамень перамогі» У студзені 1947 г. з суполкі выйшаў памочнік Бахмата Гасюта Анатоль, які абяцаў раскрыць арганізацыю, таму было прынята рашэнне пра змену назвы на «Маяк», а таксама пра змену формы членскага білета [7, арк. 38].

На сходзе 1 студзеня 1949 г. у будынку школы таемна адзначалася гадавіна дзейнасці арганізацыі. Былі прынятыя рашэнні актывізаваць дзейнасць арганізацыі і ўзмацніць прыём новых членаў. А І. Бахмат адзначыў: «За нами все пошли — комитет комсомола и учком» [7, арк. 39].

Падчас расследавання не было вызначана ці кіравалася арганізацыя кім-небудзь яшчэ, але па словах А. Гасюты І. Бахмат «намекал, что они не одиноки, что они имеют связь со старшими» [7, арк. 38].

У дакладной Віцебскага абкама ЛКСМБ аб дзейнасці маладзёжнай арганізацыі «Маяк» адзначаецца, што пасля выкрыцця дзейнасці арганізацыі на камсамольскім сходзе ўсе былыя яе члены прызналі сваю памылку і зразумелі, што маглі стаць знаходкай англа-амерыканскага шпіянажу [7, арк. 39–40].

У студзені 1950 г. у школе № 13 г. Віцебск у восьмым класе была арганізаваная суполка «Дружба». Яе арганізаваў вучань Абашын (сын ваеннага пракурора), які прыехаў з Сувораўскага вучылішча г. Ташкент. Пасля выкрыцця арганізацыі ў школе 10 дзён працавала брыгада ў складзе сакратара гаркама партыі, сакратара абкама ЛКСМБ, сакратара гаркама ЛКСМБ і загадчыка гарана, якая прыйшла да высновы, што суполка ўзнікла ў выніку незадавальняючай работы камсамольскай арганізацыі класа і класнага кіраўніка [8, арк. 44].

13 лютага 1950 г. ад сакратара Маладзечанскага абкама ЛКСМБ Кляцкова ў ЦК ЛКСМБ было накіравана паведамленне, што органамі МДБ у Смаргонскай сярэдняй школе была раскрытая антысавецкая арганізацыя,

якая складалася з дзевяці вучняў старэйшых класаў. Яны набіралі на друкавальнай машыны антысавецкія лістоўкі і расклеівалі іх у горадзе. У дадзенай арганізацыі знаходзіліся тры камсамольцы [8, арк. 12].

З 29 красавіка па 4 мая 1950 г. у Мінску ў школах № 11 і № 22 дзейнічала хуліганская група «Рыцарскі ордэн». Арганізатары групы збіраліся на валебольнай пляцоўцы, дзе затрымлівалі вучняў і прапаноўвалі ім добраахвотна «пасвяціцца». Тых, хто адмаўляўся, распраналі да гала, білі рукамі і смяліся. Гэта дзеянне называлася «пасвяшчэннем». У склад групы ўваходзілі 16 вучняў з названых школ і рамеснага вучылішча № 24. На сходзе 4 мая кіраўніком («магістрам») групы быў абраны Валянцін Пятроў (вучань 7 класа школы № 22, камсамалец) [8, арк. 66–68].

У красавіку 1950 г. у Журавіцкай школе Гомельскай вобласці органамі МДБ была выкрыта арганізацыя, якая складалася з пяці вучняў 7 класа (тры з іх былі камсамольцамі). У дакладной запісцы першага сакратара ЦК ЛКСМБ П. М. Машэрава на імя сакратара ЦК КП(б)Б Ц. С. Сазонава адзначалася, што вучні былі завербаваныя амерыканскім агентам, жыхаром вёскі Новыя Журавічы Печкуровым, які ў перыяд Вялікай айчынай вайны пражываў у Кёльне. Падчас вярбоўкі Печкуроў выкарыстоўваў тое, што бацькі двух вучняў у гады акупацыі супрацоўнічалі з немцамі [8, арк. 96].

У жніўні 1950 г. у Лідзе была створаная антысавецкая маладзёжная арганізацыя, якую выявіла Упраўленне аховы МДБ Брэст-Літоўскай чыгункі. Першапачаткова арганізацыяй кіраваў Ю. Фамін, які быў прызваны ў войска і службы на момант выкрыцця ў Кранштадце. Сярод арыштаваных членаў арганізацыі было чатыры камсамольцы. У суполкі была свая палітычная праграма, у якую ўваходзілі наступныя пункты: ліквідацыя савецкай улады, ліквідацыя калгасаў і стварэнне фермерскіх гаспадарак, прыватызацыя, выхад Беларусі і Украіны з СССР і інш. Члены арганізацыі пад кіраўніцтвам І. Салдаценкава спрабавалі звязацца з польскім антысавецкім падполлем, супрацоўнічалі з украінскім. Былі здзейснены спробы вярбоўкі навучэнцаў педвучылішча ў Лідзе, але безвынікова. У ходзе расследавання органамі МДБ у іншым раёне Гродзенскай вобласці была выкрытая яшчэ адна антысавецкая арганізацыя [9, арк. 61–63].

Неабходна адзначыць, што дзейнасць дадзенай арганізацыі знайшла адлюстраванне ў працах айчынных гісторыкаў. Так, у 1999 г. В. Широкая надрукавала артыкул [10] пра гэтую арганізацыю, які быў раскрытыкаваны загадчыкам кафедры гісторыі славянскіх дзяржаў Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта В. М. Чарапіцам [11].

У сакавіку 1951 г. ад дырэктара Баярскай школы Васілішкаўскага раёна паступіла заява пра антысавецкае выступленне вучняў чацвёртага класа. Настаўнік рускай мовы І. М. Влагадзёраў правёў дыктант з намерам

палітычнай праверкі вучняў. Дыктант складаўся са сказаў «Я хочу быць пионером», «Быць пионером — почетное дело советского школьника», «Будь готов к борьбе за дело Ленина—Сталина» і г. д. Пяць вучняў напісалі гэтыя сказы з адмоўнай часціцай не («Я не хочу быць пионером», «Не быць пионером — почетное дело советского школьника», «Всегда не готов к борьбе за дело Ленина—Сталина», а чатыры вучні напісалі тэкст правільна, але закрэслілі сказы, дзе ішла размова пра партыю, камсамол і піянераў [9, арк. 35]. Вучні былі адлічаныя са школ, але пасля правядзення праверкі з боку райкама ЛКСМБ і райана вучні былі адноўленыя, а дзейні настаяніка і адміністрацыі прызнаныя памылковымі. Таксама было прызнана, што бацькі вучняў, якія напісалі антысавецкія дыктанты знаходзіліся пад уплывам кулацкай, польска-нацыяналістычнай прапаганды. Так, бацька аднаго з вучняў М. Дзядовіч у канцы лютага нецвярозым прыйшоў да настаяніцы В. М. Строкавай і сказаў: «Вы не беспокойтесь, Вас никто не тронет, всем остальным большевикам осталось жить недолго, уже скоро здесь будут американцы и мы расправимся со всеми» [9, арк. 37].

У канцы красавіка 1951 г. organaмi МДБ у Дзятлаўскай школе была раскрытая нацыяналістычная група, якая складалася з трох дзесяцікласнікаў і аднаго вучня вячэрняй школы. Усе яны былі камсамольцамі. Дзейнасць суполкі заключалася ў распаўсюджанні антысавецкай інфармацыі, а адзін з вучняў быў удзельнікам забойства дэпутата сельскага савета, якое было здзейснена ў студзені 1951 г. [9, арк. 45].

У красавіку 1952 г. у Асташковіцкай школе Віцебскай вобласці Анатолем Шэлепавым была створаная арганізацыя ОТД (Организация друзей-товарищей). У склад гэтай суполкі ўваходзіла 11 чалавек, у іх мелася свая пячатка, таксама існавалі членскія білеты, на якіх распісваліся сваёй крывёю. Мэты ў арганізацыі былі наступныя: добра і выдатна вучыцца, дапамагаць сем'ям тых, хто загінуў у гады вайны, кожны з членаў арганізацыі павінен быў удзельнічаць у калгаснай вытворчасці, а падчас летніх канікул выпрацаваць не менш за 100 працадзён. Членскія ўнёскі складаліся з 20 капеек. Пра існаванне арганізацыі было вядома Дуброўненскаму райкаму ЛКСМБ, але гэта не абмяркоўвалася на пасяджэннях бюро [12, арк. 46].

У студзені 1953 г. у 8 «А» класе Маладзечанскай школы № 2 была створаная падпольная група ЦКУРК (Цэнтральны камітэт уркачоў), якая складалася з пяці вучняў, два з якіх былі камсамольцамі. Усе ўдзельнікі характарызаваліся як недысцыплінаваныя. У суполцы былі свае пасады: старшыня таварыства, міністр МДБ, міністр выведкі, міністр фінансаў, сакратар. Унёскі складаліся з 15 капеек у дзень. У членскіх білетах адзначалі

выплату ўнёскаў. Усяго было сабрана 42 рублі. Палітычных мэтаў у арганізацыі выяўлена не было не было. Асноўная мэта дзейнасці — сабраць грошы для правядзення 1 Мая (для п'янікі).

Паралельна ў гэтым жа класе дзейнічала суполка «Ринговцы», якая складалася з чатырох вучняў, два з іх былі камсамольцамі. Арганізацыя распалася яшчэ да выкрыцця. Па словах удзельнікаў створаная як дзіцячая гульня. Што значыла назва суполкі ўдзельнікі не змаглі растлумачыць [12, арк. 31–32].

У красавіку 1954 г. інспектарам па рабоце сярод моладзі ЦК ЛКСМБ І. Якаўцавым падчас камандзіроўкі ў Старобінскім раёне была выкрыта арганізацыя СМВ (Саюз моладзі вёскі імя А. Матросава). Яна складалася з дзевяці членаў, якую стварыў школьнік-выдатнік Аляксей Макарэвіч. Ён сам напісаў статут арганізацыі і вырабіў членскія білеты. Задачай арганізацыі было выхаванне яе членаў такімі ж як гайдараўскі Цімур, як А. Матросаў і іншыя камсамольцы-героі. Члены суполкі паспелі правесці адзін сход, на якім А. Макарэвіч распавёў пра А. Матросава. Грошы, якія збіраліся ў якасці членскіх унёскаў, планавалася выкарыстоўваць для набыцця літаратуры пра камсамольцаў-герояў [13, арк. 3–6].

Аналізуючы дзейнасць і прычыны ўзнікнення школьных нонканфармісцкіх суполак можна вылучыць некалькі ўмоўных плыняў такіх арганізацый. Гэта суполкі, якія займаліся антысавецкай дзейнасцю пад уплывам іншых арганізацый ці людзей (журавіцкая, лідская, дзятлаўская арганізацыі), хуліганскія суполкі («Рыцарскі ордэн», ЦКУРК), і арганізацыі, якія ўзніклі пад уплывам літаратуры і афіцыйнай ідэалогіі, але арганізаваліся як таемныя («Дружба», ОТД, СМВ). Заўважым, што школьныя нонканфармісцкія суполкі ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе ўзніклі на тэрыторыі ўсёй БССР, але антысавецкі характар яны мелі пераважна на тэрыторыі заходніх абласцей рэспублікі.

Вывучэнне дзейнасці такіх суполак спрыяе больш глыбокаму разуменню сацыяльных і палітычных працэсаў, якія адбываліся ў савецкім грамадстве ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе, а таксама адлюстроўвае паўсядзённасць.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Валаханович И. А.* Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг.: организационная структура, программно-уставные положения и основные этапы деятельности: Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02: 23.12.1999: 17.03.2000. Минск, 1999. 108 с.

2. *Рыбак Н. А.* Деятельность Армии Крайовой и поставовских формирований в Западной Беларуси в 1944–1954 гг.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02: 28.06.01. Минск, 2001. 19 с.

3. *Ситкевич С. А.* Деятельность польского подполья на территории Беларуси (1939–1954 гг.). Историография проблемы: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.09. Минск, 2002. 20 с.
4. *Шумскі Я.* Саветызацыя Заходняй Беларусі (1944–1953 гг.). Прапаганда і адукацыя на службе ідэалогіі. 2-е выд. Смаленск: Інбелкульт, 2014. 326 с.
5. Антысавецкія рухі ў Беларусі, 1944–1956: даведнік / А. Гардзіенка [і інш.]. Менск [Мінск] : АНГ, 1999. 190 с.
6. Нонканфармізм у Беларусі: 1953–1985. Даведнік. Т. 1 / Аўтар-укладальнік Алег Дзярновіч. Мінск: Athenaeum, 2004. 252 с.
7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 63п. Воп. 42. Спр. 20.
8. НАРБ. Ф. 63п. Воп. 31. Спр. 2.
9. НАРБ. Ф. 63п. Воп. 31. Спр. 4.
10. *Шырокая В.* Дзейнасць падпольнай моладзевай антысавецкай арганізацыі ў г. Лідзе // Наша Слова. № 14. 7 красавіка 1999. С. 6. № 15. 14 красавіка 1999. С. 6.
11. *Черепица В. Н.* Лидская антисоветская молодежная организация (1951 г.): реконструкция мифа // Новая экономика: научно-теоретический, научно-практический, научно-методический журнал / учредитель: Общественная организация «Новая экономика». 2015. № 1. С. 345–362.
12. НАРБ. Ф. 63п. Воп. 31. Спр. 8.
13. НАРБ. Ф. 63п. Воп. 31. Спр. 10.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧИНОВНИКОВ ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В КОНЦЕ 70-х – НАЧАЛЕ 80-х гг. XIX в.

А. А. Киселев

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, kiselev_aa@list.ru*

В городской полиции преимущественно служили лица с гражданским опытом, имевшими в большинстве своем невысокий образовательный ценз. Полиция обрела всесословный характер по своему составу, но при этом сохранялось доминирование привилегированных (дворянство, духовенство) и полупривилегированных (обер-офицерских детей) сословных групп, на которые приходилось более 80 % всех классовых чиновников. По косвенным признакам можно утверждать, что около половины всех чиновников городских полицейских управлений были уроженцами белорусских губерний. Основным источником существования для чиновников являлось жалование.

Ключевые слова: городские полицейские управления; социальный состав; белорусские губернии.

SOCIAL STRUCTURE OF THE OFFICIALS OF THE CITY POLICE OF THE BELARUSIAN PROVINCES IN THE LATE 70's – EARLY 80's OF THE 19 CENTURY

A. A. Kiselev

*Belarusian State Economic University,
Partizanski Av., 26, 220070, Minsk, Republic of Belarus, kiselev_aa@list.ru*

The city police was predominantly made up of people with civilian experience, most of whom had low educational qualifications. The police became all-class in its composition, but at the same time the dominance of privileged (nobility, clergy) and semi-privileged (officers' children) class groups remained, which accounted for more than 80 % of all class officials. According to indirect evidence, it can be stated that about half of all officials of the city police departments were natives of Belarusian provinces. The main source of livelihood for officials was a salary.

Keywords: city police departments; social structure; Belarusian provinces.

Характеристика чиновников городских полиций в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. как отдельной социальной группы не становилась предметом исследований не только в отечественной историографии, но и в российской исторической науке. В этой связи социологический анализ чинов городских полицейских управлений (далее ГПУ — А. К.) в последние годы правления Александра II проливает свет как на направленность кадровой политики в белорусских губерниях, так и дает материал для сравнительных региональных исследований.

Состав городской полиции анализируется нами на основании формулярных списков чиновников городских полицейских управлений Гродненской губернии за 1877 г. [1, л. 2–78а], Витебской губернии за 1881 г. [2, л. 140–200, 222–283] и Минской губернии за 1881–1882 гг. [3, л. 15–78, 290–327]. В частности, выявлены 6 из 9 формулярных списков полицеймейстеров (66 % от штата), 3 (100 %) списка помощников полицеймейстеров, 7 из 9 формуляров секретарей (77,7 % от штата), 15 (83,3 % от штата) из 18 частных приставов, 30 (78,9 % от штата) из 38 помощников приставов.

Помимо данных формуляров для определения вероисповедания, класса чина, времени вступления в последнюю должность использовалась информация памятных книжек Могилевской губернии за 1876 г. [4, с. 77–78], Гродненской губернии за 1877 г. [5, с. 60, 80–81, 106–107], а также Минской [6, с. 90–91, 142–143, 246], Виленской [7, с. 38–39] и Витебской губерний [8, с. 150, 165–166, 188] за 1881 г.

При характеристике сословного состава полицейских чиновников городской полиции следует отметить, что дворяне оказались самым представленным сословием из всех социальных групп. К потомственным дворянам относились 23 чел. или 37,7 % всех обладателей формулярных списков. Они оказались в относительном большинстве на таких постах как полицеймейстеры и приставы. На второе место попали выходцы из священно и церковнослужителей, доля которых составила 25 %. На третьей позиции разместились лица из обер-офицерских детей, к которым относился каждый пятый полицейский чиновник. Трех (4,9 %) чиновников городской полиции можно отнести к разночинцам, поскольку среди них были сын ученика лекаря, канцелярского чиновника и станционного смотрителя. Из мещан происходило только 2 чел. (3,3 %), еще один — динабургский полицеймейстер К. Я. Пфейффер — указал, что происходит «из податного сословия». Один помощник пристава оказался выходцем из солдатских детей. В результате практически все должности в городских полицейских управлениях были открыты для выходцев из всех социальных слоев.

Почти все чиновники (55 чел. — 90,2 %) могли рассчитывать исключительно на доходы от государственной службы, поскольку только в четырех (6,6 %) случаях в формулярных списках чинов полиции имелись сведения о наличии недвижимой собственности. В частности, витебский полицеймейстер Н. М. Волков имел пожалованный ему за службу участок земли в Полоцком уезде площадью в 234,78 десятин. Двое приставов владели земельной недвижимостью, но ни в одном из списков не указывался размер собственности, причем в одном случае земля принадлежала супруге чиновника, а в другом была благоприобретена на имя матери служащего.

В формуляре еще одного пристава значился купленный на имя жены деревянный дом. В двух формулярных списках сведений о наличии недвижимости не сохранилось.

Образовательный уровень чиновников оказался сравнительно невысоким. Показательно, что никто из чинов городской полиции не имел высшего образования. В свою очередь домашнее воспитание получили только 8 чел. (13 %). Среднее образование, окончив гимназию или духовную семинарию, получили 10 чел. (16 %), причем только двое из них воспитывались в семинарии. Еще 7 чел. (11 %) получили незавершенное среднее образование, оставив учебное заведение до завершения полного цикла обучения. Самой многочисленной группой среди полицейских чиновников являлись выпускники уездных училищ в числе 14 (22,6 %) человек. Еще 6 чел. (10 %) воспитывались в уездных духовных училищах. Трое (4,8 %) получили свое образование в уездных дворянских училищах. Два (3 %) чиновника городских полицейских управлений окончили землемерно-таксаторские классы при гимназии, а еще один сдал при губернской чертежной экзамен на частного землемера. В одном случае образовательный ценз был сформирован училищем торгового мореплавания. Два чиновника не смогли окончить уездное и духовное училища. Семь (11 %) полицейских чинов имели непосредственное отношение к военно-учебным заведениям. В частности, 3 чел. поставили точку в своем образовании, ограничившись курсом юнкерского училища, один не окончил Полоцкий кадетский корпус. Пристав Витебского ГПУ П. П. Терехов учился в Варшавской фельдшерской школе. Помощник пристава Гродненского ГПУ К. П. Мильгунов сдал экзамен на офицерский чин, а помощник пристава Минского ГПУ В. К. Воеводский выдержал испытание на право поступления в Виленское пехотное юнкерское училище. Наконец, в одном случае сведений об образовательном цензе в формуляре не сохранилось. В целом ситуацию с образовательным цензом чиновников городских полицейских управлений хорошо отображает характеристика чинов Виленского ГПУ, данная 14 сентября 1881 г. губернатором Е. П. Стеблин-Каменским. В ней утверждается, что «между полицейскими чинами не только нет ни одного с высшим образованием, но даже почти ни одного получившего среднее образование; между тем в настоящее трудное время, когда так много возлагается на полицию и нередко полицейским чинам поручаются дела весьма деликатного свойства, именно необходимы люди настолько развитые, чтобы уметь не вызывать справедливое неудовольствие против исполнительных органов власти» [9, л. 6–7].

Показательно распределились сведения о вероисповедании чиновников. В частности, большинство в городских полицейских управлениях пяти

губерний ожидаемо составили православные чиновники. Так, из 93 полицейских к господствующему вероисповеданию относились 78 (84 %) чиновников. На втором месте оказались классные чиновники католического вероисповедания — 9 чел. (10 %), т. е. практически каждый десятый в крае. При этом чиновники-католики были представлены на всех должностях, кроме полицеймейстеров и их помощников. На службе в городских полицейских управлениях находилось 4 (4 %) чиновника-мусульманина и 2 (2 %) лютеранина.

В результате анализа косвенных данных формулярных списков и памятной книжки Гродненской губернии, содержащих сведения о 77 чиновниках городских полицейских управлений Минской, Витебской и Гродненской губерний, можно по самым осторожным оценкам предположить, что 38 чел. (49,4 %) происходили из белорусских губерний, а 23 чел., или 29,9 %, т. е. почти каждый третий чиновник, прибыли на службу в Западный край из других губерний империи. На предмет 16 (20,7 %) штатных чиновников не имеется более-менее определенных сведений, чтобы установить приблизительное место их происхождения. Получается, что не менее половины всех чинов городской полиции были из числа местных уроженцев. Обращает на себя внимание то, что выходцы из белорусских губерний составляли большинство на должностях приставов, их помощников и секретарей. Во главе же городских полицейских управлений и на постах помощников полицеймейстеров они находились в очевидном меньшинстве. В частности, из 6 полицеймейстеров только брестский полицеймейстер А. С. Малевич оказался выходцем из Гродненской губернии.

Обращает на себя внимание тот факт, что чиновники городских полиций, имевшие опыт военной службы в русской армии до службы по ведомству Министерства внутренних дел, были в явном меньшинстве. Так, только 10 чел. (16,4 %) служили нижними чинами, офицерами и военными чиновниками русской армии. Напротив, 50 (82 %) полицейских чиновников имели сугубо гражданский опыт государственной службы. Наконец, в одном случае сведений о карьере чиновника не сохранилось. Тот факт, что относительно незначительная доля чиновников имела армейский опыт сказался и на их чинах. Так, среди 102 чиновников 5-ти губерний только 7 (6,9 %) служащих сохранили военные чины. Показательно, что 26 чел. (25,5 %), т. е. почти каждый четвертый, еще не выслужили чина, причем из них 20 (76,9 %) чиновников занимали должность помощника пристава. Как представляется, это обуславливалось сложностями в привлечении на службу в полицию. В конечном итоге это привело к тому, что 13 июня 1886 г. в западных губерниях разрешалось назначать на должности до VIII класса лиц, не имеющих чина [10, с. 348]. Ожидается, что на постах

начальников городских полиций и их помощников не оказалось тех, кто не выслужил каких-либо чинов. Вместе с тем обращает на себя внимание разброс в классе чинов полицеймейстеров: от губернского секретаря до статского советника. Самым распространенным среди начальников городской полиции оказался чин VIII класса, помощников полицеймейстера — чин IX класса, приставов — VIII класса, помощники приставов чаще всего не имели чина. Секретари в большинстве своем выслужили чин коллежского секретаря (X класса).

Следует отметить, что по своему возрасту чиновники городской полиции в среднем оказались достаточно молодыми служащими. В частности, средний возраст полицеймейстеров и их помощников составил 37 лет, приставов — 35,8 лет, помощников приставов — 30,6 лет, а секретарей — 33,6 лет. Медианный возраст начальников городских полиций, помощников полицеймейстеров и приставов равнялся 35 годам. Половина всех секретарей были в возрасте до 33 лет, помощников приставов — до 30 лет. Наиболее распространенной возрастной группой среди полицеймейстеров (3 чел. — 60%), их помощников (2 чел. — 66%) и приставов (5 чел. — 33%) были лица в интервале от 31 до 35 лет, среди помощников приставов (8 чел. — 29,6%) и секретарей (3 чел. — 42,9%) — в возрасте от 26 до 30 лет.

Средний служебный стаж полицеймейстеров составил 20,5 лет, помощников полицеймейстера — 20 лет, приставов — 15,4 лет, помощника приставов — 10,1, секретарей — 14 лет. Если обратиться к стажу по определенным временным группам, то окажется, что полицеймейстеры служили от 11 до 15 лет — 3 чел., от 21 до 25 лет — 2 чел., от 36 до 40 лет — 1 чел.; помощник полицеймейстера: от 11 до 15 лет — 1 чел., от 16 до 20 лет — 1 чел., от 26 до 30 лет — 1 чел.; приставов: от 1 до 5 лет — 2 чел., от 6 до 10 лет — 1 чел., от 11 до 15 лет — 4 чел., от 16 до 20 лет — 4 чел., от 21 до 25 — 4 чел.; пом. пристава: до 5 лет прослужили 12 чел. (40%), от 6 до 10 лет — 4 чел. (13,3%), от 11 до 15 лет — 4 чел. (13,3%), от 16 до 20 лет — 8 чел. (26,6%), от 21 до 25 лет — 2 чел. Секретари имели следующий служебный стаж: до 5 лет — 1 чел., от 6 до 10 лет — 2 чел., от 11 до 15 лет — 1 чел., от 16 до 20 лет — 1 чел., от 21 до 25 лет — 2 чел.

Нельзя сказать, что чиновники городских полиций длительное время «засиживались» на своих постах. Так, средний возраст нахождения на последней должности для полицеймейстеров составил 3 года, для помощников полицеймейстеров — 2,2 года, приставов — 2,1 года, помощников приставов — 2 года, а секретарей — 2,5 года. То, что чиновники не засиживались на своих постах, более рельефно показывают медианные показатели: половина всех полицеймейстеров занимали свой текущий пост менее

2,5 лет, их помощники и секретари управлений — менее 2-х лет, приставов и их помощников — менее года. Максимальный срок пребывания на должности составил у полицеймейстеров — 9 лет, приставов и секретарей — 8 лет, помощников полицеймейстеров — 6 лет. Рекордсменом по пребыванию на своем посту оказался помощник пристава Могилевского ГПУ А. М. Цеханский, который исполнял свои обязанности на протяжении 24 лет.

Таким образом, составляя обобщенный портрет чиновника городской полиции белорусских губерний в последние годы правления Александра II, можно отметить, что в городских полицейских управлениях преимущественно служили лица с гражданским опытом, имевшими в большинстве своем невысокий образовательный ценз. Полиция обрела всесословный характер по своему составу, но при этом сохранялось доминирование привилегированных (дворянство, духовенство) и полу привилегированных (овер-офицерских детей) сословных групп, на которые приходилось более 80 % всех классных чиновников. По косвенным признакам можно утверждать, что около половины всех классных чиновников городских полиций были уроженцами белорусских губерний. Основным источником существования для чиновников являлось жалование. В среднем полицейские чины находились в энергичном возрасте для исполнения своих обязанностей и имели достаточный служебный стаж.

Библиографические ссылки

1. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. Ф. 2. Оп. 37. Д. 2334.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1416. Оп. 2. Д. 15946.
3. НИАБ. Ф. 299. Оп. 7. Д. 350.
4. Адрес-календарь Могилевской губернии на 1876 год / составлена Могилевским губернским статистическим комитетом. Могилев на Днепре : тип. губ. правл., 1876.
5. Памятная книжка Гродненской губернии на 1877 г. Ч. 1 : (Адрес-календарь) / (печатано по постановлению Гродненского губернского статистического комитета). Гродно: тип. губ. правл., 1877.
6. Памятная книжка Минской губернии на 1881 год / издание Минского губернского статистического комитета. Минск: тип. Р. Дворжец, 1880.
7. Памятная книжка Виленской губернии на 1881 год: адрес-календарь и статистическо-справочные сведения / (издание Виленского губернского статистического комитета). Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1880.
8. Памятная книжка Витебской губернии на 1881 г. / издание Витебского губернского статистического комитета. Витебск: тип. Витеб. губ. правл., 1881.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 132.
10. Высочайше утвержденные Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского // ПСЗРИ. Собрание 3-е. Т. VI. 1886. № 3817.

АССИМИЛЯТОРСКАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД КАК ФАКТОР РОСТА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ

А. М. Кротов

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, amkrotau@gmail.com;*

*Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь, amkrotau@gmail.com*

В статье рассматривается ассимиляторская политика Польши по отношению к белорусскому меньшинству в аннексированной ею Западной Беларуси. Автор считает, что в основе этой политики лежало ложное убеждение, что белорусы находились в начальной стадии этногенеза. Это давало возможность рассматривать их как «материал», пригодный для быстрой ассимиляции с помощью административных мер. Он делает вывод, что такая стратегия имела своим результатом рост этнонационального самосознания белорусов, значительное повышение их общественно-политической активности и, содействовав мобилизации общественного мнения в пользу скорейшего объединения белорусского народа и Беларуси, подготовила почву для одобрения и принятия любого способа, который будет избран правительством СССР, для решения этой проблемы.

Ключевые слова: Польша; Западная Беларусь; белорусы; ассимиляторская политика; этнополитическое самосознание; воссоединение Беларуси.

ASSIMILATION POLICY OF POLAND IN WESTERN BELARUS IN THE INTERWAR PERIOD AS A FACTOR OF THE GROWTH OF ETHNOPOLITICAL SELF-CONSCIOUSNESS OF BELARUSIANS

A. M. Krotov

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, amkrotau@gmail.com*

*Francisk Skorina Gomel State University, 104 Sovetskaya Street,
Gomel 246019, Republic of Belarus, amkrotau@gmail.com*

The article examines Poland's assimilation policy towards the Belarusian minority in Western Belarus annexed by it. The author believes that this policy was based on the false belief that Belarusians were in the initial stage of ethnogenesis. This made it possible to consider them as the “material”, suitable for rapid assimilation through administrative measures. He concludes that such a strategy resulted in an increase in the ethno-national self-awareness of Belarusians, a significant increase in their socio-political activity and, by helping to mobilize public opinion in favor of the speedy unification of the Belarusian people and Belarus, paved the way for the approval and adoption of any method that would be chosen by the government of USSR, to solve this problem.

Keywords: Poland; Western Belarus; Belarusians; assimilation policy; ethnopolitical self-consciousness; reunification of Belarus.

Рассматривая политику Польши в отношении Беларуси следует помнить, что в основе её всегда (за исключением периода существования ПНР) лежали экспансионистские, колониальные интересы. Исторический опыт показывает, что, если идёт речь о групповых интересах поляков (как этнической корпорации) в Беларуси, они, в конечном счёте, сводились к безраздельному господству в экономике, органах управления, в общественной и культурной жизни. В период существования Российской империи это этнократическое стремление довольно эффективно сдерживалось российским самодержавием. И в тех условиях польский этнонационализм, который должен был стать для белорусских поляков («кресовяков») средством обеспечения доступа к власти и ресурсам [1, с. 274–275], явился средством собственного самосохранения.

Нельзя не согласиться с утверждением, что польский этнос стал первым в Беларуси, который трансформировался в нацию, что выгодно отличало его от других этносов [2, с. 86] и повышало его шансы на доминирование в условиях межэтнической конкуренции.

После возрождения польского государства в ноябре 1918 г. поляки, грезившие об этом поколениями, с огромным энтузиазмом приступили к созданию «великой» Польши, ибо, как заявляли их лидеры, она была обречена на величие [3]. Неудивительно, что фактическое признание границы Польши с Литвой и СССР на Конференции послов Великобритании, Франции, Италии и Японии 13 марта 1923 г. [4, с. 123] польскими политиками было расценено как признание права Польши на великодержавность, а сам день признания польская пресса провозгласила днём рождения «великой Польши» [5].

Стараниями поляков, в том числе и «кресовяков», стремительно растративших чувство солидарности с белорусами, с 1918 г. начали происходить серьёзные перемены в отношении последних к Польше и полякам. И поляки это хорошо понимали. В частности, газета «Głos Narodu» отмечала: «Отношение белорусского населения к польским хозяевам недоброжелательное, а вернее — плохое» [6].

На фоне эвакуации немецких войск с территории Беларуси тон польских изданий становился всё более резким. Газета «Czas», например, заявляла: «Польскость, которую не сумели задуть Муравьёв... и иные преследователи нашего народа, гибнет сегодня от рук диких большевистских орд... Достояние культурной работы целых веков гибнет в пламени огня. Так гибнут поляки, гибнет национальная собственность» [7]. Ответственность за происходящее переносилась целиком на белорусов, подвергшихся воздействию большевистской пропаганды. Глубинных причин того, что происходило в Беларуси, в Польше никто искать даже

не пытался. Но антибелорусская пропаганда давала свои результаты. Местным полякам власти Польши дали понять, что польская собственность на «кресах» — это национальная собственность польского народа, которую им, как настоящим хозяевам, следует защищать всеми доступными средствами.

Немалую роль в ухудшении белорусско-польских отношений сыграли действия корпуса ген. Ю. Довбор-Мусницкого, ставшие для большинства белорусов первым опытом взаимоотношений с польскими военными властями. Как утверждает А. Великий, — подчёркнуто негативным [8, с. 55–56]. Самовольные реквизиции, грабежи, террор, избиения были в порядке вещей. Особенно печальную «славу» приобрели уланские полки, которые «кишели благородными паничами» [9, с. 72–73].

Польско-советская война внесла ещё больший разлад в белорусско-польские отношения. Патриотическая эйфория, которая буквально захлестнула поляков во время советско-польской войны, имела побочные эффекты — они оказались и слепы, и глухи в своём отношении к белорусам. Став хозяевами положения, они стали смотреть на них, как на людей не совсем полноценных, нуждавшихся в руководстве. Надежды белорусских «незалежников» на то, что Польша поддержит их стремление создать белорусское национальное государство, обратились в прах [10, с. 18].

Ещё накануне, в условиях роста этнополитического сознания белорусов и развития белорусского национального движения у «кресовых» поляков возникло чувство тревоги. Они увидели в нём угрозу привычному образу жизни на «кресах», основанному на собственном доминировании. Хотя исключения, конечно, были. В частности, нельзя не упомянуть о Казимире Шафнагеле, который в своём открытом письме «К нашей краевой интеллигенции» осенью 1917 г. предложил «кресовым» полякам сделать выбор: «В данный конкретный момент вы находитесь на распутье... Ближайшее будущее покажет, что в вас заговорит больше: гражданская совесть, чувство долга перед народом..., среди которого живете..., [или] ваша... ложная национальная позиция, стремление к завоеванию» [11]. Однако представители «кресовой» польской общественности не услышали этот призыв. Их политическую позицию стала определять польская национальная идеология. Прежде всего это проявилось на Гродненщине, являвшейся (в силу своей географической близости к Польше) главным очагом польского присутствия в Беларуси [2, с. 86].

В других частях Беларуси ситуация была иной. И оккупационные власти тут же принялись за её исправление. Уже весной 1919 г., после вступления польской армии на Полесье, представлявшее собой проблемную с точки зрения состояния «польскости» часть «кресов», были закрыты белорусские

школы, уволены учителя, а школьное имущество было передано вновь созданным польским школам. Оккупационные власти рассматривали полонизацию Полесья как миссию, необходимую для возвращения этих земель в лоно «польскости» после российской их оккупации [12, с. 160, 163].

Решая на захваченных белорусских землях свои этнополитические задачи, Варшава уделяла огромное внимание идеологической и пропагандистской работе. При этом использовались и старые, испытанные средства, и приёмы воздействия на носителей «польскости», в том числе и «Евангелие духа польского» — «Книги польского народа и польского пилигримства» А. Мицкевича [13], и новая пропагандистская продукция, примером которой является брошюра Феликса Бродовского «О душе Польши», который перекладывал мессианские постулаты Мицкевича «на злобу дня» [14].

Так или иначе, борьбу за белорусского поляка «новая» Польша выиграла. Подавляющее большинство «кресовяков» предпочло солидаризироваться с польским народом и Польшей, нежели избрать иные пути этнополитического самоопределения [1, с. 282].

О наступлении, которое польские власти развернули на национальные права белорусов, прежде всего — на белорусское просвещение, рассказывают в своих публикациях А. Луцкевич [15], И. Антонов [18] и другие представители общественно-политической мысли Беларуси 1920-х гг. Методы использовались ими простые, но эффективные. В частности, власти отказались платить из бюджета заработную плату учителям [15, с. 13]. Возможность продолжить работу школ существовала — за счёт средств самих белорусов. Однако, во-первых, у последних не было этих средств, и, во-вторых, польские власти находили множество причин, чтобы белорусские школы больше не открывали своих дверей никогда. При этом они нарушали гарантии прав национальных меньшинств, которые Польша взяла на себя по Версальскому договору [19, с. 46–51], Рижскому мирному договору [21, с. 84–88, 93–94] и которые были закреплены в Конституции Польской Республики 1921 г. [20, с. 17–19, 38–39].

Именно учителя, как главные представители немногочисленной белорусской интеллигенции, стали первой жертвой ассимиляторской политики польских властей. Претендуя на представительство от имени белорусского меньшинства, они брали на себя функцию защиты его прав. Это автоматически делало их в представлении польских властей самой опасной частью белорусской интеллигенции.

31 июля 1924 г. польский сейм принял «Закон о языке и организации школьной работы для национальных меньшинств», по которому белорусская школа могла быть открыта в поветах, в которых количество белорусов составляло 25 %, в том случае, если этого желали не менее 40 родителей

детей школьного возраста. При этом при наличии 20 подписей за обучение на польском языке открывалась двуязычная польско-белорусская школа [22]. Появление этих «утраквистических» школ не только должно было содействовать ассимиляции белорусов, но и лишало работы значительную часть белорусских учителей, которые не владели, как требовалось, польским языком на уровне, который позволял бы им на нём преподавать [23; 24].

С установлением в Польше после майского переворота 1926 г. режима «санации», который пресекал на корню любую оппозиционную активность белорусов, ассимиляторское давление на них ещё больше усилилось. Было очевидно, что вся деятельность тех, кто занимался «реформированием» системы образования на «кресах», была направлена на полную ликвидацию образования на родном для белорусов языке [25]. С конца 1920-х гг. белорусские школы стали уже единичным явлением. Одновременно польские власти преследовали и сам белорусский язык. Хотя он официально и был признан равным с другими языками страны, на практике это признание было пустым словом [15, с. 15]. Это преследование выразилось, прежде всего, в борьбе с белорусскими печатными изданиями.

В первой половине 1920-х гг. активность белорусских публицистов была направлена не только на решение стоявших перед ними информационных и дидактических задач в отношении своих читателей, но и на доведение до европейской общественности правдивой информации о положении белорусского меньшинства в Польше. Однако, как показала практика, западные опекуны Польши были и слепы, и глухи, когда речь шла о той политике, которую та проводила в отношении белорусов. Тем не менее, попытки белорусских публицистов «достучаться» до них сильно раздражали Варшаву. Неудивительно, что в конечном счёте основным местом концентрации белорусской пишущей интеллигенции стала Лукишская тюрьма, располагавшаяся в центре Вильно. Издательства белорусских газет и журналов перебирались за границу, в основном в Ковно.

В период между подписанием советско-польского пакта о ненападении (Москва, 25 июля 1932 г.) и подписанием «Германо-польской декларации о необращении к силе» (Берлин, 26 января 1934 г.) режим «санации» пошёл было на некоторое послабление в отношении своих белорусских граждан. Однако всё это быстро закончилось. В марте 1936 г. в Виленском окружном суде состоялся судебный процесс над белорусскими издателями и «литераторами», обвинёнными в членстве в Коммунистической партии Западной Беларуси (КПЗБ), в организации «Центра национально-освободительного движения Западной Беларуси», являвшегося «придатком КПЗБ», в коммунистической деятельности, целью которой была

насильственная смена государственного строя в Польше и отторжение от неё части территории [26], который показал, что ничего в политике польских властей по отношению к белорусам не изменилось.

Жертвой показательной расправы стали издатели и авторы материалов, публиковавшихся в изданиях, выходивших в Вильно: «Беларускай газеце» (легальный неофициальный орган КПЗБ; издавалась в 1933 г.), «Асве» (журнал сатиры и юмора, издававшийся с 25 марта до 25 августа 1934 г.), «Літаратурнай старонцы» (приложение к «Беларускай газеце», являвшееся органом Литературного фронта крестьянско-рабочих писателей Беларуси; вышел всего один номер в январе 1934 г.).

Символом преследования режимом «санации» всякого инакомыслия стал концентрационный лагерь для внесудебного интернирования лиц, заподозренных в антигосударственной деятельности, созданный в 1934 г. в Берёзе-Картузской на Брестчине.

Каждый год в Западной Беларуси отмечался новым усилением национального гнёта и целенаправленным уничтожением ещё «тлеющих» очагов национальной культуры [27]. Однако западные белорусы не были готовы смириться с уготованной им польскими властями судьбой. Их вдохновляло соседство с БССР, успешно развивавшейся как белорусское национальное государство, в котором на основе фундамента, заложенного в XIX—начале XX в., шло развитие белорусской национальной культуры, в котором белорусский язык обрёл статус государственного. Граждане БССР никогда не забывали о своих западных братьях, которые волею судьбы стали подданными Польской республики. С помощью разных средств и способов (периодическая печать, художественная литература, радио, кинематограф, театр) до советских белорусов доносилась актуальная и правдивая информация о том, что происходило на аннексированных Польшей белорусских землях. Общественное мнение в БССР было настроено решительно в пользу скорейшего объединения Беларуси и белорусского народа и готово было всецело поддержать инициативы правительства СССР, направленные на решение этой проблемы. То, что это полностью совпадало с чаяниями западных белорусов, во многом стало заслугой «новой» Польши, которая стала для них даже не «тюрьмой», а настоящим карцером [28].

Библиографические ссылки

1. Кротов А. М. «Время собирать камни»: этнополитическая мобилизация белорусских поляков в 1914–1921 гг. // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: Зборнік навуковых артыкулаў. Вып. 1 (2012). Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2012. С. 273–282.

2. Донских С. Поляки и «польскость» в истории Беларуси: опыт социокультурной типологии // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси:

Материалы II Междунар. науч. конф., Гродно, 7–9 ноября 2003 г. Барановичи: Союз поляков на Беларуси, 2004. С. 73–90.

3. *Кучынскі Ю.* Ад мора да мора. Беласток: Прамень, 1921.

4. *Srebrakowski A.* Sejm Wileński 1922 roku. Idea i jej realizacja. Wrocław: Wyd-wo Un-tu Wrocławskiego, 1993.

5. *Домбаль Т.* Польский империализм // Звезда. 1923. 18 мая. С. 2.

6. Na Białoruśi // Głos Narodu. 1918. 24 sierpnia // Archiwum Akt Nowych. Plik 100. Dział L. B. U. II. 2b. L. 484.

7. Mord i pożoga na Białoruśi // Czas. 1918. 28 października // Archiwum Akt Nowych. Plik 100. Dział L. B. U. II. 2/2. L. 280.

8. *Вялікі А.* «Мяцеж» 1-га польскага корпуса Ю. Доўбар-Мусніцкага і цывільная ўлада // Беларуская-польская навуковая канф. «Знакамітыя мінчане», 9 лістапада 2006 г.: матэрыялы / рэдкал. А. Ф. Вялікі [і інш.]. Мінск: Польскі Інстытут у Мінску, 2007. С. 55–64.

9. *Grosfeld L.* Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji 1917–1919. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1956.

10. *Кромаў А.* Адносіны польскага насельніцтва на тэрыторыі Беларусі да ўсходняй палітыкі Польскай дзяржавы ў 1918–1919 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 2023. № 9. С. 15–19.

11. *Šafnagel K.* Da našaj krajowaj intelihencii (Adkrytaje piśmo). Pačatak u № 86 // Homan. 1917. № 87 (179). 30 kastyčnika. S. 2.

12. *Bobowik A.* Oświata na ziemiach północno-wschodnich w latach walki o granicę wschodnią II Rzeczypospolitej (1919–1922) // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси: Материалы II Междунар. науч. конф., Гродно, 7–9 ноября 2003 г. Барановичи: Союз поляков на Беларуси, 2004. С. 148–177.

13. *Mickiewicz A.* Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego. Paryż: Drukarnia A. Pinard, 1832.

14. *Brodowski F.* O duszę Polski. Warszawa etc.: Arct, 1921.

15. *Луцкевіч А.* Польская акупацыя ў Беларусі. Вільня: Друкарня Кооп. Т-ства «ДРУК», 1920.

16. *Антоняў І. Г.* Успаміны аб польскай акупацыі Горадзеншчыны ў 1919–1921 гг.: малюнкi гвалту і здзеку фацэтных польскіх паноў на Беларусі: (мае перажыванні). Б. м. (Коўна), б/в, 1921.

17. Трактат, заключённый между Великими союзными и дружественными Державами и Польшей, подписанный в Версале 28 июня 1919 г. // Акты Польской Республики за 1918–1921 г. Варшава: Издание Русского комитета в Варшаве, 1921. С. 45–57.

18. Мирный договор между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей — с другой, подписанный в г. Риге 18 марта 1921 года // Акты Польской Республики за 1918–1921 г. Варшава: Издание Русского комитета в Варшаве, 1921. С. 84–114.

19. Конституция Польской Республики, принятая Законодательным Сеймом 17 марта 1921 г. // Акты Польской Республики за 1918–1921 г. Варшава: Издание Русского комитета в Варшаве, 1921. С. 17–43.

20. *Ладысеў У. Ф.* Беларускае пытанне ў Другой Рэчы Паспалітай. 1919–1939 гг. [Электронны рэсурс] // Выбраныя навуковыя працы БДУ. Мінск, 2001. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/169907/1/Ladiseu.pdf?ysclid=1wq7ogkjuw91894802> (дата звароту: 28.05.2024).

21. Авадзень. 1925. № 3 (18 лютага). С. 3.

22. Авадзень. 1925. № 5 (18 сакавіка). С. 1.

23. Маланка. 1926. № 1 (15 студзеня). С. 8.
24. *Мацкевіч Ю.* Судовы працэс 1936 г. па справе «Беларускай газеты», «Асвы», «Літаратурнай старонкі» [Электронны рэсурс]. URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/_belz/1936ctsудовы_працэс_1936_г._па_справе_'беларускай_газеты','асвы','літаратурнай_старонкі'.html?ysclid=m1i1pdu3od875723474 (дата звароту: 29.08.2024).
25. *Осіпов М.* Сражение за родную школу. О чём писала западнобелорусская пресса в 1921–1939 годах? [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. 7 сентября 2021. URL: <https://www.sb.by/articles/srazhenie-za-rodnuyu-shkolu.html#> (дата звароту: 30.08.2024).
26. Карцер народов // Звезда. 1923. 29 апреля. С. 1.

БІЯГРАФІЯ ЯНА ТЭАДОРА МАЙДЕЛЯ ЯК ЛЯСНІЧАГА БЕЛАВЕЖСКАГА І КАМЯНЕЦКАГА

А. У. Любы

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, liuby@bsu.by*

Артыкул прысвечаны асобе Яна Тэадора Майдэля, двараніна карелей Уладзіслава IV і Яна Казіміра Вазаў, ваеннага, дапламата. На прыкладзе якой магчыма раскрыць кар’еру шляхціца з ускраін Рэчы Паспалітай пры двары манарха, спосабы дасягнення фінансавых выгод, дзякуючы службе дынастыі і інтарэсам толькі правячага роду. У другой частцы аўтар акрэслівае новыя архіўныя дакументы, якія раскрываюць кар’еру і дзейнасць Яна Тэадора Майдэля ў якасці ляснічага белавежскага і камянецкага ў Вялікім Княстве Літоўскім у сярэдзіне XVII ст.

Ключавыя словы: Ян Тэадор Майдэль; дынастыя Вазаў; Белавежская пушча; лясніцтва Вялікага Княства Літоўскага.

БИОГРАФИЯ ЯНА ТЕОДОРА МАЙДЭЛЯ КАК ЛЕСТНИЧЕГО БЕЛОВЕЖСКОГО И КАМЕНЕЦКОГО

А. В. Любий

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, liuby@bsu.by*

Статья посвящена личности Яна Теодора Майдэля, дворянина королей Владислава IV и Яна Казимира Вазов, военного, дипломата. На примере которой возможно раскрыть карьеру шляхтича из окраин Речи Посполитой при дворе монарха, способы достижения финансовых выгод, благодаря службе династии и интересам только правящего рода. Во второй части автор описывает новые архивные документы, на примере которых раскрывает карьеру и деятельность Яна Теодора Майдэля в качестве лесничего беловежского и каменецкого в Великом Княжестве Литовском в середине XVII в.

Ключевые слова: Ян Теодор Майдэль; династия Вазов; Беловежская пушча; лесничества Великого Княжества Литовского.

BIOGRAPHY OF JAN TEODOR MAJDEL AS FORESTER OF BIAŁOWIEŻA AND KAMIENIEC

Andrei Liuby

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, liuby@bsu.by*

The article is dedicated to the figure of Jan Teodor Majdel, who a nobleman and courtier of Władysław IV and John Casimir Vasa, a military officer and diplomat. His example allows for an exploration of the career of a nobleman from the outskirts of the Polish-Lithuanian Commonwealth at the monarch's court, and the ways in which financial benefits could be

achieved through service to the dynasty and the interests of the ruling house alone. In the second part, the author outlines new archival documents that reveal Jan Teodor Majdel's career and activities as the Forester of Białowieża and Kamieniec in the Grand Duchy of Lithuania in the mid-17th century.

Keywords: Jan Teodor Majdel; the Vasa Dynasty; Białowieża Forest; and the Białowieża Forestry of the Grand Duchy of Lithuania.

У айчыннай гістарыяграфіі гісторыі Вялікага Княства Літоўскага ранняга Новага часу на рубяжы стагоддзяў XX і XXI адбыўся якасны рост цікавасці да даследаванняў біяграфій. Гэта звязана як з напісаннем біяграфій ключавых асоб для нацыянальных гістарычных наратываў краін Цэнтральнай і Усходняй Еўропы за апошнія трыццаць год, так і з пошукам і публікацыяй спецыфічных комплексаў крыніц, якія забяспечавалі даследчыкаў новай інфармацыяй (напрыклад, карэспандэнцыя).

У XXI ст. даследчыкі гісторыі Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай пачынаюць актыўна займацца магнацкімі радамі, іх кліентэлай, звязваючы ўзрост палітычнай і эканамічнай вагі такіх радоў з працэсамі ўніфікацыі жыцця манаршага двара, дзяржаўных урадаў, адукацыі з гісторыяй рэгіёна цалкам, а не толькі Вялікага Княства Літоўскага.

Асоба Яна Тэадора Майдэля прыцягвае ўвагу як сваім этнічным паходжаннем, так і ваеннай, дыпламатычнай, адміністрацыйнай кар'ерамі. Ян Тэадор Майдэль уваходзіў у склад каралеўскіх дваран і службыў пры двары караля Уладзіслава IV, і яго брата Яна Казіміра, а таксама яго кар'ера была звязана з дзейнасцю двара і асабіста каралевы Марыі Луізы (Людавікі) Ганзага. Наша цікавасць тычыцца і ролі Яна Тэадора Майдэля ў кіраванні лясніцтвамі Вялікага Княства Літоўскага, яго адміністратыўная і фінансавая дзейнасць звязаная з Белавежскай пушчай як дзяржаўнай маёмасцю.

Вялікім крокам наперад у даследаванні біяграфіі Яна Тэадора Майдэля павінны стаць актавыя дакументы і карэспандэнцыя, знойдзеныя ў 2023–2024 гг. Улдзісам Ванагсам і Алёнай Любай у фондах Латвійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва і верагодна адносяцца да архіва Майдэляў, які магчыма быў інтэграваны ў архіў Курляндскага рыцарства, а адтуль патрапіў ужо ў сучаснае месца захавання. Безумоўна ў фармаце дадзенага артыкула мы імкнёмся абазначыць перспектывы даследавання біяграфіі дадзенай асобы з гісторыі нашай дзяржавы, больш грунтоўныя высновы, падрабязны біяграфічны наратыв магчымы быць напісаным толькі пасля апрацоўкі і публікацыі гэтых новых крыніц.

Гістарыяграфія біяграфіі Яна Тэадора Майдэля насення можа змясціцца ў некалькіх пунктах энцыклапедычных артыкулаў (Польскі біяграфічны слоўнік, Энцыклапедыя Вялікага Княства Літоўскага) [1; 2]. Агульная інфармацыя пра Майдэляў утрымліваецца ў гербоўніках

XVIII–XIX ст. Ян Тэадор Майдэль з'яўляецца на старонках такіх цікавых наратыўных крыніцах свайго часу як «Раміётнікі» (напрыклад Альбрэхта Станіслава Радзівіла) [3, с. 371, 470]. Таксама дакументы самога Майдэля сустракаюцца ў сувязі з выкананнем ім абавязкаў у лясніцтвах Вялікага Княства Літоўскага на працягу 1630-х – 1650-х гг.

Насамрэч пра самога Яна Тэадора Майдэля не так і многа вядома. У Польскім біяграфічным слоўніку ёсць невялікі артыкул Тадэўша Васілеўскага і Вэслава Маеўскага пра яго, а таксама сустракаюцца асобныя згадкі ў гістарыяграфіі ў сувязі з яго ўдзелам у розных гістарычных падзеях (казацка-сялянская вайна, пахаванне караля Уладзіслава IV, пасольства ў Брандэнбург і інш.).

Паводле меркавання некаторых даследчыкаў, курляндскі род Майдэляў мае мясцовае балцкае або фіна-ўгорскае паходжанне ад племянных эліт, у адрозненні ад большасці арыстакратычных родаў, якія выводзяць сваё паходжанне ад нямецкага рыцарства.

На такую гіпотэзу паходжання роду Майдэляў указвае цікавы аспект гісторыі Балтыйскага рэгіёна, дзе перапляталіся розныя культурныя і этнічныя ўплывы. У адрозненні ад многіх шляхецкіх сем'яў, якія выводзілі свой радавод ад нямецкіх рыцараў, што з'явіліся ў рэгіёне падчас Тэўтонскага ордэна і Лівонскіх крыжовых паходаў, фіна-ўгорскае або балцкае племянное паходжанне роду Майдэляў сведчыць пра іншую крыніцу іх арыстакратычнага статусу. Гэтая тэорыя паказвае на існаванне мясцовых эліт, якія маглі захаваць свой статус і ідэнтычнасць нават у перыяд германізацыі рэгіёна.

Згадкі пра Яна Тэадора Майдэля ў гістарыяграфіі адлюстроўваюць яго ўдзел у значных падзеях XVII ст., асабліва ў сувязі з яго службай дынастыі Вазаў і важнымі адміністрацыйнымі пасадамі, уключаючы кіраванне ляснымі ўгоддзямі ў Вялікім Княстве Літоўскім.

Ян Тэадор нарадзіўся ў 1610 г. ў сям'і пільтэнскага староства Германа фон Майдэля. Ён паступіў на службу да двара польскага караля і займаў пасаду пакаёвага двараніна пры двары Уладзіслава IV і Яна Казіміра. Блізкасць да манарха спрыяла атрыманню іншых даходных пасадаў. Так, Ян Тэадор атрымаў староства рыжскае і клешчэльскае.

На працягу сваёй кар'еры ён займаў пасады і ўрады, звязаныя з лясной гаспадаркай. У 1636 г. ён значыўся як ляснічы рудніцкі і менжэрыцкі. У 1650 г. атрымаў пасаду ляснічага белавежскага і камянецкага. Ад Уладзіслава IV ён таксама атрымаў пасаду лоўчага і працягваў выконваць гэтыя функцыі і падчас праўлення Яна Казіміра. Акрамя таго, у 1647 г. ён атрымаў у арэнду, магчыма, з пасадай ляснічага сакольскага, наступныя лясніцтва: крынскае, адзельскае, кузніцкае, молавіцкае і воласці двара

сакольскага, пасля таго як імі валодаў на такім жа арэндным праве Яўстафій Казімір Валовіч. Даходы ад гэтых уладанняў, якія складалі каля 1800 злотых у год, ішлі на ўтрыманне каралевы, у той час Марый Людавікі Ганзага, і яна ад свайго імя і па рашэнні станаў Вялікага Княства Літоўскага распараджалася гэтымі ўладаннямі.

У Латвійскім дзяржаўным гістарычным архіве сярод неатрыбутованых дакументаў знаходзіцца калекцыя дакументаў, якія датычацца Белавежскай пушчы і іншых лясных уладанняў, такіх як сакольскае лясніцтва, што належаць каралеўскай сям'і і размешчаны ўздоўж мяжы Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага. Пра лёс і паходжанне гэтага комплексу крыніц практычна нічога не вядома. У нашым артыкуле мы паспрабуем рэканструяваць той шлях, па якім гэтыя дакументы патрапілі на сучасную тэрыторыю Латвіі і былі захаваны ў Латвійскім дзяржаўным гістарычным архіве ў Рызе.

У першую чаргу, неабходна вывучыць склад гэтых дакументаў, каб зразумець, якім чынам яны былі згрупаваны, у які час і як маглі выкарыстоўвацца, што ў канчатковым выніку і прывяло іх у Латвію. На сёняшні дзень было знойдзена чатыры папкі з дакументамі, якія адносяцца да лясной гаспадаркі Вялікага Княства Літоўскага. Яны атрымалі наступныя нумары ў часовым каталогу: PPR 571, PPR 641, PPR 811, PPR 1121, PPR 1315. Унутры гэтых папак — дакументы неатрыбутованыя, ім не прысвоены сігнатуры, а старонкі не пранумараваныя.

Асобна варта адзначыць папку, якая яшчэ не атрымала часовага нумара і ўтрымлівае арэндны кантракт, падпісаны падскарбіем вялікім літоўскім і старостам Брэсцкім Гедэонам Міхаілам Трызнам з каралеўскім дваранінам Янам Тэадорам Майдэлем па даручэнні каралевы Марый Людавікі Ганзага на двор Сакольскі. Да гэтага комплексу латышскія калегі схільныя таксама адносіць інвентар уладанняў біржанскай лініі роду Радзівілаў у Дубінках (PPR 747) на той падставе, што сярод іншага ў ім пералічваюцца рыбалавецкія ўгоддзі — шматлікія азёры і рэкі ў гэтым маёнтку. Тым не менш, нам уключэнне гэтай крыніцы ў комплекс дакументаў пра Белавежскую пушчу і іншыя лясніцтва і прыпісванне ім агульнага паходжання — падаецца беспадстаўным.

У гэтых папках утрымліваюцца розныя па зместу і часу стварэння дакументы. Найбольш ранні дакумент — гэта «вырак» або вердыкт гаспадарскага суда ў справе паміж камянецкім дзяржаўцам Багушам Багавіцінавічам і панам Юрыем Іванавічам Ільнічам аб межах паміж камянецкімі гаспадарскімі белавежскімі ловамі і шерэшоўскімі шляхецкімі белавежскімі ловамі, якія раней належылі пану Яну Юр'евічу Заберэзьянскаму. Ён датаваны 2 лістапада 1522 г. і вядомы таксама па рэгістрах Метрыкі Вялікага

Княства Літоўскага. Найбольш познія дакументы адносяцца да другой паловы XVII ст. Комплекс уключае як арыгінальныя дакументы, так і іх спісы або копіі.

Напрыклад, у папцы PPR 571 ёсць цікавы арыгінал ліста караля польскага і вялікага князя літоўскага Стэфана Баторыя, напісанага на старабеларускай мове, да намесніка мельніцкага Альбрэхта Савіцкага аб судовай справе ў гаспадарскім судзе супраць бацькі яго падляшскага кашталяна Мацея Савіцкага, якое тычылася маёнтка Чорныя Лозы, што межавала з гаспадарскімі ўладаннямі ў Белавежскай пушчы. У гэтай жа папцы знаходзяцца спісы камісарскіх дэкрэтаў адносна спрэчных уладанняў на ўсходняй мяжы Белавежскай пушчы, якія былі складзены ў другой палове XVI ст. Некаторыя з іх былі вядомы раней па фондах Літоўскага дзяржаўнага гістарычнага архіва яшчэ з 30-х гг. XX ст. Арыгіналы іншых невядомыя. Паводле меркавання, гэтыя копіі складаліся ў 40–50-х гг. XVII ст. у сувязі з няспыннымі спрэчкамі аб уваходах і спадчынных правах шляхты на эксплуатацыю ўладанняў у Пушчы, якія сыходзілі каранем у пачатак XVI ст.

Тэматычныя дакументы з гэтага комплексу можна падзяліць на тры вялікія катэгорыі. Па-першае, гэта разнастайныя дакументы аб спрэчках вакол правоў на эксплуатацыю ўваходаў у пушчу, «врубаў» (права на некамерцыйнае асабістае выкарыстанне сухастою ў пушчы), сенакосаў, бортных дрэў, млыноў і так званых «мутвіц» (водных рэсурсаў для лоўлі рыбы). У асноўным яны тычацца ўсходняй стэны пушчы: уладанняў Шэрэшова, Чэпелева, Сухаполле, Клетня, Галенчыцы і г. д. Усходняя мяжа пушчы з-за розных прычын, такіх як складаная геаграфічная рэльеф і адносна малы паток каланізацыі, была найменш вызначанай. Пагранічныя капцы было складана насыпаць, і наклеікі на дрэвах з часам знікалі.

Па-другое, гэта дакументы аб арэндзе сакольскага лясніцтва 40–50-х гг. XVII ст. Сярод іх — арэндныя кантракты, лісты каралевы Марыі Людавікі Ганзага, у складзе якой на той момант знаходзілася Сакольскае лясніцтва, а таксама лісты караля Яна Казіміра да двараніна Яна Майдэля і розныя квіты.

Па-трэцяе, група дакументаў, якую можна апісаць як *varia*. Гэта выпадковыя дакументы, якія не маюць дачынення ні да Белавежскай пушчы, ні да іншых лясніцтваў і гаспадарскіх уладанняў Вялікага Княства Літоўскага, але менавіта яны дапамагаюць ідэнтыфікаваць таго чалавека, у руках якога ў 40–60-х гг. XVII ст. сканцэнтраваны ўвесь гэты комплекс. Адзін з такіх незвычайных дакументаў — гэта апеляцыя Катажыны Кейбедун у справе супраць Малгажаты Кейбедун ад 1645 г. і ў справе

супраць Маціса Кейбедуна ад 1647 г., прадстаўленая падстарастам кемельскім Янам Тшынскім старосце рыжскаму і клешчэльскаму Теадору Яну Майдлю, які па сумленні быў ляснічым белавежскім і камянецкім.

Як бачна нават з гэтага невялікага пераліку дакументаў, многія з іх звязаны з Янам Тэадорам Майдэлем. Такім чынам, дакументы адносна доўгіх спрэчак аб правах уваходаў у Белавежскую пушчу ўздоўж яе ўсходняй мяжы маглі адкласціся ў архіве Яна Тэадора Майдэля як ляснічага белавежскага і камянецкага падчас чарговага судовай справы з спадкаемцамі роду Махвіцаў па гэтым пытанні каля 1650 г. Дакументы аб сакольскім лясніцтве і прылеглых да іх у лясных уладаннях, а таксама лісты караля Яна Казіміра і каралевы Марыі Людавікі Ганзага, адрасаваныя непасрэдна яму, звязаны з выкананнем ім арэндных абавязкаў, а таксама прамых абавязкаў як лоўчага і адклаліся ў асабістым архіве прыкладна ў той жа час.

Памёр Ян Тэадор Майдэль у 1667 г. ва ўзросце 57 гадоў. Свае ленныя ўладанні ён перадаў у спадчыну брату, старосту пільтэнскаму Атону Эрнэсту Майдэлю. Яго адзіны сын Якуб Фрэдэрык загінуў неўзабаве пасля бацькі ў 1672 г. Магчыма, асабістыя архівы Яна Тэадора засталіся ў пільтэнскай акрузе. З 1585 г. староства пільтэнскае здавалася ў арэнду з-за неабходнасці выплачваць адступныя датскаму каралю за адмову ад прэтэнзій на гэтыя землі. З 1623 г. пільтэнскай заставай валодалі Майдэлі, і прадстаўнікі гэтага роду карысталіся тытулам старостаў пільтэнскіх.

У 1819 г. Пільтэнская акруга ўвайшла ў склад Курляндскай губерні, а род Майделяў быў упісаны ў метрыкулы Курляндскага рыцарства. Магчыма, архівы гэтага роду патрапілі ў архіў Дома Курляндскага рыцарства, які знаходзіўся ў сталіцы Курляндскай губерні Мітаве. Пасля ўтварэння Латвійскай рэспублікі ў 1918 г. Дом быў перададзены на патрэбы мясцовай гімназіі. Дакументы маглі трапіць адразу ў Латвійскі дзяржаўны гістарычны архіў, створаны ў 1919 г., або ў Елгаўскі краязнаўчы музей. Фонды гэтага музея моцна пацярпелі ў гады Другой сусветнай вайны і лічацца беззваротна страчанымі. Тым не менш, магчыма, што яны часткова былі выратаванымі, і тыя калекцыі дакументаў, звязаных з гісторыяй Рэчы Паспалітай, якія ў цяперашні час неатрыбутыраваны ў Латвійскім дзяржаўным гістарычным архіве, з'яўляюцца часткай гэтых збораў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Майдэль, Тэадор Ян // Вялікае Княцтва Літоўскае: энцыклапедыя у 3 т. Мінск: БелЭн, 2005–2010. Т. 3. С. 329.
2. Majdel, Teodor Jan // Polski słownik biograficzny. T. 1. / [kom. red. Władysław Konopczyński (red. gł.) et al.]. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1975. T. 20. S. 159–160.
3. Pamiętnik o dziejach w Polsce. T. 2, 1637–1646 / Albrycht Stanisław Radziwiłł; przeł. i oprac. Adam Przyboś i Roman Żelewski. Warszawa: Państw. Instytut Wydawniczy, 1980. 553 s., [24] s.

АРХІЎНАЯ РЭФОРМА 1852 г. У ЗАХОДНІХ ГУБЕРНІЯХ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ

В. С. Макарэвіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, MakareVS@bsu.by*

Разглядаюцца перадумовы, прычыны і наступствы правядзення архіўнай рэформы 1852 г. у заходніх губернях Расійскай імперыі. Паказана, што з'ява фальсіфікацый і падлогаў дваранскіх дакументаў, надзвычай шырока распаўсюджаная у заходніх губернях імперыі як вынік рэакцыі грамадства на палітыку «разбору шляхты», стала адной з галоўных прычын правядзення рэформы.

Ключавыя словы: архіўная рэформа; фальсіфікацыі дваранскіх дакументаў; разбор шляхты; заходнія губерні расійскай імперыі.

АРХИВНАЯ РЕФОРМА 1852 г. В ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В. С. Макаревич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, MakareVS@bsu.by*

Рассматриваются предпосылки, причины и последствия проведения архивной реформы 1852 г. в западных губерниях Российской империи. Показано, что явление фальсификаций и подлогов дворянских документов, чрезвычайно широко распространенное в западных губерниях империи как результат реакции общества на политику «разбора шляхты», стало одной из главных причин проведения реформы.

Ключевые слова: архивная реформа; фальсификации дворянских документов; разбор шляхты; западные губернии Российской империи.

ARCHIVAL REFORM OF 1852 IN THE WESTERN PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE

V. S. Makarevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, MakareVS@bsu.by*

The article considers the prerequisites, reasons and consequences of the archival reform of 1852 in the western provinces of the Russian Empire. It is shown that the phenomenon of falsifications and forgeries of noble documents, extremely widespread in the western provinces of the Empire as a result of the public reaction to the policy of “sorting out the gentry (minor nobility — shliahta)”, became one of the main reasons for the reform.

Keywords: archival reform; falsification of noble documents; nobility sorting; western provinces of the Russian Empire.

З моманту падзелаў Рэчы Паспалітай і ўваходжання беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі, адным з прыкметных напрамкаў унутранай палітыкі імперыі стала палітыка па верыфікацыі дваранскага паходжання дваран заходніх губерняў і пазбаўлення дваранскага статусу значнай колькасці дробнай шляхты. Падобная палітыка пачала рэалізоўвацца ўжо з часоў Кацярыны II, першапачаткова з не вельмі значным поспехам. На далучаных землях, у тым ліку ў беларускіх губернях, працэнт дваранства заставаўся вельмі значным у сааслоўнай структуры насельніцтва. Такі стан рэчаў меў наступствам тое, што дзяржаўная казна страчвала нямалыя сумы з-за таго, што значна больш людзей, якія тут мелі статус дваран, не плацілі падаткі. Другім пацярпелым з'яўлялася расійскае войска, якое з-за той жа прычыны мела меней рэкрутаў, паколькі дваран не прыцягвалі да рэкруцкай службы. Палітыка верыфікацыі атрымала назву палітыкі «разбору шляхты». Найбольш кардынальным крокам у палітыцы «разбору шляхты» стаў указ ад 17 кастрычніка 1831 г., па якому шляхце заходніх губерняў выстаўляўся абмежаваны тэрмі на падачу архіўных дакументаў для доказу дваранскага паходжання сваіх радоў. Указ выклікаў выбух з'явы фальсіфікацыі дваранскіх дакументаў і метрык у заходніх губернях. Трэба адзначыць, што з'ява мела прыкметны характар і раней, але пасля ўказу набыла асаблівую вастрыню і пагражала нівеляваць ўсе намаганні ўладаў па «чыстцы» дваранскага салоўя далучаных тэрыторый.

Каб спыніць фальсіфікацыі, ўлады паспрабавалі ўзяць пад больш пільны кантроль выдачу копіяў архіўных дакументаў і выпісаў з актаў і метрык, а таксама працу дваранскіх дэпутацкіх сходаў, бо яны ажыццяўлялі верыфікацыю дваранскіх дакументаў на нізавым узроўні. З гэтымі мэтамі ствараліся камісіі па рэвізіі актавых і метрычных кніг у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях у 1834–1835 гг., камісіі па рэвізіі дзейнасці дваранскіх дэпутацкіх сходаў у 1834–1842 гг., разнастайныя лакальныя губернскія камісіі ў 1842–1852 гг., ў Вільні і Кіеве цэнтральныя рэвізійныя камісіі, але значнага плёну ўсё адно не было. Дваранскія дакументы як фальсіфікаваліся, так і працягвалі фальсіфікавацца, што падрывала ініцыятывы ўладаў па радыкальным змяненні колькасці асобаў, якія карысталіся дваранскім статусам у заходніх губернях імперыі [1, с. 112, 203].

Чарговым важным крокам улад, які, па задуме, павінен быў паўздзейнічаць радыкальна і раз і назаўжды спыніць фальсіфікацыі, была архіўная рэформа ў заходніх губернях імперыі. Справа была ў тым, што актавыя кнігі і метрыкі былі асноўнага тыпу дакументамі, выпісы з якіх і запісы ў якія падрабляліся. Заховаліся гэтыя дакументы, калі казаць пра актавыя кнігі, у падсобных архівах прысутных месцаў, якіх былі дзясяткі, а метрыкі ў касцёлах і цэрквах. Усё гэта давала доступ да дакументаў значнай

колькасці мясцовых чыноўнікаў, якія пераўтварылі справу фальсіфікацыі дваранскіх дакументаў у своеасаблівы від прыбыткавага бізнесу. Каб супрацьдзеянчаць гэтаму ўлады вырашылі перавесці ўсе метрычныя кнігі ў тры вызначаныя месца і ўзяць іх пад больш пільны кантроль. Вынікам стала архіўная рэформа 1852 г. у заходніх губернях імперыі.

У 1852 г. былі створаны тры цэнтральныя архівы — у Віцебску, Вільні і Кіеве. Утвораныя архівы акумулявалі ў сваіх сховішчах усе актавыя кнігі і адначасова прымалі на сябе функцыі ранейшых рэвізійных камісій па праверцы актаў і выяўленні фальшывак. Менавіта таму ў 1852 г. рэвізійныя і часовыя следчыя камісіі спынілі сваё існаванне. У цэнтральныя архівы перадаваліся ўсе дакументы і актавыя кнігі, датаваныя перыядам да 1799 г. Тое, што да моманту стварэння архіваў гэтыя актавыя кнігі захоўваліся ў падсобных архівах розных устаноў, было таксама значнай нязручнасцю і ў працы рэвізійных камісій [2, с. 46]. На тое, што жаданне спыніць масавую фальсіфікацыю актавых дакументаў стала адной з галоўных прычын архіўнай рэформы ў заходніх губернях 1852 г. пісалі тагачасныя архівісты [3, с. 29; 4, с. 5]. На гэта ўказвае і сама назва ўказа, дзе ёсць словазлучэнне «*дваранскія роды*» — «Аб заснаванні ў Кіеве, Віцебску і Вільні цэнтральных архіваў для актавых кніг заходніх губерняў» з мэтай захавання важных у археалагічных адносінах дакументаў, якія складаюць «адзіныя ў сваім родзе матэрыялы для айчыннай гісторыі і старажытных дваранскіх родаў» [5, с. 120–121]. Архівы першапачаткова сталі значнай перашкодай фальсіфікатарам. Па словах загадчыка Віленскага архіва М. Гарбачэўскага, са 100 дакументаў, якія паступалі на пацвярджэнне ў архіў, законным аказваўся адзін [3, с. 5]. Здаецца, архіварыус перабольшваў, але, відаць, не быў ён і цалкам галаслоўны. З моманту адкрыцця цэнтральных архіваў толькі яны мелі права выдаваць выпісы з актаў. Для выдачы кожнага выпісу загадчык архіва павінен быў запрашаць некалькі асоб — павятовага старшыню дваранскага сходу, у Віцебску дырэктара гімназіі, а ў Вільні — старшыню камісіі для разбору і выдання старажытных актаў. Камісія звярала падрыхтаваны выпіс з актаў і вызначала, прызнаецца ён несумнеўным ці наадварот. За выдачу выпісу бралася пошліна. Арыгіналы актавых кніг забаронена было выдаваць установам і прыватным асобам [6, с. 53–54]. Перадача архівам актавых кніг калі і паўплывала на змяншэнне з’явы фальсіфікацыі, але адначасова не выкараніла яе цалкам. У 1862 г. зноў з’явіліся звесткі пра масавыя фальсіфікацыі на далучаных тэрыторыях былога Вялікага Княства Літоўскага. У 1867 г. улады спынілі разгляд як у дваранскіх сходах, так і ў Герольдыі тых спраў, якія былі заснаваны на дакументах Кіеўскага цэнтральнага архіва, у сувязі з масавымі фальсіфікацыямі. Была зноў утворана камісія, ужо для пераправеркі

рашэнняў, прынятых на аснове дакументаў, што былі выдадзены гэтым архівам. Аднак камісія вымушана была прызнаць сваю некампетэнтнасць, бо «не магла вызначыць прымет, паводле якіх можна было б адрозніць сапраўдныя акты XVIII ст. ад паддробленых» [6, с. 53–54].

Архіўная рэформа 1852 г. у заходніх губернях імперыі акрамя пэўнага абмежавання з’явы фальсікацыі дваранскіх дакументаў, што было адной з асноўных прычын яе правядзення, стала адначасова значнай падзеяй у станаўленні архівістыкі на тэрыторыі Беларусі і Украіны, паколькі архівы сталі адначасова асяродкамі навуковай апрацоўкі і выкарыстання дакументаў перыяду ВКЛ і Рэчы Паспалітай у даследчай дзейнасці, спрыяючы развіццю тэаксама і гістарычнай навукі у беларускіх губернях, і у цэлым у Расійскай імперыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Макарэвіч В. С.* Разбор шляхты ў беларускіх губернях Расійскай імперыі (канец XVIII–XIX ст.). Мінск : БДУ, 2018. 315 с.
2. *Каманин И.* Киевский центральный архив (1852–1880) // Сборник археологического института. Кн. 5, пол. 2. 1881. С. 45–56.
3. *Лялин В. А.* Виленский центральный архив // Сборник археологического института : в 6 кн. / под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1878–1898. Кн. 1. 1878. С. 22–38.
4. *Самоковсов Д. Я.* Архивное дело в России : в 2 кн. Кн. 1 : Современное русское архивное настроение. Приложения. М., 1902.
5. Сборник материалов, относящихся до архивной части в России : в 2 т. Пг., 1916–1917. Т. 1. 1916.
6. *Самоковсов Д. Я.* Архивное дело в России. : в 2 кн. Кн. 2 : Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивного дела в России. М., 1902.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ (МИНИСТЕРСТВО) ПРОСВЕЩЕНИЯ БССР В БОРЬБЕ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ (1944–1956)

Е. Н. Мох

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, eln.mokh@gmail.com*

В статье рассматривается деятельность Министерства просвещения БССР по решению проблем детской беспризорности и безнадзорности в послевоенное время. Автором изучены особенности развития системы учреждений для осиротевших детей, анализируются основные нормативные документы, определявшие и регулировавшие механизм функционирования детских домов.

Ключевые слова: Министерство просвещения; детские дома; Великая Отечественная война; воспитанники; детская беспризорность.

COMMISSARIA (MINISTRY) OF EDUCATION OF THE BSSR IN THE FIGHT AGAINST CHILDREN'S HOMELESSNESS (1944–1956)

E. N. Mokh

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, eln.mokh@gmail.com*

The article examines the activities of the Ministry of Education of the BSSR in solving the problems of child homelessness and neglect in the post-war period. The author studies the features of the development of the system of institutions for orphaned children, analyzes the main regulatory documents that defined and regulated the mechanism of functioning of orphanages.

Keywords: Ministry of Education; orphanages; Great Patriotic War; pupils; child homelessness.

Великая Отечественная война стала переломным моментом в истории всего человечества. Тяготы военного времени коснулись всех категорий людей, в том числе и детей. В годы войны они были партизанами, совершали диверсии, трудились наравне со взрослыми у станка. У многих из них нацизм забрал родителей, сделав сиротами.

ЦК КП(б)Б и СНК БССР поставили перед Наркомпросом (Министерством) и органами народного образования на местах три основные задачи: восстановить разрушенную нацистскими захватчиками сеть школ, обеспечить педагогическими кадрами и возобновить всеобщее обязательное начальное обучение детей.

Вопрос детского сиротства является одной из серьезнейших социальных проблем в БССР. Всего на 1 декабря 1944 г. на учете в органах просвещения состоял 46 091 осиротевший ребенок. 1 ноября 1946 г. по БССР путем подсчета было установлено более 138 тысяч детей, оставшихся без родителей: 84 962 воспитанников детских домов и приемников-распределителей, подростков, устроенные в трудовые коллективы, детей находившихся в семьях родственников; 53 173 человека состояло на патронате [1, с. 10]. 12 октября 1943 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б приняли постановление «Об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей».

Большие масштабы детского сиротства связаны непосредственно с его причинами, которые можно ранжировать. Достаточной очевидной причиной является гибель родителей от рук немецко-нацистских захватчиков. Далее по численности — дети, у которых погиб только отец, а мать есть, и наоборот, отец умер, а мать погибла, родители находились в тюрьме либо пропали без вести. Большинство таких детей находилось у близких родственников.

Учреждения, задействованные в механизме преодоления детского сиротства, можно разделить на 2 группы: принимавшие участие в координации мероприятий по решению данной проблемы и принимавшие участие в реализации разработанных мер. Высшим органом власти в решении данного вопроса являлся Совет Министров. На местах вопросы детского сиротства решались исполнительными органами власти.

Меры по социальному обеспечению детей-сирот реализовывались на основе как общесоюзного законодательства, так и БССР.

Особую роль в решении вопросов детской беспризорности и безнадзорности осуществлял Наркомпрос (Министерство — в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета БССР от 26 марта 1946 г. Наркомпрос БССР преобразован в Министерство просвещения БССР). Согласно Постановлению Совета Народных комиссаров (СНК) БССР № 142 от 12 ноября 1943 г. в структуру Наркомпроса БССР на 1944 г. было создано управление детскими домами. А в 1959 г. в связи с принятием Верховным Советом БССР Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в БССР» в структуру Министерства просвещения был организован отдел детских домов и спецшкол. Приказом № 118 Министра просвещения БССР от 7 июля 1960 г. была утверждена номенклатура должностей работников системы Министерства просвещения БССР. Были выделены следующие штатные единицы в областном отделе народного образования: директора и заведующие учебной частью, бухгалтерия, заведующий подсобным хозяйством, мастерскими инструктора по труду детских домов [2, л. 166–169].

Согласно инструкции Наркомпроса БССР Е. Ураловой «О проведении основных первоочередных мероприятий по восстановлению деятельности школ всеобща и других культурно-просветительных учреждений по областям, освобожденных от немецких оккупантов» необходимо было организовать учет детей школьного возраста, восстановить школьную сеть, не допускать отсева детей из школ, организовать производство учебно-наглядных пособий и оборудования для детских домов, провести на местах наличный учет всех детей, оставшихся без родителей, детей воинов Красной Армии, партизан, детей сирот, родители которых погибли в годы Великой Отечественной войны и организовать устройство их в детские дома, патронирование, опеку и усыновление подростков 14–16 лет и старше или направить на учебу в школы фабрично-заводского обучения, рекомендовалось организовать подсобное хозяйство при детских домах, выделить им землю исходя из количества воспитанников, а также организовать шефство над детскими домами предприятий, колхозов и совхозов [3, л. 50–51].

В середине мая 1944 г. на освобожденной территории БССР было восстановлено и создано 33 детских дома, в которых разместилось свыше 3 тыс. детей.

Основными формами жизнеустройства детей-сирот в послевоенное время являлись определение детей в детские приемники-распределители (ДПР), патронат, опека, определение в детские дома и усыновление. При исполнительных комитетах областных, городских и районных советов депутатов трудящихся создавались комиссии по борьбе с безнадзорностью в составе: заместителя председателя исполкома и председателей профсоюзов, ЛКСМ, органов НКВД, образования и здравоохранения.

Приоритетными формами устройства детей сирот являлись следующие: воспитание в патронатных семьях, усыновление, опекунов, воспитание в детских домах. Самой нераспространенной формой устройства детей являлось усыновление. Органы опеки не рассматривали возможности популяризации или влияния на условия, которые сдерживали данную форму устройства детей-сирот.

Важную роль в решении вопросов безнадзорности и беспризорности сирот играли детские приемники-распределители (ДПР). Решением правительства СССР от 23 января 1942 г. предусматривалось создание сети приемников в системе НКВД. Они являлись административно-воспитательными учреждениями органов внутренних дел. В БССР в ДПР определяли сирот до 16 лет включительно.

Изначально патронат превалировал над определением сирот в детские дома. Это объясняется тем, что сеть детских домов на тот момент только формировалась. К 50-м гг. были определены проблемы организации

патронирования детей-сирот. К ним относились несвоевременные выплаты государственного пособия, выплаты без заключения договоров, небрежное оформление личных дел, отсутствие обследования ЖБУ, не утверждены общественные инспектора по охране прав детей В приказе Министра просвещения БССР 11 января 1958 г. «О неудовлетворительном выполнении Постановления Совета Министров БССР № 492 от 24 августа 1956 г. по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в БССР» указывалось что, материально-бытовые условия патронируемых детей не проверяются и не изучаются, районные комиссии не работают по устройству детей, оставшихся без попечения родителей; не организовано шефство общественных организаций [4, л. 90]. Наличие этих проблем, на наш взгляд, можно объяснить отсутствием квалифицированных кадров в органах опеки.

СНК БССР поставил приоритет устройства детей-сирот погибших воинов Красной Армии, осознавая особую ответственность за их дельнейшую судьбу, 14 февраля 1944 г. СНК БССР приняло постановление «Об организации для детей воинов Красной Армии и партизан Отечественной войны, а также детей-сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов, специальных детских домов и ДПР. Учитывая большое количество сирот в БССР решением Исполнительного комитета Минского областного Совета депутатов трудящихся в 1947 г. были организованы горячие завтраки для школьников особо нуждающихся и для детей-сирот [5, л. 3].

Создавались и детские дома смешанного типа дополнительно к детским домам дошкольного и школьного типа для совместного воспитания детей членов одной семьи, оставшихся без родителей [6, л. 18–19].

Перед Министерством просвещения была поставлена задача создание различных типов детских домов, обеспечение продовольствием, предметами первой необходимости и др. К решению данных задач привлекалась общественность: деятельность попечительских советов, шефских организаций.

В приказе Министра просвещения БССР № 283 в 1948 г. «О мероприятиях по итогам Республиканского совещания детских домов» отделу детских домов Министерства просвещения БССР необходимо было разработать инструктивное указание о работе с детским коллективом в школьном детском доме, к 1 января 1949 г. подготовить материалы к проведению республиканского смотра учредить переходящее Красное Знамя детскому дому в БССР; главному управлению снабжения Министерства просвещения к 10 декабря 1948 г. требовалось разработать конкретные мероприятия по улучшению снабжения детских домов товарами и материалами [7, л. 2].

Министерство образования БССР принимало активное участие в решении проблем детской беспризорности, организуя работу учреждений, детских домов, где проходили социализацию большая часть детей — сирот, оставшихся без попечения родителей. Воспитание в детских домах было самой оптимальной формой устройства. Однако для полноценного обеспечения детей-сирот в данных условиях требовалось ликвидировать их скученность в жилых помещениях, подобрать необходимые педагогические кадры, организовать образовательный процесс с участием детей-сирот, реализовать полноценное материальное обеспечение, предоставить возможность дальнейшего трудоустройства, в том числе и воспитанникам переросткам. В процессе ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, улучшения социализации воспитанников, их материально-бытовое обеспечение были задействованы все государственные структуры БССР.

Библиографические ссылки

1. *Смехович Н. В.* Работа государственных, политических и общественных организаций по жизнеустройству и воспитанию детей, оставшихся без родителей (1943–1950 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01. Минск, 1992. С. 10.
2. Приказом № 118 Министра просвещения БССР от 7 июля 1960 г. «Об установлении номенклатура должностей работников системы Министерства просвещения БССР // Государственный архив Минской области (ГАМО). Фонд. 322. Оп. 3. Д. 134. Л. 166–169.
3. Инструкция Наркомпроса БССР Е. Ураловой «О проведении основных первоочередных мероприятий по восстановлению деятельности школ всеобща и других культурно-просветительных учреждений по областям, освобожденных от немецких оккупантов» // Национальный архив Республики Беларусь. Фонд. 42. Оп. 4. Д. 116. Л. 50–51.
4. Приказ Министра просвещения БССР 11 января 1958 г. «О неудовлетворительном выполнении Постановления Совета Министров БССР № 492 от 24 августа 1956 г. по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в БССР» // ГАМО. Фонд. 322. Оп. 3. Д. 126. Л. 90.
5. Решение Исполнительного комитета Минского областного Совета депутатов трудящихся № 128 от 11 февраля 1947 г. Об организации горячих завтраков для школьников особо нуждающихся и для детей-сирот // ГАМО. Фонд. 1243. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.
6. Положение о детских домах (утверждено Министром просвещения БССР от 4 января 1954 г.) // ГАМО. Фонд. 862. Оп. 1. Д. 56. Л. 18–19.
7. Приказ Министра просвещения БССР № 283 «О мероприятиях по итогам Республиканского совещания детских домов» // ГАМО. Фонд. 322. Оп. 3. Д. 46. Л. 1–2.

«ГУБИТ ЛЮДЕЙ НЕ ПИВО...»: БОРЬБА С ПЬЯНСТВОМ В БССР В ПЕРИОД НЭПа (1921–1928)

Т. В. Петюкевич

*Национальный архив Республики Беларусь, пр. Независимости, 116, 220114,
г. Минск, Республика Беларусь, tatstsyana98@mail.ru*

Одной из значимых общественных проблем периода НЭПа являлось пьянство. В условиях запрета на продажу крепкого алкоголя, а позднее его высокой стоимости и малодоступности, росли масштабы самогонварения.

Легализация производства и продажи водки в 1925 г. спровоцировала рост преступности, в частности, хулиганства.

Ключевые слова: НЭП; пьянство; самогонварение; рабочие; крестьянство; антиалкогольная пропаганда.

“IT'S NOT BEER THAT SPOILS PEOPLE...”: FIGHTING DRUNKENNESS IN THE BSSR DURING THE NEP PERIOD (1921–1928)

T. Petsiukevich

*The National Archives of the Republic of Belarus, Niezaliežnasci Avenue, 116, 220114,
Minsk, Republic of Belarus, tatstsyana98@mail.ru*

One of the significant social problems of the NEP period was drunkenness. Under the conditions of the ban on the sale of strong alcohol, and later its high cost and low availability, the scale of moonshine brewing grew.

The legalization of the production and sale of vodka in 1925 provoked an increase in crime, in particular, hooliganism.

Keywords: NEP; drunkenness; moonshine brewing; workers; peasantry; anti-alcohol propaganda.

Советская власть в целом заняла традиционную для дореволюционного периода отрицательную позицию к пьянству, однако в условиях становления новых социально-экономических отношений политика государства в этом вопросе была неоднозначной. Последнее выражалось в сохранении так называемого сухого закона, действовавшего в годы Первой мировой войны, введении запрета на производство и реализацию спирта в 1919 г., постепенном ослаблении запретительных мер с переходом к НЭПу, разрешении свободной торговли спиртным и введении государственной винной монополии в 1925 г. [1, с. 55]. Побочным результатом жестких антиалкогольных мер первых лет советской власти стало развитие самогонварения, и, как следствие, пьянства. В феврале 1923 г. милиция отмечала, что потребление самогона в БССР выражается в приблизительной цифре

235 725 ведер в год. Степень влияния употребления спиртного на здоровье населения установить трудно, т. к. последнее из-за страха ответственности за медицинской помощью не обращалось. Согласно рапорту Слуцкой уездной милиции, в 1922 г. в уезде было зарегистрировано 2 смертельных случая отравления самогоном. Самогонование также являлось причиной значительной части пожаров: источником около 40 % возгораний были взорвавшиеся котлы-бражки [2, л. 10]. Нелегальное изготовление и продажа алкоголя подпадали под ст. 190, 191 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., действие которого с 1 июля 1922 г. было распространено на территорию БССР [3]. Данные статьи касались фальсификации и сбыта фальсифицированных предметов общественного потребления.

В качестве профилактических мер милицией периодически проводились обыски у лиц, подозреваемых в самогоноварении. Согласно постановлению СНК БССР от 9 февраля 1923 г., 50 % штрафов, взыскиваемых в судебном и административном порядке за незаконное приготовление, хранение и сбыт спиртных напитков, предназначались на премирование работников милиции, 25 % — лиц, способствовавших обнаружению мест производства, 25 % — в доход местных исполнительных комитетов [2, л. 121].

Исследователь Е. В. Шерстнева считает, что именно самогонование, а не пьянство и алкоголизм стало первоначальной мишенью советской пропаганды. В 1923 г. Главполитпросвет выпустил агитационный сборник В. В. Маяковского «Вон — самогон!». Обложка первого издания этого произведения воспроизводилась в виде плаката, а отдельные строки — в виде лозунгов: «Выгоняй, кто поит, выгоняй, кто пьет!» и др. [1, с. 55].

В условиях запрета реализации водки, на 1924 г. в свободной продаже присутствовали такие виды алкоголя, как пиво, вино и наливки, которые включались в категорию слабоалкогольных напитков. В Минске пиво продавалось в 38 заведениях, расположенных преимущественно в центральной части города, а на окраинах реализовывалось в частных лавках, где параллельно продавался самогон. Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) БССР отмечала, что, несмотря на отсутствие на окраинах специальных заведений, пьянство там процветает, принимая довольно широкие размеры [4, л. 73 об].

Комиссия при Экономической инспекции РКИ БССР по вопросу о борьбе с пьянством на заседании 16 августа 1924 г. констатировала, что проблема злоупотребления алкоголем распространена среди рабочих. Представитель ЦК ЛКСМБ Камер отмечал, что 80 % частных лавок, а также клубы и столовые торгуют пивом. В результате «...и молодежь пьет, ученики угощают мастеров, чтобы лучше к ним относились». Представитель уездно-городского комитета ЛКСМБ Шелемов подчеркивал, что в части

пивных, которые часто посещали рабочие, под видом пива продавали крепкие напитки, в частности, самогон. Имел место случай, когда один рабочий после посещения такого заведения отсутствовал на рабочем месте неделю [4, л. 78].

Борьба с употреблением алкоголя иногда велась весьма специфическим образом. Так, после появления на минской электростанции буфета с пивом отмечался положительный эффект: «...не встречается, чтобы рабочий пил самогон. Одно только пиво вреда не наносит, если не смешивать с водками и наливками, которые должны быть изъяты из продажи, а частные лавочки, торгующие пивом, необходимо закрыть» [4, л. 78].

Альтернативой самогоноварению должна была стать легальная «русская горькая» — хлебное вино 40-градусной крепости (водка). Продажа последней была разрешена в БССР 1 октября 1925 г. На территории республики действовали 2 спиртоводочных завода — в Минске и Витебске. Цена ведра водки составляла 20 руб. без посуды, при розничной торговле — 18 руб. С 1 декабря 1925 г., в связи с повышением акциза с 14 руб. до 22 руб. 80 коп. за ведро, лимитная цена составила 30 руб. [4, л. 4].

Со своей основной задачей — борьбой с увеличением объемов самогоноварения — легализация продажи водки не справлялась. Сельское население, которое являлось основным «производителем» и потребителем самогона, игнорировало легальный алкоголь по ряду причин. Например, крестьянство Могилевского округа не покупало русской горькой, наливок и вин ввиду их слабой крепости, а также высокой стоимости — от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. за бутылку. В то же время цена самогона варьировалась от 50 коп. до 1,5 руб. [4, л. 105]. Крестьяне Оршанского округа также предпочитали самогон «панским напиткам» [4, л. 110]. В РКИ БССР отмечали, что многие столовые и распивочные превышали этикетные цены на хлебное вино на 30 % и более [4, л. 5]. Кроме того, легальные спиртные напитки продавались не повсеместно, а исключительно в окружных и районных центрах. Таким образом, основным потребителем хлебного вина оставались города: в октябре и ноябре 1925 г. там было реализовано 82 % и 66 % продукции соответственно [4, л. 2].

Иные виды алкоголя, такие как пиво и наливки, употребляло в основном городское население. Но даже в городах торговля легальным алкоголем не оказывала существенного влияния на уменьшение объемов самогоноварения. Основной причиной такого положения был высокий акциз, который составлял 173 % от себестоимости горьких настоек и 146 % сладких. Уполномоченный Управления государственной спиртовой монополии по БССР отмечал, что в случае отказа Народного комиссариата финансов уменьшить акциз на алкоголь, государственный бюджет будет

довольствоваться «весьма неустойчивым доходом по этой статье и притом чрезвычайно незначительным по своим размерам» [4, л. 82]. Отмечалась нецелесообразность равно высокого обложения акцизом горьких и сладких настоек, в то время как горькие являлись аналогом самогона.

В условиях высокой стоимости и малодоступности легального алкоголя продолжало процветать самогонование, однако ситуация в округах была разной. В ноябре 1924 г. уполномоченный Центральной контрольной комиссии КП(б)Б и РКИ по Полоцкому округу отмечал, что по причине отсутствия в округе «русской горькой» самогонование увеличилось и приняло «массовый общественный характер к выгонке» [4, л. 98]. В Могилевском округе, напротив, производство нелегального алкоголя уже не носило такого масштабного характера, как ранее, когда «отдельные селения представляли из себя пьяное море» [4, л. 105]. Несколько уменьшились объемы самогонокурения и на территории Калининского округа. В Оршанском округе 78 % от общего числа выявленных самогонщиков являлись «случайными» и занимались выгонкой алкоголя эпизодически [4, л. 111].

В 1924–1925 г. количество изъятых самогонных аппаратов выросло на 22,4 % по сравнению с 1923–1924 г. Из данных милиции о количестве обнаруженных очагов можно сделать вывод, что объемы самогонования несколько сокращались в июне–сентябре, когда у крестьян уменьшались запасы хлеба и иных продуктов, из которых можно было выгнать самогон [4, л. 6].

Легализация продажи водки повлекла за собой рост масштабов пьянства в городах. Например, в Минске за первую четверть 1925 г. милицией было задержано в пьяном виде 266 человек, за последнюю четверть 1925 г. — до 480, за первую четверть 1926 г. — 527 [5, л. 221]. Антиалкогольная комиссия при организационно-пропагандистском отделе ЦК КП(б)Б отмечала, что пьянство рабочих на фабриках и заводах является одной из причин увеличения количества прогулов, снижения производительности труда, ухудшения качества продукции и т. п. Так, многочисленные факты пьянства и хулиганства были зафиксированы среди рабочих борисовского стекольного завода «Домбаль», где рабочие пропивали за один вечер всю получку — 50 руб. и более [5, л. 222].

Увеличение потребления спиртных напитков влияло на рост преступности. По данным уголовной статистики, число преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, выросло с 1,8 % в первой половине 1924 г. до 3,6 % в первой половине 1925 г. [4, л. 25]. По отдельным видам преступлений такой процент был довольно высоким: в городах среди осужденных за хулиганство пьяные составляли 42 %, за умышленные телесные повреждения — 40 %, в сельских местностях за убийства — 39 % [4, л. 26].

Комиссия по борьбе с хулиганством в ноябре 1926 г. отмечала, что за прошедший год хулиганство в БССР выросло на 90 %, причем рост на город составлял 116 %, а на деревню — около 70 %. По мнению комиссии, причину следовало искать в пьянстве, под воздействием которого мелкое хулиганство часто переходило в «мордобой и поножовщину». Большинство осужденных за хулиганство — 54,5 % — составляла молодежь до 25 лет. По социальному составу 54 % приходилось на крестьян, 25 % — на рабочих, 9,5 % — служащих, 11,5 % не имели обозначенных занятий [6, л. 447]. Комиссия отмечала, что при этом около 40 % хулиганов не поддаются учету. Так, во время съемок фильма «Гришка-свинопас» на площадку явились несколько пьяных парней, разогнали всех участников, поломали аппаратуру и скрылись [6, л. 442].

Пагубное влияние алкоголя затронуло также и членов партии. По линии контрольной комиссии партийные взыскания за пьянство в БССР получили 246 человек, среди которых 115 являлись рабочими, 92 — крестьянами, 39 — служащими [5, л. 21].

Антиалкогольной комиссией чрезмерное употребление спиртного было названо следствием некультурности, праздности, «скуки жизни», неумения организовать свое время, усталости, издерганности, болезненности [5, л. 223]. Причинами были определены тяжелые общебытовые и жилищные условия, мещанский семейный уклад, неудовлетворительная постановка культурной работы, высокая стоимость кино и других зрелищ. Комиссия также отметила «ослабление у некоторых членов партии чувства ответственности перед парторганизацией» и игнорирование «слабости» к выпивке при выдвижении кандидатов на выборные должности. Ситуацию усугубляла несформированность общественного мнения, осуждающего пьянство. Одновременно комиссия выражала опасение, что результатом применения одних только «репрессивных» мер в отношении пьющих членов партии станет превращение алкоголизма в скрытый порок [5, л. 223].

В качестве практических мер по борьбе с пьянством коллегия агитационно-пропагандистского отдела ЦК КП(б)Б в 1926 г. предлагала проводить систематическую антиалкогольную пропаганду, привлекая к ней профсоюзы, комсомол, собрания делегатов, периодическую печать. Сформировать общественное мнение, осуждающее чрезмерное употребление алкоголя, планировалось путем придания разбору дел, связанных с пьянством, общественно-показательного характера. Народному комиссариату здравоохранения поручалось издания брошюр и организация лекций общественно-медицинского характера о пагубном влиянии алкоголя на организм. Альтернативным употреблению алкоголя времяпровождением называлось проведение в клубах вечеринок с разумными играми, вовлечением в них рабочих и их семей [6, л. 51].

На совещаниях коммунистов-культурников при агитационно-пропагандистском отделе Гомельского окружного комитета КП(б)Б в 1928 г. предлагалось открыть в округе чайные. Последние могли заменить «пивнушки», в которые рабочие ходили из-за отсутствия клубов на окраинах города. Предполагалось, что в чайных рабочий сумеет более целесообразно провести время отдыха [7, л. 322].

Несмотря на принятые меры против пьянства и самогонварения, к концу 1920-х гг. они продолжали оставаться значимыми общественными проблемами. На VIII съезде ВЛКСМ, 6 мая 1928 г., Н. И. Бухарин отмечал, что «самогон является сейчас главной помехой в деле отрезвления Советского Союза» [8, с. 76]. Об актуальности проблемы свидетельствовало законодательство: Уголовный кодекс БССР 1928 г. содержал 4 самостоятельные статьи, касающиеся нелегального изготовления и сбыта самогона, в то время как ранее самогонварение подпадало под общую статью о фальсификации и сбыте предметов общественного потребления [9, ст. 147–150].

Таким образом, запрет на продажу крепкого алкоголя провоцировал его нелегальное производство. Легализировав с октября 1925 г. продажу водки, власти рассчитывали на снижение объемов самогонварения, однако по причинам малодоступности хлебного вина в сельской местности и его высокой стоимости данное мероприятие не произвело ожидаемого эффекта. Основными мерами борьбы с пьянством стала антиалкогольная пропаганда и усиление культурной работы в клубах, однако значительного результата данные мероприятия не достигли.

Библиографические ссылки

1. *Шерстнева Е. В.* Санитарное просвещение и пропаганда в борьбе с пьянством и алкоголизмом в СССР в 1920-е годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. № 4. С. 54–58.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 35. Оп. 1. Д. 334.
3. Уголовный кодекс РСФСР // Собр. Указаний и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. 1922. Отд. 1. № 15.
4. НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2606.
5. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2854.
6. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2310.
7. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2309.
8. *Дашкин Р. А., Сомов В. А.* «Вон — самогон!». Проблема пьянства в органах уездной власти Нижегородской губернии в 1920-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2018. № 2. С. 74–88.
9. Уголовный кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики // Собр. Законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства Белорус. Социалист. Совет. Респ. 1928. Отд. 1. № 30.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО КЛАССА БССР В КОНЦЕ 50-х – НАЧАЛЕ 80-х гг. XX в.

Н. А. Поляк

Учреждение образования «Белорусский государственный медицинский университет», пр-т Дзержинского, 83, 220083, Минск, Беларусь, Polyak77@mail.ru

В отечественной историографии тема рабочего класса в СССР и БССР в конце 50-х начале 80-х гг. XX в. являлась одной из самых обеспеченных литературой и источниками. Имеющиеся издания, социальные процессы не рассматривали или касались их опосредованно. В последнее время наблюдается поворот и изучение структурных изменений в социальных группах белорусского советского общества актуализировалось. Наиболее перспективными направлениями для изучения является разработка теоретико-методологической основы, определение категориального аппарата. Изучение и введение в научный оборот материалов по БССР, анализ динамики численности и качественных изменений рабочего класса, систематизация социально-демографических характеристик, определение тенденций структурных изменений рабочего класса.

Ключевые слова: БССР; история рабочего класса; социальные преобразования; актуальные направления исследования; историческая наука Беларуси.

TOPICAL RESEARCH DIRECTIONS IN THE HISTORY OF THE WORKING CLASS OF THE BSSR IN THE LATE 50s – EARLY 80s OF THE 20 CENTURY

N. Poliak

Educational institution “Belarusian State Medical University”, Dzerzhinsky Ave., 83, 220083, Minsk, Belarus, Polyak77@mail.ru

In the domestic historiography, the topic of the working class in the USSR and the BSSR in the late 50s–early 80s of the 20 century was one of the most well-provided with literature and sources. The existing publications did not consider social processes or touched on them indirectly. Recently, a turn has been observed and the study of structural changes in social groups of the Belarusian Soviet society has become relevant. The most promising areas for study are the development of a theoretical and methodological basis, the definition of a categorical apparatus. Study and introduction into scientific circulation of materials on the BSSR, analysis of the dynamics of the number and qualitative changes of the working class, systematization of socio-demographic characteristics, determination of trends in structural changes of the working class.

Keywords: BSSR; history of the working class; social transformations; current research areas; historical science of Belarus.

Тема рабочего класса в отечественной исторической науке и на постсоветском пространстве сегодня переживает этап повышенного исследовательского интереса. Первоначальный период изучения

социально-экономических преобразований в БССР был начат ещё современниками в конце 50-х и завершился в начале 80-х гг. XX в. В это время публиковались монографии, учебники, энциклопедии, сборники научных трудов, материалы конференций, курглых столов и др. Активно издавались нормативно-правовые документы, статистические данные, материалы делопроизводства и др. [1, 2, 3]. Характеризовался данный период наличием большого количества научных текстов, подготовленных с упором на партийную идеологию. В них преобладали однозначные высказывания об успешности экономической системы Советского Союза и ведущей роли рабочих в ней, показатели роста народного хозяйства как заслуга партийного управления. Отсутствие объективного анализа и описания причинно-следственных связей происходящих событий, хотя и подтверждают односторонность изданий, но не занижают их научности. Опубликованные материалы советского периода имеют очевидные достоинства. Введённый в научный оборот богатый фактологический материал стал фундаментом дальнейшего развития исторической науки, а некоторые обобщения и выводы не потеряли своей актуальность и сегодня [4; 5; 6; 7].

Следующий этап исследований советского прошлого пришёлся на конец 80-х – 90-е гг. XX в. Работы, подготовленные в условиях изменившихся политических и экономических обстоятельств, основывались на критике управления, поиске причин неудачного реформирования советской социально-экономической сферы и идеализации рыночных отношений. В силу этого важные аспекты состояния общества и объективные характеристики основных социальных групп в постсоветский период изучены слабо, а сделанные выводы являются дискуссионными [8; 9; 10; 11].

Угасший интерес к советскому прошлому в последнее десятилетие сменился на повышенное внимание историков, политологов, социологов, философов и экономистов России, Беларуси и других бывших союзных республик. Актуальность темы очевидна и задана необходимостью научного и объективного видения основных тенденций советского общества в конце 50-х – начале 80-х гг. XX вв. Понятен и оправдан социальный запрос на историческое осмысление общественного развития, поскольку в это время кардинальных перемен, были заложены основные черты современных обществ.

Несмотря на то, что большое количество монографий и научных изданий посвящалось рабочему классу как основной социальной группе социалистического общества, проблема дальнейшего глубокого ее изучения по-прежнему сохраняется. На первом месте перечня перспективных задач находится глобальная проблема разработки теории вопроса, создание методологических и концептуальных подходов исследования истории

рабочего класса. Выработка теории и методологии должна происходить с учётом современного уровня развития науки и возможностей учёного, доступности источников. Особое внимание необходимо уделить конкретизации терминологии. Требуется детальной проработки и уточнения само понятие рабочего класса как социальной группы, поскольку существующие определения не отражают реальных ее характеристик.

Углубленное изучение социальной сферы и порядок структурных изменений в БССР в рассматриваемый период сегодня необходимо проводить с учётом специфики конкретно республиканского материала. В существующих работах, как правило, рассматривались обобщённые общесоюзные черты дальнейшего укрепления рабочего класса. Местная специфика и особенности социально-экономической жизни Белорусской ССР практически не учитывались или рассматривались поверхностно.

Недостаточно изученными остаются вопросы количественного и качественного роста рабочего класса. В группах научных трудов советского периода приводятся цифры роста или сокращения рабочих некоторых отраслей промышленности БССР, но анализ причин отсутствует. Практически отсутствует информация о методах и формах работы направленных на увеличение числа занятых промышленности, стимулирования эффективности труда, комплексной кадровой политике. Изучение качественных изменений рабочих сводилась к рассмотрению системы профобразования и партийного руководства воспитательным процессом, где основным выводом являлась констатация роста уровня подготовки рабочих. В этой связи внимание исследователей должно быть сконцентрировано на изучении предпосылок и эффективности качественного роста в рабочей среде, изменении содержания труда, условиях формирования национальной научно-технической интеллигенции. Значимым для исторического исследования будет сравнительная характеристика динамики основных количественных и качественных изменений рабочего класса в БССР по периодам: 50-е—60-е гг.; 70-е—начало 80-х гг. и анализ сложностей присущих каждому из них

Значимым для дальнейшей реконструкции событий прошлого, является изучение социального состава рабочего класса, поскольку от этого во многом зависела успешность выбранной советской властью стратегии экономического и политического развития. Трансформационные процессы, происходящие в белорусском советском обществе в конце 50-х гг., являлись маркерами существенных модернизационных явлений в экономической и политической сфере. Малая разработанность социологического облика рабочего класса БССР обуславливалась недостаточным вниманием

к источникам, исходящим от самих рабочих. Отметались вопросы социальной структуры рабочего класса, специфических групп, определения их поведенческих черт и ментальности [12].

Не брались во внимание особенности социальной структуры рабочих и тенденции ее изменения в различных отраслях промышленности. Тесно связаны с особенностями развития экономической сферы и спецификой социальных преобразований в БССР на этапе модернизации, вопросы общей и трудовой миграции населения, социальной политики, источниках пополнения рабочего класса. Изучение причин текучести кадров, постоянной нехватки рабочих рук, сложностях и сдерживающих факторах в развитии общества и экономики, позволят ответить на ряд вопросов, которые ранее не поднимались вовсе.

Несмотря на то, что в 90-е гг. исследователи заговорили о проблемах и кризисных явлениях в жизни советского общества, раскрыть истинные причины нарастающих сложностей в полной мере не удалось. Поэтому ещё одним перспективным направлением исторического поиска может стать выявление общественно-политических факторов противоречий и сложностей, которые начали проявляться белорусском обществе в 70-х гг.

Таким образом, тема рабочего класса и развития народного хозяйства в период модернизации начиная с конца 50-х гг. XX в. была одной из самых популярных в советской историографии. В БССР было опубликовано множество трудов, которые значительное внимание уделяли показателям роста промышленного производства, роли Компартии БССР в увеличении трудовой и культурно-политической активности рабочих и др. Однако, вопросы социальной сферы в них не отражались и носили фоновый характер. После распада СССР, увидевшие свет издания были малочисленными и строились в основном на критике политических и управленческих решений партии и правительства.

На современном этапе развития исторической науки, в условиях оформившегося интереса к теме общественного развития, социальных преобразований, особое место заняла так называемая «рабочая история». Эта тема является одной из актуальных и перспективных для отечественной исторической науки. Множество открытых вопросов и недопустимо малое количество научных изданий позволяют «рабочей истории» стать самостоятельным исследовательским направлением. Социальные характеристики рабочего класса и происходящие в нём структурные изменения заслуживают большего исследовательского внимания, поскольку рабочий класс являлся самым массовым и динамичным, а процессы, происходящие в социальной сфере, были обусловлены изменениями в экономике и политике. На первый план выходят такие перспективные исследовательские

задачи как: выработка теоретико-методологических подходов изучения истории рабочего класса; рассмотрение динамики количественных и качественных изменений с учётом специфики республики, определение направленности и тенденций социальных изменений в рабочей среде, анализ социально-демографических характеристик занятых в промышленности по отраслям, выявление противоречий и сложностей структурных изменений и развития советского белорусского общества в конце 50-х–60-х гг. и 70-х–начале 80-х гг. XX в.

Библиографические ссылки

1. Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах. 1918–1978. Минск: Беларусь, 1978.
2. Народное хозяйство Белорусской ССР / Центральное статистическое управление Белорусской ССР. Минск: Беларусь, 1978.
3. *Машэраў П. М.* Справаздача Цэнтральнага Камітэта Кампартыі Беларусі XXVI з’езду. Минск: Беларусь, 1966.
4. Гісторыя Беларускай ССР у пяці тамах. Т. 5. Минск: Навука і тэхніка. 1975.
5. История рабочего класса Белорусской ССР в четырёх томах Т. 4. Минск: Наука и техника, 1987.
6. *Марченко И. Е.* Ведущая сила: Рабочий класс Белоруссии на этапе развитого социализма. Минск: Беларусь, 1980.
7. *Коришук В. К.* Рост трудовой активности рабочего класса: Деятельность КП Беларуси по развитию. Трудовой активности рабочего класса в условиях зрелого социализма. Минск: Беларусь, 1976.
8. *Голубовіч В. І.* Перадумовы, супярэчнасці і гістарычныя ўрокі гаспадарчай рэформы 1965 г. // 3 гісторыі эканамічных рэформаў на Беларусі. 1997. Вып. 2, С. 85–102.
9. *Разуваева Н. Н.* Супярэчнасці і цяжкасці сацыяльна-эканамічнага развіцця СССР у 1961–1985 гг. // Старонкі гісторыі савецкага грамадства. Мінск, 1990. С. 391–413.
10. *Сасим А. М.* Промышленность Беларуси в условиях реформирования и стагнации (1953–1985 гг.). Минск: Экаперспектыва. 2009.
11. *Агееў А.* Вытворчыя канфлікты на прадпрыемствах БССР у 1956–1970 гг. Спосабы ўрэгулявання і ўплыў на кадравую палітыку // Матэрыялы науч-метод конференцыі 25 января 2018. Могилёв: МГУ им. Кулешова. 2018. С. 4–6.
12. *Соколов А. К.* Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Социальная история. Ежегодник. 2002. М.: Российская политическая энциклопедия. 2005. С. 7–52.

ПАДРЫХТОЎКА ДА ЎВЯДЗЕННЯ ПАСАДЫ ЗЕМСКІХ НАЧАЛЬНІКАЎ У МІНСКАЙ, ВІЦЕБСКАЙ І МАГІЛЁЎСКАЙ ГУБЕРНЯХ

Г. А. Страленя

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, stralenia@bsu.by*

У Расійскай імперыі ў канцы XIX ст. была праведзена рэформа мясцовага кіравання, у ходзе якой была ўведзена новая ўлада ў сельскай мясцовасці — інстытут земскіх начальнікаў. Адным з напрамкаў іх дзейнасці стала вырашэнне асноўных праблем у сялянскім асяроддзі. У артыкуле адлюстраваны спецыфічныя рысы ўвядзення інстытута земскіх начальнікаў у Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях, паказаны працэс па падрыхтоўцы да правядзення рэформы, выдзелены асаблівасці яе рэалізацыі.

Ключавыя словы: земскія начальнікі; адміністрацыйныя і судовыя ўстановы; беларускія губерні; сялянскае самакіраванне.

ПОДГОТОВКА К ВВЕДЕНИЮ ДОЛЖНОСТИ ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ В МИНСКОЙ, ВИТЕБСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ

А. А. Страленя

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, stralenia@bsu.by*

В Российской империи в конце XIX в. была проведена реформа местного самоуправления, в ходе которой в сельской местности была введена новая власть — институт земских начальников. Одним из направлений их деятельности было решение основных проблем крестьян. В статье описаны особенности введения института земских начальников в Минской, Витебской и Могилевской губерниях, показан процесс подготовки реформы, выделены особенности ее реализации.

Ключевые слова: земские начальники; административные и судебные учреждения; белорусские губернии; крестьянское самоуправление.

PREPARATION FOR THE INTRODUCTION OF THE POSITION OF DISTRICT CAPTAINS IN MINSK, VITEBSK AND MOGILEV PROVINCES

Н. А. Stralenia

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, stralenia@bsu.by*

In the Russian Empire at the end of the 19th century local government reform was carried out. Due to the reform a new authority for the rural areas was introduced — the institution of district captains. One of the areas of their activity was solving the main problems of the

peasantry. The article describes the features of the introduction of the institution of district captains in the Minsk, Vitebsk and Mogilev provinces, shows the process of preparing the reform, and highlights the features of its implementation.

Keywords: district captains; administrative and judicial institutions; Belarusian provinces; peasant self-government.

Рэформа мясцовага кіравання была праведзена ў беларускіх губернях значна пазней за іншыя рэгіёны Расійскай імперыі. Падрыхтоўка да прывядзення ў дзеянне Палажэння ад 12 ліпеня 1889 г. у Віцебскай, Мінскай і Магілёўскай губернях пачалася ў 1893 г. пасля таго, як міністр унутраных спраў І. М. Дурнаво звярнуўся да мінскага губернатара М. М. Трубяцкага, з прапановай выказаць сваё меркаванне па дадзеным пытанні [1, арк. 28]. З такой прапановай міністр звярнуўся і да губернатараў віцебскага і магілёўскага.

Мінскі губернатар у адказ на зварот міністра ўнутраных спраў 2 сакавіка 1894 г. сцвярджаў, што ўвядзенне новага органа ўлады не сустрэне ніякіх цяжкасцяў у беларускіх губернях, разам з тым дазволіць больш эфектыўна вырашаць пытанні сялянскага кіравання. Губернатар лічыў, што у вызначаны перыяд службовыя асобы не спраўляліся ў поўнай меры з усімі ўскладзенымі на іх функцыямі [1, арк. 36]. Акрамя таго, ён падкрэсліваў, што земскія начальнікі змаглі б больш эфектыўна вырашаць штодзённыя пытанні, паколькі надзелены шырокімі паўнамоцтвамі і сумяшчаюць ў сваіх руках як адміністрацыйную, так і судовую ўладу.

Паралельна міністр унутраных спраў удакладніў пытанне аб колькасці ўчасткаў земскіх начальнікаў і гарадскіх суддзяў. Крытэрыямі іх вызначэння служылі наступныя параметры: колькасць воласцяў на адным участку павінна складаць ад 3 да 6, душ мужчынскага полу — ад 10 да 15 тысяч [1, арк. 81]. У сувязі з гэтым, на пасяджэнні Мінскай губернскай па сялянскіх справах прысутнасці 1 верасня 1895 г. была падтрымана прапанова губернатара падзяліць тэрыторыю на 67 земскіх участкаў. Пасада гарадскога суддзі па прапанове губернскай прысутнасці павінна была быць уведзена ў Мінску, Бабруйску і Пінску [1, арк. 92].

Магілёўскі губернатар М. А. Зіноўеў у сваім звароце да міністра ўнутраных спраў наконт увядзення пасады земскіх начальнікаў падтрымаў пазіцыю М. М. Трубяцкага. Больш за тое, ён лічыў неабходным пашырыць сферу дзейнасці земскіх начальнікаў [1, арк. 46]. Да іх функцыянальных абавязкаў павінны былі перайсці, на яго думку, паўнамоцтвы па забеспячэнні страхавання сельскіх пабудов. М. А. Зіноўеў падкрэсліў, што земскія начальнікі павінны адказваць за забеспячэнне насельніцтва харчаваннем, выдачу пазык і дапамог у выпадку пажару ці неўраджаю.

Акрамя таго, ён прапанаваў перадаць земскім начальнікам пазямельнае ўладкаванне старавераў, сельскіх вечных чыншавікоў і праваслаўных арандатараў [1, арк. 49–52].

Неабходнасць увядзення пасады земскіх начальнікаў на тэрыторыі Віцебскай губерні адстойваў віцэ-губернатар У. А. Левашоў. Яго пазіцыя па гэтым пытанні была выкладзена ў справаздачы аб стане Віцебскай губерні, якая была прадстаўлена ў Камітэце міністраў 16 мая 1895 г. Імператарам у сувязі з гэтым была зроблена паметка «Ці не рана?» [2, с. 23].

Актыўных мерапрыемстваў па падрыхтоўцы да правядзення рэформы ў Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях практычна не праводзілася да 1898 г. Толькі 10 лютага 1898 г. міністр унутраных спраў І. Л. Гарамыкін накіраваў ліст мінскаму губернатару з просьбай зноў выказаць сваё меркаванне па гэтым пытанні [3, арк. 3].

У далейшым МУС прыйшло да высновы аб неабходнасці ўвядзення ў Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях пасады земскіх начальнікаў. Але на этапе падрыхтоўкі ўзніклі рознагалосці паміж Міністэрствам унутраных спраў і Міністэрствам юстыцыі. Прычынай стала неабходнасць вызначэння колькасці земскіх і гарадскіх участкаў. Міністр юстыцыі М. В. Мураўёў адзначыў некасную працу над праектам па рэалізацыі рэформы з боку мясцовых губернатараў. Гэта было звязана з тым, што па ўстаноўленых правілах усе мясцовыя распараджэнні па падрыхтоўцы рэформы ўскладаліся на губернатара, часовыя губернскія і павятовыя камітэты з удзелам прадстаўнікоў судовага ведамства. Гэты парадак быў парушаны ў Віцебскай, Мінскай і Магілёўскай губернях, дзе праект рэформы разглядаўся толькі губернскімі па сялянскіх справах прысутнасцямі. Па гэтай прычыне, на думку міністра юстыцыі, многія бакі рэформы засталіся недастаткова прапрацаванымі. У якасці прыкладу міністр прывёў пытанне аб колькасці гарадскіх суддзяў і аб межах іх участкаў у Мінскай губерні, якое разглядалася без удзелу саміх суддзяў, а таксама пытанне аб арганізацыі суда і кіравання ў мястэчках са значнай доляй яўрэйскага насельніцтва [3, арк. 76].

Спрэчка ўзнікла вакол павятовых гарадоў Навагрудак, Рэчыца, Мазыр і Ігумен, а таксама гарадоў Нясвіж і Докшыцы. У праектах МУС і губернскай па сялянскіх справах прысутнасці на гэтыя гарады распаўсюджвалася юрысдыкцыя земскіх начальнікаў. Мінскаму губернатару М. М. Трубяцкаму быў накіраваны канфідэнцыйны ліст ад кіраўніка Земскага аддзела МУС Г. Г. Савіча, у якім паведамлялася, што міністр юстыцыі настойваў на неабходнасці ўвядзення ў гэтых гарадах пасады гарадскога суддзі.

Спрэчнае пытанне аб увядзенні ў павятовых гарадах пасады гарадскога суддзі было вынесена на сесію Дзяржаўнага савета ў 1899 г., дзе меркаваўся

разгляд праектаў Міністэрства ўнутраных спраў і Міністэрства юстыцыі аб распаўсюджванні дзеяння «Палажэння аб земскіх участковых начальніках» на Мінскую, Віцебскую і Магілёўскую губерні [3, арк. 78–79]. Аднак на гэтым паседжанні з-за рознагалоссяў увядзенне інстытута земскіх начальнікаў у беларускіх губернях апынулася пад пытаннем. Тым не менш, імператар 7 чэрвеня 1899 г. прызнаў неабходным распаўсюджванне на дадзеныя губерні законапалажэнняў ад 12 ліпеня 1889 г. [4, с. 369].

Па загадзе міністра ўнутраных спраў ствараліся губернскія камітэты па прывядзенні ў дзеянне «Палажэння аб земскіх участковых начальніках» [5, арк. 6]. Акрамя таго, былі створаны часовыя павятовыя камітэты на чале з павятовымі правадырамі дваранства. Губернскія камітэты павінны былі прадставіць у МУС справаздачу аб колькасці земскіх участкаў, аб увядзенні ў павятовых гарадах пасады гарадскога суддзі і аб распаўсюджванні юрысдыкцыі земскіх начальнікаў на розныя катэгорыі сельскага насельніцтва. Сітуацыя ўскладнялася тым, што сельскае насельніцтва Беларусі мела стракатую структуру, у якой асобна вылучаліся стараверы і праваслаўныя арандатары. Яны займаліся сельскай гаспадаркай, але прыпісваліся, як правіла, да мяшчанскага саслоўя [6, с. 209]. Задачай павятовых камітэтаў стаў збор максімальна поўных звестак па гарадах і мястэчках.

На пасяджэнні Мінскага часовага губернскага камітэта 10 верасня 1899 г. было прынята рашэнне, што ўсе мястэчкі Мінскай губерні павінны быць уключаны ў склад земскіх участкаў. Прычынай такога рашэння стала нязначная колькасць у іх насельніцтва. На думку часовага губернскага камітэта, толькі мястэчка Разводава Навагрудскага павета магло быць уключана ў склад участка гарадскога суддзі [5, арк. 40].

Дыскусійныя пытанні, звязаныя з правядзеннем у Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях рэформы мясцовага кіравання, абмяркоўваліся ў Дзяржаўным савеце. Найбольшыя рознагалосці выклікала пытанне аб падсуднасці валасному суду яўрэяў, асоб, якія паходзілі з былой шляхты, вечных чыншавікоў, арандатараў праваслаўнага веравызнання, старавераў, аднаверцаў, мяшчан, рамеснікаў і цэхавых. Меркаванні наконт гэтага падзяліліся. Большасць прыйшла да высновы аб захаванні падсуднасці валасному суду розных катэгорый насельніцтва, якія мелі пастаяннае месцажыхарства ў сельскай мясцовасці. Меншасць савета палічыла неабходным выключыць з падсуднасці валаснога суда справы, дзе абодва бакі з'яўляліся прадстаўнікамі яўрэйскага насельніцтва. У сувязі з гэтым яны абавіраліся на рашэнне Віцебскага і Мінскага губернскіх камітэтаў, якія сцвярджалі, што яўрэйскае насельніцтва аказвала «шкодны ўплыў»

на дзейнасць валасных судоў і на ход судовых разбораў [4, с. 381–382]. На паседжанні Дзяржаўнага савета не было прынята надзінага меркавання па дадзеным пытанні.

12 чэрвеня 1900 г. імператарам было прынята «Найвышэйша зацверджанае меркаванне аб распаўсюджванні законапалажэнняў 12 ліпеня 1889 г. аб пераўтварэнні сялянскіх і судовых устаноў на губерні Віцебскую, Мінскую і Магілёўскую» [7, с. 762–764].

У чэрвені 1901 г. міністр унутраных спраў Дз. С. Сіпягін накіраваў ліст мінскаму губернатару, у якім паведаміў, што МУС сумесна з Міністэрствам юстыцыі і Міністэрствам фінансаў устанавіла ў якасці канчатковага тэрміну ўвядзення ў дзеянне на тэрыторыі Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губерняў «Палажэння аб земскіх участковых начальніках» 1 кастрычніка 1901 г.

У гэты перыяд быў праведзены шэраг мерапрыемстваў па практычнай рэалізацыі рэформы мясцовага кіравання. У прыватнасці, Мінская губернская па сялянскіх справах прысутнасць зацвердзіла падрабязную інструкцыю для павятовых з'ездаў, валасных праўленняў і земскіх начальнікаў на конт іх першапачатковай дзейнасці [5, арк. 239].

Міністр унутраных спраў даручыў губернатарам правесці «ўрачыстыя мерапрыемствы з нагоды ўвядзення новай пасады, каб усім было відаць, якое значэнне надаецца новай рэформе» [5, арк. 355]. У Мінскай губерні 1 кастрычніка 1901 г. прайшла літургія, якую правёў епіскап Мінскі і Тураўскі Міхаіл. Земскія начальнікі, якія не займалі раней судовых пасадаў, былі ўрачыста прыведзены да прысягі [5, арк. 357].

У кастрычніку 1901 г. пачалі сваю працу павятовыя з'езды. На іх першых пасяджэннях былі разгледжаны пытанні аб назначэнні кандыдатаў у валасныя судзі, аб выбранні земскіх начальнікаў членамі павятовай па воінскай павіннасці прысутнасці. Найбольш востра стаяла пытанне аб неабходнасці часовай замены земскіх начальнікаў, якія не прыступілі свечасова да сваіх службовых абавязкаў [5, арк. 361–366].

Міністр унутраных спраў у лісце віцебскаму губернатару І. І. Чапалеўскаму напісаў, што пасля ўвядзення інстытута земскіх начальнікаў у Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях імператар адзначыў: «дзякую за праяўленыя пачуцці і спадзяюся, што земскія начальнікі і ў беларускіх губернях прынясуць такую ж карысць, якую яны ўжо прынеслі ў іншых мясцовасцях Расіі» [8, арк. 64].

Увядзенню інстытута земскіх начальнікаў у Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях папярэднічаў доўгі працэс абмеркавання магчымасці распаўсюджвання рэформы мясцовага кіравання на гэтыя тэрыторыі. Падрыхтоўка да яе правядзення атрымала шэраг асаблівасцяў, што, у сваю чаргу, было звязана з больш складанай сацыяльнай і канфесійнай

структурай насельніцтва беларускай вёскі, незавершанаасцю і неўпарадкаванаасцю працэсу ўрэгулявання пазямельных адносін, рознагалоссямі паміж Міністэрствам унутраных спраў і Міністэрствам юстыі па пытаннях падзелу паўнамоцтваў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Матэрыялы о подготовке к приведению в действие Положения 12 июля 1889 г. о введении института земских начальников на территории Минской губернии с 1 октября 1901 г. (1893–1895 гг.) // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). Ф. 1595. Воп. 1. Спр. 54.
2. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1893 г. генерал-губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников. СПб: Гос. тип., 1895. 115 с.
3. Материалы о подготовке к приведению в действие Положения 12 июля 1889 г. о введении института земских начальников на территории Минской губернии с 1 октября 1901 г. // НГАБ. Ф. 1595. Воп. 1. Спр. 61.
4. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1899–1900 гг. СПб: Тип. Второго Отд-ния Собств. Е. и. вел. канцелярии, 1900. Т. 2. VII.
5. Материалы по подготовке к приведению в действие Положения от 12 июля 1889 с 21 июля 1899 г. по 8 октября 1901 г. // НГАБ. Ф. 1595. Воп. 1. Спр. 65.
6. *Каханоўскі А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.). Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2013.
7. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о распространении законоположений 12 июля 1889 года о преобразовании крестьянских и судебных учреждений на губернии Витебскую, Минскую и Могилевскую : 12 июня 1900 г., №18854 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 т. СПб., 1900, Т. 20. С. 762–764.
8. Дело о выборах волостных судей, о запрещении евреям приобретать от помещиков и крестьян поземельную собственность в западных губерниях // НГАБ. Ф. 2716. Воп. 1. Спр. 2.

СЯЛЯНЕ БЕЛАРУСІ ВА ЎМОВАХ ВЯЛІКАЙ ПАЎНОЧНАЙ ВАЙНЫ

У. А. Сосна

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, Sosna@bsu.by*

У гістарыяграфіі створана нямала міфаў аб паводзінах беларускіх сялян падчас войнаў познефеадальнага перыяду, аж да поўнага зааганжавання іх на адным з бакоў ваеннага змагання. Матэрыялы Вялікай Паўночнай вайны сведчаць, што сяляне найперш кіраваліся сваімі сацыяльнымі інтарэсамі. Яны разам з маёмасцю хаваліся пераважна ў цяжкадаступных мясцінах лясоў ці балот і давалі адпор тым, хто на гэта пасягаў. Аднак у сялян ужо пачала абуджацца цікавасць да ваенна-палітычных падзей, што адлюстравалася ў вуснай народнай творчасці.

Ключавыя словы: Вялікая Паўночная вайна; Швецыя; Расія; сяляне Беларусі.

КРЕСТЬЯНЕ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

В. А. Сосно

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Sosna@bsu.by*

В историографии создано немало мифов о поведении белорусских крестьян в годы войн позднефеодального периода, вплоть до их полного вовлечения на одну сторону военной борьбы. Материалы Великой Северной войны показывают, что крестьяне руководствовались прежде всего своими социальными интересами. Вместе со своим имуществом они чаще всего прятались в труднодоступных местах леса или болот и давали отпор тем, кто на это посягал. Однако уже начал просыпаться интерес крестьян к военно-политическим событиям, что нашло отражение в устном народном творчестве.

Ключевые слова: Великая Северная война; Швеция; Россия; крестьяне Беларуси.

PEASANTS OF BELARUS IN THE CONDITIONS OF THE GREAT NORTHERN WAR

U. A. Sosna

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Sosna@bsu.by*

In historiography, many myths have been created about the behavior of Belarusian peasants during the wars of the post-feudal period, up to their complete involvement on one side of the military struggle. The materials of the Great Northern War show that the peasants were primarily guided by their social interests. Together with their property, they mostly hid in hard-to-reach places of forests or swamps and repelled those who encroached on it. However, the interest of the peasants in military and political events has already begun to awaken, which was reflected in oral folk art.

Keywords: Great Northern War; Sweden; Russia; peasants of Belarus.

У народнай памяці склалася такая легенда аб «вайне шведскай»: «<...> Мноства рознага войска цяглося па свеці. От тады ішлі якіясьці Сасы, Тарантасы, не зналі нашай мовы, а мы іх. Бог іх ведае, як яны гаварылі, толька ўвойдзе да хаты і крычыць: „Пекі кўрно!“, то ледва дамысліліся, што ён кажа: „Палі печ!“. Забіралі людзям хлеб, авёс, на фурманкі гналі, а некаторыя як паехалі, то і прапалі з імі заўсім... А возьмуць дзяцей, паза-саджаюць шыямі за лаву, прыціснуць лаваю і падушачь. А старшыя паў-цякалі да леса, дзеўкі ўсе ў лесе сядзелі, бо не можна было быць дома... А як катора выйдзе з лесу, то ўжо яе ўхопяць і робяць, што хочуць, з ёю» [1, с. 256]. Зрэшты, падобнае апавядалі пра татараў і туркаў.

Да таго ж, увесь Балтыйскі рэгіён ахапіла жахлівая эпідэмія чумы, якая лютавала на тэрыторыі Беларусі з 1708 па 1711 г. Так, на працягу 1710 г. у 15 вёсках Мірскага графства памерла 1480 чалавек і ў выніку было страчана 165 дымоў. На пачатку 1711 г. люстрацыя зафіксавала для падаткаабкладання толькі 81 дым. Адпаведна агульныя страты склалі больш 75 % адзінак падаткаабкладання і адпаведна насельніцтва [2, с. 82].

Як жа паводзілі сябе сяляне ва ўмовах гэтай вайны на землях Беларусі? Калі дасавецкія гісторыкі амаль што ігнаравалі іх у гэтым плане, не лічачы істотнай ваенна-палітычнай сілай, то ў савецкай гістарыяграфіі было створана нямаля міфаў і перабольшванняў, якія ўводзіліся нават у абагульняючую навуковую і навучальную літаратуру. Яшчэ тады аб гэтым рашыўся напісаць у рэцэнзіі на вучэбны дапаможнік для студэнтаў гістарычных факультэтаў ВНУ [3] славуты даследчык айчынай мінуўшчыны Мікалай Улашчык: «Желание авторов показать патриотизм белорусских крестьян приводит к неожиданным результатам. Например, утверждается, что „крестьяне и горожане обеспечивали русских солдат оружием, обувью, продовольствием, несли разведывательную службу“. И далее: „Чтобы задержать продвижение шведов, крестьяне разрушали мосты, сооружали засеки и завалы. Партизаны громили шведские гарнизоны, уничтожали фуражирские отряды“. В общем, в изображении автора этой главы обстановка в 1707–1708 гг. оказалась точно такой, какой была в 1941–1944 гг. <...> Получается, что, в сущности, всю борьбу против шведов вели белорусские крестьяне. Что же тогда делала русская армия? Возникает и еще один вопрос: откуда у крестьян взялось оружие, да еще в таком количестве, чтобы снабдить армию? Откуда они взяли кожаную обувь для солдат, если сами ходили в лаптях?

Смягчены условия войны 1812 г., когда крестьяне чуть ли не по своей охоте (и опять, как в начале XVIII ст., без разрешения помещика) доставляли русской армии продукты и подводы. О том, что в 1812 г. в Белоруссии

было развито партизанское движение, в „Истории“ сказано, но об антифеодалном — ни слова. Почему-то это „не влезало“ в схему авторов» [4, с. 164–165].

Каб прадставіць сялян, адпаведна накінутай ідэалагічнай «схеме», як актыўных удзельнікаў ваеннага змагання, прычым заангажаваных выключна на адным баку, гісторыкам прыходзілася падбіраць і нават перакручваць патрэбныя факты, цалкам ігнаруючы супярэчныя. Да прыкладу, шырока распаўсюдзілася сцверджанне аб замаху сялян на Карла XII непадалёку ад Гродна. Насамрэч, шведская войска з каралём натыкнулася на сялянскую засеку і абстрэлы ў мазурскіх лясах, трымаючы кірунак на Гродна [5, с. 304–305]. Па дарозе з-за дрэваў і кустоў пастрэльвалі мясцовыя жыхары і сустрэлася «шайка» ў 50 чалавек, саслоўны склад якіх не вядомы [6, с. 224]. Сялянам катэгарычна прыпісвалі правод рускіх войскаў на перахоп корпуса Левенгаўпта і да вёскі Лясная, нават назваўшы такім правадніка Петраковіча [7, с. 397]. Аднак у першакрыніцы сам Пётр I межаваў яго шляхціцам, а саслоўную прыналежнасць іншага «вожа» не акрэсліў [8, с. 286–287]. Гэта не азначае, што сяляне зусім не мелі дачыненняў да ваенных падзей, але пры іх аб’ектыўным паказе важна адкінуць перабольшванні, зададзенасці і тым больш фальсіфікацыі.

Сапраўдны ўсплёск масавай сялянскай актыўнасці адбыўся на завяршальным этапе грамадзянскай вайны ў ВКЛ 1696–1702 гг. і пачатку вайны Паўночнай 1700–1721 гг., калі рэзка ўскладнілася сітуацыя на ўсходзе Беларусі. Магнацкі род Сапегаў змагаўся за ўладу ў Княстве са шляхтай («рэспубліканцамі»), ўзначальваемай князямі Агінскімі і Вішнявецкімі. У вырашальнай бітве пад Алькенікамі непадалёку ад Вільні ў лістападзе 1700 г. князі Сапегі пацярпелі паразу. Не спадзеючыся на ўласныя сілы, яны з’арыентаваліся на дапамогу Швецыі, а іх праціўнікі — на саюз з Расіяй. Далей барацьба паміж варагуючымі бакамі разгарнулася галоўным чынам у Падняпроўі. Тут Сапегам на правах уласнасці належаў шэраг буйных маёнткаў, а ў карыстанні знаходзілася разлеглая Магілёўская эканомія. Сапегаўскай была і адна з мацнейшых крэпасцяў Беларусі — Стары Быхаў. У міжусобнай барацьбе шляхта рабавала не толькі іх двары і маёмасць, але паліла, спусташала ўсе акаляючыя вёскі, чым было незадаволена насельніцтва. Сапегі вырашылі скарыстацца гэтым, каб стварыць буйныя казацка-сялянскія атрады для барацьбы са сваімі праціўнікамі [4, с. 165].

Паўстанне распаўсюдзілася па тэрыторыі Аршанскага павета, а найперш ў Дубровенскім графстве, а таксама Быхаўскім графстве Мсціслаўскага ваяводства. Сутыкненні мелі месца і ў раёне Лоева. Паводле прыблізных максімальных ацэнак, агульная колькасць удзельнікаў склала да 40 тысячаў [9, с. 94–95].

Галоўнай базай паўстання быў Стары Быхаў, дзеля ўзяцця якога «рэспубліканцы» звярнуліся па дапамогу ў Маскву. Пасля адкрытага пераходу ў сакавіку 1702 г. Сапегаў на бок караля Карла XII, паўстанцы пачалі разглядацца як прыхільнікі шведаў. На загад Пятра I у Падняпроўе сталі прыбываць расійскія і ўкраінскія войскі, што змяніла сітуацыю на карысць «рэспубліканцаў». Пасля напружанай аблогі, 10 лістапада 1702 г. Быхаў ганарова капітуляваў. Яго абаронцы, у тым ліку казакі і сяляне, атрымалі амністыю.

Сяляне складалі асноўную масу гэтага маштабнага паўстання, але яно было шматаслоўным, бо ў барацьбе прымалі ўдзел казакі, дробная шляхта, баяры, мяшчане і татары. Паўстанне мела і міжнародныя наступствы, бо прычынілася да збліжэння Вялікага Княства Літоўскага з Расіяй і ўступлення ў Паўночную вайну [10, с. 19–20].

Звычайна сяляне паводзілі сябе, зыходзячы найперш з уласных сацыяльных інтарэсаў. Як правіла, па ўласнай ініцыятыве яны не прымалі ўдзелу ў ваенных дзеяннях, але рэагавалі, іншы раз востра, калі закраналіся іх быт і маёмасць. Аб гэтым можна меркаваць хаця б з падання, якое захавалася ў вёсцы Моталь Іванаўскага раёна: «Аднойчы ў Моталі спыніўся на начлег швэдскі атрад. Адзін зух афіцэр стаў чапляцца да гаспадынінай дачкі. Маці не вытрымала здзекаў, выхапіла з печы патэльню і лінула з яе ў вочы прыхадню. Афіцэр сканаў... і цяпер у Моталі пра чалавека, чырвонага тварам, кажуць: ашпараны, як швэд. А скваркі ў вёсцы называюць не інакш, як швэдамі» [11]. Сярод сілавых форм супраціву хутчэй былі выпадкі адзінкавых нападаў на канкрэтных жаўнераў. Так, у маі 1708 г. мірскі адміністратар Я. К. Барташэўскі згадваў пра забітага каля Свержання шведскага жаўнера, утопленага з каменем на шыі. Адміністратар лічыў, што шведа забілі сяляне ў адказ на збор кантрыбуцыі [12, с. 173]. Здараліся і больш масавыя праявы супраціву захопнікам, ці, дакладней, захопам. Аб адной з такіх у раёне Чарэі пісаў падпарадкаваны Левенгаўпту лейтэнант Пётрэ: «Я получил устный приказ... сделать вылазку в лес, чтобы найти скот, который как всегда прятался там. Около полудня с 32 солдатами я дошел до ужасного болота, где напал примерно на 300 крестьян, которые охраняли своих животных. Они так яростно атаковали меня с косами, топорами, кольями и ружьями, что не только я получил два здоровенных удара колом, но у меня было ранено 4 солдата, а один... был убит на месте. Не считаясь с моим ожесточенным сопротивлением, они заставили меня бежать и оставить их добро в покое, куда я не получил помощи от фельдфебеля Бонга с 20 солдатами... При своем отступлении крестьяне старались увести с собой как можно больше скота и лошадей, но я так упорно преследовал их, что после 3 часов активного отпора они бросили

184 головы крупного рогатого скота, 254 овцы и 35 лошадей, помимо 15 убитых и 5 раненых» [13, с. 19–20]. Не дзіва, што сяляне, раззлаваныя мардаваннем з-за правіянту, пасля паразы Левенгаўпта пад Лясной лавілі, рабавалі і білі разбегшыхся па лясках шведаў [13, с. 76].

І ўсё ж першай і асноўнай рэакцыяй сялян падчас ваеннага ліхалецця была схавацца і ўнікнуць сустрэч з вайсковымі фарміраваннямі, аб чым захавалася нямала звестак у крыніцах. Яшчэ ў перыяд вайны Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг. сяляне неахвотна ішлі пад абарону гарадскіх умацаванняў, бо «ўся іх надзея ў лясках». У 1702 г., рэагуючы на набліжэнне шведскай арміі, ураднікі радзівілаўскіх уладанняў заклікалі падданных перасяльца ў нясвіжскую фартэцыю, калі яны не паўцякалі хавацца «па лежах». Аднак сяляне ў большасці, пад уплывам чутак аб шведах, разбегліся па лясках, іх нават немагчыма было сабраць для правядзення сельска-гаспадарчых работ [12, с. 168–171]. На Палессі меў месца і такі выпадак, хутчэй за ўсё у раёне Пінска, дзе ў 1706 г. пабываў Карл XII са шматлікім войскам. Сяляне з дапамогай дошак павымошчвалі праходы ў балотах і даволі далёка ад вёсак знайшлі выспу, прыгналі туды хатнюю жывёлу, занеслі харчовыя прыпасы, змайстравалі буданы і зладзілі штосьці накшталт капліцы, павесілі на папярочцы між дрэвамі царкоўны звон. Тыдняў праз дзесяць, пачуўшы, што шведы сышлі, улегцы вярнуліся дадому, але забраць астатнюю маёмасць і звон ужо не паспелі, бо шляхі раскіслі і балоты сталі непраходнымі на доўгія часы. Толькі ў 1828 г., калі выдалася вельмі спякотнае лета і падсохлі балоты, іх нашчадкі нечакана патрапілі на колішняе часовае жылло продкаў і ўрачыста вярнулі звон у прыходскую царкву. Растлумачыць гэтую гісторыю землякам ужо змог толькі адзін «старэйшы са старцаў», які чуў яе ад свайго бацькі [14, с. 330–331]. І падчас французска-расійскай вайны 1812 г. у паводзінах сялян назіралася тая самая тэндэнцыя, аб чым сведчаць мемуары афіцэра Ізюмскага палка К. Мартэнса аб адступленні па беларускай тэрыторыі: «У нас не было ні сьестных прыпасов, ні фуража, і нельга было дастаць проводніка, так как все население редких и в этой местности и бедных деревушек спряталось в лесах. Мы блуждали таким образом несколько дней; надобно было во что бы то ни стало найти выход из этого положения; мы уже думали, что нам придется сдаться в плен неприятелю». Аб цяжкасцях у гэтай сувязі войскам паведамлялася і ў Журнале 1-га егерскага палка: «Изнурение людей до того простиралось, что несколько егерей пали мертвыми на пути, а у многих, по истощении всего пота, выступила подмышками кровь. Облегчить их не было способа, ибо поселяне все удалились со своим имуществом в леса, а кавалерия занята была удерживанием неприятеля» [15, с. 32–33].

Арміі зводзячых на тэрыторыі Беларусі паміж сабой рахункі дзяржаў не прадугледжвалі ўцягнення мясцовых сялян у актыўныя баявыя дзеянні, затое безаглядна выкарыстоўвалі матэрыяльныя рэсурсы вёскі. Яе ж насельнікі пры неабходнасці прыцягваліся да інжынерна-фартыфікацыйных прац, аказання інфармацыйна-правадніцкіх паслуг, самае большае — нясенне патрульна-вартавой службы. Пры гэтым згода сялян не патрабавалася, а іх адносіны да ваюючых бакоў не ўлічваліся. Ды і ў вайсковых фарміраваннях самой Рэчы Паспалітай сяляне маглі прысутнічаць абмежавана, у якасці дапаможнай сілы, для суправаджэння.

Нягледзячы на абумоўленыя феадальнай сістэмай адчужанасць і адсунутасць сялян ад ваенна-палітычнай сферы, у іх асяроддзі абуджалася цікавасць не толькі да таго, што адбывалася навокал, але нават і вялікай палітыкі. Менавіта з часоў Паўночнай вайны ў нашым фальклоры пачала акрэслівацца дакладная канкрэтыка такога роду гістарычных падзей, нахталт: «Швед, разбіты пад Лясной, трапіў у балота Чыстая Лужа. Там патанулі ў дрыгве яго гарматы, коні, людзі, а галоўны начальнік іх — Левенгаўпт — кінуўся цераз Браззілаў мост на Прапойск. Прапойскія перавознікі на вачах у шведаў хутка знішчылі паромы на Сожы... У той жа час на левым баку Сожа, у Старынцы і Краснаполлі, з'явіліся казакі. Яны не дапусцілі шведаў да пераправы і пагналі іх далей, на Рудню... Тут шведы пакідалі сваё ваеннае снаражэнне ў балота і разбегліся па лясах, ратуючыся ад пагоні рускіх... Начальнікі шведскія кінуліся да Сожа, закапалі там пад сасновым крыжам кучу золата і срэбра... І давай уцякаць па слядах свайго караля» [1, с. 257].

У тагачасным ананімным сатырычным творы «Карнавал замежны ў Польшчы», перададзеным у Магілёўскай хроніцы Юрыем Трубніцкім, «сяляне і жабракі, лямантуючы і плачучы, пра сябе думаюць:

Шкада нам зараз гэтых нашых панаў,
Што нашы шкуры, і з іх саміх, як з тых баранаў,
То сас, то шведы лупяць.
Ці дурныя галовы маюць,
Ці не хапае сіл і рады.
Каралеўства ў тло з-за гэтых звадаў» [16, с. 331–332].

Адэкватнае, калі аўтар правільна ўлавіў настроі сялян, разуменне ваенна-палітычнай сітуацыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Легенды і паданні / Склад. М. Я. Грынблат і А. І. Гурскі. 2-е выд., дап. і дапрац. Мінск: Бел. Навука, 2005. 552 с.

2. *Галубовіч В.* Лакальны эпізод беларускай трагедыі: дэмаграфічныя наступствы эпідэміі 1710 г. у Мірскім графстве // *Мір на стрыжаванні нацыянальных культур: мінулае і сучаснасць: Матэрыялы навук-практ. канф. (Мірскі замак, 19–20 верасня 2019 г.) / рэдкал.: А. Ч. Лойка [і інш.].* Мір: Музей «Замкавы комплекс „Мір“», 2022. С. 80–84.
3. *История БССР. Учебное пособие для вузов. Ч. 1.* Минск: Из-во БГУ, 1981. 328 с.
4. *Улашчык М.* Выбранае / Уклад. А. Каўкі і А. Улашчыка. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. 608 с.
5. *Донских С. В.* Гродненская военная кампания 1705–1706 гг. / С. В. Донских. Мир: Музей «Замковый комплекс «Мир», 2017. 409 с.
6. *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. VIII. Т. 15–16. М.: Мысль, 1997. 686 с.
7. *Гісторыя Беларускай ССР. У 5-ці тамах. Т. 1.* Мінск: Навука і тэхніка, 1972. 632 с.
8. *Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова.* В 2-х вып. Вып. 1. М.: «Кругъ», 2004. 632 с.
9. *Игнатенко А. П.* Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII–XVIII в.). Минск: БГУ, 1974. 192 с.
10. *Віцько Дз. В.* Паўстанне 1701–1702 гг. на ўсходзе Беларусі // *Беларускі гістарычны часопіс.* 2007. № 4. С. 15–21.
11. *Пархута Яраслаў.* Кара // *Голас Радзімы.* 1989. 12 кастрычніка.
12. *Дзям'ян П. Л.* Адаптыўныя стратэгіі паводзін падданных князёў Радзівілаў на землях ВКЛ у перыяд войнаў сярэдзіны XVII–першай чвэрці XVIII ст. // *Архіварыус: зб. нав. паведамл. і арт.* Вып. 21. Мінск, 2023. С. 164–175.
13. *Артамонов В. А.* Заря Полтавской победы (1708–2008). К 300-летию победы Петра Великого при Лесной. Могилёв: МГУ им. А. А. Кулешова, 2008. 109 с.
14. *Живописная Россия: Отечество наше в его зем., ист., плем., экон. и быт значении: Литов. и Белорус. Полесье: Репринт. воспроизведение изд. 1882 г.* Минск.: БелЭн, 1993. 496 с.
15. *Власенко А. В.* Отступление отряда генерала И. В. Дорохова, лето 1812 г. // *Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. XIX: сб. материалов.* Москва: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник. 2022. С. 19–43.
16. *Беларускія летапісы і хронікі: Пер. са старажытнарускай, старабеларус. і польск.* Уклад. У. Арлова. Мінск: «Беларускі кнігазбор», 1997. 432 с.

ВКЛАД РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ В ПОДГОТОВКУ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ БССР В 1946–1948 гг.

Д. А. Хомич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, khomicdasha@mail.ru
Научный руководитель — А. Е. Веремейчик, кандидат исторических наук, доцент*

В статье внимание будет уделено первым годам работы Республиканской партийной школы. После завершения Великой Отечественной войны в БССР повсеместно ощущалась нехватка квалифицированных кадров. В республике была создана широкая сеть партийного просвещения. Значительный вклад в подготовку руководящих кадров внесла Республиканская партийная школа.

Ключевые слова: Республиканская партийная школа; руководящие кадры; партийное просвещение; учебный процесс; идеологическая подготовка.

CONTRIBUTION OF THE REPUBLICAN PARTY SCHOOL TO THE TRAINING OF LEADERSHIP PERSONNEL OF THE BSSR IN 1946–1948

D. A. Khomich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, khomicdasha@mail.ru
Supervisor — A. E. Veremeychik, PhD in History, Associate Professor*

The article will focus on the first years of the Republican Party School. After the end of the Great Patriotic War, there was a widespread shortage of qualified personnel in the BSSR. A wide network of party education was created in the republic. The Republican Party School made a significant contribution to the training of leadership personnel.

Keywords: Republican Party School; leadership personnel; party education; educational process; ideological training.

В ходе освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков была создана широкая сеть партийного просвещения. Краткосрочные курсы и тематические семинары для партийных советских и комсомольских работников стали основной формой учебного процесса. Однако необходимы были высшие учебные заведения, которые бы осуществляли более специализированную идеологическую и профессиональную подготовку руководящих кадров. Среди них значимой является Республиканская партийная школа.

Среди материалов Национального архива Республики Беларусь сохранилось немало источников, затрагивающих вопросы становления сети партийного просвещения БССР [3; 4; 5]. Обработка и анализ архивных источников стали основой для написания данной статьи.

К 1946 г. в БССР значительно возросло количество парторганизаций и повысилась результативность партийного просвещения. В БССР активную деятельность проводили областные партийные школы, насчитывалось 208 районных партийных школ, где обучалось 4988 коммунистов, а также 675 сельских партийных школ, где обучалось 5976 коммунистов [4, с. 238]. Также действовали университет марксизма-ленинизма, школа пропагандистов при ЦК КП(б)Б в г. Минске [1, с. 235].

Согласно данным на 1 января 1946 г. наибольшее количество обучающихся в университете марксизма-ленинизма было в Минской области — 197. В Молодечненской и Полоцкой областях обучающихся не было. Наибольшее количество райпартшкол было отмечено в Могилевской области — 23. Наименьшее — в Пинской — 12. Наибольшее количество сельских политшкол было отмечено в Могилевской области — 94. Наименьшее — в Пинской — 17. Наибольшее количество кружков по истории ВКП(б) было отмечено в Минской области — 230. Наименьшее — в Брестской — 34 [4, с. 238]. Таким образом, в Минской и Могилевской областях по состоянию на 1946 г. сеть политпросвещения была развита наиболее широко. В других областях наблюдались более низкие показатели.

Следующим этапом на пути становления сети партийного просвещения стало создание Республиканской партийной школы. Учреждение открыто 2 августа 1946 г., когда было принято специальное постановление ЦК ВКП(б) «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников», согласно которому Партийная школа при ЦК КП(б)Б в Минске была преобразована в Республиканскую партийную школу (РПШ) при ЦК КП(б)Б [2, с. 98]. Принятие данного документа способствовало приобретению Республиканкой партийной школой статуса ведущего учебного заведения, где осуществлялась подготовка руководящих кадров.

Перед началом учебного процесса в учреждении была проведена серьезная работа: подготовлены учебные планы, подобран преподавательский состав, созданы благоприятные условия для обучения. Срок обучения в школе составлял 2 года. Обучение можно было пройти на одном из двух факультетов: партийном и советском. Партийный факультет имел 4 отделения: организационно-партийное, пропагандистское, газетное, комсомольское. Советский факультет не имел отделений [3, с. 109]. Открытие РПШ привлекло внимание многих кадров, в связи с чем первоначальный план приема обучающихся составил 400 человек. Обучение было запланировано в две смены. При поступлении в РПШ абитуриенты сдавали экзамены по белорусскому и русскому языкам, географии, Конституции СССР и истории ВКП(б) [7, с. 48]. Таким образом, желающие обучаться в РПШ проходили строгий отбор и должны были соответствовать ряду критериев.

Большой вклад в осуществление деятельности РПШ внес директор учреждения. В первые послевоенные годы (с 1947 по 1963 г.) им являлся Илья Павлович Кожар (1902–1967). Его заместителями работали В. С. Островский (по учебной части) и А. М. Росся (по хозяйственной части). Учебный процесс обеспечивали пять кафедр: основ марксизма-ленинизма (заведующая А. М. Лазарева), философии (заведующий П. Ф. Протасеня), истории (заведующая А. И. Воронова), политической экономии (позже — экономических наук) (заведующий В. Г. Салосин), языка и литературы (заведующая Н. И. Барташевич) [7, с. 48].

Несмотря на востребованность РПШ и плодотворную работу коллектива, значительно ощущалась нехватка кадров для осуществления учебного процесса. Однако в данном направлении велась целенаправленная работа. В результате к концу 1948 г. на кафедрах работало 62 преподавателя (21 штатный и 41 совместитель, 20 с учеными степенями и 42 без степени), а в 1952 г. — 70 преподавателей (32 штатных и 38 совместителей, 24 с учеными степенями и 46 без степени) [7, с. 49].

Республиканская партийная школа стала основой идеологической и профессиональной подготовки кадров. Обучающиеся изучали ряд дисциплин, непосредственно направленных на формирование идеологически верного мировоззрения. Знание нормативных документов, осведомленность о политических событиях и жизни партии тщательно проверялись на экзаменах [2, с. 176].

Учебный процесс в РПШ завершался в июне сдачей государственных экзаменов по истории ВКП(б), диалектическому и историческому материализму, политической экономии. Так, в 1948 г. для проведения государственных экзаменов решением ЦК КП(б)Б была утверждена Государственная комиссия в составе 13 человек. В 1947/1948 учебном году было 773 слушателя, из них 387 первого курса, 386 второго. В 1948 г. состоялся первый выпуск партийной школы в составе 365 человек. Все выпускники были направлены на руководящую работу: 164 на партийную, 19 на комсомольскую, 58 на газетно-журнальную, 88 на советскую, 26 на хозяйственную [5, с. 10]. 21 слушатель не окончил партийную школу: 4 по болезни, 3 не были допущены, 14 получили неудовлетворительные отметки. Слушатели первого курса держали переводной экзамен. Из 387 человек были переведены на второй курс 333. Всего 49 слушателей имели задолженности по предметам. Можно сделать вывод, что учебный процесс в РПШ был насыщенным. Обучающимся необходимо было прикладывать множество усилий, чтобы успешно освоить программу.

Стоит отметить, что несмотря на сложности учебного процесса, для обучающихся был характерен высокий процент успеваемости:

около 90 % показывали высокие результаты в учебе. Большой интерес к Республиканской партийной школе обусловлен возможностью успешного карьерного роста. Выпускники Республиканской партийной школы работали в подразделениях партийных и советских органов власти, отделах КП(б)Б, комсомольских организациях, в периодических изданиях.

В конце 1948 г. в БССР существовала широкая сеть партийного просвещения. Так, в справке о сети партийного просвещения в городе Минске по состоянию на 30 октября 1948 г. сообщалось, что в городе создана широкая сеть партийного просвещения. Действуют вечерний университет марксизма-ленинизма, в котором занимается 1178 человек; 9 вечерних партийных школ, где занимаются 304 коммуниста; 434 кружков по изучению истории ВКП(б), где занимаются 5079 коммунистов, 480 комсомольцев, 1595 беспартийных; 47 кружков по изучению биографии И. В. Сталина, где обучаются 733 человека; 130 политшкол, где занимаются 2054 человека [22, с. 345–347]. Также самостоятельно изучают теорию марксизма-ленинизма 5025 человек. Таким образом, в БССР осуществлялась качественная подготовка руководящих кадров.

Таким образом, в послевоенный период в БССР наблюдалась нехватка руководящих кадров для партийной, советской и комсомольской работы. В стране была создана широкая сеть партийного просвещения, представленная в основном тематическими курсами и семинарами. Однако необходимы были высшие учебные заведения, которые бы осуществляли более специализированную идеологическую и профессиональную подготовку. Среди них значимой является Республиканская партийная школа, которая стала ведущим учреждением в области подготовки руководящих кадров. Она внесла большой вклад в подготовку политической элиты БССР.

Библиографические ссылки

1. *Касцюк М. П.* Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мінск: Экаперспектыва, 2000. 307 с.
2. *Ляцко А. В.* Деятельность КПБ по подбору, воспитанию и расстановке руководящих кадров, 1946–1950 гг. Минск, Изд-во БГУ, 1973. 175 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф 4п. Оп. 47. Д. 103.
4. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 47. Д. 135.
5. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 47. Д. 169.
6. Некоторые вопросы КПБ в послевоенный период. Мн.: Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1961. 206 с.
7. *Яковчук В. И.* Подготовка управленческих кадров в БССР в 1940–1970-е гг. // «Вышэйшая школа» : навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2020, № 6. С. 47–51.

ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. С. Чекулаева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, nastassia888@gmail.com*

В работе рассматривается китайская историография гуманитарного взаимодействия Республики Беларусь и КНР. Научная актуальность данной статьи обусловлена слабой разработкой данной тематики в отечественной историографии. В то же время, ее изучение актуально не только в научной сфере, но и на практике построения гуманитарных связей между нашими странами. Вывод исследования заключается в том, что историографические работы китайских исследователей позволяют иметь общую картину проблемы по данной теме. Результаты данного исследования могут быть использованы в том числе для изучения белорусско-китайских гуманитарных отношений.

Ключевые слова: китайская историография; историография белорусско-китайских отношений; Республика Беларусь; КНР.

ISSUES OF HUMANITARIAN INTERACTION BETWEEN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN CHINESE HISTORIOGRAPHY

A. S. Chekulaeva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, nastassia888@gmail.com*

The paper examines the Chinese historiography of humanitarian interaction between the Republic of Belarus and the PRC. The scientific relevance of this article is due to the weak development of this topic in domestic historiography. At the same time, its study is relevant not only in the scientific sphere, but also in the practice of building humanitarian ties between our countries. The conclusion of the study is that the historiographic works of Chinese researchers allow us to have a general picture of the problem on this topic. The results of this study can be used, among other things, to study Belarusian-Chinese humanitarian relations.

Keywords: Chinese historiography; historiography of Belarusian-Chinese relations; Republic of Belarus; PRC.

Партнерские отношения Республики Беларусь и КНР не ограничиваются лишь политическим и экономическим сотрудничеством, большое значение в развитии двусторонних отношений имеют связи в сфере образования, науки, культуры, искусства. Как следствие, вопросам гуманитарного взаимодействия двух стран посвящено значительное количество работ китайских исследователей, опубликованных в большей степени после 2010 гг., когда Беларусь и Китай начали реализацию инициативы «Один пояс, один путь».

Особого внимания среди этих работ заслуживают исследования Чжао Хуйжун [1; 2; 3]. Процесс развития китайско-белорусских отношений она разделяет на три этапа: первый — 1992–2005 гг. — создание правовой базы и механизма сотрудничества; второй — 2006–2012 гг. — активизация отношений, в том числе гуманитарных; начало третьего этапа — 2013 г. — установление стратегического партнерства, в том числе в гуманитарной сфере [1]. В своих работах ученый отмечает, что гуманитарное сотрудничество двух стран носит взаимовыгодный характер и обладает серьезным потенциалом [2, с. 59–60].

В опубликованных статьях Сунь Инцзе [4; 5; 6; 7], используя богатый фактический материал, исследовала белорусско-китайские гуманитарные связи начиная с 1992 г. Автором были определены важнейшие направления: в области образования, в научно-технической сфере, в области культуры и искусства, в области туризма [6, с. 67]. При этом, в своем исследовании автор показала, что стимулом развития гуманитарных связей стали интенсивные политические и экономические отношения между двумя странами [5, с. 163]. Используя исторический и сравнительный методы, исследователь установила, что наиболее активными были связи в области образования и в научно-технической сфере, что, по ее мнению, свидетельствует о «приоритетах практической реализации такого сотрудничества с учетом первостепенных интересов обеих сторон» [6, с. 68].

Соответственно, повышенное внимание китайских авторов оказалось сосредоточено на исследовании взаимодействия Беларуси и Китая в сфере высшего образования. Так, данная тематика была детально рассмотрена в трудах Чжао Хуйжун [2], Сунь Инцзе [5; 6], Сян Цзимица [8], Ли Баогуй, Ли Хуэй [9], Чжан Чунье [10], Чжэнхуэй [11], Янь Синцзюань [12] и др.

Статья Сян Цзимица была опубликована в 2012 г. [8] по результатам ознакомительной поездки руководителей китайских университетов, посетивших в 2011 г. тринадцать ведущих ВУЗов Республики Беларусь по программе «Обучение в Беларуси для ректоров региональных университетов», организованной Государственным управлением по иностранным делам КНР. Автор отмечает не только высокий уровень образования, но и социальную направленность белорусской системы образования [8, с. 78].

Сунь Инцзе в своих работах [5; 6] рассмотрела становление и развитие белорусско-китайского сотрудничества в области высшего образования начиная с 1992 г., в том числе провела анализ нормативно-правовой базы; изучила основные направления партнерства ВУЗов обеих стран; выявила перспективные направления развития в данной сфере.

Вопросы трансформации высшего образования Китая и Беларуси в условиях перехода к рыночным отношениям поднимаются в магистерской

диссертации Чжан Чунье [10]. Автор проводит сравнительное исследование образовательных систем двух стран, изучает процесс взаимодействия белорусской и китайской высшей школы начиная с 1992 г.

Динамика белорусско-китайских отношений в сфере высшего образования на протяжении 30 лет, начиная с 1992 г. освещена в диссертационном исследовании Янь Синцзюань [12]. Используя большой объем опубликованных материалов и архивных источников, автор выделила основные этапы в развитии двустороннего сотрудничества; осуществила анализ основных направлений и форм развития белорусско-китайских межвузовских связей; а также определила приоритеты сторон и выявила их подходы в финансировании этой деятельности.

Развитие частного высшего образования в Беларуси на фоне вступления страны в Болонский процесс, стало темой коллективной статьи [13] в журнале «Вестник Чжэцзянского университета Шужэнь» 2018 г. По мнению авторов, надзор за частными университетами помогает обеспечить их стандартизированную работу и повысить качество, однако частным ВУЗам из-за отсутствия политики финансирования, более низкого статуса по сравнению с государственными университетами, трудно с ними конкурировать [13, с. 33].

Столь пристальное внимание китайских исследователей к белорусскому педагогическому опыту не случайно, так как белорусская система образования, по мнению многих китайских авторов [8; 11; 12 и др.] конкурентоспособна, а Китай находится в активном поиске путей совершенствования системы образования. Так, в качестве сильных сторон высшего образования в Беларуси китайские авторы отмечают практическую направленность обучения [13, с. 34], достойную техническую базу университетов, государственные стандарты обучения [11, с. 24–25]. В то же время китайскими авторами обозначены и недостатки белорусского образования, такие как: слабая ориентация на потребности международного рынка, недостаточный уровень заработной платы и профессионального статуса учителей [11, с. 26–27].

Кроме того, можно отметить работы, исследующие языковой обмен между Беларусью и Китаем. Так, в статье, опубликованной в «Вестнике Юйлиньского педагогического университета» за 2018 г. [14] проводится изучение языковой политики в Республике Беларусь и анализ эффективности продвижения китайского языка в Беларуси. Авторы констатируют факт повышения статуса белорусского языка после обретения независимости страны [14, с. 106]. Также авторами установлено, что хорошие дипломатические отношения двух стран значительно повысили статус китайского языка в Беларуси.

Развитие двухстороннего сотрудничества в научно-технической сфере также вызывает неподдельный интерес со стороны китайских ученых.

Здесь можно отметить работу Янь Синцзюань [12], в которой рассматривается научно-техническое взаимодействие Республики Беларусь и КНР в 1992–2020 гг. Автор отметила, что значительный прогресс в этой сфере наблюдался со второй половины 1990-х гг., с начала совместных научных проектов, выполняемых при финансовой поддержке правительств двух стран.

Исследование научно-технологического потенциала Республики Беларусь за период 1992–2015 гг. стало темой статьи, опубликованной в журнале «Государственное управление» за 2016 г. [15]. Повышенное внимание в работе было уделено проблемам в сфере белорусской науки (отток исследователей из страны, старение научных кадров, неравномерное их распределение по регионам); а также меры поддержки науки, предпринимаемые белорусским правительством [15, с. 37–38].

Рассматривая китайскую историографию гуманитарного взаимодействия Республики Беларусь и КНР, нельзя обойти вниманием труды, посвященные развитию сотрудничества двух стран в области культуры и искусства.

Диалог Беларуси и Китая в области культуры и искусства 1992–2018 гг. был детально изучен Сунь Инцзе [4; 7]. Автором были выделены периоды, выявлены основные тенденции и отдельные факторы, влияющие на данный процесс. Определено, что визиты на высшем и высоком уровне играли определяющую роль в создании договорно-правовой базы, а увеличение количества культурных мероприятий обусловлено деятельностью соответствующих государственных органов [4, с. 36–38].

Основные этапы становления и развития, а также приоритетные направления и перспективы, белорусско-китайских взаимоотношений в сфере культуры, отражены в работах Ван Юй [16; 17]. Основными перспективными направлениями автор определяет создание режима благоприятствования для расширения культурных связей; сотрудничество в подготовке кадров; расширение сотрудничества в сфере туризма [16, с. 6].

При исследовании белорусско-китайских культурных контактов в контексте инициативы «Один пояс — один путь» У Жунлань и Чжан Цин [18] определяют основные направления в данной сфере, такие как: открытие культурных центров и организация дней культуры Беларуси в КНР и Китая в Республике Беларусь, культурные обмены, организация культурных мероприятий. В то же время авторами обозначены не только точки роста сотрудничества, но и проблемы: большие различия в культурных ценностях китайского и белорусского народов; нехватка специалистов в области организации культурных и образовательных проектов [18, с. 43].

Таким образом, историографический обзор позволяет сделать заключение, что, китайские ученые начинают проявлять активный интерес к изучению развития отношений Китая и Беларуси в гуманитарной сфере после 2010-х гг. Наибольший интерес китайских авторов вызывает исследование контактов Беларуси и Китая в сфере высшего образования. Также достаточно работ, исследующих белорусско-китайское сотрудничество в научно-технической сфере, в области культуры и искусства. В то же время, проблемы сотрудничества двух стран в области туристических контактов изучены достаточно слабо. Отметим также, что в китайской историографии практически нет исследований гуманитарных контактов между Беларусью и Китаем на межрегиональном уровне.

Библиографические ссылки

1. 赵会荣. 对中国与白俄罗斯关系的分析与思考 // 国外理论动态. 2017 年. 第 11 期. 第 120–127 页 (*Чжао Хуэйжун*. Анализ отношений Китая и Беларуси // Зарубежные теоретические разработки. 2017. № 11. С. 120–127).
2. 赵会荣. 中白教育合作的现状与前景 // 俄罗斯学刊. 2017 年. 第 5 期. 第 54–60 页 (*Чжао Хуэйжун*. Состояние и перспективы сотрудничества Китая и Беларуси в области образования // Академический журнал исследований России. 2017. № 5. С. 54–60).
3. 赵会荣. 中国和白俄罗斯关系的进展和前景 // 世界知识. 2020 年. 第 1 期. 第 66–68 页 (*Чжао Хуэйжун*. Развитие и перспективы отношений Китая и Беларуси // Знание мира. 2020. № 1. С. 66–68).
4. *Сунь Инцзе*. Китайско-белорусское взаимодействие в области культуры (1992–2018 гг.) // Журнал международного права и международных отношений. 2018. № 3–4. С. 33–40.
5. *Сунь Инцзе*. Китайско-белорусское сотрудничество в области образования (1992–2018 гг.) // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. 2018. Вып. 6. С. 147–164.
6. *Сунь Инцзе*. Культурно-гуманитарное сотрудничество КНР с Республикой Беларусь в 1992–2013 гг. // Беларусь в современном мире : материалы XVI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. / редкол. : В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ. 2017. С. 66–68.
7. *Сунь Инцзе*. Сотрудничество КНР и Республики Беларусь в области культуры и искусства в 2013–2017 гг. // Международные отношения: история, теория, практика : материалы VIII науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений БГУ, Минск, 1 февр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ. 2018. С. 56–58.
8. 向纪明. 对白俄罗斯高等教育考察后的几点认识与体会 // 域外来风. 2012. № 1–2А. С. 78–79 (*Сян Цзимин*. Некоторые идеи и опыт после исследования высшего образования в Беларуси // Зарубежные тенденции. 2012. № 1. С. 78–79).
9. 李宝贵, 李辉. “一带一路”沿线国家孔子学院发展现状、问题及对策研究 // 辽宁师范大学学报. 2016 年. 第 6 期. 第 110–120 页 (*Ли Баогуй, Ли Хуэй*. Исследование состояния развития, проблем и контрмер институтов Конфуция страны вдоль «Пояса и пути» // Журнал Ляонинского педагогического университета. 2016. № 6. С. 110–120).

10. Чжан Чунье. Трансформация высшего образования в условиях перехода к рыночным отношениям (на примере Китая и Беларуси) : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 ; Белорус. гос. ун-т. Минск. 2014. 22 с.
11. 铮辉. 基于博洛尼亚进程的白俄罗斯教育革新研究 // 大连理工大学. 2018 (Чжэнхуэй. Исследование образовательной реформы Беларуси в контексте Болонского процесса // Даляньский технологический университет. 2018 г. № 1. С. 101–104).
12. Янь Синцзюань. Белорусско-китайское сотрудничество в сфере высшего образования (1992–2020 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 ; Белорус. гос. ун-т. Минск. 2022. 22 с.
13. 徐绪卿, 高飞, 邱昆树, 宋斌, 胡建伟. 白俄罗斯高等教育改革新动向: 博洛尼亚进程与私立高等教育发展 // 浙江树人大学学报 (Сюй Сюцин, Цю Куньшу, Сон Бин, Ху Цзяньвэй. Новое направление в реформе высшего образования Беларуси: Болонский процесс и развитие частного высшего образования // Вестник Чжэцзянского университета Шужэнь. 2018. Т. 18, № 6. С. 28–34).
14. 马丽, 沈燕琼, 王超, 熊惠. “一带一路”视角下白俄罗斯语言政策及语言互通研究 // 玉林师范学院学报 (Ма Ли, Шэнь Яньцюн, Ван Чао, Сюн Хуэй. Языковая политика и исследование языковых контактов Беларуси в контексте инициативы «Один пояс — один путь» // Вестник Юйлинского педагогического университета. 2018. Т. 39, № 3. С. 104–108).
15. 宋兆杰, 曾晓娟. 白俄罗斯科学技术发展现状 // 公共管理 (Сун Чжаоцзе, Цзэн Сяоцзюань. Состояние развития науки и техники Беларуси // Государственное управление. 2016. № 3. С. 37–39 (Филиал Северо-Восточного университета Циньхуандао).
16. Ван Юй. Взаимодействие Беларуси и Китая в сфере культуры на современном этапе: детерминанты, направления и перспективы : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 ; Белорус. гос. ун-т культуры и искусств. Минск. 2018.
17. Ван Юй. Современные белорусско-китайские отношения в сфере культуры: основные этапы становления и развития // Вести Ин-та соврем. знаний. 2018. № 2. С. 88–92.
18. 吴荣兰. “一带一路”背景下的中白文化交流与合作 // 章清, 浙江树人大学学报. (У Жунлань, Чжан Цин. Белорусско-китайские культурные связи и сотрудничество в контексте инициативы «Один пояс — один путь» // Вестник Чжэцзянского университета Шужэнь. 2018. том 18, № 6. С. 41–46).

БЕЛОРУССКАЯ ДИАСПОРА В СЛОВАКИИ В 1918–1939 гг.: ФОРМИРОВАНИЕ И ИНТЕГРАЦИЯ В СЛОВАЦКОЕ ОБЩЕСТВО

В. Д. Шалькевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, viktorina.shalkevich@gmail.com*

В статье исследуется процесс формирования и интеграции белорусской диаспоры в словацкое общество в период между двумя мировыми войнами (1918–1939). Автор анализирует исторический контекст миграции белорусов в Чехословакию, их социально-экономическое положение, культурную и политическую деятельность. Особое внимание уделяется роли белорусских организаций и общественных деятелей в интеграции в словацкое общество.

Ключевые слова: белорусская диаспора; межвоенный период; белорусско-словацкие отношения; диаспоры Словакии.

BELARUSIAN DIASPORA IN SLOVAKIA IN 1918–1939: FORMATION AND INTEGRATION INTO SLOVAK SOCIETY

V. D. Shalkevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, viktorina.shalkevich@gmail.com*

The article explores the process of formation and integration of the Belarusian diaspora into Slovak society in the period between the two world wars (1918–1939). The author analyses the historical context of Belarusians' migration to Czechoslovakia, their socio-economic situation, cultural and political activities. Special attention is paid to the role of Belarusian organizations and public figures in the formation of national identity and integration into Slovak society.

Keywords: Belarusian diaspora; interwar period; Belarusian-Slovak relations; diasporas of Slovakia.

Миграция как общественное явление существовала во все периоды истории. Факторы, которые ее вызывали, а также пути движения мигрантов слишком часто менялись в зависимости от политических детерминант того времени. Белорусская эмиграция первой половины XX в., несомненно, имеет свою специфику и особенности.

Выходцы с территории Беларуси, покинувшие родину в результате напряженных внутривойсковых событий, развернувшихся после революционных событий 1917 г., выбирали в качестве своего нового места жительства созданную 28 октября 1918 г. Чехословацкую Республику. В общем государстве двух народов (чехов и словаков) белорусы были третьей по численности общиной выходцев из бывшей Российской империи после жителей русского и украинского происхождения [1, с. 17].

Межвоенная Чехословакия была значительно привлекательна для белорусских эмигрантов. Прежде всего, это было славянское государство, связанное сюжетами исторического прошлого с белорусскими землями (например, пребывание белорусского первопечатника Франциска Скорины в Праге в начале XVI в.) [2, с. 82]. Главным же фактором являлось то, что Чехословацкая Республика продемонстрировала готовность бескорыстно принять эмигрантов из бывшей царской России и оказать им правовую и материальную поддержку и помощь. Президент Чехословацкой республики, Т. Г. Масарик, активно поддерживал прием беженцев в рамках Русской акции помощи, среди которых кроме этнических русских были также и украинцы, белорусы, казаки, калмыки и представители многих других этнических групп и религиозных общин [3, с. 22].

Первоначально Словакия, как составная часть межвоенной Чехословакии, выполняла для большинства восточнославянских эмигрантов роль транзитной территории, но часть мигрантов здесь задержалась: одни поступили на учебу в создаваемые словацкие университеты, другие нашли работу и впоследствии остались на постоянное место жительства. Так, уже к началу 1920-х гг. в Словакии сформировалось восточнославянское эмигрантское сообщество. По сравнению с Чехией и другими европейскими центрами эмиграции с территории бывшей Российской империи количество прибывших в Словакию, было не таким многочисленным, составляя от 2500 до 3000 человек. Центрами эмиграции в Словакии стал ее новый политический центр — Братислава, и крупнейший восточнословацкий город Кошице. Здесь образовались наиболее представительные сообщества, возникли эмигрантские общества и союзы, была сосредоточена общественная и культурная деятельность эмигрантов Словакии. Кроме того, возникали многочисленные организации, призванные обеспечить устройство, быт, правовой статус, профессиональную деятельность эмигрантов [4, с. 64–65].

Что касается представителей интеллигенции, то она перебиралась в Словакию постепенно, в три этапа. Первая группа приехала в Словакию в начале 1920-х гг., поскольку здесь существовала возможность применения профессиональных знаний и продолжения преподавательской деятельности в новообразованных словацких высших учебных заведениях. Одновременно в страну в небольшом количестве перебрались, представители других специальностей: инженеры, врачи и юристы. Второй этап относится к началу 1930-х гг., когда в Словакию переезжали инженеры и агрономы, получившие образование в чешских технических вузах. Они активно включились в практическую деятельность страны. Третий этап

связан с созданием в Словакии в конце 1930-х — начале 1940-х гг. новых высших учебных заведений, главным образом технического и естественнонаучного направлений [5, с. 54].

Следует отметить, что как сама белорусская диаспора в Центральной Европе, так и объединения и организации были идеологически разными. В чехословацкой среде можно выделить в основном сообщества, члены которых поддерживали независимость Белорусской Народной Республики и сотрудничали с ее представителями в эмиграции. Наряду с ними существовали объединения, ориентированные на Советскую Белоруссию, а также группы, члены которых видели свое будущее в восстановлении демократической России. На территории Чехословакии также возникали организации, объединяющие инициативы всех восточнославянских диаспор, однако активность их белорусского профиля была не столь значительной. При этом все диаспоральные объединения белорусов объединяла общая цель — развитие белорусской культуры, национальное просвещение и поддержка культурных инициатив.

Практическая реализация данной цели была главным проявлением жизни и деятельности белорусской диаспоры на территории Чехословацкой Республики и Словакии в частности. Этому способствовало и то, что помимо учебы, чехословацкие власти разрешали белорусским студентам свободно создавать культурные организации и издавать журналы в соответствии с действующим законодательством [1, с. 19].

Например, журнал «Искры Скарыны» был официальным периодическим изданием Белорусского (Кривичского) культурного объединения Франциска Скорины и начал выходить в 1931 г. В журнале, издаваемом латиницей на белорусском языке, публиковались стихи, отрывки из романов, отмечались знаменательные даты и праздники, а также статьи, описывающие жизнь белорусов в Чехословакии, Литве, Латвии, Западной Беларуси в составе Польши и Советской Беларуси. Основателями журнала были Томаш Гриб и Франтишек Гришкевич. Издание «Искры Скарыны» финансировалось исключительно за счет денежных пожертвований сочувствующих. Всего вышло пять номеров журнала, последний — в 1935 г. [6, с. 98].

С другой стороны, в 1930-е гг. наблюдались и другие тенденции. Большое количество официально существующих ассоциации фактически перестали осуществлять свою деятельность, что было вызвано рядом причин [1, с. 44]. Первый фактор — уменьшение численности белорусских студентов, важнейшего компонента белорусской диаспоры, в Чехословакии. Сокращение численности студентов было обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, это отток студентов после окончания вуза, которые не смогли найти работу в Чехословакии в 1930-е гг. и тем самым обеспечить

себе элементарные средства к существованию. Второй факт, повлиявший на количество белорусских студентов в Чехословакии, заключался в том, что новые белорусы не приезжали на учебу. На это повлияло изменение отношения Чехословакии к эмиграции, обусловленное постепенной нормализацией отношений Праги с Советским Союзом и последующим прекращением в 1934 г. акции «Русская помощь», то есть прекращением выплаты стипендий студентам [7, с. 24].

Низкий социальный статус и социальная изоляция белорусов были еще одним фактором, повлиявшим на деятельность диаспоры в Чехословакии. Недостаток средств, бедность и различные проблемы со здоровьем в третьем десятилетии XX в. затронули более половины чехословацких белорусов [8, с. 61–62]. Исходя из этих фактов, а также вследствие незаинтересованности чехословацкой общественности, большинство белорусов отказывались участвовать в каких-либо мероприятиях белорусской диаспоры, которые в 1930-е гг. ограничивались лишь празднованием ряда исторических дат и юбилеев создания различных белорусских объединений.

Разногласия внутри белорусского национального движения были еще одним существенным фактором, повлиявшим на общую деятельность белорусской эмиграции в Чехословакии. Разобщенность белорусов, начавшаяся на родине и продолжившаяся в Чехословацкой республике, достигла кульминации в 1925 г. на Второй Белорусской конференции в Берлине. С признанием Минска единственным культурным и политическим центром белорусской нации белорусское национальное движение в Чехословакии раскололось на два лагеря. Часть белорусов видела свое будущее в Белорусской Советской Социалистической Республике, которая в 1923 г. объявила амнистию на политическую деятельность представителей Белорусской Народной Республики [9, с. 66]. Эта амнистия и ощутимые результаты развернувшегося национального строительства на родине привели к тому, что некоторые белорусы решили переехать в БССР, а не продолжать работать в Чехословакии. Знаковым событием, связавшим культурные пространства БССР и диаспоры стала визит в Чехословацкую республику в октябре 1935 г. делегации белорусских писателей, в состав которой входил и белорусский поэт Янка Купала. Это событие внесло значительный вклад в дальнейшее развитие белорусско-словацких литературных связей [10; 11].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что белорусская национальная жизнь на территории Словакии в межвоенный период развивалась в основном в 1920-е гг. Создание собственных объединений, проведение лекций, организация памятных вечеров, а также издание

журналов — все это было деятельностью, с помощью которой белорусы пытались развивать белорусскую культурную жизнь и распространять информацию о Беларуси в Чехословацкой Республике.

Библиографические ссылки

1. *Hoptová L.* Bieloruská emigrácia na území Československa (1918–1945). Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity v Prešove, 2017. 122 s.
2. *Kolenovská D.* Běloruská emigrace v Československu (1918–1938) // *Soudobé dějiny*. 2007. № 1. S. 78–105.
3. *Калета П.* Т. Г. Масарик и его взгляд на белорусскую проблему после Первой мировой войны // *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018. № 3. С. 17–22.
4. *Гарбульова Л.* Русские ученые в Словакии: интеракция словацкой и русской науки в 1920–1945 годы // *Диалог со временем*. 2019. № 68. С. 64–73.
5. *Гарбулева Л.* Жизнь и творчество русских эмигрантов-гуманитариев в Словакии // *Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии*. Москва: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 51–58.
6. *Буча А.* Беларускія студэнты ў вышэйшых школах міжваеннай Чэхаславакіі // *Историко-культурные аспекты чешскобелорусских связей: монография / Зап.-чеш. ун-т (Пльзень), Белорус. гос. ун-т; под общ. ред. П. Лозовюка, В. Репина*. Минск: Изд. центр БГУ, 2019. С. 93–104.
7. *Harbul'ová L.* Ruská emigrácia a Slovensko. Pôsobenie ruskej poobtóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919–1939. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2001. 235 s.
8. *Kolenovská D., Plavec M.* Běloruská emigrace v meziválečném Československu. Studie a dokumenty. Sociopolitický aspekt. Praha: Karolinum, 2017. 275 s.
9. *Řezník M.* Bělorusko. Praha: Libri, 2003. 112 s.
10. *Трус М. В.* Браціслаўскі эпістальрый: славацка-беларускі архіўны дыскурс ХХ стагоддзя. Мінск: Беларуская навука, 2019. 207 с.
11. *Трус М. В.* Янка Купала ў Славакіі. Мінск: Роднае слова, 2012. 176 с.

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ РЕФОРМ XVI в. В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ НА ИЗМЕНЕНИЕ УКЛАДА ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

О. Н. Шарая

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072,
г. Минск, Беларусь, scharolga@gmail.com*

Рассмотрены особенности влияния реформ XVI в. в Великом Княжестве Литовском на изменение уклада жизни крестьянского населения. Показано, что в работах В. И. Пичеты разрабатывался комплексный подход в исследовании вопросов влияния реформ XVI в. на изменение сложившихся в прошлом форм землепользования, землевладения и лесопользования крестьян, учитывающий аграрную реформу и изменение отношений лесопользования.

Ключевые слова: аграрная реформа; Великое Княжество Литовское; государственная лесная монополия; волока; жизненный уклад; семья; крестьяне; сохранение старины; земледелие; землевладение.

PECULIARITIES OF INFLUENCE OF REFORMS OF THE 16th CENTURY IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA ON CHANGES IN THE WAY OF LIFE OF THE PEASANT POPULATION

O. N. Sharaya

*Center of Studies of Belarusian Culture, Language and Literature
of the National Academy of Sciences of Belarus, Surganova st., 1, housing 2, 220072,
Minsk, Belarus, scharolga@gmail.com*

The peculiarities of the influence of reforms of the 16th century in the Grand Duchy of Lithuania on the change of the peasant population's way of life are considered. It is shown that in the works of V. I. Picheta a complex approach to the study of the influence of the reforms of the 16th century on the change in the past forms of land use, land tenure and forest use of peasants, taking into account the agrarian reform and the change in the relations of forest use.

Keywords: agrarian reform; Grand Duchy of Lithuania; state forest monopoly; voloka; way of life; family; peasants, preservation of antiquity; farming; land ownership.

До середины XVI в. конкретными единицами налогообложения в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ) были дворища, службы, размеры которых были самыми разными. Широко распространенные в ВКЛ формы патрилинейно-комплексных (больших неразделенных) крестьянских семей [5, с. 69] до аграрной реформы XVI в. не были ограничены государством в размерах земельных наделов. При значительных размерах земельных наделов и угодий дворищ сохранялся постоянный, не связанный с их

размерами и численным составом дворищ, государственный налог. Это способствовало развитию домохозяйств, росту численного состава патрилинейно-комплексных семей. Однако стихийный характер заимочного землепользования, разбросанность земельных участков и угодий приводила к нерациональной трате рабочих сил и времени.

Важно отметить, что в ВКЛ большое значение имел принцип сохранения старины, что отчасти объясняет, почему аграрная реформа долго не проводилась. Сохранение старины означало неизменность, традиционность сложившихся в прошлом обычаев, уклада жизни населения. Жить по старине для сельского населения означало жить так, как жили их предки, сохраняя сложившиеся традиции и нормы обычного права.

В начале XVI в. старые формы землепользования и землевладения стали препятствием для развития аграрного сектора ВКЛ, роль которого повышалась в связи с возросшими потребностями государства. Принцип сохранения старины терял свое прежнее значение, сначала в западной части ВКЛ, а затем и на востоке государства. О новом порядке, который шел на смену жизни по старине, инициатор аграрных реформ Сигизмунд II Август в середине XVI в. сказал следующее: «Каждый кмет... потому как он свой хлеб ест, должен и работать и повинности нам отбывать, а не по своим предкам, со своих, как они называют „вотчин“» [1, с. 310].

В. И. Пичета отмечал, что «нежелание уменьшать размеры господарской земли, находившейся в руках крестьянской массы — явление ясно выразившееся к половине XVI в., и его приходится поставить в связь как с попыткой правительства интенсифицировать сельское хозяйство, так и с все более окрепшим взглядом, что собственником земли является государство, а волостные люди — только держатели ее» [3, с. 106].

В разделе IX «Аграрная реформа и лесное хозяйство» монографии «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» В. И. Пичета на основе анализа «Ревизии пущ и переходов звериных в бывшем Великом Княжестве Литовском...» рассматривает государственные реформу в области лесопользования в связи с аграрными преобразованиями [3, с. 248–281]. Ученый отмечал, что «задачи и цели ревизии пущ и звериных переходов соответствуют основным принципам устава на волоки, и, конечно, ее следует считать прямым дополнением к предпринятой и начатой уже земельной реформе» [3, с. 256].

Государственная политика к лесопользованию также отражена в Статуте 1529 г. В 1538 г. великим князем литовским и королем польским Сигизмундом I был издан первый закон об охране лесов и зверей королевских пущ.

Лесная монополия государства была важным фактором, оказавшим влияние на сложившийся традиционный уклад крестьянской жизни, поскольку до XVI в. лесные угодья составляли важную часть хозяйственного уклада жизни крестьянских семей.

Фактически с установлением лесной государственной монополии развитие сельских поселений в лесной зоне, чему ничто не мешало до XVI в., прекращалось. В рассматриваемый период в западной части ВКЛ традиционное крестьянское лесопользование по старине становилось невозможным не только в государственных, но и в частных владениях.

Характеризуя особенности жизненного уклада тяглых крестьян, обслуживающих потребности господарских дворов, В. И. Пичета отмечал, что «во всяком крестьянском тяглом хозяйстве обыкновенно была пахотная земля и сеножати. Иногда в состав его входил и лес исключительно для нужд и потребностей отдельного хозяйства» [3, с. 160].

Крестьянские службы были по своему составу простыми и сложными, т. е. отдельная крестьянская служба состояла из одной тяглой семьи или нескольких «хозяйств-домов, сообща владевшими лесными, сенокосными и пахотными угодьями, совместно отправлявшими лежавшую на них тяглую повинность» [3, с. 164]. Таким образом семьи тяглых крестьян могли иметь лесные угодья в рассматриваемый период, что свидетельствует о сохранении до аграрной реформы XVI в. многих элементов традиционных форм хозяйственного уклада тяглых крестьян, составляющих отдельную службу.

Для характеристики развития крестьянского тяглого землевладения возникал вопрос о том, какие службы преобладали: простые или сложные, Инвентарные данные были недостаточны, для того чтобы можно было сделать заключение [3, с. 164]. В. И. Пичета отмечал, что «состав крестьянских служб зависел, конечно, от тех условий, под влиянием которых складывалось крестьянское хозяйство, превращавшееся в отдельную службу» [3, с. 164]. Также следует отметить, что в данном случае автор рассматривал службы тяглых крестьян, не затрагивая вопрос об особенностях семейных структур осадных крестьян, которых было большинство.

После принятия «Уставы на волоки» (1557) Сигизмундом II Августом аграрная реформа продолжалась в государственных владениях западной и центральной части ВКЛ. В восточных областях государства, где проживало православное население, реформы проводились в конце XVI – первой половине XVII в.

Аграрная реформа радикально изменила старинный порядок, при ее проведении старые единицы обложения были заменены определенной единицей измерения земельных наделов — волокой. Чтобы число людей

на волоке не было большим, реформа предусматривала их расселение на другие, пустующие волоки. В то же время на одну волоку далеко не всегда приходилась одна брачная пара с детьми. Общей тенденцией было увеличение доли домохозяйств с одной брачной парой. В западных областях ВКЛ, где реформа была реализована во второй половине XVI в., общей тенденцией было сокращение доли комплексных семей.

В соответствии с новым порядком сливались воедино имеющиеся крестьянские земли так, чтобы можно было создать три поля, лежащие рядом, которые затем были измерены на волоки. В каждом из трех крупных полей находились ровные наделы одной крестьянской семьи в сумме составляющие волоку. Таким образом обеспечивалась трехпольная система земледелия.

Реализация мер по проведению волочной померы привела к пересмотру исторически сложившихся форм землепользования и землевладения, системы налогообложения и повинностей крестьян, к изменению формы сельских поселений. При создании нового типа поселения нередко приходилось переселять крестьян из малодворных и разбросанных на значительном расстоянии друг от друга сел на новое место. Там, где ничто не препятствовало созданию нового типа поселения, старые села и дворища исчезли. Отдельные нуклеарные семьи, прежде входившие в состав дворищ, селились на новом месте отдельными дворами и получали в общем поле села одну волоку земли. Таким образом нарушалось то единство хозяйственной жизни патрилинейно-комплексной семьи, которое было характерно для дворищ. В то же время, в пределах нового типа поселений оказывалось значительное число родственников, которые жили отдельными дворами. Была достаточно распространенной практика, когда волоки обрабатывалась семьями родственников [4, с. 80–81].

С переходом на волочную померу крестьянские семьи лишались права пользоваться угодьями по старине. До аграрной реформы и лесной монополии государства лесные угодья составляли неотъемлемую часть дворища. При новом типе поселения и землепользования свободные угодья находились в пользовании села, а не отдельных владельцев волок [1, с. 307]. Крестьяне перестали пользоваться господарскими пущами, косить сено, бить зверей, ловить рыбу также свободно, как это было раньше, «Устава на волоки» обставила все это ограничениями и условиями [2, с. 250].

В результате радикальных мер по рационализации аграрных отношений государство получало целый ряд экономических преимуществ. Волочная помера позволила точно определить платежи, которые должны были поступать с одной волоки в доход государства, что при старом порядке было невозможно. Кроме этого были введены повинности для крестьян,

которых ранее не знало крестьянское домохозяйство. В соответствии с новым порядком тяглые крестьяне не только платили налоги со своих волок, но и обязаны были работать на господарском дворе. Характеризуя глубину происшедших реформаторских изменений, В. И. Пичета отмечал, что «аграрные мероприятия Сигизмунда Августа нанесли решительный удар старине. Они уничтожили старые формы крестьянского землевладения и землепользования... Они пытались под влиянием создавшейся для княжества весьма благоприятной экономической конъюнктуры увеличить производительность дворового хозяйства» [3, с. 280].

Аграрная реформа в ВКЛ столкнулась в некоторых местах с серьезными проблемами. В Полесье, в том числе в Пинском Полесье, введение волочной системы было затруднено в силу сложных природно-географических условий местности, в частности, большой заболоченности местности, сильных весенних паводков и очагового расселения сельского населения на пригодных для жизни участках.

Реформы XVI в. глубоко изменили сложившиеся в прошлом формы землепользования, землевладения и лесопользования крестьян, а также повлияли на изменение исторически сложившихся в прошлом форм сельских поселений.

Библиографические ссылки

1. *Довнар-Запольский М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев: Тип. Имп. ун-та им. Св. Владимира, 1901.
2. *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Москва: Худож. печатня, 1915. 2-е изд.
3. *Пичета В. И.* Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. Ч. 1–2. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1958.
4. *Пичета В. И.* Состав населения в господарских дворах и волостях западной части Белоруссии в пореформенную эпоху // Белоруссия и Литва XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). Москва: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 61–92.
5. *Шарая В. М.* Родаваарыентаваныя ўяўленні ў традыцыйнай культуры беларусаў і асаблівасці іх даследавання. Ч. 1 // Наука и инновации. 2023. № 5. С. 66–71.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЪЕКТИВЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ (1917–1941)

И. И. Янушевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, yanush@bsu.by*

В статье проводится анализ деятельности антирелигиозного аппарата по организации атеистического воспитания населения. Установлено, что экономическая и хозяйственная деятельность религиозных организаций и священнослужителей должна была стать весомой составляющей антирелигиозной пропаганды. Определено, что предложенные идеологическими работниками тезисы о нерациональности трат на религиозную деятельность не находили поддержки среди верующего населения. Попытки связать исторические формы государственной финансовой поддержки религиозных организаций с реставрационными настроениями имели слабый пропагандистский эффект.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность; антирелигиозная пропаганда; Православная церковь.

ECONOMIC ACTIVITY OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE LENS OF ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA (1917–1941)

I. I. Yanushevich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, yanush@bsu.by*

The article analyzes the activities of the anti-religious apparatus for the organization of atheistic education of the population. It is established that the economic and economic activities of religious organizations and clergy should have become a significant component of anti-religious propaganda. It was determined that the theses proposed by ideological workers on the irrationality of spending on religious activities did not find support among the believing population. Attempts to link historical forms of state financial support for religious organizations with restoration sentiments had a weak propaganda effect.

Keywords: economic activity; anti-religious propaganda; The Orthodox Church.

Придя к власти в октябре 1917 г., большевики поставили перед собой максимально амбициозные задачи, в том числе, установление коммунистической идеологии как единственно верной идеологической платформы. Атеизм как мировоззренческая основа являлась одним из важных идеологических принципов РКП(б), что не допускало существования религиозных верований в силу того, что в основе обоих мировоззрений (религиозного и марксистско-ленинского) лежала вера либо в сверхъестественные силы, либо в потенциал разума человека. В связи с этим, одним из опаснейших пережитков буржуазного прошлого большевики считали

религиозные организации, духовенство и все, что с ними было связано. Одной из задач РКП(б) при построении нового общества стала задача формирования гражданина как убежденного атеиста, человека-безбожника, который в дальнейшем должен был стать адептом коммунистической идеологии. На данном пути предстояло сломать и снести многие вековые традиции и человеческие привычки.

В процессе изменения общественного сознания и вытеснения из него религиозного мировоззрения были задействованы все органы государственного управления. В 1922 г. была создана Комиссия по проведению отделения церкви от государства (Антирелигиозная комиссия), которая взяла на себя основную работу по проведению антирелигиозной политики советской власти. Была сформирована система советского агитпропа, которая включала общественные организации («Союз воинствующих безбожников»), научные учреждения (Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, кафедры научного атеизма в университетах и институтах), пропагандистский аппарат в системе государственного управления (лекторские группы при райкомах и обкомах партии) и т. д.

Для замены религиозного мировоззрения на атеистическое в общественном сознании советский агитпроп должен был предложить практический материал для использования в повседневной работе. Так, одним из методов борьбы с религиозными организациями и их влиянием в обществе стала демонстрация экономической составляющей функционирования церковных институтов, что должно было дискредитировать церковь как общественный институт и обеспечить идеологическую поддержку кампании по изъятию церковных ценностей. Перед партийным и идеологическим аппаратом была поставлена задача продемонстрировать «эксплуататорскую сущность» церкви в исторической ретроспективе и в современном буржуазном обществе, а также иждивенчество и паразитизм клира в социалистическом государстве. Данная оценка деятельности церкви была основана на понимании и либералами и марксистами хозяйственной деятельности конфессий, в том числе РПЦ, как бизнес-проекта. По их мнению, являясь составной частью социально-политической жизни государств, религиозные культы выполняли не только религиозные, но и административно-распорядительные функции. Средства к существованию кроме сборов и пожертвований за выполнение религиозных действий религиозные организации получали путем эксплуатации населения, а также в виде государственных дотаций [1, с. 117]. Несомненно, основные конфессии прошли разные этапы своего экономического благосостояния, однако в рамках антирелигиозной работы необходимо было продемонстрировать и закрепить в общественно-политическом дискурсе понимание

роли религии, церкви и священнослужителей не только как институтов, эксплуатирующих население, но и как освящающих, оправдывающих систему эксплуатации бедных богатыми [2, л. 13].

Однако положение религиозных организаций и клира изменилось в результате прихода к власти большевиков в 1917 г. После принятия декретов советской власти «О земле» и «Об отделении церкви от государства» излишества, имевшие место у части клириков до революции 1917 г., потеряли свою актуальность [4, с. 3, 12]. Советская власть поставила клириков в экономическом плане в катастрофическое положение. По-сути, религиозные организации и их руководители из эксплуататоров превратились в обыкновенных гонимых большевиками граждан. В связи с этим, Антирелигиозная комиссия и идеологические работники на местах должны были найти способы доказать, что «контрреволюционная деятельность» и получение доходов является главной задачей «религиозников всех мастей» [6, с. 3–12].

Прежде всего, советским агитпропом «вскрывались» все каналы получения средств к существованию священнослужителями и религиозными организациями. Верующим внушалось, что религиозные праздники, требы, десятины придумывались для регулярного выкачивания пожертвований. Мощи, чудотворные иконы, крестные ходы, миквы, всякого рода освящения приравнивались к шарлатанским, контрреволюционным акциям [9, с. 3–17]. Изготовление и продажа свечей, просфор, мацы, забой на кошер и иные неотъемлемые атрибуты культа трактовались как заработок денег на фетишах. Кроме того, служитель культа любого ранга в СССР практически полностью зависел от приношений прихожан, что давало возможность воспринимать его как нетрудовой элемент, «представителя вольных профессий», да и просто «дармоеда».

Антирелигиозниками активно высмеивалась жадность, сребролюбие низшего духовенства. Персональное отношение к материальным ценностям конкретного священнослужителя транслировалось на весь клир. Между тем и до революции очень многие православные священнослужители были значительно ограничены в своих материальных возможностях. Государство и церковь не могло обеспечить их содержание на достаточном уровне. Семьи были большие, земельные наделы незначительные, а белорусские приходы были особенно бедные [3, с. 22]. Несомненно, имелись в составе в том числе православного клира лица не в полной мере соответствующие своему статусу из-за сребролюбия и чревоугодия. Синодально-консисторская система вынуждала многих становиться священнослужителями по семейно-бытовым причинам, а не по морально-нравственному расположению.

Между тем проходивший процесс изъятия у религиозных организаций собственности и средств к существованию, а также его информационное сопровождение не получили ожидаемого пропагандистского эффекта. Это связано прежде всего с тем, что рядовые верующие и деятели антирелигиозной кампании смотрели под разным углом зрения на экономическую деятельность религиозных организаций и на обвинения в получении «несметных богатств» религиозными структурами и отдельными представителями конфессий. Те, кто был согласен с подобной политикой, являлись или иноверцами, или безбожниками. Однако прихожане, жертвующие средства, рассматривали это как естественное положение дел. Регламентированные взносы и добровольные сверхнормативные пожертвования выступали как бы гарантами нормального существования и самой религиозной структуры, и самого человека, внесшего пожертвование. С точки зрения жертвующего, приношения являлись спасительной жертвой, имевшей важное значение в непростое время. И из-за ослабления религиозных чувств, и из-за сложного материального положения прихожане иногда вынуждены были отказываться от содержания пастыря и храма, но в большинстве своем старались сохранить важную для себя составляющую жизнедеятельности [7, л. 114–115]. Но все же если священнослужитель не выдерживал экономического давления, прихожане утрачивали возможность материального участия в жизни прихода, и он ликвидировался, то фактически для общественности это была демонстрация не «алчности попа» и неостребованности религиозной деятельности, а результат агрессивной фискальной политики [8, л. 67].

Кроме того, большевики по незнанию или же преднамеренно не брали в расчет большую социальную деятельность религиозных организаций, которая позитивно воспринималась гражданами. К примеру, Иоанн Кронштадтский для большевиков был «черносотенцем» с многомиллионным состоянием, а для православных — последней надеждой, святым, родным батюшкой, аккумулирующим средства на благотворительность.

В силу сохранения высокой степени религиозности и закрепления религиозного мировоззрения в общественном сознании, крестьяне, даже получившие в собственность церковные земли и имущество, никак не могли одобрить мер по полному вытеснению религиозных организаций на задворки общественно-политической жизни. Объяснить заботой о народе ограничение, а в дальнейшем и полную ликвидацию возможности исполнения религиозных обрядов в силу экономического и административного давления власти, называвшей себя народной, было бесперспективно. Однако это обстоятельство на практике не учитывалось. Еще существенней било по подобной пропагандистской концепции то обстоятельство,

что изымаемые государством помещения, украшения, богослужебные предметы являлись зачастую даром жертвователей, в том числе коллективных, а зачастую и еще живых. И хотя по советским законам все церковной имущество объявлялось народным достоянием, но конкретным человеком оно отдавалось в храм для определенной цели и в понимании верующего это не являлось результатом эксплуатации «темноты и нищеты масс». В восприятии верующих данные действия властей воспринимались как надругательство над пожертвованием, а сакральные чувства верующих подвергались высмеиванию как отсталость и бескультурие [10, с. 54].

Следует отметить, что на высшем партийном уровне имелось понимание, что антирелигиозная пропаганда и атеистическое перевоспитание имеют крайне низкую эффективность. В стан безбожников с применением всех мер административного давления смогли привлечь не более 1 % населения [12, л. 12].

К началу 1930-х гг. процесс изъятия собственности у религиозных организаций был завершен. Однако, по мнению антирелигиозного аппарата, в стране имелся один важный недостаток, а именно — наличие богослужебных помещений и священнослужителей. Ушедшие в подполье клирики и приходы жили своей автономной жизнью, конспиративные потоки движения финансов были не контролируемы [11, с. 234–242]. Все это, по мнению агитпропа, создавало возможности для продолжения религиозной жизни и сдерживало процесс закрепления атеистического мировоззрения. В связи с этим, в антирелигиозной кампании был взят курс на агитацию за закрытие храмов. Во-первых, религиозную организацию, приход, священнослужителя можно было представить как эксплуататоров населения с целью получения для себя экономических благ посредством использования богослужебного помещения — сборов на содержание «попа с семейством», сборов денег на ремонт постройки, содержание хора и прочие весьма значительные финансы при остром недостатке средств к существованию. И без агитации отношение прихожан к сборам было весьма различным. Одни верующие указывали на необходимость наличия пастыря — «есть поп нужен и дом» ему [8, л. 34]. Другие, в условиях экономического кризиса, не желали иметь дополнительных расходов, особенно когда они становились астрономическими благодаря усилиям фискальных служб и ОГПУ [3, л. 5–10]. Во-вторых, во многих местах остро стоял вопрос с помещениями для школ, клубов, хозяйственных нужд, что не могло не вызывать поддержки перепрофилирования помещений под «благие цели» [3, л. 7]. Главная задача при проведении агитации за закрытие храмов состояла в получении одобрения со стороны наибольшего количества

граждан и желательного того культа чье здание изымалось. На практике за закрытие главным образом голосовали иноверцы, номенклатурный аппарат или обучающиеся школ и техникумов, не имеющие к храму никакого отношения.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что борьба с религиозностью населения посредством экономического блока антирелигиозной пропаганды была крайне неэффективна. Попытка связать «политический момент» и идеалистическое мировоззрение верующего человека в движение к безбожию или к вере в коммунистические догматы была обречена изначально. Во-первых, объектом критики или высмеивания становились уже не актуальные факты. Для советского гражданина «эксплуаторская сущность» религии и церкви могла становиться опасной только в случае так называемой реставрации, возвращения буржуазного строя. Даже если для некоторой части населения это было приемлемо, то напрямую убедительно связать данные ожидания с религиозными действиями и чувствами пропагандистам не удалось. Во-вторых, любой обладающий жизненным опытом человек понимал, что религиозная организация, как и все иные требует своего финансового обеспечения. В свою очередь догматы, вероучение, традиции, культовая практика указывали как на необходимость коллективного участия в жизни церкви, так и на индивидуальную потребность и актуальность жертвы материальной. Без наличия храма, священнослужителя и всей полноты церковной жизни верующий человек не представлял своего нормального существования, а перед антирелигиозной пропагандой была поставлена задача дискредитации всего этого. Оснований полагать, что атеистическому аппарату удастся обосновать, доказать опасность для человека всего того, что для него совсем недавно было мировоззренческим ориентиром, залогом нормального существования и естественным состоянием в результате исследования не выявлено.

Библиографические ссылки

1. *Никольский Н. М.* История русской церкви. Минск: Беларусь, 1990.
2. *Шейнман М.* Отделение церкви от государства / XX-летие отделения церкви от государства. Москва: Гаиз, 1938.
3. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3508.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 689.
5. *Кривонос Ф.* Белорусская Православная Церковь в XX столетии. Минск: Врата, 2008.
6. Антирелигиозный учебник / Центральный Совет Союза воинствующих безбожников СССР. Москва: Госиздат антирелигиозной лит-ры, 1933.
7. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф. 451. Оп. 2а. Д. 313.
8. ГАООГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 338.

9. *Амосов Н. К.* О пьяных праздниках: [Цена дурмана]. Москва: акц. изд. о-во «Безбожник», «Мосполиграф» 14-я тип., 1929.

10. *Янушевич И. И.* Состояние антирелигиозной информационно-разъяснительной работы партийно-государственных структур в БССР в 1937–1941 гг. // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. 2015. № 1. С. 52–59.

11. *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб»: Церковное подполье в СССР. Москва: Арефа, 2008.

12. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 89. Оп. 4. Д. 140.

АРХИВ И ДОКУМЕНТ В КУЛЬТУРЕ, НАУКЕ, ОБРАЗОВАНИИ И ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

ФОНДЫ НАЦЫЯНАЛЬНАГА АРХІВА РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ ЯК КРЫНІЦА ПА ВЫВУЧЭННІ БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІХ КУЛЬТУРНЫХ СУВЯЗЕЙ У 1921–1939 гг.¹

В. М. Бароўская

*Дзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут гісторыі НАН Беларусі»,
вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь, borovskaya-olga@mail.ru*

У артыкуле даецца агляд крыніцавай базы па праблеме беларуска-польскіх культурных сувязей у 1921–1939 гг. шляхам супастаўлення архіўных матэрыялаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ) і дакументаў з расійскіх архівасховішчаў. Прыводзіцца спіс фондаў НАРБ, якія ўтрымліваюць інфармацыю аб ўсталяванні, развіцці культурных сувязей паміж БССР і Польшчай у міжваенны перыяд, адбываецца апісанне і класіфікацыя асноўных відаў архіўных дакументаў. Даказваецца, што галоўнымі формамі двухбаковага культурнага абмену з’яўляліся кнігаабмен (на аснове фондаў Наркамасветы, Беларускай дзяржаўнай бібліятэкі, Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта), кінаабмен (фонд Белдзяржкіно).

Ключавыя словы: культурныя сувязі; крыніцы; Нацыянальны архіўны фонд.

ФОНДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В 1921–1939 гг.

О. Н. Боровская

*Государственное научное учреждение «Институт истории НАН Беларуси»,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, borovskaya-olga@mail.ru*

В статье дается обзор источниковой базы по проблеме белорусско-польских культурных связей в 1921–1939 гг. путём сопоставления архивных материалов Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) и документов из российских архивохранилищ. Приводится список фондов НАРБ, содержащие информацию об установлении, развитии культурных связей между БССР и Польшей в межвоенный период, происходит описание и классификацию основных видов архивных документов. Доказывается,

¹ Даследаванне праведзена пры падтрымцы БРФФД у рамках праекта «№ Г24 ИП-009»

что главными формами двустороннего культурного обмена являлись книгообмен (на основе фондов Наркомпроса, Белорусской государственной библиотеки, Белорусского государственного университета), кинообмен (фонд Белгоскино).

Ключевые слова: культурные связи; источники; Национальный архивный фонд.

FOUNDATIONS OF THE NATIONAL ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF BELARUS AS A SOURCE FOR STUDYING BELARUSIAN-POLISH CULTURAL RELATIONS IN 1921–1939

Olga Borovskaya

The State Scientific Institution “Institute of History. National Academy of sciences of Belarus”, Akademimich str., 1, 220072, Minsk, Belarus, borovskaya-olga@mail.ru

The article provides an overview of the source base on the problem of Belarusian-Polish cultural relations in 1921–1939 by comparing archival materials of the National Archive of the Republic of Belarus (NARB) and documents from Russian archives. A list of NARB funds is provided, containing information about the establishment and development of cultural ties between the BSSR and Poland in the interwar period, a description and classification of the main types of archival documents is provided. It is proved that the main forms of bilateral cultural exchange (based on the funds of the People’s Commissariat for Education, the Belarusian State Library, the Belarusian State University), and film exchange (the Belarusian state cinema Foundation).

Keywords: cultural connections; sources; National Archives Fund.

Культурныя сувязі БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг., нягледзячы на шматлікія супярэчнасці ў палітычнай сферы двухбаковых зносін (праблемы ў выкананні артыкулаў Рыжскага мірнага дагавора, пачуццё варажасці і недаверу ў грамадстве і кіруючых колах абодвух бакоў), мела пазітыўную дынаміку развіцця. Нягледзячы на некаторы спад тэмпаў у 1927–1932 гг., выкліканы непаразуменнямі ідэалагічнага плана, культурныя беларуска-польскія кантакты міжваеннага часу мелі пэўную накіраванасць, вылучаліся стабільныя формы ўзаемадачынненняў (кнігаабмен, удзел у канферэнцыях і курсах).

Фонды Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь з’яўляюцца значнай і каштоўнай базай для вывучэння гісторыі беларуска-польскіх узаемадачынненняў міжваеннага перыяду, у прыватнасці двухбаковых культурных сувязей. Аднак, неабходна канстатаваць, што архіўныя крыніцы Нацыянальнага архіўнага фонду Беларусі будуць толькі якасным дапаўненнем матэрыялам, якія ўтрымліваюцца ў расійскіх архівасховішчах. Асноўны масіў інфармацыі ўтрымліваецца ў Дзяржаўным архіве Расійскай Федэрацыі (ДАРФ) і Архіве знешняй палітыцы Расійскай Федэрацыі.

Дакументы фонда 5283 [Усесаюзнае таварыства культурных сувязей з замежжам (УТКС)] у ДАРФе ўтрымлівае вялізную перапіску ўпаўнаважаных УТКС, арганізатараў таварыстваў культурнага збліжэння з СССР у Польшчы, дзеячоў польскай навукі і культуры з кіраўніцтвам УТКС, а таксама з рознымі навуковымі і культурнымі ўстановамі. Тут маюцца звесткі аб паездках прадстаўнікоў навукі і культуры Польшчы, аб выставах, кнігаабмене, дэманстрацыі фільмаў і інш. Каштоўную частку дакументаў фонду складаюць дзённікі і зводкі аб дзейнасці УТКС, гадавыя справаздачы.

Савецка-польскія сувязі ў галіне навукі і культуры знайшлі адлюстраванне ў матэрыялах ф. 4459 (ТАСС), ф. 5508 (ЦК прафсаюза працаўнікоў мастацтва), ф. 5445 (СНК СССР), ф. 5462 (ЦК прафсаюзаў асветы). У іх утрымліваецца інфармацыя аб узаемадзеянні двух краін у адзначаных сферах, пратаколы пасяджэнняў, даведкі, справаздачы, перапіска з польскімі дзеячамі навукі і культуры. Вялікую цікавасць прадстаўляюць звесткі аб паездках савецкіх вучоных у Польшчу, пратаколы пасяджэнняў Камісіі па замежных камандзіроўках, якія захоўваюцца ў ф. А-2307 (Галоўнавука НК РСФСР).

Вялікую цікавасць прадстаўляюць дакументы ф. 4, 04, Ф. 122 («Рэфэрэнтура па Польшчы»), якія захоўваюцца ў Архіве знешняй палітыцы Расійскай Федэрацыі (АЗП РФ). Яны даюць магчымасць асвятліць шэраг праблем даннай тэмы. Большая іх частка ўпершыню ўводзіцца ў навуковы зварот. Фонды АЗП РФ утрымліваюць справаздачы, дакладныя запіскі, інструкцыі, ноты, якія раскрываюць знаходжанне ў Польшчы дзеячоў савецкай навукі і культуры, іх удзел у выставах і з'ездах, якія адбываліся ў Варшаве і іншых гарадах. Гэтыя дакументы таксама дазволілі аўтару найбольш поўна прасачыць уплыў савецкага боку на арганізацыю і дзейнасць таварыстваў культурнага збліжэння і сяброўства з СССР у Польшчы, істотна дапоўніць карціну знаходжання Д. Ф. Жылуновіча, Г. І. Гарэцкага ў Польшчы ў 1926, 1927 гг.

У Расійскім дзяржаўным архіве сацыяльна-палітычнай гісторыі (РДАСПГ) былі вывучаны матэрыялы з ф. 17 [ЦК УКП(б)]. Найбольш каштоўнай крыніцай з'яўляюцца пратаколы пасяджэнняў Камісіі па выездах за мяжу. Дакументы ф. 495 (Выканкам Камінтэрна) і ф. 538 (Міжрабпам), якія захоўваюцца ў гэтым архіве, дадаюць матэрыялы аб дзейнасці Таварыства сяброў Савецкага Саюза, знаходжання польскіх дзеячоў культуры на святкаванні 10-годдзя Кастрычніцкай рэвалюцыі ў СССР. Цікавасць прадстаўляюць дакументы з ф. 142 (А. В. Луначарскі), які ўтрымлівае перапіску наркома асветы з прадстаўнікамі навукі і культуры Польшчы, савецкімі

вучонымі і майстрамі мастацтва. Дакументы РДАСПГ маюць вялікую навуковую значнасць, тым больш, што для даследавання савецка-польскіх культурных сувязей у 1920–1930-я гг. яны выкарыстоўваюцца ўпершыню.

У Расійскім дзяржаўным архіве літаратуры і мастацтва (РДАЛМ) былі вывучаны фонды выбітных дзеячоў савецкай культуры — А. Таірава, П. Когана, С. Эйзенштэйна, Д. Вертава і інш. Тут маецца вялізны матэрыял аб гастролях савецкіх мастацкіх калектываў і паказе савецкіх фільмаў у Польшчы, сабраны водгукі савецкай і польскай прэсы на значныя падзеі ў гісторыі культурных сувязей. Акрамя таго, гэтыя фонды ўключаюць перапіску з майстрамі польскай культуры. Каштоўная інфармацыя ўтрымліваецца ў ф. 941 (Дзяржаўная Акадэмія мастацкіх навук), і ф. 645 (Галоўнаму мастацтва НКА РСФСР).

У фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ) значную цікавасць для даследчыкаў савецка-польскіх адносін міжваеннага перыяду маюць матэрыялы фондаў 6 (ЦВК БССР), 7 (СНК БССР), 42 (Народны камісарыят асветы), 205 (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт), 246 (Белдзяржкіно), 546 (Дзяржаўная бібліятэка імя У. І. Леніна) і іншыя. Дакументы з згаданых фондаў можна ўмоўна падзяліць на дзве групы: заканадаўчыя крыніцы [пастановы ЦВК, СНК РСФСР (СССР), БССР і іншыя] і матэрыялы афіцыйнага справаводства (пратакты пасяджэнняў, рознага кшталту міжведамственная перапіска, справаздачы і іншыя).

З фонда 42 (Народны камісарыят асветы БССР) цікавасць прадстаўляюць пратаколы пасяджэнняў ЦВК, СНК, Наркамасветы, дакументы б удзеле беларускіх дэлегацый у працы міжнародных канферэнцый, камандыровачныя пасведчанні. Пастанова СНК СССР «Аб дачы навуковым інстытутам і вышэйшым школам права непасрэдна набываць кнігі за мяжой» 16 сакавіка 1926 г., перапіска з акцыянерным таварыствам «Кніга» аб забеспячэнні бібліятэк рэспублікі замежнай літаратурай, праект палажэння аб Бюро кнігаабмену пры Прэзідыуме ЦВК СССР, статыстычныя звесткі па кнігаабмене з Польшчай стануць неабходнай базай па вывучэнні працэсу наладжвання кнігаабмену паміж БССР і Польшчай у 1921–1939 гг.

Перапіска Наркамасветы БССР з УТКС аб выдаўніцтве Беларускага бюлетэня, перапіска Наркамасветы БССР з Беларускім таварыствам культурнай сувязі з замежжам перапіска Наркамасветы з Упраўленнем упаўнаважанага НКЗС СССР пры СНК БССР аб выдачы службовых замежных пашпартоў беларускім вучоным, камандыраваных за мяжу для ўдзелу ў міжнародных кангрэсах і канферэнцыях, працы ў польскіх архівах і бібліятэках будуць добрым доказам усталявання навуковых сувязей паміж беларускімі вучонымі і польскай навукавай грамадскасцю.

З фонда 205 (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт) найбольшай інфармацыйнасцю па праблеме валодаць пратаколы пасяджэнняў рэктарату, вучонага савета, саветаў факультэтаў, дакументы аб міжнародным супрацоўніцтве: выпіскі з пратаколаў, справаздачы аб замежных камандыроўках, характарыстыкі В. Д. Дружыца, У. І. Пічэты). Захаваліся дакументы, якія датычацца камандыроўкі ў Польшчу ў гэтыя гады вучоных з БДУ (У. І. Пічэта, В. Д. Дружыц, К. Г. Рэйнард, А. М. Усцінаў і інш.). Прафесары і дацэнты ў мэтах развіцця сваёй навуковай працы і ўдасканалвання вучэбнага працэсу, а таксама прадстаўлення рэспублікі і ўніверсітэта на міжнароднай навуковай арэне рэгулярна ажыццяўлялі творчыя камандыроўкі ў навукова-адукацыйныя цэнтры Польшчы. Летам 1923 г. У. І. Пічэта наведаў Германію, Літву і Польшчу, а з 1925 г. і 1927 г. — Польшчу, Літву, Чэхаславакію і Германію. У снежні 1925 г. ён прыняў удзел у з'ездзе польскіх гісторыкаў у Познані, дзе ў цэлым шэрагу дакладаў былі закрануты тэмы, якія непасрэдна датычыліся гісторыі Беларусі. Пры гэтым фінансаванне камандыровак адбывалася за кошт сродкаў Народнага камісарыята фінансаў БССР. Калі да 1929 г. камандыраванне вучоных адбывалася праз падачу хадатайства пэўнай арганізацыі ў Народны камісарыят асветы БССР, то пасля — праз Галоўнае ўпраўленне навукі і толькі пры ўмове, што тая ці іншая замежная паездка была ўключана ў зацверджаны пяцігадовы план [1, арк. 87–88].

З ліку фонда 246 (Белдзяржкіно) найбольш цікавымі з'яўляюцца пастановы, загады, цыркуляры, інструкцыі ЦВК і СНК СССР, ЦК КП(б) і СНК БССР, ВСНГ СССР і БССР, Наркампрацы СССР, Дзяржаўнага Усесаюзнага кінафотааб'яднання «Саюзкіно», Упраўлення па справах фотакінаматаграфіі, «Белдзяркіно», справаздачы, дакладныя запіскі, даведкі, статыстычныя звесткі, перапіска аб арганізацыі кінасправы ў БССР, стане і развіцці кінасеткі і кінапракату на тэрыторыі Польшчы, аб пракаце і дэманстрацыі кінафільмаў. Савецкія кінакарціны, такія як «Браненосец Пацёмкін» С. Эйзенштэйна і інш., прайшлі значную цэнзарскую праверку, у выніку з фільма былі выразаны многія сцэны, якія, па меркаванні польскага боку, могуць «узбудзіць грамадскую думку бальшавіцкай прапагандай». У сваю чаргу УТКС канстатаваў, што «сістэматычнае польскай цэнзурай выхалашчванне і вычварэнства карцін савецкай прадукцыі ўводзіць у зман замежную грамадскасць і наносіць гэтым большую палітычную шкоду, якая ніяк не зможа быць апраўдана тымі нязначнымі выгадамі, якія мы маем ад продажу 2–3 карцін на польскім рынку» [2, арк. 11]. Кантанты ў галіне кінаматографу заставаліся аднабаковымі на працягу ўсяго міжваеннага перыяду. Аўдыёвізуальны кантэнт, які прапаноўваўся да імпарту польскай забаўляльнай індустрыяй, па меркаванні УТКС, цалкам не падыходзіў для новага пакалення савецкіх гледачоў, якія выраслі на масавым мастацтве

сацыяльнага рэалізму [3, арк. 39]. Таксама супрацоўнікі УТКС з гораччу канстатавалі, што антысавецкія кампаніі, якія разгортваліся ў прэсе, літаратурнае жыццё ў СССР прадстаўлялі ў вельмі негатыўным ключы.

Фонд 546 (Дзяржаўная бібліятэка імя У.І. Леніна) утрымлівае спісы кніг, атрыманых бібліятэкай з-за мяжы ў 1930-е гг.; пратаколы савета па камплектаванні бібліятэкі, экспертна-закупачнай і фондавай камісій, дакументы аб міжнародным супрацоўніцтве ў галіне культуры паміж БССР і Польшчай у 1932–1934 гг. Так, у маі 1924 г. ЦВК СССР зацвердзіў «Палажэнне аб абмене афіцыйнымі выданнямі з замежжам», было арганізавана Міжнароднае бюро кнігаабмену, што садзейнічала абмену навуковымі выданнямі. Аднак кнігаабмен не адрозніваўся значным памерам: у 1924–1925 гг. было адпраўлена 305 выданняў з СССР у Польшчу і 28 кніг з Польшчы ў СССР. Тэхнічныя цяжкасці ўзніклі з-за адсутнасці паштова-тэлеграфнай канвенцыі паміж СССР і Польшчай. Быў наладжаны абмен бібліяграфічнымі матэрыяламі: бібліятэка Варшаўскага ўніверсітэта і Інбелкульт у Мінску абменваліся спісамі літаратуры аб Польшчы, якая выходзіла ў СССР і якая выдавалася ў Польшчы аб СССР. У 1929 г. было пастаўлена пытанне аб стварэнні савецкага аддзела ў Варшаўскай публічнай бібліятэцы, а таксама аб забеспячэнні «польскіх дзеячоў, якія па-сяброўску адносяцца да СССР, літаратурай па адпаведных пытаннях» [4, арк. 41]. Характэрна, што за 10 месяцаў 1926 г. было накіравана ў Польшчу 1927 кніг і атрымана адтуль 3710. У 1928 г. Польшча ўжо займала ў кнігаабмене СССР з еўрапейскімі краінамі трэцяе месца па перасылцы і шостае месца па адпраўцы [4, арк. 193–194].

Архіўныя матэрыялы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь з’яўляюцца найбольш каштоўнай крыніцай па вывучэнні беларуска-польскіх культурных сувязей у 1921–1939 гг. Пры сапастаўленні і спалучэнні дакументальнай часткі, сабранай у расійскіх архівасховішчах (ДАРФ, АЗПРФ, РДАСПГ і іншых), можна наблізіцца да аднаўлення гістарычнай рэчаіснасці двухбаковых адносін міжваеннага перыяду. Культурныя ўзаемадачынненні БССР і Польшчы ў 1921–1939 гг. прайшлі шлях ад этапу станаўлення праз перыяд больш ці менш значнай актыўнасці і амаль да поўнага спынення. Першыя два (1921–1927 і 1928–1932) этапы паказалі, што адрозненні ў сацыяльна-палітычных ладах БССР і Польшчы перашкаджалі развіццю культурных сувязей.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 42. Воп. 1. Спр. 274.
2. НАРБ. Ф. 246. Воп. 1. Спр. 166.
3. НАРБ. Ф. 246. Воп. 1. Спр. 237.
4. НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 295. Арк. 41.

РАМАНТЫКА ДАКУМЕНТА Ў КАНТАКСЦЕ АРХІЎНАЙ ПЕДАГОГІКІ І ПАПУЛЯРЫЗАЦЫІ АРХІЎНЫХ ДАКУМЕНТАЎ

В. С. Іванова

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, ivanovavs@bsu.by*

У артыкуле робіцца спроба дапасавання паняцця «рамантыкі дакумента» да актуальных патрэб беларускіх архіваў у накірунку папулярызацыі іх працы і адкрыцця больш шырокіх магчымасцяў іх выкарыстання ў навучальным працэсе. Разглядаюцца асноўныя віды архіўных дакументаў і даюцца прыклады іх выкарыстання для правядзення заняткаў. Прадстаўлены агульны пералік магчымых заданняў з выкарыстаннем архіўных дакументаў.

Ключавыя словы: рамантыка дакумента; архіўная педагогіка; папулярызацыя архіўных дакументаў; архіў.

РОМАНТИКА ДОКУМЕНТА В КОНТЕКСТЕ АРХИВНОЙ ПЕДАГОГИКИ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

О. С. Иванова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, ivanovavs@bsu.by*

В статье делается попытка применения понятия «романтика документа» к актуальным задачам белорусских архивов в направлении популяризации их работы и открытия более широких возможностей их использования в учебном процессе. Рассматриваются основные виды архивных документов и даются примеры их использования для проведения занятий. Представлен общий перечень возможных заданий с использованием архивных документов.

Ключевые слова: романтика документа; архивная педагогика; популяризация архивных документов; архив.

THE ROMANCE OF THE DOCUMENT IN THE CONTEXT OF ARCHIVAL PEDAGOGY AND THE POPULARIZATION OF ARCHIVAL DOCUMENTS

V. S. Ivanova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, ivanovavs@bsu.by*

The article attempts to adapt the concept of “the romance of the document” to the actual needs of Belarusian archives in the direction of popularizing their work and opening up wider opportunities for their use in the educational process. The main types of archival documents are considered and examples of their use for conducting classes are given. A general list of possible tasks using archival documents is presented.

Keywords: the romance of the document; archival pedagogy; popularization of archival documents; archive.

Архіўны дакумент можа разглядацца як гістарычная крыніца, як крыніца для пабудовы літаратурнага сюжэту, развіцця ідэй, як сродак камунікацыі ці інш. У накірунку папулярызацыі яго ўласцівасці могуць быць скіраваныя на фарміраванне крытычнага мыслення, развіццё фантазіі і ўяўлення, усталяванне сувязей паміж людзьмі ў часе і прасторы, магчымасці абмена досведам, думкамі і эмоцыямі. Архіўны дакумент акрамя інфармацыйнай, камунікацыйнай, функцыі захавання памяці, нясе ў сабе і эмацыйны складнік, які архівазнаўца Рычард Кокс у сваіх працах назваў «рамантыкай дакумента» [1; 2]. Рамантыка (эмацыйнасць) дакумента мае на ўвазе перанос інфармацыйнага складніка на другі план і выкарыстанне магчымасцяў дакумента для прыцягнення ўвагі, фарміравання пэўных адчуванняў і эмоцый ад знаёмства з дакументам. Такая ўласцівасць — гэта аснова для папулярызацыі архіўных дакументаў.

Эмацыйнасць дакумента залежыць ад яго каштоўнасці для канкрэтнага чалавека — як для карыстальніка, так і архівіста. *«Неабходна нагадаць працаўнікам архіваў і справаводства аб патрэбе быць уважлівым да рамантыкі дакументаў пад іх аховай. Дапамагчы ў гэтым можа — зачараванасць архівіста дакументам створаным асобай і яе продкамі»* [1, с. 36]. Р. Кокс кажа аб неабходнасці фарміравання такога ўспрыняцця найперш у саміх архівістаў, якія пасля, праз метады архіўнай педагогікі, змогуць трансліраваць яго на больш шырокія колы грамадства.

Р. Кокс у сваёй працы раскрывае рамантыку толькі некаторых відаў дакументаў асабістага паходжання: дзённікаў, лістоў і вусных успамінаў. Да гэтага шэрагу найперш неабходна далучыць аўдыёвізуальныя дакументы, якія аказваюць найбольшае эмацыйнае ўражанне на сучаснага карыстальніка: фотаздымкі, фона- і відэазапісы. Уласную эмацыйнасць могуць несці таксама афіцыйныя дакументы, навукова-тэхнічная дакументацыя, карты, планы і нават архіўныя і музейныя апісанні. Кожная з гэтых катэгорый дакументаў мае свае праявы рамантыкі. Напрыклад, для дакументаў асабістага паходжання — гэта магчымасць пазнаёміцца з асобай, для старажытных дакументаў — адчуванне манеры пісьма, матэрыялу, прыгажосці філіграняў і значнасці княскіх пячатак, для аўдыёвізуальных дакументаў — магчымасць пачуць ці ўбачыць чалавека, паглыбіцца ў эпоху, адчуць яе атмасферу і сістэму каштоўнасцей, для мапаў і тэхнічнай дакументацыі — уявіць як раней выглядала ўжо знаёмая нам прастора, рэчы ці ўяўленні аб іх у мінулым.

Такім чынам, эмацыйнасць у большай ці меншай ступені, у той ці іншай сітуацыі ўласцівая кожнаму архіўнаму дакументу. Кожны з іх

з'яўляецца акном у мінулае, якое адчыняецца, прыадчыняецца ці зачыняецца ў залежнасці ад наяўнасці ці адсутнасці базавай цікавасці да мінулага, ведаў пра гісторыю ўласнай сям'і ці яе членаў, вёскі і горада, прафесійнай ці рэлігійнай супольнасці, народа ці дзяржавы. Адной з задач архівіста можа стаць раскрыццё эмацыйнага патэнцыяла дакумента, з дапамогай пэўнага набору падыходаў і метадаў.

Рамантыка дакумента, у большасці выпадкаў, раскрываецца праз дадатковы кантэкст. Кантэкст можа быць тэматычным (у межах больш глыбокага даследавання архівістам ці гісторыкам пэўнай тэмы), ці інфармацыйным (кантэкст архіва, фонда, сумежных дакументаў). Напрыклад, перад намі рукапісны ліст, кепскі почырк — чытач ставіцца да яго без цікавасці, насцярожана. Праз пэўны зададзены алгарытм даследавання, усталёўваем дату, аўтара ліста, кантэкст яго стварэння. Высвятляецца, што перад намі ліст Я. Купалы, дасланы ў рэдакцыю газеты «Наша ніва» у 1906 г. Гэта не сумненна мяняе стаўленне гледача-даследчыка, выклікае цікавасць і эмацыйную прывязку ад уласнага знаёмства з народным паэтам. Нягледзячы на тое, што архіўная сістэма падаецца занадта складанай для сучаснага карыстальніка-гледача, яна тым не менш задае інфармацыйны кантэкст, трансляцыя якога ў спрошчаным, камфортным для ўспрыняцця стылі можа стаць задачай архівіста (архіўнага педагога).

Праілюструем дзеянне гэтага фактара на канкрэтных відах дакументаў, з выкарыстаннем пэўных метадаў. Мемуары і дзённікі — найбольш асабістыя, эмацыйныя і суб'ектыўныя дакументы, у якіх дакументуюцца асабістыя перажыванні, ацэнкі міра і падзей, важныя планы і мары. Напрыклад, у сваіх успамінах «Сцежкамі жыцця» (арыгінал захоўваецца ў Беларускам дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва [3]) П. Мядзёлка апісвае аднаго з вядомых беларускіх творцаў: *«Аднаго разу, калі я зранку прыйшла да Ластоўскіх, дзверы адчыніў мне якісь малады мужчына. Ён быў толькі у камізэльцы, рукавы белай кашулі былі яшчэ закасаны, высокі цвёрды, белы каўнерык ад манішкі падпіраў падбародак; светлыя валасы, яшчэ мокрыя, гладка прылізаны; пад носам нейкая павязка з цюлю, зачэпленая шнурочкам за вушы. „Хто гэта такі?“ — пытаю я ў Ластоўскай... „А чаму ён у нейкім намордніку? У яго што вусны накалечаны?“ „Ды не? Гэта такі бінт, які прыціскае вусы, каб яны угору тырчэлі“, — адказвае, смеючыся Ластоўская. „Што, не спадабаўся?“ „Не“, — цверда адказала я... Пазнаёміліся. Пачалася якаясь пустая гутарка... Жартаваў, пытаўся, ці шмат у Вільні прыгожых дзяўчат. Мне было крыўдна, што ён прыняў мяне за дзяўчыну, якая можа лёгка падацца на заляцанкі. Насупіўшыся, я увесь час маўчала. Я уяўляла сабе яго значна старэйшым, паважным мужчынам. Гэта ж чалавек, якому прадракалі вялікую будучыню, паэт, вершы*

якога так глыбока пранікалі ў душу, захаплялі. А тут, раптам, звычайны хлапец, легкадумны, які так і дбае аб сваіх вусіках і гаворыць толькі аб дзяўчатах» [4, с. 55–56]. Голас гэтага паэта можна пачуць таксама у адной з тэматычных рубрык на сайце «Архівы Беларусі» [5]. Гэта Я. Купала. Ён паўстае праз успамін як звычайны малады чалавек і праз фоназапіс — як народны паэт Беларусі. Такім чынам, адбываецца асабістае знаёмства з творцам.

Лісты — дакументы, якія ў свой час былі каштоўнымі для кагосьці і могуць быць каштоўнымі ў далейшым. Лісты с фронта — сталі асновай для стварэння калекцый дакументаў асабістага паходжання ў дзяржаўных архівах у 1960–1970-я гг. Па словах Дзілмы Мантгомеры: *«Лісты, напісаныя і атрыманыя ў часы вялікага стрэсу, асабліва напісаныя салдатамі, забітымі падчас вайны становяцца артэфактамі страты... Гэтыя каштоўныя лісты ўтрымліваюць у сабе пакутлівае прадчуванне „да“ і разбіваючае сэрца „пасля“. Нават калі салдат застаўся жывы, яго лісты могуць застацца напамінам аб цяжкіх жыццёвых абставінах і сябрах, якія не выжылі. Лісты вайны нясуць у сабе боль, усведамленне страты, гэтаксама як і каштоўнасць успаміна... Развагі пра такія лісты і месца вайны ў лёсах гэтых людзей, скіроўвае нас да вывучэнне працэсаў праз якія індывідуальныя лёсы становяцца гісторыяй»* [6, с. 17].

Апошнія лісты асобы з’яўляюцца пэўным запаветам, самым значным, што хацела зрабіць і зрабіла асоба у сваім жыцці. Напрыклад, апошні вядомы ліст Я. Драздовіча датуецца 11 студзеня 1953 г. [7]. У ім мастак прапаноўвае сваю скарынінскую серыю карцін, створаную ў ваенны перыяд, на захоўванне ў Музей Я. Купалы. Для мастака важнай была ўласная творчасць і яе захаванне. Для апошняга ён прыкладаў значныя намаганні. Ліст даволі фармальны, але ілюструе яго пережыванні, апісаныя ў аўтабіяграфіі: *«Адна з самых найбалючэйшых з’яваў майго набалелага-перабалелага..., перачуўшага-перацярпеўшага... сэрца з’яўляецца безнадзейнасць і нявера мая ў жыццё майёй працы: гэта страх сьмерці маіх твораў...»* [8, 9]. Памёр мастак 15 верасня 1954 г., а скарынінская серыя ў той час так і не была набытая музеямі. Для інтэрпрэтацыі гэтага апошняга ліста — важны кантэкст жыцця, дзейнасці і шляхоў захавання творчай і дакументальнай спадчыны мастака.

Вусныя ўспаміны — гэта сродак пачуць, адчуць і нават пабачыць мінулае праз асобу. Гэта дакументы, якія могуць мець звышзначэнне, калі яны асацыююцца з асабістай і сямейнай гісторыяй. Вусныя успаміны ўтрымліваюць магчымасць даследавання механізмаў, з дапамогай якіх чалавек ці супольнасць канструююць сваю гісторыю. Асобныя нарацыі могуць выкарыстоўвацца для квестаў і віктарын па вызначэнні ўжо вядомых працэсаў і з’яў, іх аналіза, інтэрпрэтацыі і механізмаў канстрування.

З вуснага успаміна Раісы Андрэеўны Лось, 1938 г. н., в. Ліпляны, Лельчыцкі р-н (асабісты архіў аўтара): *«Усе сяло спалілі. А маці ў лузе там з дзецьмі похаваліся. У корчах усе. А етого. А Женька еты меньшанькі плача: „Мамо, есці!“ . А маці: „Дзеткі мое“... Я ж раскажу мацерыну жізню, можна целую історыю напісаць... А вон гаворыць... А вона кажа: „Дзеткі“. А я кажу лозу обдзіраю... А Жэнька меншы за мяне шчэ... Да забаўляю, штоб не крычаў жа. У лузе. Вон туды луг буў. А вон есць. А вона кажа: „Дзеткі, мое як выйдам мы з етого пекла. Я вас так накормлю!“ Слухаемо... А потым посядзелі, посядзелі і зноў: „Есці!“ . Ну, дзіця. Дзеці... От прожылі ето. Моя мацер прогоровала з етою сямейкаю — чэцверо дзяцей. То на Ліплянах нікого такіх не было як вона ператрудзілася. О што. Але во як Бог яе спас»*. Гэта жывая дзіцячая памяць пра вайну, пасля спалення вёскі ў 1943 г. Падзея пазнавальная і з’яўляецца часткай сямейнай гісторыі для пераважнай большасці карыстальнікаў, і выклікае эмацыйны водгук.

Нельга абыйсці ўвагай архіўныя фотаздымкі, якія праз візуальны квэст ці складанне пазлаў візуалізуюць гістарычных асобаў, прастору ці факты. Падборкі фотаздымкаў адной асобы ці адной мясцовасці могуць размяшчацца ад менш да больш пазнавальных. На групавых фотаздымках можна шукаць вядомых асобаў, знаёміць з менш вядомымі, убачыць вядомых асобаў у незвычайнай сітуацыі, дзе іх цяжка ідэнтыфікаваць. У гэтым выпадку ідэнтыфікацыя паўстае як эмацыйны працэс знаёмства з асобай. Яшчэ больш глыбокімі у гэтым накірунку паўстаюць запісы кінахронік ці іншыя відэазапісы. Напрыклад, Выступленне С. В. Прытыцкага ў Маскве ў 1939 г., якое захоўваецца ў БДАКФФД, знаёміць з чалавекам, які вядомы большасці карыстальнікаў толькі таму, што яго імем названа вуліца. Тут ён атрымоўвае голас і мы бачым яго вобраз у кантэксте значнай гістарычнай падзеі [10].

Найбольш складаным на сёння з’яўляецца пытанне аб рамантыцы алічбаванага ці электроннага дакумента (дакумента ў электронным выглядзе)? Ці будзе, напрыклад, метрычная кніга аб запісе хросту уласнай прабабулі рабіць большае ўражанне ў яе арыгінальнай форме, чым ў алічбаваным выглядзе? Выступленне Сяргея Прытыцкага, размешчанае ў тэматычнай рубрыцы на сайце «Архівы Беларусі», ці прагледжанае ў кіназале БДАКФФД? Практыка паказвае, што так. Жывыя дакументы і жывая экскурсія па архіўнай выставе пакідаюць звычайна значна больш уражанняў і ведаў, чым скролінг яе электроннай версіі на сайце. Гэта адбываецца ў т. л. з-за большага аб’ёму інфармацыі, з-за адсутнасці кантэксту у які цяжэй паглыбляцца, неарыгінальнасці саміх дакументаў і іншых фактараў. Нягледзячы на тое, што віды дакументаў у электронным выглядзе (за выключэннем сацсетак) застаюцца прыкладна тымі з самымі (тэкставыя,

фота, відэа, аўдыё), адбываецца іх пэўны сімбіёз. У электронным дакуменце ўспрымаецца ў першую чаргу яго інфармацыйны, а не эмацыйны складнік. Пры гэтым, калі ўзгадаць дыскусіі ў сацсетках і на форумах — яны нясуць у сабе празмерную актуальную эмацыйнасць, якая праз пэўны час можа быць разгледжана і як рамантыка архіўнага дакумента. Таму самым важным фактарам у фарміраванні з’явы пад назвай «рамантыка дакумента» — з’яўляецца час. Яшчэ адна уласцівасць электронных дакументаў у тым, што асабістае ці закрытае, тут значна хучэй становіцца адкрытым і публічным. Уласная сямейная гісторыя можа дастаткова хутка стаць сайтам, відэблогам ці анлайн дзённікам [11]. Каштоўнасць такіх дакументаў і як гістарычнай крыніцы, і ступень іх атракцыйнасці яшчэ патрабуюць асэнсавання і ацэнкі.

Варта разгледзець таксама і эмацыйныя праявы і ўнутры самага дакумента праз:

1. Эмацыйнасць, нестандартнасць ці будзённасць выкарыстанай лексікі;
2. Паметы і каментары на дакументах і прачытаных кімсьці кнігах;
3. Паслядоўнасць, дэталёнасць апісання пэўных падзей;
4. Асаблівае матэрыяльнае асновы, наяўнасць філіграняў, пячатак, вокладак;

5. Асаблівае пачырк і напісання, тэхналогіі стварэння дакумента. Так, напрыклад, У 2005 г. выйшаў папулярны падручнік Гвена Дзіна [12] па стварэнні дзённікаў, у якім стварэнне дзённіка разглядаецца як мастацтва, якое адлюстроўвае сучаснасць. Мастацкай каштоўнасцю вылучаецца значная колькасць дакументаў з архіва Я. Драздовіча, інвентарныя кнігі Беларускага музея імя І. Луцкевіча ў Вільні і інш.

6. Даўгачаканую знаходку неабходнай інфармацыі.

Пералічаны набор інструментаў несумненна можа стаць арсеналам для архіўнай педагогікі і працы архіўнага педагога. Архіўная педагогіка — гэта навукова-практычная дысцыпліна, якая ўзнікла на стыку гісторыі, педагогікі і дапаможных гістарычных дысцыплін і якая разглядае архіў як асаблівую адукацыйную сістэму. Вывучае асаблівае культурна-адукацыйнай дзейнасці архіваў, метады ўзаемадзеяння архіваў з рознымі катэгорыямі наведвальнікаў, а таксама з адукацыйнымі ўстановамі. Мэтай архіўнай педагогікі з’яўляецца прадастаўленне выкладчыкам і навучэнцам умоў і магчымасцяў для асаблівага разумення гісторыі, у аснове якога ляжыць сапраўдны аўтэнтычны архіўны дакумент, які з’яўляецца галоўным інструментам архіўнай педагогікі. У сваёй аснове архіўная педагогіка апеллюе да музейнай педагогікі, педагогікі эмпатыі, тэхналогій развіцця крытычнага мыслення і навукова-даследчай працы [13]. Архіўны педагог як пасада і прафесія існуе ў архівах Швецыі [14] і Германіі [15] з сярэдзіны 1980-х гг. Актыўна гэтым накірункам займаюцца ў Расійскай Фэдэрацыі пермскія архівісты [16, 17]. У ліку асноўных адукацыйных падзей апошнія

займаюцца распрацоўкай тэматычных экскурсій, дыскусій, стварэннем электронных і перасоўных выставаў, правядзеннем інтэрактыўных заняткаў па інтэрпрэтацыі архіўных дакументаў, а таксама гульняў, квэстаў, віктарынаў, алімпіядаў, конкурсаў, ночы архіваў, архіўнага фестывалю і інш.

Формы заданняў, распрацаваных архіўнымі педагогамі, наўпрост залежаць ад катэгорыі гледачоў, яго ўзросту, а таксама ад уласнай зацікаўленасці і паглыбленасці архіўнага педагога ў рамантыку і тэматыку асобных відаў дакументаў, зацікаўленасці ў трансляцыі гэтых ведаў і фарміраванні пазітыўнага вобразу архіва і архіўнага дакумента. Задача архіўнага педагога — перадаць рамантыку дакумента гледачу. Для кожнага архіва — гэта ўласны ўнікальны прадукт і аўтарская распрацоўка.

Сярод апрабаваных і часткова праілюстраваных вышэй у межах гэтага артыкула інструментаў працы архіўнага педагога па трансляцыі рамантыкі архіўнага дакумента, могуць быць наступныя:

- практыкаванні на асэнсаванне ўласнай ідэнтычнасці (сямейная гісторыя, падзеі мінулага ў якіх асоба кожнага праяўляецца пэўным чынам);
- практыкаванні на асэнсаванні сваёй прыналежнасці да пэўных сацыяльных груп (прафесійных, нацыянальных і інш.);
- знаёмства з асобай, яго думкамі, пачуццямі, гумарам, праявамі асабістага, што адлюстраваны ў архіўных дакументах;
- візуальныя квэсты (ідэнтыфікацыя асобы на фотаздымках);
- палеаграфічныя і неаграфічныя заданні (расчытванне тэкста, ідэнтыфікацыя асобы па почырку);
- аналіз вусных ці пісьмовых ўспамінаў з ідэнтыфікацыяй падзей ці асобаў;
- гульня ў пазлы (з фотаздымкаў, карт, твораў мастацтва) для малодшых школьнікаў і інш.

Архіў для патэнцыйнага сучаснага карыстальніка паўстае як складаная закрытая сістэма, з нуднай цяжкай працай з дакументамі. Менавіта гэтая праблема паўстае перад архіўным педагогам. Яго задача будзе заключацца у тым, каб залішне не паглыбляючыся ў сістэму архіўнага захоўвання, даць магчымасць спасцігнуць рамантыку і гістарычную значнасць дават шэраговага архіўнага дакумента. Як ужо адзначалася, гэта можна рабіць праз наданне значнасці дакументу праз тэматычныя ці інфармацыйныя кантэкст, трансляцыі архівістам уласнага захаплення дакументам. А таксама праз такія формы працы, як падрыхтоўка тэматычных падбораў дакументаў, прывядзенне вебінараў, вядзенне сацсетак, стварэнне адукацыйных ролікаў, архіўнае суправаджэнне вучняў школ і настаўнікаў у правядзенні даследаванняў. Найбольш спрыяльнымі ў гэтым накірунку на сённяшні дзень з'яўляюцца тэматычныя падборкі і віртуальныя выстаўкі на сайце «Архівы Беларусі» ці на сайтах асобных архіваў (НГАБ), вядзенне сацыяльных сетак (НГАБ),

ютуб-канала (БДАКФФД), дзе найбольш даступна прадстаўлены дакументы і знаходкі з пэўным зададзеным кантэкстам. Для іх «рамантызацыі», аднак часта не хапае жывой камунікацыі і перадачы эмоцый.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Cox R. J.* The Romance of the Document // Records & Information Management Report. Т. 22. 2006. С. 1–13.
2. *Cox R. J.* Personal Archives and a New Archival Calling: Readings, Reflections and Ruminations 2008. С. 35–65.
3. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. Ф. 403. Воп. 1. Адз. зах. 2.
4. *Мядзёлка П.* Сцежкамі жыцця / прадм., падрыхт. тэксту, камент. Ганна Запар-тыка. Мінск, 2018. 612 с.
5. *Купала Я.* Песня будаўніцтву. Масква. 1940. Фоназапіс. Беларускі дзяржаўны архіў кінафотафонадакументаў (БДАКФФД). № 0579 [Электронны рэсурс]. URL: <https://archives.gov.by/wp-content/uploads/files/bud2.mp3> (дата звароту: 26.06.2024).
6. *Montgomery D.* Love in Time of War: Letter Writing in the Second World War (AUP Studies in Cultural and Social History). Auckland University Press, 2005. 200 p.
7. Цэнтральная навуковая бібліятэка Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНБ НАН). Ф. 2. Воп. 1. Адз. зах. 40. Л. 1.
8. ЦНБ НАН. Ф. 2. Воп. 1. Адз. зах. 38. Л. 2.
9. *Галуза І.* Язэп Драздовіч. Моўная і этнаграфічная спадчына: архіўныя матэрыялы. Мінск: Беларуская навука, 2022. С. 543–544.
10. Выступленне С. В. Прытыцкага ў Маскве ў 1939 г. Фрагмент фільма «Шчасце народа». Кінадакумент. БДАКФФД. № 191 [Электронны рэсурс]. URL: <https://archives.gov.by/home/tematicheskie-razrabotki-arhivnyh-dokumentov-i-bazy-dannyh/vydayushhiesya-lichnosti/arhivnye-dokumenty-i-materialy-3/uchastniki-partizanskogo-dvizheniya-v-belarusi-rukovoditeli-bssr-i-sssr-v-50-70-e-gg-hh-v-2/prityczkij-sergej-osipovich/fragment-iz-kinofilma-schaste-naroda> (дата звароту: 26.06.2024).
11. *Cohen D. J., Rozenzweig R.* Digital history. A guide to gathering? Preserving, and presenting the past on the Web. Philadelphia, 2005. 316 s.
12. *Diehn G.* The Complete Decorated Journal: A Compendium of Journaling Techniques. Lark Books, 2012. 240 с.
13. *Гуляева К. Д., Шмуратко Д. В.* Есть такая профессия архивный педагог? (Обзор мирового опыта архивной педагогики) // Преподавание истории в школе. 2020, № 2. С. 25–30.
14. Arkivpedagogiskt Forum [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arkivforbundet.se/arkivpedagogiskt-forum> (дата обращения: 26.06.2024).
15. Verband deutscher Archivarinnen und Archivare [Электронны рэсурс]. URL: <https://www.archivpaedagogen.de/startseite.html> (дата обращения: 26.06.2024).
16. *Новокрещенных В. В., Новокрещенных И. А.* Архивная педагогика в аспекте формирования ценностных ориентиров подрастающего поколения: школы и вузы // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 285–293.
17. *Борисов А. А.* Архивная педагогика: новые подходы // IV Форум архивистов Пермского края: материалы и документы. 30 ноября 2016 г. Пермь: Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2016. С. 78–87.

ИСТОРИЯ ПРИСВОЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗНАКА КАЧЕСТВА СССР БЕЛОРУССКОЙ ПРОДУКЦИИ В 1960–1980-е гг. (ПО ДОКУМЕНТАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

П. Е. Кононова¹⁾, В. Ю. Монзуль²⁾, О. Ю. Юркевич³⁾

¹⁾Государственное учреждение «Национальный архив Республики Беларусь»,
пр. Независимости, 116, 220114, г. Минск, Беларусь, p.kononova2@mail.ru

²⁾Государственное учреждение «Национальный архив Республики Беларусь»,
пр. Независимости, 116, 220114, г. Минск, Беларусь, monzul89@gmail.com

³⁾Государственное учреждение «Национальный архив Республики Беларусь»,
пр. Независимости, 116, 220114, г. Минск, Беларусь, yurkevichoy@gmail.com

В статье рассматривается вопрос о присвоении Государственного знака качества СССР белорусской продукции в 1960–1980-е гг. при использовании и введении в научный оборот неопубликованных источников из фондов ГУ «Национальный архив Республики Беларусь». Проанализированный в статье опыт работы передовых белорусских предприятий по обеспечению высокого уровня и качества продукции показывает, что аттестация качества продукции является одним из важнейших стимулов для всесторонней модернизации производства и эффективным средством повышения ответственности коллективов за качество выпускаемых изделий.

Ключевые слова: архивные документы; аттестация; государственная аттестационная комиссия; Государственный знак качества СССР; качество; промышленные предприятия.

HISTORY OF AWARDING THE STATE QUALITY MARK OF THE USSR TO BELARUSIAN PRODUCTS IN THE 1960–1980s (BASED ON THE DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

P. E. Konanava¹⁾, U. Y. Monzul²⁾, V. Y. Yurkevich³⁾

¹⁾State institution «National Archives of the Republic of Belarus»,
116 Niezaliežnasci Avenue, 220114, Minsk, Republic of Belarus, p.kononova2@mail.ru

²⁾State institution «National Archives of the Republic of Belarus»,
116 Niezaliežnasci Avenue, 220114, Minsk, Republic of Belarus, monzul89@gmail.com

³⁾State institution «National Archives of the Republic of Belarus»,
116 Niezaliežnasci Avenue, 220114, Minsk, Republic of Belarus, yurkevichoy@gmail.com

The article deals with the issue of assigning the State Quality Mark of the USSR to Belarusian products in the 1960s–1980s using and introducing into scientific circulation unpublished sources from the funds of the National Archives of the Republic of Belarus. The experience of leading Belarusian enterprises in ensuring a high level and quality of products analyzed in the article shows that product quality attestation is one of the most important incentives for comprehensive modernization of production and an effective means of increasing the responsibility of teams for the quality of manufactured products.

Keywords: archival documents; attestation; industrial enterprises; quality; State Attestation Commission; State Quality Mark of the USSR.

Современное развитие Республики Беларусь характеризуется постоянным совершенствованием технологий в улучшении качества, безопасности и инновационности белорусской продукции, что позволяет ей не только успешно конкурировать, но и лидировать на мировых рынках. Указом Президента Республики Беларусь от 27 ноября 2023 г. № 375 2024 г. объявлен Годом качества [14].

Беларусь на протяжении многих десятилетий являлась технологически развитым государством, сохраняя и развивая все то, что было накоплено прежними поколениями. В советский период обеспечение полного удовлетворения потребностей населения в разнообразных товарах и повышение их качества и эстетического уровня достигалось с помощью аттестации продукции и присвоения ей Государственного знака качества СССР.

В отечественной историографии данная тема остается одной из малоизученных. В силу этого всестороннее исследование присвоения Государственного знака качества СССР белорусской продукции требует углубленного изучения при использовании и введении в научный оборот неопубликованных источников. Особый интерес представляют документы, которые хранятся в фондах ГУ «Национальный архив Республики Беларусь».

Постановлением ЦК КПСС от 4 октября 1965 г. «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» признавалось целесообразным проводить государственную аттестацию качества продукции в целях создания более производительных машин и оборудования, эффективных видов сырья и материалов, удовлетворяющих требованиям потребителей и соответствующих современному техническому уровню. Государственный знак качества СССР присваивался продукции, которая по своим показателям соответствовала или превосходила высшие достижения отечественной и зарубежной науки и техники [1, с. 11–12].

Аттестация промышленной продукции проводилась государственными аттестационными комиссиями, состав которых утверждался министерствами (ведомствами) — изготовителями продукции. Для принятия решения о присвоении продукции Государственного знака качества СССР необходимо было согласие всех членов государственной аттестационной комиссии. Разрешение на его использование выдавалось предприятию министерством (ведомством), в систему которого оно входило, после регистрации протокола государственной аттестационной комиссии [16, с. 4–5].

Архивные документы свидетельствуют о том, что количество продукции с Государственным знаком качества СССР, выпускавшейся белорусскими предприятиями, неизменно росло. В 1968 г. в СССР было аттестовано с присвоением Государственного знака качества СССР более 200 изделий, а к 1971 г. их число возросло в 13 раз, до более чем 2600 изделий, из которых 107 (4%) изделий производились предприятиями БССР [17, с. 21]. К 1971 г. Государственный знак качества СССР был присвоен продукции ряда известных белорусских предприятий — большегрузным автомобилям БелАЗ-540 Белорусского автомобильного завода, тракторам МТЗ-50 и МТЗ-52 Минского тракторного завода, двигателям Д-50 и Д-50Л Минского моторного завода, металлорежущим станкам Гомельского станкостроительного завода им. С. М. Кирова и Оршанского станкостроительного завода «Красный борец», ряду изделий Витебской чулочно-трикотажной фабрики «КИМ», Минского швейного объединения им. Н. К. Крупской и Минского мясокомбината [15, с. 8].

По состоянию на 1 января 1974 г. на предприятиях республики было аттестовано 614 изделий с последующим присвоением Государственного знака качества СССР, в числе которых была продукция, определяющая технический прогресс республики: тракторы, двигатели, металлорежущие станки, приборы, вычислительные машины, продукция нефтехимической и электротехнической промышленности и др. [3, л. 1]. В информации заместителя Министра пищевой промышленности БССР об итогах работы промышленности за 1975 г. и I полугодие 1976 г. отмечалось, что в I полугодии 1976 г. выработка изделий с Государственным знаком качества СССР в отрасли увеличилась на 6502 тыс. руб. или на 39% по сравнению с соответствующим периодом 1975 г. [5, л. 16]. На кондитерской фабрике «Коммунарка» в 1976 г. выпуск изделий с Государственным знаком качества СССР возрос по сравнению с 1975 г. с 8,8% до 12,9% к общему объему производства и было намечено к 1980 г. довести выработку изделий высшей категории до 21,6% [6, л. 12]. По состоянию на 1 апреля 1979 г. Государственный знак качества СССР имели 3277 наименований продукции, в том числе 2460 наименований товаров народного потребления [2, л. 57 об].

Следует подчеркнуть, что продукция ряда белорусских предприятий получила Государственный знак качества СССР благодаря передовым работкам в области управления качеством продукции, которые начали внедряться еще до его учреждения. Например, Минский тракторный завод еще в 1965 г. начал разрабатывать и внедрять систему управления качеством продукции, благодаря которой в 1966–1970 гг. существенно улучшились эксплуатационные характеристики тракторов, а конструкторы предприятия регулярно сравнивали основные показатели белорусских тракторов с

лучшими советскими и зарубежными аналогами, внимательно изучался опыт эксплуатации тракторов МТЗ в разных климатических условиях, развивалось материальное стимулирование рабочих за высокое качество продукции. В результате большого внимания Минского тракторного завода к вопросам качества продукции именно трактора МТЗ-50 и МТЗ-52 первые в СССР получили Государственный знак качества [1, с. 48–55].

Достигнутые в 1970-е гг. результаты по увеличению объемов выпуска продукции с Государственным знаком качества СССР явились следствием масштабной работы по выполнению постановления ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 6 сентября 1976 г. № 269 «О внедрении комплексных систем управления качеством продукции» (КС УКП) [2, л. 18].

По данным на 1 апреля 1979 г. 1439 объединений и предприятий республики завершили разработку и внедрение КС УКП, обеспечив тем самым организационно-техническую базу для неуклонного повышения технического уровня производства товаров [2, л. 22]. В результате внедрения этих систем и осуществления других мер по повышению эффективности и качества работы, согласно данным за 1978 г., удельный вес продукции высшей категории качества в общем объеме производства достиг 20,7%, ее производство составило 4274 млн руб. при плане 3878 млн руб. [2, л. 57 об]. Достигнутый в 1978 г. удельный вес выпуска белорусской продукции с Государственным знаком качества СССР являлся самым высоким среди союзных республик [2, л. 16].

Для увеличения количества выпуска продукции с Государственным знаком качества СССР белорусскими государственными органами власти и управления проводились специальные проверочные мероприятия, обсуждения на совещаниях по качеству («Дни качества») при различных министерствах и ведомствах, а также проводились конкурсы на лучшие разработки, обеспечивающие повышение качества и надежности выпускаемой продукции [8, л. 131; 10, л. 22].

Немаловажным фактором, способствующим повышению эффективности производства и качества товаров, являлся рост профессионального мастерства работающих. Организовывались курсы по улучшению качества для мастеров, работников отделов технического контроля и других специалистов, а также регулярно проводились семинары по вопросам качества и обмену опытом работы [10, л. 22–23]. Повышению эффективности производства способствовало совершенствование бригадной организации и оплаты труда, которая позволяла обеспечить взаимозаменяемость работников [7, л. 190–191].

Архивные документы отражают не только процесс присвоения Государственного знака качества СССР белорусской продукции, но также

дают возможность проанализировать причины и основные факторы, которые могли негативным образом повлиять на улучшение ее качества. К числу основных современники относили низкий технический уровень оборудования и несоответствие технологических процессов современным требованиям. При изучении опыта работы ПО «Новополоцкнефтеоргсинтез» отмечалось, что для улучшения характеристик продукции требовалось значительное техническое перевооружение производства. В свою очередь, на Светлогорском ПО «Химволокно» увеличение объемов выпуска высококачественной продукции сдерживалось наличием «узких мест» в технологических потоках, морально устаревшими агрегатами в прядильном производстве [4, л. 51].

Особое место в повышении технического уровня продукции промышленных предприятий БССР занимали вопросы качества поставляемых из-за пределов республики материалов, сырья, комплектующих изделий и инструментов. Например, на станкостроительных предприятиях республики одним из главных факторов, снижающих конкурентоспособность станков, являлось низкое качество поставляемых систем числового программного управления [4, л. 52]. В документах отмечались случаи, когда поставщики самовольно изменяли качество сырья и комплектующих деталей для производства продукции, аттестованной по высшей категории качества [10, л. 23].

Определенную специфику имело внедрение Государственного знака качества СССР в строительной отрасли республики. 10 мая 1976 г. постановлением ЦК КПБ и Совета Министров БССР № 148 была начата работа по внедрению комплексной системы управления качеством строительства и производства строительных материалов [12, л. 58–59]. 6 сентября 1976 г. комиссия ЦК КПБ по вопросам улучшения порядка планирования и совершенствования организации капитального строительства выступила с инициативой присваивать Государственный знак качества СССР жилым домам. Подобное предложение стало результатом восприятия массового строительства жилья из железобетонных панелей как разновидности промышленного производства. Вместе с тем 6 декабря 1976 г. председатель Госстроя БССР В. А. Король указал на противоречия между инициативой руководства республики и действовавшими союзными нормативными правовыми актами об оценке качества строительства [13, л. 69–73]. Сохранились документы, свидетельствующие о рассмотрении вопроса по строительству жилых домов серии 111-90 с Государственным знаком качества СССР [9, л. 99].

Кроме того, архивные документы позволяют рассматривать Государственный знак качества СССР как один из важнейших стимулов для

всесторонней модернизации производства. Например, в 1971 г. Минский молочный комбинат, готовясь к государственной аттестации сыра сливочного плавленого «Янтарь», провел полную реконструкцию участка плавленых сыров, что позволило организовать поточное производство, повысить уровень механизации и автоматизации производства и повысить производительность труда. Рабочие, занятые на производстве плавленого сыра, прошли специальную учебу и сдали экзамен, а лаборатория комбината усилила контроль за качеством продукции. Участок был отремонтирован, оборудование окрашено, была установлена эффективная вентиляция, лампы накаливания заменены на светильники дневного света, а весь участок был, по словам директора комбината, «оформлен в эстетическом отношении» [11, л. 13]. Те значимые меры, которые были приняты Минским молочным комбинатом и другими промышленными предприятиями для получения Государственного знака качества СССР, положительно отразились на их работе.

Таким образом, учреждение Государственного знака качества СССР и его успешное использование в стимулировании работы промышленных предприятий по повышению качества продукции стало значимой попыткой перевода советской модели развития экономики с экстенсивного вектора, характеризующегося первоочередным интересом к количественным показателям, на интенсивный путь. Промышленные предприятия республики систематически наращивали темпы производства продукции с Государственным знаком качества СССР в общем объеме производства. Исторический опыт работы передовых белорусских предприятий по обеспечению высокого уровня и качества продукции показал, что аттестация качества продукции является одним из важнейших стимулов для всесторонней модернизации производства и эффективным средством повышения ответственности коллективов за качество выпускаемых изделий. Кроме того, использование архивных документов в изучении данного вопроса способствует патриотическому воспитанию граждан, в том числе, детей и молодежи, развитию их заинтересованности в сохранении исторической памяти о достижениях белорусского народа.

Библиографические ссылки

1. *Дербишер А. В.* Знак качества. М. : Моск. рабочий, 1971. 112 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 130. Д. 70.
3. НАРБ. Ф. 31. Оп. 9. Д. 2478.
4. НАРБ. Ф. 31. Оп. 15. Д. 258.
5. НАРБ. Ф. 105. Оп. 4. Д. 1433.
6. НАРБ. Ф. 105. Оп. 4. Д. 1577.
7. НАРБ. Ф. 108. Оп. 7. Д. 393.

8. НАРБ. Ф. 119. Оп. 5. Д. 307.
9. НАРБ. Ф. 119. Оп. 5. Д. 1472.
10. НАРБ. Ф. 119. Оп. 5. Д. 1846.
11. НАРБ. Ф. 548. Оп. 6. Д. 571.
12. НАРБ. Ф. 903. Оп. 2. Д. 1025.
13. НАРБ. Ф. 903. Оп. 2. Д. 1026.
14. Об объявлении 2024 года Годом качества : Указ Президента Респ. Беларусь, 27 нояб. 2023 г., № 375 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
15. Отчетный доклад ЦК КПБ // Коммунист Белоруссии. 1971. № 3. С. 4–40.
16. Подготовка и проведение аттестации изделий на знак качества. Вильнюс, 1971. 68 с.
17. *Пуцилев С.* Величественная программа коммунистического созидания // Коммунист Белоруссии. 1971. № 7. С. 18–23.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА 1920-х гг. С. К. МАКОВСКОГО Е. А. ЛЯЦКОМУ

С. И. Михальченко

*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского,
ул. Бежицкая, 14, 241036, Брянск, Россия, smikh10@mail.ru*

Анализируются неопубликованные письма поэта, искусствоведа и издателя С. К. Маковского филологу и издателю Е. А. Ляцкому, содержащиеся в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии в Праге. Показывается их важность для воссоздания истории русской эмиграции первой волны в межвоенной Чехословакии; даются детали организации издательства «Пламя» и Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии.

Ключевые слова: Маковский С. К.; Ляцкий Е. А.; Литературный архив Музея национальной литературы Чехии; издательство «Пламя».

UNPUBLISHED LETTERS OF THE 1920s FROM S. K. MAKOVSKY TO E. A. LYATSKY

S. I. Mikhalchenko

*Bryansk State academician I.G. Petrovsky University,
Bezhitskaya str., 14, 241036, Bryansk, Russia, smikh10@mail.ru*

The article analyzes unpublished letters of the poet, art historian and publisher S. K. Makovsky to the philologist and publisher E. A. Lyatsky, contained in the Literary Archive of the Museum of National Literature of the Czech Republic in Prague. It shows their importance for reconstructing the history of the first wave of Russian emigration in interwar Czechoslovakia; details are given of the organization of the Plamya publishing house and the Union of Russian Writers and Journalists in Czechoslovakia.

Keywords: Makovsky S. K.; Lyatsky E. A.; Literary Archive of the Museum of National Literature of the Czech Republic; Plamya publishing house.

Переписка — важнейший исторический источник, вносящий немало нового в характеристику того или иного события, уточняющий воззрения того или иного общественного деятеля или ученого. Особенно большое значение приобретает переписка, когда иных источников мало. Не является исключением и эпистолярное наследие представителей русской эмиграции первой волны 1920–1930-х гг. Среди сохранившихся эпистолярных комплексов одно из важнейших мест занимают письма русских писателей, ученых, общественных деятелей литературоведу, историку и издателю Е. А. Ляцкому, сохранившиеся в его личном фонде в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии в Праге.

Происходивший из Минской губернии Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942) получил известность еще в дореволюционные годы

как этнограф и филолог [2; 3]. В 1910-е гг. началась и его издательская деятельность. В круг его знакомых постепенно, в связи с этим, вошли все известные писатели России. Рано, уже в декабре 1917 г., оказавшись в эмиграции, Ляцкий продолжил свою издательскую работу, организовав вначале в Стокгольме издательство «Северные огни», а затем, после переезда в Чехословакию, возглавив в середине 1920-х гг. пражское издательство «Пламя». В 1922 г. он стал профессором русской литературы пражского чешского Карлова университета и оставался им до 1939 г. В научной деятельности в эмигрантские годы Ляцкий совмещал историческую и филологическую тематику — он продолжал заниматься исследованием творчества И. А. Гончарова, выпустил в свет учебник и хрестоматию по русской литературе для чешской аудитории [3, с. 7–13]. Среди его адресантов эмигрантских лет — И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, Н. А. Тэффи, И. С. Шмелев и многие другие представители русской культуры. Их письма хранятся в фонде Ляцкого в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге [Literární archiv Památníku Národního písemnictví v Praze. Pozůstalost E. A. Ljackij (LA)] (общая характеристика фонда уже давалась в литературе [4]).

Отложились в фонде и 9 писем и 6 визитных карточек Маковского. Сергей Константинович Маковский (1877–1962), известный поэт, искусствовед и издатель, оказался в эмиграции в 1920 г. Письма Маковского относятся к 1927–1938 гг. Можно выделить несколько основных тем, которые в них поднимаются. Во-первых, это создание издательства русской литературы в Праге, где к 1921 г. поселился Маковский и куда собирался переехать из Стокгольма Ляцкий. Письма Маковского уточняют имеющиеся сведения об организации будущего издательства «Пламя» [5]. В письме от 25 июня 1921 г. Маковский представил свое видение издательства: «возможно большое количество дешевых книг в кратчайший срок. Чтобы убить конкуренцию, надо выпускать их сериями, не боясь издавать то, что уже было издано эмиграцией: лишь было бы значительно дешевле. Это сразу создаст и большой рынок». Важнейшим вопросом было наличие собственной типографии с русским шрифтом. Такая возможность открывалась при помощи организованного после возвращения с фронтов Первой мировой войны чешских легионеров Легиобанка. «После покупки Легиобанком типографии и установки в ней американских наборных машин, можно будет... набирать свободно до 300 листов в месяц в своей типографии и обойдется это не дороже, чем 100 листов ручным способом! Но, — подчеркивал Маковский, — с покупкой типографии надо спешить, т. к. ее перебивают какие-то немцы». Тематически, по мнению Маковского, книги должны были заключать в себе: 1) беллетристику («в общем — вся

русская образцовая литература: и проза, и стихи, от Фон-Визена до наших дней»), 2) «занимательное чтение», 3) пособия, 4) отечествоведение, 5) русские биографии, 6) переводную беллетристику, 7) смешанный отдел, под заголовком — «Современность». Стоимость книг не должна была быть большой («не выше 2,50 чешских крон, т. е. около 40 сантимов»), чтобы каждый «несчастный русский» мог бы книгу купить» [1, 52/69/1269].

Как отмечала И. А. Шомракова, организация издательства столкнулась с трудностями [5, с. 356–357]. Письма Маковского подтверждают это. 7 июля 1921 г. он писал Ляцкому: «по моему глубокому убеждению, без настойчивого и немедленного нажима с Вашей стороны ничего-то в Праге не „обтяпается“. Вы пишете о 2–3 месяцах для организации своей типографии. Конечно, не меньше (еще наборщиков найти надо для линотипов! Их здесь нет сейчас, наверное), но и это, если инициатива во всех решительно организационных вопросах не будет предоставлена чехам. Пока, в Ваше отсутствие, никто из них пальцем не пошевелил, а только приговаривают: „вот как бы мы не упустили типографию, — немцы тоже торгуются“» [1, 52/69/1272]. Окончательно «запустить» работу издательства удалось только к 1923 г. [5, с. 357].

Вторая тема, отразившаяся в письмах Маковского — организация Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Это объединение создавалось осенью 1922 г. с немалыми трудностями на базе уже существовавшего, созданного годом ранее Союза русских журналистов и литераторов, который возглавил Маковский 2 августа 1921 г. [6, с. 461]. Главная проблема была в противоположных общественно-политических позициях разных литераторов, что и отражено в письме Маковского от 15.X.1922. «Боже мой, как трудно заниматься так называемой „русской общественностью“, — сетовал он в письме Ляцкому. — Сначала — все хорошо, все согласны и добродушны. А затем, в решительную минуту — каждый (за очень редким исключением) озабочивается исключительно своим личными маленьким интересом в общем деле». Для того, чтобы уравновесить интересы различных слоев русской литературной эмиграции в Чехословакии, Маковский предлагал ввести в состав формирующегося правления Союза писателя Е. И. Чирикова и экономиста и философа П. Б. Струве. «С их кандидатурой согласны все те учредители, с которыми я говорил и их надо провести определенным веским большинством. Если же, благодаря оппозиции слева, они будут забаллотированы, — вся постройка рухнет, и наша затея подаст только повод к разговорам, сплетням и новой распре» [1, 52/69/1273]. В итоге, при поддержке Ляцкого эту

идею удалось реализовать, был сформирован состав правления, куда вошли оба отмеченных кандидата, председателем стал П. Сорокин, его заместителями — Маковский и Ляцкий [6, с. 461].

Наконец, в письмах Маковского поднимаются некоторые частные вопросы, связанные как с его собственными (в итоге нереализованными) планами, так и с творчеством Ляцкого. Так, Маковский вынашивал идею «создать Новый русский театр в Праге (я допускаю, что так он и назовется). Конечно, в репертуар можно вставить несколько классических русских пьес, но в идеале я представляю себе — новые пьесы, новые постановки, новая музыка, в случае надобности, новые формы сценического воплощения, — словом театральное творчество, а не подражание испытанным образцам и уж конечно — не обывательскую мешанину на вкус среднего чеха» (15 апреля 1925 г.) [1, 52/69/1276].

В другом письме он предлагал Ляцкому, известному специалисту по творчеству И. А. Гончарова, ознакомиться с письмами писателя артисту Александринского театра И. И. Монахову, чье исполнение роли Чацкого подтолкнуло Гончарова на создание известной критической статьи «Милльон терзаний». Писем было более тридцати, они хранились у не названного в письме знакомого Маковского. «Я просмотрел некоторые из них, — писал Маковский, — и убедился, что они весьма содержательны: много жизненных подробностей, оценок, упоминания о литературных знакомых и т. д. Приятель мой не предлагает купить эти письма (за которые заплатил довольно дорого), но готов послать их Вам для издания или использования, ежели Вы возместите ему за это право одну тысячу триста франков» [1, 52/69/6641]. К сожалению, откликнулся ли Ляцкий на это предложение, не известно.

Итак, письма Маковского Ляцкому — источник в ряду многих эпистолярных источников представителей русской эмиграции первой волны, которые, может быть, не открывают новые горизонты в исследовании темы эмиграции, но без которых представление о ее жизни было бы явно неполным. В этом — в уточнении и расширении нашего представления о ней — и заключается ценность такого рода материалов.

Подготовлено при поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00505.

Библиографические ссылки

1. Literární archiv Památníku Národního písemnictví v Praze. Pozůstalost E. A. Ljaskij [LA].
2. Грачева А. М., Матренина М. М. Ляцкий Е. А. // Русские писатели XIX – начала XX в. Энциклопедия. М. : БРЭ, 1994. Т. 3. С. 445–447.

3. Евгений Ляцкий: Материалы к биографии / Публ. С. И. Михальченко. Брянск : Изд-во БГПУ, 2000. 176 с.

4. *Михальченко, С. И.* Фонд Е. А. Ляцкого в Литературном архиве Музея национальной литературы Чехии // Археографический ежегодник за 1999 год. М. : Наука, 2000. С. 286–301.

5. *Шомракова И. А.* Евгений Александрович Ляцкий — издатель русского зарубежья (по архивным материалам) // Книга. Исследования и материалы. М. : Наука, 2002. Вып. 80. С. 346–364.

6. *Белошевская Л. Н.* Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М. : РОССПЭН, 2000. С. 461–463.

ПЕРСПЕКТИВЫ И ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

А. А. Недашковская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, nedaschko@bk.ru*

В статье описана специфика развития документоведения, демонстрирующая его адаптацию к изменениям в обществе и технологиях, выдвинуты тезисы об отсутствии кризиса в данной научной дисциплине, о благоприятном влиянии документологии на ее дальнейшее развитие и интеграцию инновационных подходов, в комплексе, обеспечивающих эффективное управление документами в условиях цифровизации.

Ключевые слова: документоведение; документология; управление документами; документ.

PROSPECTS AND INNOVATIVE APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF DOCUMENT SCIENCE AS A SCIENTIFIC DISCIPLINE

A. A. Nedashkowskaya

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, nedaschko@bk.ru*

The article describes the specifics of the development of document science, demonstrating its adaptation to changes in society and technology, puts forward theses about the absence of a crisis in this scientific discipline, about the beneficial effect of documentology on its further development and integration of innovative approaches, in a complex that ensures effective document management in the context of digitalization.

Keywords: document science; documentology; records management; document.

Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления теоретических основ документоведения в условиях стремительной цифровизации и перехода к электронным документам, что требует глубокого анализа и обоснования стабильности и адаптивности данной научной дисциплины. В условиях, когда традиционные методы управления документами подвергаются значительным изменениям, вызванным внедрением новых технологий, возникает потребность в разработке новых теоретических моделей и концепций, способных адекватно отражать современные реалии и обеспечивать эффективное функционирование документооборота. Введение и развитие документологии как научного направления, способного более глубоко и всесторонне изучать документы в условиях цифровизации, способствует развитию теоретических основ и методологических

подходов документоведения, не нарушая его независимости и не мешая его развитию. Исследование перспектив и инновационных подходов к развитию документоведения не только может подтвердить отсутствие кризиса в данной области, но и продемонстрировать, что изменения являются естественным этапом эволюции научной дисциплины, открывающим новые возможности для ее дальнейшего развития и совершенствования.

Исторический контекст и эволюция документоведения представляют собой важный аспект исследования, позволяющий понять, как данная научная дисциплина развивалась и адаптировалась к изменениям в обществе и технологиях. Документоведение, возникшее как ответ на потребность в систематизации и управлении документами, прошло долгий путь от простых методов учета и хранения бумажных документов до сложных теоретических моделей, учитывающих специфику электронных документов и цифровых технологий. В процессе эволюции документоведение происходило постоянное обновление и расширение теоретических подходов, что позволило дисциплине не только сохранять свою актуальность, но и активно развиваться, отвечая на вызовы времени и внедряя инновационные решения. С течением времени, по мере усложнения социальных структур и увеличения объемов информации, возникла необходимость в разработке более сложных методов и подходов к управлению документами, что привело к формированию теоретических основ документоведения. В XX вв., с развитием науки и техники, документоведение начало активно развиваться как самостоятельная научная дисциплина. Важным этапом в развитии документоведения стало появление электронных документов и цифровых технологий, что потребовало пересмотра и адаптации существующих теоретических моделей и концепций [1]. Современное документоведение представляет собой комплексную дисциплину, которая объединяет в себе теоретические и практические аспекты управления документами, учитывая специфику различных типов документов и технологий, используемых для их создания, хранения и обработки.

Теоретические основы документоведения включают в себя комплекс научных концепций и моделей. Одной из ключевых концепций является понятие документа как носителя информации, который обладает определенными характеристиками, такими как форма, содержание и контекст, что позволяет ему выполнять свои функции в процессе коммуникации и управления. Важным аспектом теоретических основ документоведения является изучение жизненного цикла документа, который включает этапы создания, использования, хранения и уничтожения, что позволяет эффективно управлять документами на всех стадиях их существования [4]. Кроме того, теоретические модели документоведения рассматривают

методы классификации и систематизации документов, что способствует упрощению их поиска и использования. В условиях цифровизации особое внимание уделяется теоретическим аспектам управления электронными документами, включая вопросы их аутентичности, целостности и длительного хранения.

Через призму естественного процесса эволюции научной дисциплины можно обосновать отсутствие кризиса в документоведении, в которой изменения, вызванные цифровизацией и внедрением новых технологий, рассматриваются не как кризисные явления, а как закономерные этапы развития. В таких условиях, документоведение демонстрирует свою стабильность и адаптивность, что подтверждается способностью дисциплины интегрировать инновационные подходы и теоретические модели, обеспечивающие эффективное управление документами в новых реалиях. Теоретические обоснования стабильности документоведения включают в себя анализ ключевых концепций и моделей, которые, несмотря на изменения в технологической среде, сохраняют свою актуальность и применимость, адаптируясь к новым условиям.

Исторически сложилось так, что каждая научная дисциплина проходит через этапы трансформации и обновления, что позволяет ей сохранять актуальность и соответствовать требованиям времени. Документоведение, как и любая другая наука, не является исключением, и его способность адаптироваться к изменениям свидетельствует о его жизнеспособности. Оно обладает гибкостью и устойчивостью, что позволяет ему адаптироваться к изменениям в технологической и социальной среде, не теряя своей научной значимости и актуальности. Важным аспектом стабильности документоведения является его способность к интеграции инновационных методов и моделей, таких как блокчейн и искусственный интеллект, которые обеспечивают новые возможности для управления документами и их сохранности. Адаптивность документоведения проявляется в его способности пересматривать и обновлять теоретические основы в ответ на вызовы времени, что позволяет дисциплине оставаться актуальной и востребованной [5].

В научных исследованиях последних лет активно поднимается проблемный вопрос об изменениях теоретических тенденций в документоведении. Во многом, исследователи опасаются поглощения документоведения документологией [2]. Однако, данный тезис может быть оспорен. Преимуществом внедрения в документоведческие исследования принципов документологии заключается в ее способности обеспечить комплексный и системный подход к изучению документов, что способствует дальнейшему развитию и совершенствованию документоведения как научной

дисциплины, отвечая на вызовы времени и внедряя инновационные решения для повышения эффективности управления документами, а также ее вкладом в развитие теоретических и методологических основ документоведения, обеспечивая комплексный и системный подход к изучению документов и их жизненного цикла.

Документология способна расширить и углубить существующие теоретические и методологические рамки, обеспечивая более комплексное и системное изучение документов в условиях цифровизации. Документология, интегрируя инновационные подходы и технологии, обогащает теоретические основы документоведения, дополняя их новыми методами и средствами, что способствует повышению адаптивности и устойчивости дисциплины в условиях стремительных технологических изменений. Это подтверждается успешной реализацией в научном пространстве «общей теории документа» [6]. Кроме того, документология позволяет более глубоко исследовать специфику электронных документов, их жизненный цикл и методы управления, что способствует созданию более эффективных и надежных систем документооборота. Так, теоретические преимущества и вклад документологии в развитие документоведения заключаются в ее способности обеспечить более глубокое и всестороннее понимание процессов управления документами, что способствует дальнейшему развитию и совершенствованию теоретических основ документоведения, отвечая на вызовы времени и внедряя инновационные решения для повышения эффективности документооборота.

Инновационные подходы в теории документоведения представляют собой важный аспект развития данной научной дисциплины. Современные теоретические модели и концепции, разрабатываемые в рамках документоведения, направлены на интеграцию инновационных методов и средств, таких как блокчейн, искусственный интеллект и другие цифровые технологии, что позволяет значительно повысить эффективность управления документами и обеспечить их сохранность и доступность. Влияние цифровизации на теоретические аспекты документоведения проявляется в необходимости пересмотра и обновления существующих теоретических основ, что способствует созданию новых моделей и подходов, адекватно отражающих современные реалии и обеспечивающих более глубокое и всестороннее понимание процессов управления документами. Они представляют собой интеграцию инновационных методов и технологий, направленных на повышение эффективности управления документами в условиях цифровизации.

Одним из ключевых направлений является использование блокчейн-технологий, которые обеспечивают высокий уровень безопасности

и прозрачности в процессе управления документами, что особенно важно в условиях растущих требований к защите данных и аутентичности документов. Искусственный интеллект и машинное обучение также играют важную роль в современных теоретических моделях документоведения, позволяя автоматизировать процессы классификации, поиска и анализа документов, что значительно повышает оперативность и точность работы с большими объемами информации.

Важным аспектом является разработка и внедрение моделей управления жизненным циклом электронных документов, которые учитывают специфику их создания, хранения и уничтожения, обеспечивая при этом их долговременную сохранность и доступность. Современные теоретические подходы также включают в себя концепции гибридных систем управления документами, которые объединяют традиционные и цифровые методы, что позволяет более эффективно адаптироваться к изменениям в технологической среде. Иновационные подходы и модели в теории документоведения не только способствуют повышению эффективности управления документами, но и обеспечивают стабильность и адаптивность данной научной дисциплины в условиях стремительных изменений и цифровизации.

Цифровизация, охватывающая все сферы деятельности, требует адаптации теоретических основ документоведения к новым реалиям, что включает в себя разработку новых подходов к классификации, хранению и обеспечению доступности электронных документов. Важным аспектом является изучение вопросов аутентичности и целостности электронных документов, что требует внедрения инновационных методов и технологий, таких как блокчейн, обеспечивающих высокий уровень безопасности и прозрачности.

Перспективы развития теории документоведения представляют собой важное направление научных исследований, обусловленное необходимостью адаптации к рассмотренным стремительно меняющимся условиям цифровизации и внедрения новых технологий [3]. Будущие теоретические исследования в области документоведения должны учитывать влияние рассмотренных инноваций. Важным аспектом является изучение влияния цифровых технологий на теоретические концепции и модели документоведения, что требует пересмотра и обновления существующих теоретических основ. Итак, перспективы развития теории документоведения включают в себя не только интеграцию новых технологий, но и создание новых теоретических моделей, которые позволят более глубоко и всесторонне изучать процессы управления документами в условиях цифровизации, обеспечивая их сохранность, аутентичность и доступность.

На основании вышеизложенного, можно дать рекомендации по дальнейшему развитию теории документоведения и документологии, которые включают в себя интеграцию новых технологий и методов, что позволит создать более эффективные и надежные системы управления документами, обеспечивая их сохранность, аутентичность и доступность в условиях стремительных технологических изменений, а также способствуя дальнейшему развитию и совершенствованию теоретических основ документоведения.

В целом, изменения в документоведении являются естественным этапом эволюции научной дисциплины, открывающим новые возможности для ее дальнейшего развития и совершенствования, реализация которых позволит повысить эффективность научных исследований в проблемной области, а также модернизировать прикладную составляющую управления документами.

Библиографические ссылки

1. Горбачева У. И. Ретроспективная оценка формирования теории документоведения // Науч. палитра. 2019. № 1. С. 27.
2. Ларин М. В. Документоведение нуждается в новой научной парадигме // Отечественные архивы. 2024. № 4. С. 40–47.
3. Плешкевич Е. А. Кризис документоведения и пути его преодоления // Отечественные архивы. 2016. № 3. С. 5–9.
4. Плешкевич Е. А. Центральные проблемы документоведения как научной дисциплины // Документальное наследие и историческая. 2020. С. 294–298.
5. Рыбаков А. Е. Новации Закона Республики Беларусь «Об архивном деле и делопроизводстве»: хранение документов в организациях и комплектование государственных архивов // Архивы и делопроизводство. 2022. № 5. С. 18–36.
6. Суровцева Н. Г. «Общая теория документа» и ее влияние на развитие документоведения // Отечественные архивы. 2015. № 5. С. 9–17.

ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ «ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ»

Я. А. Поддевалина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, poddevalina1203@outlook.com*

В связи с ежегодным масштабированием использования информационных технологий в области архивного дела и делопроизводства важным вопросом становится общее понимание основополагающих терминов. В статье анализируются существующие трактовки понятия «электронный документооборот», представленные как в технических нормативных правовых актах и методической документации, так и предлагаемые различными отечественными и зарубежными исследователями. На основе результатов анализа представлена собственное определение данного понятия.

Ключевые слова: документооборот; электронный документооборот; автоматизированные системы документационного обеспечения управления.

INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF “ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT”

Y. A. Poddevalina

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, poddevalina1203@outlook.com*

In connection with the annual scaling of the use of information technologies in the field of archival affairs and records management, a common understanding of fundamental terms becomes an important issue. The article analyzes the existing interpretations of the concept of “electronic document management”, presented both in technical regulatory legal acts and methodological documentation, and proposed by various domestic and foreign researchers. Based on the results of the analysis, own definition of this concept is presented.

Keywords: document flow; electronic document management; electronic document management systems.

На сегодняшний день отсутствует нормативно закреплённая трактовка понятия «электронный документооборот». Это создаёт ряд сложностей в его использовании, так как под электронным документооборотом могут подразумеваться различные процессы.

Так, например, В. Л. Носевич приводит следующее определение: «электронный документооборот — способ организации документооборота, при котором все документы или документы определенных классов в одной организации или в их совокупности (корпоративной системе) представлены в электронном виде и хранятся централизованно» [1]. Это же определение содержит в себе и терминологический словарь «Электронный документооборот: термины и определения» [2], разработанный Белорусским научно-исследовательским центром электронной документации. Исходя

из данной трактовки, электронный документооборот является лишь способом организации традиционного документооборота, служащий для работы с документами, представленными в электронном виде.

Также В. Л. Носевич предлагает и иную трактовку данного понятия: «движение в организации документов в электронном виде с момента их получения или создания до завершения исполнения, отправки или направления в дело». Такое определение схоже и опирается на определение традиционного документооборота, которое широко используется в технической нормативной и методической документации в области архивного дела и делопроизводства [2; 3].

Похожее, но более обобщенное определение используют в своих отчетах специалисты Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела. В них можно встретить следующую трактовку: «документооборот с использованием автоматизированной информационной системы (системы электронного документооборота)» [4; 5; 6]. Такой подход к трактовке данного понятия рассматривает электронный документооборот как часть или производную традиционного документооборота, а также ограничивает его в рамках одного вида программного обеспечения — системы электронного документооборота.

В одной из статей на сайте компании Directum указано, что электронным документооборотом называется «цифровой подход к данным, при котором они создаются и существуют без использования бумажных носителей» [7]. Авторы указывают, что электронный документооборот может быть как внешним, так и внутренним. Внешний электронный документооборот представляет собой обмен входящими и исходящими документами с контрагентами, а внутренний — создание, согласование и подписание внутренних документов. Данное определение и классификация делают акцент на природе данных (они представлены в цифровой форме, без использования бумажных носителей), работа с которыми осуществляется в рамках электронного документооборота. Однако, как и вышеупомянутые трактовки, не отражают сущность данного понятия в полной мере, с учетом всех особенностей образующихся данных.

Такой же подход к определению указанного понятия представлен и в работе А. Ю. Жильникова и О. С. Михайловой, которые утверждают, что электронный документооборот — это «единый механизм по работе с документами, представленными в электронном виде, с реализацией концепции «бесбумажного делопроизводства» [8].

Наиболее обобщенная трактовка понятия была дана Э. Р. Миряминовой. Автор приводит следующее определение: «электронный документооборот — это способ обмена и работы с документами, созданными с помощью компьютерных средств» [9].

А. С. Копырин и В. В. Шатрова делают акцент на инструменте, посредством которого организации обмениваются электронными документами. Исходя из чего, по мнению исследователей, электронный документооборот — это «обмен электронными документами по телекоммуникационным каналам связи оператора электронного документооборота» [10]. Так как определение учитывает только электронные документы, значительно сужается круг потенциальных объектов электронного документооборота.

Наиболее подробная трактовка понятия содержится в статье А. А. Шилов: электронный документооборот — это процесс создания, получения, общего использования, отслеживание, ревизия, разделения и хранения документов и информации, которую они содержат в пределах определенной информационной системы [11]. В определении указано, какие процессы работы с документами обеспечивает электронный документооборот, но область его возможного применения ограничивается пределами определенной информационной системы.

Таким образом, учитывая результат анализа существующих трактовок понятия «электронный документооборот», можно привести следующее его определение: это способ организации процессов работы с электронными документами, документами в электронном виде, а также прочими данными, представленными в электронной форме, с помощью автоматизированной системы документационного обеспечения управления (АС ДОУ) или иных информационных систем.

Из данного определения следует, что в рамках электронного документооборота происходит работа с документами в электронном виде (документы, созданные, полученные и сохраняемые с помощью технических, программных и программно-аппаратных средств [12]), электронными документами (документы в электронном виде с определенными в законодательстве реквизитами, позволяющими установить его целостность и подлинность [13]) и прочими данными, которые используются для обеспечения процесса работы с ЭД и ДЭВ и которые могут храниться в АС ДОУ и иных информационных системах. Например, аудио- или видеозаписи различных мероприятий, проводимых в организации, или сохраненные в АС ДОУ тексты писем, полученных по электронной почте. К прочим данным могут относиться также и объекты используемой АС ДОУ (карточки задач по типовым маршрутам работы с документами, поручений, информация о данных, поступивших в АС ДОУ из иных информационных систем и т. п.). Схема составляющих электронного документооборота представлена на рисунке.

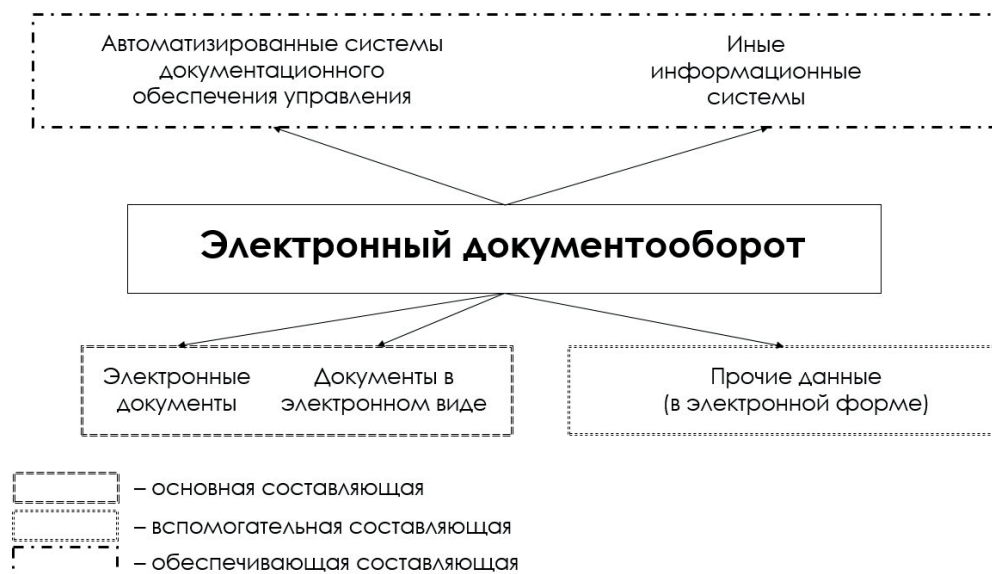

Схема составляющих электронного документооборота

Таким образом, электронный документооборот любой организации имеет три составляющие: основную, вспомогательную и обеспечивающую. К основной составляющей относятся электронные документы и документы в электронном виде как основные объекты электронного документооборота. К вспомогательной составляющей относятся прочие данные, которые образуются или помещаются в АС ДОУ для обеспечения эффективной работы с электронными документами и документами в электронном виде. Автоматизированные системы документационного обеспечения управления и иные информационные системы (такие, как системы управления взаимоотношениями с клиентами, системы планирования ресурсов предприятия и т. п.) представляют собой обеспечивающую составляющую, так как посредством их использования и реализуется электронный документооборот.

Библиографические ссылки

1. Носевич В. Электронный документооборот: теория и практика [Электронный ресурс] // Плех — онлайн-сервис готовых правовых решений по бухучету, налогообложению и праву для бухгалтеров, юристов, руководителей. URL: <https://ilex.by/news/elektronnyj-dokumentoorobot-teoriya-i-praktika> (дата обращения: 09.08.2024).
2. Электронный документооборот: термины и определения [Электронный ресурс] // Архивы Беларуси. URL: <http://archives.gov.by/home/normativnaya-baza-arhivnogo-dela-i-deloproizvodstva-vrespublike-belarus/metodicheskie-dokumenty-po-arhivnomu-deluideloproizvodstvu/terminologicheskij-slovar> (дата обращения: 03.08.2024).
3. СТБ 2059-2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Минск, 2013, 28 с.

4. Отчет ВНИИДАД по теме 2.2. «Мониторинг процессов документообразования и объемов документооборота в федеральных органах исполнительной власти и перехода федеральных органов исполнительной власти на безбумажный документооборот за 2021 год» [Электронный ресурс] // Сайт Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела. URL: https://vniidad.ru/Downloads/nir-2022/2.2_otchet.pdf (дата обращения: 14.08.2024).

5. Отчет ВНИИДАД по теме 2.4. «Анализ состава и форматов электронных документов при ведении электронного кадрового документооборота (аналитический обзор)» [Электронный ресурс] // Сайт Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела. URL: https://vniidad.ru/Downloads/nir-2022/2.4_otchet.pdf (дата обращения: 14.08.2024).

6. Научный доклад ВНИИДАД по теме «Итоги мониторинга документооборота в федеральных органах исполнительной власти и перехода федеральных органов исполнительной власти на безбумажный документооборот за период с 2015 по 2020 гг.» [Электронный ресурс] // Сайт Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела. URL: <https://vniidad.ru/downloads/metodich-literatura/Monitoring%202021.pdf> (дата обращения: 14.08.2024).

7. Что такое электронный документооборот [Электронный ресурс] // Сайт компании Directum. URL: https://www.directum.ru/blog-post/ehlektronnyjj_dokumentoorot (дата обращения: 09.08.2024).

8. Жильников А. Ю., Михайлова О. С. Электронный документооборот [Электронный ресурс] // Киберленинка — научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokumentoorot> (дата обращения: 09.08.2024).

9. Мирямина Э. Р. Электронный документооборот в организации [Электронный ресурс] // Киберленинка — научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokumentoorot-v-organizatsii-1> (дата обращения: 09.08.2024).

10. Копырин А. С., Шатрова В. В. Электронный документооборот. Особенности использования [Электронный ресурс] // Киберленинка — научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokumentoorot-edo-osobennosti-ispolzovaniya> (дата обращения: 09.08.2024).

11. Шило А. А. Электронный документ и электронный документооборот как составные электронного офиса [Электронный ресурс] // Elibrary — научная электронная библиотека. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34888307> (дата обращения: 14.08.2024).

12. Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 25 ноя. 2011 г. № 323-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2011. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11100323> (дата обращения: 03.08.2024).

13. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Респ. Беларусь от 08 ноя. 2018 г. № 143-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2018. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11800143> (дата обращения: 03.08.2024).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ХРАНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ (ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Н. Г. Суровцева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., д. 6, 125047, Москва, Российская Федерация, surovitseva.n@rggu.ru*

В статье рассматриваются вопросы архивного хранения электронных документов на основе решений, принятых в Российской Федерации. Автор обращает внимание на важный нормативный правовой акт по разработке Типовых функциональных требований к системам электронного документооборота (СЭД) и системам хранения электронных документов (СХЭД) в организациях, в котором закреплена действующая практика работы с электронными документами и обращает внимание на необходимость корректировки некоторых методологических положений относительно хранения документов, связанных со спецификой носителя электронных документов. Делается вывод относительно необходимости доработки СЭД для отбора электронных документов на архивное хранение, сокращения сроков хранения электронных документов в делопроизводстве, решения задачи обеспечения юридической силы документа в условиях архивного хранения, целесообразности перехода к подокументному учету в архиве, создания общегосударственных технологических решений для реализации этой задачи.

Ключевые слова: электронный документ; информационные технологии; архивное хранение электронных документов.

THEORETICAL APPROACHES AND PRACTICAL SOLUTIONS FOR THE PRESERVATION OF ELECTRONIC RECORDS (THE EXPERIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

N. G. Surovtseva

*Russian State University for the Humanities,
125047, Moscow, Miusskaya square, 6, Russian Federation, surovitseva.n@rggu.ru*

The article discusses the issues of archival preservation of electronic documents based on decisions taken in the Russian Federation. The author draws attention to an important regulatory legal act on the development of Standard functional requirements for electronic record management systems (EDMS) and electronic document preservation systems (EDS) in organizations, which enshrines the current practice of working with electronic documents. Draws attention to the need to adjust some methodological provisions regarding the storage of documents related to the specifics of the carrier of electronic documents. The conclusion is made regarding the need to finalize the ERMS for the selection of electronic documents for archival storage, reduce the shelf life of electronic documents in office work, solve the problem of ensuring the legal force of a document in archival storage, the expediency of switching to documentary accounting in the archive, the creation of national technological solutions for the implementation of this task.

Keywords: electronic document; information technology; archival preservation of electronic records.

Изучение различных аспектов управления электронными документами на всех этапах жизненного цикла является сегодня приоритетным направлением научных исследований в области делопроизводства и архивного дела. Развитие электронного документооборота и межведомственного электронного взаимодействия привело к накоплению в органах власти и организациях массива электронных документов, которые были созданы без предварительного документирования на бумажном носителе. В этих условиях наиболее актуальной становится проблема хранения электронных документов. Попытаемся идентифицировать сущность этой проблемы и возможные пути ее решения.

Прежде всего, следует помнить, что в систему электронного документооборота любой организации включены и электронные документы, и электронные копии документов на бумажном носителе. Одновременно весь этот массив документов, который, в принципе, должен охватывать весь документальный фонд организации, может быть разделен на три группы в соответствии со сроками хранения (постоянный, временный свыше 10 лет и временный до 10 лет включительно) и три документопотока (входящие, исходящие, внутренние). Рассматривать хранение электронных документов можно только одновременно учитывая требования к хранению в рамках этих групп документов.

Рассмотрим проблемы, которые могут возникнуть при хранении электронных документов в рамках каждого документопотока. В первую очередь обратимся к внутренним документам организации. В составе этой документации входят наиболее важные в деятельности организации внутренние нормативные, организационные и распорядительные документы, имеющие постоянный срок хранения, документы по личному составу, финансовые и бухгалтерские документы, планово-отчетная документация, значительный объем внутренней переписки по различным направлениям деятельности организации.

Еще в 2011 г. в рамках реализации п. 5 плана мероприятий по переходу федеральных органов исполнительной власти на безбумажный документооборот при организации внутренней деятельности¹ Росархивом были утверждены рекомендации по формированию федеральными органами исполнительной власти перечней документов создание, хранение и использование которых должно осуществляться в форме электронных

¹ Распоряжение Правительства РФ от 12.02.2011 № 176-р «Об утверждении плана мероприятий по переходу федеральных органов исполнительной власти на безбумажный документооборот при организации внутренней деятельности» // Собрание законодательства РФ, 21.02.2011, № 8, ст. 1151.

документов при организации внутренней деятельности². В соответствии с этими рекомендациями в такие перечни рекомендовалось включать документы с временными сроками хранения, а также документы, создание которых в электронной форме предусмотрено нормативными правовыми актами. Несмотря на то, что все федеральные органы исполнительной власти такие перечни приняты, данные ежегодного мониторинга документооборота, который проводит ВНИИДАД, свидетельствуют о том, что практически рекомендации по переводу указанных в перечнях видов документов в формат электронных документов не реализованы [1]. Чем это может быть обусловлено? На наш взгляд имеет место влияние двух факторов. Во-первых, внутренняя переписка организации между структурными подразделениями, ведение которой в электронной форме рекомендовано перечнями, переходит в формат переписки по электронной почте в рамках доверенной информационной системы корпоративного документооборота. При этом такая переписка может рассматриваться как обмен информацией с использованием простой электронной подписи и зачастую реализуется вне системы электронного документооборота, не проходит обычной регистрации и классификации в рамках номенклатуры дел. Использование других видов электронной подписи в данном случае нецелесообразно. Во-вторых, во внутреннем документообороте организации все чаще создаются в качестве электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП) нормативные, организационные и распорядительные документы постоянного срока хранения. Именно эта категория документов должна быть сохранена в текущем делопроизводстве, затем в архиве организации, а для организаций — источников комплектования государственных архивов — и в этих архивах.

Поскольку все преимущества современных информационно-коммуникационных технологий реализуются при передаче документов, а использование электронных документов позволяет значительно снизить транзакционные издержки, очевидно, что именно исходящие документы целесообразно изготавливать в качестве электронных без предварительного документирования на бумаге. Эти же документы в других организациях образуют поток входящих документов, однако, не следует забывать, что в соответствии с принципами фондирования документ включается в фонд той организации, в которой он был создан.

² Рекомендации по подготовке федеральными органами исполнительной власти перечней документов, создание, хранение и использование которых должно осуществляться в форме электронных документов при организации внутренней деятельности (утв. приказом Росархива от 29 апреля 2011 г. № 32) [Электронный ресурс]. URL: http://archives.ru/documents/rekomend_edocument.shtml (дата обращения: 15.07.2024).

Вне зависимости от сроков хранения документов, все они значительный период времени должны храниться в организации. Поэтому, проблема хранения электронных документов должна быть в первую очередь решена на уровне организации при оперативном хранении электронных документов или электронных копий документов, а также их хранении в архиве организации.

Первым шагом на пути к решению этой задачи в Российской Федерации стала разработка Типовых функциональных требований (ТФТ) к системам электронного документооборота и системам хранения электронных документов в архивах государственных органов³. Благодаря разработке данного нормативного правового акта созданы условия для обеспечения долговременного хранения электронных документов и координации деятельности служб делопроизводства, архивов государственных органов по обеспечению сохранности электронных документов в делопроизводстве и архиве. Главная цель этих требований заключается в том, чтобы обеспечить информационную и функциональную совместимость систем электронного документооборота (СЭД) и систем хранения электронных документов (СХЭД) в архивах государственных органов, возможность передачи на хранение электронных документов и/или электронных дел в условиях поддержания непрерывности жизненного цикла электронных документов.

Результаты этой работы могут быть использованы в практической деятельности при подготовке решений о внедрении или модернизации систем электронного документооборота и систем хранения электронных документов в архивах с целью перехода на безбумажный документооборот при организации внутренней деятельности, при межведомственном электронном взаимодействии.

Важно отметить, что функциональные требования конкретной корпоративной СЭД должны быть ориентированы на соответствие предлагаемой технологии, государственным нормативно-правовым актам и корпоративным нормам документационного обеспечения управления. Типовые функциональные требования, которые ориентированы только на соответствие нормативно-правовым актам. При их применении необходимо их дополнить требованиями на основе корпоративных норм в сфере управления документами.

Основной задачей, которая решалась в ходе подготовки ТФТ, является гармонизация функциональных требований к системам электронного документооборота и системам хранения электронных документов государственных органов, установленных действующими нормативными правовыми актами, российскими и международными стандартами [2].

³ Приказ Федерального архивного агентства от 15 июня 2020 г. № 69 «Об утверждении Типовых функциональных требований к системам электронного документооборота и системам хранения электронных документов в архивах государственных органов».

При этом следует уточнить, что понимается под данными системами. СЭД — это автоматизированная информационная система, обеспечивающая создание электронных документов (без предварительного документирования на бумажном носителе) и электронных копий документов, управление ими, их хранение и доступ к ним, а также регистрацию документов до передачи на хранение в архив.

Определение СХЭД в нормативных документах не закреплено и было предложено впервые — это информационная система, обеспечивающая включение электронных документов (созданных без предварительного документирования на бумажном носителе и переданных из СЭД или иных информационных систем), их учет, управление их хранением, а также доступ к ним до уничтожения или передачи на постоянное хранение в государственный архив.

Для реализации основной задачи, связанной с передачей электронных документов из одной информационной системы в другую необходимо дополнить требования к СЭД рядом обязательных требований, связанных с подготовкой документов к передаче в СХЭД.

СЭД должна поддерживать процессы экспертизы ценности документов:

- осуществлять отбор дел, документов с истекающим (истекшим) сроком хранения, сортировать документы по срокам хранения в соответствии со справочником сроков хранения, связанным с номенклатурой дел;
- формировать акты о выделении дел, документов к уничтожению в связи с истекшим сроком хранения с выводом их на печать по установленной форме;
- осуществлять удаление документов, включенных в систему, в соответствии с актом о выделении к уничтожению;
- предоставлять возможность корректировки в электронной карточке документа ссылки на дело по номенклатуре дел, в которое списан документ, по результатам экспертизы ценности в случае установления для документа иного срока хранения;
- осуществлять отбор дел, документов постоянного и временного (свыше 10 лет) сроков хранения, подлежащих передаче в архив государственного органа;
- осуществлять отбор электронных дел, документов, подлежащих передаче в СХЭД (с использованием признака электронного документа, указывающего, что бумажный подлинник данного документа не создавался и документ существует только в электронной форме).

СЭД должна обеспечивать возможность формирования контейнеров электронных дел, документов, содержащих контент и метаданные электронного документа, файлы электронных подписей и визуализированную копию текстового электронного документа в формате PDF/A.

Вместе с электронными делами, документами, для которых установлены постоянный или временный (свыше 10 лет) сроки хранения, обеспечивается передача соответствующих им описей электронных дел структурных подразделений государственного органа.

Для достижения цели передачи электронных документов из одной информационной системы в другую необходимо обеспечить преемственность метаданных СЭД и СХЭД для поддержания основных характеристик электронного документа — его аутентичности, достоверности, целостности и пригодности для использования.

В СЭД и СХЭД формируются и сохраняются метаданные документов:

- создаваемые при включении документа в систему (СЭД или СХЭД);
- образующиеся после включения документа в СЭД или СХЭД в рамках его жизненного цикла в системе;
- используемые при взаимодействии СЭД и СХЭД с другими информационными системами (в том числе с системой Межведомственного электронного документооборота (МЭДО) и системой межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), системами электронной почты, другими информационными и транспортными системами прикладного уровня);
- связанные с передачей для последующего хранения (из СЭД — в СХЭД, из СХЭД — в государственный архив).

Включение в СХЭД электронных дел, документов осуществляется при создании архивной учетной формы (АУФ) соответствующего уровня:

- фонд,
- опись,
- раздел описи,
- электронное дело,
- электронный документ.

Наименование полей АУФ каждого уровня должны соответствовать основным архивным учетным документам и другим архивным документам.

СХЭД должна обеспечивать создание связей между АУФ и электронными делами, документами.

СХЭД должна обеспечивать автоматизированное заполнение полей АУФ уровней «электронное дело», «электронный документ» за счет импорта данных из описи электронных дел, документов структурного подразделения.

При включении электронных дел, документов в СХЭД и заполнении предусмотренных для этого полей АУФ используются системные справочники, обеспечивающие управление электронными документами в СХЭД:

- перечень государственных органов, (включая их структурные подразделения) — источников комплектования СХЭД;
- список фондов (включая номера фондов и их наименования);
- номенклатуры дел государственных органов — источников комплектования СХЭД;
- справочник сроков хранения;
- перечень видов документов с указанием сроков их хранения;
- реестр описей;
- перечень разделов описей.

В информационной системе организации должно осуществляться формирование электронных дел, являющихся совокупностью контейнеров электронных документов или контейнером электронного документа, содержащим контент и метаданные электронного документа, файлы электронных подписей и визуализированную копию текстового электронного документа в формате PDF/A.

Таким образом преемственность двух систем (СЭД и СХЭД) реализуется на нескольких уровнях:

- справочники и классификаторы;
- регистрационно-учетная форма;
- метаданные документы.

Структура ТФТ состоит из четырех разделов. Первый раздел «Основные положения» содержит описание сферы применения функциональных требований, их соответствие действующим нормативно-правовым актам Российской Федерации, регламентирующих работу с документами, в том числе с электронными документами.

Во втором разделе приведены требования, являющиеся общими для управления документами в СЭД и СХЭД. К ним относятся: соответствие нормативным требованиям, регламентация прав доступа, управление метаданными электронных документов, необходимость фиксации всех действий с документами в системе, использование редактируемых справочников, необходимость взаимодействия с другими информационными системами и др.

Далее в третьем разделе рассматриваются функциональные требования к СЭД, которые сгруппированы относительно конкретных вопросов включения документов в систему по каждому документопотоку (входящие, исходящие, внутренние), контроля исполнения документов, их отправки с

использованием системы межведомственного электронного документооборота (МЭДО) и управления их хранением и передачей в архив органа государственной власти после проведения экспертизы ценности.

Наконец, четвертый раздел содержит требования к включению документов в СХЭД, их учету, систематизации и классификации, требования к составу метаданных, которые должны быть переданы из СЭД в СХЭД, а также к их хранению и использованию.

Принятие такого нормативного документа как Типовые функциональные требования к системам электронного документооборота и системам хранения электронных документов в архивах государственных органов позволило сделать реальный шаг по пути апробации опыта длительного хранения электронных документов, по крайней мере на уровне их передачи из системы, обеспечивающей их оперативного хранения (СЭД) в систему, построенную на принципах организации архивного хранения документов (СХЭД). Положение этого нормативного правового акта положены в основу разработки государственной информационной системы «Платформа „ЦХЭД (Центр хранения электронных документов)“, внедрение и апробация которой должны начаться в 2025 г. на базе Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Важно отметить, что работа последних лет над проблематикой обеспечения хранения электронных документов позволила сделать ряд выводов, которые требуют пересмотра некоторых методических положений в сфере делопроизводства и архивного дела.

Во-первых, необходимо доработать системы электронного документооборота для возможности автоматического отбора и передачи электронных документов в другую информационную систему, предназначенную для архивного хранения. Во-вторых, необходим переход к поддокументному учету и поиску документов в архиве за счет использования регистрационных форм делопроизводства для архивного хранения. Задача, которая ставилась специалистами еще в 1970-е гг., и не могла быть решена в условиях работы с документами на бумажном носителе. В-третьих, стало очевидно, что необходимо ускорить передачу электронных документов из системы электронного документооборота в специализированную систему, предназначенную для архивного хранения — в СХЭД, поскольку риск их утраты в текущей деятельности значительно выше, чем для документов на бумажном носителе [3]. В-четвертых, на государственном уровне следует перенести технологическую нагрузку по хранению электронных документов с отдельных организаций, в том числе и органов государственной власти, с отдельных корпоративных, ведомственных СХЭД на государственную информационную систему, интегрирующую задачи ведомственного

и государственного хранения электронных документов. В-пятых, необходимо решение задачи поддержания юридической силы электронных документов в условиях архивного хранения. Эта задача может быть решена либо путем создания доверенной среды, либо путем автоматического переподписания электронных документов в архиве усовершенствованной усиленной квалифицированной электронной подписью. В Российской Федерации на сегодняшний день просматривается устойчивая склонность ко второму решению. Однако, по мере апробации ГИС «Платформа „ЦХЭД“», решение может быть изменено.

Таким образом, на протяжении последнего десятилетия в Российской Федерации активно решается проблема обеспечения сохранности электронных документов в соответствии с требованиями архивного хранения. По мере ее решения не только ведется поиск практических решений, но и происходит трансформация методологических подходов в организации хранения электронных архивных документов.

Библиографические ссылки

1. *Букреева О. Н.* Проблемы организации экспертизы ценности и подготовки к хранению электронных документов в федеральных органах исполнительной власти (по результатам мониторинга документооборота за 2022 г. // Вестник ВНИИДАД. 2023. № 5. С. 65–74.
2. *Ларин М. В.* Управление документами в цифровую эпоху: развитие правового регулирования организации хранения архивных электронных документов // Научный вестник Крыма. 2020. № 5 (28). С. 10.
3. *Суровцева Н. Г.* К вопросу о сроках передачи электронных документов в архив // Документ. Архив. Информационное общество. Сб. матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. М.: ТЕРМИКА.РУ, 2020. С. 404–413.

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ
НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
ОБ УЧАСТИИ ЖЕНЩИН В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БССР
(1945–1954)**

К. И. Талалуева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, abramova.ki@gmail.com*

В статье описываются документальные источники, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь. Они содержат данные о деятельности белорусских женщин во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. В результате проведенной классификации выделены разные группы документов, а именно организационно-распорядительные, планово-отчетные, справочно-информационные. Также большой интерес для разрешения исследовательских задач представили материалы статистики труда, здравоохранения, демографии, культуры. Информативный потенциал документов позволил изучить актуальные аспекты темы: динамику и структуру женской занятости, тенденции обучения женщин в системе образования, направления деятельности женских отделов в западных областях БССР и др. Анализ документов показывает высокую степень их репрезентативности и достоверности. Введение в научный оборот новых фактов пополнит имеющиеся знания в области социальной истории БССР послевоенного времени.

Ключевые слова: женщина; исторический источник; отдел по работе с женщинами; БССР.

**DOCUMENTARY SOURCES OF THE NATIONAL ARCHIVE
OF THE REPUBLIC OF BELARUS ON WOMEN IN SOVIET
BELARUS (1945–1954)**

K. I. Talaluyeva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, abramova.ki@gmail.com*

The article describes documentary sources stored in the National Archives of the Republic of Belarus. They contain data on the activities of Belarusian women in the second half of the 1940s – the first half of the 1950s. As a result of the classification, different groups of documents were identified, namely organizational and administrative, planning and reporting, reference and information. A great interest for solving research problems were materials from labor statistics, health care, demography, and culture. The informative potential of documents helped to study current aspects of the topic: the dynamics and structure of women's employment, trends in women's education, directions of activity of women's departments in the western regions of BSSR, etc. Analysis of the documents shows a high degree of their representativeness and reliability. The introduction of new facts into scientific circulation will supplement the existing knowledge in the field of social history of the BSSR of the post-war period.

Keywords: woman; documentary sources; Zhenotdel; historian archives; post-war period.

Изучение социальной истории послевоенных лет требует работы с различными фондами Национального архива Республики Беларусь. Важность изучения делопроизводственной документации обусловлена тем, что до сих пор жизнедеятельность женщин во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. не являлась темой отдельного исследования. Многие архивные документы, описывающие участие женщин в послевоенных процессах социалистического строительства, вводятся в научный оборот впервые.

Основу комплекса изученных архивных материалов составляют делопроизводственные и статистические документы. Видовое разнообразие источников, их содержание дает возможность говорить о высокой репрезентативности и значительном информационном потенциале, отражающем различные аспекты участия женщин в жизни послевоенной Беларуси. Представляется возможным выделить в массиве документов делопроизводства следующие виды: справочно-информационные (справки, аналитические и докладные записки), организационно-распорядительные (приказы, инструкции), планово-отчетные (отчеты, планы и др.). Не менее ценными для исследователя стали материалы статистики труда, здравоохранения, демографии, культуры.

Демографическое положение, сложившееся после войны на белорусской территории, описано в документах Статистического управления БССР (ф. 30). Многие документы данного фонда ранее были засекречены. Сегодня работа со статистикой позволяет увидеть динамику по естественному движению населения в изучаемый период. Так, согласно данным единовременного отчета о численности населения за 1945 г., в сельской местности в 1940 г. по восточным областям числилось 4193,9 тыс. чел., в 1945 г. осталось 2870,1 тыс. чел. По западным областям в 1940 г. — 2984,8 тыс. чел., в 1945 г. осталось 2330,7 тыс. чел. На женщин приходилось — 60,5 %, на мужчин — 39,5 % [1, л. 18–19, 21].

Сводки о годовой разработке естественного движения населения в БССР показывают динамику рождаемости, смертности, брачности и разводимости. Так, в период с 1946 по 1954 гг. общее число родов увеличилось с 155 178 чел. в 1946 г. до 193 679 чел. в 1954 г. В сельской местности в 1946 г. родилось 112 100 чел., в 1954 г. — 135 494 чел. В городах в 1946 г. — 43 078 чел., в 1954 г. — 58 185 чел. Число умерших в период с 1946 по 1954 гг. сократилось незначительно — с 65 382 чел. до 62 642 чел., что свидетельствует о медленном восстановлении системы здравоохранения. В 1946 г. количество браков по БССР составило 76 691 при единичном

количестве разводов: по БССР всего 198 случаев. В 1954 г. численность семейных союзов увеличилось до 82 475 при росте числа разводов до 2 069 случаев. 94 % семейных пар распадалось в городах [2, л. 2–4, 9–11].

Анализ статистических материалов по труду в Белорусской ССР за 1940, 1945, 1950–1954 гг. позволил увидеть изменение женской занятости, в том числе по отраслям белорусской экономики. Так, в 1945 г. было занято 291 033 женщин (50 % от общего уровня), в 1950 г. — 454 681 (46 %), 1954 г. — 570 090 (45 %). Интенсивно женская занятость росла в сфере промышленности: в 1945 г. — 52 080, в 1950 г. — 124 852, в 1954 г. — 175 634 [3, л. 24, 26]. Согласно данным Отчета Управления статистики Уполномоченного Госплана СССР по БССР о численности рабочих и служащих и заработной плате, традиционно высоким оставалось представительство женщин в легкой и пищевой промышленности. Так, в 1948 г. в растущих текстильной и швейной отраслях женский труд составлял 70 % от общей занятости, в кондитерской, жировой, мыловаренно-парфюмерной и табачно-мажорочной — 62 %, в хлебопекарской и других отраслях пищевкусовой промышленности — не менее 53 %. Высокий процент женской занятости регистрировался в промышленности строительных материалов: в стекольной, цементной и других отраслях трудилось 50 % женщин. В металлообработке и машиностроении, которые росли самыми высокими темпами, имели более высокую оплату труда и лучшее снабжение, женская занятость составляла только 24 % [4, л. 23].

Итоги единовременного учета численности рабочих и служащих по полу, возрасту и стажу непрерывной работы показали, что в годы «четвертой пятилетки» самой крупной возрастной категорией были женщины 20–25 лет, на которых в 1947 г. приходилось 35,7 %. К 1953 г. их доля возросла незначительно — до 38,8 %. В ходе «пятой пятилетки» женщины 26–35 лет получили большинство, доля их возрастной категории увеличилась с 27,2 % до 45,3 %. По группе женщин 36–49 лет наблюдалась незначительная динамика: от 17 % до 24 % [5, л. 9–12].

Сводки наркоматов и облстатуправлений БССР о высших и средних учебных заведениях по подготовке специалистов позволили выявить, что наибольший процент женщин пришел получать высшую или среднюю квалификацию в первые послевоенные годы. С 1947 г. доля женского учебного контингента поступательно сокращалась [6, л. 9]. В указанный период наблюдалась феминизация педагогических, медицинских и экономических специальностей.

Большую ценность для исследования социального портрета служащих-женщин, получавших образования в Республиканской партийной школе, представили личные дела слушателей (Ф 580. Оп 2). По итогам

изучения 155 личных дел женщин удалось выяснить, что женщины трудились секретарями, помощниками секретарей и других руководителей, заведующими отделов (здравоохранения, торговли, социального обеспечения, по работе с женщинами, организационно-кадровой работы, агитации и пропаганды), инструкторами, лекторами, пропагандистами, редакторами газет, директорами вечерних институтов, институтов повышения квалификации, управляющими в банках. Образование не являлось обязательным условием поступления женщины на гражданскую службу. Многие сотрудницы государственного аппарата имели среднее или среднее специальное образование. Среди них преобладали выпускники школы, а также учителя, медсестры, технологи. При назначении на ответственную работу помимо партийности учитывалась деятельность работницы в 1941–1945 гг. Как правило, лояльность и преданность служащих была проверена горнилом войны [7].

В материалах по охране труда и технике безопасности на предприятиях БССР Отдела охраны труда Белорусского республиканского совета профсоюзов (Ф. 265) сохранились сведения о соблюдении законодательных норм в промышленности, использовании ассигнований на номенклатурные мероприятия по оздоровлению условий труда. В годы «четвертой пятилетки» условия труда рабочих были сложными. Работы по их улучшению нередко откладывались на задний план. Так, на кожевенном заводе «Большевик» в 1947 г. воздух в помещениях был сырой и очень тяжелый. Стены и потолки покрыты сыростью и плесенью, в цехах скользко и мрачно. Рабочие недостаточно обеспечены раздевалками и душевыми, сушилки для просушки спецодежды отсутствовали. На кожзаводе регистрировалось большое количество рабочих, болеющих гриппом, ангиной, фурункулами и другими болезнями простудного и гнойного происхождения [8, л. 8–9].

Документы Министерства юстиции БССР позволили оценить состояние женской преступности. Так, по данным Справки о количестве осужденных лиц со дня освобождения от немецких оккупантов БССР на 1.10.1946 г., численность преступлений против личности (в эту категорию входили телесные повреждения, аборт, клевета, оскорбления и др.) в БССР в послевоенные годы увеличивалось: в 1944 г. составляло 558, в 1945 г. — 2361, 1946 г. — 2593 [9, л. 29–30]. Нередко женщины подвергались наказанию за кражи имущества из государственных учреждений, общественных, колхозных учреждений и складов. Так, 5 августа 1947 г. Харитонова Т. И. приговорена за хищение 12 снопов ячменя, принадлежащих колхозу «Искра» (Кормянского района). Учитывая, что она имеет 3-х малолетних детей, муж погиб на фронте, мера пресечения измен на 1 год исправительно-трудовых

работ по месту работы. Колхозница Човадова А. Н. совершила хищение 3,5 кг овса во время уборки урожая в колхозе им. Кирова. Учитывая факт того, что ее муж погиб на фронте, на иждивении имеется ребенок, не является социально опасной, суд прекратил дело, взыскав в пользу юрконсультанта 100 руб. В докладной записке сообщается, что чаще всего преступления совершались в колхозах способом стрижки колосьев, хищения снопов с поля, копки на огороде [10, л. 220, 221, 244–246].

Наиболее массовым источником информации стали справочно-информационные документы отделов по работе с женщинами (Ф. 4-п. Оп. 49). В этой группе документов стоит выделить справки, обзоры, записки, информации. Как правило, в них содержались обобщенные результаты по тем или иным вопросам: о постановке политической работы среди женщин, о работе отделов ЦК, обкомов, райкомов, горкомов по работе среди женщин, о развертывании сети детских и родовспомогательных учреждений БССР, о численности многодетных матерей, об итогах проведения отчетов и выборов делегатских собраний, ликвидации малограмотности населения и др.

18 декабря 1945 г. бюро ЦК КП(б)Б одобрило решение о создании в центральном комитете партии, райкомах, горкомах и обкомах западных областей отделов по работе среди женщин. Основным содержанием работы женотделов, начавших свою работу в 1946 г. и действовавших до 1954 г., стало вовлечение женщин западных областей в общественное производство и политическое воспитание в духе социалистической идеологии, что нашло отражение в архивной документации женотдела ЦК КП(б)Б [11, с. 293].

IX Пленум ЦК КП(б)Б в 1946 г. рекомендовал широко использовать в работе с женщинами институт делегатских собраний. В период с 1946 по 1953 гг. было проведено две избирательные компании по выбору делегатов. На октябрь 1946 г. в политической компании приняло участие более 100 тыс. женщин. В Западной Беларуси было выбрано свыше 18 тыс. делегатов. К марту 1947 г. в политической компании приняло участие более 500 тыс. избирательниц, избрано более 30,5 тыс. делегатов. Вторая избирательная компания проходила в более благоприятных социально-экономических условиях: к концу 1950 г. количество делегатов составило 41 899 чел. [12, с. 263].

В преддверии реформы государственного аппарата, 27 февраля 1954 г. заведующая центрального женотдела тов. Никифорова внесла на имя первого секретаря Н. С. Патоличева документ «Предложения отдела по работе среди женщин ЦК КПБ Белоруссии». По своей структуре он похож на внутренний организационно-распорядительный документ, устанавливающий статус, функции, связи структурного подразделения с другими единицами управления. Реализация инициатив Марии Филипповны существенно усилили бы полномочия отдела. Тем не менее, эти планы остались на

бумаге [13, л. 66–67]. Согласно протоколу №6 заседания бюро ЦК КПБ от 23 марта 1954 г. было принято решение упразднить отдел по работе среди женщин [14, л. 25].

Таким образом, сохранившиеся в Национальном архиве Республики Беларусь документы обладают большим информативным потенциалом и репрезентативностью. Источники по данной проблеме характеризуются высокой степенью достоверности. Их введение в научный оборот позволило обратить внимание на роль женотделов в социалистических преобразованиях, проводимых в западных областях БССР после завершения войны.

Библиографические ссылки

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 30. Оп. 6. Д. 49.
2. НАРБ. Ф. 30. Оп. 5. Д. 798; Ф. 30. Оп. 5. Д. 4449.
3. НАРБ. Ф. 30. Оп. 6. Д. 284.
4. НАРБ. Ф. 30. Оп. 5. Д. 1226.
5. НАРБ. Ф. 30. Оп. 5. Д. 1152.
6. НАРБ. Ф. 30. Оп. 5. Д. 822.
7. НАРБ. Ф. 580. Оп. 2.
8. НАРБ. Ф. 265. Оп. 5. Д. 145.
9. НАРБ. Ф. 99. Оп. 7. Д. 4с.
10. НАРБ. Ф. 99. Оп. 6. Д. 43 с.
11. *Николаева И. В.* Документы женотдела ЦК КП(б)Б как источник по истории по послевоенной женской повседневности // Актуальные проблемы источниковедения : материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 г. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. С. 293–296.
12. Участие делегатских собраний в социально-экономических преобразованиях западных областей БССР (1945–1953 гг.) // *Мадэрнізацыя і працэсы сацыяльных трансфармацый у Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XXI стагоддзя : матэрыялы між-нар. навук. канф., Мінск, 17 лістап. 2023 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. Г. Кахановіч (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : БДУ, 2023. С. 262–267.
13. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 49. Д. 58.
14. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 81. Д. 840.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛАРУСИ

БАЎЛЕННЕ ВОЛЬНАГА ЧАСУ Ў ШЛЯХЕЦКІМ АСЯРОДДЗІ Ў КАНЦЫ XVIII–ПАЧАТКУ XIX ст.: КРЫНІЦАЗНАЎЧЫ АСПЕКТ

В. В. Гарбачова

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, gor@bsu.by*

Штодзённае жыццё на беларуска-літоўскіх землях уяўляе сабой пэўныя мадэлі паводзінаў, сфармаваныя адпаведнымі сацыяльнымі групамі. Трэба адзначыць, што гэтыя мадэлі існавалі ў пэўнай ступені ізалявана, яны паўстаюць у адпаведнасці з панаваўшымі уяўленнямі аб адрозненнях у паходжанні людзей, разуменні іх месца ў грамадстве, рэлігійнай сітуацыі, этычнымі імператывамі і эстэтычнымі нормамі, то бок той сістэмы каштоўнасцяў, якая вызначала прызначэнне чалавека і стыль яго жыцця.

Ключавыя словы: шляхецкае асяроддзе; вольны час; паўсядзённасць; свята.

ВРЕМЯПРОВОЖДЕНИЕ ШЛЯХТЫ В КОНЦЕ XVIII–НАЧАЛЕ XIX в.: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О. В. Горбачева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, gor@bsu.by*

Повседневная жизнь на белорусско-литовских землях представляет собой определенные модели поведения, сформированные соответствующими социальными группами. Следует отметить, что эти модели существовали в определенной степени изолированно, они возникают в соответствии с господствовавшими представлениями о различиях в происхождении людей, понимании их места в обществе, религиозной ситуации, этическими императивами и эстетическими нормами, т. е. системой ценностей, определявшей предназначение человека и стиль его жизни.

Ключевые слова: шляхта; свободное время; повседневная жизнь; праздник.

ACTIVITIES OF THE NOBILITY IN THEIR FREE TIME AT THE END OF THE 18th – THE BEGINNING OF THE 19th CENTURIES: A SOURCE SCIENCE ASPECT

O. V. Gorbatcheva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, gor@bsu.by*

Everyday life in the Belarusian-Lithuanian lands represents certain patterns of behavior formed by the corresponding social groups. It should be noted that these patterns existed to a certain extent in isolation, they arise in accordance with the prevailing ideas about the differences in people's origins, understanding of their place in society, religious situation, ethical imperatives and aesthetic norms, i.e. the system of values that determined the purpose of a person and his style of life.

Keywords: nobility; free time; everyday life; holiday.

На канец XVIII – пачатак XIX ст. можна казаць аб існаванні шляхецкай, святарскай, мяшчанскай, сялянскай і маргінальнай мадэляў, якія ўключаюць у сябе маральны кодэкс, лад жыцця і стыль паводзінаў, манеру апранацца і харчавацца, а таксама асаблівасці баўлення вольнага часу. Кожная з вызначаных сістэмаў мае свой ўнутраны падзел, які адпавядае стратыфікацыі грамадства. Як і іншыя станы, шляхта не з'яўлялася аднароднай. Пры наяўнасці такіх агульных складаючых, як «атрымання асалоды ад паўсядзённага» [13, s. 54], зацікаўленасць да інтэлектуальнай сферы і гістарычнай спадчыны, шанаванне сямейных каштоўнасцяў, арыентацыя на «старапольскія» звычаі і генеалагічныя традыцыі, паводзіны магната, заможнага шляхціца і рэзідэнта ў вольны час ў значнай ступені адрозніваюцца.

У межах дадзенага артыкула ставіцца мэта прасачыць традыцыі баўлення вольнага часу заможнай шляхтай на падставе вывучэння наратыўных крыніц. «З чыста фармальнага пункту гледжання гістарычны наратыў — гэта не толькі ўзнаўленне падзей, пра якія ён апавядае, але і комплекс сімвалаў, якія кіруюць намі ў пошуках іканічнага знаку структуры гэтых падзеяў» [14, s. 90]. Храналагічныя рамкі даследавання ахопліваюць падзеі, якія адбываліся ў паўсядзённым жыцці з часоў разбораў Рэчы Паспалітай да пачатку 30-х гг. XIX ст.

У адрозненні ад палітычных, эканамічных і сацыяльна-культурных працэсаў, канцэптуальныя змены ў межах паўсядзённасці адбываюцца больш павольна, са значным спазненнем і ў дастаткова трансфармаваным выглядзе. Нягледзячы на тое, што ў азначаны перыяд змяняецца дзяржаўная прыналежнасць тэрыторый, якія шляхта якой становяцца аб'ектам даследавання, сам гэты перыяд становіцца пачаткам новай эпохі, эпохі XIX ст., акрэсленай іншай стылістычнай афарбоўкай.

У штодзённым жыцці шляхты ў даследуемы перыяд назіраецца спалучэнне свецкіх і рэлігійных традыцый, а галоўнае месца займалі святы. Для асобнага чалавека на першае месца вылучаецца святкаванне іменінаў. Свята нябеснага патрона, у гонар якога прысвойвалася імя чалавеку, было вядома ўсім. Гэта аб'ядноўвала ўсіх вернікаў, а разам з тым пакідала нейкую надзею на казачнасць, цуд, а таксама выпадковасць у з'яўленні нечаканых гасцей. Так, для Рэйтанаў галоўным сямейным святам быў дзень святой Ганны, у Рудамінаў — святой Барбары і г. д. [6, s. 152].

Само свята іменінаў магло адзначацца на працягу тыдня і болей. Дадзеная традыцыя пераходзіць з XVII ст., калі ўвогуле не існавала разумення марнай страты часу. Па дадзеных мемуарных крыніц, на іменіны ў заможнай шляхты магло збірацца ад ста да двухсот чалавек [1, с. 335]. А ў Дукштах «рэдка які дзень... здараўся без гасцей» [9, t. 17, s. 534]. Можна казаць аб дэманстрацыі гаспадарамі прынцыпаў хрысціянскай гасціннасці, атрымаўшай шырокае распаўсюджанне ў XIX ст.

Распачыналіся іменіны касцёльнымі ўрачыстасцямі. Далейшая праграма складалася з традыцыйных формаў баўлення часу — застолля, танцаў і розных забаў. Цэнтральнае месца адводзілася застоллю, дзе госці прамаўлялі ў гонар іменінніка. У XVII—першай палове XVIII ст. прамова суправаджалася абрадам «абвязвання пасам», калі прамоўца абвязваў іменінніка рознымі сродкамі (поясам, хусткай, стужкай і г. д.) для дэманстрацыі сяброўскай повязі і еднасці. Паступова гэты звычай замяняецца на падарунак, які ўспрымаўся сімвалам «абвязвання».

Традыцыйным элементам сямейных застолляў застаецца спажыванне алкаголю. У XVII—XVIII стст. у шляхецкім асяроддзі гэта разглядалася, як свайго роду абавязак, адмова ад якога магла прывесці да непрыязні і страты павагі ад суседзяў па застоллю, а нават і з боку знаёмых. Так фармавалася традыцыя, што ў застоллях пачыналася сяброўства, заключаліся саюзы, спыняліся сваркі, уладжваліся праекты на сейме, закладаліся шлюбны [3, с. 25]. Аднак на канец XVIII—пачатак XIX ст. у застольных традыцыях можна прасачыць пэўныя змены. Вядомыя па нататках Е. Кітовіча прымусы да піцця ажно да страты прытомнасці [8, s. 235–236], як праявы сармацкай культуры, паступова адыходзяць у мінулае. Гэта ж тычыцца прымянення дужых келіхаў, традыцыі іх хуткага напаўнення і бязмернага спажывання алкаголю. Паступова ў гэтай сферы замацоўваецца стрыманасць, а атракцыйнасць замяняецца разнастайнасцю прапанаваных гасцям напояў. Зразумела, што згаданыя змены адбываюцца не паўсюдна. Старыя звычаі маглі сустракацца і ў дастаткова адукаваным асяроддзі. Але ў такіх выпадках значную ролю адыгрываў менавіта склад гасцей і мэта, з якой яны збіраліся.

Трэба адзначыць, што на сямейным узроўні змены ўжо заўважныя. У тых жа Рэйтанаў пад час святаў падавалі гасцям настойку з палыні, з памаранча, жоўтую, белую цукроўку [6, s. 152], пра наяўнасць жа на святах нецвярозых нават не ўзгадваецца.

Пэўным чынам з канца XVIII ст. змяняецца і спосаб праведзення свята. Па сведчанню мемуарных крыніц, яго неад'емнымі элементамі становяцца танцы і музыка. У шляхецкіх маёнтках танцы маглі часткова замяняцца нейкімі забавамі, але музыка гучала заўсёды [7, s. 71]. Што тычыцца рэпертуара, то па сведчанню Г. Пузыны, гучалі рамансы італ'янца Ф. Паэра, М. Агінскага ці «нешта з „Гістарычных песен“ Нямцэвіча» [10, s. 18]. Тым не менш, музыка паранейшаму выконвала забаўляльную функцыю і ўспрымалася ў якасці лёгкай забавы.

Заможная шляхта імкнулася нейкім чынам вылучыцца на ўзроўні арганізацыі забаў, што з'яўлялася прыцягальным для гасцей. У Рэйтанаў у якасці забавы быў карлік Карлік. Мода на ўтрыманне карлікаў у ВКЛ з'яўляецца у першай палове XV ст. Дазволіць сабе такую раскошу маглі толькі каралеўскія сем'і і буйнейшыя магнаты [1, с. 247]. На той час карлікаў выкарыстоўвалі ў якасці блазнаў. Пад уплывам асветніцкіх ідэй дадзеная традыцыя пэўным чынам трансфармуецца. Карлікаў пачынаюць разглядаць як нейкае выключэнне, а пры наяўнасці асабовых здольнасцяў выкарыстоўваюць у якасці артыстаў. У такім выпадку выступы карлікаў можна паставіць на адзін узровень з танцамі экспрэсіўных казакоў ці балетных труп [7, s. 80].

Звычайнай забавай на хатніх святах была гульня ў карты. З XVIII ст. за гэта ўжо не пераследавалі, што назіралася ў папярэднія стагоддзі. Паступова карты распаўсюджваюцца па-за межы вялікакняскага двара, захопліваюць магнатэрыю, а затым усё шляхецкае асяроддзе, а таксама хатнюю прыслугу [5, s. 205]. Не грэбавалі гэтым заняткам і жанчыны. У выніку гульня ў карты становіцца сталай формай правядзення вольнага часу розных станаў і ўзроставых груп.

Важным элементам баўлення вольнага часу для заможнай шляхты па-ранейшаму выступае паляванне. Тым часам у XIX ст. разам з паляваннем значнае месца пачынае адводзіцца суправаджальнай атрыбутыцы. Асобым шыкам становіцца дэманстрацыя гасцям навыкаў верхавой язды, што патрабавала ўтрымання асабістых манежаў [9, t. 10, s. 315]. У магнатаў звычайна існавалі і псарні.

Яшчэ адным спосабам баўлення часу ў канцы XVIII – пачатку XIX ст. становіцца наведванне тэатру. На гэты перыяд прыватнаўласніцкі магнацкі тэатр выконваў па-большасці забаўляльную функцыю. У некаторых выпадках аматарскія тэатры проста называліся «музыкай» і складаліся з

некалькіх прыгонных музыкантаў-скрыпачоў [2, с. 36]. Тым часам тэатр з'яўляўся адным з самых прыцягальных месцаў. Напачатку XIX ст. назіраюцца змены ва ўспрыманні тэатральнай культуры. Паступова гэтае месца пераўтвараецца ў сферу інтэлектуальнага дасуга.

Шырокі распаўсюд у паўсядзённым жыцці мелі сяброўскія сустрэчы і візіты, што ўспрымалася як свайго роду барацьба з манатоннасцю. У межах такіх сустрэч замацоўваюцца новыя формы забаў, невядомыя для сармацкай культуры. Да сталай гульні ў карты і размоваў дадаецца сумеснае спажыванне кавы [7, s. 70], што ўваходзіць ва ўжытак толькі ў XVIII ст. Паступова кава становіцца элементам шляхецкай матэрыяльнай культуры не толькі падчас сустрэч. Так, у Рэйтанаў каву спажывалі штодзённа. У Рудамінаў каву пілі з раніцы, пасля імшы і пасля абеду [9, t. 17, s. 533]. А ўжо з канца XVIII ст. у дамах заможнай шляхты з'яўляюцца спецыяльныя пакоі — кавярні.

У паўсядзённым жыцці шляхты значнае месца займаў клопат аб захаванні пасагу і спадчынных рэчаў, што ў пэўнай ступені можна разглядаць як адну з формаў прыватнага калекцыянавання.

На правядзенне вольнага часу ўплывала сязоннасць. Летам ладзілі доўгія прагулкі. Існавала таксама традыцыя наведвання леса. Па сведчанню А. Пакаш, яны пару разоў на працягу лета выбіраліся з цэлым дваром ў далёкі лес. Цёплае надвор'е спрыяла наведванню вадаёмаў. Каля іх шляхта ладзіла не толькі шпацыры, а любіла таксама плаваць на лодках і батах [9, t. 17, s. 535].

Менш разнастайнасці у спосабах праведзення вольнага часу назіраецца ў вечаровы зімовы перыяд. Сталыя шляхцічкі рознага стану ў гэты час займаліся рукадзеллем. Яны шылі, вышывалі, плялі з белых тонкіх ніцяў сеткі, якія потым выкарыстоўвалі для ўпрыгожвання сваіх фрызур і адзення, вязалі [8, s. 358]. Што тычыцца моладзі, то ў яе адносінах да згаданай сферы ў першай траціне XIX ст. пачынае назіраюцца пэўная эвалюцыя. Калі раней рукадзелле з'яўлялася адным з неабходных заняткаў жанчыны, уменнем, якім прынята было ганарыцца, то паступова гэтае месца пераходзіць да мастацкіх заняткаў — музыкі, малявання, танцаў і інш. [9, t. 10, s. 314].

Пэўную частку свайго жыцця шляхта магла праводзіць у горадзе. Лад гарадскога жыцця шляхты значна адрознівалася ад вясковага хранатыпу. Утрыманне сям'і ў горадзе вымагала зусім іншых сродкаў, што было складаным нават для заможных шляхціцаў. Знаходжанне ў горадзе патрабавала паказнога шыку, што, як лічылася, выступала гарантам добрага імені для дома.

Імкненне да знешняй шыкоўнасці падштурхоўвала шляхціца часцей за ўсё здымаць для сям'і дом, аздоблены фарфорам, крышталём, прыгожай мэбляй, дзе былі замежныя музычныя інструменты, і які не заўсёды быў

ім па сродкам, зыходзячы з часовасці свайго знаходжання ў гарадскіх умовах. Пражыванне ў горадзе вымагала ад шляхціча ўтрымання экіпажу. У некаторых выпадках сям'я набывала для сваіх патрэб нават некалькі карэт. У дадзеным выпадку мы можам назіраць разыходжанне як з традыцыйнымі падыходамі да ўтрымання, існаваўшымі па-за межамі горада, так і звычаямі, якія замацоўваюцца з моманту распаўсюду буржуазных традыцый, звязаных з ашчаднасцю, эканоміяй і рацыянальнасцю.

У горадзе вольны час бавілі шляхам наведвання модных крамаў, шырокую папулярнасць сярод шляхцянак набываюць прагулкі па садах і скверах. Выбіраліся туды звычайна ўдзень і бралі разам з сабой дзяцей. Гарадскія сады мелі альтанкі і для наведвальнікаў гралі музыкі [9, t. 14, s. 440].

Важнае месца ў шляхецкім асяроддзі адводзілася інтэлектуальна-культурным заняткам. Адною з праяваў гэтага з'яўляецца захапленне літаратурай. Распаўсюд мела як проста любоў да літаратуры, так і творчы кампанент, прычым шырока сустракаецца чытанне менавіта на замежных мовах [11; 12]. З канца XVIII – пачатку XIX ст. у сістэму сямейнага выхавання прадстаўнікоў заможнай шляхты ўводзіцца вывучэнне мастацтваў [4]. Да ліку інтэлектуальных заняткаў можна дадаць таксама такія гульні, як шахматы і шашкі. Хаця аўтарамі наратыўных крыніц гэта падаецца, як звычайная форма баўлення часу [9, t. 17, s. 537].

Шырокае распаўсюджанне сярод жаночага, а ў пэўнай ступені і мужчынскага асяроддзя, мела гульня ў шарады. Сярод разнастайнасцяў сустракаецца як традыцыйны варыянт, так і рознага кшталту інсцэніроўкі. Зімовымі вечарамі займаліся адгадваннем народных касцюмаў, гістарычных сюжэтаў і г. д. [9, t. 9, s. 278], што адбывалася пад ўплывам рамантычных тэндэнцый.

Такім чынам, калі казаць аб баўленні вольнага часу шляхтай у вызначаны перыяд, то трэба адзначыць пэўныя змены ў залежнасці ад месца пражывання. У вясковым жыцці колькасць забаваў паранейшаму застаецца дастаткова абмежаванай. І тым не менш, у афарбоўцы і сутнаснай праяве забаў, якія займалі ледзь не ўвесь дзень заможнага шляхціца, назіраюцца істотныя змены. З імкнення да прыемнага баўлення часу паўстае эстэтычная зацікаўленасць да тэатральнай культуры, пачынае распаўсюджвацца новае ўспрыманне музыкі, любоў да спадчынных рэчаў пераўтварацца ў калекцыянаванні, паўстае таксама цікавасць да літаратурнай творчасці. З пачаткам XIX ст. у паўсядзённае жыццё заможнай шляхты ўваходзяць таксама элементы дэмакратычнасці, што садзейнічае паступоваму адыходу ад пышнасці і пампезнасці да звароту ў бок прыгажосці і эстэтычнасці. Больш разнастайным становіцца жыццё шляхты пад час яе прыбывання

ў гарадскіх умовах. На змену манатоннасці і размеранасці прыходзіць дынамізм, значнае месца набываюць разнастайныя мерапрыемствы, маючыя забаўляльны характар.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Бохан Ю., Скеп'ян А.* Побит феадалаў Вялікага Княства Літоўскага ў XV–сярэдзіне XVII стагоддзя. Мінск: Беларусь, 2011.
2. *Булгарин Ф.* Воспоминания. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни, Ч. 1. Санкт-Петербург: Издание М. Д. Ольхина, 1846.
3. *Охотский Я. Д.* Рассказы о польской старине: записки XVIII века Яна Дуклана Охотского с рукописей, после него оставшихся, переписанные и изданные И. Крашевским. Т. 1. Санкт-Петербург: тип. П. П. Меркулева, 1874.
4. *Потоцкая А.* Мемуары графини Потоцкой (1794–1820), с портретами и указателем собственных имен // Перевод с франц. А. Н. Кудрявцевой. Спб.: Изд-во Прометей Н. Н. Михайлова, [1915].
5. *Bystroń J. S.* Dzieje obyczajów w dawnej Polsce. Wiek XVI–XVIII. Wyd. Trzecie. T. II. Warszawa: Trzaska, Evert i Michalski, 1976.
6. *Horbaczowa W.* Anna Geryczowa o Rejtanach, Radziwiłłach i Iszkołdzi // *Almanach Historyczny*. T. 16. Kielce, 2014. S. 135–174.
7. *Kaczyński P.* Od pijatyki do fête galante. Formy zabawy na dworach magnackich w XVIII wieku // *Dwory magnackie w XVIII wieku. Rola i znaczenie kulturowe* / red. T. Kostkiewiczowej i A. Roćko. Warszawa: DIG, 2005.
8. *Kitowicz J.* Opis obyczajów za panowania Augusta III. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985.
9. Pakoszowa z Rudominów E. Pamiętniki (w wyjątkach) // *Kronika Rodinna*. 1881. T. 9. S. 275–279; T. 10. S. 310–316; T. 11. S. 345–348; T. 13. S. 410–413; T. 14. S. 439–444; T. 15. S. 471–477; T. 16. S. 499–508; T. 17. S. 532–539; T. 18. S. 569–571; T. 19. S. 598–604.
10. *Puzyna G.* W Wilnie i w dworach litewskich. Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1928.
11. *Reytan S.* Marcin Kwieć: opowiadanie z czasów augustowskich z rękopismu JMC pana Wady. Warszawa, 1857.
12. *Reytan S.* Tak było u nas, powieść z rękopismu JM pana Wady. Warszawa, 1858.
13. *Rolnik D.* Portret szlachty czasów stanisławowskich, epoki kryzysu, odrodzenia i upadku Rzeczypospolitej w pamiętnikach polskich. Wydanie drugie. Katowice: Wydawnictwo UŚ, 2011.
14. *White H.* Poetyka pisarstwa historycznego / tłum. E. Domańska, M. Wiczyński, A. Marciniak. Kraków: Universitas, 2000.

МУЗЕІ БССР Ў ЭПОХУ ПЕРАБУДОВЫ (1985–1991)

А. А. Гужалоўскі

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, huzhalouski@bsu.by*

Часовая аддаленасць дазваляе па-новаму зірнуць на складаны і супярэчлівы перыяд развіцця музейнай справы ў БССР, які ўвайшоў у гістарыяграфію пад назвай гарбачоўскай перабудовы. З выкарыстаннем архіўных крыніц і матэрыялаў перыядычнага друку зроблена спроба паказаць рост музейнай сеткі ў БССР, прасачыць працэс яе профільнай дыферэнцыяцыі і філіялізацыю музеяў у вызначаны перыяд. Выкарыстаная крыніцавая база дазволіла правесці аналіз дзяржаўнай палітыкі і грамадскіх ініцыятыў у сферы музейнай справы.

Ключавыя словы: музей; БССР; перабудова; музейная сетка; спадчына.

МУЗЕИ БССР В ЭПОХУ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991)

А. А. Гужаловский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, huzhalouski@bsu.by*

Временная отдаленность позволяет по-новому посмотреть на сложный и противоречивый период развития музейного дела в БССР, который вошел в историографию под названием горбачевской перестройки. С использованием архивных источников и материалов периодической печати сделана попытка показать рост музейной сетки в БССР, проследить процесс ее профильной дифференциации и филиализацию музеев в рассматриваемый период. Использованная источниковая база позволила провести анализ государственной политики и общественных инициатив в сфере музейного дела.

Ключевые слова: музей; БССР; перестройка; музейная сетка; наследие.

MUSEUMS OF SOVIET BELARUS IN THE ERA OF PERESTROIKA (1985–1991)

A. A. Huzhalouski

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, huzhalouski@bsu.by*

The temporal separation offers a fresh perspective on the intricate and contentious era of the Soviet Belarus museum industry's growth, which is known in history as Gorbachev's perestroika. An attempt was made to demonstrate the expansion of the museum network in the Soviet Belarus, to track the process of its profile differentiation, and to trace the branching of museums within a certain time period through the use of archival sources and periodical materials. The analysis of governmental initiatives and state policy in the area of museum affairs was made feasible by the source base that was used.

Keywords: museum; Soviet Belarus; perestroika; museum network; heritage.

У другой палове 1980-х гг. у сувязі з працэсамі дэмакратызацыі, якія распачаліся ў СССР, у грамадстве разгарнулася шырокае абмеркаванне эканамічных, сацыяльных, экалагічных праблем. Людзі розных пакаленняў і жыццёвага вопыту імкнуліся выказацца па пытаннях, якія доўгі час ігнаравала ўлада. Дыскусіі выйшлі за сцены вучоных саветаў і партыйных кабінетаў на плошчы і старонкі перыядычнага друку. На людзей абрынуліся новыя ідэі, невядомыя і забытыя факты, вострыя і арыгінальныя суджэнні. Музеі не маглі застацца ўбаку ад гэтага працэса. Узнікла вострая неабходнасць перабудовы маральна і фізічна састарэлых экспазіцый, запаўнення ў іх лакун — ад этнагенэзу беларусаў да сталінскіх рэпрэсій. Разам з тым, зрабілася відавочным адставанне ўзроўню інтэрпрэтацыі падзей мінулага ў экспазіцыях беларускіх музеяў ад агульнага развіцця грамадскай думкі, іх метадалагічная слабасць.

План вываду музейнай галіны рэспублікі з крызіснага стану быў выпрацаваны напрыканцы 1989 г., калі пасля ўзгадненняў і кансультацый з навуковымі ўстановамі, творчымі саюзамі і грамадскімі арганізацыямі Міністэрства культуры БССР ухваліла «Праграму развіцця сеткі дзяржаўных музеяў і філіялаў у БССР да 2000 г.» [5, арк. 1–15]. Праграма прадугледжвала змяненне структуры і тэматыкі музейнай сеткі рэспублікі, стварэнне буйных нацыянальных музеяў, умацаванне матэрыяльнай базы дзейнічаючых музеяў шляхам пераходу на новыя ўмовы гаспадарання, падрыхтоўку і перападрыхтоўку музейнага персанала. У рамках выканання праграмы ў красавіку 1991 г. была створана Праблемная навуковая рада па пытаннях захавання, рэстаўрацыі і экспанавання музейных калекцый. Рада мела статус навукова-кансультацыйнага воргана на грамадскіх пачатках пры Міністэрстве культуры і аб'ядноўвала вядучых спецыялістаў галіны. Яе дзейнасць была заклікана часткова кампенсаваць ліквідацыю ў структуры міністэрства ў жніўні 1988 г. аддзела музеяў і аховы помнікаў, а таксама перадачу рэгіянальных музеяў у падпарадкаванне мясцовым упраўленням культуры.

4 чэрвеня 1991 г. з мэтай адраджэння і развіцця беларускай нацыянальнай культуры і культур нацыянальных супольнасцяў Беларусі як складанай часткі агульначалавечай культуры, Вярхоўны Савет БССР прыняў Закон аб культуры. У якасці асноўнага прынцыпу культурнай дзейнасці ў рэспубліцы дэкларавалася свабода творчасці і самаразвіццё, плюралізм напрамкаў і стыляў, адмаўленне ад манапалізму. Закон устанаўліваў гарантаваную долю бюджэтных сродкаў на развіццё культуры ў памеры не меней 3 % ад агульнай сумы дзяржаўнага бюджэту рэспублікі. Ён дэклараваў права на існаванне не толькі дзяржаўных, але грамадскіх, кааператыўных і прыватных музеяў. Асобна агаворвалася стварэнне нацыянальных музеяў

для захавання найбольш каштоўнай часткі культурнай спадчыны, а таксама права грамадзян на бескаштоўны ўваход у музеі рэспублікі не радзей аднаго дня на тыдзень [1, с. 1–2].

74 музеі (з 16 філіяламі), якія ўваходзілі на 1 студзеня 1985 г. у сістэму Міністэрства культуры складалі найбольшую частку музеяў БССР. Па маштабах сваёй дзейнасці і адміністрацыйнаму падпарадкаванню органам культуры яны падзяляліся на рэспубліканскія, абласныя і раённыя. Па профілях — на краязнаўчыя (42), гістарычныя (20), мастацкія (3), літаратурныя (5), прыродазнаўчыя (1) і мемарыяльныя (3) [4, арк. 119–120].

Галоўны музей рэспублікі, адказны за дакументаванне і інтэрпрэтацыю прыроднай і культурнай спадчыны Беларусі, меў назву «Дзяржаўны музей БССР» і знаходзіўся ў Мінску. У другой палове 1980-х гг. гістарычная экспазіцыя Дзяржаўнага музея БССР зрабілася аб'ектам грамадскай крытыкі. Адзін з чытачоў газеты «Чырвоная змена» наступным чынам апісваў свае ўражанні пасля яе агляду: «Аб якой павазе да сваёй мінуўшчыны, мовы можна тут гаварыць? Уся гісторыя нашай Радзімы, якая знаходзіцца на скрыжаванні шляхоў, якую закранулі амаль усе войны Усходняй Еўропы, заключана ў нешматлікіх стэндах. А ў якім становішчы знаходзяцца нават тыя экспанаты, што ёсць!» [2, с. 5]. Адказам на грамадскую крытыку сталі новыя па змесце выстаўкі — «Францыск Скарына і яго час» (1990), «Клады Беларусі» (1991) і інш. У 1990 г. у Дзяржаўным музеі БССР адкрылася маштабная выстаўка «У вытокаў», на якой была зроблена спроба адыходу ад марксісцкай версіі беларускай гісторыі і вяртання да яе нацыянальнага прачытання. На яе падмурку ў красавіку наступнага года распачалася праца над новай стацыянарнай экспазіцыяй музея, перайменаванага ў «Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі». Гэтая экспазіцыя была павінна адкрыцца ў перададзеных Нацыянальнаму музею будынках Гасцінага двара XVIII–пачатку XX стст. У ліпені 1991 г. міністр культуры БССР Я. К. Вайтовіч падпісаў загад аб стварэнні на базе аддзела прыроды Дзяржмузея БССР Рэспубліканскага музея прыроды і экалогіі Беларусі з перспекывай перадачы яму ўсяго будынка па вуліцы Маркса 12 [6, арк. 174].

Наватарскія падыходы да збірання, вывучэння і папулярызацыі культурнай і прыроднай спадчыны Беларусі дэманстравалі абласныя і раённыя краязнаўчыя музеі.

У 1986 г. у залах Брэсцкага абласнога краязнаўчага музея адбылася выстаўка твораў мастацтва, канфіскаваных брэсцкімі мытнікамі за спробу незаконнага вываза за мяжу. Падчас правядзення выстаўкі колькасць падобнага «кантрабанднага тавару» у фондасховішчы музея дасягнула значнай лічбы (адных толькі абразоў было перададзена каля 1,5 тыс. адзінак). Канфіскаваны мытнікамі антыкварыят узбагачаў фонды

музея і ў наступныя гады. А ў 1989 г. лепшае з перададзенага было прадстаўлена публіцы ў асобным будынку ў выглядзе стацыянарнай выстаўцы «Выратаваныя мастацкія каштоўнасці». Акрамя абразоў, на ёй дэманстраваліся карціны, старажытныя кнігі, ювелірныя вырабы, фарфор і інш.

У 1988 г. былі заснаваны два філіялы Віцебскага абласнога краязнаўчага музея — Музей-сядзіба І. Я. Рэпіна «Здраўнёва» і Літаратурны музей. Супрацоўнікі Гомельскага абласнога музея падрыхтавалі стацыянарную выстаўку «Чарнобыль — наш боль». Маштабны рэнавацыйны праект быў рэалізаваны ў Магілёўскім абласным краязнаўчым музеі, дзе ў жніўні 1990 г. адкрылася новая стацыянарная экспазіцыя. Яна распавядала пра прыроду і дарэвалюцыйнае мінулае Магілёўшчыны і была вынікам плённай супрацы навуковых супрацоўнікаў музея і ленинградскіх мастакоў.

У 1987 г. адкрыццём арыгінальнай стацыянарнай экспазіцыі ў былым купецкім асабняку XIX ст. завяршыўся амаль дзесяцігадовы падрыхтоўчы перыяд па стварэнні Музея стараверства і беларускіх традыцый у Ветцы. У яе падмурку палягала прыватная калекцыя заснавальніка музея Ф. Р. Шклярава і артэфакты, сабраныя першымі супрацоўнікамі музея — Г. Р. Нячаевай і С. І. Лявонцьевай. Экспазіцыя адразу ж атрымала высокую ацэнку спецыялістаў і шырокай публікі. «Цудоўны свет, калі ў ім ёсць такія апантаныя людзі, захавальнікі і збіральнікі старажытнасцей як у музеі г. Веткі» — пакінуў у кнізе водгукаў свае ўражанні ад убачанага Ніл Гілевіч [3, с. 2].

Важны цэнтр па захаванню і рэвіталізацыі рэгіянальнай культуры паўстаў на працягу другой паловы 1980-х гг. у Браславе. У 1984 г. у горадзе быў заснаваны раённы гісторыка-краязнаўчы музей, у распараджэнне якога было перададзена некалькі дзясяткаў прадметаў з мясцовага школьнага збору. Наступныя чатыры гады былі часам напружанай арганізацыйнай работы, якая праводзілася пад кіраўніцтвам дырэктара музея Г. С. Падалян. Адначасова ішла інтэнсіўная збіральніцкая праца — штогод навуковы супрацоўнік К. С. Шыдлоўскі праводзіў да ста выездаў па камплектаванні фондавага збору музея. У 1988 г. экспазіцыя Браслаўскага музея, размешчаная ў будынку былой друкарні прыняла першых наведвальнікаў.

Перагляд вузлавых момантаў савецкай гісторыі, у тым ліку перыяду другой сусветнай вайны абумовілі з’яўленне ў сакавіку 1988 г. пастановы ЦК КПБ аб абнаўленні экспазіцыі Белдзяржмузея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. У адпаведнасці з ім супрацоўнікі распачалі выпрацоўку новых агульных падыходаў да ацэнкі падзей і фактаў вайны, у тым ліку прычын адступлення ў яе першыя дні, новых крытэрыяў паказу персаналій, імкнуліся надаць экспазіцыі навуковасць і праўдзівасць, пазбегнуць аднастайнасці ў паказе ўзнагарод і асабістых рэчаў удзельнікаў вайны.

Распачалася дэфіліялізацыя музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. У 1989 г. яго расонскі і лоеўскі філіялы былі пераўтвораны ў самастойныя музеі, у красавіку 1991 г. статус самастойнай музейнай адзінкі рэспубліканскага падпарадкавання набыў мемарыяльны комплекс «Хатынь» [6, арк. 81].

У адрозненні ад Белдзяржмузея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, разглядаемы перыяд быў часам далейшай філіялізацыі Дзяржаўнага мастацкага музея БССР, што з'яўлялася часткай стратэгіі развіцця гэтай установы, якую рэалізоўваў дырэктар Ю. А. Карачун. У 1987 г., пасля перадачы музею з якасці філіяла Мірскага замка, іх агульная колькасць дасягнула дзевяці. У той жа час, сітуацыя, што склалася ў разглядаемы час у галаўным музеі, была далёкая ад дасканаласці. У звароце да старшыні Камісіі па адукацыі, культуры і захаванню культурнай спадчыны ВС БССР Н. С. Гілевічу ад 15 лютага 1991 г. Ю. А. Карачун пісаў пра вымушанае ад недахопу плошчаў закрыццё экспазіцыйных залаў першага паверха пад захаванне фондаў, састарэлую інжынерную інфраструктуру будынка, што «...можа скончыцца катастрофай, пагібеллю музейных калекцый» [7, арк. 32]. У часы перабудовы Дзяржаўны мастацкі музей упершыню даў свае залы маладым творцам, якія працавалі па-за рамкамі афіцыйнага беларускага мастацтва з яго творчымі саюзамі і партыйным кантролем. Экспаніраванне неафіцыйнага мастацтва пашырыла музейную аўдыторыю, перш за ўсё, за кошт моладзі. У верасні 1990 г. вялікую цікавасць мінскай публікі выклікала выстаўка твораў А. Ксяндзова, І. Кашкурэвіча, Н. Залознай, С. Малішэўскага, Р. Заслонава, якія дэманстравалі сапраўдны стылістычны плюралізм — ад гіперрэалізма да сацарту.

Другая палова 1980-х гг. была часам актыўнага развіцця дзвух існаваўшых у той час у рэспубліцы гісторыка-культурных музеяў-запаведнікаў.

У ліпені 1990 г. рашэннем Савета Міністраў БССР Полацкі гісторыка-культурны музе-запаведнік атрымаў статус установы рэспубліканскага значэння з вызначанымі мэтамі і задачамі, рэжымам утрымання помнікаў і зонамі іх аховы. Гэтаму рашэнню папярэднічала і ў значнай ступені вызначыла яго адкрыццё ў 1987 г. у Сафійскім саборы музея, прысвечанага яго гісторыі і архітэктуры. У год святкавання 500-годдзя Ф. Скарыны, у будынку былой брацкай школы пачаў дзейнічаць Музей беларускага кнігадрукавання, у чатырнаццаці залах якога распавядалася пра жыццёвы шлях першадрукара, экспанаваліся кнігі яго наступнікаў — С. Буднага, В. Цяпінскага, П. Мсціслаўца, былі прадстаўлены інтэр'еры майстэрні перапісчыка XVI ст. і друкарні XVII ст.

Прыклад новых адносін да музейнай дзейнасці, пераасэнсавання яе фундаментальных асноў дэманстраваў створаны напрыканцы 1986 г. гісторыка-культурны музей-запаведнік «Заслаўе». У 1989 г. супрацоўнікамі

была распрацавана і прынята канцэпцыя запаведніка, у падмурак якой былі пакладзены прынцыпы непарыўнай узаемасувязі самасвядомасці народа і яго культуры, экалагічны падыход да месца і ролі чалавека ў прыродзе і грамадстве. Горад у канцэпцыі разглядаўся як экасістэма, у якой культурныя і прыродныя кампаненты звязаны паміж сабой прынцыпамі самазахавання і самаабнаўлення.

У 1987 г. адкрыўся першы раздзел экспазіцыі Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту ў выглядзе сектара «Цэнтральная Беларусь». Распачалося стварэнне іншых сектараў музея народнай архітэктуры і побыту.

У студзені 1985 г. у будынку царквы Раства Багародзіцы ў Гродна адбылося адкрыццё першага раздзела стацыянарнай экспазіцыі Рэспубліканскага музея атэізма і гісторыі рэлігіі. Перыяд царкоўнага рэнесанса, у які ўступіла познесавецкае грамадства дазволіла яе стваральнікам пазбавіцца спрошчаных, выключна негатыўных ацэнак рэлігіі. У наступных раздзелах экспазіцыі, якая паэтапна адкрываліся да канца 1991 г. пра атэізм ужо не нагадвала нават назва музея, перайменаванага ў 1989 г. у Белдзяржмузей гісторыі рэлігіі.

У 1987 г. быў заснаваны Дзяржаўны музей гісторыі беларускай літаратуры. У наступным годзе распачаліся працы па мемарыялізацыі апошняга месца жыцця пачынальніка беларускай літаратуры Ф. Багушэвіча ў в. Кушляны Смаргонскага раёна, якое да таго часу захоўваў знаўца жыцця і творчасці паэта М. С. Ляпеха. У 1990 г. на месцы, дзе некалі была Альбуккая лясная камора, з мэтай ушанавання памяці песняра, быў створаны філіял Літаратурнага музея Якуба Коласа. Тады ж група па арганізацыі Дзяржаўнага музея гісторыі тэатральнай і музычнай культуры адкрыла ў Мінску літаратурна-мастацкую гасцёўню імя Ул. Галубка.

Нарэшце ў снежні 1991 г. у дзень стогадовага юбілею М. Багдановіча адкрылася новая стацыянарная экспазіцыя ў музеі паэта. Нягледзячы на тое, што будынак у Траецкім прадмесці быў пазбаўлены мемарыяльнасці, з дапамогай аўтэнтычных экспанатаў і мастацкіх сродкаў мастацкі кіраўнік праекта Э. Агуновіч аднавіў непаўторны свет паэта. У тым жа юбілейным годзе ў Мінску адкрыўся філіял Літаратурнага музея М. Багдановіча пад назвай «Беларуская хатка».

Такім чынам, у другой палове 1980-х гг. у БССР назіралася экспаненцыяльнае павелічэнне колькасці музеяў рознай падпарадкаванасці, профіляў і тыпаў. Калі ў 1985 г. з'явіўся адзін музей (Мастоўскі музей «Лес і чалавек») і адзін філіял (мемарыяльны комплекс «Усакіна»), то ў 1990 г. сетка музеяў Міністэрства культуры БССР пашырылася за кошт дзевяці

музеяў і пяці філіялаў. Усяго ж за перыяд з 1985 па 1991 гг. уключна колькасць музеяў з філіяламі, якія ўваходзілі ў сістэму Міністэрства культуры БССР павялічылася з 90 да 121 [8, с. 132].

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Закон БССР «Аб культуры ў Беларускай ССР» // Звязда. 1991. 19 чэрв. № 118.
2. *Капыловіч М.* Гісторыя пад «пыльным шклом» // Чырвоная змена. 1989. 17 жн. № 160.
3. *Клыга А.* Прыгажосць ёсць парадак // Гомельская праўда. 1987. 13 лют. № 31.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 974. Воп. 2. Спр. 1839.
5. НАРБ. Ф. 974. Воп. 2. Спр. 1954.
6. НАРБ. Ф. 974. Воп. 2. Спр. 2050.
7. НАРБ. Ф. 974. Воп. 2. Спр. 2057.
8. Народное хозяйство Республики Беларусь в 1991 г.: Стат. сб. / Гос. ком-т Беларуси по статистике и анализу. Мн.: Беларусь, 1993. 263 с.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НАГРАДНОЙ СИСТЕМЫ БССР

М. М. Елинская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, yelinskayaabdank@mail.ru*

Статья посвящена истории наградной государственной системы с момента становления Белорусской советской социалистической республики в составе Союза ССР. Ордена, медали и нагрудные знаки являются своеобразным отражением развития государства, его достижений, идеологии и культуры. Наградная система складывалась постепенно. Первым орденом, установленным в Беларуси, был орден «Трудового Красного Знамени БССР» (1924) и по мере развития общесоюзной наградной системы, в Беларуси к концу XX в. сложился комплекс наград, который имел свои особенности и характерные черты. В статье рассматриваются не только виды наград, но отмечены наиболее известные соотечественники, ими удостоенные.

Ключевые слова: наградная система; орден; медаль; почетные звания; ведомственные нагрудные знаки.

FROM THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE AWARD SYSTEM OF THE BSSR

M. M. Yelinskaya

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, yelinskayaabdank@mail.ru*

The article is devoted to the history of the state award system since the formation of the Belarusian Soviet Socialist Republic within the Union of Soviet Socialist Republics. Orders, medals and badges are a kind of reflection of the development of the state, its achievements, ideology and culture. The award system was formed gradually. The first order established in Belarus was the Order of the Red Banner of Labor of the BSSR (1924) and as the all-union awarding system developed, by the end of the twentieth century Belarus had a complex of awards, which had its own peculiarities and characteristic features. The article discusses not only the types of awards, but also notes the most famous compatriots who were honored with them.

Keywords: award system; order; medal; honorary titles; departmental badges.

Когда говорят о заслугах людей перед Отечеством и высокой оценке со стороны государства, то, в первую очередь, подразумевают награды — ордена, медали и нагрудные знаки: за боевые заслуги, трудовую деятельность, достижения в различных областях общественной жизни.

Современная наградная система Республики Беларусь складывалась постепенно. Ее истоки следует искать в событиях столетней давности. 28 декабря 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов рабочих, красноармейских и казачьих депутатов было принято постановление об учреждении ордена «Трудовое Красное Знамя». Орденом награждались

выдающиеся личности и наиболее почетные организации за большие трудовые заслуги перед Советским государством и обществом в области производства, науки, культуры, литературы, искусства, народного образования, здравоохранения. В системе наград молодого государства «рабочих и крестьян» это был второй орден, после ордена «Красного знамени» (1918), учрежденный советской властью в период до 1941 г. Одним из первых этим орденом по Постановлению ВЦИК РСФСР 28 июля 1921 г. был награжден житель Быховского уезда Гомельской губернии Н. З. Менчуков [1, с. 417] за разбор вручную от ледяного затора Чигиринского моста, имевшего военное значение, и спасение тем самым его от разрушения.

В соответствии с постановлением ЦИК СССР от 22 февраля 1924 г. каждой советской республике было предоставлено право самостоятельно награждать своих граждан орденом «Красного Трудового Знамени». Существует целый ряд разновидностей этого ордена, установленного как в РСФСР, так и других республиках СССР: в Азербайджанской (1930–1933), Армянской (1933–1934), Грузинской (1921–1933), Закавказской (1923–1933), Таджикской (1930–1933), Туркменской (1926–1933), Узбекской (1925–1933), Украинской (1922–1933), Хорезмской республике (1922–1924). Всего в этой серии орденов специалисты насчитывают 18 «трудовиков».

В Беларуси орден **«Трудового Красного Знамени БССР»** был учрежден постановлением Президиума Центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров БССР от 10 октября 1924 г. «Об ордене Трудового Красного Знамени БССР». В нем, в частности, говорилось: «...знак отличия — орден Трудового Красного Знамени БССР — присуждается всем гражданам БССР, проявившим особую самоотверженность, инициативу и трудолюбие в разрешении хозяйственных задач в области улучшения промышленности, транспорта, организации сельского хозяйства и других отраслей труда». Автором оригинального ордена является художник-график Г. Е. Змудзинский (1897–1938). В данной работе мастер, используя, общеизвестные символы, отразил характерные, исключительно для Беларуси, особенности трудовой деятельности людей в фабричном, заводском, сельскохозяйственном и лесопромышленном производстве. Вместе с орденом вручалась и красочная специальная грамота, которая также была разработана этим художником.

Знак ордена представлял собой серебряный фигурный треугольный щит, покрытый красной эмалью. В центре ордена — накладная шестерня с положенной поверх пятиконечной звездой красной эмали. В центральной части звезды — круг белой эмали с надписью «СССР». На нижние лучи звезды положены скрещенные серп и топор. Слева от накладной шестерни — изображение красного знамени, справа — три золотых колоса пшеницы. В

верхней части щита выгравирован лозунг «Пролетарыі ўсіх краёў, злучайцеся», над ним по краям слева — «БССР», справа — «BSRR» (аббревиатура «БССР» на еврейском и польском языках — официальных языках БССР в то время). Всю нижнюю часть занимает легенда: «Беларуская Сацыялістычная Савецкая Рэспубліка» [2, с. 444–447]. Всего орденом Трудового Красного Знамени БССР с 1924 г. по 1933 г. было награждено около 30 трудовых коллективов и около 140 человек. Поскольку в БССР не существовало специального ордена, предназначенного для военнослужащих, орден «Трудового Красного Знамени БССР» присуждался также и за боевые заслуги.

Рис. 1. Орден Трудового Красного Знамени. Учрежден в 1924 г.

Первыми двумя орденами Трудового Красного Знамени БССР были удостоены мелиораторы Бельнычского района Могилевской области «За проявление героизма в преодолении различных трудностей мелиоративных работ и исключительной энергии при отсутствии технических средств и достижение намеченной цели».

Личные ордена Трудового Красного Знамени БССР были вручены рабочим и крестьянам, а также военнослужащим, участникам партизанского движения в Западной Беларуси, чекистам, милиционерам. Среди них наиболее известны Е. М. Кроль (1887–1940), В. З. Хоружая (1903–1942), К. П. Орловский (1895–1968), С. А. Ваупшасов (1899–1976).

В систему государственных наград до начала 90-х гг. XX в. с полным правом следует включить также почетные звания «заслуженный» и

«народный» Белорусской ССР. Это одна из форм признания государством и обществом заслуг отличившихся граждан и поощрения их за выдающиеся достижения в области производства, науки, искусства, спорта, работников социальной сферы, а также организаций и воинских формирований. Установление, присвоение и лишение почетных званий соответствующих уровней находилось в компетенции Президиумов Верховного Совета БССР и СССР.

Постановление СНК БССР «О присвоении Янке Купале почетного звания Белорусского народного поэта» [3; 4, с. 209] от 10 июня 1925 г., было первым в шеренге «почетных званий», принятых в республике в качестве государственных наград. В следующем году, этого звания был удостоен Якуб Колас (Константин Мицкевич) за «признание большого значения для трудящихся белорусов и белорусской культуры его литературно-художественной деятельности». В постановлении СНК БССР от 18 октября 1926 г. отмечается: «Принять к сведению постановления Народного Комиссариата Просвещения об ознаменовании 20-ти летия литературной деятельности Якуба Коласа торжественным празднованием его юбилея в культурно-просветительных учреждениях БССР» [5].

Со времени учреждения звания **«Народный поэт Беларуси»** Указом Президиума Верховного Совета БССР от 27 марта 1956 г., за особый поэтический дар, патриотизм и гражданскую позицию, воплощенные в творческой и общественной деятельности, этим званием были удостоены шесть творцов культуры, которыми по праву гордится Беларусь — П. У. Бровка (1962), А. А. Кулешов (1968), Е. И. Скурко (Максим Танк) (1968), П. Е. Панченко (1973), Н. С. Гилевич (1991) и Р. Т. Барадулин (1992).

Установление почетных званий в других сферах деятельности осуществлялось путем принятия соответствующих постановлений СНК БССР, приуроченных чаще всего к юбилейным датам награждаемого. Так, звание **«Народный артист Белорусской ССР»** было учреждено 20 декабря 1928 г. Первым его обладателем стал В. И. Голубок (1882–1937) — режиссёр, актер, один из основателей белорусского национального театра, художественный руководитель и директор Белорусского государственного театра, художник, автор около четырех десятков пьес на исторические и социально-бытовые темы из жизни белорусского народа.

Почетное звание **«Народный художник Белорусской ССР»**, установленное в 1944 г., первыми получили З. И. Азгур (1908–2000) — скульптор и педагог, В. К. Бялыницкий-Бируля (1872–1957) — живописец-пейзажист, действительный член Академии художеств СССР (1947), А. В. Грубе (1894–1980) — скульптор, преподаватель, председатель правления союза художников БССР в 1942–1944 гг. В 1949 г. «народными

художниками» стали И. О. Ахремчик (1903–1971) — известный живописец и педагог и С. Ф. Николаев (1889–1973) — театральный художник. Главным критерием для отбора кандидатов на звание «народный художник» всегда было создание выдающихся произведений живописи, скульптуры, графики, монументального, декоративно-прикладного, театрального, кино- и телеискусства, иными словами, внесение значительного вклада в отечественную культуру и получение широкого общественного признания.

Почётное звание **«Народный писатель Белорусской ССР»** присваивалось прозаикам, поэтам, драматургам, переводчикам, критикам и литературоведам за выдающиеся заслуги в развитии белорусской советской литературы. Звание было учреждено Указом Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 27 марта 1956 г. В советскую эпоху это высокое звание получили К. К. Крапива (1956), М. Т. Лыньков (1962), И. П. Мележ (1972), И. П. Шамякин (1972), А. Е. Макаёнок (1977), В. В. Быков (1980), И. А. Брыль (1981). Ими были созданы художественные произведения глубокого, многогранного содержания и литературоведческие труды, получившие широкое признание не только специалистов, но и широкой читательской аудитории.

Государственные награды в любой стране предполагают строгую субординацию — от низших к высшим. Так, некоторые ордена имеют несколько степеней, а почетные звания, подразделяются на «народный» и «заслуженный». Первым почетное звание **«Заслуженный деятель искусств Белорусской ССР»** было установлено 5 декабря 1927 г. Лишь по прошествии пяти лет его обладатель мог получить более высокое следующее звание — «народный», которое присваивалось Президиумом Верховного Совета БССР.

Начиная с 1919 г., коллегиями Народного комиссариата просвещения республики, приказами его наркомов, исполкомами областных и краевых советов присваивалось почетное звание **«Заслуженный артист Белорусской ССР»**. Первым его удостоился в 1931 г. основоположник советского белорусского театра, актёр, педагог В. Н. Крылович (1895–1937). Одним из известных награждённых был также кинорежиссёр и оператор А. Н. Кольцатый, получивший это звание в 1935 г. и ставший впоследствии трижды лауреатом Сталинских премий.

4 июля 1940 г. Президиумом Верховного Совета БССР было установлено почетное звание **«Заслуженный артист Белорусской ССР»**, которое являлось одной из форм признания государством и обществом заслуг выдающихся деятелей искусства, особо отличившихся в деле развития театра, музыки, кино, цирка и т. д. Имена П. С. Златогорова, Э. И. Рознера,

Л. П. Александровской, Н. И. Аладова, О. И. Шах-Парон, А. И. Климовой, В. П. Тарасова и других хорошо известны не только ценителям музыкального и театрального искусства, но и широкой публике.

В Советском союзе следующей степенью признания, вслед за «заслуженным» и «народным» республиканского масштаба, деятели культуры удостоивались более высокого звания общесоюзного уровня — «Народный артист СССР». Г. Р. Ширма, В. Г. Мулявин, Р. И. Янковский, И. М. Лученок, получившие это звание, — имена, прославившие, в первую очередь, Беларусь, известны далеко за ее пределами.

Рис. 2. Нагрудный знак к почетному званию «Народный» и
Нагрудный знак «Лаурэат дзяржаўнай прэміі БССР»

15 ноября 1968 г. Президиум Верховного Совета БССР учредил единый нагрудный знак для лиц удостоенных почётных званий Белорусской ССР [6, с. 617–619]. Он был общим для всех и представлял собой круглый медальон, изготовленный из золотистого металла, на аверсе которого было изображены сверху пятиконечная звезда, внизу — перекрещенные дубово-лавровая ветвь, с надписью «БССР» в центре. На оборотной стороне указывалось наименование соответствующего почетного звания на белорусской языке. Так, например, в 1988 г. почетного звания «Заслужаны архітэктар БССР» был удостоен Л. М. Левин (1936–2014) — один из авторов мемориального комплекса «Хатынь» (1968), за работу над которым он стал лауреатом Ленинской премии (1970).

Всего в БССР было учреждено 55 почетных званий в различных отраслях деятельности. Почетные звания — это государственная форма награды, но нагрудные знаки для них появились только в 1959 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета БССР от 9 октября 1959 г. «Об установлении почётных званий «Заслуженный изобретатель Белорусской ССР»

и «Заслуженный рационализатор Белорусской ССР». Из 12 званий, установленных в 1960–1968 гг., нагрудные знаки были изготовлены для трёх — «Заслуженный строитель Белорусской ССР», «Заслуженный мелиоратор Белорусской ССР» и «Заслуженный лесовод Белорусской ССР». Самым достойным гражданам за их заслуги присваивалось звание лауреата Государственной премии БССР [7, с. 370], премии Ленинского комсомола БССР Президиум Верховного совета БССР награждал также почетной грамотой и грамотой с вручением нагрудных знаков [8, с. 196].

В послевоенные годы до момента образования Республики Беларусь Указами Президиума Верховного Совета БССР были учреждены следующие нагрудные значки и нагрудные знаки: «Отличник социалистического соревнования автомобильного транспорта БССР» [9, с. 61], «Отличник социалистического соревнования речного флота БССР» [10, с. 83], «Выдатнік савецкага гандлю» [11, с. 112], за участие в строительстве газопровода Дашава-Минск [12, с. 213], «Отличник добровольного пожарного общества Белорусской ССР» [13].

Рис. 3. Нагрудный знак «Выдатнік сацыялістычнага спаборніцтва аўтамабільнага транспарту БССР», Нагрудный знак «Выдатнік сацыялістычнага спаборніцтва. Рачны флот БССР», Нагрудный знак «Выдатнік савецкага гандлю БССР»

23 ноября 1988 г. Президиум Верховного Совета БССР принял Постановление № 2526-XI «О совершенствовании порядка награждения государственными наградами Республики Беларусь». В нем определялись меры по дальнейшему упорядочению наградной системы в Белорусской ССР, а именно: отказ от награждения Почетными грамотами и Грамотой Верховного Совета БССР административно-территориальных единиц и трудовых коллективов, но чествование ими отдельных тружеников за реальные успехи и достижения.

Этим же постановлением учреждалась **медаль Франциска Скорины**. Среди орденов и медалей — высших государственных наград, эта медаль после долгого монопольного господства единой наградной системы для

всего Советского Союза, явилась **первой национальной наградой**, имеющей государственный статус. Медаль, как подчеркивалось в постановлении, учреждалась «в ознаменование 500-летия со дня рождения выдающегося белорусского и восточнославянского первопечатника, мыслителя-просветителя, ученого и писателя эпохи Возрождения». Положение о медали Франциска Скорины и ее описание были утверждены Указом Президиума Верховного Совета Белорусской ССР № 2675-XI от 20 апреля 1989 г. Ею награждались «работники науки, образования и культуры за отличные достижения в профессиональной деятельности, значительный личный вклад в развитие и умножение духовного и интеллектуального потенциала, культурного наследия белорусского народа». Первыми награжденными этой медалью, имеющей ярко выраженный гуманитарный характер, были группы работников науки, народного образования и культуры: учитель белорусского языка и литературы А. Н. Белокоз, писатель Н. С. Гилевич, историк Н. И. Ермолович, заведующий редакцией истории БССР издательства «Белорусская Советская Энциклопедия» М. А. Ткачев [14]. 13 июля 1994 г. Указом Президиума Верховного Совета Республики Беларусь «за значительный вклад в развитие белорусской литературы и искусства, в дело национального возрождения» медалью Франциска Скорины был награжден народный писатель Беларуси Василь Быков [15].

Рис. 4. Медаль Франциска Скорины. 1989 г.
и Медаль Франциска Скорины. 2017 г.

Библиографические ссылки

1. Российская держава. Символы и награды / В. Н. Балязин, А. А. Кузнецов, Н. А. Сивова, А. Соболева. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 592 с.
2. Ордэн. Беларуская энцыклапедыя ў 18 тамах. Т. 11. Мугір Паліклініка / Рэдкалегія: Г. П. Пашкоў (галоўны рэдактар) і інш. Мн.: «Беларуская энцыклапедыя», 2000. С. 444–447.

3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 153. Л. 67.
4. *Лойко О. А.* Янка Купала. Авториз пер. с белорус Г. Бубнова, И. Бурсова; предисл. И. Шамякина. М.: Мол. гвардия, 1982. 351 с.
5. НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 263. Л. 41–42.
6. Об учреждении нагрудного знака для лиц, удостоенных почетных званий Белорусской ССР // Сборник законов Белорусской ССР. 1938–1967. Т. 2. Минск: 1968. С. 617–619.
7. О почетных знаках и Дипломе лауреата Государственной премии Белорусской ССР: постановление Совета Министров Белорусской ССР, 27 нояб. 1982 г., № 188 // Сборник законов БССР, Указов Президиума Верховного Совета БССР, постановлений Совета министров БССР. 1982. № 20. С. 370.
8. Сборник законов БССР, Указов Президиума Верховного Совета БССР, постановлений Совета министров БССР. 1989. № 20. С. 196.
9. Сборник законов БССР, Указов Президиума Верховного Совета БССР, постановлений Совета министров БССР. 1957. № 3. С. 61.
10. Сборник законов БССР, Указов Президиума Верховного Совета БССР, постановлений Совета министров БССР. 1957. № 4. С. 83.
11. Сборник законов БССР, Указов Президиума Верховного Совета БССР, постановлений Совета министров БССР. 1959. № 4. С. 112.
12. Сборник законов БССР, Указов Президиума Верховного Совета БССР, постановлений Совета министров БССР. 1960. № 28. С. 213.
13. Постановление СМ Белорусской ССР от 13 сентября 1960 г. № 523.
14. Указ Президиума Верховного Совета Белорусской ССР о награждении медалью 11 сентября 1990 года. № 255-ХП.
15. Указ Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 13 июля 1994 года № 3134-ХП «О награждении Быкова В. В. медалью Франциска Скорины» // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь, 1994 год, № 21, с. 422.

ПРОБЛЕМА ЛИТОВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В ОСТРОВЕЦКОМ РАЙОНЕ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ БССР В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

О. Г. Казак

*УО «Белорусский государственный экономический университет»,
пр-т Партизанский, 6, 220070, г. Минск, Беларусь, kazak_og@bseu.by*

В статье проанализированы действия отдельных представителей интеллигенции Литвы по разжиганию ирредентистских настроений в Островецком районе БССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Основу источниковой базы работы составили документы Государственного архива общественных объединений Гродненской области, материалы региональной прессы. Актуальность статьи обусловлена важностью своевременного пресечения попыток деструктивной политизации этничности, которые могут предприниматься недружественными государствами.

Ключевые слова: межнациональные отношения; национальные меньшинства; ирредентизм.

THE PROBLEM OF THE LITHUANIAN NATIONAL MINORITY IN THE OSTROVETS DISTRICT OF THE GRODNO REGION OF THE BSSR IN THE LATE SOVIET PERIOD

O. G. Kazak

*Educational Institution «Belarusian State Economic University»,
Partizansky Avenue, 6, 220070, Minsk, Belarus, kazak_og@bseu.by*

The article analyzes the actions of individual representatives of the Lithuanian intelligentsia to incite irredentist sentiments in the Ostrovets district of the BSSR in the late 1980s – early 1990s. The source base of the work consists of documents from the State Archive of Public Associations of the Grodno Region and materials from the regional press. The relevance of the article is due to the importance of timely suppression of attempts at destructive politicization of ethnicity that may be undertaken by unfriendly states.

Keywords: interethnic relations; national minorities; irredentism.

Позднесоветский период, ознаменовавшийся ослаблением институтов государственной власти, кризисом идеологии, дезориентацией огромных масс населения, создал приемлемые условия для акторов, заинтересованных в политизации этничности. Один из таких эпизодов имел место в Островецком районе Гродненской области БССР. Отдельные представители общественных организаций Литвы стремились включить в актуальную политическую повестку проблему литовского национального меньшинства в сопредельных районах Советской Беларуси.

В послевоенный период численность литовского населения в БССР, согласно данным переписей населения, не превышала 10 тыс. человек (по

переписи 1989 г. — 7606 человек), большинство этнических литовцев проживало в Гродненской области (в 1989 г. — 3087 человек). Литовский язык преподавался в школах деревень Рымдюны и Гири Островецкого района. Доля литовцев в районе в рассматриваемый период не превышала 5 %, тогда как около 80 % жителей являлись белорусами. Литовское население было сконцентрировано в деревнях Гервятского сельсовета (около трети его населения) [1, с. 86–89].

Первые сообщения в прессе о дестабилизирующей деятельности представителей Литовской ССР в Островецком районе появились осенью 1988 г. Сообщалось о приезде в деревню Рымдюны группы преподавателей и студентов Каунасского политехнического института. Представители делегации не только организовали культурно-массовые мероприятия, но и вели неформальные беседы с местным литовским населением, в ходе которых заявляли о скором присоединении Островецкого района к Литве [2, с. 3]. Спустя месяц в район прибыла группа студентов Вильнюсского государственного университета, Каунасского политехнического, Вильнюсского инженерно-строительного и Шауляйского педагогического институтов. Молодые люди попытались организовать в населенных пунктах, в которых проживали литовцы, митинги с политическими лозунгами. В своих выступлениях представители делегации из Литовской ССР заявляли о якобы имевших место притеснениях литовцев со стороны местной власти Островецкого района, тяжелой социально-экономической ситуации в регионе. Впрочем, активной поддержки со стороны местного населения данные акции не имели [3, с. 2].

События в Островецком районе рассматривались на заседании бюро Гродненского обкома Коммунистической партии Белоруссии (КПБ) 15 апреля 1989 г. Секретарь обкома М. М. Бирюкова отметила, что межнациональные отношения в приграничных с Литвой районах были «традиционно доброжелательными», однако отдельные силы «из числа экстремистских элементов искусственно создавали конфликтные ситуации в этом регионе». По ее мнению, данная деструктивная деятельность координировалась членами литовского объединения «Саюдис»: «Спекулируя на вопросе об исторических судьбах граждан литовской национальности, проживающих в БССР, об их якобы неравноправном положении, экстремисты из литовского движения „Саюдис“ организуют провокационные акции, выезды групп интеллигенции, студенческой молодежи в приграничные белорусские деревни и поселки, нарушают общественный порядок и законность, занимаются подстрекательством. Это выражается в самовольных противоправных действиях групп приезжей литовской молодежи, пытающихся разжигать националистические настроения среди проживающих у

нас литовцев, вызвать у них недовольство условиями проживания в БССР, распространяющих измышления о пересмотре территориальной принадлежности Вороновского и Островецкого районов области» [4, л. 17].

В информации о работе по выполнению постановления ЦК КПСС от 12 ноября 1988 г. «О подготовке к пленуму ЦК КПСС „О совершенствовании межнациональных отношений в СССР“» и соответствующего постановления ЦК КПБ, направленной Гродненским обкомом в ЦК КПБ 5 мая 1989 г., сообщалось о создании рабочей группы из числа членов бюро обкома, сотрудников Гродненского облисполкома, руководителей ряда служб «в целях изучения морально-психологической обстановки» в Островецком районе. В рамках работы группы были проведены открытые партийные собрания в колхозах «Родина» и «Рассвет», инструктивно-методические совещания идеологического и хозяйственного актива Гервятского сельсовета, подворный обход в деревнях «с целью изучения нужд и личных запросов населения, изучения его отношения к межнациональным проблемам», «день открытого письма», анкетирование. Рабочая группа пришла к выводу, что обострение межнациональных отношений в районе было инспирировано «экстремистски настроенными националистическими элементами неформальных организаций Литовской ССР». Подчеркивалась необходимость информирования населения о деятельности деструктивных сил при одновременном «принятии мер по установлению сотрудничества с организациями Литовской ССР, занимающими интернациональные позиции». В документе отмечалось, что в Островецком районе проводились мероприятия, направленные на удовлетворение объективных культурных запросов литовского населения: «Изучена потребность и приняты меры по приобретению литературы на литовском языке для сельских и школьных библиотек, периодических изданий. Оказана помощь школам, учреждениям культуры в корректировании перспективных и текущих планов учебно-воспитательной и культурно-просветительской работы с учетом сложившейся обстановки» [5, л. 48–49].

Обострение межнациональных отношений в Островецком районе обсуждалось на пленуме райкома КПБ 22 декабря 1989 г. Большинство выступавших подчеркивали необходимость приоритетного решения социально-экономических проблем, которым внешние силы стремились искусственно придать национальную окраску. Так, директор картонной фабрики «Ольховка» Е. И. Воронович отметил: «Вопросы социальной сферы могут перерасти в национальные» [6, л. 16]. Выступавшие отмечали, что межнациональные отношения в регионе на протяжении последних десятилетий не вызывали тревоги, однако некоторые общественные силы соседней Литвы пытались разыграть «этническую карту» в своих интересах.

Заведующий районным отделом народного образования Л. В. Батура заявил: «В последние два года во всех деревнях, в которых живет литовское население, появились гости из разных городов и мест Литвы. Одни из них едут с доброй волей: выступить с концертом, а другие, наоборот, стремятся подогреть у людей националистические чувства, отыскать дискриминацию, вызвать недовольство и обиду» [6, л. 11]. Чиновник сообщал, что в личных беседах с ним участники делегаций из Литвы требовали обязательного преподавания литовского языка во всех школах района, обосновывая это тем, что большинство автохтонного населения региона якобы являлось «денационализированными литовцами» [6, л. 13]. Свое видение представила председатель исполкома Гервятского сельсовета Л. А. Вербицкая: «Эти делегации, приезжающие к нам, не имели ни культуры поведения, ни интеллектуального уровня, имели цель — посеять нервозность. Но нам удалось добиться, чтобы незваные гости приезжали реже». Подчеркивалось, что власти поддерживали те силы соседней республики, которые оказывали конкретную помощь в реализации культурных проектов литовской диаспоры: «В настоящее время представители Гервятского общества [«Общество Гервятского края» — общественное объединение с центром в Вильнюсе, членами которого являлись около 1 тыс. уроженцев Островецкого района, проживавших в Литве, США, странах Европы — О. К.] со своими визитами имеют даже положительные моменты: не было раньше такого скачка в развитии фольклора, наши люди ездили в Литву, за границу» [6, л. 19].

В августе 1990 г. по поручению Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета БССР ситуацию в Островецком районе изучала рабочая группа во главе с М. В. Жебраком. В справке, составленной по результатам работы, подчеркивалось позитивное влияние упомянутого «Общества Гервятского края» на обстановку в районе (организация концертов, фестивалей, творческих встреч с интеллигенцией из Литовской ССР). Отмечалось, что обострение межнациональных отношений было обусловлено проблемами в социально-экономической сфере: «По мнению наших собеседников, Гервятский сельсовет, особенно на территории колхоза „Рассвет“, отстает в экономическом и социальном плане от соседних хозяйств Литвы. За это нередко упрекают нас гости, которые приезжают сюда из соседней республики. До этого времени не начато строительство объектов культуры в Рымдюнах и Гирях. Неустроенность — одна из причин того, что не остается в родных деревнях литовская молодежь, оседая чаще всего в Литве» [7, л. 67].

Первый секретарь Островецкого райкома И. Ю. Кардаш в интервью «Гродненской правде» 5 апреля 1991 г. отметил и явные деструктивные

тенденции в деятельности «Общества Гервятского края»: «Кливлендские гости, например, открыто говорят, что мы здесь отстали от них в развитии на 150 лет. Еще американские литовцы высказали такую мысль: мы знаем, как бедно живут индейцы в резервациях, но чтобы в центре Европы... На Европу сейчас снимается здесь фильм „о бедственном положении литовских деревень в Белоруссии“» [8, с. 2]. В качестве иных инструментов литовской «мягкой силы» он называл римско-католическую церковь и систему образования: «Большинство верующих того же Гервятского сельсовета — католики. Среди них, как говорил, литовцев — треть. Но служба в местном костеле идет только на литовском языке. Преподаватель литовского языка в Гирях — член „Саюдиса“, учительница литовского в Гервятской школе — за выход Литвы из Союза. Ко всему, как известно, выпускники этих школ в вузы Литвы принимаются без экзаменов. Такие „льготы“ воздействуют на податливый детский ум» [8, с. 2].

Таким образом, в позднесоветский период общественные силы Литвы, близкие организации «Саюдис», пытались искусственно разжечь ирредентистские настроения среди автохтонного литовского населения Островецкого района. Социально-экономическим сложностям, объективно имевшим место в тот период, придавалась этническая окраска: трудности литовского меньшинства тенденциозно и ложно трактовались как результат целенаправленной политики советских властей. Абсолютное большинство населения Островецкого района, в том числе этнические литовцы, отнеслось равнодушно к попыткам политизации этничности, предпринятым отдельными общественными силами Литвы. Органы власти районного и областного уровней стремились пресечь деструктивную деятельность организованных групп, прибывавших из Литвы, при этом осуществляли необходимые меры для удовлетворения культурных потребностей членов литовской диаспоры.

Библиографические ссылки

1. Внуковіч Ю. І. Літоўцы Беларусі: этналагічнае даследаванне. Мінск : Беларуская навука, 2010. 168 с.
2. Новицкая Л. Пена // Гродненская правда. 1988. 26 ноября. С. 3.
3. Ялоўскі М. Ісціна — не на крайніх палюсах // Астравецкая праўда. 1989. 4 лютага. С. 2–3.
4. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГр). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1721.
5. ГАООГр. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1731.
6. ГАООГр. Ф. 4923. Оп. 54. Д. 4.
7. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 968. Оп. 1. Д. 4089.
8. Минин Г. На распрях дома не построишь // Гродненская правда. 1991. 5 апреля. С. 2.

АДЛЮСТРАВАННЕ БЕЛАРУСКА-ТАТАРСКИХ МІЖЭТНІЧНЫХ СТАСУНКАЎ У ЭТНАМОЎНЫХ ПРАЦЭСАХ БЕЛАРУСІ XIX ст.

Р. А. Колас

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, kolosrodion@gmail.com*

Артыкул прысвечаны даследаванню беларуска-татарскіх міжэтнічных сувязяў, якія займелі адлюстраванне ў разгортванні этнамоўных працэсаў на тэрыторыі Беларусі ў XIX ст. Мэта артыкула палягае ў плоскасці вызначэння асноўных накірункаў і ступені інтэнсіўнасці міжэтнічных стасункаў паміж акрэсленымі этнічнымі супольнасцямі. Дзякуючы рэтраспектыўнаму аналізу і вылучэнню этналінгвістычных адзінак аўтарам былі зроблены высновы аб уплыве татарскай этнічнай меншасці на этнічную культуру беларусаў. Таксама на падмурку аналізавання рукапіснай спадчыны беларуска-літоўскіх татар былі вызначаны асаблівасці міжэтнічнай камунікацыі і крос-культурных сувязяў гэтых народаў.

Ключавыя словы: беларуска-татарскія стасункі; этнамоўныя працэсы; міжэтнічныя сувязі; рукапісныя кнігі беларускіх татар.

ОТРАЖЕНИЕ БЕЛОРУССКО-ТАТАРСКИХ МИЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССАХ БЕЛАРУСИ XIX в.

Р. А. Колос

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, kolosrodion@gmail.com*

Статья посвящена исследованию белорусско-татарских межэтнических связей, которые были отражены в развитии этноязыковых процессов на территории Беларуси в XIX в. Цель статьи лежит в плоскости определения основных направлений и степени интенсивности межэтнических отношений среди выделенных этнических общностей. Благодаря ретроспективному анализу и выделению этнолингвистических единиц автором были сделаны выводы о влиянии татарского этнического меньшинства на этническую культуру белорусов. Также на основе анализирования рукописного наследия беларуска-литовских татар были определены особенности межэтнической коммуникации и крос-культурных связей этих народов.

Ключевые слова: беларуска-татарские отношения; этноязыковые процессы; межэтнические связи; рукописные книги беларуских татар.

REFLECTION OF BELARUSIAN-TATAR INTERETHNIC RELATIONS IN THE ETHNOLINGUISTIC PROCESSES OF BELARUS IN THE 19th CENTURY

R. A. Kolas

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, kolosrodion@gmail.com*

The article is devoted to the study of Belarusian-Tatar interethnic ties, which were reflected in the unfolding of ethnolinguistic processes on the territory of Belarus in the 19th

century. The purpose of the article was to determine the main directions and the degree of intensity of inter-ethnic relations between the defined ethnic communities. Thanks to the retrospective analysis and the selection of ethnolinguistic units, the author made conclusions about the influence of the Tatar ethnic minority on the ethnic culture of Belarusians, and on the basis of the analysis of the manuscript heritage of the Belarusian-Lithuanian Tatars, the features of inter-ethnic relations and cross-cultural connections of these peoples were determined.

Keywords: Belarusian-Tatar relations; ethnolinguistic processes; inter-ethnic ties; handwritten books of Belarusian Tatars.

Уводзіны: да пастаноўкі праблемы. Традыцыйна ў гістарыяграфічным наратыве лічыцца, што этнічная група татар пачала распаўсюджвацца па тэрыторыі Беларусі ў пачатку XIV ст., а гэта, у сваю чаргу, было выклікана іх ўдзелам у знешнепалітычных акцыях на вайскавай службе ў князёў літоўскіх [1, с. 24].

Першыя пісьмовыя ўзгадкі аб знаходжанні татарскай этнічнай групы на тэрыторыі Беларусі адносяцца да 1324 г. і былі змешчаны ў францысканскім штогодніку: *«браты, якія адправіліся ў краіну літоўскую з мэтай аглашэння навукі Хрыста, нечакана сустрэлі людзей, што прыбылі з края нейкага хана і адпраўлялі малітвы сваёю моваю азіяцкай»*. Наступнай каштоўнаю заўвагаю аб побыце татараў з'яўляецца ўзгадка бургундскага пасла Жыльбера дэ Лянуа, які акцэнтуюе ўвагу на мове гэтай супольнасці: *«Таксама пражываюць у... г. Троках і навакольных некалькіх вёсках шматлікія татары, якія жывуць сем'ямі... і ў якіх ёсць своеасаблівая мова, званая татарскай»* [2, с. 181–182].

Нягледзячы на наяўнасць добрай колькасці крыніц, якія дазваляюць меркаваць аб разгортванні этнічных працэсаў у беларуска-татарскім асяроддзі, але шэраг акалічнасцяў, звязаных з вывучэннем як пісьмовай, так і вуснай мовай татараў застаецца не даследаваным. У асноўным, тычыцца не вырашанасць гэтых пытанняў высвятленню ступені валодання мовай і галінамі камунікацыі ў этнамоўных працэсах [3, с. 234–236].

Матэрыялы даследавання. База крыніц даследавання складаецца з рукапісных славянамоўных кніг арабскай графікі беларускіх татараў, створаных на працягу XIX ст. Крыніцы прадстаўлены кітабамі, тэфсірамі і хамаіламі з прыватных збораў, а таксама калекцый Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі (НББ) і Цэнтра даследавання старадрукаў і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦДСіР ЦНБ НАН Беларусі).

Рассяленне татар па тэрыторыі Беларусі ў XIX ст. Безумоўна, што да пачатку XIX ст. этнічная супольнасць беларуска-літоўскіх (часам сустракаецца назва «польска-літоўскія») татар перажыла шэраг унутраных

этнічных пераўтварэнняў: яны перайшлі на беларускую мову, стварылі масіў пісьмовага этналінгвістычнага матэрыялу, а таксама ўтварылі структуру сваіх паселішчаў-кварталаў — Слабод, што асаблівымі «выспамі» пакрылі тэрыторыю Беларусі [4, с. 1–3; 5, с. 297].

Асноўная частка татарскіх селішчаў засяродзілася ў мястэчках па тэрыторыі сучаснай паўночна-заходняй і цэнтральнай Беларусі: Відзы, Мядзель, Будслаў, Альшаны, Крэва, Крывічы, Ілія, Грудок, Вішенеў, Воранава, Гродна, Свідзель, Наваградак, Карэлічы, Мінск, Кайданаў, Смілавічы, Дукора, Узда, Мір, Свіслач, Слонім, Ляхавічы, Клецк, Копыль, Шацілкі і інш. [6, с. 4–5].

Уплыў татарскай мовы на беларускую культуру. Рознабаковасць усталяваных міжэтнічных стасункаў паміж татарамі і беларусамі займелі праявы ў замацаванні шэрагу цюркізмаў у беларускай мове, якія патрапілі праз этнамоўныя працэсы, што склаліся падчас супольнай камунікацыі. Сярод масіву гэтых цюркізмаў можна вылучыць наступныя групы, якія і ўказваюць нам на вобласці міжэтнічных стасункаў:

- найменні асобаў паводле адміністрацыйных пасадаў, роду заняткаў, веравызнанню, фізічным і духоўным якасцям (*атаман, басурман, гайдамак, гайдук, казак, калека, рахманы, улан, чабан, янычар, ясыр*);
- найменні вопраткі, абутку і матэрыялаў для іх вырабу (*апанча, армяк, атлас, башлык, бязь, кабат, каракуль, каўпак, каптан, кішэня, кунтуш, кутас, саф'ян, тасьма, тафта, халат, чобат, шаравары*);
- сельскагаспадарчыя, прыродазнаўчыя тэрміны (*аер, алыча, атава, атара, байрак, баклажан, баран, баркун, барсук, беркут, бугай, буланы, бусел, гарбуз, кабан, кабачок, кавун, качан, куга, сазан, саранча, табун, таракан, тарпан, туман, тытунь, фундук, яр*);
- ваенныя тэрміны (*барабан, булат, бунчук, дзіда, калчан, канчук, кінжал, кісцень, нагайка, палаш, сагайдак*);
- побытавыя словы (*аркан, аршын, базар, бакаля, барыш, біклага, буры, бязмен, дыван, імбрычак, каберац, кава, кадык, кантар, капшук, кары, кілім, локшына, магарыч, саган, сургуч, сурма, тавар, тапчан, таўро, торба, харч, чапрак, чарга, чыгун, шчыгрын*) [7, с. 606].

Уплыў беларускай мовы на татарскую культуру. Галоўным чынам, уплыў беларускай мовы на татарскую культуру займеў праявы ў фарміраванні славянамоўнай арабаграфічнай кніжнай культуры татар. Нягледзячы на наяўнасць шэрагу даследаванняў па пытаннях кадыфікацыі і транскрыпцыі беларускай мовы ў татарскіх кітабах, а таксама неаднаразовыя

спробы стварэння апісанняў некаторых кніжных помнікаў, але канцэптуальнага аналізу дадзеных кніг у рычышчы разгляду этнічных працэсаў па сённяшні дзень няма [8, с. 149].

На прыкладзе шырока вядомага Кітаба Абрагіма Хасяневіча, створанага ў першай трэці XIX ст. прасочым уплыў беларускай мовы ў татарскай экзегезе, які адлюстравалася ў перайманні хрысціянскай тэрміналогіі, а менавіта малітоўных канструктаў (вылучаны тлустым шрыфтам пры транскрыпцыі) ў перадачы ісламскіх тэкстаў:

لَوْ يَیْوَصْ كُطْمَدَ / مَنْ دَنْ يَزْبَقْ صَلَّ / صُتْلَمْ هَیْ / قُرَّرْ صَیْ نَدْ هَنْدَا

«...аднаго дня Іса прарок / **йего мілосьць** / **ласка божэй** над **нім** / да маткі свайей мувіл...».

Пра высокую ступень інтэграванасці татарскай этнічнай супольнасці і беларусаў можа сведчыць не толькі сама наяўнасць беларускамоўных арабаграфічных тэкстаў, але і зафіксаваныя ў іх элементы беларускай фразеалогіі, якая ўласціва менавіта так званай «*жывой мове*» (гутарцы):

دَیْدَا زَوَیْ اَ / وَرَنْضَ تَنْ طَصَا / صَیْ یُمْ نَصْ / لَقَرَّ

«...рэкла (Марыама): [I] / сыну мой Іса / **астаньсе здароў** / а **йа ўжо** адыйду...».

У гэтым жа Кітабе маюцца і сказы з сукупнасцю як фразеалогіі, так і перанятых лінгвістычных канструктаў:

نَ چَن چَا هَچَن لَو هَیْ بَ / چَشْ وَ مَرْطَنْ ضَقَرَّ / زَبْ بِلْ حَمْ طَصَیْ یَ / قَرَّ لَیْ رَزَا
یَزْبَ پَوَیْ / لَقَرَّ مَرَمَ / مَزَا شَدْ / لَمْ نَ صَ پَطَصَ یْ هَنْ بَا / طَصَیْ یُ قَطَنْ ضَقَرَّ نَمْ / مَمْ
وَرَا شَدْ یَیْ اَلِیْ رَزَا مَطْبَ / نَ چَا مَطَصَیْ

«...Эзъра 'іл рэк: / „**Йа йестэм халоп божы** / прыкэзане трымайушчы / бе[з] **йего** волі нічога учыніць не магу / мне прыкэзане такоіе йест / **абі нагой ступіць не магла** / **душу азьму**“ / Мерйема рэкла: / „**Йа вопі божэй йестэм удзячна**“ / Потым Эзъра 'іл у йеіе **душу узяў**...» [9, арк. 91a20–93a19; 10, с. 30].

Нягледзячы на высокую ступень інтэграванасці татарскай супольнасці, а таксама на шырокі ўплыў хрысціянскай традыцыі, у тэфсірах утрымліваецца і класічная па форме ісламская структура тэксту Карана, перакладзеная на беларускую мову, захоўваючы, пры гэтым, лінгвістычную сістэму пабудовы сказаў, тоесную арабскай мове:

مَدْرَن ضِدْ حَصْ اُنْ رَقْ وَطِجْ طَلَقْ / مَي رَم / قُرَرْبْ وَضَقْصْ

«...Сказаў Прарок / мір яму / калы ты чытаў Каран у сходзе з народам...».

نَجْمُطْ هَقْصَوْ كَلَا صِثْنِطْمَمْ جُنْ رَبْ

«Пра ноч магутнасці **Алага Высокага** тлумачэнне».

Асаблівы пласт у даследаванні этнамоўных працэсаў у міжэтнічных стасунках беларусаў і татар уяўляюць маргінальныя запісы, пакінутыя перапісчыкамі на палях і краях аркушаў. Пры іх аналізе становіцца відавочна, што яны таксама напісаны па-беларуску:

طَهْ صِصْ يِلْدُ جَحْ نَ / صِنَقْ / صِنْطِ و تَلْ جُنْ قَضْ / جُونْ تَحْ مَرْبَا وَصِپْ
نَ / مَرْيَبْ / طَبْصْ رَطَوْضْ أ / صِنْطِ نْثْ مِصْرَطْ دَرْبْ / مَمْزِيَبْ مَمْصْ دَرْبْ / نَبْطِقْ
نَرْقْ اَبْطِقْ وَصِپَرْبْ دَهْ مِصْرَطْ

«Пісаў Абрагім Хасяневіч / Закончылася ў пятніцу / Канец / Не хачу далей пісаць гэты кітаб / Перад самым **байрамам**, перад трэцім... сёння пятніца, **а заўтра субота, байрам** / На трэцім годзе перапісаў кітаб і Каран» [11, арк. 42a, 52a, 162b].

طَتْطَمْثَوْ جَتْطِصْ ثَشْ مَلْهَا / مَثَوْ طَتْطَمْثَوْ طُصْ مَثَوْ جَتْطِصْ تَوِپَرْنَ صُطْصَرْحْ قَي
جَوْطِشْ يِمْ نَتْحْ / رَ 1888 مَرْحَمْ صِثْمْ اَبْطِقْ طَهْ وَجُنْ قَصْ / مَثَوْ

«**Як Хрыстос нарадзіўся** — тысяча васемсот восемдзесят восем / Агулам шэсць тысяч восемдзесят восем / Скончыў гэты кітаб у месяцы **мухарам** 1888 р. / Хасень Мейшутовіч» [12, арк. 113b].

Варта сказаць некалькі словаў і пра элементы арабскай ды польскай мовы, што сустракаюцца ў ісламскай экзегезе. Арабская мова традыцыйна выконвала ролю сродка захавання і перадачы інфармацыі ў сферы сакральнага. Менавіта на ёй пісаўся Каран, часам, тлумачэнне да яго:

«Нікчэмны, бедны, слабы, смертны я (?), грэшны. Заканчэнне вялікага, святога Карана, слова Алага. Гэта тэфсір які (?) ён напісаў з дапамогай Алага і пры найлепшым садзейнічалі! Міласць Алага таму, хто даглядаў і [запросіў] (?) перапісчык[а] — Урйаш ібн Ісмаіл[у] Шламууж..., імам[у] мусульман горада Мінска» (араб.) [13, арк. 514b].

Што тычыцца паланізмаў у кнігах беларускіх татар, варта сказаць, што ў XIX ст. яны сустракаюцца ў шэрагу кітабах, а тэндэнцыя да гэтага склалася яшчэ ў XVII ст. Разам з гэтым, неабходна заўважыць, што дадзеная з’ява не насіла сістэмны характар, а цесна спляталася ў кнігах, напісаных па-арабску з беларуска-польскім лексічным суправаджэннем:

صَیْو وَنْثَیْ بُلَا وَنْیْ قُ قَصْ جَرَّصْ چَ قَنْمُلْصُمْ قَصْ نَنْمُلْصُمْ هَیْ صَیْ ثَیْ ط

«to jašt jāq musulmāninu tāq musulmānca čtardzasca qur'ānow 'albo jāsinaw wipac» [14, арк. 1b]

Вынікі: вектар этнамоўных працэсаў. Такім чынам, на падмурку аналізавання рукапісных кніг беларускіх татараў можна зрабіць некалькі высноў.

Па-першае, выдавочны ўплыў татарскіх элементаў на лінгвістычны канструкт беларускага насельніцтва насіў характар знешняга вектару ў разгортванні этнамоўных працэсаў, які закрануў досыць шырокае кола га-спадарчай дзейнасці ад жывёлагадоўлі да культуры харчаванняў у этнічнай спадчыне беларусаў, што, у сваю чаргу, можа сведчыць пра досыць высокую інтэнсіўнасць міжэтнічных стасункаў і камунікацыі паміж гэтымі народамі.

Па-другое, унутраным вектарам у разгортванні этнамоўных працэсаў у міжэтнічных стасунках паміж татарамі і беларусамі было ўтварэнне шэрагу рукапісных кніг — кітабаў, якія ўвабралі ў сябе як кластэры хрысціянскіх лінгвістычных канструктаў, так і беларускія фразеалагічныя канструкты, што заканамерна падцвярджае тэзіс аб высокай ступені крос-культурнай камунікацыі і глыбіні міжэтнічных стасункаў беларусаў з татарамі. Разам з гэтым, выдавочна, што ў больш ранніх рукапісных кнігах сустракаецца вялікая колькасць паланізмаў, а таксама арабскіх і цюркскіх канструктаў, дык ужо да канца XIX ст. можна казаць аб умацаванні пэўнай моўнай «чысціні» (сустракаецца менш запазычанасцяў з іншых моў) у этнічнай супольнасці беларуска-літоўскіх татар.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Канапацкі І. Б., Смолік А. І. Гісторыя і культура беларускіх татар. Мн. : Бел. ун-т культуры, 2000.
2. Дубиньски А. Славянские элементы в тюркских языках на территории Польши, Литвы и Украины // Problemy języków Azji i Afryki. Warszawa, 1987.
3. Канапацкая З. І. Славянамоўныя рукапісы арабскім пісьмом як крыніца ведаў па культуры беларускіх татар // Зборнік артыкулаў па беларусістыцы і багаслоўі / уклад. І. Дубянецкая; пад. рэд. І. Дубянецкай, А. Макміліна і Г. Сагановіча. Мн.: Тэхналогія, 2009. С. 231–238.
4. Карский Е. Ф. Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. Л. : АН СССР, 1924.
5. Колас Р. А. Феномен «выспаў этнічнай культуры» ў фарміраванні моўнай прасторы Беларусі XIX ст. // Молодежь в науке — 2023 : тезисы докладов XX Международной научной конференции молодых ученых (Минск, 20–22 сентября 2023 г.) / Нац.

акад. наук Беларусі, Совет молодых ученых ; редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. Минск : Беларуская навука, 2023. С. 296–298.

6. *Риттих А. Ф.* Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям // Сост. при М-ве внутр. дел в Канцелярии зав. устройством православ. церквей в зап. губерниях. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1864.

7. Беларуская мова: Энцыклапедыя / пад рэд. А. Я. Міхневіча; рэдкал.: Б. І. Сачанка. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994.

8. *Канапацкая З. И.* Возникновение славяноязычных арабскоалфавитных рукописей белорусских татар // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филологические науки». Том 2 (68), № 3. 2016 г. С. 140–152.

9. Беларускае грамадзкае аб'яднанне татараў «Зікр уль-Кітаб». Кітаб Абрагіма Хасяневіча. 1832 г.

10. *Несцяровіч В. І.* Моўна-стылёвыя асаблівасці «Гісторыі аб Мар'яме» з Кітаба Абрагіма Хасяневіча (1832). Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Мінск: БДУ. 2004. № 3. С. 26–30.

11. Нацыянальная бібліятэка Беларусі (НББ). Кітаб. 2-я палова XIX ст. (1861 г.?) 11Н//58К(О26). 162 арк.

12. НББ. [Кітаб]. Апошняя чвэрць XIX ст. (1886 г. альбо 1888 г.). 11Н//23К(О26). 120 арк.

13. Цэнтр даследаванняў старадрукаў і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа НАН Беларусі (ЦДСіР ЦНБ НАН Беларусі). Тэфсір. П16–18/Ср2(Р214). 518 арк.

14. ЦДСіР ЦНБ НАН Беларусі. Хамаіл. П19–20/Нр21(Р256). 134 арк.

**ПАХОДЖАННЕ І ЗМЕСТ ГІСТАРЫЧНАГА ПАНЯЦЦЯ
«ПЯЦІГОРСКІЯ ЧАРКАСЫ» Ў ГІСТАРЫЧНЫХ КРЫНІЦАХ
РАННЯГА НОВАГА ЧАСУ І ЯГО ЗНАЧЭННЕ ДЛЯ
ДАСЛЕДАВАННЯ ГІСТОРЫІ АДЫГАЎ У ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ
ЛІТОЎСКІМ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVI – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ
XVII стст.: ПАСТАНОЎКА ПРАБЛЕМЫ**

А. М. Латушкін

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь, Latushkin@bsu.by*

Аўтарам узнімаецца пытанне субэтнічнай прыналежнасці адыгаў, якія перасяліліся на тэрыторыю Вялікага Княства Літоўскага ў 60-я гг. XVI ст. Важнасць яго абумоўлена рознай знешнепалітычнай арыентацыяй субэтнічных груп адыгаў, размешчаных у межах араэала іх карэннага пражывання на тэрыторыі паўночна-каўказскага рэгіёна ў другой палове XVI – першай палове XVII стст. Гэта выражалася ў тым, што па стане на другую палову XVI ст. адыгі заходнія (жанэ, бесленей і інш.). традыцыйна знаходзіліся ў саюзе з Крымскім ханствам і Асманскай імперыяй, а ўсходнія адыгі (кабардзінцы) — з Рускай дзяржавай. Аднак іх знешнепалітычны вектар мог змяняцца. Гэты фактар набываў істотнае значэнне ва ўмовах Інфлянцкай (Лівонскай) вайны 1558–1583 гг., а таксама ўлічваўся пры распрацоўцы праекту стварэння ў Еўропе т. зв. «антытурэцкай лігі». У абодвух выпадках планавалася выкарыстанне ваеннага патэнцыялу адыгаў, які разглядаўся як значны. Усё азначанае робіць мэтазгодным вызначэнне рэгіёну паходжання адыгаў у ВКЛ, а таксама высвятленне зместу і значэння этнонімаў, якія выкарыстоўваліся тут у дачыненні да іх. Прыярытэтным выступае пытанне субэтнічнай прывязкі ў змесце распаўсюджанага ў ВКЛ паняцця «пяцігорскія чаркасы» і яго элементаў.

Ключавыя словы: Вялікае Княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае; Руская дзяржава; адыгі; субэтнічная група; пяцігорскія чаркасы; пяцігорцы; чэркесы; Кабарда.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО
ПОНЯТИЯ «ПЯТИГОРСКИЕ ЧЕРКАСЫ» В ИСТОРИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКАХ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ И ЕГО
ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ АДЫГОВ
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

А. Н. Латушкин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Latushkin@bsu.by*

Автор поднимает вопрос о субэтнической принадлежности адыгов, переселившихся на территорию Великого Княжества Литовского в 60-е гг. XVI в. Ее значение обусловлено различной внешнеполитической ориентацией адыгских субэтносов, находящихся в ареале их естественного обитания на территории Северо-Кавказского

региона во второй половине XVI – первой половине XVII вв. Это выражалось в том, что со второй половины XVI в. западные одыги (Жанэ, Бесленей и др.). традиционно имели более тесные связи с Крымским ханством и Османской империей, а восточные адыги (кабардинцы) — находились в союзе с Русским государством. Однако их внешнеполитический вектор мог изменяться. Этот фактор приобрел существенное значение в условиях Инфлянтской (Ливонской) войны 1558–1583 гг., а также был учтен при разработке проекта создания в Европе так называемой «антитурецкой лиги». В обоих случаях планировалось использовать военный потенциал одыгов, который считался значительным. Все вышеизложенное делает целесообразным определение региона происхождения адыгов в ВКЛ, а также уточнение содержания и значения использованных здесь по отношению к ним этнонимов. Приоритетным является вопрос субэтнических связей в содержании понятия «пятигорские черкасы» и его элементов, распространенного в ВКЛ.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, Русское Жемайтское; Русское государство; адыги; субэтническая группа; пятигорские черкасы; пятигорцы; черкесы; Кабарда; картографические документы; письменные исторические источники.

THE ORIGIN AND CONTENT OF THE HISTORICAL CONCEPT “PYATIGORSK CHERKASSIANS” IN THE SOURCES OF THE EARLY MODERN TIME AND ITS SIGNIFICANCE FOR STUDYING THE HISTORY OF ODIGAS IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE SECOND HALF OF THE 16 – FIRST HALF OF THE 17 CENTURY: STATEMENT OF THE PROBLEM

A. M. Latushkin

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Latushkin@bsu.by*

The author raises the issue of the subethnic affiliation of the Adyghe who migrated to the territory of the Grand Duchy of Lithuania in the 1560s. Its importance is due to the different foreign policy orientations of the Adyghe subethnoses in their natural habitat in the North Caucasus region in the second half of the 16th – first half of the 17th centuries. This was expressed in the fact that from the second half of the 16th century, the western Odyghe (Zhane, Besleney, etc.) traditionally had closer ties with the Crimean Khanate and the Ottoman Empire, while the eastern Adyghe (Kabardians) were in alliance with the Russian state. However, their foreign policy vector could change. This factor acquired significant significance in the context of the Inflyant (Livonian) War of 1558–1583, and was also taken into account when developing the project to create the so-called “anti-Turkish league” in Europe. In both cases, it was planned to use the military potential of the Odyghe, which was considered significant. All of the above makes it expedient to determine the region of origin of the Adyghe in the GDL, as well as to clarify the content and meaning of the ethnonyms used here in relation to them. The issue of sub-ethnic connections in the content of the concept of “Pyatigorskye Cherkasy” and its elements, widespread in the GDL, is of priority.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Russian Samogitian; Russian state; Adyghe; sub-ethnic group; Pyatigorsk Cherkassians; Pyatigorsk people; Circassians; Kabarda; cartographic documents; written historical sources.

У 60-я гг. XVI ст. у Вялікае Княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае (далей — ВКЛ) перасяляецца некалькі адыгскіх князёў — выхадцаў з Паўночнага Каўказа: Кудадэк-Аляксандр («Олешка») Сібокавіч, Гаўрыла Камбулатавіч Пяцігорскі, Цямрук Шымковіч Пяцігорскі, Касім Камбулатавіч Пяцігорскі, Давыд Кансанкавіч Пяцігорскі і інш. [12; 21; 20; 6; 7; 8]. Яны выяжджаюць сюды разам са сваёй світай, падданымі, аршаком. Адыгі траплялі на тэрыторыю Беларусі пераважна двума шляхамі: праз Крым і землі Ўкраіны; праз Рускую дзяржаву (нешматлікія выпадкі, нелегальна)¹.

Адыгі — адна з самых буйных этнічных супольнасцей на Каўказе. Згодна з данымі расійскага ўсходазнаўцы, доктара гістарычных навук А. М. Някрасава (1958–2014) у апошняй чвэрці XV–XVI стст. межы рассялення адыгаў на Паўночным Каўказе былі наступнымі: на захадзе — Чарнаморскае ўзбярэжжа не паўднёвей сучаснага Туапсэ, да пачатку ж XVI ст. — уключаючы і ўсходняе ўзбярэжжа Азоўскага мора на паўднёвы-захад ад вусця р. Дон; на поўначы — р. Кубань, у раёне г. Бештаў — рэкі Кума і Церык; на ўсходзе — верхняе цячэнне рэк Церык і Сунжа; на поўдні — Вялікі Каўказскі хрыбет. На гэтых землях у той час жылі таксама іншыя народы, якія не адносяцца да адыгаў — балкарцы, карачаеўцы, абазіны, татары, армяне і інш. Дзяржавы-суседзі адыгаў у азначаны час: на захадзе — Крымскае ханства васальнае Асманскай імперыі; на поўначы — Вялікая Арда, пазней — Нагайская Арда; на ўсходзе — феадальныя ўладанні Дагестана, сярод якіх самымі буйнымі былі дагестанскія шамхальствы Казікумхскае і Цюменскае княства; у вярхоўях р. Церык — асечіны; на поўдні і паўднёвым-захадзе — грузінскія княствы і Абхазія [13, с. 67]. У этнапалітычным плане тэрыторыя, што разглядаецца, дзялілася на дзве буйныя часткі: Заходнюю (Закубанскую) Чэркесію і Ўсходнюю Чэркесію — «Кабарду» з мяжой ад гары Эльбрус у паўночным напрамку да вытокаў р. Кума [6, с. 71]. Сама Кабарда ў другой

¹ Пад тэрмінам «Руская дзяржава» у даным даследаванні трэба разумець дзяржаўнае ўтварэнне, якое ўзнікла ў канцы XV ст. ў выніку далучэння да Вялікага Княства Маскоўскага шэрагу паўночна-ўсходніх рускіх княстваў у перыяд кіравання Івана III і працягвала сваё развіццё ў пазнейшы перыяд. У гістарычнай навуцы Беларусі пакуль не складалася ўстойлівай тэрміналогіі для абазначэння «Рускай дзяржавы» ў перыяд канца XV – пачатку XVII стст. Варыянты назвы, што ўжываюцца ў гістарыяграфіі, наступныя: Вялікае княства Маскоўскае, Маскоўская дзяржава, Руская цэнтралізаваная дзяржава, Руская дзяржава, Расійская дзяржава, Рускае царства, Расійскае царства (абодва апошнія — у дачыненні да перыяду не раней 1547 г.). Дыскусія па дадзенай праблеме — не завершана. Аўтар абірае названы тэрмін умоўна, як той, што мае больш працяглую гістарыяграфічную традыцыю ў дачыненні да часу, ахопленага ў працы, а таксама з улікам факту непрызнання ў ВКЛ у гэты час царскага тытула вялікага князя маскоўскага Івана Васільевіча.

палове XVI – першай палове XVII стст. падзялілася на Вялікую і Малую. Згодна з данымі гісторыка адыгейскага народа першай паловы XIX ст. Ш. Б. Ногмава (Нагумэ, Шора Бекмурзавіч, 1794–1844) падзел на Вялікую і Малую Кабарду аформіўся толькі ў XVII ст. Вялікая Кабарда пры гэтым ахоплівала Паўночныя раёны Вялікага Каўказскага хрыбта, землі на ўсход ад гары Эльбрус да рэк Малкі і Церыка. Малая Кабарда (Таўсултанія) — раён паміж правым берагам Церыка і Кабардзінскім хрыбтом [14, с. 93–94; 15, рис. 1; 19; 9; 11, с. 114–115].

У 1860-я гг. і ў савецкі час арэал рассялення адыгаў і іх цэласнасць як этнаса штучным шляхам былі парушаны. У 1920-я–1950-я гг. адыгскі народ быў раздзелены на некалькі частак, а яго тэрыторыя — на шэраг тэрытарыяльна-адміністрацыйных адзінак у складзе Расіі. За іх насельніцтвам агульнага адыгскага паходжання замацаваліся розныя назвы: жыхары Кабардзіна-Балкарскай Аўтаномнай ССР — «кабардзінцы»; жыхары Карачаева-Чэркескай Аўтаномнай вобласці Стаўрапольскага края, з 30.11.1990 г. Карачаева-Чэркескай Аўтаномнай ССР у складзе РСФСР — «чэркесы»; жыхары Адыгейскай Аўтаномнай вобласці Краснадарскага краю і іншых тэрыторый Краснадарскага краю — «адыгейцы» або «шапсугі». Такі ж стан з этнічным абазначэннем адыгаў у цэлым захоўваецца і сёння, нягледзячы на афіцыйнае заключэнне Расійскай Акадэміі Навук зробленае ў 2010 г. аб тым, што адыгі (чэркесы) — адзіны народ. У асяроддзі саміх адыгаў экзэнтонім «чэркесы» як абагульняючы для ўсіх адыгаў таксама мае прызнанне. Ён абгрунтоўваецца сугучнай назвай, пад якой рэгіён Паўночнага Каўказа фігуруе на гістарычных мапах. Аднак, праярытэтнае месца пры самаідэнтыфікацыі займае назва — «адзіга» або «адыгэ». Гэта — эндаэнтонім (саманазва) этнасу. Ён будзе выступаць у якасці асноўнага тэрміна для абазначэння гэтага аб’екта ў нашым даследаванні.

У крыніцах айчыннага паходжання перыяду Ранняга Новага Часу гісторыка-геаграфічны рэгіён карэннага пражывання адыгаў атрымаў назвы «Пяцігор’е», «Пяцігорская зямля», «Кабарда», а жыхары названых зямель — «пяцігорцы», «чаркасы», «пяцігорскія чаркасы», «пяцігорскія татары». Назва «Пяцігор’е» паходзіць ад гары «Бештаў», што з татарскай мовы перакладаецца як «пяць гор». Гэты географічны аб’ект захаваўся да нашага часу і знаходзіцца на поўдні Стаўрапольскага краю Расійскай Федэрацыі. Ён мае пяць вяршынь, якія ўзніклі ў выніку геалагічных працэсаў вулканічнай прыроды. Тэрыторыі на поўдзень адсюль спрадвечу населялі адыгі.

Факт з’яўлення «пяцігорцаў» на беларускіх землях у другой палове XVI ст. — праява складаных і, разам з тым, актыўных працэсаў фарміравання новага парадку і балансу сіл на велізарным абшары Ўсходняй Еўропы

і Паўночнага Прычарнамор'я ў канцы XV – пачатку XVI стст., выкліканых знікненнем з палітычнай мапы свету Вялікай Арды. Спецыялістамі даная падзея трактуецца як пачатак новага этапу ў гісторыі міжнародных адносін краін Усходняй Еўропы [13, с. 106]. З таго часу ключавым фактарам у супрацьстаянні двух асноўных контрагентаў міжнароднай палітыкі ў рэгіёне — ВКЛ і Рускай дзяржавы — становіцца Асманская імперыя (Турцыя) і Крымскае ханства. Ва ўмовах частых войнаў ВКЛ і Рускай дзяржавы ў першай палове XVI ст. і асабліва падчас найбольш маштабнай з іх — Інфлянцкай (Лівонскай) вайны, крымскія татары ўсё больш актыўна выкарыстоўваюцца дыпламатыяй ВКЛ у сваіх знешнепалітычных інтарэсах, выступаюць на баку каралёў польскіх і вялікіх князёў літоўскіх супраць у іх ваенным супрацьстаянні са знешнімі ворагамі. Наладжванне адносін з Крымам у сваю чаргу садзейнічала пашырэнню кантактаў ВКЛ з рэгіёнам Усходняга Прычарнамор'я і Каўказам. Народы Паўночнага Каўказа знаходзіліся на памежжы ўплываў адразу некалькіх магутных варожых адна адной ваенна-палітычных сіл, а менавіта: Турцыі і Крыма, Ірана, Нагайскай Арды, Рускай дзяржавы. У змаганні за сваё існаванне яны вымушаны былі звяртацца да розных стратэгіяў выжывання. Сярод іх вылучаюцца дзве: 1) ваенны саюз з Рускай дзяржавай; 2) падпарадкаванне Крымскаму ханству і праз яго — асманам. Абодва варыянты так або іначай прадугледжвалі выкарыстанне адыгаў іх саюзнікамі-патронамі ва ўласных ваенна-палітычных мэтах. Аднак першы шлях выглядаў больш прывабным. Ён абяцаў узаемную ваенна-тэхнічную дапамогу, умацаванне абароназдольнасці краю. Акрамя таго — не прадугледжваў цяжкой даніны ў тым ліку — жывой, з ліку саміх адыгаў (т. зв. «ясыр»), як таго патрабавалі крымскія ханы². Злучэнне з хрысціянскай дзяржавай гэтым не пагражала. Разам з тым, прыродныя ўмовы Каўказа дазвалялі таксама такі варыянт дзеянняў, як балансаванне паміж рознымі цэнтрамі сілы,

² «Ясыр» ад «есір» (esir) — у асмана-турэцкай мове — «раб». Згодна з данымі знаўцы гісторыі збройнай вытворчасці на Каўказе Э. Г. Аствацатуран з канца XV ст. пры заняцці трону ў Крыме кожным новым ханам адыгі мусілі дасылаць туды 300 рабоў хлопчыкаў і дзяўчынак [3, с. 16]. Адзін з эпизодаў такіх «саюзных узаемаадносін» у перыяд XVI ст. зафіксаваны ў пазнейшым кароткім апісанні гісторыі кабардзінцаў, створаным прадстаўнікамі расійскіх уладаў на аснове звестак атрыманых ад саміх адыгаў: «...И в то ж время боясь кубанцов, что б их не разорили, давали в Крым кабардинцы ясырей вместо дани в год по десяти человек» (Изъяснение о кабардинских народах с краткими сведениями о их расселении и принятии российского подданства, присланные в Коллегию иностранных дел из крепости Святого Креста, 1732 г. ранее апреля 27) [11, с. 64]. Падрабязней аб месцы «ясыра» ва ўзаемаадносінах Крыма і Турцыі з Польшчай, ВКЛ і Рускай дзяржавай у XVI–XVII стст., ролі і становішчы рабоў у турэцкім грамадстве гл. артыкул В. Хензеля [17].

захаванне незалежнасці дзякуючы адыходу ў выпадку небяспекі ў цяжкадаступныя горныя раёны, выкарыстанне іх для абароны. Менавіта гэты шлях і быў задзенічаны адыгамі-горцамі найбольш часта і паспяхова, стаў характэрнай для іх тактыкай барацьбы. Аднак у перыяд Новага Часу з развіццём агнястрэльнай зброі, артылерыі ён становіўся ўсё больш абмежаваным і не адпавядаў мэтам стабільнага і паступальнага развіцця. Акрамя таго, кожная са стратэгіі несла з сабой і выбар рэлігіі — ахрышчаныя ў Сярэднявеччы па візантыйскаму абраду, адыгі к XVI ст. зноў вярнуліся да вераванняў дахрысціянскіх часоў.

Ва ўмовах пастаяннай ваеннай пагрозы з боку Крыма шэраг прадстаўнікоў кіруючай княскай эліты з розных рэгіёнаў Паўночнага-Каўказа ў 50-я гг. XVI ст. (1552, 1555, 1557) заключаюць саюз і пераходзяць пад пратэкцыю вялікага князя маскоўскага [10]. Такія дамовы ў гісторыі народаў Каўказа мелі назву «шэрць»³. З другога боку, частка заходне-адыгскіх князёў трапляе ў даннікі турэцкіх султанаў і крымскіх ханаў. Пры гэтым прыхільнасць адыгаў да аднойчы абранага саюзніка не заўжды была ўсеагульнай і трывалай. Здараліся пераходы на той або іншы бок з уласнымі палітычнымі мэтамі, напрыклад, для заручэння падтрымкай у міжусобнай барацьбе за верхавенства і ўладу паміж рознымі родавымі кланамі адыгаў. Можна таксама заўважыць, што нягледзячы на азначаныя працэсы, самі прыродныя ўмовы пражывання, трывалая родавая структура грамадства і выпрацаваныя ў ім інстытуты ўлады, вайсковая арганізацыя, мужнасць і майстэрства адыгскіх ваяроў, а таксама сам свабодалюбівы характар гэтага народа садзейнічалі таму, што да XIX ст. ён ніколі не губляў самастойнасці цалкам.

У другой палове XVI ст. адыгі ўключаюцца ў арбіту маштабных міждзяржаўных працэсаў ва Ўсходняй Еўропе і становяцца адметным іх элементам. Пэўную ролю яны пачынаюць адыграваць і ў знешняй палітыцы ВКЛ. Як вынік — у 1561 г. Жыгімонт Аўгуст выдае пастанову, згодна з якой адыгскай артыстакратыі даваўся дазвол на ўезд у ВКЛ і адкрываўся доступ да службы на карысць вялікага князя літоўскага — «Лист княжатам петигорским, тым, которые бы хотели до Великого Князства Литовского на службу прыехати, вольно им будеть» [1, арк. 571; 22, р. 472]. У дакуменце гарантаваліся недатыкальнасць асобы і маёмасці, узнагарода, адпаведная сацыяльнаму статусу і годнасці, а таксама права свабоднага ад'езду на Радзіму. На гэта запрашэнне адгукнуўся шэраг адыгскіх князёў. Яны пераехалі ў ВКЛ са сваёй шматлікай світай. Асобныя з іх, верагодна, вярнуліся,

³ Слова «шэрць» паходзіць ад арабска-пярсідскага «шэрт». У перакладзе з турэцкай мовы «шарт» — умова; дамова; пагадненне, замацаванае клятвай [15, 14].

але некаторыя — аселі на беларускай зямлі, атрымалі тут набілітацыю, кааптаваліся ў структуры грамадства і ўлады Вялікага Княства, сталі заснавальнікамі шляхецкіх родаў. Праект прыцягнення адыгаў на службу і жыхарства ў ВКЛ нагадвае знакі аналаг пры вялікім князі літоўскім Вітаўце — запрашэнне татар і габрэяў, хоць, відавочна, пазнейшы — меў меншыя маштабы. У рэшэнні аб яго рэалізацыі быў шэраг прычын, што ва к другой палове XVI ст. набылі істотнае значэнне для ВКЛ: важнае стратэгічнае становішча Паўночнага Каўказа ў супрацьстаянні ВКЛ з Масквой на паўднёвым-уходзе ды і Крымам на Поўдні; цесная сувязь адыгаў з кіруючымі коламі тых жа Рускай дзяржавы і Крыма — дзвюма найбольш небяспечнымі суседзямі ВКЛ; высокія баявыя якасці адыгскага войска. Апошні фактар найпрост паўплываў на стварэнне ў структуры ўзброеных сілаў ВКЛ асобнага віда сярэднеўзброенай кавалерыі — «пяцігорцаў» або «пяцігорскіх харугваў». Ён заняў прамежкавае становішча паміж гусарыяй — як цяжкой кавалерыяй, і конніцай, узброенай «па-валошску» або «па-татарску», згодна з іншымі данымі — «па-казацку», якая выконвала на полі бою ролю лёгкай кавалерыі [24, s. 44]. У гэтай сувязі заслугоўваюць увагі высновы гісторыка Г. Гралі, зробленыя ім пасля спецыяльнага вывучэння пытання адыгскай «эміграцыі» у ВКЛ. Сярод прычын і абставінаў азначанага працэса ён называе наступныя: 1) перанаселенасць каўказскага рэгіёну; 2) моцныя традыцыі наёмнай ваеннай службы сярод адыгаў, запатрабаванасць у іх за мяжой як у вайскавай сіле; 3) стаўка на саюз з Крымскім ханствам у знешняй палітыцы ВКЛ і Польшчы з канца 1550-х гг. як мера супрацьстаяння і барацьбы з Рускай дзяржавай ва ўмовах распачатай Інфлянцкай вайны, што прадугледжвала прыцягненне на свой бок і адыгскіх князёў. Да версій распаўсюджаных у гістарыяграфіі тэмы, але безпадстаўных, названы даследчык адносіў: 1) моцны ўціск адыгаў крымскімі ханамі; 2) выезд адыгскіх князёў у ВКЛ з рэлігійных меркаванняў з мэтай захаваць вернасць ісламу і не быць ахрышчанымі ў праваслаўе па загадзе расійскай улады. Адносна першай версіі абгрунтавана сцвярджэнне, што крымская дыпламатыя выступала медыятарам пры арганізацыі выезду адыгскіх князёў праз Крым на службу ў ВКЛ. Акрамя таго, вядома, што амаль адначасова з адыгамі ў ВКЛ у пач. 60-х гг. XVI ст. былі запрошаныя і татары. Другой версіі супярэчыць тое, што шэраг найбольш знакамітых у ВКЛ і Польшчы князёў, ахрышчаных да «эміграцыі», напрыклад Кудадэк-Аляксандр Сібокавіч, Гаўрыла Камбулатавіч Пяцігорскі, Цямрук Шымковіч Пяцігорскі, пасля пераезду ў ВКЛ заставаліся хрысціянамі [20, s. 25, 28; 21, s. 31]. Хрысціянамі засталіся і дзеці як мінімум двух апошніх дзячоў.

У святле ўсяго азначанага ў межах даследавання тэмы можна сфармуляваць наступную навуковую праблему. Адыгі, якія асядалі ў ВКЛ, на сваёй Радзіме належылі да розных родаплемянных (субэтнічных) груп, а тыя ў сваю чаргу маглі адносіцца да лагераў, што дэманстравалі розны выбар у знешняй палітыцы эліт, знаходзіліся ў саюзе з рознымі дзяржавамі, як правіла — варожымі паміж сабой. Найбольш агульна даная карціна ў 50-я—60-я гг. XVI ст. выглядала так: заходнія адыгі знаходзіліся ў саюзе з Крымам, усходнія адыгі — у саюзе з Масквой. Першыя з іх былі прадстаўлены субэтнічнымі групамі жанэ (жана), бесленей, кеміргой (цеміргой) і інш. Другія былі пераважна кабардзінцамі. З улікам стану зацяжной вайны паміж ВКЛ і Рускай дзяржавай у другой палове XVI ст. субэтнічная прыналежнасць эмігрантаў набывала немалаважнае значэнне, часам становілася дзейсным інструментам палітычнага і ваеннага супрацьстаяння, таемнай дыпламатыі. Больш таго, некаторыя адыгскія князі, якія траплялі на службу да вялікіх князёў маскоўскіх, самі або ў наступных сваіх пакаленнях увайшлі ў кіруючыя колы Рускай дзяржавы [12; 6; 18; 7; 8; 20; 21]. Адпаведна іх сваяцтва з адыгскімі нобілямі ў ВКЛ набывала істотную ролю ў міждзяржаўных стасунках другой паловы XVI—першай паловы XVII стст. У больш шырокім міжнародным маштабе фактар паходжання адыгаў Рэчы Паспалітай Абодвух Народаў, іх сувязі і ўплыў на Радзіме мог адыграць важную ролю ў межах папулярнага ў Еўропе ў другой палове XVI ст. праекта стварэння антытурэцкай ваеннай кааліцыі або т. зв. «турэцкай лігі». Крыніцы сведчаць, што пры яе арганізацыі дыпламатыя Габсбургаў і Ватыкана спрабавала задзейнічаць некаторых адыгскіх князёў, што пражывалі ў ВКЛ, устанавіць праз іх сувязі з адыгамі на Паўночным Каўказе, атрымаць інфармацыю аб геаграфіі рэгіёна, настроях у асяроддзі эліт і інш. [4; 5; 16; 23, s. 212–213, 290, 709].

Такім чынам, пытанне субэтнічнай прыналежнасці адыгаў у ВКЛ варта ўлічваць пры даследаванні гісторыі міжнародных адносін у Еўропе ў другой палове XVI—першай палове XVII стст. Гэта таксама — адна са складаючых задачы вызначэння рэгіёна паходжання ўсёй адыгскай «дыяспары» на Беларусі, шлях да высвятлення і ўдакладнення генеалогіі і біяграфіі некаторых найбольш значных адыгскіх дзеячоў у ВКЛ і Польшчы — князёў Кудадэка-Аляксандра («Олешки») Сібокавіча, Гаўрылы Камбулатавіча Пяцігорскага, Цемрука Шымковіча Пяцігорскага, Давыда Кансанкавіча (Кансаукавіча?) Пяцігорскага, Касіма Камбулатавіча Пяцігорскага і інш. Вывучэнне азначанай тэмы прадугледжвае таксама высвятленне ўсяго складу і значэння гістарычных паняццяў, якія прымяняліся ў розных відах крыніц для абазначэння адыгаў у ВКЛ у цэлым і асобных іх родаплемянных груп, у прыватнасці. Адпаведна аб'ектам такога

даследавання можа выступаць субэтнічная прыналежнасць адыгаў у ВКЛ, прадметам — этнонімы, гістарычныя паняцці, што выконвалі функцыю яе абазначэння. У дачыненні менавіта да айчынной гісторыі важнай задачай у вырашэнні пытання пахожання групы адыгскіх князёў і іх падданных у ВКЛ выступае таксама правільнае суаднясенне назваў прадстаўнікоў гэтага этнасу, згаданых у гістарычных крыніцах XVI–XVII стст., з вядомай пазней той або іншай субэтнічнай групай адыгаў. Вырашэнне азначанай праблемы ўскладнена тым, што ў крыніцах адыгі ў цэлым і іх асобныя субэтнічныя групы, у прыватнасці, фігуруюць, як правіла, пад агульнымі назвамі. Часта яны маглі быць нададзеныя іншымі народамі, г. зн. з’яўляюцца «экзаэтнізмамі». Уласныя ж іх найменні — «эндаэтнізмы» — з’ява рэдкая. Акрамя таго, у выпадку ўжывання ў дакуменце яны часта аказваюцца змененыя ў канцылярыях органаў улады суседніх дзяржаў згодна з адпаведнымі ім моўнымі асаблівасцямі свайго часу. Як ужо адзначалася, у разглядаемы перыяд да адыгаў у ВКЛ прымяняліся пераважна назвы, што мелі абгульняючы характар — «пяцігорцы», «чаркасы», «пяцігорскія чаркасы», «пяцігорскія татары». Зразумела, што пад такімі абазначэннямі тут маглі выступаць розныя субэтнічныя групы адыгаў — кабардзінцы, жанееўцы, бесленееўцы і інш. Паказальна, што па даных даследчыкаў у персідскай мове слова «чаркас» («Circassian») азначае ўвогуле любога жыхара Каўказа на поўнач ад Дзербенту [18, р. 13]. У больш позні час (XIX ст.) пад «чэркесамі» маглі разумець субэтнічныя групы заходняй кабарды, адрозніваючы іх ад «кабардзінцаў» — усходніх адыгаў⁴. У такіх умовах становіцца безперспектыўнай экстрапаляцыя значэння паняцця ў пазнейшы час на тое ж паняцце, але стагоддзем або двума раней і наадварот. Толькі ў рэдкіх выпадках крыніцы ўтрымліваюць указанне на прыналежнасць «чаркаскіх» князёў да пэўнай, вядомай у навуцы субэтнічнай групы, напр. «абеслінскія чаркасы» — бесленееўцы; «джанскія», «дужаны», «жажэнскія» («жаженьские черкасские государи»), «жжанскія», «аджанскія» чаркасы — субэтнічная група жанэ або жана, ці жанееўцы [10, с. 390, спас. 4]. Аднак, як можна заўважыць, іх форма не заўжды ў поўнай меры будзе супадаць з пазнейшымі, вядомымі ў навуцы назвамі. У большасці ж, атаясаміць названыя этнонімы з той або іншай часткай адыгаў крайне праблематычна. Напрыклад, гэта праблема датычыцца князя Гаўрылы Камбулатавіча Пяцігорскага, паходжанне якога ў актавых крыніцах ВКЛ прадстаўлялася

⁴В. А. Пато (В. А. Потто, 1836–1911), расійскі ваенны гісторык, аўтар працы «Кавказская война», адзначаў адносна дзеянняў «черкесов» на правабярэжжы р. Кубань, што яны «заставляют бледнеть все ужасы чеченских и кабардинских набегов» (выдзелена — А. Л.). Адносна дадзенага фрагмента некаторыя даследчыкі гісторыі адыгаў заўважаюць, што пад «черкесами» тут меліся на ўвазе толькі заходнія адыгі.

як «с Петригорских Черкас»⁵. Традыцыйна ў гістарыяграфіі яго адносяць да кабардзінцаў, але такая субэтнічная ідэнтыфікацыя можа аспрэчвацца, канчатковага і дастаткова абгрунтаванага адказу на дадзенае пытанне ў навуцы пакуль не існуе. Тое ж можна заўважыць і ў дачыненні да іншых адыгскіх князёў у ВКЛ. Па-сутнасці, больш-менш упэўнена пакуль можна казаць аб субэтнічнай прыналежнасці толькі аднаго з такіх адыгскіх нобіляў — Кудадэка-Аляксандра («Олешки») Сібокавіча, сына жане-еўскага князя Сібока-Васіля Кансаукавіча [12, с. 206, 233, спас. 191].

Такім чынам, першачарговае значэнне для даследавання гісторыі адыгаў у ВКЛ мае высвятленне этымалогіі, зместу і субэтнічнай складаючай найбольш пашыранай тут назвы — «пяцігорскія чаркасы», а таксама элементаў, што яе складаюць — «пяцігорцы», «чаркасы» — і іх варыянтаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). КМФ-18. Воп. 1. Спр. 37.
2. НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 281.
3. *Аствацатурян Э. Г.* Оружие народов Кавказа. Санкт-Петербург: Атлант, 2004.
4. *Базылев Л.* Польско-Турецкие дипломатические связи в XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 13–27.
5. *Ботвинник М. Н., Лурье Я. С.* Донесения агента императора Максимилиана аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 году (По материалам Венского архива) // Археографический ежегодник за 1957 г. Москва, 1958. С. 451–460.
6. *Дзамихов К. Ф.* Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – нач. 1770-х гг.). Нальчик: Эль-Фа, 2001.
7. *Ерусалимский К. Ю.* Московиты в польско-литовском государстве второй половины XVI–начала XVII в.: дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. по спец. 24.00.01. Теория и история культуры. М. 2011.
8. *Ерусалимский К. Ю.* На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб.: Нестор-История. 2018.
9. История войны и владычества русских на Кавказе. Тифлис: Литогр. в воен.-топогр. отд. Кавказ. воен. округа, 1870. Карта Кавказского края к первому тому издания. Масштаб 1:1 680 000.
10. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1: XVI–XVII вв. М.: Издательство Акад. Наук СССР, 1957.
11. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2: XVIII вв. М.: Издательство Акад. Наук СССР, 1957.
12. *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI–30-е годы XVII в. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.

⁵ «...Князя Гаврыла Камбулатовича с Петригорских Черкас (выделена — А. Л.), который на имя и славу нашу господарскую з земли неприятеля нашего <...> выехал» [2, арк. 244]. Характер выделенной формулёўкі да канца няясны. Магчыма таксама, што гэта абазначэнне з’яўлялася элементам прозвішча князя, якое пачынала фарміравацца, або — этнонімам, назвай этнаса, з якога паходзіў гэты дзеяч — «с петигорских черкас».

13. Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI века) // А. М. Некрасов. Избранные труды. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 45–140.
14. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям Кабардинцев Шора Бекмурзин Ногмовым. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1861.
15. Сокуров В. Н. Внешнеполитическое положение Кабарды в последней четверти XVII – первой четверти XVIII вв.: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук по спец. История СССР. 07.00.02. Москва, 1977.
16. Флоря Б. Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 71–86.
17. Хензель В. Проблема ясыря в польско-турецких отношениях XVI–XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 147–158.
18. Bushkovitch P. Princes Cherkasskii or Circassian Murzas: The Kabardians in the Russian boyar elite 1560–1700 // Cahiers du monde russe. n. 45, 1–2 (janvier–juin 2004). P. 9–30. DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.8677>.
19. Die Völker des Kaukasus. U. S. W. Justus Perthes, Gotha: 1848. Masstabe = 1:3 000 000 // Berghaus Physical Atlas. 8-te Abthailung: Ethnographie № 15. Georg. Kunstschule zu Potsdam.
20. Grala H. Czerkiesi i Nogajscy w służbie Rzeczypospolitej. Kilka uwag o najemnych i posiłkowych formacjach tatarskich w drugiej połowie wieku XVI // Prace naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Częstochowie. Zeszyty historyczne. 1998. Zesz. V. S. 15–35.
21. Grala H. Książęta czerkiescy w XVI-wiecznej Rzeczypospolitej // Mówią wieki. 1997. № 6. S. 25–30.
22. Lietuvos Metrika. = Lithuanian Metrica = Mietryka Litewska = Литовская Метрика: Kn. 37 (1552–1561). Užrašymų knyga 37. Vilnius: Lietuvos istorijos inst. leidykla, 2011.
23. Monumenta Poloniae Vaticana: w 8 t. T. 4: I. A. Caligarii nuntii apostolici in Polonia epistolae et acta Cracoviae: Sumptibus Academiae Litterarum Cracoviensis, 1915.
24. Żygulski Z. Broń wodzów i żołnierzy. Kraków: Kluszczyński, 2003.

СЕЛАДОНЫ В ЭКСПОЗИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: УТОЧНЕНИЕ АТРИБУЦИИ

Линь Синьмэй¹⁾, И. Г. Томашева²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, 965579526@qq.com

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, grigorinna@gmail.com

В Национальном художественном музее Республики Беларусь находится самая большая в стране коллекция китайского фарфора, требующая глубокого и детального изучения. В данной статье на основе данных из специальной литературы и сравнительного анализа аналогичных произведений из собраний китайских музеев уточняются сведения об истории, технике изготовления и функциях самых ранних предметов из коллекции НХМ РБ — селадонов к. XV — нач. XVII вв.

Ключевые слова: китайский фарфор; селадон; печь Лунцюань.

CELADONS IN THE EXPOSITION OF THE NATIONAL ART MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BELARUS: CLARIFICATION OF ATTRIBUTION

Lin Xinmei¹⁾, I. Tomashava²⁾

¹⁾Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, 965579526@qq.com

²⁾Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, grigorinna@gmail.com

The National Art Museum of the Republic of Belarus has the largest collection of Chinese porcelain in the country, which requires in-depth and detailed study. Based on the study of porcelain collections in Chinese museums and the analysis of special literature, the article provides comprehensive information about the history, functions and technique of making the earliest objects from the collection of the National Art Museum of the Republic of Belarus — celadons from the XV–XVII centuries.

Keywords: Chinese porcelain; celadon; Lunquan kiln.

Китайский фарфор славится своей многовековой историей, изысканностью форм, разнообразием техник, приемов декора и текстур, высокой художественной и коллекционной ценностью. Предметы из китайского фарфора, обладающие утонченной красотой и непреходящей элегантностью, присутствуют в собраниях крупнейших музеев большинства стран мира. В Беларуси самая большая коллекция китайской керамики, начало которой было положено в 1957 г., находится в Национальном художественном музее Республики Беларусь и насчитывает около 120 уникальных

предметов. Наиболее ценные из них выставлены в постоянной экспозиции музея и позволяют проследить некоторые аспекты технологического и исторического развития китайского фарфора XV–XX вв.

Самая ранняя по времени группа памятников в собрании музея относится к династии Мин (1368–1644). Среди них наибольший интерес представляют три селадона, выполненные в печах Лунцюаня в к. XV–нач. XVII вв. [1].

Селадон (от фр. *céladon* — «цвет морской волны») — это традиционный вид китайского фарфора с монокромной глазурью соответствующего цвета, который занимает важное место в истории китайского декоративно-прикладного искусства. История производства селадонов насчитывает более трех с половиной тысячи лет и прослеживается со времен примитивного фарфора династии Шан (ок. 1600–1046 гг. до н. э.). Монокромные изделия, покрытые зеленой глазурью (в зависимости от качества глины и толщины слоя глазури цветовая гамма может меняться в широком спектре оттенков от голубого до желтого цветов) особо ценились за их внешнее сходство с нефритом — минералом, имевшим в китайской культуре мистическое значение. Искусство изготовления селадонов постоянно совершенствовалось и достигло расцвета в эпоху Сун (X–XIII вв.). С этого времени и вплоть до конца династии Мин самые известные селадоны производились в знаменитой печи Лунцюань в провинции Чжэцзян [2]. Селадоны Лунцюаня были простыми по форме, чтобы не отвлекать внимание от изумительной по тонкости оттенков глазури. Небольшие украшения, которые порой допускались в оформлении подобных предметов, как правило, выполнялись невысоким рельефом, который помогал подчеркнуть переливы нежного цвета.

Цвет селадоновой глазури обеспечивает присутствующий в ее составе оксид железа, реагирующий в процессе производства с кремнеземом. Насыщенность и оттенки глазури варьируются в зависимости от метода и условий обжига. Чем ниже температура обжига, тем матовой и белее получается поверхность глазурированного изделия. С повышением температуры повышается прозрачность глазури, а ее цвет меняется вплоть до изумрудно-зеленого [3]. Но поскольку температура в печи распределяется неравномерно, цвет одной и той же партии фарфора на выходе из печи заметно отличается, и эта случайность делает селадон с качественной глазурью более ценным.

Датировать селадоны из коллекции НХМ РБ сложно, но по ряду технических признаков (цвет и качество черепка, особенности глазури) можно установить, что самым ранним из них является сосуд, который сотрудники музея определяют как сосуд для мытья кистей (рис. 1).

Рис. 1. Селадон Би Тянь (Би Чуань). к. XV – нач. XVI вв.

Нет никаких сомнений, что его серо-зеленая глазурь с характерными темными потеками и оставленный на донце неглазурованный красно-коричневый черепок позволяют отнести данный селадон к произведениям рубежа XV–XVI вв. Однако его форма, на наш взгляд, не соответствует форме сосуда для мытья кистей (т. е., Би Си, как такие предметы называют в Китае), а больше похожа на Би Тянь (Би Чуань) — сосуд который применялся для смешивания чернил и регулировки кончика кисти в процессе письма и рисования [4]. Объясняя предназначение Би Тянь специалисты из Дворцового музея в Пекине добавляют, что этот предмет также применялся для набора чернил на кисть. По форме Би Тянь похож на чашеобразный Би Си, но мельче и обычно не больше ладони [5]. Из письменных источников известно, что в период династии Мин такие сосуды в основном представляли собой небольшие блюда в форме листьев, сделанные из таких материалов как хрусталь, стекло, агат, слоновая кость, нефрит и фарфор [4]. Канцелярские приборы из фарфора появились еще в эпоху Северной Сун (960–1279), а ко времени династии Мин постепенно стали весьма популярны среди литераторов и ученых.

Наиболее выдающимися в художественном плане образцами фарфоровых Би Тянь являются изделия печей Дин и Лунцюань династии Сун (960–1279). Форма ранних Би Тянь определялась прежде всего требованиями функциональности, а потому была простой и аккуратной. Несмотря на небольшие размеры и сдержанный декор (в техниках резьбы или гравировки, создававшим узор исключительно в самом тесте) изделия сунских мастеров выглядели в высшей степени элегантно. На такую эстетическую концепцию первоначально ориентировались и керамисты династии Мин.

Близкая к сунским образцам ясная, симметричная форма характеризуют и предмет из собрания НХМРБ. Она воспроизводит листок лотоса, центр которого утоплен, чтобы удерживать в середине небольшое

количество жидкости. Его крутые изгибающиеся края завернуты наружу, что делает их весьма удобными для регулировки кончика кисти. Голубоватая глазурь, которой покрыт сосуд, соответствует знаменитой сунской глазури «фэньцин», отличающейся легким белым оттенком, слабым блеском и густой, молочной текстурой [3]. Чуть заметная гравировка на поверхности формы имитирует растительные прожилки и также совпадает с принципами декоративного оформления ранних фарфоровых Би Тянь.

Определяя историко-художественную ценность данного селадона из собрания НХМ РБ, стоит подчеркнуть, что Би Тянь — относительно малоизвестный среди коллекционеров и музейщиков вид китайских керамических канцелярских предметов. Фарфоровых Би Тянь династии Сун, Юань и Мин даже в самом Китае сохранилось немного (в собрании Дворцового музея в Пекине абсолютное большинство Би Тянь — это поздние памятники династии Цин, отличающиеся увеличенными размерами, прихотливой сложностью форм и роскошным декором). Кроме того, ранние Би Тянь сложнее поддаются атрибуции. Ведь если поздние Би Тянь имеют характерную, хорошо узнаваемую форму, то простая форма ранних Би Тянь позволяет легко путать эти предметы с посудой для сервировки стола. К тому же, как мы можем судить по результатам нашего исследования, в зарубежных коллекциях сосуды похожие на Би Тянь повсеместно атрибутируются как «сосуды для мытья кистей» (brush wiper; brush dish). В этом смысле, уточнение атрибуции предмета из коллекции НХМ РБ может стать поводом для пересмотра атрибуций предметов китайского фарфора в других музеях.

Лунцюанские селадоны XVI в. в коллекции НХМ РБ представляет миниатюрный флакон, покрытый серовато-голубой глазурью (рис. 2) с сюжетной сценой, выполненной в низком рельефе. Размер сосуда (не больше ладони) и его форма (округлое тулово и высокое узкое горлышко) указывает на связь данного предмета с буддийской традицией.

Фарфоровые сосуды такого рода воспроизводят атрибут бодхисаттвы Гуаньинь — нефритовую вазочку с живительным нектаром, которую богиня мудрости, милосердия и сострадания обычно держит в руке, чтобы дать всем живым существам питание учением Будды, устранить их заботы и страдания. По этой причине миниатюрные нефритовые или фарфоровые вазы, наполненные водой или цветами, участвовали как подношения в буддийских ритуалах.

Тулово таких сосудов обычно украшались резьбой или инкрустацией с благоприятными буддийскими мотивами. В XVI в. в мастерских Лунцюаня на таких селадонах нередко изображались разнообразные цветы и птицы, а также драконы. К сожалению, содержание сцены на флаконе из НХМ РБ не поддается определению: толстый слой глазури и некоторая огрубленность

Рис. 2. Селадоновый флакон. XVI в.

Рис. 3. Селадон
«хвост феникса цзунь». к. XVII в.

рисунка — приметы лунцюанских селадонов XVI в. [6] — затрудняют идентификацию сюжета.

Последний селадон в коллекции минского музея относится к группе ваз известных в Китае под названием «хвост феникса цзунь» (рис. 3).

Это особый тип фарфоровых сосудов с широким, вывернутым наружу горлышком, складчатым ободком в его основании и округлым корпусом на расширяющейся ножке. Название вазы происходит от того, что ее завершение напоминает хвост феникса. Первые вазы такой формы стали изготавливать в период Канси (1662–1722). Они использовались в основном для декора интерьеров, но иногда могли выступать в качестве жертвенных сосудов [7]. Если в древнейшие эпохи китайский жертвенный фарфор как правило имитировал ритуальные сосуды из бронзы, то с совершенствованием технологии изготовления селадонов их богатая нефритовая текстура стала цениться и в отношении жертвенных сосудов.

Вазу «хвост феникса цзунь» из НХМРБ следует датировать концом XVII в., т. е., периодом упадка производства селадонов в Лунцюане. Эту датировку подтверждает серо-зеленый цвет глазури и ее толстый слой. В экспозиции Нанкинского муниципального музея выставлено несколько образцов лунцюанских селадонов периода упадка, которые сходны с нашим произведением не только цветом и качеством глазури, но и техникой декора:

вырезанным на поверхности необожженного фарфора орнаментом в виде изогнутых стеблей, листьев и крупных лепестков, а также кракелюрной сеткой.

Мелкие трещины (кракелюры) зачастую возникают на поверхности селадоновой глазури из-за высоких температур при обжиге. В эпоху Мин лунцюанские керамисты уже умели избегать растрескивания глазури, но поскольку во времена династии Сун, на фарфоровые изделия которой они равнялись, наличие кракелюра считалось эстетически привлекательным, некоторые селадоны минской эпохи сохраняли этот эффект.

Ранее упомянутый фарфоровый Би Тянь также имеет такие трещины, но из-за тонкого слоя глазури они не отличаются разнообразием. На вазе «хвост феникса цзунь» кракелюр более выразительный и глубокий, соответствующий толщине слоя глазури. Его рисунок напоминает слоистость растрескивающегося льда, который образуется трещинами разного размера, глубины залегания и иерархической соподчиненности.

Селадоны в коллекции Национального художественного музея Республики Беларусь немногочисленны. Однако при внимательном и детальном изучении эти памятники могут не только охарактеризовать эволюцию этого типа китайского фарфора на протяжении почти двух веков, разнообразие его форм и декора, но и проиллюстрировать некоторые аспекты традиционной китайской культуры.

Библиографические ссылки

1. Выставка «Керамика и фарфор Китая» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального художественного музея Республики Беларусь. 20.09.2011. URL: <http://museum.by/node/23755> (дата обращения: 26.04.2022).
2. Чэнь Ино. Исследование изменения цвета глазури и инновационное применение селадона из печи Лунцюань. Чжэнцзянь: Чжэцзянский университет сельского хозяйства и лесоводства. 2024. 107 с.
3. Тан Чжунжэнь. Эволюция цвета глазури из селадона в печи Лунцюань // Искусство и ремесла Шанхая. 2022. С. 58–60.
4. Фэн Нин. Свежие и незамысловатые литературные предметы эпохи Мин и Цин // Восточная коллекция. 2016. С. 44–49.
5. Го Лися. Исследование фарфоровых канцелярских принадлежностей династии Сун. Нанкин: Нанкинский университет лесного хозяйства. 2019. 80 с.
6. Е Чеминг. История китайского фарфора. Саньянь: Жизнь — Чтение — Новые знания, 2011. 667 с.
7. Чжу Цзюнь. Кобальтовая глазурь Канси Хвост Феникса Цзунь. Идентификация // Юго-восточная культура. 2002. С. 35–37.

ДЫЯТАНІЧНЫЯ ЦЫМБАЛЫ ПАСТАЎШЧЫНЫ: СУЧАСНЫ СТАН І ПРАБЛЕМЫ ЗАХАВАННЯ

М. А. Міхайлец

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, m.mikhailets@gmail.com*

У артыкуле разглядаюцца сучасны стан і праблемы захавання элемента нематэрыяльнай культурнай спадчыны Беларусі «Традыцыйнае інструментальнае выкананне на дыятанічных цымбалах» на падставе інтэрв'ю з носьбітамі традыцыі. Робіцца вывад аб неабходнасці аказання неадкладнай дапамогі з боку дзяржавы і ўсіх зацікаўленых бакоў дзеля захавання дадзенага элемента.

Ключавыя словы: дыятанічныя цымбалы; нематэрыяльная культурная спадчына Беларусі; Пастаўшчына; беларускія традыцыйныя музычныя інструменты; беларуская традыцыйная музыка.

ДИАТОНИЧЕСКИЕ ЦИМБАЛЫ ПОСТАВЩИНЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ

М. А. Михайлец

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, m.mikhailets@gmail.com*

В статье рассматриваются современное состояние и проблемы сохранения элемента нематериального культурного наследия Беларуси «Традиционное инструментальное исполнение на диатонических цимбалах» на основе интервью с носителями традиции. Делается вывод о необходимости оказания немедленной помощи со стороны государства и всех заинтересованных сторон для сохранения данного элемента.

Ключевые слова: диатонические цимбалы; нематериальное культурное наследие Беларуси; Поста́вщина; белорусские традиционные музыкальные инструменты; белорусская традиционная музыка.

DIATONIC CYMBALS OF PASTAVY REGION: CURRENT STATE AND PROBLEMS OF SAFEGUARDING

Mikhail A. Mikhailets

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, m.mikhailets@gmail.com*

The article examines the current state and problems of safeguarding of the element of the intangible cultural heritage of Belarus “Traditional Instrumental Performance on Diatonic Cymbals” based on interviews with bearers of the tradition. It is concluded that immediate assistance is needed from the government and all the stakeholders to safeguard the element.

Keywords: diatonic cymbals; intangible cultural heritage of Belarus; Pastavy region; Belarusian traditional musical instruments; Belarusian traditional music.

Мэта артыкула — на падставе інтэрв’ю з носьбітамі традыцыі вызначыць сучасны стан і акрэсліць праблемы захавання ўнікальнай традыцыі Пастаўшчыны — элемента нематэрыяльнай культурнай спадчыны «Традыцыйнае інструментальнае выкананне на дыятанічных цымбалах».

Асноўнай крыніцай для напісання артыкула сталі інтэрв’ю з носьбітамі традыцыі — Аляксандрам Генадзьевічам Пачкоўскім, Валянцінам Пятровічам Жагулам, а таксама дырэктарам Цэнтра культуры і народнай творчасці Пастаўскага раёна Ксеніяй Вячаславаўнай Грэсько, якія былі ўзяты ў ліпені 2024 г. Збіраць і апрацоўваць матэрыялы дапамагалі І. Алюніна, А. Голуб, М. Доўнер, Ю. Раманенка.

Гісторыя і сучасны стан

Другая палова XX ст. адметна тым, што праявы традыцыйнай культуры, у тым ліку, музычнай, захоўваліся пераважна ў арганізаваных формах. На Пастаўшчыне з канца 1930-х – пачатку 40-х гг. існаваў адметны музычны калектыў у вёсцы Груздава, які быў адроджаны ў пасляваенны час галоўным чынам дзякуючы намаганням загадчыка мясцовага клуба Уладзіміра Крывенькі. З 1965 г. калектыў узначаліў выкладчык Віцебскага музычнага вучылішча Якаў Нікіцін, які ператварыў яго ў аркестр, ядро якога склалі 24 цымбалісты [1].

Валянцін Пятровіч так успамінае тыя часы: «Наш учитель Никитин Яков Павлович, фронтовик такой, интереснейший человек, потерял ногу во время войны под Ярцевым, под Смоленском — их там немцы придушили. Он вылечился где-то в Ташкенте, потом вернулся сюда и работал в училище. Ну и попал я в сферу его внимания. Его отправили консультантом сюда в Груздово Поставского района. Там был целый очаг музыкантов доморощенных. Они играли и свадьбы всякие, играли серийные ассамблеи, собирались музицировали. Их много было. Оркестр состоял из 50 с лишним человек. Вот этих народных музыкантов он собрал тогда. Для того, чтобы эти цимбалы чем-то сдобрить, они же достаточно примитивные, ограничены их возможности были, набрали студентов. Вот, в частности, я на четвертом курсе попал в состав этой группы, человек 10 нас было, которые усилили этот оркестр. Нас отвезли тогда на декаду. Тогда декады были приняты белорусского творчества и так далее. Масштабное мероприятие, в оперном театре, всё это такое грандиозное по тем временам. Сейчас вы уже привыкли, избалованы этими шоу, а тогда что-то такое несравнимое ни с чем было, потому что собраны были все музыканты, со всей области. 32 автобуса ЛАЗа только из Витебской области ехало туда, на этот фестиваль. <...> Ну, потом, действительно, с оркестром очень много пришлось путешествовать. Мне даже было неловко, ну, такой шумный был казалось, и примитивные партитуры все. Нас повезли в Ташкент,

тоже на декаду, это всесоюзная уже была декада. С этими цимбалами, в Москве, на эскалаторах, с Белорусского на Казанский вокзал... То есть, мы парализовали метро полностью. Внизу вот эти ящики все, свалка такая была. Ну, переехали как-то, этот оркестр отвезли туда. Я думаю: „Ну, кого везут? Куда везут?“. Оказалось, что там казахи играли своё, карпаты играли своё, эстонцы своё играли и этот оркестр им вполне показался таким грандиозным, шумным. Нас там здорово принимали. Вот такая была история. Много с ним ездили. И в Москве были, в Гродно, по Беларуси, по России. Вот этот оркестр довольно долго существовал. А потом, потихонечку старики все уходили, умирали, инструменты эти все старились. И, закончилось всё тем, что надо было делать что-то такое, даже и мне предлагали, чтоб я там чем-то занялся. Я говорю: „Ну зачем туда поеду, в Поставы, у вас в Поставах свой человек“. Соболев тогда уже вполне зрелый был человек, консерваторию закончил, и Соболев взялся за эту работу. Они создали на базе этого оркестра „Поозерье“. Там, в этом их ансамбле, есть внуки и дети вот этих дедов. Я этих дедов хорошо помню, потому что это всё на моей памяти было. Такие, колоритные были дядьки все, вот. Они нигде не учились, конечно же» (В. П. Жагула).

Пераемнікам Груздаўскага цымбальнага аркестра стаў з 1991 г. фальклорны ансамбль «Паазер'е» пад кіраўніцтвам Анатоля Анатольевіча Собаля. У яго ёсць калектыў-спадарожнік — дзіцячы фальклорны ансамбль «Пастаўскія цымбалісты». Традыцыі груздаўскіх цымбалістаў зберагае і працягвае сям'я Мацкевіч. Ванда Мацкевіч, дачка вядомага цымбаліста Івана Мацкевіча, выкладае ў Пастаўскай дзіцячай школе мастацтваў імя А. Тызенгаўза ў Поставах, дзе з 1986 г. існуе клас дыятанічных цымбалаў. Традыцыю выканання на дыятанічных цымбалах працягваюць дачка Ванды Іванаўны Вікторыя Кірплук і ўнук Гардзей Кірплук [2].

Акрамя Пастаў на сённяшні дзень традыцыя працягваецца ў Варапаева: «В нашей, школе тоже, есть маленький ансамбль, детский, фольклорный. Взрослый есть и детский. И детей учим. Там у них партии очень несложные, ещё и компонирующие функции имеет. Баяны есть, дудочка есть и всё прочее, как составляющая. Показываем ребёнку, потихонечку приходит. Вот пришла девочка ко мне, в этом году уходит выпускница. Вот пришла другая девочка, я с ней целый год учил партии на цимбалах. Со мной: я ей подыгрываю пока. В этом году водил её в оркестр, она уже в оркестре попыталась играть. Ну, а со следующего года станет рядом с другими музыкантами и потихонечку войдёт в оркестр. Хотя, у нас класса цимбалы нет, как такового в школе. Это громоздкое мероприятие, надо ж, чтобы набор можно было сделать. Поставская школа это делает, успешно, а у нас такого ресурса нет» (В. П. Жагула).

Да нядаўняга часу традыцыя выканання на дыятанічных цымбалах працягвалася таксама ў вёсцы Голбія каля Гуты, у сям’і Пачкоўскіх, але на сённяшні дзень у сувязі з пераездам маладзейшых пакаленняў у Мінск, выканальніцкая традыцыя тут затухае. Аляксандр Генадзьевіч у свой час навучыў унукаў, калі тыя былі дзецьмі, іграць на цымбалах, але працягваць займацца гэтым яны не пажадалі: «Я беру гармошку — басы, настраю, гаворю ім: „Так і так, туды, туды, сюды“. І моментальна. Тры дні, і песенка гатовая. Вы представляеце, какой парень был? Он не пошел по этому. Пошел в военную академию. <...> И никто не хочет играть, внуки...» (А. Г. Пачкоўскі).

Адметнасць

На пытанне, у чым адметнасць дыятанічных цымбалаў, Ксенія Вячаславаўна Грэсько адказала так: «У них строй идет под гармоник и под скрипку. То есть, если в обычных цимбалах, которые производственные, у них идет строй октава — гамма. У этих строй только под гармоник и под скрипку. <...> От них идет звон такой. Они звенящие» (К. В. Грэсько).

Вялянцін Пятровіч розніцу патлумачыў больш прафесійна: «Современные цимбалы все хроматические, то есть они содержат такой же набор звуков, как фортепиано, с ограничением диапазона. У фортепиано 89 звуков примерно, а у цимбал значительно меньше. <...> Главное, что там есть все звуки хроматического строя. Все инструменты играют в рамках темперированного строя: там 12 полутонов на октаву. Хроматические цимбалы содержат эти 12 полутонов. В диатонических цимбалах выброшены все лишние звуки: вот эти полутона ненужные. То есть, гамма-мажорный строй: тон-тон-полутон, 3 тона и полутона. Вот по этой схеме и настраиваются цимбалы. Сам примарный тон, то есть тот, с которого ты должен начинать, он, как правило, привязан к инструментам с неизменяемым строем — это гармошка» (В. П. Жагула).

Выкананне на дыятанічных цымбалах таксама мае свае асаблівасці: «В тех цимбалах (*храматычных* — заўвага аўтара), две палочки, обшиты кожей. Играют какие-то комбинации нот: либо это двойные ноты, либо одиночные ноты, одиночная мелодия идёт, подголоски. Если он соревнуется с концертмейстером, пианист играет партию, он что-то своё доигрывает. Вот он играет сольный кусок, но это всё так же, как и на любом другом инструменте, значит, он играет какую-то мелодическую линию или аккордовые вещи. На этих цимбалах играют другими, они называются крюки или крючки. Это напоминает карандаш или ручку. Они голые, но чуть изогнуты, звук у них естественно деревянный. Дерево обшито кожей, а тут, по металлу. Здесь есть такая особенность: левая рука ведёт мелодию, а правая

подыгрывает, подбивает — создаёт ритмическую основу. В расчёте на то, что цимбалист может даже один играть, и он создаёт уже тогда резонную мелодию, под которую можно танцевать и всё что угодно» (В. П. Жагула).

Выраб цымбалаў

Хаця афіцыйная назва элемента «Традыцыйнае інструментальнае выкананне на дыятанічных цымбалах», аднак пытанне вырабу неабходных музычных інструментаў з’яўляецца адной з галоўных праблем. У апісанні элемента пазначаны самабытны характар саміх музычных інструментаў: «Груздаўскія цымбалы — самаробныя, дыятанічныя, маюць гукарад з паніжанай VII ступенню. Корпус плоскі, дрэва светлае, акантоўка цёмна-карычневага колеру, у верхняй дэцы выразаны дзве рэзанансныя адтуліны ў форме круга з ромбамі ўнутры. Памеры інструмента вагаюцца ў межах — унізе 980–1060 мм, шырыня корпуса 360–380 мм, вышыня 65 мм. Ён адметны сваім празрыстым звонам» [3]. Славутым майстрам, які, між іншым, рабіў цымбалы для ансамбля «Груздаўскія дзяды», быў Восіп Новік (1908–1989) з вёскі Пожарцы, у якога, на вялікі жаль, не было вучняў [2].

Хаця часам можна сустрэць звесткі, што на Пастаўшчыне майстрамі, якія займаюцца вырабам цымбалаў, з’яўляюцца Аляксандр Пачкоўскі з в. Голбія, Валянцін Жагула з Варапаева і Уладзімір Мычко з Дунілавіч, аднак пры бліжэйшым разглядзе сітуацыя выглядае менш аптымістычна. Так, Уладзімір Мычко ў сілу свайго ўзросту вырабам цымбалаў ужо не займаецца. Аляксандр Генадзевіч Пачкоўскі свае цымбалы не рабіў сам, а замаўляў у мясцовага майстра Яўстафія Павініча (1927–2015). Атрымліваецца, што адзіным майстрам, здольным вырабіць дыятанічныя цымбалы, з’яўляецца Валянцін Пятровіч Жагула, які да сваіх рамесных эксперыментаў сам адносіцца даволі скептычна: «Значит, я специально этим не занимался. Чтобы вот взяться и делать цимбалы — такого у меня не было. По необходимости пришлось. У нас в школе с какого-то там, скажем, 2000 г. создан был ансамбль народной музыки и песни. Там все преподаватели наши играли, пели. И до сих пор играют, поют. Разных возрастов. <...> И под эту программу пришлось сделать инструмент. Их нельзя было купить, и сейчас же не купишь ничего. Такие инструменты никто не делает серийно. <...> По мере необходимости приходилось что-то делать. Ехал к своим друзьям, в Полоцк тот же самый, брал какие-то чертежи, фотографий даже не было таких и гаджетов, как у вас. Приходилось что-то рисовать. Ну а потом что-то дома делал. У меня мастерская там есть по деревообработке. <...> Пришлось всем заниматься по мере необходимости. И точно также эти цимбалы возникли. Потом ещё, когда на фестивале подводят итоги, говорят, что цимбалы диатонические, поскольку их очаг существует в Поставском районе, они должны развиваться. А раз

развиваться, то кто-то их делать должен, потому что они стареют. Вот вы увидите у меня в мастерской, что осталось от цимбал. Что-то под дождь попало: где-то в клубе крыша протекла и залило водой инструменты, которые могли бы ещё служить, но они развалились и утрачены были. Ко всему интерес нужен. Когда-то приезжала сюда Назина. В отделе культуры мне поручили повозить её по очагам бывшим культуры. Куда не приехали — везде погорелище уже было. Везде уже дедушка этот либо умер, либо состарился. Вот как в случае, с тем, говорили же вам, он уже не дееспособен (Уладзімір Мычко — заўвага аўтара). <...> Дека делается из ели, причём ель должна быть либо северная, либо карпатская. Наша белорусская ель, она есть, белокорка называется. Местные жители её заготавливали для лодок. <...> Белокорка — это ель, выросшая в очень плохих условиях: чем хуже, тем лучше. То есть, на болоте где-нибудь, на каменистой почве, на гравии каком-то. Почему вот карпатская ель хорошая. <...> Наша ёлка, которая растёт, она сытая, огромная, толстая будет. У неё годовые кольца — очень большие приросты. Поэтому этот слой между колеч-

Валянцін Пятровіч Жагула
з дзятанічнымі цымбаламі.
Фота І. У. Алюнінай

ками — он рыхлый. И он не даёт качественного звучания. Дальше там технологии, как делается резонансное дерево, в частности, на Борисовской фабрике работали с ним. Ствол дерева, в диаметре круг. Из него вырезается только вот эта вот часть. И потом, если речь идёт о скрипке или гитаре, то она даже, вот доска получилось из неё. Доска потом вот так вот разворачивается и склеивается, то есть, внутренними слоями сюда, а наружными — ближе к краю инструмента. Это самый прочный материал, самое прочное дерево. Заболонь называется. Таким образом формируется дека инструмента. *(Показывает верхнюю и нижнюю деку)*. Здесь дека сделана из клёна. Явар-клён его называют. Надо, чтобы ближе к корневищу. В настоящих скрипках тоже» (В. П. Жагула).

Акрамя праблем з тэхналогіяй вырабу і наяўнасцю адпаведнай драўніны ёсць і іншыя, таму сёння кожныя цымбалы з'яўляюцца вялікай каштоўнасцю: «Значит, этот инструмент — это тоже не новострой. Он

реставрирован из бывшего. Я вам даже не скажу по древности сколько ему лет. Там не было никаких исходных данных на нём. Прилично. Я думаю, что ему лет около 50 наверняка, а может и больше. Просто мне пришлось всё заменить здесь. От него осталась эта часть и вирбельбанк. Фортепианные колышки сюда не идут. Здесь другие. А из белорусов никто их не делает. 66А мне чудом из Германии покупали колышки. Не сразу, а мастер покупал, который делает настоящие цимбалы профессионально, он от них отказался. Кибень некто из Гродно. И они ему не нужны были. Я вышел на него через каких-то знакомых. Он согласился мне их прислать и прислал. Вот сейчас у меня есть набор колышков. В них какая особенность. Вирбель вообще называется по-фортепианному, немецкое слово. Там есть на нём резьба. Мелкая-мелкая наливка такая на ощупь, на которую накручивается струна. Причём вирбель забивается молотком, а существует он для того, чтобы потом нарезалась такая резьба, и он выкручивает её потом уже, его можно выкрутить. Вот мне попал сейчас инструмент самодельный такой. Где ж кузнец местный, он не мог, не было такого инструмента, чтобы навить. И они делали из этого. И тогда колышек удерживается за счёт трения элементарного. То есть, забивается туда, струна его натягивает, и он с огромным скрипом идёт, натягивается. Здесь нагрузка, если суммарно взять, то она будет очень большая» (В. П. Жагула).

Захаванне

Галоўнае ў захаванні нематэрыяльнай спадчыны — забеспячэнне працягу традыцыі і перадачы яе будучым пакаленням. Падтрымка традыцыі з боку дзяржавы сёння заключаецца ў выкладанні выканальніцкага майстэрства на цымбалах у школах — Пастаўскай дзіцячай школе мастацтваў імя А. Тызенгаўза, дзе існуе клас дыятанічных цымбалаў, і Варапаеўскай дзіцячай школе мастацтваў імя Іосіфа Сушко. На сённяшні дзень у Пастаўскім раёне налічваецца каля паўтара дзясятка цымбалістаў, большасць з якіх належыць да народнага фальклорнага ансамбля «Паазер'е» і дзіцячага інструментальнага ансамбля «Пастаўскія цымбалісты». У рэпертуар «Паазер'я» уваходзяць найгрышы груздаўскіх музыкаў: полькі, вальсы і інш. [4] У мэтах пашырэння танальнага дыяпазона кіраўніком ансамбля Анатолем Собалем у строй дыятанічных цымбалаў унесены дапаўненні [5].

Адна з галоўных праблем — наяўнасць і даступнасць саміх цымбалаў: «Цимбалы стали стоить 4000 рублей. На мой взгляд — мастеру цена 4000, может быть и нормально. Особенно если он один, должен найти всё. Собрать все инструменты, вот эти расходники, струны. Но плюс к этому, ещё и знать много чего нужно. Для того, чтобы такую вещь сделать, надо много что б чего было в мастерской. Поэтому, конечно же, всё это стало,

вот таким, едва ли не самодеятельным. Ну, за что боролись, на то и напоролись — шли к тому, что бы всё было частное, вот в чьих-то руках. Единственная беда и основная беда в том, что стало очень дорого и малодоступно для детей. <...> Они стали недоступными просто...» (В. П. Жагуло).

Самым важным мерапрыемствам, што служыць папулярызацыі культурнага багацця Пастаўшчыны ў цэлым і дыятанічных цымбалаў у прыватнасці, з'яўляецца штогадовы Міжнародны фестываль «Гучаць цымбалы і гармонік». На пытанне аб тым, ці патрэбны фестываль Аляксандр Пачкоўскі без ваганняў адказвае: «Обязательно. Это ж всё наша творчасць народная. Должно поддерживаться. Вообще, интересно». У той жа час, Аляксандр Генадзьевіч прызнае, што фестывалю апошнім часам не хапае новых арганізацыйных ідэй: «Понимаете что, „Славянскі базар“, тоже самое и „Цымбалы“ уже многим людям, понимаете... Адно, и адно. Ну, вы понимаете. Жара эта, люди, эх... Много людей, але начинается это всё...» (А. Г. Пачкоўскі).

Папулярызацыі і захаванню традыцыі, безумоўна, вельмі паспрыяла ўнясенне яе ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь, якое адбылося ў 2023 г. Гэта падзея асвятлялася на мясцовым, абласным і дзяржаўным узроўнях, паспрыяла пашырэнню інфармацыі аб элеменце і пачуццю гонару за яго. Пра цяжкасці, звязаныя з унясеннем у Дзяржаўны спіс падзялілася Ксенія Вячаславаўна: «Когда мы вот в последний раз защищали диатонические цимбалы, работа шла с таким большим скрипом. Одного эксперта они (Віцебскі метадычны цэнтр народнай творчасці — заўвага аўтара) как раз нам искали. Когда попали в эти вилки с изменением требований подачи вот этого вот инвентаря, и потребовался второй эксперт, мы тут рвали на себе волосы. Если вот тут Евгений Петрович Гладков, которому, слава Богу, 82 года, согласился быть одним экспертом, то второго мы не знали, кого найти. И вот, там нам очень помог областной методический центр, который нам нашел второго эксперта и тоже с консерватории, и которая согласилась выступить на заседании вот этой Рады па наданні статуса. Большая, неоценимая была помощь» (К. В. Грэсько).

Самым праблемным момантам з'яўляецца вытворчасць аўтэнтычных дыятанічных цымбалаў. На праблему наладжвання вытворчасці цымбалаў у свой час звярталі увагу загадчык кафедры струнных народных інструментаў Беларускай акадэміі музыкі Яўген Пятровіч Гладкоў, намеснік Міністра культуры Беларусі Тадэуш Стружэцкі і іншыя, але яна дагэтуль не вырашана. На пытанне, ці застаўся хто-небудзь з майстроў, якія вырабляюць дыятанічныя цымбалы, Валянцін Жагула адказвае: «Нет. Я так точно знаю, что в Поставском районе нет. <...> У меня у самого нету

надежды никакой на этот счёт. Я говорю, я очень рад, что вы этим занимаетесь и болтаю вам поэтому, по максимуму, что могу. Потому что, если не заниматься — похоронят, ещё немножко и всё пропадёт, полностью пропадёт» (В. П. Жагула).

Такім чынам, на сённяшні дзень дыятанічныя цымбалы як унікальны элемент нематэрыяльнай культурнай спадчыны Пастаўшчыны знаходзяцца пад пагрозай знікнення галоўным чынам з-за адсутнасці майстроў, якія займаюцца іх вырабам, нягледзячы на тое, што налічваецца каля пятнаццаці выканаўцаў на гэтым музычным інструменце. Паколькі з 2023 г. гэтая традыцыя знаходзіцца пад аховай дзяржавы і ўключана ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь, дзяржаўныя органы павінны паклапаціцца пра яе захаванне і ўстойлівае развіццё. Неабходна наладзіць вытворчасць дыятанічных цымбалаў з улікам мясцовых асаблівасцяў і надалей заахвочваць носьбітаў — як выканаўцаў, так і стваральнікаў цымбалаў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Анішкевіч А.* Груздаўскія музыкі нарадзілі фестываль [Электронны рэсурс] // Postavy.of.by. Всё или почти всё о Поставах, о чем писали в разные времена. URL: <https://postavy.of.by/gruzdauskiya-muzyiki-naradzili-festiival> (дата звароту: 30.08.2024).

2. *Анішкевіч А.* Игра на диатонических цимбалах в Поставском районе получила статус историко-культурной ценности [Электронны рэсурс] // Postavy.of.by. Всё или почти всё о Поставах, о чем писали в разные времена. URL: <https://www.postawy.by/2023/08/igra-na-diatonicheskikh-cimbalah-v-postavskom-rajone-poluchilo-status-istoriko-kulturnoj-cennosti> (дата звароту: 30.08.2024).

3. Традыцыйнае інструментальнае выкананне на дыятанічных цымбалах [Электронны рэсурс] // Банк звестак аб гісторыка-культурнай спадчыне Рэспублікі Беларусь. URL: <https://heritage.gov.by/catalog/tradytcyinae-instrumental-nae-vykananne-na-dyiatanichnykh-tymbalakh> (дата звароту: 30.08.2024).

4. *Рудак А.* Музыка, што яднае пакаленні. У чым сакрэт пастаўскіх цымбалістаў? [Электронны рэсурс] // Культура и мастацтва. URL: <https://kultura-info.by/view/919> (дата звароту: 30.08.2024).

5. Заслужаны аматарскі калектыў Рэспублікі Беларусь народны фальклорны ансамбль «Паазер'е» [Электронны рэсурс] // ГУ «Витебский областной методический центр народного творчества». URL: <https://omcnt.by/zasluzhany-amatarski-kalekty%D1%9E-respubliki-belarus-narodny-falklorny-ansambl-paazere> (дата звароту: 30.08.2024).

ЭТНОЗНАКОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПИТАНИЯ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ

Т. А. Новогродский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Novogr@bsu.by*

Автор рассматривает основные элементы традиционной культуры питания белорусов, которые выполняли не только утилитарную функцию, но и значительную символическую нагрузку. Они в меньшей степени, чем другие элементы культуры этноса были подвержены изменениям. Именно в традициях питания наиболее четко выражена национальная специфика. Они способствовали в конечном счете формированию и развитию этнического самосознания народа.

Ключевые слова: традиционная культура питания; хлеб; картофель; традиции гостеприимства; технология приготовления; застольный этикет; этническое самосознание.

ETHNIC SYMBOLIC ELEMENTS OF TRADITIONAL FOOD CULTURE AND THEIR ROLE IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE ETHNIC IDENTITY OF BELARUSIANS

T. A. Novogrodsky

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Novogr@bsu.by*

The author examines the main elements of the traditional food culture of Belarusians, which performed not only a utilitarian function, but also a significant symbolic load. They were changed less than other elements of the culture of the ethnic group. The national specificity is most clearly expressed in food traditions. They ultimately contributed to the formation and development of the ethnic self-awareness of the people.

Keywords: traditional food culture; bread; potatoes; traditions of hospitality; cooking technology; table etiquette; ethnic identity.

Среди элементов традиционной культуры питания белорусов есть те, которые выполняют значительную этническую нагрузку и являются этнознаковыми для культуры этноса. Они в большой степени характеризуются этническими особенностями и оказали влияние на формирование и развитие этнического самосознания народа. Не смотря на развитие и изменения, многие из них продолжают выступать своеобразными этническими маркерами и помогают условно определить «своих — чужих», «наших — ваших», «нас — их» и др. К таким элементам можно отнести многие составные части традиционной культуры питания (хлеб, картофель, народный этикет, традиции гостеприимства, технологию приготовления, предметы домашней утвари и др.).

Одним из таких продуктов символов у белорусов является печеный ржаной хлеб. Он выполнял роль своеобразного этнического маркера. Хлеб не только удовлетворял витальные потребности человеческого организма в пище, но и имел статус престижного продукта, совместное поедание которого свидетельствовало об успешном завершении какого-то важного дела, или о более тесном объединении людей, которые вместе участвовали в трапезе, на которой главным продуктом был именно хлеб.

На протяжении многих столетий основным продуктом питания у белорусов был ржаной хлеб. Им начинался и заканчивался завтрак, обед и ужин. Он сопровождал крестьянина в поле. С хлебом и солью встречали и провожали дорогих гостей, с ним шли в сваты, делали свадьбу, крестины. Во всех случаях хлеб служил залогом счастья и благословения. «Хлеб в доме — хозяин, на работе — друг, в дороге — товарищ», — говорили о нём белорусы.

У белорусов сформировалось определённое отношение к хлебу. С ним связан ряд народных примет и поверий. Считалось большим грехом уронить на пол крошку хлеба. Если же случайно происходило, что падал кусочек, то его подымали и целовали, перед тем, как положить в рот. Крошить хлеб также запрещалось: кто так сделает, тот никогда не будет иметь хлеба. По хлебу предсказывали судьбу членов семьи. Если буханка в печи развалится на две половины, это не к добру: в том же году умрёт хозяин или хозяйка. При выпечке хлеба на первой сделанной из теста булке делали крестик, а кушали её всегда последней. Нежелательно было начинать новую булку вечером, считалось, что в таком случае пропадёт богатство. Верили, что если обнести хлебом вокруг здания, которое горит, то огонь не будет дальше распространяться. С детства у белорусов воспитывали уважение и любовь к хлебу как к самому главному богатству. Белорусские этнографы XIX в. приводят интересные примеры бережного отношения к хлебу. Так, даже во время драки между собой мальчишки откладывали в сторону хлеб, и только выяснив отношения, брали его снова и доедали [1, с. 43].

Во все времена хлеб символизировал благополучие, хлебосољство, гостеприимство. На столе в доме должна лежать буханка хлеба, накрытая рушником, которая встречала и приветствовала гостей. С давних времён приготовление хлеба было привилегией женской половины семьи. Женщина, которая пекла хлеб, пользовалась уважением родных, соседей, односельчан. Пекли хлеб обычно раз в неделю, однако это в большей степени зависело от количества членов семьи. Нельзя было готовить хлеб по большим праздникам и в воскресенье.

В народной традиции хлеб использовался в качестве оберега: его брали с собой в дорогу, чтобы он охранял в пути; клали на место, где лежал

покойник, чтобы хлеб победил смерть. При выборе места для будущего дома по углам нижнего венца на ночь оставляли кусочки хлеба: если они до утра исчезали, место считалось ненадёжным и строительство дома перемещали на другое место. Хлебу посвящены многочисленные присказки, пословицы, песни.

Со второй половины XIX в. одним из основных продуктов питания становится картофель. Однако в первой половине XIX в. блюда из картофеля не имели широкого распространения. В этот период картофель только начинал употребляться, складывались и формировались кулинарные способы и приёмы его приготовления. Блюда из картофеля не нашли применения в празднично-обрядовой культуре. Это можно объяснить относительно поздним укоренением картофельных блюд в систему питания белорусского этноса, когда основные элементы народной празднично-обрядовой культуры белорусов были уже сформированы.

Картофель употребляли в отварном, печёном, жареном и тушеном виде. Из таркованой и клинковой картофельной массы готовят драники, галушки, бабку, клёцки, картофельные блины. Из отварного толчёного картофеля делали комы, коржи, картофельную яичницу, картофляники, гульбишники (бульбишники), маканину. Для белорусской кухни характерно множество разнообразных блюд, приготовленных из картофеля. Они придали традиционной кухне национальное отличие и своеобразие. И сегодня нельзя представить повседневное меню белоруса без использования и употребления таких картофельных блюд как драники, бабка, гульбишники, комы и др.

Сегодня белорусов называют бульбашами. Этот экзоэтноним, который прочно закрепился за белорусским этносом, безусловно, связан с одним из этнознаковых элементов традиционной культуры питания, каким является картофель (белорус. «бульба»). Картофель стал своеобразным символом белорусской национальной культуры, получил широкое распространение в системе питания белорусов. Его по праву называют вторым хлебом.

Национальная специфика в области технологии приготовления большинства традиционных блюд заключается в том, что очень часто из какого-нибудь одного очень обычного и простого продукта (ржаной муки, овса, картофеля, свиного мяса) при сложной, относительно продолжительной и обычно комбинированной (холодной и тёплой) обработке получается огромное множество вкусных блюд. Классический пример — картофель, когда из него путём использования многих операций (добавление жидкости или отцеживания, заправки жиром, сочетание с другими компонентами и т. д.) можно приготовить несколько десятков блюд. В качестве примера можно привести технологию приготовления солодухи из ржаной

муки, используя многочисленные операции (закивание, соложение, заваривание, охлаждение и т. д.), или, например, такой простой продукт, как овёс, в результате многочисленных операций превращался в овсяный кисель с высокими вкусовыми и питательными качествами и был очень полезным блюдом для человеческого организма с точки зрения современной науки о питании [2, с. 57].

Характерной особенностью белорусского народного гостеприимства были «прымус» и «прынука». Во время застолья после подачи каждого блюда хозяева должны были обязательно приглашать гостей отведать его со словами: «Попробуйте, гости дорогие. Кушайте на здоровье» и т. д. Если хозяин или хозяйка плохо заставляли («примушали») гостей есть блюда, то считалось, что застолье было не очень удачным и, придя с гостей, говорили: «Всего за столом хватало: и еды, и напитков, только прымуса не было» [3, с. 377–378]. Подчеркивая важное значение этого обычая наших предков, белорусы говорили: «Прымус і прынука — гасцінная штука». Представители других этнических общностей, побывав в гостеприимном белорусском доме, также очень высоко ценили эту особенность: «Прынука і прымус — гасцінны беларус».

Во время проведения празднично-обрядовых трапез также были предусмотрены правила поведения за столом. Так, на Деда трапеза начиналась тем, что каждый её участник, зачерпнув первую ложку пищи, выливал её на стол: для дедов [4, с. 115]. На окна дедам ставили водку и еду, а двери в дом оставляли открытыми, чтобы деды свободно могли зайти в дом на ужин. Участие в поминальной трапезе детей и подростков содействовало приобщению их к традициям и обычаям своего народа, обострялось чувство принадлежности к определённой семье, роду, желание больше узнать о своей родословной, то есть мы можем говорить о воспитательной и дидактической функции трапезы и застольного этикета.

Основной обрядовой выпечкой на свадебном столе был каравай, или свадебный пирог. Его пекли из лучших сортов пшеничной муки приглашенные женщины (каравайницы), сверху украшали спеченными из этого теста фигурками, зеленью, ягодами вишни, калины, рябины, бумажными цветами и т. д. Главное событие свадебной трапезы — раздел караваля. Делил его обычно старший сват: середину отдавал молодым, низ — музыкантам, а остальную часть разделял между всеми участниками свадьбы в зависимости от степени родства. Считалось, что каравай способствует урожайности полей, плодovitости скота, обеспечивает достаток и счастье. За полученную часть караваля каждый одаривал чем-нибудь молодых. Раздел караваля обычно совершался в конце свадьбы, хотя в некоторых местностях его делили перед застольем.

Центральным моментом родильной трапезы было разбивание горшка с бабиной кашей и раздел её между всеми присутствующими. Гости, получив каждый по кусочку, дарили подарки и высказывали пожелания ребёнку. Основная функция родильной трапезы — засвидетельствовать присоединение новорождённого к семейному и общественному коллективу, а магические действия во время трапезы были направлены на обеспечения здоровья ребёнку и его благополучия.

Таким образом, перечисленные основные структурные элементы традиционной культуры питания белорусов характеризовались богатством и разнообразием. Они выполняли значительную смысловую нагрузку, составляли ядро всей системы питания белорусского этноса и в конечном счете способствовали формированию и развитию этнической идентичности.

Библиографические ссылки

1. *Никифоровский Н. Я.* Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895.
2. *Навагродскі Т. А.* Традыцыі народнага харчавання беларусаў. Мінск, 2000.
3. Энциклопедия белорусской кухни. Минск, 2008.
4. *Навагродскі Т. А.* Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX–XX стст. Мінск, 2015.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛАРУСИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА

И. В. Олюнина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Olunina@bsu.by*

Автор анализирует актуальные проблемы и изменения в развитии событийного туризма в Беларуси. В статье охарактеризованы количественный аспект, тематическое разнообразие этнокультурных событий и их роль в популяризации этнокультурного наследия Беларуси. Отличительной особенностью данной статьи является комплексный подход к исследованию влияния этнокультурных событий на развитие регионов, а также рекомендации по оптимизации организации этнокультурных мероприятий для повышения их эффективности в контексте развития сферы туризма Республики Беларусь.

Ключевые слова: этнокультурные события; событийный туризм; культурное наследие; Беларусь; этнофест.

ETHNOCULTURAL HERITAGE OF BELARUS AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF EVENT TOURISM

I. V. Olunina

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Olunina@bsu.by*

The author analyzes current problems and changes in the development of the event tourism in Belarus. The article describes the quantitative aspect, thematic diversity of ethnocultural events and their role in popularizing the ethnocultural heritage of Belarus. A distinctive feature of this article is a comprehensive approach to the study of the influence of ethnocultural events on the development of regions, as well as recommendations for optimizing the organization of ethnocultural events to improve their effectiveness in the context of tourism development in Republic of Belarus.

Keywords: ethnocultural events; event tourism; cultural heritage; Belarus; ethnofest.

С целью развития событийного туризма Национальным агентством по туризму Республики Беларусь была создана система поиска событий [1], а также опубликованы каталоги мероприятий на 2023 и 2024 гг. [2; 3]. Этнокультурные фестивали составляют значительную часть от числа всех событий — около 40 % (48 из 128 в 2023 г. и 82 из 214 в 2024 г.). Очевидно, что этнофестивали играют важную роль в сохранении и популяризации национального культурного наследия.

Рассматривая национальные, республиканские и международные этнофестивали, следует отметить ряд особенностей. Во-первых, их количество невелико (12 в 2023 г. и 17 в 2024 г.), и практически все они проводятся опытными организаторами более 10 лет. Некоторые (как например,

Международный фестиваль этнокультурных традиций «Кліч Палесся» и гастрономический фестиваль «Мотальскія прысмакі») проводятся раз в два года. Во-вторых, перед организаторами фестиваля такого уровня ставятся, как правило, масштабные задачи. Так, например, Республиканский фестиваль национальных культур в Гродно призван гармонизировать межнациональные отношения средствами культуры, репрезентировать культурную самобытность всех этносов, проживающих на территории Беларуси, и способствовать межэтническому диалогу и взаимному обогащению культур.

Что касается тематики данной группы мероприятий, то этнофестивали могут погружать туристов в традиционную культуру Беларуси как на примерах отдельных обрядов (республиканские масленичные гуляния или купальские фэсты), элементов (международный пленэр гончаров «Гараднянскі кірмаш» и международный фестиваль клюквы в Брестской области, международный фестиваль славянской мифологии «Шлях Цмока» в Витебской области, международные фестивали народной музыки «Бараньскія музыкі» и «Звіняць цымбалы і гармонік» в Витебской области) так и всего комплекса традиционной культуры (международный праздник традиционной культуры «Браслаўскія зарніцы» в Витебской области, международный фестиваль народного творчества «Са спадчынай продкаў — у будучыню!» в Брестской области). Следует отметить, что элементы традиционной культуры представлены на таких общереспубликанских и международных акциях, как Дни письменности, Ночь музеев, «Дажынкi» и др. В рамках работы Международного фестиваля искусств «Славянский базар» в Витебске традиционная культура представлена работами ремесленников в «Городе мастеров». Им же посвящен республиканский фестиваль-ярмарка народных художественных ремесел «Вясновы букет» в Минске.

17 августа 2024 г. в агрогородке Лясковичи Петриковского района прошел VIII Международный фестиваль этнокультурных традиций «Кліч Палесся». Необходимо отметить, что в рамках работы фестиваля состоялись выступления аутентичных коллективов, были проведены областной конкурс деревянной скульптуры «Ажыўшая даўніна», выставка «Паляванне і рыбалоўства», организована работа подворий каждого полесского региона «Беларускі год — святаў карагод». Важной особенностью проведения фестиваля в 2024 г. стало увеличение количества аутентичных фольклорных коллективов, преобладание элементов белорусской традиционной культуры, что значительно увеличивает приток туристов и оказывает большое влияние на сохранение культурного наследия страны в целом.

Этнофестивалей регионального и локального уровня значительно больше по количеству (3/4 от всех проводимых этнокультурных мероприятий), и они гораздо разнообразнее по тематике. Традициям питания белорусов, региональным особенностям в приготовлении блюд посвящены около трети всех этнофестивалей («Жураўлі і журавіны Міёрскага краю», «Свята капусты», «День огурца», «Хлеб, сыр, квас и хорошее настроение», «Скокаўскія спасоўкі», «Іўеўскі памідор», и др.). Такое количество гастрономических фестивалей, по мнению белорусского исследователя Т. Новогородского, позволяет активно развивать в Беларуси этнокулинарный туризм, который предусматривает не только знакомство с кухней локального этнического сообщества, но и мастер-классы, дегустацию продуктов и блюд, знакомство с застольным этикетом и историческими сведениями о местных продуктах, обучение традициям питания у профессиональных поваров и посещение гастрономических фестивалей и ярмарок [4, с. 28].

Следующую большую группу этнофестивалей составляют праздники музыки, танцев, фольклора и народного творчества («Из века в век», «Таночак», «В гости к Цмоку», «Бай и Зюзя карагодзяць у акрузе», «Берагіня», «Фальклор без межаў» и др.), праздники юмора («Смяяцца не грэх», «Автюки», «Гумараць землякі», «Спораўскія жарты» и др.), а также обряды и обрядовые игры («Колядные цари», «Коники», «Жаніцьба Цярэшкі», «Саракі», «Стрэчанне», «Стрылка», «Юраўскі карагод» и др.) Популярны у туристов праздники традиционных ремесел («Свята лялькі», «Матчыны кросны», «Бярэзінскія лыжкары», «Слуцкія паясы» и др.) и ярмарки («Дрыбінскія таржкі», «Ганненскі кірмаш», «Смаргонскія абаранкі», «Гальшанскі кірмаш» и др.).

Необходимо отметить, что количество и тематическая направленность этнофестивалей не являются постоянными [5, с. 31]. Некоторые объекты (как, например, Парк истории «Сула») проводят по несколько мероприятий в пик сезона: в 2024 г. это были «Свята традыцыйнага беларускага адзення», «Свята роднай мовы», «Свята беларускага ручніка» и т. д. Многие фестивали отменялись или переносились в период пандемии, трансформировали свой статус, меняли количество участников или локации, проводились раз в два года. Постоянно появляются новые мероприятия, исчезают или отменяются по разным причинам существовавшие ранее фестивали). Однако общая динамика на данном этапе подтверждает растущий интерес белорусов и гостей страны к традиционной культуре и ее событийному сегменту.

На наш взгляд, организаторам подобных мероприятий не следует гнаться за новшествами, усиливающими зрелищность и приток туристов, а также стремиться избегать коммерциализации в процессе организации

события, так как это влечет за собой риск утраты традиционных элементов и их замена современными интерпретациями. Очень важно понимать смысл элемента (или обряда) традиционной культуры, чтобы должным образом организовать его репрезентацию, соблюдая уважение к местным жителям. Для этого организаторам стоит обращаться к экспертам местного научного этнографического или краеведческого сообщества.

Еще одним важным аспектом является применение новых технологий и медиаплатформ для продвижения этнокультурных мероприятий. Безусловно, это значительно расширить их аудиторию, сделать мероприятия более доступными и повысить интерес к культурному наследию. Весьма активно происходит создание и распространение контента в социальных сетях (фото, видео, сторис: анонсы мероприятий, репортажи с них, интервью с организаторами или участниками, истории из жизни носителей культуры) может привлечь внимание к этнокультурным мероприятиям. Создание виртуальных туров по этнографическим музеям или этнокультурным событиям позволяет привлечь аудиторию, которая не может посетить мероприятие лично. Однако с большой долей осторожности следует подходить к привлечению лидеров мнений или инфлюенсеров (например, если организаторы не уверены в их экспертности), а также к использованию элементов дополненной реальности для оживления экспонатов или создания интерактивных элементов в рамках мероприятий. Очевидно, что необходимыми в таких случаях могут быть аудиогиды, интерактивные карты или мобильные приложения, однако их разработка также должна проводиться с привлечением высококвалифицированных специалистов для обеспечения надлежащего качества подачи верифицированного материала, чтобы избежать искажения традиционных культурных практик и нарушения этических норм. Ключевым моментом является необходимость сбалансировать инновации с уважением к традициям и ценностям культуры, чтобы эффективно использовать преимущества, которые предлагают современные технологии. Организаторы должны уделять внимание не только технологическим аспектам, но и вовлекать местное население, определять их потребности и стремления, чтобы достичь успеха в организации этнокультурных мероприятий.

Таким образом, в процессе формирования программы этнокультурных мероприятий организаторам необходимо учитывать следующие рекомендации: этнофестиваль не должен потерять свою аутентичность, сакральный смысл и строгую обрядность; интерактивность не должна быть массовой, равно как и не следует навязывать ее туристам насильно, оставляя возможность для комфортного пассивного наблюдения. В этом смысле выигрывают локальные и региональные фестивали, рассчитанные

на небольшой объем посетителей, но при этом максимально сохраняющие традиционный символизм праздничной обрядности. Организация фестиваля на базе этнографического музея или агроусадьбы обеспечит камерность, уют, смысловую целостность и аутентичность происходящего. Каждый элемент праздника следует связывать с традиционной культурой белорусов и интерпретировать с опорой на научную экспертизу, используя дифференцированный подход. Руководитель группы (гид/экскурсовод) должен обладать необходимыми знаниями и подготовить группу к предстоящим событиям. Программа праздника не должна быть перегружена информацией, равно как и анимационными элементами, т. е. не превращаться ни в монотонную лекцию, ни в ролевую игру.

Анализ значимости этнокультурных мероприятий в развитии событийного туризма в Беларуси на современном этапе, а также исследование его влияния на сохранение культурного наследия и социально-экономическое развитие регионов показали, что подобные мероприятия способствуют интеграции общества, укрепляют социальные связи и уменьшают вероятность возникновения конфликтов, способствуя формированию толерантности и взаимного уважения.

Библиографические ссылки

1. Календарь событий. Национальное агентство по туризму [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belarustourism.by/kalendar-sobytyi> (дата обращения: 04.09.2024).
2. Календарь туристических событий на 2023 год. Национальное агентство по туризму [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belarustourism.by/news/kalendar-turisticheskikh-sobytyi-na-2023-god> (дата обращения: 04.09.2024).
3. Календарь туристических событий на 2024 год. Национальное агентство по туризму [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belarustourism.by/news/kalendar-turisticheskikh-sobytyi-na-2024-god> (дата обращения: 04.09.2024).
4. *Навагродскі Т. А.* Развіццё этнакулінарнага турызму / Наука и инновации, 2021, № 7. С. 28–33.
5. *Олюнина И. В.* Виды туристической деятельности в Республике Беларусь. Учебное пособие. Минск: БГУ, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/270982> (дата обращения: 14.08.2024).

БЕЛОРУССКАЯ ВЫТИНАНКА — ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н. С. Плющай

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, plusajnikita@gmail.com*

В центре исследования уникальный элемент культуры Беларуси — вытинанка. Описывается история ее появления, развития и упадка. Особое внимание устремлено на ее практическое использование, а также даны объективные причины активного развития и быстрого исчезновения вытинанки. В статье рассматривается положение данного культурного явления перед включением в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО на современном этапе.

Ключевые слова: вытинанка; белорусская вытинанка; нематериально-культурное наследие; бумажная вырезка; кустодии.

BELARUSIAN VYTINANKA — HISTORY AND MODERNITY

N. S. Pliushchai

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, plusajnikita@gmail.com*

At the center of the research is a unique element of the culture of Belarus — vytinanka. The history of its appearance, development and decline is described. Special attention is paid to its practical use, as well as objective reasons for the active development and rapid disappearance of the vytinanka are given. The article examines the situation of this cultural phenomenon before being included in the UNESCO list of intangible cultural heritage at the present stage.

Keywords: vytinanka; Belarusian vytinanka; intangible cultural heritage; paper clipping; handicrafts.

Вытинанка — вид народного декоративно-прикладного творчества, возникший в древнем Китае. В эпоху Княжества Литовского её прообразы попадают на белорусские земли, после чего начинается активное развитие и становление вытинанки. В сравнении с другими видами нематериально-культурного наследия Беларуси: ткачеством, вышивкой и резьбой по дереву, вытинанка имеет не такой долгий путь развития. Говорить о появлении вытинанки на землях современной Беларуси мы можем только во времена Великого Княжества Литовского.

Её разновидностью на то время стали кустодии — бумажные вырезки из тонкой бумаги, которые подкладывались к грамоте под сургучовую или восковую печать. На кустодиях вырезались магнатские гербы. В таком случае бумажная вырезка выполняла две функции: сигнализировала, кем был

принят данный документ и вторую, не менее важную, защитную — если кустодия была повреждена, то было логично, что документ вскрывался третьим лицом [4].

В конце XVIII—начале XIX вв. на белорусские земли пришел еще один вид «выразанкі» — силуэтный. В виду отсутствия фотографии и дороговизны написания портрета, многие зажиточные помещики прибегали к вырезке. Так мастера бумажного дела вырезали, а иногда и выбивали на бумаге портрет заказчика [1, с. 10].

Однако главное место у белорусской вытинанки еще впереди. Середина XIX—начало XX вв. — время расцвета и господства вытинанки на наших землях. Как ни странно, этот процесс был запущен социальными трансформациями в Российской империи — отмене крепостничества, развитии капитализма, повышении социальной мобильности в белорусской деревне.

Данные процессы быстро начали менять быт белорусского крестьянства. «Курные хаты» начали преобразовываться в «чистые», появляются светлицы, все чаще используется побелка. Вполне логично, что теперь перед крестьянами встает задача как можно лучше улучшить и украсить собственное жилище. Одним из самых дешевых и простых материалов на тот момент была бумага. Это, собственно, и сыграло ключевую роль для развития вытинанки на белорусских землях.

Простая, а главное — дешевая в использовании бумага позволяла менять «выразанкі» несколько раз в год. Как правило, это было вызвано уборкой в доме перед большими церковными праздниками — Пасхой, Рождеством, Крещением Господним.

Меньше чем за столетие, вытинанка активно входит в быт белорусского крестьянства. Из этого материала начнут изготавливаться разнообразные предметы интерьера. Примечательно, что вытинанки стали использоваться абсолютно в любом месте жилища — будь то печь, окно, стены и даже оклады икон.

Согласно воспоминаниям, Волк С. И. традиционный быт в доме выглядел следующим образом: «Абажур да лямпы, да ікон выразалі. Такая прадавался бумага і нарэсавывалі цвяты. І тады такая была машынка — ціскалі, выразалі. І гэта аставался такая рэдкая, такая харошая на окны... Бумага дешавей! А на бумаге рісуюць цвяты» [3].

Следует отметить, что роль вытинанки сводилась не только к украшению жилища. Для простого населения белорусской деревни второй половины XIX—середины XX вв. настоящей трагедией была смерть члена семьи. При чем трагедия заключалась не только в потери кровного родственника и рабочей силы, но и организации похорон — большинство

белорусских крестьян находились за чертой бедности. Одной из проблем являлась дороговизна текстиля и его как таковое отсутствие в сельской местности. Именно поэтому отличным решением данной проблемы стала дешевая бумага.

Важные сведения об использовании вытинанки в похоронной обрядности уберегла Т. Н. Петух от своей бабушки-вытинащицы: «Все, что было сделано сейчас из текстиля — все делалось из бумаги. Вот эти все окантовочки гроба, покров этот... На кладбище тоже бумажные цветы делали» [2].

Примечательно, что до нас дошло мало сведений об этом уникальном культурном феномене. Ведь раньше практически в каждом доме находились умельцы такого художественно-декоративного вида искусства. Вытинанки резали повсеместно, и это было неудивительно — мастерство вытинанки не требовало особого образования: «Яшчэ ж тады малая была, а ў мяне брат старэйшы быў, дык ён з гэтай бумагі такія харошыя выразаў да акон. І на кут, да іконы так во абвешаць ікону. Выразаў такія абажуры з бумагі. Нарысуець, а тады ножык такі быў, на даску паложыць і там выразаець і там зробіць такую — як усё раўно тканая такая, цвятная» [3].

Удивительным фактом является и то, что в белорусской деревне существовала целая профессия — профессия выцінаншчыка. Некоторые люди именно так и зарабатывали себе на жизнь: резали вытинанку, а после этого продавали её на торговых ярмарках и базарах: «Ну и [бабушка] зарабатывала на этом. Вот когда это все продавалось, она на этом зарабатывала. Она оформляла иконы в храмах, она в храме прислуживала. В нашем там, в Маньковичах» [2].

Середина 1950-х гг. стала переломным временем для вытинанки: она практически исчезает из белорусских домов. Такая тенденция была связана с тем, что к середине XX в. вытинанка просто перестала выполнять практическую функцию — функцию дешевого материала для украшения дома. Это вполне логично, ведь в отсутствии конкуренции бумага являлась единственным материалом.

К середине XX в. хотя и с трудом, но все-таки белорусские крестьяне могли достать текстильные изделия. Следует отметить, что, как и сто лет назад, вновь меняется благоустройство дома — в строительстве все чаще на смену дереву приходит камень, на стенах домов появляются обои и ковры, а надобность в украшении «бабінага кута» отпадает окончательно.

Стоит учесть и религиозный фактор. Начиная с конца 1920-х гг. в БССР был принят курс на борьбу с религией. Для развития вытинанки это стало настоящей катастрофой — красиво оформленные оклады икон подлежали массовому уничтожению. Кроме этого, в такой обстановке иметь дома красный угол и выставленные открыто иконы было опасно.

Именно поэтому иконы начинают быстро исчезать с домов белорусских крестьян, вслед за ними исчезают и красные углы, которые всегда были богато оформлены вытинанкой.

Немаловажным фактором столь резкого исчезновения вытинанки следует выделить и само отношение к ней. Многие люди осознанно избавлялись от бумажных изделий считая их «пережитками прошлого»: «Вы должны лепей жыць, чым мы. Вот мы живем цяжка, а вы павінны жыць лепей. А дзеці вашы яшчэ лепей [слова бабушки]... И поэтому вот это всё не приветствовалось. Покупались новые... но оно [вытинанка] в шкафу лежало. Никогда на стены не вешалось. На стенах всегда новые ковры государственные. Вот эти, которые надо было доставать. На полу дорожки тканые такие государственные. Ничего такого не было... ну было, но оно всё лежало» [2].

Все вышеперечисленные факторы привели к тому, что в послевоенное время вытинанка фактически исчезла, не оставив после себя никаких следов. На долгое время о ней позабыли и только в начале 1990-х гг. с обретением независимости вытинанка получила новый виток в своем развитии — настоящую эпоху Возрождения.

И действительно, на современном этапе белорусская вытинанка представляет собой не отмерший элемент культуры, а вполне реальное и быстроразвивающееся творчество. Поэтому давайте рассмотрим состояние вытинанки в практическом и теоретическом ключе.

Пожалуй, именно в практической части вытинанка преуспела как никогда. На сегодняшний день «искусству ножниц и бумаги» стало возможно обучаться в детских садах, школах, творческих кружках и центрах творчества. Многие дети с удовольствием обучаются этому виду декоративно-прикладному виду творчества, участвуя в выставках и конкурсах, тем самым еще больше популяризируя данный вид декоративно-прикладного искусства.

Отдельного внимания заслуживает и интерес самих белорусов к вытинанке. Сегодня вытинанка уже не используется для украшения жилищ и оформления икон, а носит скорее народно-эстетический характер. Все чаще вытинанка используется для оформления книг, почтовых карточек и пригласительных билетов. Благодаря ей удастся создать удивительные декорации в театре (спектакль Могилевского областного театра кукол «Піліпка і ведзьма») или необычно оформить сцену на творческих фестивалях («Славянский базар» в Витебске, 2002) [1, с. 36].

Преуспела вытинанка и в теоретическом плане. При союзе мастеров Республики Беларусь была открыта специальная секция, объединившая вытинанщиков всей страны. Именно это событие помогло освятить

вытинанку в свете культурологии и искусства. Отдельное место здесь конечно же принадлежит Евгению Сахуте с его монографией «Беларуская выцінанка» [1] и Вячеславу Дубинке — исследователям этого явления.

Сейчас у вытинанки большое будущее. Об этом говорит и желание ЮНЕСКО включить в 2024 г. белорусскую вытинанку в список нематериального культурного наследия наряду с соломоплетением и бортничеством.

Именно это событие может вывести вытинанку Беларуси на еще более высокий уровень развития. Однако, следует отметить, что самое главное все равно останется за людьми, ведь как заявила народный мастер Татьяна Николаевна Петух: «Популяризация начинается с тебя. Тебе никто не поможет, если там ничего не будешь делать. Надо самому делать тогда. Ну как бы искать возможности, предлагать. Если не предложишь, то никто и знать не будет» [2].

Библиографические ссылки

1. Беларуская выцінанка / Я. М. Сахута. Мінск: Беларусь, 2008. 230 с. : іл.
2. Интервью Петух Татьяны Николаевны, г. Поставы, 02.07.2024 г. Материал собран автором статьи.
3. Інтэрв'ю Чабатаронак (Воўк) Сарафімы Іосіфаўны, аг. Юнькі, 05.07.2024 г. Материал собран автором статьи.
4. Волшебные узоры на окнах: история и современность белорусской вытинанки (+ шаблоны для скачивания) [Электронный ресурс] // 1PROF.BY. URL: <https://1prof.by/news/stil-zhizni/volshebnye-uzory-na-oknah-istoriya-i-sovremennost-belorusskoj-vytinanki-shablony-pod-skachku/?amp> (дата обращения: 14.09.2024).

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В НАУЧНОМ ПОНИМАНИИ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ И ТРАДИЦИЯХ УВЕКОВЕЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О НАРОДЕ-ПОБЕДИТЕЛЕ

ФАШИСТСКИЙ ГЕНОЦИД НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. Б. Богданович¹⁾, Ю. В. Каркин²⁾

^{1,2)} *Университет гражданской защиты,
ул. Машиностроителей, 25, 220118, г. Минск, Беларусь, gumanitar@ucp.by*

На основе анализа репрезентативных источников, в том числе новых, дан комплексный анализ процессов геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: геноцид белорусского народа; лагеря смерти; карательные операции.

FASCIST GENOCIDE IN BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. B. Bahdanovich¹⁾, Y. V. Karkin²⁾

^{1,2)} *University of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations,
Belarus, st. Mashinostroiteley 25, 220118, Minsk, Belarus, gumanitar@ucp.by*

Based on the analysis of representative sources, including new ones, a comprehensive analysis of the processes of genocide of the Belarusian people during the Great Patriotic War is given.

Keywords: genocide Belarusian people; death camps; punitive operations.

Человечество не знает ничего подобного тому чудовищному геноциду, которому в годы Великой Отечественной войны подвергался белорусский народ со стороны фашистов. Беларусь — одна из наиболее пострадавших от немецко-фашистских захватчиков республик Советского Союза [1, с. 16].

Изучение идеологии и практических аспектов оккупационной политики имеет непреходящее общественное и научное значение. И сегодня актуальным для исследователей является осмысление того, как в XX в. в стране, славящейся своей высокоразвитой духовной культурой и гуманизмом, к власти смогла прийти национал-социалистическая партия,

пропагандирующая принципы этнического насилия и полностью игнорирующая интересы «неарийских» народов. Идеологической основой этих программных установок послужили работы А. Гитлера «Моя Борьба» и А. Розенберга «Миф XX века». Среди прочих человеконенавистнических идей, содержащихся в них, была и идея т. н. «свободного пространства (либенсraum) для немецкого народа, предполагающая проведение широко-масштабных этнических чисток на заселенных славянскими народами территориях с целью их дальнейшего освоения немецкими колонистами.

Правовая оценка произошедшему в период Второй мировой войны, была дана уже в 1948 г. с принятием 9 декабря Генеральной Ассамблеей ООН «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него», в которой впервые было нормативно оформлено понятие «геноцид».

В указанной Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- убийство членов такой группы;
- причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую [2].

Одной из первых «антологий» фашистских преступлений стали протоколы Нюрнбергского трибунала [3], богатой фактологией подтверждавшие каждый из пунктов, вошедших в определение геноцида.

На территории Беларуси была создана система концлагерей. Один из первых лагерей был создан по приказу командующего 4 армией Г. Клюге в начале июля 1941 г. вблизи Минска, в Дроздах. В него было заключено около 140 тыс. человек (пленных красноармейцев и гражданского населения). Условия «пребывания» там были невыносимы: полная антисанитария, нехватка воды и пищи.

Печально известен лагерь смерти «Тростенец», объединяющий несколько мест массового истребления людей: в урочище Благовщина, на 11-м километре Могилевского шоссе до осени 1943 г. производились массовые расстрелы; урочище Шашковка, где действовала кремационная яма-печь

для сжигания трупов и сам лагерь смерти рядом с д. Малый Тростенец в 10 км от Минска по Могилевскому шоссе. Согласно документам в лагере смерти убито не менее 546 тыс. человек, останки которых сожжены [4, с.159].

В Тростенецком лагере смерти были уничтожены не только жители Беларуси, но и заключенные из Австрии, Германии, Польши, Чехословакии. Всего же на Беларуси в годы войны действовало 560 лагерей смерти [17, с. 3]. В лагере у станции Лесной (Барановичский район) было замучено 88 407 чел., в Бронно-Горском лагере (Брестская область) — свыше 50 тыс. человек, в Лупаловском лагере (Могилевский район) — 40 тыс. человек, в Молодечненском лагере — 33 150 чел. [5, с. 291].

Насилие и нарушение прав человека было повсеместным. Это было характерно и при проведении карательных операций. Следует отметить, что главной задачей гитлеровских оккупантов в данном случае являлось физическое истребление значительной части населения Беларуси. В ходе первой крупной карательной операции «Зумпфибер» («Болотная лихорадка»), проходившей в августе–сентябре 1941 г., было уничтожено около 10 тыс. человек. Всего же в 1941–1944 гг. немецкие оккупанты осуществили в Беларуси около 140 крупных карательных операций. Многие из них были проведены силами айнзатцгруппы «Б», специального подразделения войск СС, созданного для уничтожения мирного населения, других частей СС, жандармерии, отрядов полиции и СД. В массовых экзекуциях мирных граждан участвовали и части вермахта. Например, в крупнейших по количеству привлеченных сил и средств карательных операциях «Морозящий дождь», «Ливень» и «Весенний праздник» (1944) участвовали войска 3-й танковой армии, а непосредственное руководство операциями осуществлял командующий этой армией генерал-полковник Рейнгарт.

Составной частью геноцида населения Беларуси было уничтожение евреев, которое проводилось в соответствии с людоедской и антинаучной нацистской теорией о неполноценности рас. Уничтожение происходило в несколько этапов. К середине 1942 г. было ликвидировано большинство евреев восточной части Беларуси, входящей в зону тыла армейской группы «Центр». Уже 31 июля 1942 г. генеральный комиссар Кубе докладывал рейхскомиссару «Остланда» Лозе: «В Минской области евреи полностью истреблены» [6, с. 118]. По данным сборника документов «Трагедия евреев Беларуси (1941–1944)» в течении периода оккупации на территории БССР погибло свыше 400 тыс. евреев [7, с. 23]. Было создано 155 гетто, мест сбора и массового уничтожения евреев.

Наиболее известным является Минское гетто, которое было создано 19 июля 1941 г. [8]. Его территория включала около 40 улиц в северо-западной части города. Узникам гетто запрещались контакты с другими

лицами нееврейской национальности, их обязывали носить отличительные знаки «с правой стороны спереди и на плече — жёлтую лату диаметром 10 см» [9]. В своей трагической истории узники Минского гетто пережили 5 крупных погромов (ноябрь 1941 г., с перерывом в несколько дней 2 погрома в марте 1942 г., июль 1942 г. и октябрь 1943 г.), результатами которых стало уничтожение свыше 100 тыс. человек.

Свидетельств преступлений в протоколах Нюрнбергского процесса содержится множество. Например, один из свидетелей на Нюрнбергском процессе доктор Франц Блаха перечислил лишь некоторые из экспериментов, которые ставились над военнопленными и узниками лагерей: эксперименты по установлению действия, оказываемого изменением воздушного давления, эксперименты, заключающиеся в действии холодной воды на людей, опыты с малярией (способы заражения, апробация медикаментов), опыты на внутренних органах, опыты по заболеванию флегмоной, использование человеческой кожи, эксперименты над инвалидами и психически больными и многие другие [10, с. 691–692].

Даже вне экспериментов военнопленные и узники концлагерей постоянно подвергались изощренным пыткам, унижениям. Например, директивой верховного главнокомандования германскими вооруженными силами от 20 июля 1942 г. № 3142/42 указывалось, что «...Советские военнопленные подлежат клеймению посредством особого долговременного знака», причём «клеймение не является санитарным мероприятием» [11]. Неоказание надлежащей медицинской помощи нуждающимся являлось нормой в таких условиях.

О том, в каких условиях приходилось выживать военнопленным и узникам лагерей свидетельствует, например, запись совещания в германском министерстве снабжения, имевшего место 24 ноября 1941 г., под руководством статс-секретаря Бакке и министра-диригента Морица по вопросу о снабжении советских военнопленных и гражданских рабочих, где констатируется: «Попытки изготовить для русских специальный хлеб показали, что наиболее выгодная смесь получается при 50% ржаных отрубей, 20% отжимок сахарной свёклы, 20% целлюлозной муки и 10% муки, изготовленной из соломы или листьев... Обычно не употребляемое в пищу мясо животных никогда не удовлетворит в достаточном размере потребность в мясе; поэтому русские должны снабжаться кониной и мало-пригодным к употреблению мясом...» [12].

В выдержке из указаний главнокомандующего генерал-фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на востоке» указано, что «...снабжение питанием мирных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью» [13].

Выдержка из «Совершенно секретной директивы верховного командования германскими вооружёнными силами от 16 декабря 1942 г. № 1а 1388/42 «О борьбе с бандами» (партизанами — прим. А. Б. Богданович, Ю. В. Каркин) демонстрирует высокую степень беспредела, допускаемого гитлеровцами на оккупированных территориях: «Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху. Проявление любого вида мягкости является преступлением по отношению к германскому народу и солдату на фронте, который должен испытывать на себе последствия покушения бандитов и которому непонятно, как можно щадить бандитов и их сообщников... Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд, за своё поведение в бою против бандитов и их сообщников не может быть привлечён к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке» [14, с. 469; 16].

В результате войны и оккупации Беларусь понесла огромные людские и материальные потери. Согласно уточненным данным Беларусь потеряла не менее 3 млн человек и стала одной из наиболее пострадавших республик Советского Союза. Установлено свыше 11,7 тыс. сел и деревень, полностью или частично уничтоженных фашистскими оккупантами. С целью массового истребления населения на белорусской земле фашистами было создано свыше 560 лагерей смерти [17].

На одном из памятников Хатыни высечена надпись: «Мы сгорели живыми в огне. Наша просьба ко всем: пусть же скорбь и печаль обернётся в могучую силу, чтоб смогли увековечить вы мир и покой на Земле». Эти слова обращены к нам и нашим потомкам.

Библиографические ссылки

1. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны: Минская область / сост. : А. Р. Дюков [и др.]; редкол. : А. К. Демянюк [и др.]. Минск: Беларусь, 2023. 765 с.

2. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [Электронный ресурс] // Организация объединенных наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 04.07.2024).

3. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. 1. М.: Гос.изд-во юридической литературы, 1954. 912 с.

4. Геноцид белорусского народа. Лагеря смерти = Genocide of the Belarusian people. Death camps / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общей реакцией А. И. Шведа. Минск: Беларусь, 2023. 335 с.

5. Немецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944). Пад рэд. У. Міхнюка. Мн., 1995. 386 с.

6. Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской германии на территории СССР (1941–1944 гг.). Мн.: Экономика, 1968. 352 с.
7. Трагедия евреев Беларуси (1941–1944): Сборник документов. Мн., 1994. 328 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 4. Оп. 33а. Д. 645. Л. 60.
9. НАРБ. Фонд 845. Оп. 1. Д. 94. Л. 4.
10. Из стенограммы заседания международного военного трибунала от 11 января 1946 г. Допрос свидетеля Блаха Франса // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. 1. М.: Гос.изд-во юридической литературы, 1954. 688 703 с.
11. Директива верховного главнокомандования германскими вооруженными силами от 20 июля 1942 г. № 3142/42 // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. 1. М.: Гос.изд-во юридической литературы, 1954. 444 с.
12. Запись совещания в германском министерстве снабжения, имевшего место 24 ноября 1941 г., под руководством статс-секретаря Бакке и министриаль-диригента Морица по вопросу о снабжении советских военнопленных и гражданских рабочих // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. 1. М.: Гос.изд-во юридической литературы, 1954. 446 с.
13. Выдержка из указаний главнокомандующего генерал-фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на востоке» // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. 1. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954. 444 с.
14. Выдержка из «Совершенно секретной директивы верховного командования германскими вооруженными силами от 16 декабря 1942 г. № 1а 1388/42 «О борьбе с бандами» // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. 1. М.: Гос.изд-во юридической литературы, 1954. С. 469–470 с.
15. Замечания и предложения «Восточного министерства» по генеральному плану «Ост» [Электронный ресурс] // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: http://scepsis.net/library/id_703.html (дата обращения: 04.07.2024).
16. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. 1. М.: Гос.изд-во юридической литературы, 1954. 912 с.
17. Геноцид белорусского народа. Карательные операции = Genocide of the Belarusian people. Punitive operations. В двух ч. Ч. 1 / Генеральная прокуратура Республики Беларусь; под общей редакцией А. И. Шведа. Минск: Беларусь, 2023. 311 с.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ПОЛЬШИ В МИНСКУЮ ОБЛАСТЬ В 1944–1947 гг.

Т. И. Брилева

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, tatianabrileva@mail.ru*

В статье рассматривается тема переселения белорусов из Польши в Минскую область в 1944–1947 гг. На основе архивных документов сделан краткий обзор расселения и устройства переселенцев на территории исследуемого региона Белорусской ССР, а также представлены количественные данные. Затрагивается вопрос социального обеспечения прибывшего населения из Польши и проблемные ситуации, возникшие при обустройстве их на месте прибытия.

Ключевые слова: белорусское население; переселение; Минская область; обустройство.

RESETTLEMENT OF THE BELARUSIAN POPULATION FROM POLAND TO THE MINSK REGION IN 1944–1947

T. I. Brileva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, tatianabrileva@mail.ru*

The article deals with the topic of the resettlement of Belarusians from Poland to the Minsk region in 1944–1947. On the basis of archival documents, a brief overview of the settlement and settlement of migrants in the territory of the studied region of the Belarusian SSR is made, as well as quantitative data are presented. The issue of social security of the arriving population from Poland and the problematic situations that arose when settling them at the place of arrival are touched upon.

Keywords: Belarusian population; resettlement; Minsk region; settlement.

Возвращение белорусского населения из стран Европы в первые послевоенные годы сыграло большую роль в развитии общественно-политической жизни Белорусской ССР. Переселение белорусов из Польши в Белорусскую ССР в 1944–1947 гг. не стало исключением. Данные события нашли свое отражение не только в общесоюзной истории, но и отдельных регионов Беларуси.

В отечественной историографии существует лишь одна монография, посвященная заявленной теме исследования [2]. Несколько статей белорусских историков [1] представляют лишь краткий обзор событий эвакуации белорусов из Польши в Белорусскую ССР в первые послевоенные годы. Ситуация с прибывшим из Польши белорусским населением в областях и районах Белорусской ССР продолжает оставаться мало освещенной

темой на сегодняшний день. Материал, представленный в статье, раскрывает общие вопросы переселения и устройства белорусов, прибывших из Польши в Минскую область в 1944–1947 гг. Сведения, представленные в статье, основаны на архивных документах, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь.

Для создания верного представления о переселении белорусов из Польши в Минскую область необходимо, прежде всего, обратить внимание на её административно-территориальное деление в 1944–1947 гг., отличавшееся от современного. В рассматриваемый период в состав Минской области входили: Бегомльский (в 1960 г. упразднен), Березинский¹, Борисовский, Дзержинский, Заславский (в 1959 г. упразднен), Крупский, Логойский, Минский, Плещеницкий (в 1962 г. упразднен), Пуховичский, Руденский (в 1960 г. упразднен), Смолевичский (в 1962 г. упразднен), Узденский, Холопеничский (в 1960 г. упразднен), Червенский районы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1944 г. Гресский, Копыльский, Краснослободский, Любанский, Слуцкий, Старобинский, Стародорожский районы были выделены из Минской области и переданы в состав новообразованной Бобруйской области. Согласно Указу Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 14 мая 1946 г. Минск был отнесен числу городов республиканского подчинения. Таким образом, столица Белорусской ССР выделялась из состава Минской области в отдельную административно-территориальную единицу. В представленной статье приводятся данные, не затрагивающие расселение прибывших из Польши белорусов в г. Минск.

Переселение белорусского населения из Польши в Белорусскую ССР проводилось добровольно и на основании Соглашения между правительством Белорусской ССР и Польским Комитетом Национального Освобождения (ПКНО) от 9 сентября 1944 г., подписанного в г. Люблине. Расселением и устройством прибывшего из Польши белорусского населения занимался отдел по делам репатриации при исполнительном комитете Минского областного Совета депутатов трудящихся (с февраля 1946 г. отдел по переселению и репатриации). Ответственность за проведение переселенческих мероприятий на областном уровне возлагалась на первого

¹ Березинский район образовался 17 июля 1924 г. согласно Постановлению ЦИК Белорусской ССР «Об административно-хозяйственном делении БССР» и вошел в состав Борисовского округа Белорусской ССР. С февраля 1938 г. находился в составе Могилевской области, затем с сентября 1944 г. — Минской. Указом Президиума Верховного Совета Белорусской ССР «Об укрупнении сельских районов БССР» от 25 декабря 1962 г. Березинский район был упразднен и вошел в состав Червенского района Минской области. В январе 1965 г. район вновь был восстановлен как отдельная административная единица Минского района.

заместителя Председателя исполнительного комитета, а также начальников отдела по делам репатриации. Необходимо отметить, что положение Минской области отличалось от других областей Белорусской ССР т. к. в непосредственной близости располагались центральные ведомства переселенческого аппарата — отдел по приему и трудовому устройству советских граждан при Совете Народных Комиссаров (СНК) Белорусской ССР и вышестоящее руководство — правительство Белорусской ССР.

Документальные источники Национального архива Республики Беларусь о поступлении отправленных хозяйств из Польши в Минскую область охватывают период с 11 декабря 1944 г. по 1 октября 1947 г. По имеющимся данным на 25 декабря 1944 г. в Минскую область отправлено 228 хозяйств с 578 чл. сем. [3, л. 66], 15 мая 1945 г. — 328 хоз. с 828 чл. сем. [10, л. 20]. В июне 1946 г. переехало из Польши в Минскую область 407 хоз., насчитывающих 972 чл. сем. [11, л. 74], однако уже на 1 октября 1947 г. в области зафиксировано 63 хоз. и 212 чл. сем. [9, л. 43]. Прибывшее из Польши белорусское население было расселено в Борисовском (отдельно и в г. Борисове), Дзержинском, Крупском, Минском, Руденском, Смолевичском и Червенском районах Минской области.

В соответствии с положениями Соглашения между правительством Белорусской ССР и ПКНО от 9 сентября 1944 г. полагалось на месте прибытия возместить всем переселенцам сданный ими урожай по выезду. Оказывалась материальная поддержка прибывшим из Польши в виде кредитования в банке. Продовольственный отдел Белкопсоюза снабжал их товарами первой необходимости. В частности, в январе 1947 г. переселенцам Минской области было выделено 2 т соли, 4 ящика спичек, 0,6 т керосина, 500 кусков туалетного мыла [8, л. 1]. На строительство в Минской области 100 домов для прибывшего из Польши населения Совет Министров Белорусской ССР в апреле 1946 г. постановил выделить 10 тыс. м³ леса круглого, 0,5 тыс. м² оконного стекла, 5,5 т гвоздей, 100 компл. печного литья, 100 тыс. шт. красного кирпича [6, л. 27]. Международная организация «Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций» (ЮНРРА) оказывала помощь переселенцам из Польши, которые расселились в Минской области, товарами легкой промышленности: пальто (мужские, женские, детские), пиджаки, брюки и обувь.

В 1946–1947 гг. среди переселенцев из Польши распространилась тенденция переезжать из восточных областей в западные, что привело к уменьшению численности переселенных хозяйств. Причинами переезда послужили недостаточное внимание местной администрации к прибывшим, а также не подготовленность к их принятию и обустройству.

В докладной записке Уполномоченных СНК Белорусской ССР о проверке расселения и хозяйственного устройства белорусских семейств, эвакуированных из Польши в Минскую область на 20 февраля 1946 г. говорилось: «...При проверке расселения и хозяйственного устройства эвакуированных из Польши нами охвачены Минский, Борисовский, Смолевичский и Дзержинский районы Минской области. По предварительным данным, которые мы получили в облисполкоме в этих районах расселено 118 семейств, а всего в области расселено 141 семейство... При проверке на местах нами установлено, что в этих районах проживают 48 хозяйств, а остальные выехали в Западные области БССР...» [5, л. 19].

Безусловно, основной проблемой, волновавшей переселенцев, являлся жилищный вопрос. В годы немецкой оккупации жилой фонд Минской области сильно пострадал, а отстроить новый в первые послевоенные годы ещё не успели. Необходимо отметить, что из Минской области 1944–1947 гг. практически не выбыло семей в Польшу, соответственно, оставленного жилья для взаимного расселения тоже не было. В данных условиях, прибывшие из Польши семьи оставались без жилья или были вынуждены снимать отдельные комнаты. «...В Борисовский район прибыло 43 хозяйства, осталось 15, которые до сих пор не обеспечены жилплощадью, скитаются кто как может... Как в Смолевичском, так и в Дзержинском районах местные власти не принимают должных мер к тому, чтобы создать для переселенцев нормальные условия жизни...» [5, л. 6].

Возникали и другие проблемные ситуации. Архивные документы свидетельствуют, что местная администрация не занималась устройством переселенцев из Польши. В докладной записке помощника начальника отдела по делам репатриации при СНК Белорусской ССР М. И. Спирина о состоянии работы по приему и устройству эвакуированных граждан из Польши согласно соглашению от 9 сентября 1944 г. по Минской области говорилось, что в марте 1945 г. в Борисовском районе переселенцам погасили чековые требования только на 50 %, а также ни одна семья не была наделена землей. Предоставленные жилищные условия нуждались в улучшении: «...расквартировано 2 семьи с количеством 14 человек, в абсолютно маленькой квартире, в результате царят теснота и антисанитария...». Указывалось, что некоторые семьи переселенцев были расквартированы временно. Некоторые семьи голодали: «...Переселенка Маркевич Надежда имеет 5 малолетних детей. Живет в исключительно тяжелом положении (нечем питаться). По чековому требованию ничего не получила, а имеет по нему сено и картофель. Несколько раз обращалась в местные организации, но безрезультатно...» [4, л. 41].

В Минском районе на 20 февраля 1946 г. зафиксировано 45 хозяйств, однако проверка выявила лишь 19. Указывается, что никто не обращал внимание на их устройство. Переселенец Макаров прибыл со своей семьей (8 чел.) в Минский район из г. Лодзи и был расселен, как указано в документе, в МТС Козырево. В качестве жилья ему выделили бывшее кладовое помещение, которое не отапливалось из-за отсутствия печи. Из заработной платы переселенца вычитался подоходный налог, что противоречило условиям соглашения. Гражданину Рыжинскому начислили госпоставки молока и мяса на 1946 г. [5, л. 19 об].

В Борисовском районе проживало 15 семей, а было поселено 43. Все семьи, прибывшие в данный район из Польши, проживали на частных квартирах. В этом же районе гражданин Ахремов был уволен без причины с работы в артели. Продовольствие, оставленное при выезде из Польши, не было возвращено прибывшим семьям, как это было положено.

В ходе проверки было также установлено, что в Смолевичском и Дзержинском районах переселенцы проживали в одном помещении с животными. Оставшиеся в этих районах хозяйства также изъявляли желание переехать в западные области Белорусской ССР. «...Причиной массового выезда с районов Минской обл. является то что в этих районах не предоставлялась жилплощадь, а если и предоставлялась, то очень в плохом состоянии». Среди недостатков работы переселенческого аппарата Минской области и местной администрации выделялось также отсутствие учета расселения, что проявилось в разночтении количественных показателей расселенных семей по области [5, л. 20 об]. Попустительством местной администрации стало упущение из-под внимания следующей ситуации: переселенцы брали в банках положенные им ссуды и переезжали в другую местность, не сообщив своего нового местоположения.

В архивных документах сохранились жалобы переселенцев из Польши насчет отношения местной администрации и населения к ним. Сотрудник отдела репатриации при СНК Белорусской ССР, проверяя прибывшие семьи из Польши в Заболотский сельсовет Смолевичского района, зафиксировал следующее: «...Переселенцы Лукашук Михаил, Бакун Герасим и Сухорукова Валентина показали, что есть случаи, когда местные жители обзывают нас „поляками“. Дети местных жителей бросали в нас комками снега, обзывая нас поляками. А также были возгласы: „Зачем вас сюда принесло на нашу землю“...» [4, л. 42].

Рассматривая сведения о прибывших в Минскую область переселенцев из Польши, спустя год, на 1 февраля 1947 г. можно говорить об улучшении ситуации с жилищным вопросом среди прибывшего населения [7, л. 246 б]. Из 92 проживающих семей в области, 5 семей проживали в домах,

оставленных уехавшими в Польшу, 6 хоз. получили дома в собственность за счет колхоза, 2 хоз. вселено путем уплотнения, 20 семей получили жилье из госжилфонда, 20 хоз. получили в собственность земельные участки, 21 хоз. получило приусадебные участки. Необходимо отметить, что земельные участки, прежде всего, получали хозяйства, которые имели животных. Ситуация с трудоустройством была следующая: 38 хоз. числились трудоустроенными в колхозах, 3 хоз. вели единоличное хозяйство, 44 хоз. в промышленности и 7 хоз. в прочих учреждениях. Всего было выдано кредитов на сумму 241 000 руб.

Таким образом, наравне с другими регионами Белорусской ССР, Минская область стала местом для расселения прибывшего из Польши белорусского населения в 1944–1947 гг. Несмотря на тот факт, что в продовольственном снабжении переселенцы не испытывали нужды, острым вопросом было обеспечение их жилыми помещениями. Недостаточное внимание местной администрации к решению вопросов переселенцев привело к тому, что они переезжали в западные области республики. Данный факт привел к снижению численности прибывших из Польши хозяйств в области. Тем не менее, архивные документы дают основания предполагать, что социальное положение переселенцев улучшилось.

Библиографические ссылки

1. *Белазаровіч В. А.* Рэпатрыяцыя на Гродзеншчыне ў 1944–1948 гг. // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: матэрыялы рэсп. навук. канф. 2003. Ч. 3. С. 196–201.
2. *Вялікі А. Ф.* На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944–1946). Мн. : БДПУ, 2005.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 7. Оп. 3. Д. 1902.
4. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1907.
5. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1919.
6. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1925.
7. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1930.
8. НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1935.
9. НАРБ. Ф. 787. Оп. 1. Д. 33.
10. НАРБ. Ф. 788. Оп. 1. Д. 10.
11. НАРБ. Ф. 789. Оп. 1. Д. 5.

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ПОЛЕССКОЙ ДЕРЕВНИ ОЛЬШАНЫ: АРХИВНЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС

К. И. Козак

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, kozak@ibb.by*

Мировые войны в истории полесской деревни Ольшаны нашли значимое отражение в архивных документах Беларуси, а также России и ряда зарубежных стран — Франции, Германии, Польши. Их разработка и введение новых данных в научный оборот позволяет более комплексно представить характер участия жителей деревни в патриотической борьбе против оккупантов на разных периодах исторического развития белорусской государственности.

Ключевые слова: Ольшаны; Полесье; архив; Первая мировая война; Вторая мировая война; Великая Отечественная война; депортация; концентрационный лагерь; солдат; партизан; Красная Армия.

WORLD WARS IN THE HISTORY OF THE POLESIE VILLAGE OF OLSHANY: ARCHIVAL INFORMATION RESOURCE

K. I. Kozak

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, kozak@ibb.by*

World wars in the history of the Polesie village of Olshany have found significant reflection in the archival documents of Belarus, as well as Russia and a number of foreign countries — France, Germany, Poland. Their development and introduction of new data into scientific circulation allows for a more comprehensive presentation of the nature of the participation of village residents in the patriotic struggle against the occupiers at different periods of the historical development of Belarusian statehood.

Keywords: Olshany; Polesie; archive; First World War; Second World War; Great Patriotic War; deportation; concentration camp; soldier; partisan; Red Army.

Две мировые войны прошли по территории Беларуси в XX в. Их масштабные военные сражения были отмечены значимыми как военными, так и гражданскими потерями. Такое на своем историческом с конца XIV в. пути деревня испытала наиболее остро. Документы Российского государственного военно-исторического архива (далее — РГВИА) о ходе Первой мировой войны дают представление и о региональном положении. Уже с момента вступления России в войну (1914) часть жителей деревни была призвана в ряды армии. С конца 1915 г. деревня, оставаясь в ландшафте труднодоступных полесских болот и рек Горынь и Припять, с приближением линии фронта вошла в его прифронтовую зону. Тем не менее, потоки беженцев с запада на восток, используя железнодорожные и шоссейные

пути, не затронули деревню. Военные руководящие центры и, прежде всего Ставка Верховного главнокомандующего, практически были размещены на расстоянии 250–350 км в Барановичах, Минске, Могилеве, как и штабы Двинского, Минского военных округов, Западного, а затем и Северо-Западного фронта. Известия с фронта, военные события в повседневной жизни занимали одно из центральных мест. Так, для оказания помощи солдатам русской армии православные прихожане церкви святой Параскевы объявили о сборе пожертвований к праздничным дням Пасхи. Телеграмма, подписанная генерал-лейтенантом П. К. Кондзеровским, с сердечной благодарностью к прихожанам церкви за сбор пожертвований в сумме 50 руб. была от имени начальника Штаба Верховного Главнокомандующего доставлена 16 апреля 1916 г. для вручения протоиерею церкви села Ольшаны о. Григорию Корженевскому [1].

Наряду с общими сведениями о характере и ходе войны, важные сведения об участии в них представителей села Ольшаны сохранились в фронтовых сводках и оперативных донесениях. На первом этапе их боевая деятельность отражает положение белорусских территорий. Однако, небольшая часть для оказания помощи союзным войскам и сдерживания германских войск на территории Франции, была перемещена на западный фронт. В итоге значимые сражения были зафиксированы около Сморгони, Крева, Мяделя. Есть примеры, когда для оказанию помощи союзникам жителю деревни И. М. Кирилловичу пришлось через Архангельск морским путем достичь французский г. Брест. Так, в качестве рядового 5-го особого пехотного полка он принимает участие в боях с октября 1916 г. Среди других он проявляет свой профессионализм и отвагу при атаке на деревню Оберив, Энском и в Шампани сражениях. После ранения, находясь в госпитале Фарман (Франция), он умер и был похоронен около г. Мурмелон (департамент Марна) на русском кладбище (18.02.1917) [2, р. 59].

Всего по архивным материалам РГВИА можно выявить примеры не менее 50 жителей д. Ольшаны. В большей части они вошли в состав Новотроцкого 169-го пехотного полка, участвовали в Восточно-прусской операции, Брусиловском прорыве. Некоторые в составе 540-го Сухиничского пехотного полка сражались около Крево (Новоспасский лес). Документы Международного Красного Креста дают представление еще о не менее 9 жителях попавших в плен и депортированных в лагеря Лангензальц, Зальцведель, Кведлинбург, Мерзебург, Гарделеген, Бютов, Эрфурт, Мюнстер. Еще семь значатся как пропавшие без вести или же оставленные на поле боя. Их судьба так и осталась не раскрытой.

На завершающем этапе войны положение деревни изменилось с наступлением немецких войск с февраля по ноябрь 1918 г. и приближения

линии фронта к деревне. Так немецкое местное управление было установлено практически рядом — в Давид-Городке. После их ухода на польской территории активизировались национальные группы и объединения Украинской и Белорусской народных республик. Скорое установлением советской власти рабочих и крестьян было поддержано и солдаты русской армии из Ольшан. Так, жители деревни обрели свой государственный статус в составе Белорусской Советской Социалистической Республики. Тем не менее, военные времена продолжались с 1919 г. по 1921 г. После заключенного в ходе советско-польской войны Рижского договора в 1921 г. деревня оказалась на польской стороне (Восточные кресы) — границы с БССР. Только освободительный поход Красной Армии в ходе начавшейся Второй мировой войны (17.09.1939) позволил состояться белорусскому единству в составе БССР. Ольшаны стали центром сельского совета Давид-Городокского района Пинской области [5, 6].

Особые испытания жителям деревни пришлось испытать в наиболее трагический период Второй мировой — Великой Отечественной войн. Этот период наиболее полно отражен в документах российских, белорусских и немецких архивов. В частности, Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО) на сайте «Память Народа» содержит сведения о лицах, принимавших участие во Второй мировой войне (1939–1945) в разделах: участники войны; боевые операции; воинские захоронения; воинские части; документы частей. Еще один обобщенный банк данных «Мемориал» содержит почти 17 млн цифровых копий документов о безвозвратных потерях и 20 млн именных записей о потерях Красной Армии в Великой Отечественной войне. Это данные о первичных местах захоронений, более 5 млн солдат и офицеров [7, 8]. В Национальном архиве Республике Беларусь (НАРБ) содержится краткая информация об германском оккупационном режиме и его административной структуре, деятельности белорусских и украинских партизанских формирований на территории Беларуси. Уточняющие материалы о деятельности военных формирований вермахта, СС, полиции имеются в Бундесархиве (Федеральный архив Германии: Берлин, Фрайбург). Некоторые уточняющие данные местного характера сохраняются в Государственном архиве Брестской области (ГАБО) и Зональном государственном архиве в г. Пинске (ЗГА в Пинске) [9, 10].

Нападение Германии на СССР в 1941 г., быстрое продвижение ее военных формирований в составе группы армий «Центр» в силу быстротечности не позволили местным органам власти провести мобилизацию населения в Красную Армию. При этом ранее призванные польскими властями жители деревни состояли в польской армии до ее полной

капитуляции (09.1941). Таким образом, продвижение с 22 июня 1941 г. по советской территории о передовой группы Г. фон Паннвица 45-й пехотной дивизии вермахта зафиксировано в документальных материалах боями 6–7 июля 1941 г. за д. Ольшаны. Только после активного сопротивления солдат Красной Армии деревня 8 июля будет захвачена, а 9 июля зачищена от возможных противников [7, 8]. Данное обстоятельство будет отмечено в приказе Президиума Верховного Совета СССР от 6 августа 1941 г., когда 9 участников данного сражения получили заслуженные награды — медали «За боевые заслуги» за доблесть и мужество, проявленное в партизанской борьбе против германского фашизма [11].

В новой оккупационной системе территория деревни с сентября 1941 г. в административном отношении войдет в состав рейхскомиссариата Украина генерального округа «Волынь-Подолія». Таким образом, находясь на границе генеральных округов «Волынь-Подолія»–«Житомир», тыла группы армий «Центр» новый порядок будут обеспечивать полицейский участок (10–15 чел.), а на завершающем этапе — гарнизон (около 500 солдат и полицейских, 04.1944 г.). Они и станут организаторами акций убийства активистов советской власти. Более масштабные карательные действия будут осуществлены на территории белорусского Полесья, включая Ольшаны, силами 1-й кавалерийской бригады СС (группенфюрер Герман Фогеляйн) во время операции «Припятские болота» (Pripiatsee, 08.1941 г.). С их участием в урочище Хиновск завершилось массовое убийство 43 евреев (08.1941–09.1942). В последующем силы армейской группы (Корюк 580), германских и венгерских формирований вермахта (VIII венгерский королевский корпус, 2-й, 23-й легких, 46-й венгерской дивизии; 2-й армии из группы армий «Центр» — 7-я пехотная дивизия, группы «Ханле» и «Агрикола» в составе кавалерийского полка «Центр» и 6 батальонов пехоты (1944) продолжая карательную деятельность не менее 298 жителей депортируют на принудительные работы в Германию [12, 13].

Противостоянием нацистскому порядку уже с первых дней оккупации станет партизанская борьба на территории Давид-Городокского района. Это будут группы и отряды партийно-советского актива в лесной зоне между Столином–Давид-Городком и Туровом. Соседние украинские партизанские формирования во главе с С. А. Ковпаком и А. Н. Сабуровым с 1943 г. проводили по территории Полесья свои активные рейды. Им совместно с местными партизанскими отрядами удалось ликвидировать гарнизоны в Ольшанах (31.12.1942), Турове (10.1943), Давид-Городке (1.01; 25.07; 14.10; 7.11.1943). Отметим, что связной партизанской бригады «Советская

Белоруссия» Пинского партизанского соединения Я. К. Пивоваревич отличился при спасении важных партизанских документов, избавив от сожжения оккупантами д. Олышаны [15, с. 221, 228, 231, 239, 244, 260, 263].

Через три года оккупации 9 июля 1944 г. Красная Армия освободила д. Олышаны. В ходе проведенной мобилизации местные жители стали участниками фронтовых событий. В сохранившихся списках, наградных листах, картотеках по учету раненных и убитых можно проследить истории не менее 388 стали солдатами Красной Армии. Выполняя свой воинский долг в ходе сражений 33 из них погибли (в возрасте до 20 лет — 3 чел., от 20 до 25 лет — 8 чел., до 30 — 7 чел., до 35 — 8 чел., до 40 — 4 чел., до 45 — 2 чел., до 50 — 1 чел. Всего до 35 лет — 76 %). Местами гибели стали: Польша — 13, Венгрия — 8, Латвия — 4, Австрия — 2, Германия — 2, Пруссия — 2, Финляндия — 1. Одно из захоронений находится на кладбище в Брестской крепости (П. И. Скороход, 1899, рядовой, 55 зсп, 10.01.1945, могила № 16). Сохранились и данные об извещения о смерти: с 1943 г. — 1 чел., 1944 г. — 14 чел. и в 1945 г. — 18 чел. Отдельную группу потерь, как пропавшие без вести, составили 59 человек. Информация о них поступила к родным в 1941 г. — 1 чел, 1943 г. — 1, 1944 г. — 43, 1945 г. — 14 чел. Наградные листы раскрывают героический характер борьбы. За мужество и бесстрашие жители деревни получили 397 боевых наград. В частности, орденом Славы награждено 12 чел., Красной звезды — 13, Великой Отечественной войны 1-й и 2-й степени — 173. Награждены медалью 153 чел., в том числе «За взятие Берлина» — 16, Варшавы — 11, Будапешта — 10, Кенигсберга — 4, Вены — 2; «За победу над Германией» — 45, Японией — 4; «За отвагу» — 45, «За боевые заслуги» — 30. Имеется одна награда Польской Республики. Отметим, что содержательный формат таких документов не только биографический, но и информационный. Например, в отношении одного из таких представителей значится: Гриб Иван Петрович (1921 г.р.), красноармеец 608-го стрелкового полка 146-й стрелковой дивизии с сентября 1944 г. Награжден орденами «Славы III степени», «Отечественной войны II степени»; медалью «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Представленные там истории подвигов раскрывают смелость и решительность наводчика станкового пулемета в период наступательных боев [16, 17, 18].

Таким образом, на основе документов ЦАМО, территориальных архивов в Бресте и Пинске в истории полесской деревни Олышаны можно отметить следующее. Если в 1941 г. проживало 2950 человек, то на 1945 г. приходится 2350 или на 600 меньше. Из них, военные потери на фронтах

составили — 33, пропавшие без вести — 59, убито 25 мирных жителей и 43 еврея. Значимая часть взрослого населения — 298 человек были депортированы в 1942–1944 гг. на принудительные работы в страны Третьего рейха. Материальные потери отражают 434 сожженных строений [138 домов, из которых не восстановлено 8, 148 хозяйственных построек (баров), 148 клуней]. Также военная трагедия отразилась на рождаемости в деревне — с 44 ребенка в 1941 г. до 31 в 1945 г. или на треть [19, 20, 21].

Библиографические ссылки

1. Кондзеровский П. К. В Ставке Верховного. 1914–1917: Воспоминания Дежурного Генерала при Верховном Главнокомандующем / Пётр Константинович Кондзеровский. Париж: Военно-Историческая библиотека № 11 «Военная быль», 1967. 129 с.
2. Adam R. Histoire des soldats russes en France. 1915–1920. Les damnés de la guerre, Paris, L'Harmattan. 1996. 383 p.
3. Абенсур Ж. Русский экспедиционный корпус во Франции во время Первой мировой войны // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2014. № 3. С. 74–78.
4. Историческая справка. Русский экспедиционный корпус во Франции (1916–1918) // Рязанская Книга Памяти Великой войны 1914–1918 годов». Том I. С. 887–889.
5. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2771, 2783, 2832, 16196. Оп. 1.
6. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ящик 120-А, 477-Б, 842-Г, 843-Г, 1967-Л, 2653-П, 3131-С, 3811-Ч, 4748-Л.
7. «Память народа 1941–1945» [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 16.09.2024).
8. «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <https://obd-memorial.ru/html/about.htm> (дата обращения: 16.09.2024).
9. Государственный архив Брестской области. Путеводитель по фондам 1939–2014. Брест: Альтернатива, 2015. 352 с.
10. Зональный государственный архив в г. Пинске: путеводитель, 1939–1941; 1944–2007. Пинск: Пинская региональная типография, 2012. 355 с.
11. Федеральный военный архив Германии. RH 26-45/28.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1440. Оп. 1. ЕХ. 846. Л. 462–466.
13. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. ЕХ. 1017. Л. 70–82.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7523. Оп. 4. ЕХ. 54.
15. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Столінскага раёна. Мінск: БЕЛТА, 2003. 640 с.
16. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф. 33. Оп. 687572. ЕХ. 998, 1326, 1548, 2103.
17. ЦА МО РФ. Ф. 58. Оп. 977520. ЕХ. 216, 991.
18. ЦА МО РФ. Ф. 8392. Оп. 91349. ЕХ. 3, 8.
19. НАРБ. Ф. 1569. Оп. 1. ЕХ. 169, 171.
20. Зональный государственный архив в г. Пинске. Ф. 710. Оп. 1. ЕХ. 19. Л. 1–53, 59.
21. Мірныя жыхары яўрэйскай нацыянальнасці, якія пражывалі на сучаснай тэрыторыі Альшанскага сельсавета і былі загублены нямецка-фашысцкімі захопнікамі // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Столінскага раёна. Мінск: БЕЛТА, 2003. С. 303–304.

ВОЙНА В РЕЛИГИОЗНОЙ КОНЦЕПЦИИ, СОЦИАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН И БАПТИСТОВ БЕЛАРУСИ (1941–1945)

Т. В. Лисовская

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, Lisouskaya@bsu.by*

В статье раскрывается вопрос позиции евангельско-баптистских верующих в период Великой Отечественной войны в контексте религиозной концепции пацифизма и ненасилия. Автором показано, что официальная позиция руководства евангельско-баптистского сообщества с начала войны базировалась на патриотической концепции борьбы с агрессором всеми доступными способами. Отмечено, что основной формой сопротивления для большинства верующих в оккупации стали методы ненасильственного сопротивления — антифашистская агитация, сотрудничество с партизанами, помощь беженцам и еврейскому населению.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; евангельские христиане; баптизм; поздний протестантизм.

WAR IN THE RELIGIOUS CONCEPT, SOCIAL POSITION AND ACTIVITIES OF EVANGELICAL CHRISTIANS AND BAPTISTS IN BELARUS (1941–1945)

T. V. Lisouskaya

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, Lisouskaya@bsu.by*

The article reveals the position of Evangelical Baptist believers during the Great Patriotic War in the context of the religious concept of pacifism and non-violence. The author shows that the official position of the leadership of the Evangelical Baptist community from the beginning of the war was based on the patriotic concept of fighting the aggressor by all available means. It is noted that the main form of resistance for most believers during the occupation were methods of non-violent resistance — anti-fascist agitation, cooperation with partisans, assistance to refugees and the Jewish population.

Keywords: Great Patriotic War; Evangelical Christians; Baptism; Late Protestantism.

Великая Отечественная война внесла кардинальные изменения в жизнь и деятельность религиозных общин Беларуси, актуализировала вопрос соотношения религиозной концепции верующих с реалиями войны и оккупации. Пацифизм евангельско-баптистских движений основывался на ключевых положениях вероучения и авторитете Библии как единого руководства в делах веры, в общественной и семейной жизни. Соответственно, обязательным для них было исполнение заповедей Божьих, в том числе

заповеди «не убий». Четкое соблюдение этого требования практически исключало возможность выполнения евангельскими христианами и баптистами воинского долга с оружием в руках в мирное время.

Вопрос службы в армии с оружием в руках евангельских христиан и баптистов обсуждался еще в 20-е гг. С учетом позиции непротивления и неприменения оружия в религиозной доктрине евангельских христиан и баптистов Декретом СНК РСФСР «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» от 4 января 1919 г. [1; 2] была предоставлена возможность освобождения верующих позднепротестантских общин от воинской повинности в полном объеме или в обмен на общественные работы. Однако уже во второй половине 20-х гг. верующие вынуждены были пойти на уступки советской власти и закрепить необходимость службы в армии как гражданскую обязанность верующих. В 1926 г. X Всесоюзный съезд евангельских христиан и XXVI Всесоюзный съезд баптистов вынесли резолюции о допустимости для верующих граждан службы с оружием в руках. Несомненно, это было сознательное вынужденное отступление от религиозной доктрины в условиях давления советского государства. Понимая это, было принято решение о приоритете личного выбора каждого человека по этому вопросу. Пацифизм верующих базировался на глубокой нравственно-нравственной основе и нарушение ими закона носило вынужденный характер. Только в случае необходимости выбора между Законом Божиим и гражданским законом, они предпочитали первый, сознательно навлекая на себя репрессии со стороны государственных органов власти. Аналогичные решения были приняты и евангельскими христианами в Западной Беларуси в 1926–1927 г. [3, с. 72–73].

Разрушения, вызванные Великой Отечественной войной, оккупация родных территорий и установление немецкой власти и применение ею методов геноцида привели к переосмыслению концепции пацифизма и отказа от применения оружия. При сохранении общего концепта «не убий» в позиции евангельско-баптистских церквей БССР и СССР, в период Великой Отечественной войны на первый план выходит вопрос сопротивления агрессору.

Временный совет евангельских христиан и баптистов, образованный в 1942 г. в годы войны занял патриотическую позицию. В мае 1942 г. Совет разослал письмо-воззвание ко всем верующим: «В наши дни Европа содрогается под колесами военной машины гитлеровской Германии... Дорогому для всех христиан имени Христа Германия хочет противопоставить имя кровавого фюрера... Пусть каждый брат и сестра исполняет

свой долг перед Богом и перед Родиной в суровые дни, которые мы переживаем. Будем мы, верующие, лучшими воинами на фронте и лучшими работниками в тылу! Любимая Родина должна остаться свободной» [4].

Также в 1942 г. Всесоюзный совет евангельских христиан и баптистов обратился к верующим, находящимся на оккупированной советской территории, с сообщением о сражениях Красной армии, с призывом поддерживать партизанское движение: «Братья и сестры! Любите горячо свою родину! Будьте решительными антифашистами! Поддерживайте партизанское движение в ваших местностях» [5]. Члены Московской и Ульяновской общин евангельских христиан в 1942 г. выступили с Обращением к женщинам — членам общин евангельских христиан и баптистов в СССР с призывом трудиться на благо Родины: «С радостью подвизайтесь на трудовом фронте — на полях по уборке урожая, на лесо- и торфоразработках, на всяком деле, которое вам поручили или поручат! Это тоже необходимое служение Родине! Чините белье и одежду красноармейцев! Жертвуйте теплые вещи для них! И все это делайте с радостью, во имя Христа» [6].

Позиция по «военному вопросу» окончательно разъяснялась и обосновывалась с точки зрения религиозной концепции в 1944 г. в Письме-обращении Всесоюзного Совета евангельских христиан и баптистов всем общинам евангельских христиан и баптистов в местностях, освобождённых от немецкой оккупации, где указывалась необходимость участия верующих в противостоянии врагу и недопустимость отказа от службы в Красной армии по религиозным основаниям [7, л. 46–51]. Разъяснялось, что во множестве мест Библии сказано, что употребление меча не только не является грехом в очах Божиих, но даже является выполнением божественной воли: все великие проповедники Ветхого Завета (Иисус Навин, судьи Самуил, Давид) и многие другие имели меч и пускали его в ход, не считая, что они этим нарушают заповедь «не убий», а, наоборот, используют на свой меч, как «меч Божий». В обращении отмечалось, что в текстах Евангелий заповедь «не убий» и слова Христа о вложении меча в ножны относятся исключительно к личным врагам, а отнюдь не к врагам обществ или государства. А поэтому выполнение обязанностей перед ними, в том числе и с оружием в руках, не есть нарушение Слова Божия [8, с. 294–296].

На объединительном совещании евангельских христиан и баптистов 26–29 октября 1944 г. в Москве была принята Резолюция по военному вопросу, в которой отмечался «патриотизм русских евангельских христиан и баптистов, в большом количестве служащих в героической Красной Армии и с оружием в руках сражающихся за свою любимую Родину, совершив также немало доблестных подвигов, за что многие были награждены орденами и медалями» и подтверждалась верность евангельских христиан и баптистов

взглядам, изложенным в резолюциях съездов 1926 г. по военному вопросу и патриотических посланиях ВСЕХиБ в дни Великой Отечественной войны и стремление к тому, чтобы эти взгляды делались достоянием всех, без исключения, евангельских христиан и баптистов» [9, л. 4].

Принципы демократического построения религиозной жизни позднепротестантских движений обуславливали рекомендательный характер принятых обращений и Резолюций. Каждый верующий был вправе самостоятельно «по убеждениям совести» определять свое отношение к вопросам организации религиозной жизни. Часть верующих, соблюдая христианскую заповедь «не убий», все же остались на позиции отказа от участия в военных действиях. В Белорусском военном округе в 1944 г. среди мобилизованных насчитывалось более 230 человек евангелистов и баптистов. Часть из них (преимущественно из Западной Украины), по прибытии в части, отказались брать оружие, мотивируя это своими религиозными убеждениями [10, л. 15]. Однако следует отметить, что отказ верующих евангельских христиан и баптистов от использования оружия в военное время не приобрел массового характера. Значительная часть верующих, мобилизованных в начале войны войны, а также белорусские верующие, мобилизованные после освобождения Беларуси в 1944 г., приняли участие в военных действиях. Так, в самом начале войны в 1941 г. в армию был призван и служил до окружения части немцами член общины ЕХБ д. Старый Фольварок Л. Боровой [11, л. 11]. В 1944 г. были мобилизованы члены общины АСД д. Новый двор Логишинского района А. Гузаревич, А. Шарук [12, л. 8], пресвитер общины ЕХБ д. Жадин А. Жигар [13, л. 179]. Член общины ЕХБ д. Островец В. Ермаш и рукоположенный в 1943 г. пресвитер общины ЕХБ д. Белев Житковичского района И. Жоголь в 1944 г. были мобилизованы в армию и служили до окончания войны [14, л. 92, 99]. Пресвитер общины ЕХБ д. Николаевщина Столбцовского района В. Мицкевич прошел войну в рядах Красной армии и был награжден Орденом Славы и 4 медалями [15, л. 32]. Показателен пример Героя Советского Союза летчика Ивана Шаталина, члена церкви евангельских христиан, который с 1943 г. воевал на самолетах штурмовой авиации. За освобождение Минска И. Шаталин получил орден Красного Знамени, позже он получил и другие награды, в том числе, Орден Александра Невского, а в 1945 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Несомненно, одним из основных форм сопротивления агрессору и помощи Красной армии верующих стала активная социальная и медицинская помощь в тылу. Члены евангельских общин организовывали пошив и ремонт белья, сбор одежды и других вещей для армии и для семей погибших солдат, оказывали уход за ранеными и больными в госпиталях,

обслуживали сирот в детских домах. На собранные в общинах евангельских христиан и баптистов деньги был построен санитарный самолет «Милосердный самаритянин» для перевозки в тыл тяжелораненых солдат. Всесоюзный Совет евангельских христиан и баптистов 6 февраля 1944 г. поддержал инициативу Всемирного Союза баптистов о проведении всеобщего дня молитвы «О победе над общим врагом — немецкими фашистами». На данном собрании Генеральный секретарь Всесоюзного Совета евангельских христиан и баптистов — А. В. Карев и вице-председатель Совета — М. И. Голяев отмечали бедствия людей, переживших германскую оккупацию, и очутившихся без крова, благодаря тому, что безжалостная рука врага сожгла и уничтожила их жилища, их имущество, их домашние очаги. На собрании был проведен сбор средств для восстановления разрушенных жилищ на освобожденных территориях и было собрано 26 000 р. [16, л. 9–12].

В свою очередь перед белорусскими верующими евангельско-баптистских общин в условиях оккупационного режима острой стала проблема морального выбора: продолжение религиозной деятельности на условиях оккупационных властей, пацифизм или активное сопротивление оккупантам.

Министерство восточных территорий Рейха, уделяя первостепенное внимание политике разрушения православных церквей на Украине и Беларуси, стремилось использовать «сектантское движение». В одном из докладов Карл Розенфельдер заявлял: «необходимо не препятствовать, вероятно, сильно расцветающему сектантству, которое подпитывается старыми русскими сектами и долгой децентрализацией» [17, с. 293]. В связи с этим, оккупационные власти предоставили возможность восстановления разрушенной религиозной жизни: проходила регистрация общин, была разрешена деятельность, которая не угрожала общественному порядку или безопасности, пресвитеры и миссионеры получили разрешение вести религиозную и миссионерскую деятельность. Религиозная концепция позднего протестантизма содержит положение о необходимости постоянного служения Господу, вне зависимости от условий, в которых находятся верующие, и большинство верующих выбрали путь сохранения возможности реализовывать свои религиозные потребности и служить Богу в условиях оккупации.

Так, с 1941–1942 гг. в Минской области начали функционировать 7 молитвенных домов евангельских христиан и баптистов. В 1941 г. появились 3 общины евангельских христиан и баптистов в Бегомльском районе. В Могилёвской области 10% всех общин этого религиозного направления, которые действовали в послевоенные годы, возникли именно в 1942 г. [18, л. 107]. Уже осенью 1941 г. с разрешения немецких властей начала

действовать община в Витебске. Продолжала расти община евангельских христиан и баптистов в Орше: если в 1920–1929 гг. водное крещение тут приняли 18 человек, в 1930–1940 гг. — 13, то в 1941–1944 гг. — 10 человек. К концу войны общину посещало до 250 человек [19, с. 33]. Молитвенный дом ЕХБ д. Стайки Косовского повета немецкими властями был передан общине и действовал до 1946 г. [20, л. 131], в Пружанах — переданный в 1940 г. под ОСВОАХИМ молитвенный дом ЕХиБ возвращен общине и действовал до 1945 г. [21, л. 3]. Молитвенный дом ЕХБ д. Глубокое Полоцкой области был сожжен немцами [22, л. 65].

При этом, «Распоряжение о равных условиях религиозным организациям» от 19 июня 1942 г. ставило общины в полную зависимость от генерального комиссара, а пресвитеры и служители утверждались местными органами власти, получали официальные удостоверения служителей [23, с. 102]. Осуществление легальной религиозной деятельности на условиях немецких оккупационных властей в послевоенный период зачастую трактовалась как сотрудничество с оккупантами. Так, А. Кецко, пресвитер общины баптистов г. Минска в 1945 г. был осужден на 10 лет лагерей за религиозную деятельность во время оккупации [24, л. 409]. Пресвитер общины ЕХБ д. Рольево Кокареко в 1946 г. был арестован в связи с подозрениями в сотрудничестве с оккупантами и деятельности против партизан [25, л. 21].

Архивные документы содержат немного сведений об активной вооруженной борьбе верующих позднепротестантских общин с оккупантами. К примеру, пресвитер С. Недвецкий прямо говорил в своих проповедях, что власть фашистов скоро кончится и Советская армия вернется. В феврале 1943 г. С. Недвецкий был арестован, обвинен в связях с партизанами и распространении среди населения сводок Информбюро СССР [26, л. 276; 27, с. 215] расстрелян в Вильно [28, л. 59]. Регент хора общины ЕХБ д. Головчицы Дрогичинского района, пресвитер баптистской церкви в Слониме Даниил Ясько, в 1944 г. был арестован немцами и как заложник направлен в концлагерь, но по дороге смог сбежать. Пресвитер общины баптистов г. Гомеля в период оккупации два раза был арестован полицией, дьякон общины д. Габровичи Калинковичского района был арестован полицией и находился под угрозой расстрела в связи с подозрениями в помощи партизанам [29, л. 133, 146].

Основной формой сопротивления для многих верующих в оккупации стали методы ненасильственного сопротивления — антифашистская агитация, сотрудничество с партизанами, помощь беженцам и еврейскому населению. Так, пресвитер ЕХБ д. Зельва В. В. Мозоль в период оккупации оказывал помощь партизанам, передавал им информацию [22, л. 32]. Пресвитер общины евангельских христиан-баптистов из д. Белавичи

Ивацевичского района И. Мажейко, рискуя жизнью, спас еврейского мальчика. После войны Мажейко усыновил и воспитал его [30, л. 107]. Минская община баптистов во главе с пресвитером А. Кецко во время оккупации опекала два детских дома в Минске. Верующие по мере возможности обеспечивали детей едой и одеждой. Учитывая, что в этих детских домах содержались дети из еврейских семей, А. Кецко после войны был признан Праведником народом мира [24, с. 409]. Пресвитер общины баптистов д. Белавичи Ивацевичского района в январе 1942 г. привез для советских военнопленных в концентрационный лагерь под Ивацевичами обоз с едой и одеждой, которые собрали верующие [31, с. 10–11].

Как мы видим, религиозный концепт евангельских христиан и баптистов, основанный на христианской заповеди «не убий» обуславливал пацифистскую позицию верующих этих деноминаций. В условиях мирного времени эта позиция проявлялась в отказе верующих от применения оружия даже в рамках воинской службы. Однако катаклизмы Великой Отечественной войны привели к переосмыслению «военного» вопроса в религиозной концепции и практической жизни в условиях оккупации и тыла для многих верующих и религиозных движений. Политика геноцида, смерти и разрушения, принесенные оккупантами, привели восприятию немецко-фашистских захватчиков не просто как захватчиков, а как врагов Бога, приносящих вред «народу Божию» — верующим, что позволило перейти от концепции радикального пацифизма к концепции сопротивления. Кроме того, мобилизация всего населения на борьбу с захватчиком, применение разнообразных, доступных для верующих методов содействия победе (сбор средств, медицинская помощь, помощь военнопленным, укрытие раненых и евреев, помощь партизанам, труд в тылу и др.) содействовало большей интеграции верующих в светское советское общество и усилению патриотических настроений в евангельско-баптистском сообществе в период Великой Отечественной войны.

Библиографические ссылки

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 8155.
2. Декреты Советской власти. Т 4. М.: Политиздат, 1968. 774 с.
3. *Лисовская Т. В.* Поздний протестантизм в Западной Беларуси (1921–1939 гг.). Брест : Альтернатива, 2021. 190 с.
4. История евангельских христиан-баптистов в СССР. Москва: Издательство ВСЕХБ, 1989. 623 с.
5. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 10.
6. *Рохачевич Е. Б.* Обращение к женщинам — членам общин евангельских христиан и баптистов СССР [Электронный ресурс]. Объединенный государственный архив

Челябинской области. URL: <https://archive74.ru/obrashchenie-k-zhenshchinam---chlenam-obshchin-evangeliskikh-khristian-i-baptistov-sssr> (дата обращения: 24.04.2024).

7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188.

8. *Савинский С. Н.* История евангельских христиан-баптистов Украины, России и Белоруссии (1917–1967). Часть 2. С.-Петербург: Библия для всех, 2001. 242 с.

9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. ОП. 4. Д. 10.

10. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 235.

11. Государственный архив Гомельской области (ГАГо). Ф. 1354. Оп. 4. Д. 2.

12. Государственный архив Брестской области (ГАБр). Ф. 1339. Оп. 2. Д. 19.

13. ГАБр. Ф. 1339. Оп. 2. Д. 16.

14. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 952. Оп. 1. Д. 4.

15. НАРБ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 15.

16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 261.

17. *Шкаровский М. В.* Политика Третьего Рейха по отношению к Русской православной церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов. Сб. документов. М., 2003. 400 с.

18. *Болтрушевич Н. Г.* Религиозная ситуация на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (на примере протестантской конфессии) // Вестник Витебского государственного медицинского университета. Т. 4. № 2. 2005. С. 102–108.

19. Баптизм и баптисты : (социологический очерк) / [С. И. Деришев и др. ; редакторы М. Я. Ленсу, Е. С. Прокошина]; Академия наук Белорусской ССР, Институт философии и права. Издательство: Минск : Наука и техника, 1969. 318 с.

20. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 5.

21. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 4.

22. НАРБ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 7.

23. *Ярмусік, Э.* Рэлігія і царква ў палітыцы нямецкіх акупантаў на Беларусі (1941–1944) // 55 гадоў Перамогі ў ВАВ: погляд праз гады, новыя канцэпцыі і падыходы : матэрыялы навукова-тэарэтычнай канферэнцыі. Мн., 2000. С. 102.

24. *Асаненка П.* Цэрквы евангельскіх хрысціян баптыстаў ва Усходняй Беларусі (1917–канец 1940-х гг.) // Евангельская Царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць (да 500-годдзя Брэсцкай Бібліі) : зборнік матэрыялаў міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7 снежня 2017 г. / Рэдкал. А. І. Бокун [і інш.]. Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2018. С. 407–412.

25. НАРБ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 6.

26. НАРБ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 24.

27. *Русецкі У.* Пастар Станіслаў Нядзвецкі і евангельскае прабуджэнне на паўночным захадзе Беларусі. Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2017. 288 с.

28. НАРБ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 5.

29. НАРБ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 48.

30. НАРБ. Ф. 952. Оп. 2. Д. 52.

31. Красивое сердце // Крыніца жыцця. 2007. № 4. С. 10–11.

ОБРАЗ ГЕРОЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И РАБОТА С НИМ

М. Н. Свинцова

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Ленинградский проспект, 49/2, 125167, г. Москва, Российская Федерация,
MNSvintsova@fa.ru*

Сегодня конструирование исторической памяти — вопрос национальной безопасности и социальная технология, подчиненная политическим целям. Тема Великой Отечественной войны благодатна для манипуляций образами, их содержанием, так как является предметом национальной идентичности, объединяющим российский социум. Эту тему в современной реальности все чаще используют в политических целях. Происходит демонтаж героических образов, которые призваны служить примерами поведения и формировать идеологические, патриотические установки, и замещение их чужеродными идеями и ценностями, разрушающими важные идеологические концепты. Статья посвящена анализу роли образа героя Великой Отечественной войны в современном российском обществе и основных тенденций развития направлений работы с ним.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; информационная война; дегероизация; историческая память.

THE IMAGE OF THE HERO OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE LIFE OF MODERN SOCIETY AND WORK WITH HIM

M. N. Svintsova

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Leningradsky Prospekt, 49/2, 125167, Moscow, Russia, MNSvintsova@fa.ru*

Today, the construction of historical memory is a matter of national security and a social technology subordinated to political goals. The theme of the Great Patriotic War is fertile for manipulating images and their content, as it is a subject of national identity that unites Russian society. In modern reality, this theme is increasingly used for political purposes. There is a dismantling of heroic images that are intended to serve as examples of behavior and form ideological, patriotic attitudes, and their replacement with alien ideas and values that destroy important ideological concepts. The article is devoted to the analysis of the role of the image of the hero of the Great Patriotic War in modern Russian society and the main trends in the development of areas of work with it.

Keywords: The Great Patriotic War; information war; interpretation; historical memory.

Три поколения — время сохранения исторической памяти [1], после чего естественным образом начинается трансформация представлений о прошлом. Следующий 2025 г. — 80-я годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Великий праздник победы добра над злом, который не может и не должен быть забыт. Но нельзя не замечать

явных тенденций ухода в прошлое и обеднения исторической памяти об этом событии в общественном сознании, а особенно образа Великой Отечественной войны в сознании молодежи. Поэтому явной проблемой является сохранение исторической информации для будущих поколений в форме образа события.

Сегодня эта проблема осознается научным сообществом и государством, она перестала быть латентной. Общие методы и механизмы сохранения исторической памяти в историографии общественно-гуманитарных наук последних десяти лет являются одной из ведущих тем наряду с вопросами традиционных ценностей, преемственности поколений, информационной и гибридной войн и т. д.

История, которую мы знаем, факты, которыми мы оперируем при ее воспроизведении, — все это образы, которые сохранили для нас историческая наука и общественное сознание. Это часть культуры общества, ее традиция, богатство и в то же время это живая ее часть, хрупкая в отношении трансформации под влиянием времени и места.

Значение образа исторического события, отдельного героя или образа врага определяется его практической нагрузкой, то есть функцией и «эффективностью» в определенном отрезке исторического процесса. Образ исторических событий, образ героя — это часть мировоззрения, исторического и политического, этнокультурного самосознания народа. Историческая память — одна из составляющих национальной идентичности, а, следовательно, вопрос ее сохранения — это вопрос национальной безопасности, которая в конце концов обеспечивает физическое выживание и защиту нации от внешних угроз. Образ героя служит сохранению единства нации, ее независимости. Образ героя, формируемый в массовом сознании — это образец социального поведения и определенных паттернов социальной жизни, которые должны стать руководством к определенному действию в определенной ситуации, это пример, демонстрирующий проявление должного поведения, фиксирующий ценности общества, идеологические нормы, менталитет.

Безусловно, образы трансформируются, эволюционируют, меняют степень востребованности. Актуален или неактуален образ определяется тем, насколько он реализует текущие и будущие потребности общества. Именно поэтому разные времена и поколения имеют разных героев. Иногда смена смыслов образа героя или врага бывает резкой, вплоть до абсолютной негативизации их смыслов и содержания.

Примеры, образы, имеют сильное воздействие на массовое сознание и чувства народа, поэтому используются в качестве мощного инструмента манипуляций сознанием в политических целях. Эффект есть. Это

настоящая «психоисторическая война», которая ведется как на информационном (искажающем факты истории), концептуальном (где используется насаждение заведомо ложной информации [2] и интерпретации), так и на метафизическом уровнях (здесь уже идет работа над смыслами, ценностями, социальной памятью, процессом разрушения исторической памяти и объединяющих концептов).

Огромный потенциал для воздействия на массовое сознание имеют образы героев Великой Отечественной войны. Большую роль в создании этих образов играет, в первую очередь, историческая наука. Чтобы изученное и описанное в профессиональной исторической литературе событие проникло и закрепилось в исторической памяти, необходимо превратить его в образ, который станет составляющей исторической памяти. Не всегда образ события, запечатленный в исторической памяти народа, совпадает с самим событием. Для конструирования исторической памяти историку нужно создать образ, понятный при воспроизведении в рамках и условиях определенной культурной традиции общества. В современном обществе историк теряет ряд своих функций в вопросе конструирования и воспроизведения исторической памяти, которые берут на себя искусство, интернет, СМИ, телевидение, издательства — научные и популярные, грантодатели, различные организации, оказывающие услуги образовательного и другого характера.

Литература также играет роль в конструировании образа, обеспечивает художественный уровень исторического сознания. Она работает с эмоциями и элементами национальной идентичности. При этом она имеет дополнительный инструмент в виде художественного языка, который, в отличие от академического, получает больший отклик и эффект в деле сохранения образа в исторической памяти социума [3].

Сегодняшняя работа с образами представляет собой целый комплекс социальных технологий по влиянию на массовое сознание. Механизм работы с содержанием образа в общественном сознании в общем виде выглядит как «демонтаж героического наследия», затем «заполнение образовавшегося идеологического вакуума чужеродными концептами и ценностями» [2].

В этом смысле очень активно подвергаются попытке демонтажа героические примеры и образы Великой Отечественной войны — событие, которое определило мировой порядок на вторую половину XX в., сделало неудобной для ряда государств геополитическую реальность, что привело к нечистоплотной в политическом смысле войне ряда государств Запада за сознание человека. Период Великой Отечественной войны становится поводом для подогревания полемики с регулярными ежегодными

информационными всплесками в марте-мае и июне каждого года — День Победы и 22 июня. Ввиду масштабности и в прогрессии растущего контента параллельно с официальной, научной исторической точкой зрения уже сформирована параллельная альтернативная реальность со своими методами, ценностями (антиценностями), которая настолько проработана и распространена, что вновь попадающему в нее человеку она может показаться более реальной. Это постоянно действующая среда.

Сегодня интенсивно подвергаются атаке основные героические характеры, воплощающие зачастую собирательный образ гражданских качеств советского человека, советского государства, власти, ценностей и идей. К примеру, особенно агрессивно в последние 15 лет подвергаются попыткам трансформации образы Маршала Победы Георгия Константиновича Жукова (сыплются обвинения в жестокости, отсутствии полководческого таланта, больших потерях — «мясник», присвоении трофеев), Зои Космодемьянской (обвинение в диверсионной деятельности якобы против местных жителей, психическом расстройстве), попытка реабилитации образов предателей (генерала А. А. Власова) [2].

Обратной стороной этого процесса является создание образа врага, которое является серьезной социальной технологией. История Великой Отечественной войны фальсифицируется с целью представить СССР как химеру, зло, и соответственно, Россию как ее преемницу.

В России с 2010 г. лаборатория «Крибрум», проводит исследование русскоязычных социальных медиа: интернет-СМИ, социальные сети, блоги, форумы. Одно из направлений исследований посвящено процессам формирования исторической памяти. Были выявлены закономерности в ходе явной дискредитации образа Великой Отечественной войны как одного из фундаментальных событий национальной гордости и идентичности:

1. Современный политический фон. Активная информационная кампания по дискредитации образа Победы началась в 2014–2015 гг. сразу после кризиса на Украине. Всплески с очень небольшим временным лагом легко соотносятся и с иными политическими событиями: воссоединение Крыма с Россией, начало СВО и другими.

2. Информационные воздействия через искажение исторических концептов и образов нацелено на разрушение одних и тех же ценностей путем методического многомерного информационного давления на сознание. Часто первоисточниками этих системных атак становятся одни и те же авторы.

3. Анализ географии распространения информационных потоков подобной тематики говорит об импорте повестки из инфополя Украины, Прибалтики и Казахстана в российский сегмент (отмечается стремительная миграция).

4. Кроме дискредитации позитивных героических образов происходит виктимизация образов предателей (генерал А. А. Власов), но широкого отклика у аудитории она не находит [4].

Сегодня в России государство предпринимает комплекс мер по решению названных проблем, связанных с исторической памятью народа о Великой Отечественной войне. В этом плане есть результаты. По данным ВЦИОМ за 2023 г. 98 % россиян считают, что в наши дни важно сохранять память о Великой Отечественной войне. Большая часть россиян называет День Победы самым важным праздником (65 %). Но так было не всегда: 9 Мая возглавляет рейтинг праздников последние пять лет — начиная с 2018 г. До этого, со старта наблюдений в 2006 г., первенство отводилось Новому году [5].

По данным Крибрум к концу 2023 г. есть изменения и в информационной картине в России [6]:

1. Снизились общие показатели дискредитационных материалов в пространстве рунета по теме Великой Отечественной войны, заметно смещение вектора повестки на современные события, а, главное, явная консолидация общества.

2. Негативную повестку о Великой Отечественной войны и активный демонтаж героических образов переняли сообщества и платформы, не имеющие отношения к политической тематике, часто для привлечения аудитории. К 2023 г. этот дискурс почти сошел на нет, всплеск наблюдался в 2022 г. в связи с началом СВО (правда, тут сравнения были и с советско-финской войной на фоне стремления западных стран подтолкнуть Финляндию в НАТО).

3. Снизилось в пространстве рунета такая повестка, как дискредитация образов И. Сталина, Г. Жукова, З. Космодемьянской, Красной Армии вообще, советского солдата, проведение якобы параллелей негативных конструктов (например, «СССР-оккупант в Великой Отечественной войне», а также «Россия-оккупант в СВО»).

Существует при этом идеологический вакуум: прежние герои десакрализируются, а новые современные не так активно закрепляются в общественной памяти, вызывают кратковременный всплеск одобрения в обществе. Это говорит о том, что приводит к отсутствию морально-нравственного ориентира и его произвольное замещение. Требуется продолжение заданного вектора работы. Но новые герои есть: врачи, волонтеры, спортсмены, защитники Родины.

Сохранение памяти о Великой Отечественной войне сегодня не только в руках политиков или историков, но и других профессионалов

гуманитарного поля: политологов, педагогов, правоведов, социологов, специалистов по национальной безопасности, культурологов, философов, психологов. Это вопрос безопасности и существования нашего будущего.

Мы, представители гуманитарного знания, в эпоху междисциплинарности, шагая в ногу со временем и облекая смыслы в новые современные формы, имеем исключительную возможность сохранить историческую память, осуществлять бережное и уважительное отношение к нашему богатому прошлому и, в частности, к событиям Великой Отечественной войны.

Библиографические ссылки

1. Мельникова Е. А. Трансформация исторической памяти: от устной исторической традиции к письменной // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5–1. С. 18–24.

2. Курицын А. Н., Тимонов М. А., Лемэр Л. Г. Демонтаж героических образов / Аналитический центр АО «Крибрум»; научные консультанты: д. э. н. Гребенюк А. А., к. п. н. Ковалева Ю. В. М.: Первое экономическое издательство, 2021. 84 с.

3. Воробьева О. В. Историческая память и профессиональная историография // Преподаватель XXI век. 2015. № 4–2. С. 240–250.

4. Курицын А. Н., Лемэр Л. Г., Ашманов И. С., Гребенюк А. А. Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Манипуляции в социальных медиа. М.: Первое экономическое издательство, 2020. 52 с.

5. День Победы — 2023. Военный парад, георгиевская ленточка и «Бессмертный полк» — главные элементы праздника 9 Мая [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-2023> (дата обращения 30.08.2024).

6. Войны памяти: битва за прошлое. Фальсификации истории. Аналитический отчет проекта «Крибрум». Декабрь 2023 г. 50 с.

УРОЖЕНЦЫ БЕЛАРУСИ В КУРСКОЙ БИТВЕ

В. В. Цыбулько

*Военная академия Республики Беларусь,
пр. Независимости, 220, 220057, г. Минск, Беларусь, evtsybulko@mail.ru*

В статье рассказывается о героизме уроженцев Беларуси в ходе Курской битвы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Курская битва; подвиг; фронт; армия.

NATIVES OF BELARUS IN THE BATTLE OF KURSK

V. V. Tsybulko

*Military Academy of the Republic of Belarus,
Nezavisimosti Ave., 220, 220057, Minsk, Belarus, evtsybulko@mail.ru*

This article tells about the heroism of the natives of Belarus during the Battle of Kursk.

Keyword: Great Patriotic War; Battle of Kursk; feat; front; army.

Курская битва — главное сражение летней кампании 1943 г., продолжавшееся с 5 июля по 23 августа. Для немецко-фашистской стороны Курская битва проходила под кодовым названием «Цитадель», для советской эта битва делилась на три части: Курскую оборонительную, Орловскую и Белгородско-Харьковскую наступательные стратегические операции советских войск.

В ожесточенное столкновение на Курской дуге с обеих противоборствующих сторон были вовлечено огромное количество войск и военной техники — более 4 млн человек, почти 70 тыс. орудий и минометов, более 13 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, до 12 тыс. самолетов. Немецко-фашистское командование в битву бросило более 100 дивизий, что составляло свыше 43 % дивизий, находившихся на советско-германском фронте. Ее основное отличие от всех последующих крупных сражений заключается в том, что именно летом 1943 г. произошел коренной перелом в ходе не только Великой Отечественной, но и Второй мировой войны. Германия перешла от стратегической инициативы к обороне.

В Курской битве, конечно же, принимали участие и уроженцы Беларуси. Например, среди генералов были командующий Западным фронтом Василий Данилович Соколовский, командующий 2-й воздушной армией Степан Акимович Красовский, командующий 47-й армией Павел Петрович Корзун. Были и командиры авиакорпусов — Афанасий Зиновьевич Коровацкий, Алексей Сергеевич Благовещенский, Степан Георгиевич Король, начальники штабов армий — Валентин Антонович

Пеньковский, Александр Григорьевич Батюня, Никита Григорьевич Брилев, Александр Васильевич Петрушевский, командиры дивизий — Иван Антонович Данилович, Даниил Васильевич Казакевич и многие другие. Все имена сложно перечислить.

В ходе этого сражения на оккупированных немцами территориях Беларуси, Украины и России партизаны начали беспрецедентную операцию «Рельсовая война» — внезапные удары по тылам противника, железнодорожным узлам, складам, мостам, подрыв эшелонов. В ходе таких ударов было выведено из строя более 100 железнодорожных мостов, подорвано около 830 эшелонов. По свидетельству немецкой стороны, только из-за действий советских партизан группировка немцев по Курском недополучила 40% снабжения, в первую очередь топливо, боеприпасы, продовольствие и медикаменты [1].

Представим некоторых героев — участников Курской битвы, уроженцев Беларуси.

Герой Советского Союза, полковник *Белявин Емель Самуилович* родился 3 мая 1920 г. в городе Борисове Минской области в семье рабочего. Окончил неполную среднюю школу, а в 1937 г. Минский аэроклуб. До 1938 г. жил и учился в Ташкенте. Работал слесарем на заводе. В Красной армии с 1938 г. В 1939 г. окончил Борисоглебскую школу летчиков. На фронтах Великой Отечественной войны с ноября 1941 г. Воевал в бомбардировочной авиации на Южном, Закавказском, Степном, 2-м и 1-м Украинских фронтах.

Будучи заместителем командира эскадрильи 80-го гвардейского бомбардировочного авиационного полка (1-я гвардейская бомбардировочная авиационная дивизия, 1-й бомбардировочный авиационный корпус, 5-я Воздушная армия, Степной фронт) в звании гвардии старший лейтенант Е. С. Белявин к августу 1943 г. совершил на пикирующем бомбардировщике «Пе-2» сто пятьдесят три успешных боевых вылета на бомбардировку аэродромов, речных переправ, скоплений войск неприятеля, нанеся ему значительный урон в живой силе и боевой технике. В феврале 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР он был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». В последние дни войны, в ходе Берлинской наступательной операции 1945 г., в числе первых с воздуха наносил бомбовые удары по Берлину. За годы войны летчик совершил около 300 успешных боевых вылетов, нанося бомбовые удары по скоплениям гитлеровских войск.

После войны Е. С. Белявин продолжал службу в ВВС. В 1952 г. окончил высшие летно-тактические курсы. В 1972 г. в звании полковника уволился в запас. Награжден орденами Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалями. Жил в Минске. Умер 10 сентября 1972 г.

Герой Советского Союза, сержант Волох Анатолий Александрович родился в 1917 г. в Минске в семье железнодорожника. После окончания железнодорожного ПТУ работал на вагоноремонтном заводе в Минске. В 1938 г. он был призван на военную службу Ленинским районным военным комиссариатом Минска. С 1941 г. на фронтах Великой Отечественной войны. Принимал участие в боях на Юго-Западном и Воронежском фронтах. К августу 1943 г. сержант Анатолий Волох был разведчиком 12-го отдельного разведывательного батальона 2-го танкового корпуса 40-й армии Воронежского фронта. В августе 1943 г. во время одной из разведывательных вылазок сержант Волох захватил в плен немецкого офицера. 21 августа в районе города Зеньков Полтавской области он с группой разведчиков атаковал вражескую колонну машин, захватив в плен машину с офицерами и важными штабными документами противника. Так же в августе 1943 г. в ходе освобождения города Лебедин Сумской области Анатолий Александрович одним из первых на броневике ворвался в город и вступил в бой с превосходящими войсками противника.

В октябре 1943 г. автоматчик 10-го гвардейского отдельного броневомобильного батальона гвардии сержант А. А. Волох погиб в бою. Похоронен в братской могиле в сквере на улице Первогвардейской в городе Лебедин Сумской области. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 г. он посмертно был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Также был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красной Звезды и рядом медалей. В честь Волоха названа улица в городе Минске.

Маршал авиации, Герой Советского Союза *Красовский Степан Акимович* родился 8 августа 1897 г. в селе Глухи Могилевской губернии (ныне Быховский район Могилевской области Беларуси) в многодетной семье крестьянина. В 1911 г. окончил церковно-приходскую школу, в 1915 г. — высшее начальное училище в Быхове. С 1915 г. работал учеником телеграфиста в Селецком почтово-телеграфном отделении. Призван в Русскую императорскую армию в мае 1916 г. Участник Первой мировой войны определился со своим жизненным выбором еще до начала Гражданской войны, вступив в Красную гвардию в октябре 1917 г. С 1918 г. служил в Красной армии.

До 1925 г. С. А. Красовский продолжал службу в авиации РККА (ВВС) ВС СССР на должностях комиссара авиаотрядов. В 1926 г. окончил курсы усовершенствования начальствующего состава ВВС при Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского. В декабре 1927 г. был назначен командиром и военкомом 3-го авиаотряда. В 1936 г. окончил Военно-воздушную академию имени Н. Е. Жуковского, командовал 253-й штурмовой

авиабригадой, тяжелым бомбардировочным авиакорпусом, районом авиационного базирования в Ленинградском военном округе. Участник советско-финской войны 1939–1940 гг. в должности командующего ВВС 14-й армии и одновременно командира Мурманской авиабригады. С июня 1941 г. — командующий ВВС Северо-Кавказского военного округа.

На фронтах Великой Отечественной войны с августа 1941 г., когда Степан Акимович был назначен командующим ВВС 56-й армии. Далее проходил службу в должностях — командующий ВВС Брянского фронта, командующий 2-й воздушной армией, командующий ВВС Юго-Западного фронта, командующий 17-й воздушной армией. С марта 1943 г. до конца войны, вновь командующий 2-й воздушной армией, которой руководил и в ходе Курской битвы. За умелое руководство воздушной армией, личное мужество и отвагу генерал-полковнику авиации С. А. Красовскому было присвоено звание Героя Советского Союза указом от 29 мая 1945 г.

После войны С. А. Красовский проходил службу на различных командных должностях в ВВС. С апреля 1956 г. по май 1968 г. — начальник Военно-воздушной академии. С октября 1968 г. в отставке. Жил в Москве. Умер 21 апреля 1983 г. Похоронен на Монинском мемориальном военном кладбище в поселке Монино Московской области.

Генерал-лейтенант *Корзун Павел Петрович* — командующий армиями в годы Великой Отечественной войны — родился 27 августа 1892 г. в селе Клешево, ныне Слуцкого района Минской области. В императорской армии служил с октября 1913 г., участник Первой мировой войны. В Красную армию вступил в апреле 1918 г. в Витебске. В 1920 г. окончил Объединенную кавалерийскую школу при штабе Восточного фронта. В 1924 г. Павел Петрович окончил Высшую кавалерийскую школу в Ленинграде и с сентября этого года командовал кавалерийскими полками. В 1936 г. окончил особый факультет Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе. С августа 1937 г. — командир кавалерийской дивизии, в дальнейшем командир мотострелковой дивизии.

С началом Великой Отечественной войны П. П. Корзун участвовал в боевых действиях. Командовал мотострелковой дивизией, проходил службу заместителем по тылу командующего армией, командиром кавалерийского корпуса. С мая 1942 г. по июль 1943 г. — командующий 3-й армией Брянского фронта. В начале августа 1943 г. П. П. Корзун был назначен командующим 47-й армией Воронежского фронта. В ходе Белгородско-Харьковской наступательной операции Курской битвы армия под его командованием сыграла важную роль в отражении немецких контрударов в районе Ахтырки.

16 сентября 1943 г. при освобождении Левобережной Украины генерал-лейтенант Корзун погиб при подрыве на mine его машины на прифронтовой дороге у села Березовая Лука Полтавской области. Похоронен в городском парке города Гадяч. Награжден 2 орденами Красного Знамени, орденом «Бухарской Красной Звезды и полумесяца» 2-й степени и рядом медалей. Именем П. П. Корзуна названа улица в г. Слуцк.

Генерал-лейтенант авиации *Каравацкий Афанасий Зиновьевич* — участник Гражданской и Великой Отечественной войн, командир 3-го бомбардировочного авиационного корпуса во время Великой Отечественной войны — родился 2 февраля 1902 г. в бедной крестьянской семье в селе Корниловка Могилевской губернии. После учебы в сельской школе окончил двухклассное училище в селе Соине. В годы Гражданской войны в октябре 1919 г. добровольно поступил в РККА. В январе 1920 г. приступил к обучению на военно-тактических курсах Западного фронта, затем в Ленинградской военно-теоретической школе. По окончании школы служил краснофлотцем на Балтийском флоте, продолжил обучение на курсах Черноморского флота, в Водолазной школе Балтийского флота, курсах состава. А. З. Каравацкий пришел в авиацию, поступив в Ленинградскую военно-теоретическую школу ВВС РККА, затем продолжил обучение в 1-й военной школе летчиков им. А. Ф. Мясникова, Серпуховской высшей школе стрельбы, бомбометания и воздушного боя. В октябре 1932 г. поступил на КУНС ВВС РККА в Московском военном округе, после окончания, которых в мае 1933 г. был назначен командиром бомбардировочной авиационной эскадрильи.

А. З. Каравацкий — участник Великой Отечественной войны. Дивизия под его командованием участвовала в боевых действиях на Западном, Северо-Западном и Юго-Западном фронтах, на Крымском и Северо-Кавказском фронтах. В ноябре 1942 г. он был назначен командиром вновь формируемого бомбардировочного авиационного корпуса. Корпус в составе 16-й Воздушной армии участвовал в Курской битве.

После войны продолжал командовать этим же корпусом. С июня 1954 г. в запасе. Награжден 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1 степени, 2 орденами Суворова 2 степени, орденом Кутузова 2 степени. Проживал в Симферополе. Умер 3 марта 1980 г. в Симферополе.

Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза *Соколовский Василий Данилович* в Курской битве участвовал в должности командующего Западным фронтом. Он родился 9 июля 1897 г. в деревне Козлики Белостокского уезда (ныне Гродненская область) в семье крестьян-бедняков. В 1905 г. окончил церковно-приходскую школу и с этого года работал

поденщиком на кожевенном заводе в Заблудово. В 1912 г. с отличием окончил двухклассную учительскую школу, а в 1918 г. Невельскую учительскую семинарию.

Во время Гражданской войны на военной службе в Красной армии с февраля 1918 г., вступил в нее добровольцем. В мае 1918 г. окончил 1-е Московские военно-инструкторские курсы. С октября 1918 г. по июнь 1919 г. — слушатель первого набора Военной академии РККА. С декабря 1919 г. по июнь 1920 г. — слушатель старшего курса академии. С ноября 1920 г. по октябрь 1921 г. — вновь слушатель академии, и в конце 1921 г. окончил Военную академию РККА в числе трех лучших выпускников. Воевал на Восточном, Южном и Кавказском фронтах. Занимал должности командира роты, адъютанта полка, помощника командира полка, командира полка, старшего помощника начальника штаба стрелковой дивизии, командира бригады, начальника штаба группы войск, командира стрелковой дивизии, командующего Ферганской группы войск.

С мая 1935 г. по апрель 1938 г. В. Д. Соколовский — начальник штаба Уральского военного округа, а с апреля 1938 г. по февраль 1941 г. — начальник штаба Московского военного округа. С февраля по июнь 1941 г. он являлся вторым заместителем начальника Генерального штаба РККА.

Участник Великой Отечественной войны с первого до последнего дня.

В Великую Отечественную войну полководец занимал должности начальника штаба Западного фронта, начальника штаба западного направления, командующего войсками Западного фронта, начальника штаба 1-го Украинского фронта, заместителя командующего 1-м Белорусским фронтом. За умелое руководство боевыми действиями войск в Берлинской операции Василий Данилович удостоен звания Героя Советского Союза. В ходе Курской битвы он был командующим войсками Западного фронта. За умелое руководство боевыми действиями войск в Берлинской операции удостоен звания Героя Советского Союза.

После войны выполнял обязанности заместителя главнокомандующего, затем главнокомандующего Группой советских войск в Германии, первого заместителя министра обороны СССР, начальника Генерального штаба — первого заместителя военного министра. Награжден 8 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 3 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, 3 орденами Кутузова 1-й степени, медалями, а также иностранными орденами и медалями, Почетным оружием.

Скончался В. Д. Соколовский 10 мая 1968 г. Урна с его прахом находится в некрополе у Кремлевской стены на Красной площади в Москве [2].

Одним из важнейших факторов победы в Курской битве являлся героизм бойцов и командиров, многонациональной страны, проявивших

небывалую стойкость в обороне и решительность в наступлении. Бои на Курской дуге покрыли неувядаемой славой целые подразделения, воинские части и соединения. Многие из воинов были удостоены звания Героя Советского Союза. В том числе и уроженцы Беларуси. Их подвиги навечно останутся в сердцах потомков, всегда будут являться символом бесстрашия, мужества и самопожертвования во имя Отчизны.

Библиографические ссылки

1. Марат Жилинский. Под Курском 70 лет назад решалась судьба Беларуси и многих других стран, 2013 [Электронный ресурс] // БЕЛТА. URL: <https://www.belta.by/interview/view/pod-kurskom-70-let-nazad-reshalas-sudba-belarusi-i-mnogih-drugih-stran-4006> (дата обращения: 18.08.2024).

2. Жилин Виталий Александрович. Курская битва: хроника, факты, люди. Книга 1 [Электронный ресурс] // ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/251763> (дата обращения: 18.08.2024).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Приветственное слово проректора по научной работе БГУ профессора А. В. Блохина.....	5
Приветственное слово декана исторического факультета БГУ профессора А. Г. Кохановского	6

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Цемушаў С. М.</i> Да пытання пра час пачатку дзяржаўнасці на беларускіх землях.....	8
<i>Ларин М. В.</i> Документоведение в цифровую эпоху.....	16

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ТРАДИЦИЙ

<i>Вайтовіч А. У.</i> «Наш уважаемый учитель народного училища И. А. Сербов»: хоцімскі перыяд жыцця выбітнага этнографа і археолага (1892–1903)	23
<i>Дзянісаў А. У.</i> Функцыянер і краязнавец. Удзел дацэнта БДУ А. А. Сянкевіча ў краязнаўчым руху БССР у 1920–1930-я гг.	31
<i>Довматович К. Д.</i> История Великого Княжества Литовского в студенческой аудитории Института красной профессуры в середине 1930-х гг.: лекция в контексте историографического измерения.....	41
<i>Евтухов И. О.</i> Белорусские корни российского университетоведения: викентий васьильевич игнатович (1803–1869).....	48
<i>Ершова О. И.</i> Местные органы управления народным образованием в БССР в 1920–1930 гг.	54
<i>Квашко И. В.</i> Вопросы развития системы образования и науки БССР в деятельностисекретариата ЦК КПБ (1952–1954).....	61
<i>Кухаренко А. А.</i> Совершенствование научно-исследовательской деятельности студентов как фактора развития системы подготовки Научных работников высшей квалификации в УВО Республики Беларусь.....	69

<i>Ландина Л. В.</i> В. И. Пичета о характере российской государственности раннего нового времени (по материалам НА ИРИ РАН)	74
<i>Мозолева О. С.</i> Цифровые технологии в историческом исследовании и образовании	80
<i>Ореховская Н. А.</i> Формирование гражданственности через усиления роли гуманитарного образования	86
<i>Приборович А. А.</i> Социальная сеть Инстаграм как площадка формирования имиджа кафедры университета	94
<i>Шевченко О. В.</i> Аспекты процесса гуманитарного образования	99
<i>Шумский И. И.</i> Доклад «Нация в опасности» как исторический источник по американской системе образования	104
<i>Яноўскі А. А.</i> Замежныя і старажытныя мовы ў падрыхтоўцы студэнтаў БДУ (1921–1941)	109

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Багинский Н. В.</i> Историографический анализ кальпасутры: исследования и интерпретации XIX–начала XX в.	124
<i>Беляева А. В.</i> Место Конгресса во внешнеполитическом курсе США в отношении Китая (1993–2021).	131
<i>Блашков Ю. А.</i> Становление в России системы военных поселений (1810–1816). Нужны ли поиски выявления зарубежных образцов?	137
<i>Довгялло М. С.</i> Взаимоотношения Российской Федерации и Союзной Республики Югославия во время боснийского кризиса (1992–1995)	143
<i>Хуаишэн Е</i> Воплощение конфуцианской системы ценностей в пьесе «Пипа Цзи» Гао Мина	150
<i>Ерашэвіч А. У.</i> Праблема адчужэння прыватнай нерухомай маёмасці пры будаўніцтве шляхоў зносінаў на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. (фінансавы аспект)	156
<i>Ефременко И. А.</i> Культ непобедимого солнца как культ римских императоров	164
<i>Закрочинский Н. А.</i> Крестовые походы в хрониках Жана Фруассара: теория, практика, идеалы	168
<i>Козленко А. В.</i> Римские пленники варваров	174

<i>Коновалов Д. А.</i> Консульство Германской империи во Львове и Украинское национальное движение (1902–1914)	180
<i>Королик М. В.</i> Пять принципов мирного сосуществования и их влияние на формирование концепции Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества»	185
<i>Косяк Н. А.</i> Использование образа Эмомали Рахмона в исторической политике Республики Таджикистан	192
<i>Кошелева Н. В.</i> Трансформация мусульманской благотворительности в США: вызовы и перспективы	198
<i>Li Yi</i> Summary of research on ritual architecture in Qin and Han Dynasties	206
<i>Лясун В. И.</i> Обвинительные речи Гильёма де Ногаре и Гильёма де Плезиана против Бонифация VIII	210
<i>Орлова Н. Е.</i> Состояние народного просвещения в Англии в середине XIX в.	217
<i>Петров Е. А.</i> Политика Саддама Хуссейна в отношении шиитской общины Ирака (1979–2003)	227
<i>Ровина А. С.</i> Французская пресса эпохи Наполеона Бонапарта.....	234
<i>Рубисов Д. О.</i> Участие князя Олельки Владимировича в жизни Киевской митрополии в 1441–1451 гг.	240
<i>Русецкая У. Д.</i> Українська перьядыка ў нацыянальным дыскурсе Расійскай імперыі (1905–1914).....	248
<i>Саватеева Д. В.</i> Социально-экономическое развитие ФРГ в начале XXI в.....	254
<i>Сальков А. П.</i> Московское перемирие с Болгарией 28 октября 1944 г. и военно-политическое положение на Востоке Балкан.....	258
<i>Смирнова Е. Д.</i> Карл IV Люксембург: власть и культура.....	267
<i>Хроленок Е. В.</i> Малороссийское ополчение на Стародубщине. Опыт использования пограничной специфики региона (1812–1814).....	275
<i>Чеченев И. О.</i> Влияние экономического кризиса 1980-х гг. в Венесуэле на формирование боливарианского движения.....	282
<i>Шабасова М. А.</i> Советские проекты урбанизации и их реализация в 1920-е – 1930-е гг.	289
<i>Шымак А. К.</i> Грыгарыянская рэформа касцёла і ўсходнеславянскія землі	298

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИЯ В ИСТОЧНИКАХ, НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИННОВАЦИЯХ

<i>Бохан Ф. Ю.</i> Форма палітычнай барацьбы магнацкай групойкі Сапегаў у 1696–1702 гг. ў Вялікім Княстве Літоўскім	304
<i>Бригадина О. В.</i> Белорусская эмиграция в США и Канаде (1940-е – 1970-е гг.): проблемы культурно-национальной идентификации в иноязычной среде	311
<i>Грибко И. Л.</i> Минская дума в 1905 г.	319
<i>Дзянісава А. Р.</i> Праваслаўе і каталіцтва ў Вялікім Княстве Літоўскім у канцы XIV – сярэдзіне XVI ст.	325
<i>Захарыч В. І.</i> Апека родаў Палубінскіх і Сапегаў над дамініканскім кляштарам у Дзярэчыне ў XVII–XVIII ст.	332
<i>Кімбар А. У.</i> Школьныя нонканфармісцкія суполкі на тэрыторыі БССР у 1944–1954 гг.	340
<i>Киселев А. А.</i> Социальный состав чиновников городской полиции белорусских губерний в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в.	347
<i>Кротов А. М.</i> Ассимиляторская политика Польши в Западной Беларуси в межвоенный период как фактор роста этнополитического самосознания белорусов	353
<i>Любы А. У.</i> Біяграфія Яна Тэадора Майделя як ляснічага белавежскага і камянецкага	361
<i>Макарэвіч В. С.</i> Архіўная рэформа 1852 г. у заходніх губернях Расійскай імперыі	367
<i>Мох Е. Н.</i> Народный комиссариат (Министерство) просвещения БССР в борьбе с детской беспризорностью (1944–1956)	371
<i>Петюкевич Т. В.</i> «Губит людей не пиво...»: борьба с пьянством в БССР в период НЭПа (1921–1928)	376
<i>Поляк Н. А.</i> Актуальные направления исследований истории рабочего класса БССР в конце 50-х – начале 80-х гг. XX в.	382
<i>Страленя Г. А.</i> Падрыхтоўка да ўвядзення пасады земскіх начальнікаў у Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях	387
<i>Сосна У. А.</i> Сяляне Беларусі ва ўмовах Вялікай Паўночнай вайны	393
<i>Хомич Д. А.</i> Вклад Республиканской партийной школы в подготовку руководящих кадров БССР в 1946–1948 гг.	400
<i>Чекулаева А. С.</i> Вопросы гуманитарного взаимодействия Республики Беларусь и Китайской Народной Республики в китайской историографии	404

<i>Шалькевич В. Д.</i> Белорусская диаспора в Словакии в 1918–1939 гг.: формирование и интеграция в словацкое общество.....	410
<i>Шарая О. Н.</i> Особенности влияния реформ XVI в. в Великом княжестве Литовском на изменение уклада жизни крестьянского населения.....	415
<i>Янушевич И. И.</i> Хозяйственная деятельность религиозных организаций в объективе антирелигиозной пропаганды (1917–1941)....	420

АРХИВ И ДОКУМЕНТ В КУЛЬТУРЕ, НАУКЕ, ОБРАЗОВАНИИ И ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

<i>Бароўская В. М.</i> Фонды Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь як крыніца па вывучэнні беларуска-польскіх культурных сувязей у 1921–1939 гг.	427
<i>Иванова В. С.</i> Рамантыка дакумента ў кантэксце архіўнай педагогікі і папулярызацыі архіўных дакументаў	433
<i>Кононова П. Е., Монзуль В. Ю., Юркевич О. Ю.</i> История присвоения Государственного знака качества СССР белорусской продукции в 1960–1980-е гг. (по документам Национального архива Республики Беларусь).....	441
<i>Михальченко С. И.</i> Неопубликованные письма 1920-х гг. С. К. Маковского Е. А. Ляцкому	448
<i>Недашкова А. А.</i> Перспективы и инновационные подходы к развитию документоведения как научной дисциплине.....	453
<i>Поддевалина Я. А.</i> Трактоўка паняття «электронны дакументааборот».....	459
<i>Суровцева Н. Г.</i> Теоретические подходы и практические решения хранения электронных документов (опыт Российской Федерации).....	464
<i>Талалуева К. И.</i> Документальные источники Национального архива Республики Беларусь об участии женщин в социально-экономической и общественно-политической жизни БССР (1945–1954).....	473

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БЕЛАРУСИ

<i>Гарбачова В. В.</i> Баўленне вольнага часу ў шляхецкім асяроддзі ў канцы XVIII–пачатку XIX ст.: крыніцазнаўчы аспект.....	479
<i>Гужалоўскі А. А.</i> Музеі БССР ў эпоху перабудовы (1985–1991).....	486
<i>Елинская М. М.</i> Из истории развития наградной системы БССР.....	493

<i>Казак О. Г.</i> Проблема литовского национального меньшинства в Островецком районе Гродненской области БССР в позднесоветский период.....	502
<i>Колас Р. А.</i> Адлюстраванне беларуска-татарскіх міжэтнічных стасункаў у этнамоўных працэсах Беларусі XIX ст.	507
<i>Латушкін А. М.</i> Паходжанне і змест гістарычнага паняцця «пяцігорскія чаркасы» ў гістарычных крыніцах ранняга новага часу і яго значэнне для даследавання гісторыі адыгаў у Вялікім Княстве Літоўскім у другой палове XVI – першай палове XVII стст.: пастаноўка праблемы.....	514
<i>Синьмэй Линь, Томашева И. Г.</i> Селадоны в экспозиции Национального художественного музея Республики Беларусь: уточнение атрибуции....	525
<i>Міхайлец М. А.</i> Дыятанічныя цымбалы пастаўшчыны: сучасны стан і праблемы захавання.....	531
<i>Новогродский Т. А.</i> Этнознаковые элементы традиционной культуры питания и их роль в формировании и развитии этнической идентичности белорусов	540
<i>Олюнина И. В.</i> Этнокультурное наследие Беларуси как фактор развития событийного туризма	545
<i>Плющай Н. С.</i> Белорусская вытинанка — история и современность.....	550

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В НАУЧНОМ ПОНИМАНИИ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ И ТРАДИЦИЯХ УВЕКОВЕЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О НАРОДЕ-ПОБЕДИТЕЛЕ

<i>Богданович А. Б., Каркин Ю. В.</i> Фашистский геноцид на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.....	555
<i>Брилева Т. И.</i> Переселение белорусского населения из Польши в Минскую область в 1944–1947 гг.	561
<i>Козак К. И.</i> Мировые войны в истории полесской деревни Ольшаны: архивный информационный ресурс	567
<i>Лисовская Т. В.</i> Война в религиозной концепции, социальной позиции и деятельности евангельских христиан и баптистов Беларуси (1941–1945).....	573
<i>Свинцова М. Н.</i> Образ Героя Великой Отечественной войны в жизни современного общества и работа с ним	581
<i>Цыбулько В. В.</i> Уроженцы Беларуси в Курской битве.....	587

Научное издание

**ПИЧЕТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2024.
ИСТОРИЯ: НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ПАМЯТЬ**

**Материалы
международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию исторического факультета
Белорусского государственного университета**

Минск, 25 октября 2024 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *В. В. Ретин*
Дизайн обложки *Д. Н. Бузун*
Компьютерная верстка *Д. Н. Бузун*

Подписано в печать 09.12.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 34,87. Уч.-изд. л. 36,37.
Тираж 40 экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика